СОЧИНЕНІЯ

ПУШКИНА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ
ПОРТРЕТА, СНИМКОВЪ СЪ ЕГО ПОЧЕРКА И СЪ ЕГО РИСУНКОВЪ, И ПРОЧ

ТОМЪ ПЯТЫЙ

Изданіе П. В. Анненкова

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1855

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 1-го Ноября 1854 года.

Цензоръ *А. Фрейганъ.*

Въ типографіи Эдуарда Праца

lib.pushkinskijdom.ru

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ВЪ ПРОЗѢ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЗАПИСКИ А. С. ПУШКИНА.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

ЗАПИСКИ А. С. ПУШКИНА.

I.

РОДОСЛОВНАЯ ПУШКИНЫХЪ И ГАННИБАЛОВЫХЪ (a).

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки, и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою біографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ; я въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностію дружбы или короткаго знакомства. Теперь какая-то торжественность меня окружаетъ (b), и вѣроятно будетъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей — за то буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣе живы, то болѣе достовѣрны.

Избравъ себя лицемъ, около котораго постараюсь собрать другія лица, болѣе достойныя замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

Мы ведемъ свой родъ отъ Прусскаго выходца *Радши* или *Рачи (мужа честна*, говоритъ лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго), въѣхавшаго въ Россію во время княженія Св. Александра Ярославича Невскаго. Отъ него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Повадовы, Каменскіе, Бутурлины, Кологри-

lib.pushkinskijdom.ru

вовы, Шереметиновы и Товарковы. Имена (c) предковъ моихъ встрѣчаются поминутно въ нашей Исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Григорій Гавриловичъ Пушкинъ (d) принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ, въ эпоху Самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, *сдѣлалъ честно свое дѣло*. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ, подъ соборнымъ дѣяніемъ — объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ Первомъ, сынъ его, стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичъ, уличенъ былъ въ заговорѣ противу Государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковнинымъ. Прадѣдъ мой, Александръ Петровичъ, былъ женатъ на меньшой дочери графа Головина, перваго Андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ (e). Единственный сынъ его, Левъ Александровичъ, служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 году, при вступленіи на престолъ Екатерины II, посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ (f).

Родословная матери моей весьма любопытна (g). Дѣдъ ея былъ Негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ въ 1707 году, съ Польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи именованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года, Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ Государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, потомъ

lib.pushkinskijdom.ru

посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во Французскую службу; во время Испанской войны, былъ въ голову раненъ, *въ одномъ подземномъ сраженіи* (сказано въ рукописной его біографіи), и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяніи большаго свѣта. Петръ Первый неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганнибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ Государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію, или оставаться во Франціи; но что, во всякомъ случаѣ, онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Тронутый Ганнибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать. Государь пожаловалъ Ганнибала въ бомбардирскую роту Преображенскаго полка капитанъ-лейтенантомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея капитаномъ. Это было въ 1722 году.

Послѣ смерти Петра Великаго, судьба Ганнибала перемѣнилась. Меньшиковъ, опасаясь его вліянія на Императора Петра II, нашелъ способъ удалить его отъ Двора. Ганнибалъ былъ переименованъ въ маіоры Тобольскаго гарнизона и посланъ въ Сибирь съ препорученіемъ измѣрить Китайскую стѣну. Ганнибалъ пробылъ тамъ нѣсколько времени и самовольно возвратился въ Петербургъ, узнавъ о паденіи Меньшикова, и надѣясь на покровительство князей Долгорукихъ, съ которыми былъ онъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣстна. Минихъ спасъ Ганнибала, отправя его тайно въ Ревельскую деревню, гдѣ и жилъ онъ около десяти лѣтъ, въ помянутомъ безпокойствѣ. До самой кончины своей, онъ не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика. Когда Императрица Елисавета взошла на престолъ, тогда Ганнибалъ написалъ ей Евангельскія слова: «помяни мя, егда пріидеши во царствіе твое.» Елисавета тотчасъ призвала его ко Двору, произвела въ бригадиры, и вскорѣ потомъ въ генералъ-маіоры и въ генералъ-аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ губерніяхъ Псковской и Петербургской — въ первой: Зуево,

lib.pushkinskijdom.ru

Боръ, Петровское и другія; во второй: Кобрино, Суйду и Танцы; также деревню *Раголу*, близь Ревеля, въ которомъ нѣсколько времени былъ онъ оберъ-комендантомъ. При Петрѣ III вышелъ онъ въ отставку и умеръ философомъ (говоритъ его Нѣмецкій біографъ), въ 1781 году, на 93-мъ году своей жизни. Онъ написалъ было свои записки на Французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго страха, коему былъ подверженъ, велѣлъ ихъ сжечь вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными бумагами (h).

Старшій сынъ, Иванъ Абрамовичъ, столь же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу, вопреки волѣ родителя, отличился, и ползая на колѣняхъ, выпросилъ отцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ распоряжалъ брандерами и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донынѣ уважаются въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня оправдала Ганнибала и надѣла на него Александровскую ленту; но онъ оставилъ службу и съ тѣхъ поръ жилъ по большой части въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочими и Суворовымъ, который при немъ оставлялъ свои проказы, и котораго принималъ онъ не завѣшивая зеркалъ и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичъ (i), служилъ во флотѣ и женился на Маріѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери Тамбовскаго воеводы, роднаго брата дѣду отца моего (который доводится внучатнымъ братомъ моей матери), и сей бракъ (k) былъ несчастливъ: онъ кончился разводомъ. Дѣдъ мой умеръ въ 1707 году (l), въ своей Псковской деревнѣ. Одиннадцать лѣтъ послѣ того, бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

II.

ОСТАТКИ ЗАПИСОКЪ [АВТОБІОГРАФІИ] ПУШКИНА.

Болѣзнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто; ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія — одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всей поэтической своей прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года (а). Первые восемь томовъ Русской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постелѣ съ жадностію и со вниманіемъ. Появленіе сей книги (какъ и быть надлежало) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 3,000 экземпляровъ разошлись въ одинъ мѣсяцъ (чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ). — примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать Исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Коломбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать на счетъ духа и слога Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная, при мнѣ, открывъ II-ю часть, прочла въ слухъ: *Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его.... Однако!....* зачѣмъ не но? Однако! какъ это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карам-

lib.pushkinskijdom.ru

зина? Однако! — Въ журналахъ его не критиковали. К. бросился на одно предисловіе.

—

У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина, за что никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12-ть лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Ноты Русской Исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Молодые Якобинцы негодовали на историіографа за его умѣренность; они забывали, что Карамзинъ (который, впрочемъ, былъ убѣжденъ въ необходимости для Россіи самодержавія, внѣ коего нѣтъ или по крайней мѣрѣ долго, долго не будетъ для нея безопасности) печаталъ Исторію свою въ Россіи; что Государь, освободивъ его отъ цензуры, симъ знакомъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, полагалъ на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умѣренности. Онъ разсказывалъ со всею вѣрностію историка, онъ вездѣ ссылался на источники; чего жъ болѣе требовать было отъ историка? Повторяю, что *Исторія Государства Россійскаго* есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. . . . . .

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ письменно критиковали Карамзина. М., молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе, или введеніе: предисловіе!... О., въ письмѣ къ В...., пѣнялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи Славянъ*, т. е. требовалъ романа въ исторіи — ново и смѣло! Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне временъ Тарквинія, непонимающіе *спасительной монархіи*, и Брутъ, осуждающій на смерть своихъ сыновъ, *ибо рѣдко основатели республикъ славятся нѣжною*

lib.pushkinskijdom.ru

чувствительностію, конечно, были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ эпиграммъ; это не лучшая черта моей жизни.

—

2-го апрѣля вечеръ провелъ у Н. Д. Прелестная Гречанка. Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью Греками, я одинъ говорилъ какъ Грекъ; всѣ отчаявались въ успѣхѣ предпріятія *Этеріи*. Я твердо увѣренъ, что Грецiя восторжествуетъ, и 25,000,000 Турковъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владимiреско не имѣетъ другаго достоинства, кромѣ храбрости необыкновенной — храбрости достанетъ и у Ипсиланти.

—

3-го. Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жиды: они наполняли тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли тамъ живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; совсѣмъ тѣмъ ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіанъ и потому во сто кратъ благочинніе всѣхъ.

—

Читалъ сегодня посланіе князя Вяземскаго къ Ж. Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость; но что за звуки! *Кому былъ Фебъ изъ Русскихъ ласковъ* — неожиданная рифма Херасковъ не примиряетъ меня съ такой какофоніей. Баратынскій — прелесть (b).

—

Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы

lib.pushkinskijdom.ru

взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дождаться его и поцѣловать руку, руку, написавшую Водопадъ. Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ, братецъ, здѣсь вытти? Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавши голову рукою; лице его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ Русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспоминанія въ Ц. С.*, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ.... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять.... Меня искали, но не нашли....

—

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразные, многосложные характеры. У Мольера скупой скупъ — и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, смѣтливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женою своего благодѣтеля, лицемѣря; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣря;

lib.pushkinskijdom.ru

спрашиваетъ стаканъ воды, лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостію, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджело лицемѣръ, потому-что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! А какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но нигдѣ, можетъ быть, многосторонній геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханаліи. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе; смолоду, вѣроятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ трусъ, но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью ухищрённой и насмѣшливой; онъ хвастливъ по привычкѣ и по расчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ; напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, нерѣдко видавшаго хорошее общество. Правилъ нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему нужно крѣпкое Испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только бъ не на явную опасность.

Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе. *** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у своихъ пріятельницъ, не успѣвъ быть ни рогатымъ супругомъ, ни отцемъ семейства. Сколько сценъ, потерянныхъ для кисти Шекспира!

lib.pushkinskijdom.ru

Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехъ-лѣтній сынокъ его, вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды, въ его отсутствіи, повторялъ про себя: «какой папенька хлаблій! какъ папеньку Государь любитъ!» Мальчика подслушали и кликнули. «Кто тебѣ это сказалъ, Володя?» — Папенька, отвѣчалъ Володя.

—

Я познакомился съ однимъ г. Д... на Кавказѣ въ 1829 г., возвращаясь изъ Арзрума (с). Онъ лечился отъ какой то удивительной болѣзни, въ родѣ каталепсіи, и игралъ съ утра до ночи въ карты. Наконецъ онъ проигрался, и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ. Д. помѣшанъ былъ на одномъ пунктѣ: ему непремѣнно хотѣлось имѣть сто тысячь рублей. Всевозможные способы достать ихъ были имъ придуманы и передуманы. Иногда ночью, въ дорогѣ, онъ будилъ меня вопросомъ: «Александръ Сергѣевичъ! Александръ Сергѣевичъ! какъ бы, думаете вы, достать мнѣ сто тысячь?» Однажды сказалъ я ему, что на его мѣстѣ, если ужъ сто тысячь были необходимы, то я бы ихъ укралъ. «Я объ этомъ думалъ», отвѣчалъ мнѣ Д. — Ну, что же? — «Мудрено; не у всякаго въ карманѣ можно найти сто тысячь, а зарѣзать или обокрасть человѣка за бездѣлицу не хочу, у меня есть совѣсть. Не знаете ли вы инаго способа?» — Просите денегъ у Государя. — «Я объ этомъ думалъ.» — Что же? — «Я даже и просилъ.» — Какъ! безо всякаго права? — «Я съ того и началъ: «Ваше Величество! я никакого права не имѣю просить у Васъ то, что составило бы счастіе моей жизни; но, Ваше Величество, на милость образца нѣтъ, и такъ далѣе.» — Что же вамъ отвѣчали? — «Ничего.» — Это удивительно. Вы бы обратились къ Ротшильду. — «Я объ этомъ думалъ.» — Что же, зачѣмъ дѣло стало? — «Да видите ли: одинъ способъ выманить у Ротшильда сто тысячь; это было бы такъ странно и такъ забавно: надобно бы написать ему просьбу, чтобъ ему было весело, потомъ разсказать анекдотъ, который стоилъ бы ста тысячь. Но сколько труд-

lib.pushkinskijdom.ru

ностей!»... Словомъ, нельзя было придумать несообразности и нелѣпости, о которой бы Д. уже не подумалъ. Послѣдній проектъ его былъ выманить эти деньги у Англичанъ, подстрекнувъ ихъ народное самолюбіе и въ надеждѣ на ихъ любовь къ странностямъ. Онъ хотѣлъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ письмомъ: «Гг. Англичане! я бился объ закладъ объ 10,000 рублей, что вы не откажетесь мнѣ дать взаймы 100,000 рублей. Гг. Англичане! избавьте меня отъ проигрыша, на который навязался я, въ надеждѣ на ваше, всему свѣту извѣстное, великодушіе.» Д. просилъ меня похлопотать объ этомъ въ Петербургѣ чрезъ Англійскаго посланника, и свой проектъ высказалъ мнѣ не иначе, какъ взявъ съ меня честное слово не воспользоваться имъ. Онъ готовъ былъ всегда биться объ закладъ, и о чемъ бы то ни было. Говорили ли о женщинѣ? Хотите со мной биться объ закладъ, прерывалъ Д., что черезъ три дня она меня полюбитъ? Стрѣляли ли въ цѣль изъ пистолета? Д. предлагалъ стать въ 25-ти шагахъ и бился о 1,000 рублей, что вы въ него не попадете. Недавно получилъ я отъ него письмо. Онъ пишетъ мнѣ: «исторія моя коротка; я женился, а денегъ все нѣтъ.» Я отвѣчалъ ему: «жалѣю, что изо 100,000 способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще, видно, вамъ не удался.»

—

Дельвигъ родился въ Москвѣ (1798 года....). Отецъ его, умершій генералъ-маіоромъ въ 182.. году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой.

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ Царскосельской Лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдаш-

lib.pushkinskijdom.ru

нихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказывать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостію ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямодушію. Дельвигъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ будто бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіи какой-нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизустъ собраніе Русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ коментаріемъ. Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго села и разговоры съ товарищами, коихъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію. Оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юно-

lib.pushkinskijdom.ru

шу, между-тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо. Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!

III.

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ.

1.

Одна дама сказывала мнѣ, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ бы приноравливаясь къ слабости женскаго понятія, то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обличаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли почитать женщинъ, которыя такъ часто поражаютъ насъ быстротою понятія и тонкостію чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, гдѣ царствовала Екатерина II, и гдѣ женщины вообще болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ за Европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы, гордые, Богъ вѣдаетъ, почему?

—

Езуитъ Посевинъ, столь извѣстный въ нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макіавелевой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертный Флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Conringius, издавшій *Il principe* въ 1660 году, доказалъ, что Посевинъ никогда не читалъ Макіавеля, а толковалъ о немъ по наслышкѣ.

—

lib.pushkinskijdom.ru

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе Чальдъ-Гарольда. Два раза Байронъ пытался бороться съ великаномъ романтической поэзіи — и остался хромъ, какъ Іаковъ.

—

Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говаривалъ: «чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе.»

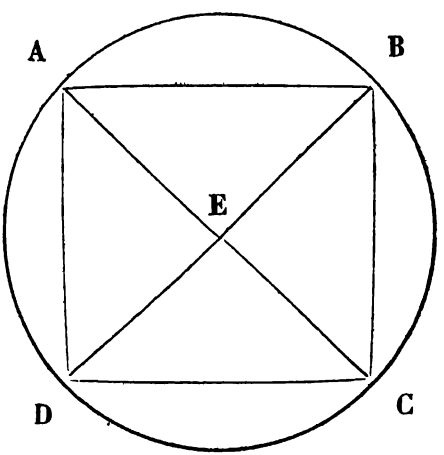
—

Отелло отъ природы не ревнивъ; напротивъ, онъ довѣрчивъ. Вольтеръ это понялъ, и, развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ:

Je ne suis point jaloux....
Si je l'étais jamais!...

—

Форма цыфръ Арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры.



AD (1), ABDC (2), ABECD (3), ABD+AE (4) и проч.
Римскія цыфры составлены по тому же образцу.

—

lib.pushkinskijdom.ru

Какой-то лордъ, извѣстный лѣнивецъ, для своего сына пародировалъ извѣстное изрѣченіе: «не дѣлай никогда самъ то, что можешь заставить сдѣлать чрезъ другаго.» N., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: «не дѣлай никогда для другаго то, что можешь сдѣлать для себя.»

—

Многіе негодуютъ на журнальную критику за дурной ея тонъ, незнаніе приличія и тому подобное: неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и пріобрѣтать навыкъ къ суетной образованности, подобно праздному жителю большаго свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогу добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшонъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

—

Будемъ справедливы: Г*** нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастіи предъ знатными; напротивъ, мы готовы обвинить его въ юношеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвыхъ, и отношенія къ живымъ.

—

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ.... (говоритъ Макіавель, сей великій знатокъ природы человѣческой).

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюминиля, и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

lib.pushkinskijdom.ru

2.

Истинный вкусъ состоитъ не въ безотчетномъ отверженіи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности.

—

Ученый безъ дарованія подобенъ тому бѣдному Муллѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, думая исполниться духа Магометова.

—

Однообразность въ писателѣ доказываетъ односторонность ума, хоть, можетъ быть, и глубокомысленнаго.

—

Жалуются на равнодушіе рускихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какая же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностію самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ изкажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ риѳму. Вслушивайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія.... Исключенія рѣдки.

—

Мнѣ пришла въ голову мысль, говорите вы: не можетъ быть. Нѣтъ, N. N., вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не такъ.

—

lib.pushkinskijdom.ru

Чѣмъ болѣе мы холодны, разчетливы, осмотрительны, тѣмъ менѣе подвергаемся нападеніямъ насмѣшки. Эгоизмъ можетъ быть отвратительнымъ, но онъ не смѣшонъ, ибо отмѣнно благоразуменъ. Однако, есть люди, которые любятъ себя съ такою нѣжностію, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности.

—

Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ.

—

Примѣры невѣжливости.

Въ нѣкоторомъ Азіатскомъ народѣ, мужчины каждый день, возставъ отъ сна, благодарятъ Бога, создавшаго ихъ не женщинами.

Магометъ оспориваетъ у дамъ существованіе души.

Во Франціи, въ землѣ, прославленной своею учтивостію, грамматика торжественно провозгласила мужескій родъ благороднѣйшимъ.

Стихотворецъ отдалъ свою трагедію на разсмотрѣніе извѣстному критику. Въ рукописи находился стихъ:

Я человѣкъ и шла путями заблужденій....

Критикъ подчеркнулъ стихъ, усомнясь, можетъ ли женщина называться человѣкомъ. Это напоминаетъ извѣстное рѣшеніе: женщина не человѣкъ, курица не птица, прапорщикъ не офицеръ.

Даже люди, выдающіе себя за усерднѣйшихъ почитателей прекраснаго пола, не предполагаютъ въ женщинахъ ума, равнаго нашему, и, приноравливаясь къ слабости ихъ понятія, издаютъ ученыя книжки для дамъ, какъ будто для дѣтей, и т. п.

—

lib.pushkinskijdom.ru

Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше Высокопревосходительство! меня Александръ Петровичъ такъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ.» — «Какъ же, братецъ? — отвѣчалъ ему Шуваловъ — у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую.» — «Ахъ, Ваше Высокопревосходительство, вы имѣете резонъ», отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону. Тредьяковскому не разъ случалось быть битымъ. Въ дѣлѣ Волынскаго сказано, что сей однажды въ какой-то праздникъ потребовалъ оду у придворнаго піиты Василія Тредьяковскаго; но ода была не готова, и пылкій Статсъ-Секретарь наказалъ тростію оплошнаго стихотворца.

—

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ говорилъ гордо: пускай въ стихахъ моихъ найдется безсмыслица, за то ужь прозы не найдется. Байронъ не могъ изъяснить нѣкоторые свои стихи. Есть два рода безсмыслицы: одна произходитъ отъ недостатка чувствъ и мыслей, замѣняемаго словами; другая — отъ полноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія.

—

«Все, что превышаетъ геометрію, превышаетъ насъ», сказалъ Паскаль и вслѣдствіе того написалъ свои философическія мысли.

—

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи.... Что это значитъ? Можно ли сказать, что хорошій завтракъ лучше дурной погоды?

—

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux. Хорошо было сказать это въ первый разъ; но какъ можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служитъ осно-

lib.pushkinskijdom.ru

ваніемъ поверхностной критикѣ литературныхъ скептиковъ; но скептицизмъ во всякомъ случаѣ есть только первый шагъ умствованія. Впрочемъ, нѣкто замѣтилъ, что и Вольтеръ не сказалъ: également bons.

—

Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка и еще неизданной, о какомъ-то рускомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего рускаго театра, и еще неигранной и ненапечатанной. Забавная словесность!

—

Л., состарѣвшійся волокита, говорилъ: Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral.

—

Вдохновеніе есть разположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи.

—

Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятіе о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности жертвовать всѣмъ для поддержанія какого-нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду Царскому свои родословныя распри. Юный Ѳеодоръ, уничтоживъ сію спѣсивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились ни могучій Іоаннъ III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ.

—

lib.pushkinskijdom.ru

Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе. «Государственное правило — говоритъ Карамзинъ — ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному.» Греки въ самомъ своемъ униженіи помнили славное происхожденіе свое и тѣмъ самымъ уже были достойны своего освобожденія.... Можетъ ли быть порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ сей, утвержденный демократической завистію нѣкоторыхъ философовъ, служитъ только къ разпространенію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!

—

Байронъ говорилъ, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видалъ бы собственными глазами. Однако жь, въ Донъ Жуанѣ описываетъ онъ Россію; за то примѣтны нѣкоторыя погрѣшности противу мѣстности. Напримѣръ, онъ говоритъ о грязи улицъ Измаила; Донъ Жуанъ отправляется въ Петербургъ *въ кибиткѣ, безпокойной повозкѣ безъ рессоръ, по дурной, каменистой дорогѣ.* Измаилъ взятъ былъ зимою, въ жестокій морозъ. На улицахъ, непріятельскія трупы прикрыты были снѣгомъ, и побѣдитель ѣхалъ по нимъ, удивляясь опрятности города: «помилуй Богъ, какъ чисто!».... Зимняя кибитка не безпокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другія ошибки, болѣе важныя. — Байронъ много читалъ и разспрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ ея новѣйшую исторію. Въ своихъ поэмахъ онъ часто говоритъ о Россіи, о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сарданапаловъ напоминаетъ извѣстную, политическую коррикатуру, изданную въ Варшавѣ во время Суворовскихъ войнъ. Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Петра Ве-

lib.pushkinskijdom.ru

ликаго. Въ 1813 году, Байронъ намѣревался черезъ Персію пріѣхать на Кавказъ.

—

Тонкость не доказываетъ еще ума. Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость рѣдко соединяется съ геніемъ, обыкновенно простодушнымъ, и съ великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ.

Не знаю гдѣ, но не у насъ,
Достопочтенный лордъ Мидасъ,
Съ душой посредственной и низкой, —
Чтобъ не упасть дорогой склизкой,
Ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
И сталъ извѣстный господинъ.
Еще два слова объ Мидасѣ:
Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
Глубокихъ замысловъ и думъ;
Имѣлъ онъ не блестящій умъ,
Душой не слишкомъ былъ отваженъ;
За то былъ сухъ, учтивъ и важенъ.
Льстецы героя моего,
Не зная, какъ хвалить его,
Провозгласить рѣшились тонкимъ, и проч.

Пушкинъ.

—

Coquette, prude. Слово кокетка обрусѣло, но prude не переведено и не вошло еще въ употребленіе. Слово это означаетъ женщину, чрезмѣрно щекотливую въ своихъ понятіяхъ о чести (женской) — недотрогу. Таковое свойство предполагаетъ нечистоту воображенія, отвратительную въ женщинѣ, особенно молодой. Пожилой женщинѣ позволяется многое знать и многаго опасаться, но невинность есть лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ, прилично или смѣшно, или несносно.

—

lib.pushkinskijdom.ru

Нѣкоторые люди не заботятся ни о славѣ, ни о бѣдствіяхъ отечества, его исторію знаютъ только со времени князя Потемкина, имѣютъ нѣкоторое понятіе о статистикѣ только той губерніи, въ которой находятся ихъ помѣстья; совсѣмъ тѣмъ почитаютъ себя патріотами, потому-что любятъ ботвинью и что дѣти ихъ бѣгаютъ въ красной рубашкѣ.

—

Должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: не оскорбляйте же глупцовъ.

—

Появленіе Исторіи Государства Россійскаго (какъ и надлежало быть) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. 3,000 экземпляровъ разошлись въ одинъ мѣсяцъ, чего не ожидалъ и самъ Карамзинъ. Свѣтскіе люди бросились читать исторію своего отечества. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени нигдѣ ни о чемъ иномъ не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать; они были въ состояніи отучить хоть кого отъ охоты къ славѣ. Одна дама (впрочемъ очень милая), при мнѣ открывъ вторую часть, прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако жь, не любилъ его.... «*Однако!* за чѣмъ не *но?* однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?» — Въ журналахъ его не критиковали: у насъ никто не въ состояніи изслѣдовать, оцѣнить огромное созданіе Карамзина. К... бросился на предисловіе. Н., молодой человѣкъ умный и пылкій, разобралъ предисловіе (предисловіе!) М. въ письмѣ къ В. пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ своего творенія не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи Славянъ, т. е. требовалъ отъ историка не исторіи, а чего-то другаго. Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита-Ливія слогомъ Карамзина; за то

lib.pushkinskijdom.ru

почти никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ, во время самыхъ лестныхъ успѣховъ, и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Примѣчанія къ Русской Исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно заключенъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Многіе забывали, что Карамзинъ печаталъ свою Исторію въ Россіи. Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

—

Французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила.

IV.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Если въ теченіе 16-ти лѣтней авторской жизни, я никогда не отвѣчалъ ни на одну критику (неговорю ужъ о ругательствахъ), то сіе происходило, конечно, не изъ презрѣнія.

Состояніе критики само по себѣ показываетъ степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналовъ нашихъ достаточны для насъ, то изъ сего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ еще нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ. Презирать критику значило бы презирать публику (чего Боже сохрани!). Какъ наша словесность съ гордостію можетъ выставить передъ Европою Исторію Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басенъ, поэмъ, переводъ Иліады, нѣсколько цвѣтовъ элегической поэзіи, такъ и наша критика можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія. Но онѣ являлись отдѣльно, въ разстояніи одна

lib.pushkinskijdom.ru

отъ другой, и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло.

Не отвѣчалъ я моимъ критикамъ не потому также, чтобъ не доставало во мнѣ веселости и педантства, не потому, чтобъ я не полагалъ въ сихъ критикахъ никакого вліянія на читающую публику: мнѣ совѣстно было идти судиться передъ публикою и стараться насмѣшить ее (къ чему ни малѣйшей не имѣю склонности); мнѣ было совѣстно, для опроверженія критикъ, повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ; оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, а что всего затруднительнѣе — важно говорить: Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons. Ибо критики наши говорятъ обыкновенно: хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь.

Еще причина, и главная: лѣность. Никогда не могъ я до того разсердиться на непонятливость или недобросовѣстность, чтобъ взять перо и приняться за возраженія и доказательства. Нынче, въ несносные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарищей, вздумалъ я, для препровожденія времени, писать возраженія не на критики (на это никакъ не могу рѣшиться), но на обвиненія не литературныя, которыя нынче въ большой модѣ. Смѣю увѣрить моего читателя (если Господь пошлетъ мнѣ читателя), что глупѣе сего занятія отъ роду ничего не могъ я выдумать.

—

Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ даже насъ и не смѣшатъ. Сравнивая Шекспира съ Байрономъ, недавно одинъ изъ нашихъ критиковъ считалъ по пальцамъ, гдѣ болѣе мертвыхъ. Но что сказали бы мы, прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Федры, если бъ, къ несчастію, написалъ ее Русскій и въ наше время? Извольте. «Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго г-мъ сочинителемъ: женщина замужняя, мать семейства, влюблена въ молодаго олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ

lib.pushkinskijdom.ru

глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!!). Сего не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, взноситъ на невиннаго Ипполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить!!! Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына (!!), послѣ чего Ипполита разбиваютъ лошади (!!!); Федра отравливается; ея гнусная наперсница утопляется и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые, и проч. (тутъ личности и ругательства). Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ! Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ!»

Но должно ли и можно ли серьёзно отвѣчать на таковыя критики, хотя бъ онѣ были писаны и по-Латинѣ? Не такъ ли, хотя и болѣе кудрявымъ слогомъ, разбираютъ онѣ каждый день сочиненія, конечно, не равныя достоинствомъ произведеніямъ Расина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе оныхъ въ нравственномъ отношеніи? А пріятели называютъ этотъ вздоръ глубокомысліемъ.

Если бъ Недоросль, сей единственный памятникъ народной сатиры, явился въ наше время, то въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Фонвизина, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранитъ Палашку *канальей* и *собачьей дочерью*, а себя сравниваетъ съ сукою (!!). «Что скажутъ дамы, воскликнулъ бы критикъ? вѣдь эта комедія можетъ попасться дамамъ!» Въ самомъ дѣлѣ странно. Что за нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ бы, какъ бы послушать! А дамы наши (Богъ имъ судья) ихъ и не слушаютъ и не читаютъ; а читаютъ этого грубаго В. Скотта, который никакъ не умѣетъ замѣнить просторѣчіе, простомысліемъ.

—

Кстати! Началъ я писать съ 13-ти-лѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить,

lib.pushkinskijdom.ru

какъ недостойное даже и моего дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ, на совѣсти моей По крайней мѣрѣ, не долженъ я отвѣчать за перепечатаніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы. Въ альманахѣ изданномъ г-мъ Б. Федоровымъ, между найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими, напечатана идиллія, писанная слогомъ переписчика стиховъ г-на П—ва. Г-нъ Бестужевъ (a), въ предисловіи какого-то альманаха, благодаритъ какого-то Ап. за доставленіе стихотвореній, объявляя, что не всѣ удостоились напечатанія.

—

Г-нъ Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами (b), поправлять ихъ по-своему и отсылать въ альманахъ г. Б. вмѣстѣ съ собственными произведеніями. Стихи, преданные мною забвенію или написанные не для печати (напримѣръ: *Она мила, скажу межъ нами),* простительно мнѣ было написать на 19-мъ году, но непростительно признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ (напримѣръ, *Посланіе къ Ю).*

—

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной статьи въ Вѣстникѣ Европы, въ которой ее побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмы, кажется, не было объ ней сказано худаго слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за нѣкоторыя, слегка сладострастныя описанія, за стихи, мною выпущенные во второмъ изданіи.

О страшный видъ! волшебникъ хилой
Ласкаетъ сморщенной рукой etc,

за вступленіе, не помню, которой пѣсни:

Напрасно вы въ тѣни таились etc,

и за пародію *Двенадцати спящихъ дѣвъ.* За послѣднее можно

lib.pushkinskijdom.ru

было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Не простительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе. Были прочіе упреки, довольно пустые. Есть ли въ Русланѣ хоть одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями, хоть, напримѣръ, Аріоста, о которомъ поминутно твердили мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень, очень смягченное подражаніе Аріосту.

—

Кавказскій Плѣнникъ. Первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но за то Н. и А. Р. и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.

—

Бахчисарайскій Фонтанъ слабѣе Плѣнника, и какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. А. Р. хохоталъ надъ слѣдующими стихами:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю — и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безумiемъ вокругъ,
Бьѣднѣетъ etc.

Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама.

—

lib.pushkinskijdom.ru

Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что не вѣроятно, чтобы скованные вмѣстѣ разбойники могли переплыть рѣку. Все это происшествіе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославлѣ.

—

О *Цыганахъ* одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Р. негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. В. повторилъ тоже замѣчаніе. (Р. просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе.) Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: **ma tanto meglio.**

—

Въ Вѣстникѣ Европы съ негодованіемъ говорили о сравненіи Нулина съ котомъ, цапцарапствующимъ кошку («забавный глаголъ: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствуетъ»). Правда, во всемъ Графѣ Нулинѣ этого сравненія не находится, также, какъ и глагола цапцарапствую, но хоть бы и было, что за бѣда?

—

Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его безнравственнымъ, разумѣется, въ журналахъ (въ свѣтѣ приняли его благосклонно) и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человѣкъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ отъ нея пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣть писать такія отвратительныя гадости? Авторъ спрашивалъ, что́ бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали Петербургскія дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бѣдной сказкѣ (писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ): под-

lib.pushkinskijdom.ru

няли противъ меня всю классическую древность и всю Европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ, вѣрю, что графъ Нулинъ точно кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И уже ли творцы шутливыхъ повѣстей: Аріостъ, Бокачьо, Лафонтенъ, Касти, Спенсеръ, Чаусеръ, Виландъ, Байронъ, извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Уже ли, по крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмитріева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить Душеньку въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать «*Модную жену*», сей прелестный образецъ легкаго и шутливаго разсказа? А эротическія стихотворенія Державина, невиннаго, великаго Державина? Но отстранивъ неравенство поэтическаго достоинства, Графъ Нулинъ долженъ имъ уступить и въ вольности, и въ живости шутокъ.

Эти гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-ти лѣтняя племянница, у другаго 15-ти лѣтняя знакомая, и все, что, по благоусмотрѣнію родителей, не дозволяется имъ читать, превозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для 16-ти лѣтнихъ дѣвушекъ! Благоразумный наставникъ, вѣроятно, не дастъ въ руки ни имъ, ни даже ихъ братцамъ, ни единаго изъ полныхъ сочиненій классическаго поэта, особенно древняго; на то издаются хрестоматіи, выбранныя мѣста и т. п.; но публика не 15-ти-лѣтняя дѣвица и не 13-ти-лѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена и эклогу добраго Виргилія и все, что про себя читаютъ сами гг. критики, если критики наши что-нибудь читаютъ, кромѣ корректурныхъ листовъ своихъ журналовъ.

Всѣ эти господа, столь щекотливые на счетъ благопристойности, напоминаютъ стыдливость Тартюфа, накидывающаго платокъ на открытую грудь Доримы и заслуживаютъ забавное возраженіе горничной....

—

lib.pushkinskijdom.ru

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлію или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастіе или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе.

—

Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ. Это дѣлаетъ имъ честь: я былъ далеко, и въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. По привычкѣ, полагали меня все еще очень молодымъ человѣкомъ. Первыя непріязненныя статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни *Евгенія Онѣгина*. Разборъ сихъ главъ, напечатанный въ Атенеѣ, удивилъ меня хорошимъ тономъ, хорошимъ слогомъ и странностію привязокъ. Самыя обыкновенныя риторическія фигуры и тропы останавливали критика; напримѣръ: «можно ли сказать *стаканъ шипитъ*, вмѣсто *вино шипитъ въ стаканѣ? Каминъ дышитъ*, вмѣсто *паръ идетъ изъ камина?* Не слишкомъ ли смѣло *ревнивое подозрѣніе? невѣрный ледъ?* Какъ думаете, что̀ бы такое значило:

Мальчишки
Коньками звучно рѣжутъ ледъ?»

Критикъ догадывался, однакожъ, что это значитъ: мальчишки бѣгаютъ по льду на конькахъ.

Вмѣсто:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
(Задумавъ плыть по лону водъ)
Ступаетъ бережно на ледъ.

Критикъ читалъ:

lib.pushkinskijdom.ru

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
Задумалъ плыть....

и справедливо замѣчалъ, что не далеко уплывешь на красныхъ лапкахъ.

—

Г-нъ Б. Ѳедоровъ, въ журналѣ, который началъ было издавать, разбирая довольно благосклонно IV и V главы Онѣгина, замѣтилъ, однакожъ, мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряду начинаются у меня частицею *ужъ*, что и называлъ *ужами*, а что въ риторикѣ зовется *единоначатіемъ*. Осудилъ онъ также слово *корова*, и выговорилъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ, назвалъ *дѣвчонками* (что, конечно, не учтиво), между тѣмъ, какъ простую деревенскую дѣвку называлъ *дѣвою:*

Въ избушкѣ распѣвая, дѣва прядетъ.

—

Стихъ: *Два вѣка ссорить не хочу,* критику показался неправильнымъ. Что гласитъ грамматика? Что дѣйствительный глаголъ съ отрицательною частицею требуетъ не винительнаго, а родительнаго падежа; напримѣръ: *я не пишу стиховъ.* Но въ моемъ стихѣ частица *не* относится къ глаголу «*хочу*», а не къ «*ссорить*». Ergo правило сюда нейдетъ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее предложеніе: я не хочу вамъ позволить начать писать *стихи,* а ужь, конечно, не *стиховъ.* Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цѣпь глаголовъ и отозваться въ существительномъ? Не думаю.

Кстати о грамматикѣ. Я пишу *Цыганы,* а не *Цыгане, Татаре,* а не *Татары.* Почему? Потому что всѣ имена существительныя, кончащіяся на *анинъ, янинъ, аринъ* и *яринъ,* имѣютъ свой родительный во множественномъ на *анъ, янъ, аръ* и *яръ;* а именительный множественнаго на *ане, яне, аре* и *яре.* Всѣ же существительныя, кончащіяся на *анъ* и *янъ, аръ* и *яръ,* имѣютъ во

lib.pushkinskijdom.ru

множественномъ именительный на *аны*, *яны*, *ары* и *яры*, а родительный на *ановъ*, *яновъ*, *аровъ*, *яровъ*.

Единственное исключеніе: имена собственныя. Потомки г-на Булгарина будутъ г-да Булгарины, а не Булгаре.

—

Нѣкоторыя стихотворческія вольности: послѣ отрицательной частицы *не* — винительный, а не родительный падежъ; времянъ, вмѣсто временъ (какъ, напримѣръ, у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владиміра времянъ....),

приводили критика моего въ великое недоумѣніе; но болѣе всего раздражалъ его стихъ:

Людскую молвь и конскій топъ.

«Такъ ли изъясняемся мы, учившіеся по старинамъ грамматикамъ? можно ли такъ коверкать Русскій языкъ?» Надъ этимъ стихомъ жестоко потомъ посмѣялись и въ Вѣстникѣ Европы. *Молвь* (рѣчь) слово коренное Русское. *Топъ* вмѣсто *топотъ* (слѣдственно, и *хлопъ* вмѣсто *хлопаніе*) вовсе непротивно духу Русскаго языка, какъ и *шипъ* вмѣсто *шипѣніе:*

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.
(Древ. Русскія стихотвор.)

На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а взятъ цѣликомъ изъ Русской сказки:

«И вышелъ онъ за ворота градскія, и услышалъ конскій топъ и людскую молвь.»
Бова Королевичъ.

Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ Русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ.

—

Шестой пѣсни Онѣгина не разбирали, даже не замѣтили въ Вѣстникѣ Европы Латинской опечатки. Кстати: съ тѣхъ поръ,

lib.pushkinskijdom.ru

какъ вышелъ изъ Лицея, я не раскрывалъ Латинской книги и совершенно забылъ Латинскій языкъ. Жизнь коротка; перечитывать нѣкогда. Замѣчательныя книги тѣснятся одна за другой, а никто нынче по-Латинѣ ихъ не пишетъ. Въ XIV столѣтіи, на оборотъ, Латинскій языкъ былъ необходимъ, и справедливо почитался первымъ признакомъ образованнаго человѣка.

—

Критику VII пѣсни въ Сѣверной Пчелѣ пробѣжалъ я въ гостяхъ и въ такую минуту, когда было мнѣ не до Онѣгина.... Я замѣтилъ только очень хорошо написанные стихи, и довольно смѣшную шутку *объ жукѣ*. У меня сказано:

Былъ вечеръ. Небо мрачно. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Критикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ отъ него характера, лучше выдержаннаго прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія, или мысли критической не было. Другихъ критиковъ я не читалъ, ибо, право, мнѣ было не до нихъ.

—

Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію. Что есть строфы въ Онѣгинѣ, которыя я не могъ, или не хотѣлъ напечатать — этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, онѣ прерываютъ связь разсказа, и поэтому означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало. Лучше было бы замѣнять эти строфы другими, или переплавлять и сплавливать мною сохраненныя.

Но виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смиренно сознаюсь также, что въ *Донъ Жуанѣ* есть двѣ выпущенныя строфы!

—

Между прочими литературными обвиненіями, укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною Евгенія Онѣгина и видѣли въ ней

lib.pushkinskijdom.ru

ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто отъ роду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять тоже милое обвиненіе издатели Сѣверной Пчелы? Цѣна установляется не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній, число требователей ограниченно. Оно состоитъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя платятъ по пяти рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, положимъ, цѣлое изданіе по рублю экземпляръ, все-таки продавали бъ по пяти рублей. Правда, въ такомъ случаѣ авторъ могъ бы приступить ко второму, дешевому изданію, но книгопродавецъ могъ бы тогда самъ понизить свою цѣну, и такимъ образомъ уронить новое изданіе. Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны. Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстіе автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. Спрашиваю: что выгоднѣе, напечатать 20,000 экземпляровъ одной книги и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія Басенъ Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта (le plus national et le plus populaire), не противорѣчитъ нами сказанному. Басни (какъ и романы) читаетъ и литераторъ, и купецъ, и свѣтскій человѣкъ, и дамы, и горничныя, и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи. А много ли ихъ?

—

У насъ довольно трудно самому автору узнать впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ сочиненіемъ его (с). Отъ журналовъ узнаетъ онъ только мнѣніе издателей, на которое положиться невозможно по многимъ причинамъ. Мнѣніе друзей, разумѣется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станутъ ему въ глаза бранить его произведеніе, хотя бы оно того и стоило.

При появленіи VII пѣсни Онѣгина журналы вообще отозвались объ ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно имъ повѣрилъ, если бы ихъ приговоръ не слишкомъ ужь противорѣчилъ тому,

lib.pushkinskijdom.ru

что говорили они о прежнихъ главахъ моего романа. Послѣ неумѣренныхъ и незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали шесть частей одного и того же сочиненія, странно было мнѣ читать неумѣренную брань и личности, которыми, такъ называемые, судіи наши встрѣтили седьмую.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII глава не могла имѣть никакого успѣха, ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое (т. е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ и науки, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, но поэзія остается на одномъ мѣстѣ: цѣль ея одна, средства тѣ же. Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно — виновато ужь вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.

Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны — и между тѣмъ, какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не теряетъ своей младости.

Вѣроятно, критикъ хотѣлъ сказать, что Евгеній Онѣгинъ и весь его причетъ уже не новость для публики, и что онъ надоѣлъ и ей, какъ журналистамъ.

Какъ бы то ни было, рѣшусь искусить терпѣніе. Вотъ еще двѣ главы Евгенія Онѣгина — послѣднія, по крайней мѣрѣ для печати. Тѣ, которые стали бы въ нихъ искать занимательности происшествій, могутъ быть увѣрены, что въ нихъ еще менѣе дѣйствія, нежели во всѣхъ предшествовавшихъ. Осьмую главу я хотѣлъ было вовсе уничтожить и замѣнить одной римскою цифрою, но побоялся критики; къ тому же многіе отрывки изъ оной были уже напечатаны.

—

Шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный анекдотъ: «Въ Лицеѣ одинъ

lib.pushkinskijdom.ru

изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянутъ, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всѣму Лицею:

Ха, ха, ха, хи, хи, хи,
Д— пишетъ стихи.

Каково же было намъ, Д. и мнѣ, въ прошломъ 1830 году (d), въ первой книжкѣ важнаго Вѣстника Европы, найти слѣдующую шутку: «Альманахъ Сѣверные Цвѣты раздѣляется на прозу и стихи — хи, хи!» Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! Сего не довольно. Это хи, хи, показалось видно столь затѣйливымъ, что его перепечатали съ большой похвалой въ Сѣверной Пчелѣ:

«Хи, хи, какъ весьма остроумно сказано было въ Вѣстникѣ Европы, etc.»

—

Молодой Кирѣевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: древняя муза его покрывается иногда душегрѣйкою новѣйшаго уныніа. Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда унынiе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Но какая имъ оттого прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы, а малое число любителей вѣритъ наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнѣніямъ и безпристрастію критики.

—

Habent sua fata libelli. *Полтава* не имѣла успѣха. Можетъ быть, она его и не стоила, но я былъ избалованъ пріемомъ, ока-

lib.pushkinskijdom.ru

заннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ. Журналы взялись объяснить мнѣ причину тому. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отъ роду не видано, чтобъ женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи (Матрены) Кочубеевой къ старому Гетману (впрочемъ, исторически доказанная) не могла существовать.

«Такъ чтожъ, что ты Честонъ? хоть знаю, да не вѣрю.»

Этимъ я не могъ удовольствоваться: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю ужь о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ; я вспомнилъ преданія миѳологическія, превращенія Овидіевы, Леду, Пазифаю, Олимпію, Пигмаліона, и принужденъ былъ признаться, что всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи, или, справедливѣе, ей принадлежатъ. А Отелло, старый негръ, плѣнившій Дездемону разсказами о своихъ странствіяхъ и битвахъ?... Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа *злой* и *глупый старичишка* (старичишка, вмѣсто старикъ — ради затѣйливости). Что я изобразилъ Мазепу *злымъ*, въ томъ я каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особенно въ минуту, какъ онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной. *Глупость* человѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ. Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь-въ-точь какъ и въ исторіи. Рѣчи объясняютъ его историческій характеръ. Не довольно, если критикъ и рѣшитъ, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо; не худо, если онъ чѣмъ-нибудь это и докажетъ. Потомъ замѣтили мнѣ, что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ; что Малороссійскій Гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганіе усовъ мстить не захочетъ; опять исторія, опроверженная литературною критикою, опять: *хоть знаю, да не вѣрю.*

Мазепа, воспитанный въ Европѣ, въ то время, какъ понятія о дворянской чести были въ высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытный, жестокій, постоянный. Дернуть Поляка или казака за усы, все равно было, что хватить Россіянина за бороду. Хмѣльницкій, за всѣ обиды, претерпѣнныя, повинится, отъ Чернецкаго, полу-

lib.pushkinskijdom.ru

чилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Конисскаго).

Потомъ слѣдовала критика мелочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть; слова: *усы, визжать, вставай, разсѣтаетъ, ого, пора,* показались критикамъ *низкими, бурлацкими.* Никогда не пожертвую краткостію выраженія провинціальной чопорности, бояся казаться простонароднымъ для славянофиловъ, или т. п.

Старый Гетманъ, предвидя неудачу, въ моей поэмѣ, бранитъ молодаго Карла и называетъ его мальчикомъ и сумасшедшимъ. Критики важно укоряли меня въ неосновательномъ мнѣніи о Шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ чему не былъ привязанъ; критики ссылались на *собственныя* слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ ее

Больше славы, больше власти.

Такъ понимали они драматическое искусство!

Въ Вѣстникѣ Европы замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я ее Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Справедливо. Но была тутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій фонтанъ въ рукописи названъ былъ Гаремомъ; но меланхолическій эпиграфъ (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнилъ меня.

—

Говоря о Полтавѣ, критики упомянули, однакожъ, о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его, или, справедливѣе, какъ не понимали!

Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной человѣка, связаннаго на дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, конечно, поэтическая. И за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Какое пламенное созданіе! какая широкая кисть!

Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго характера, который проявляется во

lib.pushkinskijdom.ru

всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, но котораго (на бѣду моихъ критиковъ) въ Мазепѣ именно и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ; онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе. Вотъ и все. Если же бы подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то, вѣроятно, никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего предмета.

—

Прочитавъ въ первый разъ стихи (e):

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную ихъ дочь,

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры — и немудрено, и невеликодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно. Однакожъ, какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость.... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы — вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все.

—

Вѣроятно, трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главныя сцены напечатаны, или искажены въ подражаніяхъ.

—

Китайскій анекдотъ. Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса грамотѣевъ написалъ

lib.pushkinskijdom.ru

трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ мандаринамъ. Другой грамотѣй (слѣдуютъ китайскія ругательства) или подслушалъ трагедію изъ прихожей, что говорятъ за нимъ важивалось, или тихонько взялъ рукопись изъ шкатулки мандарина (что въ старину также съ нимъ случалось), склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ. Грамотѣй-трагикъ, человѣкъ ловкій и безпокойный, но смирный, поворчавъ немного, оставилъ было въ покоѣ похитителя; но грамотѣй-романистъ, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изо всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъ образомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фанъ-хи въ совѣстный пекинскій судъ, и проч. и проч.

—

Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Г***.

—

Какъ надобно писать: *Турковъ*, или *Турокъ?* то и другое правильно. Турокъ и Турка равно употребительны.

—

Многіе пишутъ: *юпка, сватьба.* Никогда въ производныхъ словахъ *т* не перемѣняется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говоримъ *юбочница, свадебный.*

—

lib.pushkinskijdom.ru

У насъ многіе (между прочимъ и г-нъ Каченовскій, котораго, кажется, нельзя упрекнуть въ незнаніи Русскаго языка) спрягаютъ: рѣшаю, рѣшаешь, рѣшаетъ — рѣшаемъ, рѣшаете, рѣшаютъ, вмѣсто рѣшу, рѣшишь и проч. Рѣшу спрягается, какъ грѣшу.

—

Иностранныя собственныя имена, кончащіяся на *е*, *и*, *о*, не склоняются. Кончащіяся на *а*, *ъ* и *ь* склоняются въ мужескомъ родѣ, а въ женскомъ нѣтъ; и противъ этого многіе у насъ погрѣшаютъ, пишутъ: книга, сочиненная Гётемъ, и проч.

—

Двенадцать, а не *двьнадцать* — сокращено изъ двое, какъ три изъ трое.

—

Пишутъ *тьлега, тельга*. Не правильнѣе ли *телега* (отъ слова *телець;* телега, запряженная волами)?

—

Московскій выговоръ чрезвычайно изнѣженъ и прихотливъ. Звучныя буквы *щ* и *ч* передъ другими согласными въ немъ измѣнены (см. Богдановича).

—

Разговорный языкъ простаго народа (нечитающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на Флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

V.

АНЕКДОТЫ.

Славный анекдотъ объ указѣ, разорванномъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, разсказанъ у Голикова ошибочно и не вполнѣ. Долгорукій, послѣ дерзкаго своего поступка, уѣхалъ домой изъ сената. Государь, узнавъ обо всемъ, очень прогнѣвался и пріѣхалъ къ нему. Князь Яковъ сталъ передъ нимъ на колѣна и просилъ помилованія. Государь, побранивъ его, сталъ съ нимъ разсуждать о сущности разорваннаго указа. Долгорукій изложилъ Ему свое мнѣніе. «Развѣ не могъ ты тоже самое сказать, замѣтилъ ему Петръ, не раздирая Моего указа?» — Правда Твоя, Государь, отвѣчалъ Долгорукій; но я зналъ, что если я его раздеру, то уже впредь таковыхъ подписывать не станешь, жалѣя мою старость и усердіе. Государь съ нимъ помирился, но, пріѣхавъ къ Себѣ, приказалъ Царицѣ, которая къ князьямъ Долгорукимъ была особенно милостива, призвать князя Якова и присовѣтовать ему на другой день при всемъ сенатѣ просить прощенія у Государя. Князь Яковъ на чисто отказался. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилъ въ сенатѣ Государя и болѣе, нежели когда-нибудь, Его оспоривалъ. Петръ, видя, что съ нимъ дѣлать нечего, оставилъ это дѣло, и болѣе о томъ уже не упоминалъ.

—

Кречетниковъ, по возвращеніи своемъ изъ Польши, позванъ былъ въ кабинетъ Императрицы. «Исполнилъ ли ты Мои приказанія?» спросила Императрица. Нѣтъ, Государыня, отвѣчалъ Кречетниковъ. Государыня вспыхнула. «Какъ нѣтъ?» Кречетниковъ сталъ излагать причины, недозволившія ему исполнить Высочайшія повелѣнія. Императрица его не слушала; въ порывѣ величайшаго гнѣва, Она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетниковъ ожидалъ своей погибели. Наконецъ Императрица

lib.pushkinskijdom.ru

умолкла и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кречетниковъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, Государыня снова обратилась къ нему и сказала уже гораздо тише. «Скажите же мнѣ, какія причины помѣшали вамъ исполнить Мою волю?» Кречетниковъ повторилъ свои прежнія оправданія. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться въ своей вспыльчивости, сказала ему съ видомъ совершенно успокоеннымъ: «Это дѣло другое. Зачѣмъ же ты мнѣ тотчасъ этого не сказалъ?»

—

Нѣкто К. Х., возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался невоздержностію языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковые дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ бастилію, а у насъ недавно рѣзали языки; что не будучи отъ природы жестока, она для *такого бездѣльника*, каковъ Х., нравъ свой перемѣнять не намѣрена; однако, совѣтуетъ ему впредь быть осторожнѣе.

—

Когда графъ д'Артуа пріѣзжалъ въ Петербургъ, то Государыня приняла его самымъ ласковымъ и блистательнымъ образомъ. Онъ Ей, однако, надоѣлъ, и она велѣла сказать дамамъ своимъ, чтобъ онѣ постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа въ свою карету. Графъ Д. Ав..., капитанъ гвардіи принца, имѣя право повсюду слѣдовать за нимъ, хотѣлъ было сѣсть также въ карету, но Государыня остановила его, сказавъ: Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine des gardes de Mr. le c. d'Artois.

—

Французскіе принцы имѣли большой успѣхъ при всѣхъ дворахъ, куда они являлись. Были, однакожъ, съ ихъ стороны нѣко-

lib.pushkinskijdom.ru

торые промахи. Они сыпали деньги и дорогіе подарки. Въ Берлинѣ старый князь Витгенштейнъ сказалъ Брессону, который хвастался ихъ расточительностію: «mais, mon cher Mr. Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild.»

—

Потемкину доложили однажды, что нѣкто графъ Мор..., житель Флоренціи, превосходно играетъ на скрипкѣ. Потемкину захотѣлось его послушать; онъ приказалъ его выписать. Одинъ изъ адъютантовъ отправился курьеромъ въ Италію, явился къ графу Мор..., объявилъ ему приказъ свѣтлѣйшаго и предложилъ тотъ же часъ садиться въ его тележку и скакать въ Россію. Благородный виртуозъ взбѣсился и послалъ къ чорту и Петербургъ и курьера съ его тележкою. Дѣлать было нечего. Но какъ явиться къ князю, не исполнивъ его приказанія? Догадливый адъютантъ отъискалъ какого-то скрипача, бѣдняка не безъ таланта, и легко уговорилъ его назваться графомъ Мор..., и ѣхать въ Россію. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволенъ его игрою.

—

Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску, получилъ приказъ немедленно явиться къ своей должности. Родственники засуетились; не знаютъ, чему приписать требованіе свѣтлѣйшаго. Одни боятся внезапной немилости, другіе видятъ неожиданное счастіе. Молодаго человѣка снаряжаютъ наскоро въ путь. Онъ отправляется изъ Москвы, скачетъ день и ночь и пріѣзжаетъ въ лагерь свѣтлѣйшаго. Объ немъ тотчасъ докладываютъ. Потемкинъ приказываетъ ему явиться. Адъютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постели, со святцами въ рукахъ. Вотъ ихъ разговоръ:

lib.pushkinskijdom.ru

ПОТЕМКИНЪ.

Ты, братецъ, мой адъютантъ *такой-то?*

АДЪЮТАНТЪ.

Точно такъ, ваша свѣтлость.

ПОТЕМКИНЪ.

Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть?

АДЪЮТАНТЪ.

Точно такъ.

ПОТЕМКИНЪ (смотря въ святцы).

Какого же святаго празднуютъ 18 мая?

АДЪЮТАНТЪ.

Мученника Ѳеодота, ваша свѣтлость.

ПОТЕМКИНЪ.

Такъ. А 29 сентября?

АДЪЮТАНТЪ.

Преподобнаго Куріака.

ПОТЕМКИНЪ.

Точно. А 5 февраля?

АДЪЮТАНТЪ.

Мученицы Агаѳьи.

ПОТЕМКИНЪ (закрывая святцы).

Ну, поѣзжай же себѣ домой.

N. N., вышедшій изъ пѣвчихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ недоволенъ обхожденіемъ князя Потемкина. «Развѣ не знаетъ князь — говорилъ онъ на своемъ нарѣчіи *) — что я такой же генералъ?» Это пересказали Потемкину, который

*) «Хиба винъ не тямитъ того, що я такій єнералъ, якъ винъ самъ.»

lib.pushkinskijdom.ru

сказалъ ему при первой встрѣчѣ : «что ты врешь? какой ты генералъ? ты генералъ-басъ?»

—

(Четыре разсказа З.... о Потемкинѣ.)

1.

Потемкинъ пріѣхалъ со мною проститься. Я сказала ему : «Ты не повѣришь , какъ я о тебѣ грущу.» — А что такое? — «Не знаю , куда мнѣ будетъ тебя дѣвать.» — Какъ такъ? — «Ты моложе Государыни ; ты ее переживешь ; что тогда изъ тебя будетъ? Я знаю тебя какъ свои руки : ты никогда не согласишься быть вторымъ человѣкомъ.» Потемкинъ задумался и сказалъ : «не безпокойся ; я умру прежде Государыни ; я умру скоро.» И предчувствіе его сбылось. Ужь я больше его не видала.

2.

Вы слыхали про Ветошкина? Это удивительно , что никто его не знаетъ. Надобно вамъ сказать, что Торжекъ былъ въ то время деревушка. Государыня сдѣлала изъ него порядочный городокъ. Жители торговали (не знаю , какъ это сказать : **ils faisaient le commerce des grains**) крупами, что ли? и привозили на баркахъ, не помню куда. Вотъ этотъ Ветошкинъ былъ прикащикомъ на этихъ баркахъ. Онъ былъ раскольникъ. Однажды онъ является къ митрополиту и проситъ объяснить ему догматы православія. Митрополитъ отвѣчалъ ему, что для того нужно быть ученымъ, знать по-Гречески , по-Еврейски и, Богъ вѣдаетъ , что еще. Ветошкинъ уходитъ отъ него и черезъ два года является опять. Вообразите , что въ это время успѣлъ онъ выучиться всему этому. Онъ отрекся отъ своего раскола и принялъ истинную вѣру. Въ городѣ только что про него и говорили. Я жила тогда на Мойкѣ, дверь объ дверь съ графомъ А. С. Строгановымъ. Ромъ жилъ у нихъ въ учителяхъ , тотъ самый , что подписалъ потомъ опредѣленіе.... Онъ очень былъ умный человѣкъ , **c'était une forte tête, un grand raisonneur ; il vous eut rendu claire l'Apocalypse.**

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ у меня былъ каждый день съ своимъ питомцемъ. Я ему разсказываю про Ветошкина. «Madame, c'est impossible.» — Mon cher Mr. Rom, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de voir Ветошкинъ chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours. — «Madame, je n'y manquerai pas.» Ромъ отправился къ Потемкину и увидѣлся съ Ветошкинымъ. Онъ приходитъ ко мнѣ. Hé bien, m-r? — «Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant.» Мнѣ очень хотѣлось встрѣтить Ветошкина. И. И. Шуваловъ доставилъ мнѣ случай увидѣть его въ своемъ домѣ. Я застала тамъ двухъ молодыхъ раскольниковъ, съ которыми Ветошкинъ имѣлъ une controverse (прѣніе). Ветошкинъ былъ щедушный мужчина лѣтъ 35. Прѣніе ихъ очень меня занимало. Послѣ того за ужиномъ я сидѣла противъ Ветошкина. Я спросила его, какимъ образомъ добился онъ учености. «Сначала было трудно — отвѣчалъ онъ — а потомъ все легче и легче. Книги доставляли мнѣ добрые люди, графъ И. И. да князь Г. А.» — Вамъ, думаю, скучно въ Торжкѣ. — «Нѣтъ, сударыня, я живу съ моими родителями и цѣлый день занятъ книгами.» Потемкинъ, страстный ко всему необыкновенному, наконецъ такъ полюбилъ Ветошкина, что не могъ съ нимъ разстаться. Онъ взялъ его съ собою въ Молдавію, гдѣ Ветошкинъ занемогъ тамошней лихорадкою и умеръ почти въ одно время съ княземъ. Очень странный человѣкъ этотъ Ветошкинъ.

3.

Потемкинъ очень меня любилъ; не знаю, что бы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки была une maitresse de clavecin. Разъ она мнѣ говоритъ: «Madame, je ne puis rester à Petersbourg.» — Pourquoi ça? — «Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage, ou bien de rester oisive.» — Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre. Пріѣзжаетъ ко мнѣ Потемкинъ. Я говорю ему: «какъ ты хочешь, Потемкинъ, а мамзель мою пристрой куда-нибудь.»

lib.pushkinskijdom.ru

— Ахъ, моя голубушка, сердечно радъ; да что для нея сдѣлать, право, не знаю. — Что же? черезъ нѣсколько дней приписали мою мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье. Нынче этого сдѣлать уже нельзя.

4.

Потемкинъ, сидя у меня, сказалъ мнѣ однажды: «Н. К., хочешь ты земли?» — Какія земли? — «У меня тамъ есть въ Крыму.» — Зачѣмъ мнѣ брать у тебя земли, къ какой стати? — «Разумѣется, Государыня подаритъ, а я только ей скажу.» — Сдѣлай одолженіе. — Я поговорила объ этомъ съ Т., который мнѣ сказалъ: «спросите у князя планы, а я вамъ выберу земли.» Такъ и сдѣлалось. Проходитъ годъ, мнѣ приносятъ 80 рублей. «Откуда, батюшки?» — Съ вашихъ новыхъ земель; тамъ ходятъ стада, и за это вотъ вамъ деньги. — «Спасибо, батюшки.» Проходитъ еще годъ, другой, Т. говоритъ мнѣ: «что же вы не думаете о заселеніи вашихъ земель? Десять лѣтъ пройдетъ, такъ худо будетъ: вы заплатите большой штрафъ.» — Да что же мнѣ дѣлать? — «Напишите вашему батюшкѣ письмо: онъ не откажетъ вамъ дать крестьянъ на заселеніе.» Я такъ и сдѣлала; батюшка пожаловалъ мнѣ 300 душъ; я ихъ поселила; на другой годъ они всѣ разбѣжались, не знаю отчего. Въ то время сватался К. за Машу. Я ему и сказала: «возьми пожалуста мои крымскія земли, мнѣ съ ними только что хлопоты.» Что же? Эти земли давали послѣ К. 50,000 рублей доходу. Я очень была рада.

—

Когда Пугачевъ сидѣлъ на Мѣновомъ дворѣ, праздные Москвичи, между обѣдомъ и вечеромъ, заѣзжали на него поглядѣть, подхватить какое-нибудь отъ него слово, которое спѣшили потомъ развозить по городу. Однажды сидѣлъ онъ задумавшись. Посѣтители молча окружили его, ожидая, чтобъ онъ заговорилъ. Пугачевъ сказалъ: «извѣстно по преданіямъ, что Петръ I, во время Персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина нахо-

lib.pushkinskijdom.ru

дилась невдалекѣ, нарочно къ ней поѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, дабы увидѣть хоть его кости....» Всѣмъ извѣстно, что Разинъ былъ четвертованъ и сожженъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева. Въ другой разъ нѣкто ***, Симбирскій дворянинъ, бѣжавшій отъ него, пріѣхалъ на него посмотрѣть и, видя его крѣпко привинченнаго къ цѣпи, сталъ осыпать его укоризнами. *** былъ очень дуренъ лицемъ, къ тому же и безъ носу. Пугачевъ, на него посмотрѣвъ, сказалъ: «правда, много перевѣшалъ я вашей братіи, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывалъ.»

—

Денисъ Давыдовъ явился однажды въ авангардъ къ князю Багратіону и сказалъ: «главнокомандующій приказалъ доложить вашему сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и проситъ васъ немедленно отступить.» Багратіонъ *) отвѣчалъ: — непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на твоемъ, такъ онъ близко; а коли на моемъ, такъ мы успѣемъ еще отобѣдать.

—

Генералъ Р. былъ насмѣшливъ и желченъ. Во время Турецкой войны, обѣдая у главнокомандующаго гр. К., онъ замѣтилъ, что кандиторъ вздумалъ выставить вензель на крыльяхъ мельницы изъ сахара, и сказалъ какую-то колкую шутку. Въ тотъ же день Р. былъ высланъ изъ главной квартиры. Онъ сказывалъ мнѣ, что К. былъ трусъ и не могъ хладнокровно слышать ядра; однако, подъ какою-то крѣпостію онъ видѣлъ К., вдавшагося въ опасность. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, не пользующійся блистательною славой, въ 1812 году взялъ нѣсколько пушекъ, брошенныхъ непріятелемъ, и выпросилъ себѣ за то награжденіе. Встрѣтясь съ

*) Можетъ-быть, не всѣмъ извѣстно, что у нашего Багратіона былъ очень большой носъ.

lib.pushkinskijdom.ru

г. Р. и боясь его шутокъ, чтобы ихъ предупредить, онъ бросился было его обнимать; Р. отступилъ и сказалъ ему съ улыбкою: «кажется, ваше превосходительство принимаете меня за пушку безъ прикрытія.»

—

Херасковъ очень уважалъ Кострова и предпочиталъ его талантъ своему собственному. Это приноситъ большую честь и его сердцу и его вкусу. Костровъ нѣсколько времени жилъ у Хераскова, который не давалъ ему напиваться. Это наскучило Кострову. Онъ однажды пропалъ. Его бросились искать по всей Москвѣ и не нашли. Вдругъ Херасковъ получаетъ отъ него письмо изъ Казани. Костровъ благодарилъ его за всѣ его милости, «но, писалъ поэтъ, воля для меня всего дороже.»

Костровъ былъ отъ Императрицы Екатерины наименованъ *университетскимъ стихотворцемъ* и въ семъ званіи получалъ 1,500 рублей жалованья.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочиненія стиховъ и находили обыкновенно въ кабакѣ или у дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ тѣсной дружбѣ.

Однажды въ университетѣ сдѣлался шумъ. Студенты, недовольные своимъ столомъ, разбили нѣсколько тарелокъ и швырнули въ эконома нѣсколькими пирогами. Начальники, разбирая это дѣло, въ числѣ бунтовщиковъ нашли баккалавра Ермила Кострова. Всѣ очень изумились. Костровъ былъ нрава самаго кроткаго, да ужъ и не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали въ конференцію. «Помилуй, Ермилъ Ивановичъ, сказалъ ему ректоръ, ты-то какъ сюда попался?» — «Изъ состраданія къ человѣчеству», отвѣчалъ добрый Костровъ.

—

Никто такъ не умѣлъ сердить Сумарокова, какъ Барковъ. Сумароковъ очень уважалъ Баркова, какъ ученаго и остраго кри-

lib.pushkinskijdom.ru

тика, и всегда требовалъ его мнѣнія касательно своихъ сочиненій. Барковъ, который обыкновенно его не баловалъ, пріѣдя однажды къ Сумарокову, сказалъ ему: «Сумароковъ великій человѣкъ! Сумароковъ первый Русскій стихотворецъ!» Обрадованный Сумароковъ велѣлъ тотчасъ подать ему водки, а Баркову только того и хотѣлось. Онъ напился. Выходя, сказалъ онъ ему: «нѣтъ, Александръ Петровичъ, я тебѣ солгалъ: первый-то русскій стихотворецъ — я, второй Ломоносовъ, а ты только-что третій.» Сумароковъ чуть его не зарѣзалъ.

—

Д*** однажды вызвалъ на дуэль Б***. Б*** отказался, сказавъ: «скажите Д***, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ чернилъ.»

—

Сатирикъ М*** пришелъ однажды къ Гнѣдичу пьяный, по своему обыкновенію, оборванный и растрепанный. Гнѣдичъ принялся увѣщевать его. Растроганный М*** заплакалъ и, указывая на небо, сказалъ: «тамъ найду я награду за всѣ мои страданія....» — Братецъ, возразилъ ему Гнѣдичъ, посмотри на себя въ зеркало: пустятъ ли тебя туда?

—

У Крылова надъ диваномъ (гдѣ онъ обыкновенно сиживалъ), сорвавшись съ одного гвоздика, висѣла наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему далъ замѣтить, что и остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, не проченъ, и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его. «Нѣтъ», отвѣчалъ Крыловъ, «уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непремѣнно описать косвенную линію и миновать мою голову.»

—

lib.pushkinskijdom.ru

На Потемкина часто находила хандра. Онъ по цѣлымъ суткамъ сидѣлъ одинъ, никого къ себѣ не пуская, въ совершенномъ бездѣйствіи. Однажды, когда былъ онъ въ такомъ состояніи, множество накопилось бумагъ, требовавшихъ немедленнаго его разрѣшенія; но никто не смѣлъ къ нему войти съ докладомъ. Молодой чиновникъ, по имени Пѣтушковъ, подслушавъ толки, вызвался представить нужныя бумаги князю для подписи. Ему поручили ихъ съ охотою и съ нетерпѣніемъ ожидали, что изъ этого будетъ. Пѣтушковъ съ бумагами вошелъ прямо въ кабинетъ. Потемкинъ сидѣлъ въ халатѣ, босой, нечесаный, грызя ногти въ задумчивости. Пѣтушковъ смѣло объяснилъ ему въ чемъ дѣло и положилъ предъ нимъ бумаги. Потемкинъ, молча, взялъ перо и подписалъ ихъ одну за другою. Пѣтушковъ поклонился и вышелъ въ переднюю съ торжествующимъ лицемъ. «Подписалъ!»... Всѣ къ нему кинулись, глядятъ: всѣ бумаги въ самомъ дѣлѣ подписаны. Пѣтушкова поздравляютъ. «Молодецъ! нечего сказать.» Но кто-то всматривается въ подпись — что-же? На всѣхъ бумагахъ вмѣсто: князь Потемкинъ — подписано *Пѣтушковъ, Пѣтушковъ, Пѣтушковъ....*

—

Надмѣнный въ сношеніяхъ своихъ съ вельможами, Потемкинъ былъ снисходителенъ къ низшимъ. Однажды ночью онъ проснулся и началъ звонить. Никто не шелъ. Потемкинъ соскочилъ съ постели, отворилъ дверь и увидѣлъ ординарца своего, спящаго въ креслахъ. Потемкинъ сбросилъ съ себя туфли и босой прошелъ въ переднюю тихонько, чтобъ не разбудить молодаго офицера.

—

Молодой Ш. какъ-то напроказилъ. Князь Б. собирался пожаловаться на него самой Государынѣ. Родня перепугалась. Кинулись къ князю Потемкину, прося его заступиться за молодаго человѣка. Потемкинъ велѣлъ Ш. быть на другой день у него и

lib.pushkinskijdom.ru

прибавилъ: «да сказать ему, чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе.» — Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ кабинета въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ, не сказалъ никому ни слова и сѣлъ играть въ карты. Въ это время пріѣзжаетъ князь Б. Потемкинъ принимаетъ его какъ нельзя хуже и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ Ш. «Скажи, братъ» — говоритъ Потемкинъ, показывая ему свои карты — «какъ мнѣ тутъ сыграть?» — Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость — отвѣчалъ ему Ш. — играйте какъ умѣете! «Ахъ, мой батюшка» — возразилъ Потемкинъ — «и слова нельзя тебѣ сказать; ужъ и разсердился!» Услыша таковый разговоръ, князь Б. раздумалъ жаловаться.

—

Графъ Румянцевъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то майоръ въ шлафрокѣ и въ колпакѣ стоялъ передъ своею палаткою и въ утренней темнотѣ не узналъ приближающагося фельдмаршала, пока не увидѣлъ его передъ собою лицемъ къ лицу. Майоръ хотѣлъ-было скрыться, но Румянцевъ взялъ его подъ руку и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который между тѣмъ проснулся. Бѣдный майоръ былъ въ отчаяніи. Фельдмаршалъ, разгуливая такимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Майоръ, умирая отъ стыда, очутился посреди генераловъ, одѣтыхъ по всей формѣ. Румянцевъ, тѣмъ еще недовольный, имѣлъ жестокость напоить его чаемъ и потомъ уже отпустилъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

—

Нѣкто, отставной мичманъ, будучи еще ребенкомъ, представленъ былъ Петру I въ числѣ дворянъ, присланныхъ на службу. Государь открылъ ему лобъ, взглянулъ въ лицо и сказалъ: «Ну! этотъ плохъ. Однако, записать его во флотъ. До мичмановъ авось дослужится.» Старикъ любилъ разсказывать этотъ анекдотъ и

lib.pushkinskijdom.ru

всегда прибавлялъ: «Таковъ былъ пророкъ, что и въ мичманы-то попалъ я только при отставкѣ!»

—

Всѣмъ извѣстны слова Петра Великаго, когда представили ему двѣнадцатилѣтняго школьника Василья Тредьяковскаго: *вѣчный труженикъ!* Какой взглядъ! какая точность въ опредѣленіи! Въ самомъ дѣлѣ, что былъ Тредьяковскій, какъ не вѣчный труженикъ?

—

Графъ Самойловъ получилъ Георгія на шею въ чинѣ полковника. Однажды во дворцѣ Государыня замѣтила его, заслоненнаго толпою генераловъ и придворныхъ. «Графъ Александръ Николаевичъ» — сказала Она ему — «ваше мѣсто здѣсь впереди, какъ и на войнѣ.»

—

Государыня Екатерина II говаривала: «Когда хочу заняться какимъ-нибудь новымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ, — и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло было уже имъ обдумано.»

—

Петръ I говаривалъ: «Несчастія бояться — счастья не видать.»

—

Любимый изъ племянниковъ князя Потемкина былъ покойный Н. Н. Раевскій. Потемкинъ для него написалъ нѣсколько наставленій; Н. Н. ихъ потерялъ и помнилъ только первыя строки: *Во-первыхъ, старайся испытать, не трусъ ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ непріятелемъ.*

lib.pushkinskijdom.ru

VI.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АРЗРУМЪ

ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно попалась мнѣ въ руки книга, напечатанная въ Парижѣ въ прошломъ 1834 году подъ названіемъ: Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement Français. Авторъ, по своему описывая походъ 1829 года, оканчиваетъ свои разсужденія слѣдующими словами:

Un poëte distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poëme, mais celui d'une satyre.

Изъ поэтовъ, бывшихъ въ Турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. Н. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое «Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ», произведшее столь сильное впечатлѣніе. Но я не читалъ никакой сатиры на Арзрумскій походъ.

Никакъ бы я не могъ подумать, что дѣло здѣсь идетъ обо мнѣ, если бы въ той самой книгѣ не нашелъ я своего имени между именами генераловъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Parmi les chefs qui la commandaient (l'armée du Prince Paskéwitch) on distinguait le Général Mouravief.... le Prince Georgien Tsitsevaze.... le Prince Arménien Beboutof.... le Prince Potemkine, le Général Raiewsky, et enfin — M. Pouchkine..... qui avait quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: эти строки Французскаго путешественника, не смотря на лестные эпитеты, были мнѣ гораздо досаднѣе, нежели брань русскихъ журналовъ. *Искать вдохновенія* всегда казалось

lib.pushkinskijdom.ru

мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта. Пріѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги, было бы для меня съ одной стороны слишкомъ самолюбиво, а съ другой слишкомъ непристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло. Можетъ быть, смѣлый переходъ черезъ Соганъ-Лу, движеніе, коимъ графъ Паскевичъ отрѣзалъ Сераскира отъ Османъ-паши, пораженіе двухъ непріятельскихъ корпусовъ въ теченіе однихъ сутокъ, быстрый походъ къ Арзруму — все это, увѣнчанное полнымъ успѣхомъ, можетъ быть, и чрезвычайно достойно посмѣянія въ глазахъ военныхъ людей (каковы, напримѣръ, г. купеческій консулъ Фонтанье, авторъ Путешествія на Востокъ), но я устыдился бы писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ лестное вниманіе. Человѣкъ, не имѣющій нужды въ покровительствѣ сильныхъ, дорожитъ ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо инаго отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшился я напечатать это предисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ *все*, что мною было написано о походѣ 1829 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Степи. — Калмыцкая кибитка. — Кавказскія воды. — Военная Грузинская дорога. — Владикавказъ. — Осетинскія похороны. — Терекъ. — Дарiальское ущелiе. — Переѣздъ чрезъ снѣговыя горы. — Первый взглядъ на Грузію. — Водопроводы. — Хозревъ-мирза. — Душетскій городничій.

..... Изъ Москвы поѣхалъ я на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ***.

..... Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ, но я своротилъ на прямую Тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ обѣдомъ въ Курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя посѣтить ***.

lib.pushkinskijdom.ru

До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи Одесской. Мнѣ случалось въ сутки проѣхать не болѣе пятидесяти верстъ. Наконецъ увидѣлъ я Воронежскія степи и свободно покатился по зеленой равнинѣ. Въ Новочеркаскѣ нашелъ я графа П., ѣхавшаго также въ Тифлисъ, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

На-дняхъ посѣтилъ я Калмыцкую кибитку (клѣтчатный плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ). Все семейство собиралось завтракать; котелъ варился посреди, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая Калмычка, собою очень не дурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нея. «Какъ тебя зовутъ?» — *** — «Сколько тебѣ лѣтъ?» — Десять и восемь. — «Что ты шьешь?» — Портка. — «Кому?» — Себѣ. Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что нибудь гаже. Я попросилъ чѣмъ нибудь это заѣсть. Мнѣ дали кусочикъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной Цирцеи.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это — снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачуж-

lib.pushkinskijdom.ru

кахъ, наскоро построенныхъ. Источники, бо́льшею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпные ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость....

Признаюсь, Кавказкія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною А. Р., прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бештy чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ....

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется *оказіей*. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за нами заскрыпѣлъ обозъ двуколесныхъ арбъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали

lib.pushkinskijdom.ru

Нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скрыпъ Нагайскихъ аробъ выводили меня изъ терпѣнія. Татаре тщеславятся этимъ скрыпомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, неимѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почетномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба — вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы въ старину не разбѣгаясь, съ пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближась къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость: кругомъ ея видны слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ Муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

комыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ, Русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ, по обычаю Черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ раззорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба *мирныхъ* Черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили Крымскихъ Татаръ, что̀ чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство — простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово вправѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирнаго Черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что̀ дѣлать съ таковымъ народомъ? Должно, однакожъ, надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго Моря, отрѣзавъ Черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообраз-

lib.pushkinskijdom.ru

ное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія. Черкесы очень недавно приняли Магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ *Корана*, между коими отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу Русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ Христіанскихъ миссіонеровъ. Но тщетно въ замѣну слова живаго вливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-кая, преддверія горъ. Онъ окруженъ Осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на буркѣ....

.... like a warrior taking his rest
With his martial cloak around him,

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ.

Осетинцы самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны и, какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго Осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однакожъ, при моемъ приближеніи обѣ потупили головы и закрылись своими изодранными *чадрами*. Въ крѣпости видѣлъ я Черкесскихъ аманатовъ, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они поминутно проказятъ, и бѣгаютъ изъ крѣпости.

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ на-

lib.pushkinskijdom.ru

правленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ Осетинскихъ мельницъ, похожихъ на собачьи кануры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущеліе. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущеліе извивается вдоль его теченія. Каменныя подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестію природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ П. и Ш., смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество *рѣкѣ, на Сѣверѣ гремящей.* Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между коими хлещетъ Терекъ съ яростію неизъяснимой. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича издали: *не останавливайтесь, В. Б., убьютъ!* Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что Осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода, они напали такимъ образомъ на генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ Осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы путешественника Француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогой. Онъ совѣтовалъ намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ выпили мы въ первый разъ Кахетинскаго вина изъ вонючаго *бурдюка,* вспоминая пированія Иліады:

«И въ козіихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!»

Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ *Кавказскаго Пленника* и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе плѣнники разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ вы-

lib.pushkinskijdom.ru

даваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ Русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятеля Ш. по возвращеніи его изъ Парижа: «Худо, братъ, жить въ Парижѣ: ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься!»

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Дарiальскій постъ. Ущелье носитъ то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту. Клочекъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, страшную картину Рембрандта. Къ тому же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь, какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ, какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Дарiала, на крутой скалѣ, видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарія, давшая имя свое ущелію: сказка. Дарiалъ на древнемъ Персидскомъ языкѣ значитъ ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія врата, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущелье замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Дріодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ, и проч. (См. Путешествіе графа И. Потоцкаго, коего ученыя изысканія столь же занимательны, какъ и Испанскіе романы.)

Изъ Дарiала отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли *Троицкія ворота* (арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха); подъ ними шла нѣкогда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Недалеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы чрезъ *Бѣлую Балку*, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ

lib.pushkinskijdom.ru

яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ и принадлежитъ князю Казбеку. Князь, мужчина лѣтъ сорока-пяти, ростомъ выше преображенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ называются Грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и нечище Русскихъ). Въ дверяхъ лежалъ пузастый бурдюкъ (воловій мѣхъ), растопыря свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтеніемъ, подобаемымъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую груду, по выраженію поэта, *подпирающую небосклонъ*.

Ждали Персидскаго принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ навстрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣстъ экипажи разъѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго Персидскаго поэта, и, по моему желанію, представилъ меня Фазиль-Хану. Я, съ помощію переводчика, началъ было высокопарное восточное привѣтствіе, но какъ же мнѣ стало совѣстно, когда Фазиль-ханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣйливость простою, умною учтивостію порядочнаго человѣка! «Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительно», и проч. Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ и съѣхалъ на обыкновенныя Европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей Русской насмѣшливости. Впередъ не стану судить о человѣкѣ по его бараньей *папахѣ* *) и по крашеннымъ ногтямъ.

*) Такъ называются Персидскія шапки.

lib.pushkinskijdom.ru

Постъ Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ бы образомъ совершить сей ужасный подвигъ: сѣсть ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадей, или послать за Осетинскими волами? На всякой случай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана оффиціальную просьбу къ Г. Ч***, начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать въ ожиданіи подводъ.

На другой день около 12 часовъ услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осмнадцать паръ тощихъ, малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полу-нагихъ Осетинцевъ, насилу тащили легкую Вѣнскую коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую Петербургскую коляску обратно въ Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ П. не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впрячь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхать черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ полковникомъ От...., осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ Іюня 1827 года. Таковые случаи бываютъ обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущеліе на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. «Это обвалъ», сказалъ мнѣ г. От..... Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны.

lib.pushkinskijdom.ru

Малые обвалы здѣсь нерѣдки. Въ прошломъ году Русскій извощикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ ; обвалъ оборвался : страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телегу, лошадь и мужика , перевалилась черезъ дорогу и покатилась въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ , старый памятникъ , обновленный Г. Ермоловымъ.

Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то иностранный консулъ : онъ такъ былъ слабъ , что велѣлъ завязать себѣ глаза; его вели подъ руки , и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣна , благодарилъ Бога , и проч., что̀ очень изумило проводниковъ.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гутъ-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами , съ ея садами , съ ея свѣтлой Арагвой , извивающейся , какъ серебряная лента , и все это въ уменьшенномъ видѣ , на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спускались въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы, въ домѣ Г. Ч. На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины , орошаемыя веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ. Вмѣсто голыхъ утесовъ , я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана : вода , кажется , имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанаурѣ остановился я для перемѣны лошадей. Тутъ я встрѣтилъ Русскаго офицера, провождающаго Персидскаго Принца. Вскорѣ услышалъ я звукъ колокольчиковъ, и цѣлый рядъ каторовъ (муловъ) , привязанныхъ одинъ къ другому и навьючен-

lib.pushkinskijdom.ru

ныхъ по-Азіатски, потянулся по дорогѣ. Я пошелъ пѣшкомъ, не дождавшись лошадей, и въ полуверстѣ отъ Аканура, на поворотѣ дороги, встрѣтилъ Хозревъ-Мирзу. Экипажи его стояли. Самъ онъ выглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головою. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей встрѣчи, на принца напали Горцы. Услыша свистъ пуль, Хозревъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Русскіе, бывшіе при немъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что молодой Азіатецъ, непривыкшій къ колескѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошелъ до Аканура не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до города Душета оставалось не болѣе, какъ десять верстъ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстъ стоили добрыхъ двадцати.

Наступилъ вечеръ; я шелъ впередъ, подымаясь все выше и выше. Съ дороги сбиться было невозможно; но мѣстами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличилась. Я слышалъ вой и лай собакъ и радовался, воображая, что городъ недалеко. Но ошибался: лаяли собаки Грузинскихъ пастуховъ, а выли шакалы, звѣри въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ свое нетерпѣніе; но дѣлать было нечего. Наконецъ увидѣлъ я огни и около полуночи очутился у домовъ, осѣненныхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ Городничему и потребовалъ за то съ меня *абизъ*.

Появленіе мое у Городничаго, стараго офицера изъ Грузинъ, произвело большое дѣйствіе. Я требовалъ, во-первыхъ, комнаты, гдѣ бы могъ раздѣться, во-вторыхъ, стакана вина, въ-третьихъ, абаза для моего провожатаго. Городничій не зналъ, какъ меня принять, и посматривалъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что онъ не торопится исполнить мои просьбы, я сталъ передъ нимъ раздѣваться, прося извиненія de la liberté grande. Къ счастію, нашелъ я въ карманѣ подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественникъ, а не Ринальдо-Ринальдини.

lib.pushkinskijdom.ru

Благословенная хартія возымѣла тотчасъ свое дѣйствіе: комната была мнѣ отведена, стаканъ вина принесенъ, и абазъ выданъ моему проводнику, съ отеческимъ выговоромъ за его корыстолюбіе, оскорбительное для Грузинскаго гостепріимства. Я бросился на диванъ, надѣясь послѣ моего подвига заснуть богатырскимъ сномъ: не тутъ-то было! блохи, которыя гораздо опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во всю ночь не дали мнѣ покою. Поутру явился ко мнѣ мой человѣкъ и объявилъ, что графъ П. благополучно переправился на волахъ чрезъ снѣговыя горы и прибылъ въ Душетъ. Нужно было мнѣ торопиться! Графъ П. и Ш. посѣтили меня и предложили опять отправиться вмѣстѣ въ дорогу. Я оставилъ Душетъ съ пріятной мыслію, что ночую въ Тифлисѣ.

Дорога была также пріятна и живописна, хотя рѣдко видѣли мы слѣды народонаселенія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гарцискала мы переправились черезъ Куру, по древнему мосту, памятнику Римскихъ походовъ, и крупной рысью, а иногда и вскачь поѣхали къ Тифлису, въ которомъ непримѣтнымъ образомъ и очутились часу въ одиннадцатомъ вечера.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тифлисъ. — Народныя бани. — Безносый Гассанъ. — Нравы Грузинскіе. — Пѣсни. — Кахетинское вино. — Причина жаровъ. — Дороговизна. — Описаніе города. — Отъѣздъ изъ Тифлиса. — Грузинская ночь. — Видъ Арменіи. — Двойной переходъ. — Армянская деревня. — Гергеры. — Грибоѣдовъ. — Безобдалъ. — Минеральный ключь. — Буря въ горахъ. — Ночлегъ въ Гумрахъ. — Араратъ. — Граница. — Турецкое гостепріимство. — Карсъ. — Армянская семья. — Выѣздъ изъ Карса. — Лагерь Графа Паскевича.

Я остановился въ трактирѣ; на другой день отправился въ славныя Тифлисскія бани. Городъ показался мнѣ многолюденъ. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишеневъ. По узкимъ и кривымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными корзинами; арбы, запряженныя волами, перегорожали дорогу. Армяне, Грузинцы, Черкесы, Персіяне тѣснились на неправильной площади; между ними молодые Русскіе чиновники разъѣзжали

lib.pushkinskijdom.ru

верхами на Карабахскихъ жеребцахъ. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый Персіянинъ. Онъ отворилъ мнѣ дверь; я вошелъ въ обширную комнату, и что же увидѣлъ? Болѣе пятидесяти женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе не одѣтыхъ, сидя и стоя раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ. Я остановился. «Пойдемъ, пойдемъ — сказалъ мнѣ хозяинъ — сегодня вторникъ: женскій день. Ничего, не бѣда.» — Конечно, не бѣда — отвѣчалъ я ему — напротивъ. Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею *чадрою*; ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны и оправдывали воображеніе Т. Мура:

a lovely Georgian maid,
With all the bloom, the freshened glow
Of her own country maiden's looks,
When warm they rise from Teflis brooks.

Lalla Rookh.

Зато не знаю ничего отвратительнѣе Грузинскихъ старухъ: это вѣдьмы.

Персіянинъ ввелъ меня въ бани: горячій, желѣзосѣрный источникъ лился въ глубокую ванну, изсѣченную въ скалѣ. Отъ роду не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи ничего роскошнѣе Тифлисскихъ бань. Опишу ихъ подробно.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе Татарину-баньщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носу; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безносый Татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на тепломъ каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать составы, бить меня сильно кулакомъ: я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе баньщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ въ присядку, e sempre bene.) Послѣ сего долго теръ онъ меня шер-

lib.pushkinskijdom.ru

стяною рукавицей и, сильно оплескавъ теплой водою, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ ; ощущеніе неизъяснимое : горячее мыло обливаетъ васъ какъ воздухъ! NB. Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непремѣнно должны быть приняты въ Русской банѣ : знатоки будутъ благодарны за таковое нововведеніе.

Послѣ пузыря, Гассанъ отпустилъ меня въ ванну; тѣмъ и кончилась церемонія.

Въ Тифлисѣ надѣялся я найти Р.; но, узнавъ , что полкъ его уже выступилъ въ походъ , я рѣшился просить у графа Паскевича позволенія пріѣхать въ армію.

Въ Тифлисѣ пробылъ я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. С., издатель «Тифлисскихъ Вѣдомостей», разсказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о князѣ Цицiановѣ , объ А. П. Ермоловѣ и проч. С. любитъ Грузію и предвидитъ для нея блестящую будущность.

Грузія прибѣгнула подъ покровительство Россіи въ 1783 году, что̀ не помѣшало славному Агѣ-Махамеду взять и раззорить Тифлисъ и двадцать тысячь жителей увести въ плѣнъ (1795 г.). Грузія перешла подъ скипетръ Императора Александра въ 1802. Грузины народъ воинственный. Они доказали свою храбрость подъ нашими знаменами. Ихъ умственныя способности ожидаютъ большой образованности. Они вообще нрава веселаго и общежительнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчики поютъ , прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезгинку.

Голосъ пѣсенъ Грузинскихъ пріятенъ : мнѣ перевели одну изъ нихъ слово въ слово ; она, кажется, сложена въ новѣйшее время; въ ней есть какая-то восточная безсмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство. Вотъ вамъ она :

Душа, недавно рожденная въ раю! Душа, созданная для моего счастія! Отъ тебя, безсмертная, ожидаю жизни.

Отъ тебя , Весна цвѣтущая , Луна двунедѣльная , отъ тебя, Ангелъ мой хранитель, отъ тебя ожидаю жизни.

lib.pushkinskijdom.ru

Ты сіяешь лицемъ и веселишь улыбкою. Не хочу обладать міромъ : хочу твоего взора. Отъ тебя ожидаю жизни.

Горная роза , освѣженная росою ! избранная любимица природы ! Тихое, потаенное сокровище ! отъ тебя ожидаю жизни.

Грузинцы пьютъ — и не по нашему, и удивительно крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро портятся ; но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и Карабахское стóятъ нѣкоторыхъ бургонскихъ. Вино держатъ въ *маралахъ*, огромныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжественными обрядами. Недавно Русскій драгунъ , тайно открывъ таковой кувшинъ, упалъ въ него и утонулъ въ Кахетинскомъ винѣ, какъ несчастный Кларенсъ въ бочкѣ малаги.

Тифлисъ находится на берегахъ Куры , въ долинѣ , окруженной каменистыми горами. Онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ и, раскалясь на солнцѣ , не нагрѣваютъ , а кипятятъ недвижимый воздухъ. Вотъ причина нестершимыхъ жаровъ , царствующихъ въ Тифлисѣ , несмотря на то , что городъ находится только еще подъ 41 градусомъ широты. Самое его названіе *(Тбилисгаларь)* значитъ жаркій городъ.

Бóльшая часть города выстроена по-Азіатски : дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома Европейской архитектуры, и около нихъ начинаютъ образовываться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны Турецкихъ и Персидскихъ товаровъ , довольно дешевыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Оружіе Тифлисское дорого цѣнится на всемъ Востокѣ. Графъ С. и В., прослывшіе здѣсь богатырями , обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубая на-двое барана или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисѣ главную часть народонаселенія составляютъ Армяне : въ 1825 году было ихъ здѣсь до двухъ тысячь пятисотъ семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до тысячи пятисотъ. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные , повинуясь долгу, живутъ въ Грузіи , потому что такъ имъ велѣно. Молодые титу-

lib.pushkinskijdom.ru

лярные совѣтники пріѣзжаютъ сюда за чиномъ Ассессорскимъ, толико вожделѣннымъ. Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію, какъ на изгнаніе.

Климатъ Тифлисскій, сказываютъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужасны; ихъ лечатъ меркуріемъ, коего употребленіе безвредно, по причинѣ жаровъ. Лекаря кормятъ имъ своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генералъ С., говорятъ, умеръ оттого, что его домовый лекарь, пріѣхавшій съ нимъ изъ Петербурга, испугался пріема, предлагаемаго тамошними докторами, и не далъ онаго больному. Здѣшнія лихорадки похожи на Крымскія и Молдавскія и лечатся одинаково.

Жители пьютъ Курскую воду мутную, но пріятную. Во всѣхъ источникахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ, вино здѣсь въ такомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ бы незамѣтенъ.

Въ Тифлисѣ удивила меня дешевизна денегъ. Переѣхавъ на извощикѣ чрезъ двѣ улицы и отпустивъ его чрезъ полчаса, я долженъ былъ заплатить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться незнаніемъ новопріѣзжаго; но мнѣ сказали, что цѣна точно такова. Все прочее дорого въ соразмѣрности.

Мы ѣздили въ Нѣмецкую колонію и тамъ обѣдали. Пили тамъ дѣлаемое пиво, вкуса очень непріятнаго, и заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ. Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Г. С., извѣстный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; по несчастію, у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли англійскіе офицеры въ Генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня обносили, что я всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ побери Тифлисскаго гастронома!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи. Наконецъ получилъ я записку отъ Р. Онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Карсу, потому-что черезъ нѣсколько дней войско должно было итти далѣе. Я выѣхалъ на другой же день.

lib.pushkinskijdom.ru

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля опалена была зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но, подъѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакель, осѣненныхъ пыльными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще былъ душенъ;

Ночи двойныя!
Звѣзды чудныя!...

Луна сіяла; все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-Русски, а потомъ по-Татарски. Онъ меня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-Русски, ни по-Татарски.

Переночевавъ на казачьемъ посту, на развѣтѣ отправился я далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешествующихъ Татаръ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблуки.

Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущеліе, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; подо мною разстилались злачныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой со вьючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды кам-

lib.pushkinskijdom.ru

ней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько Грузинъ сопровождали арбу. «Откуда вы?» спросилъ я ихъ. — Изъ Тегерана. — «Что вы везете?» — *Грибоѣда*. Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: **Vous ne connaissez pas ces gens là : vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux.** Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть Шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый Шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами Персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ Тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о

lib.pushkinskijdom.ru

человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, непредводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, ненапечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ». Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расчесться единожды навсегда съ своею молодостію и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздной разсѣянностію — и уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 году, было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія *Горе отъ Ума* произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ Посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ.... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неровнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны.....

Въ Гергерахъ встрѣтилъ я Б., который, какъ и я, ѣхалъ въ армію. Б. путешествовалъ со всевозможными прихотями. Я отобѣдалъ у него какъ бы въ Петербургѣ. Мы положили путешествовать вмѣстѣ; но демонъ нетерпѣнія опять мною овладѣлъ. Человѣкъ мой просилъ у меня позволенія отдохнуть. Я отпра-

lib.pushkinskijdom.ru

вился безъ проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переѣхавъ черезъ гору и опустясь въ долину, осѣненную деревьями, я увидѣлъ минеральный ключь, текущій поперегъ дороги. Здѣсь я встрѣтилъ Армянскаго попа, ѣхавшаго въ Ахалцыкъ изъ Эривани? «Что новаго въ Эривани?» спросилъ я его. — Въ Эривани чума — отвѣчалъ онъ, а что слыхать объ Ахалцыкѣ? — «Въ Ахалцыкѣ чума», отвѣчалъ я ему. Обмѣнявшись сими пріятными извѣстіями, мы разстались.

Я ѣхалъ посреди плодоносныхъ нивъ и цвѣтущихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородіе вошло на Востокѣ въ пословицу. Къ вечеру прибылъ я въ Пернике. Здѣсь былъ казачій постъ. Урядникъ предсказалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать; но я хотѣлъ непремѣнно въ тотъ же день достигнуть Гумровъ.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго Пашалыка. Небо покрыто было тучами: я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная. Казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между-тѣмъ дождь пересталъ и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другаго. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на

lib.pushkinskijdom.ru

бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ, какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслію было: не лежу ли въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что слава Богу былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я, потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни — и врана и голубицу, извѣстящихъ, символы казни и примиренія.....

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай, сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на Турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи.

До Карса оставалось мнѣ еще 75 верстъ. Къ вечеру я надѣялся увидѣть нашъ лагерь. Я нигдѣ не останавливался. На половинѣ дороги, въ Армянской деревнѣ, выстроенной въ горахъ на берегу рѣчки, вмѣсто обѣда съѣлъ я проклятый *чюрекъ*, Армянскій хлѣбъ, испеченный въ видѣ лепешки пополамъ съ золою, о которомъ такъ тужили турецкіе плѣнники въ Даріальскомъ ущеліи. Дорого бы я далъ за кусокъ Русскаго чернаго хлѣба, который былъ имъ такъ противенъ. Меня провожалъ молодой Турокъ, ужасный говорунъ. Онъ во всю дорогу болталъ

lib.pushkinskijdom.ru

по-Турецки, не заботясь о томъ, понималъ ли я его, или нѣтъ. Я напрягалъ вниманіе и старался угадать его. Казалось, онъ побранивалъ Русскихъ и, привыкнувъ видѣть ихъ всѣхъ въ мундирахъ, по платью принималъ меня за иностранца. На встрѣчу намъ попался Русскій офицеръ. Онъ ѣхалъ изъ нашего лагеря и объявилъ мнѣ, что армія уже выступила изъ-подъ Карса. Не могу описать моего отчаянія: мысль, что мнѣ должно возвратиться въ Тифлисъ, измучась понапрасну въ пустынной Арменіи, совершенно убивала меня. Офицеръ поѣхалъ въ свою сторону. Турокъ началъ опять свой монологъ; но уже мнѣ было не до него. Я перемѣнилъ иноходь на крупную рысь и вечеромъ пріѣхалъ въ Турецкую деревню, находящуюся въ двадцати верстахъ отъ Карса.

Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ войти въ первую саклю; но въ дверяхъ показался хозяинъ и оттолкнулъ меня съ бранью. Я отвѣчалъ на его привѣтствіе нагайкою. Турокъ раскричался; народъ собрался. Проводникъ мой, кажется, за меня заступился. Мнѣ указали Караванъ-сарай; я вошелъ въ большую саклю, похожую на хлѣвъ. Не было мѣста, гдѣ бы я могъ разослать бурку. Я сталъ требовать лошадь. Ко мнѣ явился Турецкій старшина. На всѣ его непонятныя рѣчи отвѣчалъ я одно: *вербана атъ* (дай мнѣ лошадь). Турки не соглашались. Наконецъ я догадался показать имъ деньги (съ чего надлежало бы мнѣ начать). Лошадь тотчасъ была приведена, и мнѣ дали проводника.

Я поѣхалъ по широкой долинѣ, окруженной горами. Вскорѣ увидѣлъ я Карсъ, бѣлѣющійся на одной изъ нихъ. Турокъ мой указывалъ мнѣ на него, повторяя: Карсъ, Карсъ! и пускалъ вскачь свою лошадь; я слѣдовалъ за нимъ, мучась безпокойствомъ: участь моя должна была рѣшиться въ Карсѣ. Здѣсь долженъ я былъ узнать, гдѣ находится нашъ лагерь, и будетъ ли еще мнѣ возможность догнать армію. Между тѣмъ небо покрылось тучами, и дождь пошелъ опять; но я о немъ уже не заботился.

Мы въѣхали въ Карсъ. Подъѣзжая къ воротамъ стѣны, услышалъ я Русскій барабанъ: били зорю. Часовой принялъ отъ меня билетъ и отправился къ Коменданту. Я стоялъ подъ дож-

lib.pushkinskijdom.ru

демъ около получаса. Наконецъ меня пропустили. Я велѣлъ проводнику везти меня прямо въ баню. Мы поѣхали по кривымъ и крутымъ улицамъ; лошади скользили по дурной Турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома довольно плохой наружности. Это были бани. Турокъ слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться у дверей. Никто не отвѣчалъ. Дождь ливмя лилъ на меня. Наконецъ изъ ближняго дома вышелъ молодой Армянинъ и, переговоривъ съ моимъ Турком, позвалъ меня къ себѣ, изъясняясь на довольно чистомъ Русскомъ языкѣ. Онъ повелъ меня по узкой лѣстницѣ во второе жилье своего дома. Въ комнатѣ, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидѣла старуха, его мать. Она подошла ко мнѣ и поцѣловала мнѣ руку. Сынъ велѣлъ ей разложить огонь и приготовить мнѣ ужинъ. Я раздѣлся и сѣлъ передъ огнемъ. Вошелъ меньшой братъ хозяина, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Оба брата бывали въ Тифлисѣ и живали въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Они сказали мнѣ, что войска наши выступили наканунѣ, и что лагерь нашъ находится въ двадцати-пяти верстахъ отъ Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ верхомъ повареннаго искусства. Мы всѣ легли спать въ одной комнатѣ; я разлегся противу угасающаго камина и заснулъ въ пріятной надеждѣ увидѣть на другой день лагерь графа Паскевича.

Поутру пошелъ я осматривать городъ. Младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ чичерономъ. Осматривая укрѣпленія и цитадель, выстроенную на неприступной скалѣ, я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. Мой Армянинъ толковалъ мнѣ, какъ умѣлъ, военныя дѣйствія, коихъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Замѣтя въ немъ охоту къ войнѣ, я предложилъ ему ѣхать со мною въ армію. Онъ тотчасъ согласился. Я послалъ его за лошадьми. Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Карса, и Артемій (такъ назывался мой Армянинъ) уже скакалъ подлѣ меня на Турецкомъ жеребцѣ, съ гибкимъ Куртинскимъ дротикомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, и бредя о Туркахъ и о сраженіяхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Я ѣхалъ по землѣ, вездѣ засѣянной хлѣбомъ; кругомъ видны были деревни, но онѣ были пусты: жители разбѣжались. Дорога была прекрасна и въ топкихъ мѣстахъ вымощена; черезъ ручьи выстроены были каменные мосты. Земля примѣтно возвышалась; передовые холмы хребта Саганъ-лу (древняго Тавра) начинали появляться. Прошло около двухъ часовъ. Я взъѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карса-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Р.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Переходъ черезъ Саганъ-лу. — Перестрѣлка. — Лагерная жизнь. — Язиды. — Сраженіе съ Сераскиромъ Арзрумскимъ. — Взорванная сакля.

Я пріѣхалъ вовремя. Въ тотъ же день (13 іюня) войско получило повелѣніе итти впередъ. Обѣдая у Р., слушалъ я молодыхъ генераловъ, разсуждавшихъ о движеніи, имъ предписанномъ. Генералъ Бурцовъ отряженъ былъ влѣво по большой Арзрумской дорогѣ прямо противу Турецкаго лагеря, между тѣмъ, какъ все прочее войско должно было итти правою стороною въ обходъ непріятелю.

Въ пятомъ часу войско выступило. Я ѣхалъ съ Нижегородскимъ Драгунскимъ полкомъ, разговаривая съ Р., съ которымъ ужъ нѣсколько лѣтъ не видался. Настала ночь; мы остановились въ долинѣ, гдѣ все войско имѣло привалъ. Здѣсь имѣлъ я честь быть представленъ графу Паскевичу.

Я нашелъ Графа дома передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту. Здѣсь увидѣлъ я нашего В., запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ, однако, время побесѣдовать со мною, какъ старый товарищъ. Здѣсь увидѣлъ я и М. П., раненаго въ прошломъ году. Онъ любимъ и уважаемъ, какъ славный товарищъ и храбрый солдатъ. Многіе изъ старыхъ моихъ пріятелей окружили меня. Какъ они перемѣнились! какъ быстро уходитъ время!

lib.pushkinskijdom.ru

Heu fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni....

Я воротился къ Р. и ночевалъ въ его палаткѣ. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Р. послалъ узнать причину тревоги. Нѣсколько Татарскихъ лошадей, сорвавшихся съ привязи, бѣгали по лагерю, и Мусульмане (такъ зовутся Татаре, служащіе въ нашемъ войскѣ) ихъ ловили.

На зарѣ войско двинулось. Мы подъѣхали къ горамъ, поросшимъ лѣсомъ. Мы въѣхали въ ущелье. Драгуны говорили между собою: «смотри, братъ, держись — какъ разъ картечью хватятъ.» Въ самомъ дѣлѣ, мѣстоположеніе благопріятствовало засадамъ; но Турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущелье и стали на высотахъ Саганъ-лу, въ десяти верстахъ отъ непріятельскаго лагеря.

Природа около насъ была угрюма. Воздухъ былъ холоденъ, горы покрыты печальными соснами. Снѣгъ лежалъ въ оврагахъ.

... nec Armeniis in oris,
Amice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes....

Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали ружейные выстрѣлы. Р. послалъ освѣдомиться. Ему донесли, что Турки завязали перестрѣлку на передовыхъ нашихъ пикетахъ. Я поѣхалъ съ С. посмотрѣть новую для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ, шатаясь на сѣдлѣ, блѣденъ и окровавленъ. Два казака поддерживали его. Много ли Турковъ? спросилъ С. — «Свиньемъ валитъ, ваше благородіе», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Проѣхавъ ущелье, вдругъ увидѣли, мы на склоненіи противоположной горы, до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ ними около пятисотъ Турковъ. Казаки отступали медленно; Турки наѣзжали съ большою дерзостію, прицѣливались шагахъ въ двадцати и, выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней составляли рѣзкую противоположность съ синими мудин-

lib.pushkinskijdom.ru

рами и простою збруей казаковъ. Человѣкъ пятнадцать нашихъ было уже ранено. Подполковникъ Басовъ послалъ за подмогой. Въ это время самъ онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки было смѣшались ; но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подоспѣло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли , оставя на горѣ голый трупъ казака , обезглавленный и обрубленный. Турки отсѣченныя головы отсылаютъ въ Константинополь, а кисти рукъ, обмакнувъ въ крови, отпечатлѣваютъ на своихъ знаменахъ Выстрѣлы утихли. Орлы , спутники войскъ, поднялись надъ горою, съ высоты высматривая себѣ добычу. Въ это время показалась толпа генераловъ и офицеровъ : графъ Паскевичъ пріѣхалъ и отправился на гору, за которою скрылись Турки. Они были подкрѣплены четырью тысячами конницы, скрытой въ лощинѣ и въ оврагахъ. Съ высоты горы открылся намъ Турецкій лагерь , отдѣленный отъ насъ оврагами и высотами. Мы возвратились поздно. Проѣзжая нашимъ лагеремъ , я видѣлъ нашихъ раненыхъ , изъ коихъ человѣкъ пять умерло въ ту же ночь и на другой день. Вечеромъ навѣстилъ я молодого Остенъ-Сакена , раненаго въ тотъ же день въ другомъ сраженіи.

Лагерная жизнь очень мнѣ нравилась. Пушка подымала насъ на зарѣ. Сонъ въ палаткѣ удивительно здоровъ. За обѣдомъ запивали мы Азіатскій шашлыкъ Англійскимъ пивомъ и шампанскимъ , застывшимъ въ снѣгахъ Таврійскихъ. Общество наше было разнообразно. Въ палаткѣ генерала Раевскаго собирались Беки Мусульманскихъ полковъ , и бесѣда шла черезъ переводчика. Въ войскѣ нашемъ находились и народы Закавказскихъ нашихъ областей, и жители земель, недавно завоеванныхъ. Между ними съ любопытствомъ смотрѣлъ я на Язидовъ, слывущихъ на Востокѣ дьяволопоклонниками. Около трехсотъ семействъ обитаютъ у подошвы Арарата. Они признали владычество Русскаго Государя. Начальникъ ихъ , высокій , уродливый мужчина, въ красномъ плащѣ и черной шапкѣ , приходилъ иногда съ поклономъ къ генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать отъ Язида правду о ихъ вѣроисповѣданіи. На мои вопросы отвѣчалъ онъ , что молва , будто бы Язиды покло-

lib.pushkinskijdom.ru

няются сатанѣ, есть пустая басня; что они вѣруютъ въ единаго Бога; что по ихъ закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличнымъ и неблагороднымъ, ибо онъ теперь несчастливъ, но современемъ можетъ быть прощенъ, ибо нельзя положить предѣловъ милосердію Аллаха. Это объясненіе меня успокоило Я очень радъ былъ за Язидовъ, что они сатанѣ не поклоняются, и заблужденія ихъ показались мнѣ уже гораздо простительнѣе.

Человѣкъ мой явился въ лагерь черезъ три дня послѣ меня. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ вагенбургомъ, который въ виду непріятеля благополучно соединился съ арміей. NB. Во все время похода ни одна арба изъ многочисленнаго нашего обоза не была захвачена непріятелемъ. Порядокъ, съ какимъ обозъ слѣдовалъ за войскомъ, въ самомъ дѣлѣ, удивителенъ.

17 іюня утромъ вновь услышали мы перестрѣлку и черезъ два часа увидѣли Карабахскій полкъ возвращающимся съ восемью Турецкими знаменами: полковникъ Фрндериксъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ, засѣвшимъ за каменными завалами, вытѣснилъ его и прогналъ; Османъ-паша, начальствовавшій конницей, едва успѣлъ спастись.

18 іюня лагерь передвинулся на другое мѣсто. 19-го, едва пушка разбудила насъ, все въ лагерѣ пришло въ движеніе. Генералы поѣхали къ своимъ постамъ. Полки строились; офицеры становились у своихъ взводовъ. Я остался одинъ, не зная, въ которую сторону ѣхать, и пустилъ лошадь на волю Божію. Я встрѣтилъ генерала Бурцова, который звалъ меня на лѣвый флангъ. Что такое лѣвый флангъ? подумалъ я и поѣхалъ далѣе. Я увидѣлъ генерала Муравьева, разставлявшаго пушки. Вскорѣ показались Дели-Баши и закружились въ долинѣ, перестрѣливаясь съ нашими казаками. Между-тѣмъ, густая толпа ихъ пѣхоты шла по лощинѣ. Генералъ Муравьевъ приказалъ стрѣлять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Турки повалили въ сторону и скрылись за возвышеніемъ. Я увидѣлъ графа Паскевича, окруженнаго своимъ штабомъ Турки обходили наше войско, отдѣленное отъ нихъ глубокимъ оврагомъ. Графъ послалъ П. осмотрѣть оврагъ. П. поскакалъ. Турки приняли его за наѣздника и

lib.pushkinskijdom.ru

дали по немъ залпъ Всѣ засмѣялись. Графъ велѣлъ выставить пушки и палить. Непріятель разсыпался по горѣ и по лощинѣ. На лѣвомъ флангѣ, куда звалъ меня Бурцовъ, происходило жаркое дѣло. Передъ нами (противу центра) скакала Турецкая конница. Графъ послалъ противъ нея генерала Раевскаго, который повелъ въ атаку свой Нижегородскій полкъ. Турки исчезли. Татаре наши окружали ихъ раненыхъ и проворно раздѣвали, оставляя нагихъ посреди поля. Генералъ Раевскій остановился на краю оврага. Два эскадрона, отдѣлясь отъ полка, занеслись въ своемъ преслѣдованіи; они были выручены полковникомъ Симоничемъ.

Сраженіе утихло: Турки у насъ въ глазахъ начали копать землю и таскать каменья, укрѣпляясь по своему обыкновенію. Ихъ оставили въ покоѣ. Мы слѣзли съ лошадей и стали обѣдать чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время къ графу привели нѣсколькихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ жестоко раненъ. Ихъ разспросили. Около шестаго часу войска опять получили приказъ идти на непріятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли насъ пушечными выстрѣлами и вскорѣ начали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться въ оврагъ. Земля обрывалась и сыпалась подъ конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда ** уланскій полкъ переѣхалъ бы черезъ меня. Однако, Богъ вынесъ. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, какъ вся наша конница поскакала во весь опоръ. Турки бѣжали; казаки стегали нагайками пушки, брошенныя на дорогѣ, и неслись мимо. Турки бросались въ овраги, находящіеся по обѣимъ сторонамъ дороги. Они уже не стрѣляли; по крайней мѣрѣ ни одна пуля не просвистала мимо моихъ ушей. Первые въ преслѣдованіи были наши Татарскіе полки, коихъ лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусивъ повода, отъ нихъ не отставала: я насилу могъ ее сдержать. Она остановилась передъ трупомъ молодаго Турка, лежавшимъ поперегъ дороги. Ему, казалось, было лѣтъ осмнадцать; блѣдное дѣвическое лице не было обезображено; чалма его валялась въ пыли; обритый заты-

lib.pushkinskijdom.ru

локъ прострѣленъ былъ пулею. Я поѣхалъ шагомъ; вскорѣ нагналъ меня Р. Онъ написалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги донесеніе графу Паскевичу о совершенномъ пораженіи непріятеля и поѣхалъ далѣе. Я слѣдовалъ за нимъ издали. Настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждомъ шагу. Графъ Паскевичъ повелѣлъ не прекращать преслѣдованія и самъ имъ управлялъ. Меня обогнали конные наши отряды. Я увидѣлъ полковника Полякова, начальника казацкой артиллеріи, игравшей въ тотъ день важную роль, и съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ оставленное селеніе, гдѣ остановился графъ Паскевичъ, прекратившій преслѣдованіе по причинѣ наступившей ночи.

Мы нашли Графа на кровлѣ подземной сакли передъ огнемъ. Къ нему приводили плѣнныхъ. Тутъ находились почти всѣ начальники. Казаки держали въ поводьяхъ ихъ лошадей. Огонь освѣщалъ картину, достойную Сальватора-Розы; рѣчка шумѣла во мракѣ. Въ это время донесли Графу, что въ деревнѣ спрятаны пороховые запасы, и что должно опасаться взрыва. Графъ оставилъ саклю со всею своею свитою. Мы поѣхали къ нашему лагерю, находившемуся уже въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ мы ночевали. Дорога полна была конныхъ отрядовъ. Только успѣли мы прибыть на мѣсто, какъ вдругъ небо освѣтилось, какъ будто метеоромъ, и мы услышали глухой взрывъ. Сакля, оставленная нами назадъ тому четверть часа, взорвана была на воздухъ; въ ней находился пороховой запасъ. Разметанные камни задавили нѣсколькихъ казаковъ.

Вотъ все, что въ то время успѣлъ я увидѣть. Вечеромъ я узналъ, что въ семъ сраженіи разбитъ Сераскиръ Арзрумскій, шедшій на присоединеніе къ Гаки-Пашѣ съ тридцатью тысячами войска. Сераскиръ бѣжалъ къ Арзруму; войско его, переброшенное за Саганъ-лу, было разсѣяно, артиллерія взята, а Гаки-Паша одинъ оставался у насъ на рукахъ. Графъ Паскевичъ не далъ ему времени распорядиться.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сраженіе съ Гаки-Пашею. — Смерть Татарскаго Бека. — Гермафродитъ. — Плѣнный Паша. — Араксъ. — Мостъ пастуха. — Гассанъ-Кале. — Горячій источникъ. — Походъ къ Арзруму. — Переговоры. — Взятіе Арзрума. — Турецкіе плѣнники. — Дервишъ.

На другой день въ пятомъ часу лагерь проснулся и получилъ приказаніе выступить. Выйдя изъ палатки, встрѣтилъ я графа Паскевича, вставшаго прежде всѣхъ. Онъ увидѣлъ меня. «Etes-vous fatigué de la journée d'hier?» — Mais un peu; M. le Comte. — «J'en suis fâché pour vous, car nous allons faire encore une marche pour joindre le Pacha, et puis il faudra poursuivre l'ennemi encore une trentaine de verstes.»

Мы тронулись и къ осьми часамъ пришли на возвышеніе, съ котораго лагерь Гаки-Паши виденъ былъ какъ на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Между-тѣмъ, въ лагерѣ ихъ замѣтно было большое движеніе. Усталость и утренній жаръ заставили многихъ изъ насъ слѣзть съ лошадей и лечь на свѣжую траву. Я опуталъ поводья около руки и сладко заснулъ, въ ожиданіи приказа идти впередъ. Чрезъ четверть часа меня разбудили. Все было въ движеніи. Съ одной стороны колонны шли на Турецкій лагерь; съ другой конница готовилась преслѣдовать непріятеля. Я поѣхалъ было за Нижегородскимъ полкомъ, но лошадь моя хромала: я отсталъ. Мимо меня пронеслся Уланскій полкъ. Потомъ В. проскакалъ съ тремя пушками. Я очутился одинъ въ лѣсистыхъ горахъ. Мнѣ попался на встрѣчу драгунъ, который объявилъ, что лѣсъ наполнился непріятелемъ. Я воротился. Я встрѣтилъ генерала М. съ пѣхотнымъ полкомъ. Онъ отрядилъ одну роту въ лѣсъ, дабы его очистить. Подъѣзжая къ лощинѣ, увидѣлъ я необыкновенную картину. Подъ деревомъ лежалъ одинъ изъ нашихъ Татарскихъ Бековъ, раненый смертельно. Подлѣ него рыдалъ его любимецъ. Мулла, стоя на колѣняхъ, читалъ молитвы. Умирающій Бекъ былъ чрезвычайно спокоенъ и неподвижно глядѣлъ на молодаго своего друга. Въ лощинѣ собрано было человѣкъ пятьсотъ плѣнныхъ. Нѣсколько раненыхъ Турковъ подзывали меня знаками, вѣроятно,

lib.pushkinskijdom.ru

принимая меня за лекаря и требуя помощи, которой я не могъ имъ подать. Изъ лѣсу вышелъ Турокъ, зажимая свою рану окровавленною тряпкою. Солдаты подошли къ нему, съ намѣреніемъ его приколоть, можетъ быть, изъ человѣколюбія. Но это слишкомъ меня возмутило: я заступился за бѣднаго Турку и на силу привелъ его, изнеможеннаго и истекающаго кровью къ кучкѣ его товарищей. При нихъ былъ полковникъ А. Онъ курилъ дружелюбно изъ ихъ трубокъ, несмотря на то, что были слухи о чумѣ, будто бы открывшейся въ Турецкомъ лагерѣ. Плѣнные сидѣли, спокойно разговаривая между собою. Почти всѣ были молодые люди. Отдохнувъ, пустились мы далѣе. По всей дорогѣ валялись тѣла. Верстахъ въ пятнадцати нашелъ я Нижегородскій полкъ, остановившійся на берегу рѣчки, посреди скалъ. Преслѣдованіе продолжалось еще нѣсколько часовъ. Къ вечеру пришли мы въ долину, окруженную густымъ лѣсомъ, и наконецъ могъ я выспаться въ волю, проскакавъ въ эти два дня болѣе восьмидесяти верстъ.

На другой день войска, преслѣдовавшія непріятеля, получили приказъ возвратиться въ лагерь. Тутъ узнали мы, что между плѣнниками находился гермафродитъ. Р., по просьбѣ моей, велѣлъ его привести. Я увидѣлъ высокаго, довольно толстаго мужика, съ лицемъ старой курносой чухонки. Мы осмотрѣли его въ присутствіи лекаря . . . . . Сія болѣзнь, извѣстная Ипократу, по свидѣтельству путешественниковъ, встрѣчается часто у кочующихъ Татаръ и у Турковъ. *Коосъ* есть Турецкое названіе симъ мнимымъ гермафродитамъ.

Войско наше стояло на турецкомъ лагерѣ, взятомъ наканунѣ. Палатка графа Паскевича стояла близъ зеленаго шатра Гаки-Паши, взятаго въ плѣнъ нашими казаками. Я пошелъ къ нему и нашелъ его окруженнаго нашими офицерами. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и куря трубку. Онъ казался лѣтъ сорока. Важность и глубокое спокойствіе изображались на прекрасномъ лицѣ его. Отдавшись въ плѣнъ, онъ просилъ, чтобъ ему дали чашку кофею и чтобъ его избавили отъ вопросовъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Мы стояли въ долинѣ. Снѣжныя и лѣсистыя горы Саганъ-лу были уже за нами. Мы пошли впередъ, не встрѣчая нигдѣ непріятеля. Селенія были пусты, окрестная сторона печальна. Мы увидѣли Араксъ, быстро текущій въ каменистыхъ берегахъ своихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Гассанъ-Кале, находится мостъ, прекрасно и смѣло выстроенный на семи неравныхъ сводахъ. Преданіе приписываетъ его построеніе разбогатѣвшему пастуху, умершему пустынникомъ на высотѣ холма, гдѣ донынѣ показываютъ его могилу, осѣненную двумя пустынными соснами. Сосѣдніе поселяне стекаются къ ней на поклоненіе. Мостъ называется *Чабанъ-Кэпри* (мостъ пастуха). Дорога въ Тебризъ лежитъ черезъ него.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста посѣтилъ я темныя развалины Караванъ-сарая. Я не нашелъ въ немъ никого, кромѣ больнаго осла, вѣроятно брошеннаго здѣсь бѣгущими поселянами.

24 іюня утромъ пошли мы къ Гассанъ-Кале, древней крѣпости, наканунѣ занятой княземъ Бековичемъ. Она была въ пятнадцати верстахъ отъ мѣста нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня. Я надѣялся отдохнуть; но вышло иначе.

Передъ выступленіемъ конницы, явились въ нашъ лагерь Армяне, живущіе въ горахъ, требуя защиты отъ Турковъ, которые три дня тому назадъ отогнали ихъ скотъ. Полковникъ А., хорошо не разобравъ, чего они хотѣли, вообразилъ, что Турецкій отрядъ находился въ горахъ, и съ однимъ эскадрономъ Уланскаго полка поскакалъ въ сторону, давъ знать Р., что три тысячи Турковъ находятся въ горахъ. Р. отправился вслѣдъ за нимъ, дабы подкрѣпить его въ случаѣ опасности. Я почиталъ себя прикомандированнымъ къ Нижегородскому полку, и съ великою досадою поскакалъ на освобожденіе Армянъ. Проѣхавъ верстъ двадцать, въѣхали мы въ деревню и увидѣли нѣсколько отставшихъ улановъ, которые, спѣшась, съ обнаженными саблями преслѣдовали нѣсколькихъ куръ. Здѣсь одинъ изъ поселянъ растолковалъ Р., что дѣло шло о трехъ тысячахъ воловъ, три дня назадъ отогнанныхъ Турками, и которыхъ весьма легко будетъ догнать дня черезъ два. Р. приказалъ уланамъ прекратить пре-

lib.pushkinskijdom.ru

слѣдованіе куръ и послалъ полковнику А. повелѣніе воротиться. Мы поѣхали обратно и, выбравшись изъ горъ, прибыли подъ Гассанъ-Кале. Но такимъ образомъ дали мы сорокъ верстъ крюку, дабы спасти жизнь нѣсколькимъ Армянскимъ курицамъ, что вовсе не казалось мнѣ забавнымъ.

Гассанъ-Кале почитается ключемъ Арзрума. Городъ выстроенъ у подошвы скалы, увѣнчанной крѣпостью. Въ немъ находилось до ста Армянскихъ семействъ. Лагерь нашъ стоялъ въ широкой равнинѣ, разстилающейся передъ крѣпостью. Тутъ посѣтилъ я круглое, каменное строеніе, въ коемъ находится горячій желѣзосѣрный источникъ.

Круглый бассейнъ имѣетъ сажени три въ діаметрѣ. Я переплылъ его два раза и вдругъ, почувствовавъ головокруженіе и тошноту, едва имѣлъ силу выдти на каменный край источника. Эти воды славятся на Востокѣ; но, не имѣя порядочныхъ лекарей, жители пользуются ими наобумъ и, вѣроятно, безъ большаго успѣха.

Подъ стѣнами Гассанъ-Кале течетъ рѣка Мургъ; берега ея покрыты желѣзными источниками, которые бьютъ изъ-подъ камней и стекаютъ въ рѣку. Они не столь пріятны вкусу, какъ Кавказскій Нарзанъ, и отзываются мѣдью.

25 іюня, въ день рожденія Государя Императора, въ лагерѣ нашемъ подъ стѣнами крѣпости полки отслушали молебенъ. За обѣдомъ у графа Паскевича, когда пили здоровье Государя, Графъ объявилъ походъ къ Арзруму. Въ пять часовъ вечера войско уже выступило.

26 іюня мы стали въ горахъ въ пяти верстахъ отъ Арзрума. Горы эти называются *Акъ-даг* (бѣлыя горы); онѣ мѣловыя. Бѣлая, язвительная пыль ѣла намъ глаза; грустный видъ ихъ наводилъ тоску. Близость Арзрума и увѣренность въ окончаніи похода утѣшала насъ.

Вечеромъ графъ Паскевичъ ѣздилъ осматривать мѣстоположеніе. Турецкіе наѣздники, цѣлый день кружившіеся передъ нашими пикетами, начали по немъ стрѣлять. Графъ нѣсколько

lib.pushkinskijdom.ru

разъ погрозилъ имъ нагайкою, не переставая разсуждать съ генераломъ М. На ихъ выстрѣлы не отвѣчали.

Между тѣмъ, въ Арзрумѣ происходило большое смятеніе. Сераскиръ, прибѣжавшій въ городъ послѣ своего пораженія, распустилъ слухъ о совершенномъ разбитіи Русскихъ. Вслѣдъ за нимъ отпущенные плѣнники доставили жителямъ воззваніе графа Паскевича. Бѣглецы уличили Сераскира во лжи. Вскорѣ узнали о быстромъ приближеніи Русскихъ. Народъ сталъ говорить о сдачѣ. Сераскиръ и войско думали защищаться. Произошелъ мятежъ. Нѣсколько Франковъ были убиты озлобленной чернью.

Въ лагерь нашъ (26-го утромъ) явились депутаты отъ народа и Сераскира. День прошелъ въ переговорахъ; въ пять часовъ вечера депутаты отправились въ Арзрумъ, и съ ними генералъ князь Бековичъ, хорошо знающій Азіатскіе языки и обычаи.

На другой день утромъ войско наше двинулось впередъ. Съ восточной стороны Арзрума, на высотѣ Топъ-дага находилась Турецкая батарея. Полки пошли къ ней, отвѣчая на Турецкую пальбу барабаннымъ боемъ и музыкою. Турки бѣжали, и Топъ-дагъ былъ занятъ. Я пріѣхалъ туда съ поэтомъ Ю. На оставленной батареѣ нашли мы графа Паскевича со всею его свитою. Съ высоты горы открывался взору Арзрумъ со всею цитаделью, съ зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Графъ былъ верхомъ. Передъ нимъ на землѣ сидѣли Турецкіе депутаты, пріѣхавшіе съ ключами города. Но въ Арзрумѣ замѣтно было волненіе. Вдругъ на городскомъ валу мелькнулъ огонь, закурился дымъ, и ядра полетѣли къ Топъ-дагу. Нѣсколько ихъ пронеслось надъ головою графа Паскевича: «Voyez les Turcs — сказалъ онъ мнѣ — on ne peut jamais se fier à eux.» Въ сію минуту прискакалъ на Топъ-дагъ князь Бековичъ, со вчерашняго дня находившійся въ Арзрумѣ на переговорахъ. Онъ объявилъ, что Сераскиръ и народъ давно согласны на сдачу, но что нѣсколько непослушныхъ Арнаутовъ, подъ предводительствомъ Топчи-паши, овладѣвъ городскими батареями, бунтуютъ. Генералы подъѣхали къ графу, прося позволенія заставить замолчать Турецкія батареи. Арзрумскіе сановники, сидѣвшіе подъ огнемъ своихъ же

lib.pushkinskijdom.ru

пушекъ, повторили ту же просьбу. Графъ нѣсколько времени медлилъ, наконецъ далъ повелѣніе, сказавъ: «полно имъ дурачиться.» Тотчасъ подвезли пушки, стали стрѣлять, и непріятельская пальба мало по малу утихла. Полки наши пошли въ Арзрумъ, и 27 іюня, въ годовщину Полтавскаго сраженія, въ шесть часовъ вечера Русское знамя развилось надъ Арзрумской цитаделью.

Р. поѣхалъ въ городъ; я отправился съ нимъ. Мы въѣхали въ городъ, представлявшій удивительную картину. Турки, съ плоскихъ кровель своихъ, угрюмо смотрѣли на насъ. Армяне шумно толпились въ тѣсныхъ улицахъ. Ихъ мальчишки бѣжали передъ нашими лошадьми, крестясь и повторяя: «христіянъ! христіянъ!»... Мы подъѣхали къ крѣпости, куда входила наша артиллерія. Съ крайнимъ изумленіемъ встрѣтилъ я тутъ моего Артемія, уже разъѣзжающаго по городу, несмотря на строгое предписаніе никому изъ лагеря не отлучаться безъ особеннаго позволенія.

Улицы города тѣсны и кривы, дома довольно высоки. Народу множество; лавки были заперты. Пробывъ въ городѣ часа съ два, я возвратился въ лагерь: Сераскиръ и четверо Пашей, взятые въ плѣнъ, находились уже тутъ. Одинъ изъ Пашей, сухощавый старичокъ, ужасный хлопотунъ, съ живостію говорилъ нашимъ генераламъ. Увидѣвъ меня во фракѣ, онъ спросилъ, кто я таковъ. П. далъ мнѣ титулъ поэта. Паша сложилъ руки на грудь и поклонился мнѣ, сказавъ черезъ переводчика: «Благословенъ часъ, когда встрѣчаемъ поэта. Поэтъ—братъ Дервишу. Онъ не имѣетъ ни отечества, ни благъ земныхъ, и между тѣмъ, какъ мы, бѣдные, заботимся о славѣ, о власти, о сокровищахъ, онъ стоитъ наравнѣ съ властелинами земли и ему поклоняются.»

Восточное привѣтствіе Паши всѣмъ намъ очень полюбилось. Я пошелъ взглянуть на Сераскира. При входѣ въ его палатку встрѣтилъ я его любимаго пажа, черноглазаго мальчика лѣтъ четырнадцати, въ богатой Арнаутской одеждѣ. Сераскиръ, сѣдой старикъ, наружности самой обыкновенной, сидѣлъ въ глубокомъ унынiи. Около него была толпа нашихъ офицеровъ. Выходя изъ

lib.pushkinskijdom.ru

его палатки, увидѣлъ я молодаго человѣка, полунагаго, въ бараньей шапкѣ, съ дубиной въ рукѣ и съ мѣхомъ (outre) за плечами. Онъ кричалъ во все горло. Мнѣ сказали, что это былъ братъ мой Дервишъ, пришедшій привѣтствовать побѣдителей. Его на силу отогнали.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Арзрумъ. — Азіатская роскошь. — Климатъ. — Сатирическіе стихи. — Сераскирскій дворецъ. — Гаремъ Турецкаго Паши. — Чума. — Смерть Бурцова. — Выѣздъ изъ Арзрума. — Обратный путь. — Русской журналъ.

Арзрумъ (неправильно называемый Арзерумъ, Эрзрумъ, Эрзронъ) основанъ около 415 года, во время Ѳеодосія Втораго, и названъ Ѳеодосіополемъ. Никакого историческаго воспоминанія не соединяется съ его именемъ. Я зналъ о немъ только то, что здѣсь, по свидѣтельству Гаджи-Бабы, поднесены были Персидскому послу, въ удовлетвореніе какой-то обиды, телячьи уши вмѣсто человѣчьихъ.

Арзрумъ почитается главнымъ городомъ въ Азіатской Турціи. Въ немъ считалось до ста тысячь жителей; но, кажется, число сіе слишкомъ увеличено. Дома въ немъ каменные, кровли покрыты дерномъ, что̀ даетъ городу чрезвычайно странный видъ, если смотришь на него съ высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востокомъ производится чрезъ Арзрумъ. Но товаровъ въ немъ продается мало; ихъ здѣсь и не выкладываютъ, что̀ замѣтилъ и Турнфоръ, пишущій, что въ Арзрумѣ больной можетъ умереть за невозможностію достать ложки ревеня, между-тѣмъ, какъ цѣлые мѣшки онаго находятся въ городѣ.

Не знаю выраженія, которое было бы безсмысленнѣе словъ: «Азіатская роскошь». Эта поговорка, вѣроятно, родилась во время крестовыхъ походовъ, когда бѣдные рыцари, оставя голыя стѣны и дубовые стулья своихъ замковъ, увидѣли въ первый разъ красные диваны, пестрые ковры и кинжалы съ цвѣтными камешками на рукояти. Нынѣ можно сказать: «Азіатская бѣдность, Азіатское свинство» и проч.; но роскошь, конечно, при-

lib.pushkinskijdom.ru

надлежность Европы. Въ Арзрумѣ ни за какія деньги нельзя купить того, что̀ вы найдете въ мелочной лавкѣ перваго уѣзднаго городка Псковской губерніи.

Климатъ Арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячь футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ бо́льшую часть года. Земля безлѣсна, но плодоносна; она орошена множествомъ источниковъ и отвсюду пересѣчена водопроводами. Арзрумъ славится своею водою. Эвфратъ течетъ въ трехъ верстахъ отъ города; но фонтановъ вездѣ множество. У каждаго виситъ жестяной ковшикъ на цѣпи, и добрые Мусульмане пьютъ и не нахвалятся. Лѣсъ доставляется изъ Саганъ-лу.

Въ Арзрумскомъ арсеналѣ нашли множество стариннаго оружія, шлемовъ, латъ, сабель, ржавѣющихъ, вѣроятно, еще со временъ Годфреда.

Мечети низки и темны. За городомъ находится кладбище. Памятники состоятъ обыкновенно въ столбахъ, убранныхъ каменною чалмою. Гробницы двухъ или трехъ Пашей отличаются бо́льшей затѣйливостью; но въ нихъ нѣтъ ничего изящнаго: никакого вкуса, никакой мысли.... Одинъ путешественникъ пишетъ, что изъ всѣхъ Азіатскихъ городовъ, въ одномъ Арзрумѣ нашелъ онъ башенные часы, и тѣ были испорчены.

Нововведенія, затѣваемыя Султаномъ, не проникли еще въ Арзрумъ. Войско носитъ еще свой живописный восточный нарядъ. Между Арзрумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою. Вотъ начало сатирической поэмы, сочиненной янычаромъ Аминомъ-Оглу.

Стамбулъ Гяуры нынче славятъ,
А завтра кованной пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ — и такъ оставятъ:
Стамбулъ заснулъ передъ бѣдой.

Стамбулъ отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ опрачилъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Стамбулъ для сладостей порока
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ.
Стамбулъ отвыкъ отъ поту битвы
И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистой жаръ потухъ,
Въ немъ жены по кладбищамъ ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ харемы вводятъ,
И спитъ подкупленный евнухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многодорожный нашъ Арзрумъ:
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черпаемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постимся мы; струею трезвой
Святыя воды насъ поятъ;
Толпой безтрепетной и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены тамъ сидятъ.

Я жилъ въ Сераскировомъ дворцѣ, въ комнатахъ, гдѣ находился харемъ. Цѣлый день бродилъ я по безчисленнымъ переходамъ, изъ комнаты въ комнату, съ кровли на кровлю, съ лѣстницы на лѣстницу. Дворецъ казался разграбленнымъ; Сераскиръ, предполагая бѣжать, вывезъ изъ него что только могъ. Диваны были ободраны, ковры сняты. Когда гулялъ я по городу, Турки подзывали меня и показывали мнѣ языкъ. (Они принимаютъ всякаго Франка за лекаря.) Это мнѣ надоѣло — я готовъ былъ отвѣчать имъ тѣмъ же. Вечера проводилъ я съ умнымъ и любезнымъ С.; сходство нашихъ занятій сближало насъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ литературныхъ предположеніяхъ, о своихъ историческихъ изысканіяхъ, нѣкогда начатыхъ имъ съ такою ревностью и удачей. Ограниченность его желаній и требованій по истинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены..

lib.pushkinskijdom.ru

Дворецъ Сераскира представлялъ картину вѣчно оживленную: тамъ, гдѣ угрюмый Паша молчаливо курилъ, посреди своихъ женъ и отроковъ, тамъ его побѣдитель получалъ донесенія о побѣдахъ своихъ генераловъ, раздавалъ Пашалыки, разговаривалъ о новыхъ романахъ. Мушской Паша пріѣзжалъ къ графу Паскевичу просить у него мѣста для своего племянника. Ходя по дворцу, важный Турокъ остановился въ одной изъ комнатъ, съ живостію проговорилъ нѣсколько словъ и впалъ потомъ въ задумчивость: въ этой самой комнатѣ обезглавленъ былъ его отецъ по повелѣнію Сераскира. Вотъ впечатлѣнія настоящія Восточныя! Славный Бей-булатъ, гроза Кавказа, пріѣзжалъ въ Арзрумъ съ двумя старшинами Черкескихъ селеній, возмутившихся во время послѣднихъ войнъ. Они обѣдали у графа Паскевича. Бей-булатъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти, малорослый и широкоплечій. Онъ по-Русски не говоритъ, или притворяется, что не говоритъ. Пріѣздъ его въ Арзрумъ меня очень обрадовалъ: онъ былъ уже мнѣ порукой въ безопасномъ переѣздѣ черезъ горы и Кабарду.

Османъ Паша, взятый въ плѣнъ подъ Арзрумомъ и отправленный въ Тифлисъ вмѣстѣ съ Сераскиромъ, просилъ графа Паскевича за безопасность харема, имъ оставляемаго въ Арзрумѣ. Въ первые дни о немъ было забыли. Однажды за обѣдомъ, разговаривая о тишинѣ Мусульманскаго города, занятаго десятью тысячами войска, и въ которомъ ни одинъ изъ жителей ни разу не пожаловался на насиліе солдата, Графъ вспомнилъ о харемѣ Османа-Паши и приказалъ Г. А. съѣздить въ домъ Паши и спросить у его женъ, довольны ли онѣ и не было ли имъ какой нибудь обиды. Я просилъ позволенія сопровождать Г. А. Мы отправились. Г. А. взялъ съ собою въ переводчики Русскаго офицера, коего исторія любопытна. Осмнадцати лѣтъ попался онъ въ плѣнъ къ Персіянамъ. . . . . онъ болѣе двадцати лѣтъ служилъ евнухомъ въ харемѣ одного изъ сыновей Шаха. Онъ разсказывалъ о своемъ несчастіи въ пребываніи въ Персіи съ трогательнымъ простодушіемъ. Въ физіологическомъ отношеніи, показанія его были драгоцѣнны.

lib.pushkinskijdom.ru

Мы пришли къ дому Османа Паши ; насъ ввели въ открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусомъ; на цвѣтныхъ окнахъ начертаны были надписи, взятыя изъ Корана. Одна изъ нихъ показалась мнѣ очень замысловата для Мусульманскаго харема : *тебѣ подобаетъ связывать и развязывать.* Намъ поднесли кофію въ чашечкахъ, оправленныхъ въ серебрѣ. Старикъ съ бѣлой почтенной бородою, отецъ Османа Паши, пришелъ отъ имени женъ благодарить графа Паскевича , но Г. А. сказалъ наотрѣзъ, что онъ посланъ къ женамъ Османа Паши и хочетъ ихъ видѣть , дабы отъ нихъ самихъ удостовѣриться , что онѣ въ отсутствіе супруга всѣмъ довольны. Едва Персидскій плѣнникъ успѣлъ все это перевести , какъ старикъ , въ знакъ негодованія, защелкалъ языкомъ и объявилъ, что никакъ не можетъ согласиться на наше требованіе , и что если Паша , по своемъ возвращеніи, провѣдаетъ, что чужіе мужчины видѣли его женъ, то и ему старику и всѣмъ служителямъ харема велитъ отрубить голову. Прислужники, между коими не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика ; но Г. А. былъ неколебимъ. «Вы боитесь своего Паши — сказалъ онъ имъ — а я своего Сераскира , и не смѣю ослушаться его приказаній.» Дѣлать было нечего. Насъ повели черезъ садъ, гдѣ были два тощіе фонтана. Мы приближились къ маленькому каменному строенію. Старикъ сталъ между нами и дверью, осторожно ее отперъ, не выпуская изъ рукъ задвижки ; мы увидѣли женщину, съ ногъ до желтыхъ туфель покрытую бѣлой чадрою. Нашъ переводчикъ повторилъ ей вопросъ : мы услышали шамканье семидесяти-лѣтней старухи; Г. А. прервалъ ее : «это мать Паши — сказалъ онъ — а я присланъ къ женамъ, приведите одну изъ нихъ.» Всѣ изумились догадкѣ Гяуровъ : старуха ушла и черезъ минуту возвратилась съ женщиной , покрытой также какъ и она — изъ-подъ покрывала раздался молодой пріятной голосокъ. Она благодарила Графа за его вниманіе къ бѣднымъ вдовамъ и хвалила обхожденіе Русскихъ. Г. А. имѣлъ искусство вступить съ нею въ дальнѣйшій разговоръ ; я между тѣмъ , глядя около себя , увидѣлъ вдругъ надъ самой дверью круглое окошко , и въ этомъ кругломъ окош-

lib.pushkinskijdom.ru

кѣ пять или шесть круглыхъ головъ съ черными любопытными глазами. Я хотѣлъ было сообщить о своемъ открытіи Г. А., но головки закивали, замигали, и нѣсколько пальчиковъ стали мнѣ грозить, давая знать, чтобъ я молчалъ. Я повиновался и не подѣлился моею находкою. Всѣ онѣ были пріятны лицемъ, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у двери съ Г. А., была, вѣроятно, повелительницею харема, сокровищницею сердецъ, розою любви — по крайней мѣрѣ, я такъ воображалъ.

Наконецъ Г. А. прекратилъ свои распросы. Дверь затворилась. Лица въ окошкѣ исчезли. Мы осмотрѣли садъ и домъ, и возвратились очень довольные своимъ посольствомъ.

Такимъ образомъ видѣлъ я харемъ: это удалось рѣдкому Европейцу. Вотъ вамъ основаніе для восточнаго романа.

Война, казалось, кончена. Я собирался въ обратный путь. 14 Іюля пошелъ я въ народную баню, и не радъ былъ жизни! Я проклиналъ нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Какъ можно сравнить бани Арзрумскія съ Тифлисскими!

Возвращаясь во дворецъ, узналъ я отъ К., стоявшаго въ карауле, что въ Арзрумѣ открылась чума. Мнѣ тотчасъ представились ужасы карантина, и я въ тотъ же день рѣшился оставить армію. Мысль о присутствіи чумы очень непріятна съ непривычки. Желая изгладить это впечатлѣніе, я пошелъ гулять по базару. Остановясь передъ лавкою оружейнаго мастера, я сталъ разсматривать какой-то кинжалъ, какъ вдругъ ударили меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоялъ ужасный нищій. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть; изъ красныхъ, загноенныхъ глазъ его текли слезы. Мысль о чумѣ опять мелькнула въ моемъ воображеніи. Я оттолкнулъ нищаго съ чувствомъ отвращенія неизъяснимаго, и воротился домой, очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство, однакожъ, превозмогло; на другой день я отправился съ лекаремъ въ лагерь, гдѣ находились зачумленные. Я не сошелъ съ лошади и взялъ предосторожность стать по вѣтру. Изъ палатки вывели намъ больнаго; онъ былъ чрезвычайно блѣденъ и шатался какъ пьяный. Другой больной лежалъ безъ памяти. Осмотрѣвъ чумнаго и обѣщавъ несчастному скорое вы-

lib.pushkinskijdom.ru

здоровленіе, я обратилъ вниманіе на двухъ Турковъ, которые выводили его подъ руки, раздѣвали, щупали, какъ будто чума была не что иное какъ насморкъ. Признаюсь, я устыдился моей Европейской робости въ присутствіи такого равнодушія и поскорѣе возвратился въ городъ.

19 Іюля, пришедъ проститься съ графомъ Паскевичемъ, я нашелъ его въ сильномъ огорченіи. Получено было извѣстіе, что генералъ Бурцовъ былъ убитъ подъ Байбуртомъ. Жаль было храбраго Бурцова, но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго глубоко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при слухѣ о первой неудачѣ. И такъ война возобновилась! Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ предпріятій; но я спѣшилъ въ Россію..... Графъ подарилъ мнѣ на память Турецкую саблю. Она хранится у меня памятникомъ моего странствованія вослѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ же день я оставилъ Арзрумъ.

Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ уже мнѣ знакомой. Мѣста, еще недавно оживленныя присутствіемъ пятнадцати тысячь войска, были молчаливы и печальны. Я переѣхалъ Саганълу и едва могъ узнать мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Въ Гумрахъ выдержалъ я трехъ-дневный карантинъ. Опять увидѣлъ я Безобдалъ и оставилъ возвышенныя равнины холодной Арменіи для знойной Грузіи. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го Августа. Здѣсь остался я нѣсколько дней въ любезномъ и веселомъ обществѣ. Нѣсколько вечеровъ провелъ я въ садахъ при звукѣ музыки и пѣсенъ Грузинскихъ. Я отправился далѣе. Переѣздъ мой черезъ горы замѣчателенъ былъ для меня тѣмъ, что близъ Коби ночью застала меня буря. Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками. Бѣшеная Балка также явилась мнѣ во всемъ своемъ величіи: оврагъ, наполнившійся дождевыми водами, превосходилъ въ

lib.pushkinskijdom.ru

своей свирѣпости самый Терекъ, тутъ же грозно ревѣвшій. Берега были разтерзаны; огромные камни сдвинуты съ мѣста и загромождали потокъ. Множество Осетинцевъ разработывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконецъ я выѣхалъ изъ тѣснаго ущелья на раздолье широкихъ равнинъ Большой Кабарды. Во Владикавказѣ нашелъ я Д. и П. Оба ѣхали на воды лечиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ нынѣшніе походы. У П. на столѣ нашелъ я Русскіе Журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи. Я сталъ читать ее въ слухъ. П. остановилъ меня, требуя, чтобъ я читалъ съ большимъ мимическимъ искусствомъ. Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомысломъ этой маленькой комедіи. Требованіе П—на показалось мнѣ такъ забавно, что досада, произведенная на меня чтеніемъ журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались отъ чистаго сердца.

Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ОТДѢЛУ.

ЗАПИСКИ А. С. ПУШКИНА.

Подъ этимъ оглавленіемъ изданіе наше собрало статьи Пушкина, напечатанныя посмертнымъ изданіемъ его сочиненій 1838—1841 г. въ разныхъ мѣстахъ. Отдѣлъ нашъ, такимъ образомъ, состоитъ изъ: a) Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ, b) Остатковъ настоящихъ Записокъ Пушкина, c) Мыслей и замѣчаній его, d) Критическихъ его замѣтокъ, e) Коллекціи собранныхъ имъ анекдотовъ и f) Путешествія въ Арзрумъ въ 1829 году. Вмѣстѣ взятыя, статьи эти весьма драгоцѣнны, даже и помимо ихъ литературнаго достоинства. Это лучшее объясненіе какъ самой личности автора, такъ и многихъ подробностей его жизни. Каждую изъ статей этого отдѣла сопровождаемъ мы примѣчаніями, касающимися прежней ихъ редакціи и внѣшней формы, полученной ими въ разныхъ изданіяхъ, гдѣ они были помѣщены до свода ихъ въ посмертномъ изданіи 1838—1841. Начнемъ по порядку съ родословной Пушкиныхъ.

I.

РОДОСЛОВНАЯ ПУШКИНЫХЪ И ГАННИБАЛОВЫХЪ.

(a) Эта родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ напечатана была впервые въ журналѣ «Сынъ Отечества» 1840 г., № 7, апрѣль, стр. 463—468, вмѣстѣ съ другими выдержками изъ Записокъ Пушкина, подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Отрывки изъ Дневника А. С. Пушкина». Она вошла въ составъ посмертнаго изданія 1838—

lib.pushkinskijdom.ru

1841 г. со многими измѣненіями. Сохраняя текстъ сего послѣдняго изданія, мы укажемъ здѣсь разницы его со статьей, напечатанной въ «Сынѣ Отечества», которая вообще весьма близко держится рукописи и потому можетъ считаться самой вѣрной ея передачей, несмотря еще на нѣкоторые небольшіе пропуски.

(b) «Теперь торжественность *ихъ* окружаетъ»—согласно со статьей «Сына Отечества» и съ рукописью.

(c) «*Имя* предковъ моихъ»—согласно со статьей «Сына Отечества» и съ рукописью.

(d) Розысканія о фамиліи Пушкиныхъ сюда не принадлежатъ; но нельзя не замѣтить, что дворянинъ и потомъ великій сокольничій, Гаврило Григорьевичъ, ошибочно названъ здѣсь Григоріемъ: «*Послалъ Лжедимитрій на Тулу; а къ Москвѣ послалъ дворянъ Гаврила Григорьевича Пушкина, да Наума Михайловича Плещеева.*» (Исторія Государства Россійскаго, томъ XI, примѣчаніе 334, изданія 1824 года.) Поэтъ самъ называлъ его прежде Гаврилою, какъ напримѣръ въ письмахъ по поводу трагедіи своей, приложенныхъ нами въ «Матеріалахъ для біографіи». Ошибка произошла отъ случайнаго смѣшенія этого имени съ именемъ другаго Пушкина, боярина Григорья Гавриловича, служившаго при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ и отъ котораго Александръ Сергѣевичъ нисходилъ самъ въ прямой линіи, какъ уже было сказано прежде.

(e) Въ статьѣ «Сына Отечества» и въ рукописи прибавка: «въ припадкѣ сумасшествія, зарѣзавъ жену свою, находившуюся въ родахъ.»

(f) Въ статьѣ «Сына Отечества» и въ рукописи слѣдуетъ параграфъ: «Дѣдъ мой былъ человѣкъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму, за мнимую или настоящую ея связь съ Французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась. Однажды велѣлъ онъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на сносяхъ и чувствовала себя нездоровой, но не смѣла отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дѣдъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрѣшилась чуть ли не моимъ отцомъ. Родильницу привезли домой полумертвую, и положили на постелю всю разряженную и въ бриліантахъ. Все это знаю я довольно темно. Отецъ мой никогда не говорилъ о странностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли.»

lib.pushkinskijdom.ru

(g) . . . . «еще любопытнѣе.» — «Сынъ Отечества» и рукопись.

(h) За симъ слѣдуетъ въ «Сынѣ Отечества» и въ рукописи параграфъ: «Въ семейственной жизни прадѣдъ мой Ганнибалъ также былъ несчастливъ, какъ и прадѣдъ Пушкинъ. Первая жена его, красавица, родомъ Гречанка, родила ему бѣлую дочь. Онъ съ нею развелся и принудилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, а дочь ея Поликсену оставилъ при себѣ, далъ ей тщательное воспитаніе, богатое приданое, но никогда не пускалъ ее къ себѣ на глаза. Вторая жена его, Христина Регина фонъ Шеберхъ, вышла за него въ бытность его въ Ревелѣ Оберъ-Комендантомъ и родила ему множество черныхъ дѣтей обоего пола.»

(i) Послѣ сихъ словъ помѣщено въ «Сынѣ Отечества» и въ рукописи: «настоящее имя его было Януарій, но прабабушка моя не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея Нѣмецкаго произношенія.» За тѣмъ идетъ: «Дѣдъ мой служилъ во флотѣ....»

(k) Въ «Сынѣ Отечества» и въ рукописи слѣдуетъ за симъ: «Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствій и ссоръ, которыя кончились разводомъ.»

(l) Такъ и въ рукописи, но это явная ошибка. Отецъ Осипа Абрамовича, Абрамъ Ганнибалъ только что крещенъ былъ Петромъ Великимъ въ 1707 году, какъ видно изъ самой статьи. Въ родословной таблицѣ Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ, доставленной намъ Н. И. П—вымъ, Осипъ Абрамовичъ показанъ умершимъ въ 1806 году. Вслѣдъ за тѣмъ у Пушкина и въ «Сынѣ Отечества» прибавлено: «отъ слѣдствій невоздержной жизни.»

Въ заключеніе упомянемъ, что отецъ нашего поэта, Сергѣй Львовичъ, возражалъ на нѣкоторыя изъ подробностей этой статьи, напечатанныя, между прочимъ, уже послѣ смерти сына его. Возраженіе Сергѣя Львовича, подъ заглавіемъ: «Объ одномъ отрывкѣ изъ Дневника А. С. Пушкина», напечатано было въ «Современникѣ» 1840 г., № 3, іюнь, томъ 19, и мы отсылаемъ къ нему любопытныхъ и тѣхъ, которые бы хотѣли изслѣдовать критически всю эту исторію двухъ фамилій.

II.

ОСТАТКИ НАСТОЯЩИХЪ ЗАПИСОКЪ ПУШКИНА (АВТОБІОГРАФІЯ ЕГО).

(a) «Сынъ Отечества» 1840 г., № 7, («Отрывки изъ Дневника А. С. Пушкина»), гдѣ помѣщенъ былъ впервые этотъ и слѣдующій за нимъ отрывокъ, заключалъ слова: «это было въ февралѣ 1811

lib.pushkinskijdom.ru

года.» Посмертное изданіе, перепечатывая оттуда обѣ статьи, измѣнило ихъ такъ: «это было въ февралѣ 1821 года.» Редакція того и другаго неправильна. Должно читать: «это было въ февралѣ 1818», согласно съ рукописью и съ историческими данными самой жизни Пушкина. Не понимаемъ, откуда могло выйти разнорѣчіе. Скажемъ еще, что второй отрывокъ, касающійся Исторіи Карамзина, гораздо полнѣе напечатанъ въ посмертномъ изданіи, чѣмъ въ «Сынѣ Отечества», и что оба отрывка явились еще при жизни автора въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1828 годъ. Правда, тамъ они были сбиты вмѣстѣ и лишены всѣхъ подробностей, касающихся до болѣзни и выздоровленія автора, что и оправдываетъ помѣщеніе ихъ еще въ другомъ нашемъ отдѣлѣ (см. Мысли и замѣчанія Пушкина § 2.) Обращаемъ вниманіе читателя на разницы въ трехъ редакціяхъ этихъ отрывковъ. Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» толки, порожденные Исторіею Карамзина, разсказаны гораздо короче. Особенно тексты повѣствованій не сходны въ именахъ, или, лучше, въ начальныхъ буквахъ, замѣняющихъ имена людей, которые судили о твореніи историка. Такъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» сказано: «Н* разобралъ предисловіе», а въ «Сынѣ Отечества» и въ посмертномъ изданіи: «М* разобралъ предисловіе.» Такъ еще въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» сказано: «М* въ письмѣ къ В* пѣнялъ Карамзину», а въ «Сынѣ Отечества» и въ посмертномъ изданіи: «О* въ письмѣ къ В* пѣнялъ Карамзину.» Редакція «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» должна, кажется, считаться болѣе близкою къ дѣлу, хотя и здѣсь въ буквѣ В* есть ошибка: слѣдуетъ скорѣе буква Б. Вотъ поясненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ: «К*, бросившійся на предисловіе» означаетъ М. Т. Каченовскаго, разбиравшаго предисловіе Исторіи Государства Россійскаго въ «Вѣстникѣ Европы» 1818 и 1819 годовъ, подъ псевдонимомъ: Письма Кіевскаго жителя къ его другу. «О* въ письмѣ своемъ къ В*» поясняется такъ: М. Ѳ. Ор. написалъ длинное письмо объ Исторіи Государства Россійскаго къ извѣстному нашему писателю и впослѣдствіи государственному сановнику Дм. Петр. Бутырлину. Н. М. Мур—въ разбиралъ тоже предисловіе Карамзина въ 1817 году. Между прочимъ укажемъ еще на разницу въ одной фразѣ. «Сѣверные Цвѣты», упоминая о свѣтской женщинѣ, читавшей Исторію Карамзина, говорятъ: «Одна дама (впрочемъ очень *милая*)», а «Сынъ Отечества» и посмертное изданіе: «Одна дама (впрочемъ весьма *почтенная*).» Обѣ статьи въ первомъ своемъ видѣ написаны въ 1825 году, семь лѣтъ послѣ болѣзни Пушкина и девять послѣ выхода первыхъ томовъ Исторіи Карамзина. Прибавимъ

lib.pushkinskijdom.ru

для поясненія, что текстъ посмертнаго изданія есть черновой оригиналъ, а текстъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» есть оригиналъ исправленный и очищенный самимъ авторомъ.

(b) Эта замѣтка и двѣ предшествующія относятся ко времени пребыванія Пушкина на Югѣ и въ Кишиневѣ, какъ это видно изъ рукописи, гдѣ надъ ними помѣтка: «2 Апрѣля и 3 Апрѣля 1821 года.» Замѣтка о стихахъ кн. Вяземскаго порождена его посланіемъ къ В. А. Жуковскому (Подражаніе Сатирѣ III Депрео), которое было напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1821 г., № 10, мартовская книжка, съ подписью: Кн. Вяземскій. Тамъ находится и мѣсто, упоминаемое Пушкинымъ:

Не столько трудъ тяжелъ въ Нерчинскѣ рудокопу,
Какъ мнѣ, поймавши мысль, подвесть ее подъ стопу.
. . . . . .
Хочу ль сказать, къ кому былъ Фебъ изъ Русскихъ ласковъ,
Державинъ рвется въ стихъ, а попадетъ Херасковъ.

Въ другомъ сатирическомъ посланіи кн. Вяземскаго къ М. Т. Каченовскому, напечатанномъ въ «Сынѣ Отечества» же 1821, № 2, находилось еще созвучіе, удивлявшее Пушкина своею странностію:

Передъ судомъ ума сколь, Каченовскій, *жалокъ*,
Талантовъ низкій врагъ, завистливый зоилъ,
Какъ оный вѣчный *огнь при олтарѣ Весталокъ*
Такъ втайнѣ вѣчный ядъ... и проч.

(c) Разсказъ этотъ, какъ и два предшествующіе ему написаны уже въ тридцатыхъ годахъ, что легко замѣтить и по ихъ простому, но превосходному изложенію.

(d) Статья напечатана была въ посмертномъ изданіи 1841, томъ X, въ Смѣси, и отнесена нами къ Запискамъ Пушкина, по содержанію своему.

III.

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ ПУШКИНА.

Мысли и замѣчанія Пушкина раздѣлены въ нашемъ изданіи на два параграфа, обозначенные цыфрами 1-ой и 2-ой. Къ первому отнесли мы всѣ замѣтки Пушкина, напечатанныя въ посмертномъ изданіи его сочиненій 1838—1841, провѣривъ ихъ сперва съ рукописями; ко второму — цѣлую статью Пушкина, не попавшую въ упомянутое изданіе, по неизвѣстной намъ причинѣ. Она напечатана была впервые въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1828 годъ, подъ заглавіемъ: «Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія». Въ концѣ

lib.pushkinskijdom.ru

приписано было въ скобкахъ. «Извлечено изъ неизданныхъ Записокъ». Имени автора не было, но по стихамъ, за его подписью, тамъ приложеннымъ, и по черновымъ рукописямъ принадлежность самой статьи Пушкину уже несомнѣнна. Мы сохранили внѣшній видъ, данный ей самимъ авторомъ, и сберегли вполнѣ тогдашнее его правописаніе.

IV.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ПУШКИНА.

Подъ этимъ заглавіемъ собраны здѣсь возраженія Пушкина на журнальныя статьи, опроверженія разныхъ толковъ и обвиненій и наконецъ собственныя мысли его о своихъ произведеніяхъ. Эта часть перваго отдѣла весьма любопытна, представляя картину литературныхъ мнѣній эпохи чрезвычайно живо. Для полноты ея, будущіе издатели Пушкина, вѣроятно, приложатъ и подлинныя статьи журналовъ, которымъ бо́льшая часть замѣтокъ служитъ отвѣтомъ и поясненіемъ. Всѣ эти замѣтки написаны авторомъ въ 1830 году, въ Нижегородской деревнѣ своей «Болдино», какъ доказываетъ число, поставленное внизу первой статьи, «2 октября», и слѣдующія слова, находимыя въ первомъ отрывкѣ: «Нынче въ несносные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарища, вздумалъ я, для препровожденія времени, писать возраженія не на критики (на это я никакъ не могу рѣшиться), но на обвиненія не литературныя, которыя нынѣ въ большой модѣ. Смѣю увѣрить» и т. д. Посмертное изданіе сдѣлало, между прочимъ, отдѣльнымъ отрывкомъ послѣдній періодъ выписанной нами фразы, отъ словъ: «возраженія не на критики», до словъ: «нынче въ большой модѣ», что нарушило смыслъ ея, и само по себѣ не имѣло значенія. Замѣтимъ также, что авторъ, увлеченный, вѣроятно, своимъ предметомъ, скоро покинулъ намѣреніе не касаться критики и съ V отрывка уже прямо перешелъ къ ней. Необходимость исправить нѣкоторыя, довольно значительныя погрѣшности посмертнаго изданія принуждаетъ насъ къ объясненіямъ, которыя должны оправдать наши измѣненія въ текстѣ его.

(а) По странной ошибкѣ, вмѣсто имени г-на Михайлы Бестужева-Рюмина, издателя альманаха «Сѣверная Звѣзда» 1829 и журнала «Сѣверный Меркурій» 1830 годовъ, посмертное изданіе привело здѣсь имя г-на Марлинскаго, безъ всякаго основанія. Предисловіе, о которомъ говоритъ Пушкинъ, находилось при упомянутомъ аль-

lib.pushkinskijdom.ru

манахѣ г-на Бестужева и приведено нами въ Матеріалахъ для біографіи.

(b) Стихи Пушкина, безъ его вѣдома посланные въ альманахъ «Сѣверная Звѣзда» 1829 г., изд. г. Бестужева-Рюмина, носили подпись *Ап.* и были, какъ видно изъ свидѣтельства самого Пушкина, исправлены г. издателемъ его.

(c) Вся эта статья должна была, по первому предположенію автора, составить предисловіе къ двумъ послѣднимъ главамъ Онѣгина, какъ значится въ подписи ея: «21 Ноября 1830 года, Болдино. Предисловіе къ Ев. Онѣгину.» Она снабжена была въ посмертномъ изданіи Пушкина слѣдующей выноской: «Видно, что это писано по одному предположенію. Послѣ, дѣйствительно, VIII глава уничтожена была авторомъ. П. П.» Дальнѣйшія подробности объ этомъ находятся въ примѣчаніяхъ къ самому роману и въ Матеріалахъ для біографіи поэта. Тамъ изложено и наше мнѣніе о пропущенной главѣ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что рукой В. А. Жуковскаго сдѣлана въ этой статьѣ небольшая поправка противъ рукописи. Тамъ во второй строфѣ сказано было просто: «Послѣ неумѣренныхъ и незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали шесть частей одного и того же сочиненія, странно было мнѣ читать *напримѣръ слѣдующій отзывъ.*» Этотъ отзывъ не былъ приложенъ Пушкинымъ и породилъ такимъ образомъ поправку: «Странно было мнѣ читать неумѣренную брань и личности, которыми, такъ называемые, судьи наши встрѣтили седьмую.» Для бо́льшей ясности скажемъ, что въ отзывѣ дѣло шло, какъ догадываемся, о сравненіи «Евгенія Онѣгина» съ плохой поэмой: «Евгеній Вельскій», какое позволила себѣ одна газета, отдавая еще первенство послѣдней. Намѣреваясь привести отзывъ газеты, Пушкинъ, по обыкновенію своему, хотѣлъ отстранить лице сочинителя поэмы «Евгеній Вельскій» изъ спора и прибѣгнулъ къ выноскѣ слѣдующаго содержанія: «*Евгеній Вельскій.* Прошу извиненія у неизвѣстнаго мнѣ поэта, если принимаю смѣлость повторять эту грубость. Судя по отрывкамъ изъ его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обиднымъ, если находятъ Евгенія Онѣгина ниже Евгенія Вельскаго.»

(d) Статья писана въ ноябрѣ 1830 года и могла быть напечатана только въ слѣдующемъ 1831 году. Это объясняетъ, почему Пушкинъ сказалъ: «въ прошломъ 1830 году.»

(e) Отрывки, касающіеся до «Полтавы», весьма вѣрно переданы съ рукописи, исключая начала перваго, который долженъ такъ читаться: «Кстати о Полтавѣ. Критики» и проч. Прежде появленія

lib.pushkinskijdom.ru

своего въ посмертномъ изданіи, они составляли содержаніе письма Пушкина къ одному изъ друзей своихъ, письма, напечатаннаго въ «Современникѣ» 1838 года, томъ IX. Письмо это весьма мало разнится съ текстомъ посмертнаго изданія, но содержитъ французскій переводъ трехъ отрывковъ изъ Байроновой поэмы «Мазепа», которые приведены были Пушкинымъ съ намѣреніемъ подтвердить разницу между его «Полтавой» и произведеніемъ англійскаго поэта. Для полноты слѣдуетъ еще сказать, что статьи о Полтавѣ прежде письма, помѣщеннаго въ «Современникѣ», напечатаны были еще въ альманахѣ «Денница» на 1831 годъ, изд. М. Максимовичемъ, съ заглавіемъ: «Отрывки изъ рукописи Пушкина», и снабжены были слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя: «Рукопись, изъ которой взятъ сей отрывокъ, содержитъ весьма любопытныя замѣчанія и объясненія Пушкина о поэмахъ его и нѣкоторыхъ критикахъ. Изъ оной видно, что поэтъ неопровергалъ критикъ, потому только, что не хотѣлъ.» «Полтавой» кончается у Пушкина пересмотръ журналовъ. Прибавимъ, что нѣкоторыя изъ критическихъ замѣтокъ этихъ напечатаны были прежде посмертнаго изданія 1841 года, въ «Сынѣ Отечества» 1840, № 7.

V.

АНЕКДОТЫ.

Анекдоты, собранные Пушкинымъ, дѣлятся на историческіе и литературные. Всѣмъ имъ дано было въ рукописи его одно общее названіе *Table Talk* (Росказни за столомъ). Въ посмертномъ изданіи пропущены были десять анекдотовъ, помѣщенныхъ въ «Современникѣ» 1836 года, томъ III. Эти послѣдніе прилагаемъ въ томъ порядкѣ, какъ найдены въ журналѣ.

VI.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АРЗРУМЪ ВЪ 1829 ГОДУ

Напечатано было въ «Современникѣ» изданія А. Пушкина, томъ I, 1836 г., и безъ перемѣны вошло въ составъ посмертнаго изданія 1838—1841, томъ VIII, за исключеніемъ, разумѣется, правописанія, которое, однакожъ, мы возстановляемъ здѣсь по тексту «Современника», весьма схожему съ Пушкинскою орѳографіею того времени. Замѣчательно, что въ «Современникѣ» вездѣ напечатано Татаре, а не Татары, согласно уже видѣнной нами замѣткѣ Пушкина, что онъ предпочитаетъ писать Цыганы и Татаре, вмѣсто Цыгане и Татары,

lib.pushkinskijdom.ru

а также вездѣ *идти* и *выдти*, вмѣсто *итти* и *выйти* посмертнаго изданія, отверзтіе, вмѣсто *отверстіе*, старичокъ, Русской журналъ, поцѣловалъ, Сагак-лу, въ слухъ и проч. Большія буквы въ прилагательныхъ сохранены и въ настоящемъ изданіи, которое исправило и нѣкоторые недосмотры посмертнаго, какъ *кругу*, вмѣсто *крюку* (... дали мы сорокъ верстъ *кругу*... посмертное изданіе) и проч.

О извѣстномъ Русскомъ стихотвореніи, находящемся въ этомъ путешествіи, было уже сказано въ Матеріалахъ для біографіи, а дальнѣйшія подробности находятся при самомъ стихотвореніи. Это передѣлка пьесы, написанной Пушкинымъ въ 1830 г. въ селѣ Болдинѣ. Нѣкоторая часть лицъ, упоминаемыхъ въ путешествіи, уже не существуетъ теперь, — въ томъ числѣ и Персидскій поэтъ Фазиль-Ханъ, пристыдившій Пушкина своимъ умнымъ отвѣтомъ. Онъ умеръ еще недавно, изгнанникомъ, въ одномъ изъ бѣдныхъ кварталовъ Тифлиса. Будущіе издатели, вѣроятно, объяснятъ также и всѣ анонимы этого путешествія.

lib.pushkinskijdom.ru

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОВѢСТЕЙ

и

НЕДОКОНЧЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

I.

АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(1827.)

—

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ, арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ Парижскомъ Военномъ училищѣ, выпущенъ былъ капитаномъ артиллеріи, отличился въ Испанской войнѣ — и, тяжело раненный, возвратился въ Парижъ. Императоръ, посреди обширныхъ своихъ трудовъ, не переставалъ освѣдомляться о своемъ любимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы на счетъ его успѣховъ и поведенія. Петръ былъ чрезвычайно имъ доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію; но Ибрагимъ не торопился. Онъ отговаривался подъ различными предлогами: то раною, то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то не-

lib.pushkinskijdom.ru

достаткомъ въ деньгахъ — и Петръ снисходительствовалъ его просьбамъ, просилъ его заботиться о здоровьи, благодарилъ за ревность къ ученью — и, крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалѣлъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія.

По свидѣтельству всѣхъ историческихъ записокъ, ничто не могло сравниться съ легкомысліемъ, безумствомъ и роскошью Французовъ того времени. Послѣдніе годы царствованія Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностію, важностію и приличіемъ Двора, не оставили никакихъ слѣдовъ. Герцогъ Орлеанскій, соединяя многія блестящія качества съ пороками всякаго рода, къ несчастію, не имѣлъ и тѣни лицемѣрія. Оргіи Пале-Рояля не были тайною для Парижа; примѣръ былъ заразителенъ. На ту пору явился Law; алчность къ деньгамъ соединилась съ жаждою наслажденій и разсѣянности; имѣнія исчезли, нравственность гибла; Французы смѣялись и разсчитывали — и государство распадалось подъ игривые припѣвы сатирическихъ водевилей.

Между тѣмъ общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизили всѣ состоянія. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность — все, что подавало пищу любопытству или обѣщало удовольствіе, было принято съ одинаковой благосклонностію. Литература, ученость и философія оставляли тихій свой кабинетъ и являлись въ кругу большаго свѣта угождать модѣ, управляя ея мнѣніями. Женщины царствовали, но уже не требовали обожанія. Поверхностная вѣжливость замѣнила глубокое къ нимъ почтеніе. Проказы герцога Ришельё, Алкивіада новѣйшихъ Аѳинъ, принадлежатъ Исторіи и даютъ понятіе о нравахъ сего времени.

Tems fortuné, marqué par la licence,
Où la folie, agitant son grelot,
D'un pied leger parcourt toute la France,
Où nul mortel ne daigne être dévot,
Où l'on fait tout excepté pénitence.

lib.pushkinskijdom.ru

Появленіе Ибрагима, его наружность, образованность и природный умъ возбудили въ Парижѣ общее вниманіе. Всѣ дамы желали видѣть у себя le Nègre du Czar, и ловили его на перехватъ. Регентъ приглашалъ его не разъ на свои веселые вечера; онъ присутствовалъ на ужинахъ, одушевленныхъ молодостію Аруэта и старостію Шолье, разговорами Монтескьё и Фонтенеля; не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного перваго представленія, и предавался общему вихрю со всею пылкостію своихъ лѣтъ и своей породы. Но мысль, промѣнять это разсѣяніе, эти блестящія забавы на простоту Петербургскаго Двора, не одна ужасала Ибрагима; другія, сильнѣйшія узы привязывали его къ Парижу. Молодой Африканецъ любилъ.

Графиня L., уже не въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, славилась еще своею красотою. Семнадцати лѣтъ, при выходѣ ея изъ монастыря, выдали ее за человѣка, котораго она не успѣла полюбить и который въ послѣдствіи о томъ не заботился. Молва приписывала ей любовниковъ; но, по снисходительному уложенію свѣта, она пользовалась добрымъ именемъ, ибо нельзя было упрекнуть ее въ какомъ нибудь смѣшномъ или соблазнительномъ приключеніи. Домъ ея былъ самый модный: у нея соединялось лучшее Парижское общество. Ибрагима представилъ ей молодой Мервиль, почитаемый вообще послѣднимъ ея любовникомъ, что и старался онъ дать почувствовать всѣми способами.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безъ всякаго особеннаго вниманія: это польстило ему. Обыкновенно смотрѣли на молодаго негра какъ на чудо, окружали его, осыпали привѣтствіями и вопросами — и это любопытство, хотя и прикрытое видомъ благосклонности, оскорбляло его самолюбіе. Сладостное вниманіе женщинъ, почти единственная цѣль нашихъ усилій, не только не радовало его, но даже исполняло горечью и негодованіемъ. Онъ чувствовалъ, что онъ для нихъ родъ какого-то рѣдкаго звѣря, творенія особеннаго, чужаго, случайно перенесеннаго въ міръ, не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Онъ даже завидовалъ людямъ, никѣмъ незамѣченнымъ, и почиталъ ихъ ничтожество благополучіемъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его отъ самонадѣянности и притязаній самолюбія, что придавало рѣдкую прелесть обращенію его съ женщинами. Разговоръ его былъ простъ и важенъ; онъ понравился графинѣ L., которой надоѣли важныя шутки и тонкіе намеки Французскаго остроумія. Ибрагимъ часто бывалъ у нея. Мало по малу она привыкла къ наружности молодаго негра и даже стала находить что-то пріятное въ этой курчавой головѣ, чернѣющей посреди пудренныхъ париковъ ея гостиной (Ибрагимъ былъ раненъ въ голову и вмѣсто парика носилъ повязку). Ему было 27 лѣтъ отъ роду; онъ былъ высокъ и строенъ — и не одна красавица заглядывалась на него съ чувствомъ болѣе лестнымъ, нежели простое любопытство; но предупрежденный Ибрагимъ или ничего не замѣчалъ, или видѣлъ одно лишь кокетство. Когда же взоры его встрѣчались со взорами графини, недовѣрчивость его исчезала. Ея глаза выражали такое милое добродушіе, ея обхожденіе съ нимъ было такъ просто, такъ непринужденно, что невозможно было въ ней подозрѣвать и тѣни кокетства или насмѣшливости.

Любовь не приходила ему на умъ, а уже видѣть графиню каждый день было для него необходимо. Онъ повсюду искалъ ея встрѣчи, и встрѣча съ нею казалась ему каждый разъ неожиданною милостію Неба. Графиня, прежде нежели онъ самъ, угадала его чувства. Что ни говори, а любовь безъ надеждъ и требованій трогаетъ сердце женское вѣрнѣе всѣхъ разсчетовъ обольщенія. Въ присутствіи Ибрагима, графиня слѣдовала за всѣми его движеніями, вслушивалась во всѣ его рѣчи; безъ него она задумывалась и впадала въ обыкновенную свою разсѣянность. Мервиль первый замѣтилъ эту взаимную склонность — и поздравилъ Ибрагима. Ничто такъ не воспламеняетъ любви, какъ ободрительное замѣчаніе посторонняго; любовь слѣпа и, не довѣряя самой себѣ, торопливо хватается за всякую опору.

Слова Мервиля пробудили Ибрагима. Возможность обладать любимою женщиной доселѣ не представлялась его воображенію; надежда вдругъ озарила его душу; онъ влюбился безъ памяти.

lib.pushkinskijdom.ru

Напрасно графиня, испуганная изступленіемъ его страсти, хотѣла противопоставить ей увѣщанія дружбы и совѣты благоразумія: она сама ослабѣвала....

Ничто не скрывается отъ взоровъ наблюдательнаго свѣта. Новая связь графини стала скоро всѣмъ извѣстна. Нѣкоторыя дамы изумлялись ея выбору; многимъ казался онъ очень естественнымъ. Однѣ смѣялись, другія видѣли съ ея стороны непростительную неосторожность. Въ первомъ упоеніи страсти Ибрагимъ и графиня ничего не замѣчали; но вскорѣ двусмысленныя шутки мущинъ и колкія замѣчанія женщинъ стали до нихъ доходить. Важное и холодное обращеніе Ибрагима доселѣ ограждало его отъ подобныхъ нападеній; онъ выносилъ ихъ нетерпѣливо и не зналъ чѣмъ отразить. Графиня, привыкшая къ уваженію свѣта, не могла хладнокровно видѣть себя предметомъ сплетней и насмѣшекъ. Она то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за нее не вступаться, чтобъ напраснымъ шумомъ не погубить ея совершенно.

Новое обстоятельство еще болѣе запутало ея положеніе: обнаружилось слѣдствіе неосторожной любви. Графиня съ отчаяніемъ объявила о томъ Ибрагиму. Утѣшенія, совѣты, предложенія — все было истощено и все отвергнуто. Графиня видѣла неминуемую гибель и съ отчаяніемъ ожидала ее.

Какъ скоро положеніе графини стало извѣстно, толки начались съ новою силою; чувствительныя дамы ахали отъ ужаса; мущины бились объ закладъ, кого родитъ графиня: бѣлаго ли, или чернаго ребенка. Эпиграммы сыпались на счетъ ея мужа, который одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвалъ.

Роковая минута приближалась. Состояніе графини было ужасно. Ибрагимъ каждый день былъ у нея. Онъ видѣлъ, какъ силы душевныя и тѣлесныя постепенно въ ней исчезали. Ея слезы, ея ужасъ возобновлялись поминутно. Наконецъ она почувствовала первыя муки. Мѣры были приняты на скоро. Графа нашли способъ удалить. Докторъ пріѣхалъ. Дня за два передъ симъ уговорили бѣдную женщину уступить въ чужія руки новорожден-

lib.pushkinskijdom.ru

наго ея младенца; за нимъ послали повѣреннаго. Ибрагимъ находился въ кабинетѣ близъ самой спальни, гдѣ лежала несчастная графиня. Не смѣя дышать, онъ слышалъ ея глухія стенанья, шепотъ служанки и приказанія доктора. Она мучилась долго. Каждый стонъ ея раздиралъ душу Ибрагиму; каждый промежутокъ молчанія обливалъ его ужасомъ.... Вдругъ онъ услышалъ слабый крикъ ребенка — и, не имѣя силы удержать своего восторга, бросился въ комнату графини.... Черный младенецъ лежалъ на постелѣ въ ея ногахъ. Ибрагимъ къ нему приблизился. Сердце его билось сильно. Онъ благословилъ сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и протянула ему слабую руку.... но докторъ, опасаясь для больной слишкомъ сильныхъ потрясеній, оттащилъ Ибрагима отъ ея постели. Новорожденнаго положили въ крытую корзину и вынесли изъ дому по потаенной лѣстницѣ. Принесли другаго ребенка и поставили его колыбель въ спальнѣ. Ибрагимъ уѣхалъ, немного успокоенный. Ждали графа. Онъ возвратился поздно, узналъ о счастливомъ разрѣшеніи супруги и былъ очень доволенъ. Такимъ образомъ публика, ожидавшая соблазнительнаго шума, обманулась въ своей надеждѣ и была принуждена утѣшиться единымъ злословіемъ. Все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Но Ибрагимъ чувствовалъ, что судьба его должна была перемѣниться, и что связь его рано или поздно должна дойти до свѣдѣнія графа L. Въ такомъ случаѣ, что бы ни произошло, погибель графини была неизбѣжна. Ибрагимъ любилъ страстно и также былъ любимъ; но графиня была своенравна и легкомысленна: она любила не въ первый разъ. Отвращеніе, ненависть могли замѣнить въ ея сердцѣ чувства самыя нѣжныя. Ибрагимъ предвидѣлъ уже минуту ея охлажденія. Доселѣ онъ не вѣдалъ ревности, но съ ужасомъ ее предчувствовалъ; онъ воображалъ, что страданія разлуки должны быть менѣе мучительны — и уже намѣревался разорвать несчастную связь, оставить Парижъ и отправиться въ Россію, куда давно призывали его и Петръ и темное чувство собственнаго долга.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дни, мѣсяцы проходили — и влюбленный Ибрагимъ не могъ рѣшиться оставить обольщенную имъ женщину. Графиня часъ отъ часу болѣе къ нему привязывалась. Сынъ ихъ воспитывался въ отдаленной провинціи. Сплетни свѣта стали утихать, и любовники начали наслаждаться большимъ спокойствіемъ, молча, помня минувшую бурю и стараясь не думать о будущемъ.

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо его, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть на досугѣ. Это было письмо Петра I. Государь, угадывая истинную причину его отсутствія, писалъ Герцогу, что онъ ни въ чемъ неволить Ибрагима не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію, или нѣтъ; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. Съ той минуты участь его была рѣшена. На другой день онъ объявилъ Регенту свое намѣреніе немедленно отправиться въ Россію. «Подумайте о томъ, что дѣлаете», сказалъ ему Герцогъ: «Россія не есть ваше отечество; не думаю, чтобы вамъ когда нибудь удалось опять увидѣть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребываніе во Франціи сдѣлало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились подданнымъ Петра. Повѣрьте мнѣ: воспользуйтесь его великодушнымъ позволеніемъ, останьтесь во Франціи, за которую вы уже проливали свою кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достойнаго вознагражденія.» Ибрагимъ искренно благодарилъ Герцога, но остался твердъ въ своемъ намѣреніи. «Жалѣю», сказалъ ему Регентъ; «но, впрочемъ, вы правы.» Онъ обѣщалъ ему отставку и написалъ обо всемъ Русскому Царю.

Ибрагимъ скоро собрался въ дорогу. Наканунѣ своего отъѣзда провелъ онъ, по обыкновенію, вечеръ у графини L. Она ничего не знала. Ибрагимъ не имѣлъ духу ей открыться. Графиня была

lib.pushkinskijdom.ru

спокойна и весела. Она нѣсколько разъ подзывала его къ себѣ и шутила надъ его задумчивостію. Послѣ ужина всѣ разъѣхались. Остались въ гостиной графиня, ея мужъ, да Ибрагимъ. Несчастный отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы только остаться съ нею наединѣ; но графъ L., казалось, расположился у камина такъ спокойно, что нельзя было надѣяться выжить его изъ комнаты. Всѣ трое молчали. «Bonne nuit», сказала наконецъ графиня. Сердце Ибрагима стѣснилось и вдругъ почувствовало всѣ ужасы разлуки. Онъ стоялъ неподвижно. «Bonne nuit, messieurs», повторила графиня. Онъ все не двигался.... Наконецъ глаза его потемнѣли, голова закружилась: онъ едва могъ выйти изъ комнаты. Пріѣхавъ домой, онъ почти въ безпамятствѣ написалъ слѣдующее письмо:

«Я ѣду, милая Леонора; оставляю тебя навсегда. Пишу тебѣ, потому что не имѣю силъ иначе съ тобою объясниться.

«Счастіе мое не могло продолжаться: я наслаждался имъ вопреки судьбѣ и природѣ. Ты должна была меня разлюбить; очарованіе должно было исчезнуть. Эта мысль меня всегда преслѣдовала, даже въ тѣ минуты, когда, казалось, забывалъ я все; когда у твоихъ ногъ упивался я твоимъ страстнымъ самоотверженіемъ, твоею неограниченною нѣжностію.... Легкомысленный свѣтъ безпощадно гонитъ на самомъ дѣлѣ то, что дозволяетъ въ теоріи: его холодная насмѣшливость рано или поздно побѣдила бы тебя, смирила бы твою пламенную душу — и ты, наконецъ, устыдилась бы своей страсти.... Что было бъ тогда со мною? Нѣтъ, лучше умереть, лучше оставить тебя прежде ужасной этой минуты....

«Твое спокойствіе мнѣ всего дороже: ты не могла имъ наслаждаться, пока взоры свѣта были на насъ устремлены. Вспомни все, что ты вытерпѣла — всѣ оскорбленія самолюбія, всѣ мученія боязни; вспомни ужасное рожденіе нашего сына. Подумай: долженъ ли я подвергать тебя долѣе тѣмъ же волненіямъ и опасностямъ? Зачѣмъ силиться соединить судьбу столь нѣжнаго, прекраснаго созданія съ бѣдственной судьбою Негра, жалкаго творенія, едва удостоеннаго названія человѣка?

lib.pushkinskijdom.ru

«Прости, Леонора, прости, милый, единственный другъ. Оставляю тебя, оставляю первыя и послѣднія радости моей жизни. Не имѣю ни отечества, ни ближнихъ; ѣду въ Россію, гдѣ мнѣ отрадою будетъ мое совершенное уединеніе. Строгія занятія, которымъ отнынѣ предаюсь, если не заглушатъ, то, по крайней мѣрѣ, будутъ развлекать мучительныя воспоминанія о дняхъ восторговъ и блаженства.... Прости, Леонора! Отрываюсь отъ этого письма, какъ будто изъ твоихъ объятій. Прости, будь счастлива и думай иногда о бѣдномъ Негрѣ, о твоемъ вѣрномъ Ибрагимѣ.»

Въ ту же ночь онъ отправился въ Россію.

Путешествіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Воображеніе его восторжествовало надъ существенностію. Чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ ближе представлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемые на вѣкъ.

Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ на Русской границѣ. Осень уже наступала; но ямщики, не смотря на дурную дорогу, везли его съ быстротою вѣтра — и въ 17 дней своего путешествія прибылъ онъ утромъ въ Красное Село, черезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ Гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову. «Ба, Ибрагимъ!» закричалъ онъ, вставая съ лавки: «здорово, крестникъ!» Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову. «Я былъ предувѣдомленъ о твоемъ пріѣздѣ», сказалъ Петръ — «и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.» Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности. «Вели же», продолжалъ Государь, «твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною — и поѣдемъ ко мнѣ.» Подали Государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибра-

lib.pushkinskijdom.ru

гимомъ — и они поскакали. Черезъ полтора часа они пріѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего Государя. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты, повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома, казалось, на скоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, неукрашенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца, т. е. Царицына Сада. На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней Парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее, и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ: «узнала ли ты, Катенька, моего крестника? Прошу любить и жаловать его по прежнему.» Екатерина устремила на него черные, проницательные глаза и благосклонно протянула ему руку. Двѣ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру «Лиза», сказалъ онъ одной изъ нихъ, «помнишь ли ты маленькаго арапа, который для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ; представляю тебѣ его.» Великая Княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи Государя, столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда Государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, разспрашивалъ его объ Испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о Регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и разсказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяинѣ не могъ бы подозрѣвать героя Полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда Государь, по Русскому обыкновенію, пошелъ отдохнуть. Ибрагимъ остался съ Императрицей и Великими

lib.pushkinskijdom.ru

Княжнами. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описывалъ образъ Парижской жизни, тамошніе праздники и своенравныя моды. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ особъ, приближенныхъ къ Государю, собрались во дворецъ. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутаго совѣтника Петра; ученаго Брюса, прослывшаго въ народѣ Русскимъ Фаустомъ; молодаго Рагузинскаго, бывшаго своего товарища — и другихъ, пришедшихъ къ Государю съ докладами и за приказаніями.

Государь вышелъ часа черезъ два. «Посмотримъ», сказалъ онъ Ибрагиму, «не позабылъ ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску, да ступай за мною.» Петръ заперся въ токарнѣ и занялся государственными дѣлами. Онъ по очереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генералъ-полицмейстеромъ Девіеромъ, и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній. Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По окончаніи трудовъ, Петръ вынулъ карманную книжку, дабы справиться, все ли имъ предполагаемое на сей день исполнено. Потомъ, выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму: «ужъ поздно; ты, я чай, усталъ: ночуй здѣсь, какъ бывало въ старину; завтра я тебя разбужу.»

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, едва могъ опомниться. Онъ находился въ Петербургѣ; онъ видѣлъ вновь великаго человѣка, близь котораго, еще не зная ему цѣны, провелъ онъ свое младенчество. Почти съ раскаяніемъ признавался онъ въ душѣ своей, что графиня L., въ первый разъ послѣ разлуки, не была во весь день единственной его мыслію. Онъ увидѣлъ, что новый образъ жизни, ожидающій его, дѣятельность и постоянныя занятія могутъ оживить его душу, утомленную страстями, праздностію и тайнымъ унынiемъ. Мысль — быть сподвижникомъ великаго человѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа — возбудила въ немъ въ первый разъ благородное чувство честолюбія. Въ семъ расположеніи духа онъ легъ въ

lib.pushkinskijdom.ru

приготовленную для него походную постель — и тогда привычное сновидѣніе перенесло его въ дальній Парижъ, въ объятія милой графини.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

На другой день Петръ, по своему обѣщанію, разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты Преображенскаго полка, въ коей онъ самъ былъ капитаномъ. Придворные окружили Ибрагима, всякой по своему стараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меншиковъ дружески пожалъ ему руку; Шереметевъ освѣдомился о своихъ Парижскихъ знакомыхъ, а Головинъ позвалъ обѣдать. Сему послѣднему примѣру послѣдовали и прочіе, такъ-что Ибрагимъ получилъ приглашеній, по крайней мѣрѣ, на цѣлый мѣсяцъ.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дѣятельные — слѣдственно не зналъ скуки. Онъ день ото дня болѣе привязывался къ Государю, лучше постигалъ его высокую душу. Слѣдовать за мыслями великаго человѣка есть наука самая занимательная. Ибрагимъ видалъ Петра въ Сенатѣ, оспариваемаго Бутурлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго важные запросы законодательства; въ Адмиралтейской Коллегіи, утверждающаго морское величіе Россіи; въ часы отдохновенія видалъ его съ Ѳеофаномъ, Гавріиломъ Бужинскимъ и Копіевичемъ, разсматривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ, или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинетъ ученаго. Россія представлялась Ибрагиму огромной мастерскою, гдѣ движутся однѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ почиталъ и себя обязаннымъ трудиться у собственнаго станка, и старался какъ можно менѣе сожалѣть объ увеселеніяхъ Парижской жизни. Труднѣе было ему удалить отъ себя другое, милое воспоминаніе: часто думалъ онъ о графинѣ L., воображалъ справедливое негодованіе, слезы ея и унынie.... Но иногда мысль ужасная стѣсняла его грудь: раз-

lib.pushkinskijdom.ru

сѣяніе большаго свѣта, новая связь, другой счастливецъ — онъ содрогался; ревность начинала бурлить въ Африканской его крови — и горячія слезы готовы были течь по его черному лицу.

Однажды утромъ сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный дѣловыми бумагами, какъ вдругъ услышалъ громкое привѣтствіе на Французскомъ языкѣ. Ибрагимъ съ живостію оборотился — и молодой К., котораго оставилъ онъ въ Парижѣ въ вихрѣ большаго свѣта, обнялъ его съ радостными восклицаніями. «Я сейчасъ только пріѣхалъ», сказалъ К., «и прямо прибѣжалъ къ тебѣ. Всѣ наши Парижскіе знакомые тебѣ кланяются, жалѣютъ о твоемъ отсутствіи. Графиня L. велѣла звать тебя непремѣнно, и вотъ тебѣ отъ нея письмо.» Ибрагимъ схватилъ его съ трепетомъ и смотрѣлъ на знакомый почеркъ надписи, не смѣя вѣрить своимъ глазамъ. «Какъ я радъ», продолжалъ К., «что ты еще не умеръ со скуки въ этомъ варварскомъ Петербургѣ! Что здѣсь дѣлаютъ? чѣмъ занимаются? кто твой портной? заведена ли у васъ хоть опера?» Ибрагимъ въ разсѣяніи отвѣчалъ, что вѣроятно Государь работаетъ теперь на корабельной верфи. К. засмѣялся. «Вижу», сказалъ онъ, «что тебѣ теперь не до меня; въ другое время наговоримся до сыта; ѣду представляться Государю.» Съ этимъ словомъ онъ перевернулся на одной ножкѣ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, поспѣшно распечаталъ письмо. Графиня нѣжно ему жаловалась, упрекая его въ притворствѣ и недовѣрчивости. «Ты говоришь», писала она, «что мое спокойствіе дороже тебѣ всего на свѣтѣ. Ибрагимъ! если бъ это была правда, могъ ли бы ты подвергнуть меня состоянію, въ которое привела меня нечаянная вѣсть о твоемъ отъѣздѣ? Ты боялся, чтобъ я тебя не удержала; будь увѣренъ, что, не смотря на мою любовь, я умѣла бы ею пожертвовать твоему благополучію и тому, что̀ почитаешь ты своимъ долгомъ.» Графиня заключала письмо страстными увѣреніями въ любви и заклинала его хоть изрѣдка ей писать, если уже не было для нихъ надежды снова увидѣться когда нибудь.

lib.pushkinskijdom.ru

Ибрагимъ двадцать разъ перечелъ это письмо, съ восторгомъ цѣлуя безцѣнныя строки. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ услышать что нибудь о графинѣ, и собрался ѣхать въ Адмиралтейство, надѣясь тамъ застать еще К.; но дверь отворилась, и самъ К. явился опять. Онъ уже представлялся Государю — и, по своему обыкновенію, казался очень собою доволенъ. «Entre nous», сказалъ онъ Ибрагиму, «Государь престранный человѣкъ; вообрази, что я засталъ его въ какой-то холстяной фуфайкѣ, на мачтѣ новаго корабля, куда принужденъ я былъ карабкаться съ моими депешами. Я стоялъ на веревочной лѣстницѣ и не имѣлъ довольно мѣста, чтобы сдѣлать приличный реверансъ, и совершенно замѣшался, чего отъ роду со мною не случалось. Однакожъ, Государь, прочитавъ бумаги, посмотрѣлъ на меня съ головы до ногъ, и вѣроятно былъ пріятно пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда; по крайней мѣрѣ онъ улыбнулся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Петербургѣ совершенно чужестранецъ; во время шестилѣтняго отсутствія я вовсе позабылъ здѣшнія обыкновенія; пожалуйста будь моимъ ментором, заѣзжай за мной и представь меня. Ибрагимъ согласился и спѣшилъ обратить разговоръ къ предмету, болѣе для него занимательному. «Ну, что графиня L.?» — «Графиня? Она, разумѣется, сначала очень была огорчена твоимъ отъѣздомъ; потомъ, разумѣется, мало по малу утѣшилась и взяла себѣ новаго любовника; знаешь кого? длиннаго маркиза R. Что же ты вытаращилъ свои арапскіе бѣлки? или это кажется тебѣ страннымъ? Развѣ ты не знаешь, что долгая печаль не въ природѣ человѣческой, особенно женской? Подумай объ этомъ хорошенько, а я пойду отдохну съ дороги; не забудь же за мною заѣхать.»

Какія чувства наполнили душу Ибрагима? Ревность? бѣшенство? отчаянье? нѣтъ; но глубокое, стѣсненное уныніе. Онъ повторялъ себѣ: это я предвидѣлъ, это должно было случиться. Потомъ открылъ письмо графини, перечелъ его снова, повѣсилъ голову и горько заплакалъ. Онъ плакалъ долго. Слезы облегчили его сердце. Посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ онъ, что время ѣхать.

lib.pushkinskijdom.ru

Ибрагимъ былъ бы очень радъ избавиться, но ассамблея была — дѣло должностное, и Государь строго требовалъ присутствія своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за К.

К. сидѣлъ въ шлафрокѣ, читая Французскую книгу. «Такъ рано?» сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его. «Помилуй!» отвѣчалъ тотъ: «ужъ половина шестаго, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ.» К. засуетился, сталъ звонить изо всей мочи; люди сбѣжались; онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Французъ каммердинеръ подалъ ему башмаки съ красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтанъ, шитый блестками; въ передней наскоро пудрили парикъ, его принесли, К. всунулъ въ него стриженую голову, потребовалъ шпагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжьи шубы — и они поѣхали въ Зимній-Дворецъ.

К. осыпалъ Ибрагима вопросами: кто въ Петербургѣ первая красавица? кто славится первымъ танцовщикомъ? какой танецъ нынѣче въ модѣ? Ибрагимъ весьма неохотно удовлетворялъ его любопытству. Между тѣмъ они подъѣхали ко дворцу. Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреѣ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ — свита, необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видѣ Ибрагима поднялся между ними общій шопотъ: арапъ, арапъ, Царскій арапъ! Онъ поскорѣе провелъ К. сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настежъ, и они вошли въ залу. К. остолбенѣлъ.... Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ, толпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звукѣ музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя убраны были со всею роскошью моды. Золото

lib.pushkinskijdom.ru

и серебро сіяли на ихъ робахъ ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія ; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимой стариною : чепцы сбивались на соболью шапочку Царицы Натальи Кириловны , а робронды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось , онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ , и съ досадою косились на женъ и дочерей Голланскихъ шкиперовъ , которыя , въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ , вязали свой чулокъ , между собою смѣялись и разговаривали , какъ будто дома. Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. К. не могъ опомниться. «Que diable est ce que tout cela?» спрашивалъ К. вполголоса у Ибрагима. Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и Великія Княжны , блистая красотою и нарядами , прохаживались между рядами гостей , привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. К., желая ему показаться , насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ , стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ Англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма. Государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника , что не замѣтилъ К., какъ онъ около ихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ , съ толстымъ букетомъ на груди , суетливо вошелъ, объявилъ громогласно , что танцы начались , и тотчасъ ушелъ ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и К.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовальной залы , при звукѣ самой плачевной музыки , дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга , кавалеры низко кланя-

lib.pushkinskijdom.ru

лись ; дамы еще ниже присѣдали , сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо , потомъ налѣво , тамъ опять прямо, опять направо, и такъ далѣе. К., смотря на сіе затѣйливое препровожденіе времени, таращилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса ; наконецъ они прекратились , и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились , и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К. обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостьями одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ ; она была одѣта богато , но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. К. къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ и , казалось , не знала , что ему сказать. Мужчина , сидѣвшій подлѣ нея , нахмурился еще болѣе. К. ждалъ ея рѣшенія ; но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему , отвелъ на средину залы и важно сказалъ : «государь мой , ты провинился, во первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не отдавъ ей три должные реверанса , а во вторыхъ , взялъ на себя самому ее выбрать , тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ , а не кавалеру : сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ, — именно : долженъ выпить *кубокъ большаго орла.*» К. часъ отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили , шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики , вышелъ изъ другой комнаты , будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась , и онъ вступилъ въ кругъ , гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ , наполненнымъ мальвазіей. Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону. «Ага!» сказалъ Петръ, увидя К., «попался, братъ. Изволь же, мосьё, пить и не морщиться.» Дѣлать было нечего : бѣдный щеголь , не переводя духу , осушилъ весь кубокъ и отдалъ его маршалу. «Послушай, К.», сказалъ ему Петръ : «штаны-то на тебѣ бархатные , какихъ и я не ношу , а я тебя гораздо богаче.

lib.pushkinskijdom.ru

Это мотовство; смотри, чтобъ я съ тобой не побранился.» Выслушавъ сей выговоръ, К. хотѣлъ выйти изъ кругу, но зашатался и чуть не упалъ, къ неописанному удовольствію Государя и всей веселой компаніи. Сей эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать каблуками съ большимъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдая каданса. К. не могъ участвовать въ общемъ весельи. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего, Гаврилы Аѳанасьевича Р**, подошла къ Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто, потомъ, отыскавъ К., вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и повезъ домой. Дорогою К. сначала невнятно лепеталъ: «проклятая ассамблея!... проклятый кубокъ большаго орла!...» но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головною болью, смутно помня шарканье, присѣданія, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большаго орла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.

Руслань и Людмила.

Теперь долженъ я благосклоннаго читателя познакомить съ Гаврилою Аѳанасьевичемъ Р**. Онъ происходилъ отъ древняго боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, былъ хлѣбосолъ, любилъ соколиную охоту, дворня его была многочисленна; словомъ, онъ былъ коренной Русскій баринъ, по его выраженію, не терпѣлъ Нѣмецкаго духу и старался въ домашнемъ быту сохранить обычай любезной ему старины. Дочери его было семнадцать лѣтъ отъ роду. Еще ребенкомъ лишилась она матери. Она была воспитана по старинному, т.-е. окружена мамуш-

lib.pushkinskijdom.ru

ками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвушками; шила золотомъ и не знала грамоты. Отецъ ея, не смотря на отвращеніе свое отъ всего заморскаго, не могъ противиться ея желанію учиться пляскамъ Нѣмецкимъ у плѣннаго Шведскато офицера, живущаго въ ихъ домѣ. Сей заслуженый танцмейстеръ имѣлъ лѣтъ пятьдесятъ отъ роду; правая нога была у него прострѣлена подъ Нарвою, и потому была не весьма способна къ менуэтамъ и курантамъ; зато лѣвая съ удивительнымъ искусствомъ и легкостію выдѣлывала самыя трудныя па. Ученица дѣлала честь его стараніямъ. Наталья Гавриловна славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступка К., который на другой день пріѣзжалъ извиняться передъ Гаврилою Аѳанасьевичемъ; но ловкость и щегольство молодаго франта не понравились гордому барину, который прозвалъ его остроумно — Французской обезьяною.

День былъ праздничный. Гаврила Аѳанасьевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости съѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными отъ затворничества домашняго указами Государя и собственнымъ его примѣромъ. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалѣя, что поцѣлуй, получаемый въ старину при такомъ случаѣ, вышелъ уже изъ обыкновенія. Пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ, подлѣ хозяина, сѣлъ тесть его, князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесятилѣтній бояринъ; прочіе гости, наблюдая старшинство рода и тѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества, сѣли — мущины по одной сторонѣ, женщины по другой; на концѣ заняли свои привычныя мѣста — барская барыня, въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица, тридцатилѣтняя малютка, чопорная и сморщенная, и плѣнный танцмейстеръ въ синемъ, поношенномъ мундирѣ. Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суетливой и многочисленной челядью, посреди которой отличался дворецкій строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностію. Первыя минуты обѣда посвящены были

lib.pushkinskijdom.ru

единственно на вниманіе къ произведеніямъ старинной нашей кухни; звонъ тарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяинъ, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ: «а гдѣ же Екимовна? позвать ее сюда!» Нѣсколько слугъ бросились-было въ разныя стороны, но въ ту же минуту старая женщина, набѣленная и нарумяненная, убранная цвѣтами и мишурою, въ штофномъ роброндѣ, съ открытой шеей и грудью, вошла, припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

«Здравствуй, Екимовна», сказалъ князь Лыковъ: «каково поживаешь?»

— По-добру, по-здорову, кумъ: поючи да пляшучи, женишковъ поджидаючи.

«Гдѣ ты была, дура?» спросилъ хозяинъ.

— Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по Царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всѣму міру, по Нѣмецкому маниру.

При сихъ словахъ поднялся громкій хохотъ, и дура стала на свое мѣсто, за стуломъ хозяина.

«А дура-то вретъ, вретъ, да и правду совретъ», сказала Татьяна Аѳанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно имъ уважаемая. «Подлинно, нынѣшніе наряды на смѣхъ всему міру. Коли ужъ и вы, батюшки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафтанъ, такъ про женское тряпье толковать, конечно, нечего; а право жаль сарафана, дѣвичьей ленты и повойника! Вѣдь посмотрѣть на нынѣшнихъ красавицъ — и смѣхъ и жалость: волоски-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны Французской мукою; животикъ перетянутъ такъ, что еле не перервется; исподницы напялены на обручи; въ колымагу садятся бочкомъ; въ двери входятъ — нагибаются; ни стать, ни сѣсть, ни духъ перевесть — сущія мученицы, мои голубушки!»

«Охъ, матушка Татьяна Аѳанасьевна!» сказалъ Кирила Петровичъ Т., бывшій въ Рязани воеводой, гдѣ нажилъ себѣ 3000 душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ: «по

lib.pushkinskijdom.ru

мнѣ, жена какъ хочешь одѣвайся, хоть кутафьей, хоть болдыханомъ, только бъ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя платья, а прежнія бросала новёшенькія. Бывало, внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ, а нынѣшнія робронды — поглядишь: сегодня на барышѣ, а завтра на холопкѣ. Что дѣлать? Разореніе Русскому дворянству! Бѣда да и только!» При сихъ словахъ онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на Марью Ильинишну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старинѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали; ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностію молодой женщины.

— А кто виноватъ? сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ, напѣня кружку кислыхъ щей: не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачаться, а мы имъ потакаемъ.

«А что намъ дѣлать, коли не наша воля?» возразилъ Кирила Петровичъ. «Иной бы радъ былъ запереть жену въ теремъ, а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею: мужъ за плетку, а жена за наряды. Охъ ужъ эти ассамблеи! наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши.»

Марья Ильинишна сидѣла какъ на иголкахъ; языкъ у нея такъ и свербѣлъ; наконецъ она не вытерпѣла и, обратясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкою, что находитъ онъ дурнаго въ ассамблеяхъ.

«А то въ нихъ дурно», отвѣчалъ разгоряченный супругъ; «что съ тѣхъ поръ, какъ онѣ завелись, мужья не сладятъ съ женами; жены позабыли слово Апостольское: *жена да боится своего мужа;* хлопочутъ не о хозяйствѣ, а объ обновахъ; не думаютъ, какъ бы мужу угодить, а какъ бы приглянуться офицерамъ-вертопрахамъ. Да и прилично ли, сударыня, Русской боярынѣ или боярышнѣ находиться вмѣстѣ съ Нѣмцами-табачниками да съ ихъ работницами? Слыхано ли дѣло, до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами! и добро бы еще съ родственниками, а то съ чужими, съ незнакомыми!»

— Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко, сказалъ, нахмурясь, Гаврила Аѳанасьевичъ. А признаюсь, ассамблеи и мнѣ не

lib.pushkinskijdom.ru

по нраву : того и гляди , что на пьянаго натолкнешься , аль и самого на смѣхъ пьянымъ напоятъ. Того и гляди , чтобъ какой нибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью; а нынѣче такъ молодежь избаловалась , что ни на что не похоже. Вотъ , напримѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича К.... на прошедшей ассамблеѣ надѣлалъ такого шуму съ Наташей , что привелъ меня въ краску. На другой день , гляжу, катитъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думалъ : кого-то Богъ несетъ — ужъ не князя ли Александра Даниловича? Не тутъ-то было : Ивана Евграфовича! Небось не могъ остановиться у воротъ, да потрудиться пѣшкомъ дойти до крыльца — куда! влетѣлъ , расшаркался , разболтался, что и Боже упаси! Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кстати : представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда , взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляться , шаркать и кланяться во всѣ стороны , приговаривая : «мусье.... мамзель.... ассамблея.... пардонъ.» Общій и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе гостей.

— Ни дать , ни взять К...., сказалъ старый князь Лыковъ, отирая слезы отъ смѣха, когда спокойствіе мало по малу возстановилось. А что грѣха таить? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Нѣметчины на святую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркать , болтать Богъ вѣсть на какомъ нарѣчіи, не почитать старшихъ, да волочиться за чужими женами. Изо всѣхъ молодыхъ людей , воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ (прости Господи!), Царскій арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походитъ.

«Ахти-батюшки, князь» , сказала Татьяна Аѳанасьевна : «видѣла, видѣла его близехонько : какая жъ у него страшная морда! перепугалъ онъ меня, грѣшную!»

— Конечно , замѣтилъ Гаврила Аѳанасьевичъ : человѣкъ онъ степенный и порядочный , не чета вѣтрогону.... Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужъ не опять ли обезьяна заморская? Вы что зѣваете , скоты? продолжалъ онъ , обращаясь къ слугамъ, бѣгите отказать ему; да чтобъ и впредь....

lib.pushkinskijdom.ru

«Старая борода, не бредишь ли?» прервала дура Екимовна. «Али ты слѣпъ: сани-то Государевы; Царь пріѣхалъ.»

Гаврила Аѳанасьевичъ всталъ поспѣшно изъ-за стола; всѣ бросились къ окнамъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣли Государя, который всходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего деньщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился на встрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перетрусились; иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра; все утихло, и Царь вошелъ въ сопровожденіи хозяина, оторопѣлаго отъ радости. «Здорово, господа!» сказалъ Петръ съ веселымъ лицомъ. Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры Царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; онъ подозвалъ ее. Наталья Гавриловна приблизилась довольна смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча. «Ты часъ отъ часу хорошѣешь», сказалъ ей Государь и, по своему обыкновенію, поцѣловалъ ее въ голову; потомъ, обратясь къ гостямъ: «что же? я вамъ помѣшалъ? вы обѣдали; прошу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аѳанасьевичъ, дай-ка анисовой водки.» Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него поднос, самъ налилъ золотую чарочку и подалъ ее съ поклономъ Государю. Петръ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ Царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. Государевъ деньщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другаго прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту предъ симъ шумно оживленный весельемъ и говорливостію, продолжался въ тишинѣ и принужденности. Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ; гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ Государь по-Нѣмецки разговаривалъ съ плѣннымъ Шведомъ о походѣ 1704 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая Государемъ, отвѣчала съ какою-то

lib.pushkinskijdom.ru

робкой холодностію, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости. «Гаврила Аѳанасьевичъ!» сказалъ онъ хозяину: «мнѣ нужно съ тобою поговорить наединѣ» и, взявъ его подъ руку, увелъ въ гостиную и заперъ за собою дверь. Гости остались въ столовой, шопотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи, и, опасаясь быть нескромными, вскорѣ разъѣхались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ-соль.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Чрезъ полчаса дверь отворилась, и Петръ вышелъ. Важнымъ наклоненіемъ головы отвѣтствовалъ онъ на тройной поклонъ князя Лыкова, Татьяны Аѳанасьевны и Наташи и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подалъ ему красный его тулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь.

Петръ уѣхалъ.

Возвратясь въ столовую, Гаврила Аѳанасьевичъ казался очень озабоченъ; сердито приказалъ онъ слугамъ скорѣе сбирать со стола, отослалъ Наташу въ ея свѣтлицу и, объявивъ сестрѣ и тестю, что ему съ ними надобно поговорить, повелъ ихъ въ опочивальню, гдѣ обыкновенно отдыхалъ онъ послѣ обѣда. Старый князь легъ на дубовую кровать; Татьяна Аѳанасьевна сѣла на старинныя штофныя кресла, придвинувъ подъ ноги скамеечку; Гаврила Аѳанасьевичъ заперъ всѣ двери, сѣлъ на кровать въ ногахъ князя Лыкова и началъ въ полголоса слѣдующій разговоръ:

«Недаромъ Государь ко мнѣ пожаловалъ: угадайте, о чемъ онъ изволилъ со мною бесѣдовать?»

— Какъ намъ знать, батюшка братецъ! сказала Татьяна Аѳанасьевна.

— Не приказалъ ли тебѣ Царь вѣдать какое либо воеводство? сказалъ тесть: давно пора; али предложилъ быть въ отвѣтѣ? что же? вѣдь не однихъ дьяковъ — и знатныхъ людей посылаютъ къ чужимъ государямъ.

lib.pushkinskijdom.ru

«Нѣтъ», отвѣчалъ тесть, нахмурясь. «Я человѣкъ стараго покроя, а нынѣче служба наша не нужна, хоть, можетъ быть, православный Русскій дворянинъ стóитъ нынѣшнихъ новичковъ, блинниковъ, да бусурмановъ. Но это статья особая.»

— Такъ о чемъ же, братецъ, сказала Татьяна Аѳанасьевна, изволилъ онъ такъ долго съ тобою толковать? Ужъ не бѣда ли какая съ тобою приключилась? Господь упаси и помилуй!

«Бѣда не бѣда, а признаюсь, я было призадумался.»

— Что же такое, братецъ? о чемъ дѣло?

«Дѣло о Наташѣ: Царь пріѣзжалъ ее сватать.»

— Слава Богу! сказала Татьяна Аѳанасьевна, перекрестясь. Дѣвушка на-выданьи, а каковъ сватъ, таковъ и женихъ. Дай Богъ любовь да совѣтъ, а чести много. За кого же Царь ее сватаетъ?

«Гм!» крякнулъ Гаврила Аѳанясьевичъ: «за кого? то-то, за кого!»

— А за кого же? повторилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремать.

«Отгадайте», сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ.

— Батюшка-братецъ, отвѣчала старушка: какъ намъ угадать? Мало ли жениховъ при дворѣ: всякій радъ взять за себя твою Наташу. Долгорукій, что ли?

«Нѣтъ, не Долгорукій.»

— Да и Богъ съ нимъ: больно спѣсивъ. Шеинъ? Троекуровъ?

«Нѣтъ, ни тотъ, ни другой.»

— Датчанинъ они не по сердцу: вѣтрогоны, слишкомъ понабрались Нѣмецкаго духу. Ну, такъ Милославскій?

«Нѣтъ, не онъ.»

— Богъ съ нимъ: богатъ и глупъ. Что же? Елецкій? Львовъ? Неужто Рагузинскій? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого же Царь сватаетъ Наташу?

«За Арапа Ибрагима.»

Старушка ахнула и всплеснула руками. Князь Лыковъ приподнялъ голову съ подушекъ и съ изумленіемъ повторилъ: «за Арапа Ибрагима?»

lib.pushkinskijdom.ru

— Батюшка-братецъ! сказала старушка слезливымъ голосомъ: не погуби ты своего родимаго дитяти, не дай ты Наташеньки въ когти черному діаволу.

«Но какъ же», возразилъ Гаврила Аѳанасьевичъ: «отказать Государю, который за то обѣщаетъ намъ свою милость, мнѣ и всему нашему роду?»

— Какъ! воскликнулъ старый князь, у котораго сонъ совсѣмъ прошелъ: Наташу, внучку мою, выдать за купленнаго Арапа?

«Онъ роду не простаго», сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ: «онъ сынъ Арапскаго Султана. Басурмане взяли его въ плѣнъ и продали въ Цареградѣ, а нашъ посланникъ выручилъ и подарилъ его Царю. Старшій братъ Арапа пріѣзжалъ въ Россію съ знатнымъ выкупомъ и....»

— Слыхали мы сказку про Бову Королевича да Еруслана Лазаревича!

— Батюшка Гаврила Аѳанасьевичъ! перервала старушка: разскажи-тко намъ лучше, какъ отвѣчалъ Государю на его сватанье.

«Я сказалъ, что власть его съ нами, а наше холопье дѣло повиноваться ему во всемъ.»

Въ эту минуту раздался за дверью шумъ. Гаврила Аѳанасьевичъ пошелъ отворить ее, но почувствовалъ сопротивленіе. Онъ сильно ее толкнулъ, — дверь отворилась, и увидѣли Наташу въ обморокѣ, простертую на окровавленномъ полу.

Сердце въ ней замерло, когда Государь заперся съ ея отцомъ; какое-то предчувствіе шепнуло ей, что дѣло касается до нея, и когда Гаврила Аѳанасьевичъ отослалъ ее, объявивъ, что долженъ говорить ея теткѣ и дѣду, она не могла противиться влеченію женскаго любопытства, тихо черезъ внутренніе покои подкралась къ дверямъ опочивальни и не пропустила ни одного слова изъ всего ужаснаго разговора; когда же услышала послѣднія отцовскія слова, бѣдная дѣвушка лишилась чувствъ и, падая, ударилась головою о кованый сундукъ, гдѣ хранилось ея приданое.

lib.pushkinskijdom.ru

Люди сбѣжались ; Наташу подняли , понесли въ ея свѣтлицу и положили на кровать. Черезъ нѣсколько времени она очнулась, открыла глаза , но не узнала ни отца , ни тетки. Сильный жаръ обнаружился; она твердила въ бреду о Царскомъ арапѣ, о свадьбѣ и вдругъ закричала жалобнымъ и пронзительнымъ голосомъ : «Валеріанъ , милый Валеріанъ , жизнь моя! спаси меня : вотъ они , вотъ они!...» Татьяна Аѳанасьевна съ безпокойствомъ взглянула на брата, который поблѣднѣлъ, закусилъ губы и молча вышелъ изъ свѣтлицы. Онъ возвратился къ старому князю, который , не могши взойти на лѣстницу, оставался внизу. «Что Наташа?» спросилъ онъ. «Худо» , отвѣчалъ огорченный отецъ : «хуже , нежели я думалъ : она въ безпамятствѣ бредитъ Валеріаномъ.»

— Кто этотъ Валеріанъ? спросилъ встревоженный старикъ. Неужели тотъ сирота, стрѣлецкій сынъ, что̀ воспитывался у тебя въ домѣ?

«Онъ самъ , на бѣду мою!» отвѣчалъ Гаврила Аѳанасьевичъ. «Отецъ его во время бунта спасъ мнѣ жизнь, и чортъ меня догадалъ принять въ свой домъ проклятаго волчонка. Когда, тому два года, по его просьбѣ, записали его въ полкъ , Наташа , прощаясь съ нимъ, расплакалась, а онъ стоялъ какъ окаменѣлый. Мнѣ показалось это подозрительнымъ , и я говорилъ о томъ сестрѣ. Но съ тѣхъ поръ Наташа о немъ не упоминала , а про него не было ни духу, ни слуху. Я думалъ, она его забыла ; анъ видно нѣтъ. Но рѣшено : она выйдетъ за Арапа.»

Князь Лыковъ не противорѣчилъ : это было бы напрасно ; онъ поѣхалъ домой ; Татьяна Аѳанасьевна осталась у Наташиной постели ; Гаврила Аѳанасьевичъ , послав за лекаремъ, заперся въ своей комнатѣ, и въ его домѣ все стало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима , по крайней мѣрѣ столько же , какъ и Гаврилу Аѳанасьевича. Вотъ какъ это случилось. Петръ , занимаясь дѣлами съ Ибрагимомъ , сказалъ ему : «я замѣчаю , братъ , что ты пріунылъ ; говори прямо , чего тебѣ не достаетъ?» Ибрагимъ увѣрялъ Государя , что онъ доволенъ своей участью и лучшей не желаетъ. «Добро», сказалъ Госу-

lib.pushkinskijdom.ru

дарь: «если ты скучаешь безо всякой причины, такъ я знаю, чѣмъ тебя развеселить.»

По окончаніи работы, Петръ спросилъ Ибрагима: «нравится ли тебѣ дѣвушка, съ которой ты танцовалъ минаветъ на прошедшей ассамблеѣ?» — Она, Государь, очень мила, и, кажется, дѣвушка скромная и добрая. — «Такъ я жъ тебя съ нею познакомлю покороче. Хочешь ли ты на ней жениться?» — Я Государь?.... «Послушай, Ибрагимъ: ты человѣкъ одинокій, безъ роду и племени, чужой для всѣхъ; кромѣ одного меня. Умри я сегодня, завтра что̀ съ тобою будетъ, бѣдный мой Арапъ? Надобно тебѣ пристроиться, пока есть еще время, найти опору въ новыхъ связяхъ, вступить въ союзъ съ Русскимъ боярствомъ.» — Государь, я счастливъ покровительствомъ и милостями Вашего Величества. Дай Богъ мнѣ не пережить моего Царя и благодѣтеля, — болѣе ничего не желаю; но еслибъ и имѣлъ въ виду жениться, то согласится ли молодая дѣвушка и ея родственники? Моя наружность.... «Твоя наружность? какой вздоръ! чѣмъ ты не молодецъ? Молодая дѣвушка должна повиноваться волѣ родителей, а посмотримъ, что̀ скажетъ старый Гаврила Р**, когда я самъ буду твоимъ сватомъ?»

При сихъ словахъ Государь велѣлъ подавать сани и оставилъ Ибрагима, погруженнаго въ глубокія размышленія.

«Жениться?» думалъ Африканецъ: «зачѣмъ же нѣтъ? Ужели суждено мнѣ провести жизнь въ одиночествѣ и не знать лучшихъ наслажденій и священнѣйшихъ обязанностей человѣка, потому только, что я родился подъ знойнымъ градусомъ? Мнѣ нельзя надѣяться быть любимымъ: дѣтское возраженіе! Развѣ можно вѣрить любви? развѣ существуетъ она въ женскомъ легкомысленномъ сердцѣ? Отказавшись навѣкъ отъ милыхъ заблужденій, я выбралъ иныя обольщенія, болѣе существенныя. Государь правъ: мнѣ должно обезпечить будущую судьбу мою. Свадьба съ молодою Р** присоединитъ меня къ гордому Русскому дворянству, и я перестану быть пришельцемъ въ новомъ моемъ отечествѣ. Отъ жены я не стану требовать любви: буду

lib.pushkinskijdom.ru

довольствоваться ея вѣрностію, а дружбу пріобрѣту постоянной нѣжностію, довѣренностію и снисхожденіемъ.»

Ибрагимъ, по своему обыкновенію, хотѣлъ заняться дѣломъ, но воображеніе его слишкомъ было развлечено. Онъ оставилъ бумаги и пошелъ бродить по Невской набережной. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Петра, оглянулся и увидѣлъ Государя, который, отпустя сани, шелъ за нимъ съ веселымъ видомъ. «Все, братъ, кончено!» сказалъ Петръ, взявъ его подъ руку: «я тебя сосваталъ. Завтра поѣзжай къ своему тестю, но, смотри, потѣшь его боярскую спѣсь: оставь сани у воротъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности — и онъ будетъ отъ тебя безъ памяти. — Теперь, продолжалъ онъ, потряхивая дубинкою: заведи меня къ плуту-Данилычу, съ которымъ надо мнѣ перевѣдаться за его новыя проказы.»

Ибрагимъ, сердечно отблагодаривъ Петра за его отеческую заботливость о немъ, довелъ его до великолѣпныхъ палатъ князя Меншикова и возвратился домой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тихо теплилась лампада передъ стекляннымъ кивотомъ, въ коемъ блистали золотые и серебряные оклады наслѣдственныхъ иконъ. Дрожащій свѣтъ ея слабо озарялъ занавѣшенную кровать и столикъ, уставленный стклянками съ ярлыками. У печки сидѣла служанка за самопрялкою, и легкій шумъ ея веретена прерывалъ одинъ тишину свѣтлицы.

«Кто здѣсь?» произнесъ слабый голосъ. Служанка встала тотчасъ, подошла къ кровати и тихо приподняла пологъ. «Скоро ли разсвѣтетъ?» спросила Наталья. — Теперь уже полдень, отвѣчала служанка. «Ахъ Боже мой, отчего же такъ темно!» — Окна закрыты, барышня. — «Дай же мнѣ поскорѣе одѣваться.» — Нельзя, барышня: дохтуръ не приказалъ. — «Развѣ я больна? давно ли?» — Вотъ уже двѣ недѣли. — «Неужто? а мнѣ казалось, будто я вчера только легла....»

lib.pushkinskijdom.ru

Наташа умолкла; она старалась собрать разсѣянныя мысли: что-то съ нею случилось, но что именно — не могла вспомнить. Служанка все стояла передъ нею, ожидая приказаній. Въ это время раздался внизу глухой шумъ. «Что такое?» спросила больная. — Господа откушали, отвѣчала служанка: встаютъ изъ-за стола. Сейчасъ придетъ сюда Татьяна Аѳанасьевна. — Наташа, казалось, обрадовалась; она махнула слабою рукою. Служанка задернула занавѣсъ и сѣла опять за самопрялку.

Чрезъ нѣсколько минутъ изъ-за двери показалась голова въ бѣломъ широкомъ чепцѣ съ темными лентами и спросила въ полголоса: что Наташа? «Здравствуй, тётенька», сказала тихо больная; и Татьяна Аѳанасьевна къ ней поспѣшила. «Барышня въ памяти», сказала служанка, осторожно придвигая кресла. Старушка со слезами поцѣловала блѣдное, томное лице племянницы и сѣла подлѣ нея. Вслѣдъ за нею Нѣмецъ-лекарь, въ черномъ кафтанѣ и въ ученомъ парикѣ, вошелъ, пощупалъ у Натальи пульсъ и объявилъ по-Латынѣ, а потомъ и по-Русски, что опасность миновалась. Онъ потребовалъ бумаги и чернильницы, написалъ новый рецептъ и уѣхалъ, а старушка встала и, снова поцѣловавъ Наталью, тотчасъ отправилась съ доброю вѣстію внизъ къ Гаврилѣ Аѳанасьевичу.

Въ гостиной, въ мундирѣ, при шпагѣ, со шляпою въ рукахъ, сидѣлъ Царскій арапъ, почтительно разговаривая съ Гаврилою Аѳанасьевичемъ. К., растянувшись на пуховомъ диванѣ, слушалъ ихъ разсѣянно и дразнилъ заслуженную борзую собаку; наскуча симъ занятіемъ, онъ подошелъ къ зеркалу, обыкновенному прибѣжищу праздности, и въ немъ увидѣлъ Татьяну Аѳанасьевну, которая изъ-за двери дѣлала брату незамѣчаемые знаки. «Васъ зовутъ, Гаврила Аѳанасьевичъ», сказалъ К., оборотясь къ нему и перебивъ рѣчь Ибрагима. Гаврила Аѳанасьевичъ тотчасъ пошелъ къ сестрѣ и притворилъ за собою дверь.

«Дивлюсь твоему терпѣнію» сказалъ К. Ибрагиму. «Битый часъ слушаешь ты бредни о древности рода Лыковыхъ и Ржевскихъ и еще присовокупляешь къ тому свои нравоучительныя примѣчанія! На твоемъ мѣстѣ j'aurais planté là стараго враля и

lib.pushkinskijdom.ru

весь его родъ, включая тутъ же и Наталію Гавриловну, которая жеманится, притворяется больной — une petite santé. Скажи по совѣсти: ужели ты влюбленъ въ эту маленькую mijaurée?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ Ибрагимъ: «я женюсь, конечно, не по страсти, но по соображенію, и то, если она не имѣетъ отъ меня рѣшительнаго отвращенія.» — «Послушай, Ибрагимъ», сказалъ К.: «послѣдуй хоть разъ моему совѣту; право, я благоразумнѣе, нежели кажусь. Брось эту блажную мысль — не женись. Мнѣ сдается, что твоя невѣста никакого не имѣетъ особеннаго къ тебѣ расположенія. Мало ли что случается на свѣтѣ? Напримѣръ: я, конечно, собою недуренъ, но случалось, однакожъ, мнѣ обманывать мужей, которые были, ей-Богу, ничѣмъ не хуже моего. Ты самъ.... помнишь нашего Парижскаго пріятеля графа L? Нельзя надѣяться на женскую вѣрность; счастливъ, кто смотритъ на это равнодушно. Но ты!... Съ твоимъ ли пылкимъ, задумчивымъ и подозрительнымъ характеромъ, съ твоимъ ли сплющеннымъ носомъ, вздутыми губами, съ этой ли шершавой головой бросаться во всѣ опасности женитьбы?...» — «Благодарю за дружескій совѣтъ», прервалъ холодно Ибрагимъ, «но знаешь пословицу: не твоя печаль чужихъ дѣтей качать....» «Смотри, Ибрагимъ», отвѣчалъ, смѣясь, К.: «чтобъ тебѣ послѣ не пришлось эту пословицу доказывать на самомъ дѣлѣ, въ буквальномъ смыслѣ.»

Но разговоръ въ другой комнатѣ становился горячъ. «Ты уморишь ее», говорила старушка: «она не вынесетъ его виду.» — «Но посуди ты сама», возразилъ упрямый братъ: «вотъ уже двѣ недѣли ѣздитъ онъ женихомъ, а до сихъ поръ не видалъ невѣсты. Онъ наконецъ можетъ подумать, что ея болѣзнь пустая выдумка, что мы ищемъ только какъ бы время продлить, чтобъ какъ-нибудь отъ него отдѣлаться. Да что скажетъ и Царь? Онъ ужъ и такъ три раза присылалъ спросить о здоровьѣ Натальи. Воля твоя, а я ссориться съ нимъ не намѣренъ.» — «Господи Боже мой!» сказала Татьяна: «что съ нею, бѣдною, будетъ! Но крайней мѣрѣ пусти меня приготовить ее къ такому посѣщенію.» Гаврила Аѳанасьевичъ согласился и опять вошелъ въ гостиную.

lib.pushkinskijdom.ru

— Слава Богу! сказалъ онъ Ибрагиму: опасность миновалась, Натальѣ гораздо лучше; еслибъ несовѣстно было оставить здѣсь одного дорогаго гостя Ивана Евграфовича, то я повелъ бы тебя вверхъ взглянуть на твою невѣсту.

К. поздравилъ Гаврила Аѳанасьевича, просилъ не безпокоиться, увѣрялъ, что ему необходимо ѣхать, и побѣжалъ въ переднюю, не допуская хозяина проводить себя.

Между тѣмъ Татьяна Аѳанасьевна спѣшила приготовить больную къ появленію страннаго гостя. Войдя въ свѣтлицу, она сѣла, задыхаясь, у постели, взяла Наташу за руку, но не успѣла еще вымолвить слова, какъ дверь отворилась. Наташа спросила: кто пришелъ? Старушка обмерла. Гаврила Аѳанасьевичъ отдернулъ занавѣсъ, холодно посмотрѣлъ на больную и спросилъ, какова она. Больная хотѣла ему улыбнуться, но не могла. Суровый взглядъ отца ее поразилъ, и безпокойство овладѣло ею. Въ это время показалось, что кто-то стоялъ у ея изголовья. Она съ усиліемъ приподняла голову и вдругъ узнала Царскаго арапа. Тутъ она вспомнила все, весь ужасъ будущаго представился ей. Но изнуренная природа не получила примѣчательнаго потрясенія. Наташа снова опустила голову на подушку и закрыла глаза.... сердце въ ней билось болѣзненно. Татьяна Аѳанасьевна подала брату знакъ, что больная хочетъ уснуть, и всѣ вышли потихоньку изъ свѣтлицы, кромѣ служанки, которая снова сѣла за самопрялку.

Несчастная красавица открыла глаза и, не видя уже никого около своей постели, подозвала служанку и послала ее за кормилицею. Но въ ту же минуту круглая, старая крошка, какъ шарикъ, подкатилась къ ея кровати. Ласточка (такъ прозывалась кормилица) во всю прыть коротенькихъ ножекъ, вслѣдъ за Гаврилою Аѳанасьевичемъ и Ибрагимомъ, пустилась вверхъ по лѣстницѣ и притаилась за дверью, не измѣняя любопытству, сродному прекрасному полу. Наташа, увидя ее, выслала служанку, и кормилица сѣла у кровати на скамейку.

Никогда столь маленькое тѣло не заключало въ себѣ столь много душевной дѣятельности. Она вмѣшивалась во все, знала

lib.pushkinskijdom.ru

все, хлопотала обо всемъ. Хитрымъ и вкрадчивымъ умомъ умѣла она пріобрѣсти любовь своихъ господъ и ненависть всего дома, которымъ управляла самовластно. Гаврила Аѳанасьевичъ слушалъ ея доносы, жалобы и мелочныя просьбы; Татьяна Аѳанасьевна поминутно справлялась съ ея мнѣніями и руководствовалась ея совѣтами; а Наташа имѣла къ ней неограниченную привязанность и довѣряла ей всѣ свои мысли, всѣ движенія шестнадцатилѣтняго своего сердца.

«Знаешь, Ласточка», сказала она: «батюшка выдаетъ меня за Арапа.»

Кормилица вздохнула глубоко, и сморщенное лицо ея сморщилось еще болѣе.

«Развѣ нѣтъ надежды?» продолжала Наташа: «развѣ батюшка не сжалится надо мною?»

Кормилица тряхнула чепчикомъ.

«Не заступятся ли за меня дѣдушка или тетушка?»

— Нѣтъ, барышня: Арапъ во время твоей болѣзни всѣхъ успѣлъ заворожить. Баринъ отъ него безъ ума, князь только имъ и бредитъ, а Татьяна Аѳанасьевна говоритъ: жаль, что Арапъ, а лучшаго жениха грѣхъ намъ и желать.

«Боже мой, Боже мой!» простонала бѣдная Наташа.

— Не печалься, красавица наша, сказала кормилица, цѣлуя ея слабую руку. Если ужъ и быть тебѣ за Арапомъ, то все же будешь на своей волѣ. Нынче не то, что въ старину; мужья женъ не запираютъ; Арапъ, слышно, богатъ; домъ у васъ будетъ какъ полная чаша — заживешь припѣваючи.

«Бѣдный Валеріанъ!» сказала Наташа, но такъ тихо, что кормилица могла только угадать, а не слышать эти слова.

— То-то, барышня, сказала она, таинственно понизивъ голосъ, кабы ты меньше думала о Стрѣлецкомъ сиротѣ, такъ бы въ жару о немъ не бредила, а батюшка не гнѣвался бы.

«Что?» сказала испуганная Наташа: «я бредила Валеріаномъ? батюшка слышалъ? батюшка гнѣвался?»

— То-то и бѣда, отвѣчала кормилица. Теперь, если ты будешь просить его не выдавать тебя за Арапа, такъ онъ подумаетъ, что

lib.pushkinskijdom.ru

Валеріанъ тому причиною. Дѣлать нечего: ужъ покорись волѣ родительской, а что будетъ, то будетъ.

Наташа не возразила ни слова. Мысль, что тайна ея сердца извѣстна отцу, сильно подѣйствовала на ея воображеніе. Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершенія ненавистнаго брака. Эта мысль ее утѣшала. Слабой и печальной душой покорилась она своему жребію.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ домѣ Гаврилы Аѳанасьевича, изъ сѣней направо, находилась тѣсная каморка съ однимъ окошечкомъ. Въ ней стояла простая кровать, покрытая байковымъ одѣяломъ; передъ кроватью еловый столикъ, на которомъ горѣла сальная свѣча и лежали открытыя ноты. На стѣнѣ висѣлъ старый синій мундиръ и его ровесница, треуголная шляпа; надъ нею тремя гвоздиками прибита была лубочная картинка, изображающая Карла XII верхомъ. Звуки флейты раздавались въ этой смиренной обители. Плѣнный танцмейстеръ, уединенный ея житель, въ колпакѣ и въ китайчатомъ шлафрокѣ, услаждалъ скуку зимняго вечера, наигрывая старинные Шведскіе марши. Посвятивъ цѣлые два часа на сіе упражненіе, Шведъ разобралъ свою флейту, вложилъ ее въ ящикъ и сталъ раздѣваться.

. . . . . .

lib.pushkinskijdom.ru

II.

ЛѢТОПИСЬ СЕЛА ГОРОХИНА.

(1830.)

—

Званіе литератора всегда казалось для меня самымъ завиднымъ. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по старинному, никогда не читывали, и во всемъ домѣ, кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и Новѣйшаго Письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе письмовника долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизустъ и, несмотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя, незамѣченныя красоты. Послѣ генерала N. N., у котораго батюшка былъ нѣкогда адъютантомъ, Кургановъ казался мнѣ величайшимъ человѣкомъ. Я разспрашивалъ о немъ у всѣхъ — и, къ сожалѣнію, никто не могъ удовлетворить моему любопытству, никто не зналъ его лично; на всѣ мои вопросы отвѣчали только, что Кургановъ сочинилъ Новѣйшій Письмовникъ; но это твердо зналъ я и прежде. Мракъ неизвѣстности окружалъ его, какъ нѣкоего древняго полубога; иногда я даже сомнѣвался въ истинѣ его существованія. Имя его казалось мнѣ вымышленнымъ, и преданіе о немъ — пустымъ мифомъ, ожидавшимъ изысканій но-

lib.pushkinskijdom.ru

ваго Нибура. Однако же, онъ все преслѣдовалъ мое воображеніе; я старался придать какой нибудь образъ сему таинственному лицу и наконецъ рѣшилъ, что долженъ онъ походить на земскаго Засѣдателя Корючкина, маленькаго старичка, съ краснымъ носомъ и сверкающими глазами.

Въ 1812 году повезли меня въ Москву и отдали въ пансіонъ Карла Ивановича Мейера, гдѣ пробылъ я не болѣе трехъ мѣсяцовъ; ибо насъ распустили передъ вступленіемъ непріятеля. Я возвратился въ деревню....

Сія эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намѣренъ о ней распространиться, заранѣе прося извиненія у благосклоннаго читателя, если во зло употреблю снисходительное его вниманіе.

День былъ осенній и пасмурный. Прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогой. Хотя я нрава отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика, то обѣщая ему на водку, то угрожая побоями, и какъ удобнѣе было мнѣ толкать его въ спину, нежели вынимать и развязывать кошелекъ, то, признаюсь, раза три и ударилъ его, что отъ роду со мною не случалось, ибо сословіе ямщиковъ, не знаю почему, для меня въ особенности любезно. Ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все таки затягивалъ возжи. Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рощу и черезъ 10 минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце моё сильно билось; я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми де-

lib.pushkinskijdom.ru

ревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, теперь обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но онѣ были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя мнѣ лица и дружески со всѣми ими цѣлуясь: мои потѣшные мальчишки были ужъ мужиками, а дѣвчонки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ, замужними бабами. Мущины плакали. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: «какъ ты постарѣла» И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: «какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!» Повели меня на заднее крыльцо; на встрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ, какъ многострадальнаго Одиссея. Побѣжали топить баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отростившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ, или ужинъ, ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки. Такъ очутился я въ смиренной отеческой обители и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года тому родился.

Около трехъ недѣль прошло для меня въ хлопотахъ всякаго рода: я возился съ Засѣдателями, Предводителями и всевозможными Губернскими чиновниками. Наконецъ принялъ я наслѣдство и былъ введенъ во владѣніе отчиной. Я успокоился; но скоро скука бездѣйствія стала меня мучить. Я не былъ еще знакомъ съ добрымъ и почтеннымъ сосѣдомъ моимъ **. Занятія хозяйственныя были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною въ ключницы и управительницы, состояли счетомъ изъ пятнадцати домашнихъ анекдотовъ, весьма для меня любопытныхъ, но разсказываемыхъ ею всегда одинаково, такъ, что она сдѣлалась для меня другимъ *Новѣйшимъ Письмовникомъ*, въ которомъ я зналъ, на какой страницѣ какую

lib.pushkinskijdom.ru

найду строчку. Настоящій же заслуженный Письмовникъ былъ мною найденъ въ кладовой, между всякой рухлядью, въ жалкомъ состояніи. Я вынесъ его на свѣтъ и принялся было за него, но Кургановъ потерялъ для меня прежнюю свою прелесть. Я прочелъ его еще разъ и больше уже не открывалъ.

Въ сей крайности пришло мнѣ на мысль: не попробовать ли самому что нибудь сочинить? Благосклонный читатель знаетъ уже, что воспитанъ я былъ на мѣдныя деньги; къ тому же быть сочинителемъ казалось мнѣ такъ мудрено, такъ недосягаемо, что мысль взяться за перо сначала испугала меня. Смѣлъ ли я надѣяться попасть когда нибудь въ число писателей, когда уже пламенное желаніе мое встрѣтиться съ однимъ изъ нихъ никогда не было исполнено? Но это напоминаетъ мнѣ случай, который намѣренъ я разсказать въ доказательство всегдашней страсти моей къ отечественной Словесности.

Въ 1820 году, еще юнкеромъ, случилось мнѣ быть по казенной надобности въ Петербургѣ; я прожилъ въ немъ недѣлю и, несмотря на то, что не было у меня здѣсь ни одного знакомаго человѣка, провелъ время чрезвычайно весело; каждый день тихонько ходилъ я въ театръ въ галлерею 4-го яруса, — всѣхъ актеровъ узналъ по имени и страстно влюбился въ **, игравшую съ большимъ искусствомъ, въ одно воскресенье, роль Эйлаліи, въ драмѣ: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*. Утромъ, возвращаясь изъ Главнаго Штаба, заходилъ я обыкновенно въ низенькую конфектную лавку, и за чашкой шеколада читалъ литературные журналы. Однажды сидѣлъ я углубленный въ критическую статью *Благонамѣреннаго;* вдругъ нѣкто, въ гороховой шинели, ко мнѣ подошелъ и изъ-подъ моей книжки тихонько потянулъ листокъ Гамбургской газеты; я былъ такъ занятъ, что не поднялъ и глазъ. Незнакомый спросилъ себѣ бифстекса и сѣлъ передо мною; я все читалъ, не обращая на него вниманія; онъ между тѣмъ позавтракалъ, сердито побранилъ мальчика за неисправность, выпилъ полбутылки вина и вышелъ. Двое молодыхъ людей тутъ же завтракали. «Знаешь ли кто это былъ?» сказалъ одинъ другому: «это Б..., сочинитель.» — Сочинитель! воскликнулъ я

lib.pushkinskijdom.ru

невольно и, оставя журналъ недочитаннымъ и чашку недопитою, побѣжалъ расплачиваться и, не дождавшись сдачи, выбѣжалъ на улицу. Смотря во всѣ стороны, увидѣлъ я издали гороховую шинель и пустился по Невскому проспекту, только что не бѣгомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чувствую вдругъ, что меня останавливаютъ; оглядываюсь, Гвардейскій офицеръ замѣтилъ мнѣ: что-де мнѣ слѣдовало не толкать его на тротуарѣ, но скорѣе остановиться и вытянуться. Послѣ сего выговора я сталъ осторожнѣе; на бѣду мою, поминутно встрѣчались мнѣ офицеры: я поминутно останавливался, а сочинитель все уходилъ отъ меня впередъ. Отъ роду моя солдатская шинель не была мнѣ столь тягостною, отъ роду эполеты не казались мнѣ столь завидными; наконецъ у самаго Аничкина моста догналъ я гороховую шинель. «Позвольте спросить», сказалъ я, приставя ко лбу руку: «вы г. Б., коего прекрасные статьи имѣлъ я счастіе читать въ Соревнователѣ Просвѣщенія?» — Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ: я не сочинитель, а стряпчій; но Б. мнѣ очень знакомъ; четверть часа тому, я встрѣтилъ его у Полицейскаго моста. — Такимъ образомъ уваженіе мое къ Русской литературѣ стоило мнѣ 80 копѣекъ потерянной сдачи, выговора по службѣ и чуть-чуть не ареста — и все даромъ!

Несмотря на всѣ возраженія моего разсудка, дерзкая мысль сдѣлаться писателемъ поминутно приходила мнѣ въ голову. Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи противиться влеченію природы, я сшилъ себѣ толстую тетрадь и рѣшился, съ твердымъ намѣреніемъ, наполнить ее чѣмъ бы то ни было. Всѣ роды поэзіи (ибо о смиренной прозѣ я еще и не помышлялъ) были мною разобраны, и я непремѣнно рѣшился на эпическую поэму, почерпнутую изъ отечественной исторіи. Не долго искалъ я себѣ героя — выбралъ Рюрика — и принялся за работу.

Къ стихамъ пріобрѣлъ я нѣкоторый навыкъ, переписывая тетрадки, ходившія по рукамъ между нашими офицерами, именно: *критику на Московскій бульваръ, на Прѣсненскіе пруды, Опаснаго сосѣда* и т. д. Несмотря на то, поэма моя подвигалась медленно, и я бросилъ ее на третьемъ стихѣ. Я думалъ, что эпиче-

lib.pushkinskijdom.ru

скій родъ не мой родъ, и началъ трагедію : Рюрикъ. Трагедія не пошла. Я попробовалъ обратить ее въ балладу, но и баллада какъ-то мнѣ не давалась. Наконецъ вдохновеніе озарило меня, — я началъ и благополучно окончилъ : «надпись къ портрету Рюрика.»

Несмотря на то, что «надпись» моя была не вовсе недостойна вниманія, особенно какъ первое произведеніе молодаго стихотворца, однакожъ, я почувствовалъ, что не рожденъ поэтомъ, и довольствовался симъ первымъ опытомъ. Творческія мои попытки такъ привязали меня къ литературнымъ занятіямъ, что я уже не могъ разстаться съ тетрадью и чернильницей. Я хотѣлъ низойти къ прозѣ. На первый случай, не желая заняться предварительнымъ изученіемъ, расположеніемъ плана, скрѣпленіемъ частей и т. п., я вознамѣрился писать отдѣльныя мысли, безъ связи, безъ всякаго порядка, въ томъ видѣ, какъ онѣ мнѣ станутъ представляться. Къ несчастію, мысли не приходили мнѣ въ голову, и въ цѣлые два дня надумалъ я только слѣдующее замѣчаніе :

«Человѣкъ, неповинующійся законамъ разсудка и привыкшій слѣдовать внушеніямъ страстей, часто заблуждается и подвергаетъ себя позднему раскаянію.»

Мысль, конечно, справедливая, но уже не новая. Оставя мысли, принялся я за повѣсти ; но, не умѣя съ непривычки расположить вымышленное происшествіе, я избралъ замѣчательные анекдоты, нѣкогда мною слышанные отъ разныхъ особъ, и старался украсить истину живостію разсказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенія. Составляя сіи повѣсти, мало по малу, образовалъ я свой слогъ и пріучился выражаться правильно, пріятно и свободно. Но скоро запасъ мой истощился, и я сталъ опять искать предмета для литературной моей дѣятельности.

Мысль оставить мелочные и сомнительные анекдоты для повѣствованія истинныхъ и великихъ происшествій давно тревожила мое воображеніе. Быть судіею, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ казалось мнѣ высшею степенью, доступной для писателя. Какую исторію могъ я написать съ моей жалкой

lib.pushkinskijdom.ru

образованностью? Гдѣ не предупредили меня многоученые, добросовѣстные мужи? Какой родъ исторіи не истощенъ уже ими? Стану ль писать исторію всемірную, — но развѣ не существуетъ уже безсмертный трудъ аббата Милота? Обращусь ли къ исторіи отечественной, — что скажу я послѣ Татищева, Болтина, Голикова? И мнѣ ли рыться въ лѣтописяхъ и добираться до сокровеннаго смысла обветшалаго языка, когда не могъ я выучиться цифрамъ Славянскимъ? Я подумалъ объ исторіи меньшаго объема, напр. объ исторіи Губернскаго нашего города; но и тутъ сколько препятствій, для меня неодолимыхъ! Исторія Уѣзднаго нашего города была бы для меня удобнѣе, но она не была занимательна ни для философа, ни для политика и представляла мало пищи краснорѣчію. Единственное замѣчательное происшествіе, сохранившееся въ его лѣтописяхъ, есть ужасный пожаръ, случившійся десять лѣтъ тому назадъ, истребившій базаръ и Присутственныя Мѣста.

Нечаянный случай разрѣшилъ мои недоумѣнія. Баба, развѣшивая бѣлье на чердакѣ, нашла старую корзину, наполненную щепками, соромъ и книгами. Весь домъ зналъ охоту мою къ чтенію. Ключница моя, въ то самое время, какъ я, сидя за моей тетрадью, грызъ перо и думалъ объ опытѣ сельскихъ проповѣдей, съ торжествомъ втащила корзинку въ мою комнату, радостно восклицая: книги! книги! — «Книги!» повторилъ я съ восторгомъ и бросился къ корзинкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ цѣлую груду книгъ въ зеленомъ и синемъ бумажномъ переплетѣ. Это было собраніе старыхъ календарей. Сіе открытіе охладило мой восторгъ, но все я былъ радъ нечаянной находкѣ: все же это были книги, и я щедро наградилъ усердіе прачки полтиной серебра.

Оставшись наединѣ, я сталъ разсматривать свои календари, и скоро мое вниманіе было сильно ими привлечено. Они составляли непрерывную цѣпь годовъ отъ 1744 до 1799 т. е. ровно 55 лѣтъ. Синіе листы бумаги, обыкновенно вплетаемые въ календари, были всѣ исписаны стариннымъ почеркомъ. Брося взоръ на сіи строки, съ изумленіемъ увидѣлъ я, что они заклю-

lib.pushkinskijdom.ru

чали не только замѣчаніе о погодѣ и хозяйственные счеты, но также и краткія историческія извѣстія, касательно села Горохина. Немедленно занялся я разборомъ сихъ драгоцѣнныхъ Записокъ и вскорѣ нашелъ, что онѣ представляли полную исторію моей отчины, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, въ самомъ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Сверхъ сего заключали онѣ неистощимый запасъ экономическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и другихъ ученыхъ наблюденій. Съ тѣхъ поръ изученіе сихъ Записокъ заняло меня исключительно, ибо увидѣлъ я возможность извлечь изъ нихъ повѣствованіе стройное, любопытное и поучительное. Ознакомясь довольно съ драгоцѣнными сими памятниками, я сталъ искать новыхъ источниковъ исторіи села Горохина, и вскорѣ ихъ обиліе изумило меня. Посвятивъ цѣлые шесть мѣсяцевъ на предварительное ихъ изученіе, наконецъ приступилъ я къ давно желаемому труду; съ помощію Божіею совершилъ оный сего ноября 3 дня 1827 года. Нынѣ, какъ нѣкоторый, мнѣ подобный историкъ, коего имени я не запомню, оконча свой трудный подвигъ, кладу перо и съ грустію иду въ мой садъ размышлять о томъ, что мною совершено. Кажется и мнѣ, что, написавъ исторію Горохина, я уже не нуженъ міру, что долгъ мой исполненъ и что пора мнѣ опочить.

Здѣсь прилагаю списокъ источниковъ, послужившихъ мнѣ къ составленію исторіи Горохина:

I. *Собраніе старинныхъ календарей, 55 частей.* Первыя 20 частей исписаны стариннымъ почеркомъ съ титлами. Лѣтопись сія сочинена прадѣдомъ моимъ Андреемъ Степановичемъ Бѣлкинымъ; она отличается ясностію и краткостію слога, — напримѣръ: 4-го Мая снѣгъ. Тришка за грубость битъ. 6-го — корова бурая пала. Сенька за пьянство битъ. 8-го — погода ясная. 9-го — дождь и снѣгъ. Тришка за пьянство битъ..... и тому подобное, безо всякихъ размышленій. 11-го — погода ясная, пороша; затравилъ трехъ зайцевъ. — Остальныя 35 частей

lib.pushkinskijdom.ru

писаны разными почерками, большею частію, такъ называемымъ, лавочничьимъ, съ титлами и безъ титловъ, вообще плодовито, несвязно и безъ соблюденія правописанія; кое-гдѣ замѣтна женская рука. Въ сіе отдѣленіе входятъ Записки дѣда моего Ивана Андреевича Бѣлкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксіи Алексѣевны; также и Записки прикащика Горбовицкаго.

II. *Лѣтопись Горохинскаго дьячка.* Сія любопытная рукопись отыскана мною у моего попа, женатаго на дочери лѣтописца. Первые листы были выдраны и употреблены дѣтьми священника на, такъ называемые, змѣи. Одинъ изъ таковыхъ упалъ посреди моего двора; я поднялъ его и хотѣлъ-было возвратить дѣтямъ, какъ замѣтилъ, что онъ былъ исписанъ. Съ первыхъ строкъ увидѣлъ я, что змѣй составленъ былъ изъ лѣтописи. Къ счастію успѣлъ спасти остальное. Лѣтопись сія, пріобрѣтенная мною за четверть овса, отличается глубокомысліемъ и велерѣчіемъ необыкновеннымъ.

III. *Изустныя преданія.* Я не пренебрегалъ никакими извѣстіями; но въ особенности обязанъ многимъ Аграфенѣ Трифоновой, матери Авдѣя старосты, бывшей, говорятъ, любовницею прикащика Горбовицкаго.

IV. *Ревижскія сказки,* съ замѣчаніями прежнихъ старостъ, касательно нравственности и состоянія крестьянъ.

31-го Октября.

БАСНОСЛОВНЫЯ ВРЕМЕНА.

Староста Трифонъ.

Основаніе Горохина и первоначальное населеніе онаго покрыто мракомъ неизвѣстности. Темныя преданія гласятъ, что нѣкогда Горохино было село богатое и обширное, что всѣ жители онаго были зажиточны; что оброкъ собирали единожды въ годъ и отсылали, невѣдомо кому, на нѣсколькихъ возахъ. Въ то

lib.pushkinskijdom.ru

время все покупали дешево и дорого продавали. Прикащиковъ не существовало; старосты никого не обижали; обитатели работали мало, а жили припѣваючи, и пастухи стерегли стадо въ сапогахъ. Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотомъ вѣкѣ сродна всѣмъ народамъ и доказываетъ только, что люди никогда не довольны настоящимъ и, по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаютъ невозвратимое минувшее всѣми цвѣтами своего воображенія. Вотъ что достовѣрно: село Горохино издревле принадлежало знаменитому роду Бѣлкиныхъ. Но предки мои, владѣя многими другими отчинами, не обращали вниманія на сію отдаленную страну. Горохино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народомъ на вѣчѣ, мірскою сходкою называемой.

Въ теченіе этого времени родовыя имѣнія Бѣлкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ. Обѣднѣвшіе внуки богатаго дѣда не могли отвыкнуть отъ роскошныхъ своихъ привычекъ и требовали прежняго полнаго дохода отъ имѣнія, въ десять кратъ уже уменьшившагося. Грозныя предписанія слѣдовали одно за другимъ. Староста читалъ ихъ на вѣчѣ; старшины витійствовали; міръ волновался, а господа, вмѣсто двойнаго оброка, получали скучныя отговорки и смиренныя жалобы, писанныя на засаленной бумагѣ и запечатанныя грошемъ.

Мрачная туча висѣла надъ Горохинымъ, а никто объ ней и не помышлялъ. Въ послѣдній годъ властвованія Трифона, послѣдняго старосты, народомъ избраннаго, въ самый день храмоваго праздника, когда весь народъ или шумно окружалъ увеселительное зданіе (кабакомъ въ просторѣчіи именуемое), или бродилъ по улицамъ, обнявшись между собою и громко воспѣвая пѣсни Архипа Лысаго, въѣхала въ село ямская крытая бричка, заложенная парою клячъ едва живыхъ; на козлахъ сидѣлъ оборванный жидъ; изъ брички высунулась голова въ картузѣ и, казалось, съ любопытствомъ смотрѣла на веселящійся народъ. Жители встрѣтили повозку смѣхомъ и грубыми насмѣшками (NB. Свернувъ трубкою возкраія одеждъ, безумцы глумились надъ Еврейскимъ возницею и восклицали смѣхотворно: жидъ, жидъ,

lib.pushkinskijdom.ru

ѣшь свиное ухо!... *Лѣтопись дьячка).* Сколь изумились они, когда бричка остановилась посреди села и когда пріѣзжій, выпрыгнувъ изъ нея, повелительнымъ голосомъ потребовалъ старосту Трифона. Сей сановникъ находился въ увеселительномъ зданіи, откуда двое старшинъ вывели его подъ руки. Незнакомецъ посмотрѣлъ на него грозно, подалъ ему письмо и велѣлъ читать оное немедленно. Староста былъ неграмотенъ. Послали за земскимъ Авдѣемъ. Его нашли неподалеку спящаго въ переулкѣ подъ заборомъ и привели къ незнакомцу. Но, или отъ внезапнаго испуга, или отъ горестнаго предчувствія, буквы письма, четко написаннаго, показались ему отуманенными, и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать. Незнакомецъ, старосту Трифона и земскаго Авдѣя съ ужаснымъ проклятіемъ отославъ спать, отложилъ чтеніе письма до завтрашняго дня и пошелъ въ приказную избу, куда жидъ понесъ за нимъ его маленькій чемоданъ.

Горохинцы съ изумленіемъ смотрѣли на сіе необыкновенное происшествіе; но вскорѣ бричка, жидъ и незнакомецъ были забыты. День кончился шумно и весело, и Горохино заснуло, не предвидя, что ожидало его....

Съ восходомъ утренняго солнца жители были пробуждены стукомъ въ окошки и призываніемъ на мірскую сходку. Граждане, одинъ за другимъ, явились на дворъ приказной избы, служившей вѣчевою площадью. Глаза ихъ были мутны и красны; лица опухлыя; они, зѣвая и почесываясь, смотрѣли на человѣка въ картузѣ, въ старомъ голубомъ кафтанѣ, важно стоявшаго на крыльцѣ приказной избы, и старались припомнить черты его, когда-то ими видѣнныя. Староста и земскій Авдѣй стояли подлѣ него безъ шапокъ, съ видомъ подобострастія и глубокой горести. «Всѣ ли здѣсь?» спросилъ незнакомецъ. — Всѣ ли-ста здѣсь? повторилъ староста. — «Всѣ-ста», отвѣчали граждане, а староста объявилъ, что отъ барина получена грамота, и приказалъ земскому прочесть ее во услышаніе міра. Авдѣй выступилъ и прочелъ слѣдующее (NB. Сію грозновѣщую грамоту списалъ я у Трифона старосты; у него же хранилась она въ кивотѣ вмѣстѣ съ другими памятниками владычества его надъ Горохинымъ).

lib.pushkinskijdom.ru

Трифонъ Ивановъ!

Вручитель письма сего, повѣренный мой **, ѣдетъ въ отчину мою село Горохино для поступленія въ управленіе онаго. Немедленно, по его прибытіи, собрать мужиковъ и объявить имъ мою барскую волю, а именно: приказаній повѣреннаго моего ** имъ мужикамъ слушаться какъ моихъ собственныхъ, и все, чего онъ потребуетъ, исполнять безпрекословно; въ противномъ случаѣ имѣетъ онъ ** поступать съ ними со всевозможною строгостію. Къ сему понудило меня ихъ безсовѣстное непослушаніе и твое, Трифонъ Ивановъ, плутовское потворство.

Подписано: N. N.

Тогда **, растопыря ноги на подобіе хѣра и подбоченясь на подобіе ферта, произнесъ слѣдующую краткую и выразительную рѣчь: «Смотрите жъ вы у меня, не очень умничайте — вы, я знаю, народъ избалованный, да я, небось, выбью дурь изъ вашихъ головъ скорѣе вчерашняго хмѣля.» Хмѣля уже не было ни въ одной головѣ, и Горохинцы, какъ громомъ пораженные, повѣсили носы и съ ужасомъ разошлись по домамъ.

Правленіе прикащика **.

**, принявъ бразды правленія, потребовалъ опись крестьянъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей политической системы. Она заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смирнѣе. Въ слѣдствіе сего ** старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1) Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостію. 2) Недостаточные и праздполюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же, по его расчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли

lib.pushkinskijdom.ru

полное право откупаться, заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю, ибо отъ онаго по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока наконецъ выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мірскія сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики, кажется, платили и не слишкомъ болѣе противу прежняго, но никакъ не могли ни наработать, ни накопить достаточно денегъ. Въ три года Горохино совершенно обнищало. Горохино пріуныло, базаръ запустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли; ребятишки пошли по міру, и день храмоваго праздника сдѣлался, по выраженію лѣтописца, не днемъ радости и ликованія, но годовщиною печали и поминанія горестнаго.

Изъ Горохинскаго лѣтописца.

Посадилъ окаянный прикащикъ Антона Тимоѳеева въ желѣзы, а старикъ Тимоѳей сына откупилъ за 100 руб., а прикащикъ заковалъ Петрушку Еремѣева, и того откупилъ отецъ за 68 руб., а хотѣлъ окаянный сковать Леху Тарасова, но тотъ убѣжалъ въ лѣсъ, и прикащикъ о томъ весьма крушился и свирѣпствовалъ во словесахъ; а отвезли въ городъ и отдали въ рекруты Ваньку пьяницу.

ВРЕМЕНА ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Страна (Горохинымъ называемая, по имени столицы своей, число жителей простирается до 63 душъ) занимаетъ на земномъ шарѣ болѣе 240 десятинъ. Къ сѣверу граничитъ она съ деревнями Дериуховымъ и Перкуховымъ (коего обитатели бѣдны и малорослы, а владѣльцы преданы воинственному упражненію заячьей охоты); къ югу рѣка Сивка отдѣляетъ ее отъ владѣній Карачевскихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ — сосѣдей безпокойныхъ, извѣстныхъ буйною жестокостію нравовъ; къ западу

lib.pushkinskijdom.ru

облегаютъ его цвѣтущія поля Захарьинскія, благоденствующія подъ властію мудрыхъ и просвѣщенныхъ помѣщиковъ; къ востоку примыкаетъ она къ дикимъ необитаемымъ мѣстамъ, къ непроходимому болоту, гдѣ произрастаетъ одна клюква, гдѣ раздается лишь однообразное кваканье лягушекъ и гдѣ суевѣрное преданіе предполагаетъ быть обиталищу нѣкоего бѣса.

NB. Сіе болото и называется *Бѣсовскимъ*. Разсказываютъ, будто одна полу-умная пастушка стерегла стадо свиней не далече отъ сего уединеннаго мѣста. Она сдѣлалась беременною и никакъ не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Гласъ народный обвинилъ болотнаго бѣса; но сія сказка недостойна вниманія историка, и послѣ Нибура непростительно было бы тому вѣрить.

Издревле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благорастворенным климатомъ. На тучныхъ его нивахъ родятся: рожь, овесъ, ячмень и гречиха. Березовая роща и еловый лѣсъ снабжаютъ обитателей деревьями и валежникомъ на постройку и отопку жилищъ. Нѣтъ недостатка въ орѣхахъ, въ клюквѣ, брусникѣ и черникѣ. Грибы произрастаютъ въ необыкновенномъ количествѣ; изжаренные въ сметанѣ представляютъ они пріятную, хотя и нездоровую пищу. Прудъ наполненъ карасями, а въ рѣкѣ Сивкѣ водятся щуки и налимы.

Обитатели Горохина, большею частію, роста средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе. Женщины отличаются носами, поднятыми нѣсколько вверхъ, выпуклыми скулами и дородностію.

NB. *Баба здоровенная*. Сіе выраженіе встрѣчается часто въ примѣчаніяхъ старосты къ ревижскимъ сказкамъ.

Мущины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашнѣ), храбры, воинственны. Многіе изъ нихъ ходятъ одни на медвѣдя и славятся въ околодкѣ кулачными бойцами; всѣ вообще склонны къ чувственному наслажденію пьянства. Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляютъ съ мущинами большую

lib.pushkinskijdom.ru

часть ихъ трудовъ и не уступятъ имъ въ отважности; рѣдкая изъ нихъ боится старости. Онѣ столь же цѣломудренны, какъ и прелестны; на покушенія дерзновеннаго отвѣчаютъ сурово и выразительно.

Жители Горохина издавна производятъ обильный торгъ лыками, лукошками и лаптями. Сему способствуетъ рѣка Сивка, черезъ которую весною переправляются они на челнокахъ, подобно древнимъ Скандинавамъ, а прочее время года переходятъ въ бродъ, предварительно засучивъ нижнее платье до колѣнъ.

Языкъ Горохинскій есть рѣшительно отрасль Славянскаго, но столь же разнится отъ него, какъ и Русскій. Онъ исполненъ сокращеніями и усѣченіями; нѣкоторые звуки вовсе въ немъ уничтожены, или замѣнены другими. Однакожъ, Русскимъ легко понять Горохинца и обратно.

Мущины женятся обыкновенно на 13 году, на дѣвицахъ 20 лѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужья уже начинали бить женъ; и такимъ образомъ оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено.

Обряды похоронъ происходили слѣдующимъ образомъ. Въ самый день смерти, покойника относили на кладбище, дабы мертвый въ избѣ не занималъ напрасно лишняго мѣста. Отъ сего случалось, что, къ неописанной радости родственниковъ, мертвецъ чихалъ или зѣвалъ въ ту самую минуту, какъ его выносили въ гробѣ за околицу. Жены оплакивали мужьевъ, воя и приговаривая: «Свѣтъ, моя удалая головушка, на кого ты меня покинулъ? чѣмъ-то мнѣ тебя поминати?» При возвращеніи съ кладбища начиналась тризна въ честь покойника, и родственники и друзья бывали пьяны два-три дня, или даже цѣлую недѣлю, смотря по усердію и привязанности къ его памяти. Сіи древніе обряды сохранились и понынѣ.

Одежда Горохинцевъ состояла изъ рубахи, надѣваемой сверхъ нижняго платья, что есть отличительный признакъ ихъ Славянскаго происхожденія. Зимою носили они овчинные тулупы, но болѣе для красы, нежели изъ настоящей нужды, ибо тулупъ

lib.pushkinskijdom.ru

обыкновенно надѣвали они на одно плечо и сбрасывали при малѣйшемъ трудѣ, требующемъ движенія.

Науки, искусства и поэзія издревле находились въ Горохинѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи. Сверхъ священника и церковныхъ причетниковъ всегда водились въ немъ грамотѣи. Лѣтопись упоминаетъ о земскомъ Терентьѣ, жившемъ около 1767 года, умѣвшемъ писать не только правою, но и лѣвою рукою. Сей необыкновенный человѣкъ прославился въ околодкѣ сочиненіемъ всякаго рода писемъ, челобитныхъ, партикулярныхъ паспортовъ и т. п. Неоднократно пострадавъ за свое искусство, услужливость и участіе въ разныхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, онъ умеръ уже въ глубокой старости, въ то самое время, какъ пріучался писать правою ногою; ибо почерки обѣихъ рукъ его были уже слишкомъ извѣстны. Онъ играетъ (какъ читатель увидитъ послѣ) важную роль и въ исторіи Горохина.

Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ Горохинцевъ; балалайка и волынка, услаждая чувства и сердце, понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ ёлкою.

Поэзія нѣкогда процвѣтала въ древнемъ Горохинѣ. Донынѣ стихотворенія Архипа Лысаго сохранились въ памяти потомства. Приведемъ въ примѣръ сіе сатирическое стихотвореніе:

Ко боярскому двору
Акимъ староста идетъ,
Бирки въ пазухѣ несетъ,
Боярину подаетъ;
А бояринъ смотритъ,
Ничего не смыслитъ.
Ахъ, ты, староста Акимъ!
Обокралъ бояръ кругомъ,
Село по міру пустилъ,
Старостиху подарилъ.

Въ нѣжности не уступятъ они эклогамъ извѣстнаго Виргилія; въ красотѣ воображенія далеко превосходятъ они идилліи г. Сумарокова; и хотя въ щеголеватости и уступаютъ новѣйшимъ

lib.pushkinskijdom.ru

произведеніямъ нашихъ музъ, но равняются съ ними затѣйливостію и остроуміемъ.

Образъ правленія въ Горохинѣ нѣсколько разъ измѣнялся. Оно поперемѣнно находилось подъ властію старшинъ, выбранныхъ міромъ; прикащиковъ, назначенныхъ помѣщикомъ, и наконецъ непосредственно подъ рукою самихъ помѣщиковъ. Выгоды и невыгоды сихъ различныхъ образовъ правленія будутъ развиты мною въ теченіе моего повѣствованія.

Познакомя такимъ образомъ моего читателя съ этнографическимъ и статистическимъ состояніемъ Горохина и со нравами и обычаями его обитателей, приступимъ теперь къ самому повѣствованію....

1-го Ноября.

lib.pushkinskijdom.ru

III.

ПОВѢСТИ ПОКОЙНАГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА.

(1830.)

—

Г-жа Простакова.
То, мой батюшка, онъ еще съизмала
къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ.
Митрофанъ по мнѣ.

Недоросль.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Взявшись хлопотать объ изданіи книги, предлагаемой нынѣ публикѣ, мы желали къ оной присовокупить хотя краткое жизнеописаніе покойнаго автора, и тѣмъ отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности. Для сего обратились было мы къ Марьѣ Алексѣевнѣ Трафилиной, ближайшей родственницѣ и наслѣдницѣ Ивана Петровича Бѣлкина; но къ сожалѣнію, ей невозможно было намъ доставить ни какого о немъ извѣстія, ибо покойникъ вовсе не былъ ей знакомъ. Она совѣтовала намъ отнестись по сему предмету къ одному почтенному мужу, бывшему другомъ Ивану Петровичу.

lib.pushkinskijdom.ru

Мы послѣдовали сему совѣту и на письмо наше получили нижеслѣдующій желаемый отвѣтъ. Помѣщаемъ его безо всякихъ перемѣнъ и примѣчаній, какъ драгоцѣнный памятникъ благороднаго образа мнѣній и трогательнаго дружества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и весьма достаточное біографическое извѣстіе.

Милостивый Государь мой ** **!

Почтеннѣйшее письмо ваше, отъ 15-го сего мѣсяца, получить имѣлъ я честь 23-го сего же мѣсяца, въ коемъ вы изъявляете мнѣ свое желаніе имѣть подробное извѣстіе о времени рожденія и смерти, о службѣ, о домашнихъ обстоятельствахъ, также и о занятіяхъ о нравѣ покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, бывшаго моего искренняго друга и сосѣда по помѣстьямъ. Съ великимъ моимъ удовольствіемъ исполняю сіе ваше желаніе и препровождаю къ вамъ, Милостивый Государь мой, все, что изъ его разговоровъ, а также изъ собственныхъ моихъ наблюденій запомнить могу.

Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей въ 1798 году въ селѣ Горюхинѣ. Покойный отецъ его, Секундъ-Маіоръ Петръ Ивановичъ Бѣлкинъ, былъ женатъ на дѣвицѣ Пелагеѣ Гавриловнѣ изъ дому Трафилиныхъ. Онъ былъ человѣкъ не богатый, но умѣренный, и по части хозяйства весьма смышленый. Сынъ ихъ получилъ первоначальное образованіе отъ деревенскаго дьячка. Сему-то почтенному мужу былъ онъ, кажется, обязанъ охотою къ чтенію и занятіямъ по части Русской Словесности. Въ 1815 году, вступилъ онъ въ службу въ пѣхотный Егерскій полкъ (числомъ не упомню), въ коемъ и находился до самаго 1823 года. Смерть его родителей, почти въ одно время приключившаяся, понудила его подать въ отставку и пріѣхать въ село Горюхино, свою отчину.

Вступивъ въ управленіе имѣнія, Иванъ Петровичъ, по причинѣ своей неопытности и мягкосердія, въ скоромъ времени запустилъ хозяйство и ослабилъ строгій порядокъ, заведенный покойнымъ его родителемъ. Смѣнивъ исправнаго и расторопнаго старосту, коимъ крестьяне его (по ихъ привычкѣ) были недовольны, поручилъ онъ управленіе села старой своей ключницѣ,

lib.pushkinskijdom.ru

пріобрѣтшей его довѣренность искусствомъ разсказывать исторіи. Сія добрая, но глупая старуха не умѣла никогда различить двадцатипяти рублевой ассигнаціи отъ пятидесяти рублевой; крестьяне, коимъ она всѣмъ была кума, ея вовсе не боялись; ими выбранный староста до того имъ потворствовалъ, плутуя за одно, что Иванъ Петровичъ принужденъ былъ отмѣнить барщину и учредить весьма умѣренный оброкъ; но и тутъ крестьяне, пользуясь его слабостію, на первый годъ выпросили себѣ нарочную льготу; а въ слѣдующіе болѣе двухъ третей оброка платили орѣхами, брусникою и тому подобнымъ; и тутъ были недоимки.

Бывъ пріятелъ покойному родителю Ивана Петровича, я почиталъ долгомъ предлагать и сыну свои совѣты, и неоднократно вызывался возстановить прежній, имъ упущенный, порядокъ. Для сего, пріѣхавъ однажды къ нему, потребовалъ я хозяйственныя книги, призвалъ плута старосту и въ присутствіи Ивана Петровича занялся разсмотрѣніемъ оныхъ. Молодой хозяинъ сначала сталъ слѣдовать за мною со всевозможнымъ вниманіемъ и прилежностію; но какъ по счетамъ оказалось, что въ послѣдніе два года число крестьянъ умножилось, число же дворовыхъ птицъ и домашняго скота нарочито уменьшилось, то Иванъ Петровичъ довольствовался симъ первымъ свѣдѣніемъ и далѣе меня не слушалъ, и въ ту самую минуту, какъ я своими розысканіями и строгими допросами плута старосту въ крайнее замѣшательство привелъ и къ совершенному безмолвію принудилъ, съ великою моею досадою услышалъ я Ивана Петровича крѣпко храпящаго на своемъ стулѣ. Съ тѣхъ поръ пересталъ я вмѣшиваться въ его хозяйственныя распоряженія и предалъ его дѣла (какъ и онъ самъ) распоряженію Всевышняго.

Сіе дружескихъ нашихъ сношеній ни сколько, впрочемъ, не разстроило; ибо я, соболѣзнуя его слабости и пагубному нерадѣнію, общему молодымъ нашимъ дворянамъ, искренно любилъ Ивана Петровича; да нельзя было и не любить молодаго человѣка, столь кроткаго и честнаго. Съ своей стороны Иванъ Петровичъ оказывалъ уваженіе къ моимъ лѣтамъ и сердечно былъ ко мнѣ

lib.pushkinskijdom.ru

приверженъ. До самой кончины своей онъ почти каждый день со мною видѣлся, дорожа простою моею бесѣдою, хотя ни привычками, ни образомъ мыслей, ни нравомъ мы большею частію другъ съ другомъ не сходствовали.

Иванъ Петровичъ велъ жизнь самую умѣренную, избѣгалъ всякаго рода, излишествъ; никогда не случалось мнѣ видѣть его навеселѣ (что въ краю нашемъ за неслыханное чудо почесться можетъ); къ женскому же полу имѣлъ онъ великую склонность, но стыдливость была въ немъ истинно дѣвическая *).

Кромѣ повѣстей, о которыхъ въ письмѣ вашемъ упоминать изволите, Иванъ Петровичъ оставилъ множество рукописей, которыя частію у меня находятся, частію употреблены его ключницею на разныя домашнія потребы. Такимъ образомъ прошлою зимою всѣ окна ея флигеля заклеены были первою частію романа, котораго онъ не кончилъ. Вышеупомянутыя повѣсти были, кажется, первымъ его опытомъ. Онѣ, такъ сказывалъ Иванъ Петровичъ, большею частію справедливы и слышаны имъ отъ разныхъ особъ **). Однакожъ, имена въ нихъ почти всѣ вымышлены имъ самимъ, а названія селъ и деревень заимствованы изъ нашего околотка, отчего и моя деревня гдѣ-то упомянута. Сіе произошло не отъ злаго какого либо намѣренія, но единственно отъ недостатка воображенія.

Иванъ Петровичъ осенью 1828 года занемогъ простудною лихорадкою, обратившеюся въ горячку, и умеръ, несмотря на

---

*) Слѣдуетъ анекдотъ, коего мы не помѣщаемъ, полагая его излишнимъ; впрочемъ, увѣряемъ читателя, что онъ ничего предосудительнаго памяти Ивана Петровича Бѣлкина въ себѣ не заключаетъ.

**) Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописи г. Бѣлкина, надъ каждой повѣстію рукою автора надписано: слышано мною отъ *такой-то особы* (чинъ или званіе и заглавныя буквы имени и фамиліи). Выписываемъ для любопытныхъ изыскателей: *Смотритель* разсказанъ былъ ему Титулярнымъ Совѣтникомъ А. Г. Н., *Выстрѣлъ* — Подполковникомъ И. Л. П., *Гробовщикъ* — прикащикомъ Б. В., *Метель и Барышня* — дѣвицею К. И. Т.

lib.pushkinskijdom.ru

неусыпныя старанія Уѣзднаго нашего лекаря, человѣка весьма искуснаго, особенно въ леченіи закоренѣлыхъ болѣзней, какъ-то мозолей, и тому подобное. Онъ скончался на моихъ рукахъ на 30-мъ году отъ рожденія и похороненъ въ церкви села Горюхина, близь покойныхъ его родителей.

Иванъ Петровичъ былъ росту средняго, глаза имѣлъ сѣрые, волоса русые, носъ прямой; лицемъ былъ блѣденъ и худощавъ.

Вотъ, Милостивый Государь мой, все, что могъ я припомнить, касательно образа жизни, занятій, нрава и наружности покойнаго сосѣда и пріятеля моего. Но въ случаѣ, если заблагоразсудите сдѣлать изъ сего моего письма какое либо употребленіе, всепокорнѣйше прошу никакъ имени моего не упоминать, ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но въ сіе званіе вступить полагаю излишнимъ и въ мои лѣта неприличнымъ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и проч.

1830 году, Ноября 16.
Село Ненарадово.

Почитая долгомъ уважить волю почтеннаго друга автора нашего, приносимъ ему глубочайшую благодарность за доставленныя намъ извѣстія, и надѣемся, что публика оцѣнитъ ихъ искренность и добродушіе.

lib.pushkinskijdom.ru

ВЫСТРѢЛЪ.

—

I.

Стрѣлялись мы.

Баратынскій.

Я поклялся застрѣлить его по праву дуэли. (За нимъ остался еще мой выстрѣлъ.)

Вечеръ на бивуакѣ.

Мы стояли въ мѣстечкѣ ***. Жизнь Армейскаго офицера извѣстна. Утромъ ученье, манежъ; обѣдъ у полковаго командира или въ жидовскомъ трактирѣ; вечеромъ пуншъ и карты. Въ *** не было ни одного открытаго дома, ни одной невѣсты; мы собирались другъ у друга, гдѣ, кромѣ своихъ мундировъ, не видали ничего.

Одинъ только человѣкъ принадлежалъ нашему обществу, не будучи военнымъ. Ему было около тридцати пяти лѣтъ, и мы за то почитали его старикомъ. Опытность давала ему передъ нами многія преимущества; къ тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нравъ и злой языкъ имѣли сильное вліяніе на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; онъ казался Русскимъ, а носилъ иностранное имя. Нѣкогда онъ служилъ въ гусарахъ, и даже счастливо; никто не зналъ причины, побудившей его выйти въ отставку и поселиться въ бѣд-

lib.pushkinskijdom.ru

номъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ онъ вмѣстѣ и бѣдно и расточительно: ходилъ вѣчно пѣшкомъ, въ изношенномъ черномъ сюртукѣ, а держалъ открытый столъ для всѣхъ офицеровъ нашего полка. Правда, обѣдъ его состоялъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, изготовленныхъ отставнымъ солдатомъ, но шампанское лилось притомъ рѣкою. Никто не зналъ ни его состоянія, ни его доходовъ, и никто не осмѣливался о томъ его спрашивать. У него водились книги, большею частію военныя, да романы. Онъ охотно давалъ ихъ читать, никогда не требуя ихъ назадъ; за то никогда не возвращалъ хозяину книги, имъ занятой. Главное упражненіе его состояло въ стрѣльбѣ изъ пистолета. Стѣны его комнаты были всѣ источены пулями, всѣ въ скважинахъ, какъ соты пчелиные. Богатое собраніе пистолетовъ было единственной роскошью бѣдной мазанки, гдѣ онъ жилъ. Искусство, до коего достигъ онъ, было неимовѣрно, и еслибъ онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого бъ то ни было, никто бъ въ нашемъ полку не усомнился подставить ему своей головы. Разговоръ между нами касался часто поединковъ. Сильвіо (такъ назову его) никогда въ него не вмѣшивался. На вопросъ, случалось ли ему драться, отвѣчалъ онъ сухо, что случалось, но въ подробности не входилъ, и видно было, что таковые вопросы были ему непріятны. Мы полагали, что на совѣсти его лежала какая нибудь несчастная жертва его ужаснаго искусства. Впрочемъ, намъ и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ что нибудь похожее на робость. Есть люди, коихъ одна наружность удаляетъ таковыя подозрѣнія. Нечаянный случай всѣхъ насъ изумилъ.

Однажды человѣкъ десять нашихъ офицеровъ обѣдали у Сильвіо. Пили по обыкновенному, то есть очень много; послѣ обѣда стали мы мы уговаривать хозяина прометать намъ банкъ. Долго онъ отказывался, ибо никогда почти не игралъ; наконецъ велѣлъ подать карты, высыпалъ на столъ полсотни червонцевъ и сѣлъ метать. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвіо имѣлъ обыкновеніе за игрою хранить совершенное молчаніе, никогда не спорилъ и не объяснялся. Если понтёру случалось обсчитаться, то онъ тотчасъ или доплачивалъ достальное, или записывалъ

lib.pushkinskijdom.ru

лишнее. Мы ужъ это знали и не мѣшали ему хозяйничать по своему; но между нами находился офицеръ, недавно къ намъ переведенный. Онъ, играя тутъ же, въ разсѣянности загнулъ лишній уголъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и уровнялъ счетъ по своему обыкновенію. Офицеръ, думая, что онъ ошибся, пустился въ объясненія. Сильвіо молча продолжалъ метать. Офицеръ, потерявъ терпѣніе, взялъ щетку и стеръ то, что казалось ему напрасно записаннымъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и записалъ снова. Офицеръ, разгоряченный виномъ, игрою и смѣхомъ товарищей, почелъ себя жестоко обиженнымъ и, въ бѣшенствѣ схвативъ со стола мѣдный шандалъ, пустилъ его въ Сильвіо, который едва успѣлъ отклониться отъ удара. Мы смутились. Сильвіо всталъ, поблѣднѣлъ отъ злости и съ сверкающими глазами сказалъ: «милостивый государь, извольте выйти, и благодарите Бога, что это случилось у меня въ домѣ.»

Мы не сомнѣвались въ послѣдствіяхъ и полагали новаго товарища уже убитымъ. Офицеръ вышелъ вонъ, сказавъ, что за обиду готовъ отвѣчать, какъ будетъ угодно господину банкомету. Игра продолжалась еще нѣсколько минутъ; но, чувствуя, что хозяину было не до игры, мы отстали одинъ за другимъ и разбрелись по квартирамъ, толкуя о скорой ваканціи.

На другой день въ манежѣ мы спрашивали уже, живъ ли еще бѣдный Поручикъ, какъ самъ онъ явился между нами; мы сдѣлали ему тотъ же вопросъ. Онъ отвѣчалъ, чтобъ объ Сильвіо не имѣлъ онъ еще никакого извѣстія. Это насъ удивило. Мы пошли къ Сильвіо и нашли его на дворѣ, сажающаго пулю на пулю въ туза, приклееннаго къ воротамъ. Онъ принялъ насъ по обыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнемъ происшествіи. Прошло три дня, Поручикъ былъ еще живъ. Мы съ удивленіемъ спрашивали: неужели Сильвіо не будетъ драться? Сильвіо не дрался. Онъ довольствовался очень легкимъ объясненіемъ и помирился.

Это было чрезвычайно повредило ему во мнѣніи молодежи. Недостатокъ смѣлости менѣе всего извиняется молодыми людьми, которые въ храбрости обыкновенно видятъ верхъ человѣческихъ

lib.pushkinskijdom.ru

достоинствъ и извиненіе всевозможныхъ пороковъ. Однакожъ, мало по малу все было забыто, и Сильвіо снова пріобрѣлъ прежнее свое вліяніе.

Одинъ я не могъ уже къ нему приблизиться. Имѣя отъ природы романическое воображеніе, я всѣхъ сильнѣе прежде сего былъ привязанъ къ человѣку, коего жизнь была загадкою, и который казался мнѣ героемъ таинственной какой-то повѣсти. Онъ любилъ меня; по крайней мѣрѣ со мной однимъ оставлялъ обыкновенное свое рѣзкое злорѣчіе и говорилъ о разныхъ предметахъ съ простодушіемъ и необыкновенною пріятностію. Но послѣ несчастнаго вечера, мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной волѣ, эта мысль меня не покидала и мѣшала мнѣ обходиться съ нимъ по прежнему; мнѣ было совѣстно на него глядѣть. Сильвіо былъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы этого не замѣтить и не угадывать тому причины. Казалось, это огорчало его; по крайней мѣрѣ я замѣтилъ раза два въ немъ желаніе со мною объясниться; но я избѣгалъ такихъ случаевъ, и Сильвіо отъ меня отступился. Съ тѣхъ поръ видался я съ нимъ только при товарищахъ, и прежніе откровенные разговоры наши прекратились.

Разсѣянные жители столицы не имѣютъ понятія о многихъ впечатлѣніяхъ, столь извѣстныхъ жителямъ деревень или городковъ, — напримѣръ, объ ожиданіи почтоваго дня: во вторникъ и пятницу полковая наша канцелярія была полна офицерами; кто ждалъ денегъ, кто письма, кто газетъ. Пакеты обыкновенно тутъ же распечатывались, новости сообщались, и канцелярія представляла картину самую оживленную. Сильвіо получалъ письма, адресованныя въ нашъ полкъ, и обыкновенно тутъ же находился. Однажды подали ему пакетъ, съ котораго онъ сорвалъ печать съ видомъ величайшаго нетерпѣнія. Пробѣгая письмо, глаза его сверкали. Офицеры, каждый занятый своими письмами, ничего не замѣтили. «Господа», сказалъ имъ Сильвіо: «обстоятельства требуютъ немедленнаго моего отсутствія; ѣду сегодня въ ночь; надѣюсь, что вы не откажетесь отобѣдать у меня въ послѣдній разъ. Я жду и васъ, продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ: жду

lib.pushkinskijdom.ru

непремѣнно.» Съ симъ словомъ онъ поспѣшно вышелъ; а мы, согласясь соединиться у Сильвіо, разошлись каждый въ свою сторону.

Я пришелъ къ Сильвіо въ назначенное время и нашелъ у него почти весь полкъ. Все его добро было уже уложено; оставались одни голыя, прострѣленныя стѣны. Мы сѣли за столъ; хозяинъ былъ чрезвычайно въ духѣ, и скоро веселость его содѣлалась общею; пробки хлопали поминутно. стаканы пѣнились и шипѣли безпрестанно, и мы со всевозможнымъ усердіемъ желали отъѣзжающему добраго пути и всякаго блага. Встали изъ-за стола уже поздно вечеромъ. При разборѣ фуражекъ, Сильвіо со всѣми прощался, взялъ меня за руку и остановилъ въ ту самую минуту, какъ собирался я выйти. «Мнѣ нужно съ вами поговорить», сказалъ онъ тихо. Я остался.

Гости ушли; мы остались вдвоемъ, сѣли другъ противу друга и молча закурили трубки. Сильвіо былъ озабоченъ; не было уже и слѣдовъ его судорожной веселости. Мрачная блѣдность, сверкающіе глаза и густой дымъ, выходившій изо рту, придавали ему видъ настоящаго дьявола. Прошло нѣсколько минутъ, и Сильвіо прервалъ молчаніе. «Можетъ быть, мы никогда больше не увидимся», сказалъ онъ мнѣ: «передъ разлукой я хотѣлъ съ вами объясниться. Вы могли замѣтить, что я мало уважаю постороннее мнѣніе; но я васъ люблю, и чувствую, мнѣ было бы тягостно оставить въ вашемъ умѣ несправедливое впечатлѣніе.»

Онъ остановился и сталъ набивать выгорѣвшую свою трубку; я молчалъ, потупя глаза.

«Вамъ было странно», продолжалъ онъ: «что я не требовалъ удовлетворенія отъ этого пьянаго сумазброда Р***. Вы согласитесь, что, имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ, а моя почти безопасна: я могъ бы приписать умѣренность мою одному великодушію, но не хочу лгать. Еслибъ я могъ наказать Р***, не подвергая вовсе моей жизни, то я бъ ни за что не простилъ его.»

Я смотрѣлъ на Сильвіо съ изумленіемъ. Таковое признаніе совершенно смутило меня. Сильвіо продолжалъ:

lib.pushkinskijdom.ru

«Такъ точно: я не имѣю права подвергать себя смерти. Шесть лѣтъ тому назадъ я получилъ пощечину, и врагъ мой еще живъ.»

Любопытство мое было сильно возбуждено. «Вы съ нимъ не дрались?» спросилъ я. «Обстоятельства вѣрно васъ разлучили?»

«Я съ нимъ дрался», отвѣчалъ Сильвіо: «и вотъ памятникъ нашего поединка.»

Сильвіо всталъ и вынулъ изъ картона красную шапку съ золотою кистью, съ галуномъ (то, что Французы называютъ bonnet de police); онъ ее надѣлъ; она была прострѣлена на вершокъ ото лба.

«Вы знаете», продолжалъ Сильвіо: «что я служилъ въ *** Гусарскомъ полку. Характеръ мой вамъ извѣстенъ: я привыкъ первенствовать, но смолоду это было во мнѣ страстію. Въ наше время буйство было въ модѣ: я былъ первымъ буяномъ по Арміи. Мы хвастались пьянствомъ: я перепилъ славнаго Б***, воспѣтаго Д. Д—мъ. Дуэли въ нашемъ полку случались поминутно: я на всѣхъ или былъ свидѣтелемъ, или дѣйствующимъ лицемъ. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно смѣняемые, смотрѣли на меня, какъ на необходимое зло.

«Я спокойно (или безпокойно) наслаждался моею славою, какъ опредѣлился къ намъ молодой человѣкъ богатой и знатной фамиліи (не хочу назвать его). Отроду не встрѣчалъ счастливца столь блистательнаго! Вообразите себѣ молодость, умъ, красоту, веселость самую бѣшеную, храбрость самую безпечную, громкое имя, деньги, которымъ не зналъ онъ счета и которыя никогда у него не переводились, и представьте себѣ, какое дѣйствіе долженъ былъ онъ произвести между нами. Первенство мое поколебалось. Обольщеный моею славою, онъ сталъ было искать моего дружества; но я принялъ его холодно, и онъ безо всякаго сожалѣнія отъ меня удалился. Я его возненавидѣлъ. Успѣхи его въ полку и въ обществѣ женщинъ приводили меня въ совершенное отчаяніе. Я сталъ искать съ нимъ ссоры; на эпиграммы мои отвѣчалъ онъ эпиграммами, которыя всегда казались мнѣ неожиданнѣе и острѣе моихъ, и которыя, конечно, не въ примѣръ были

lib.pushkinskijdom.ru

веселѣе : онъ шутилъ , а я злобствовалъ. Наконецъ однажды на балѣ у Польскаго помѣщика , видя его предметомъ вниманія всѣхъ дамъ, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною въ связи , я сказалъ ему на ухо какую-то плоскую грубость. Онъ вспыхнулъ и далъ мнѣ пощечину. Мы бросились къ саблямъ; дамы попадали въ обморокъ ; насъ растащили , и въ ту же ночь поѣхали мы драться.

«Это было на разсвѣтѣ. Я стоялъ на назначенномъ мѣстѣ съ моими тремя секундантами. Съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я моего противника. Весеннее солнце взошло и жаръ уже наспѣвалъ. Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ , съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему на встрѣчу. Онъ приблизился , держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмѣряли намъ двенадцать шаговъ. Мнѣ должно было стрѣлять первому ; но волненіе злобы во мнѣ было столь сильно , что я не понадѣялся на вѣрность руки и , чтобы дать себѣ время остыть , уступалъ ему первый выстрѣлъ ; противникъ мой не соглашался. Положили бросить жребій : первый № достался ему, вѣчному любимцу счастія. Онъ прицѣлился и прострѣлилъ мнѣ фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконецъ была въ моихъ рукахъ; я глядѣлъ на него жадно, стараясь уловить хотя одну тѣнь безпокойства. Онъ стоялъ подъ пистолетомъ , выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни и выплевывая косточки, которыя долетали до меня. Его равнодушіе взбѣсило меня. «Что пользы — подумалъ я — лишить его жизни , когда онъ ею вовсе не дорожитъ?» Злобная мысль мелькнула въ умѣ моемъ. Я опустилъ пистолетъ. «Вамъ , кажется , теперь не до смерти» , сказалъ я ему : «вы изволите завтракать ; мнѣ не хочется вамъ помѣшать.» — Вы ничуть не мѣшаете мнѣ, возразилъ онъ : извольте себѣ стрѣлять, а впрочемъ, какъ вамъ угодно; выстрѣлъ вашъ остается за вами ; я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ. Я обратился къ секундантамъ , объявивъ , что нынче стрѣлять не намѣренъ , и поединокъ тѣмъ и кончился.

lib.pushkinskijdom.ru

«Я вышелъ въ отставку и удалился въ это мѣстечко. Съ тѣхъ поръ не прошло ни одного дня, чтобъ я не думалъ о мщеніи. Нынѣ часъ мой насталъ»....

Сильвіо вынулъ изъ кармана утромъ полученное письмо и далъ мнѣ его читать. Кто-то (казалось, его повѣренный по дѣдѣламъ) писалъ ему изъ Москвы, что *извѣстная особа* скоро должна вступить въ законный бракъ съ молодой и прекрасной дѣвушкой.

«Вы догадываетесь», сказалъ Сильвіо: «кто эта *извѣстная особа*. Ѣду въ Москву. Посмотримъ, такъ ли равнодушно приметъ онъ смерть передъ своей свадьбой, какъ нѣкогда ждалъ ее за черешнями!»

При сихъ словахъ Сильвіо всталъ, бросилъ объ полъ свою фуражку и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ тигръ по своей клѣткѣ. Я слушалъ его неподвижно; странныя, противоположныя чувства волновали меня.

Слуга вошелъ и объявилъ, что лошади готовы. Сильвіо крѣпко сжалъ мнѣ руку; мы поцѣловались. Онъ сѣлъ въ тележку, гдѣ лежали два чемодана, одинъ съ пистолетами, другой съ его пожитками. Мы простились еще разъ, и лошади поскакали.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и домашнія обстоятельства принудили меня поселиться въ бѣдной деревенькѣ N** уѣзда. Занимаясь хозяйствомъ, я не переставалъ тихонько воздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего труднѣе было мнѣ привыкнуть проводить весенніе и зимніе вечера въ совершенномъ уединеніи. До обѣда кое-какъ еще дотягивалъ я время, толкуя со старостой, разъѣзжая по работамъ или обходя новыя заведенія; но какъ скоро начинало смеркаться, я совершенно не зналъ куда дѣваться. Малое число книгъ, найденныхъ мною подъ шкафами и въ кладовой, были вытвержены мною наизустъ. Всѣ сказки, которыя только могла запомнить ключница Кириловна,

lib.pushkinskijdom.ru

были мнѣ пересказаны ; нѣсни бабъ наводили на меня тоску. Принялся я было за неподслащенную наливку, но отъ нея болѣла у меня голова ; да , признаюсь , побоялся я сдѣлаться *пьяницею съ горя* , т. е. самымъ *горькимъ* пьяницею , чему примѣровъ множество видѣлъ я въ нашемъ Уѣздѣ.

Близкихъ сосѣдовъ около меня не было , кромѣ двухъ или трехъ *горькихъ*, коихъ бесѣда состояла большею частію въ икотѣ и воздыханіяхъ. Уединеніе было сноснѣе. Наконецъ рѣшился я ложиться спать какъ можно ранѣе , а обѣдать какъ можно позже; такимъ образомъ укратилъ я вечеръ и прибавилъ долготы дней, и обретохъ, яко се добро есть.

Въ четырехъ верстахъ отъ меня находилось богатое помѣстье, принадлежащее графинѣ Б** ; но въ немъ жилъ только управитель, а графиня посѣтила свое помѣстье только однажды, въ первый годъ своего замужества , и то прожила тамъ не болѣе мѣсяца. Однакожъ , во которую весну моего затворничества разнесся слухъ , что графиня съ мужемъ на лѣто пріѣдетъ въ свою деревню. Въ самомъ дѣлѣ, они прибыли въ началѣ Іюня мѣсяца.

Пріѣздъ богатаго сосѣда есть важная эпоха для деревенскихъ жителей. Помѣщики и ихъ дворовые люди толкуютъ о томъ мѣсяца два прежде и года три спустя. Что касается до меня , то, признаюсь , извѣстіе о прибытіи молодой и прекрасной сосѣдки сильно на меня подѣйствовало ; я горѣлъ нетерпѣніемъ ее увидѣть , и потому въ первое воскресенье по ея пріѣздѣ отправился послѣ обѣда въ село *** рекомендоваться ихъ сіятельствамъ, какъ ближайшій сосѣдъ и всепокорнѣйшій слуга.

Лакей ввелъ меня въ графскій кабинетъ , а самъ пошелъ обо мнѣ доложить. Обширный кабинетъ былъ убранъ со всевозможною роскошью ; около стѣнъ стояли шкафы съ книгами и надъ каждымъ бронзовый бюстъ ; надъ мраморнымъ каминомъ было широкое зеркало ; полъ обитъ былъ зеленымъ сукномъ и устланъ коврами. Отвыкнувъ отъ роскоши въ бѣдномъ углу моемъ и уже давно не видавъ чужаго богатства , я оробѣлъ и ждалъ графа съ какимъ-то трепетомъ , какъ проситель изъ провинціи ждетъ выхода Министра. Двери отворились , и вошелъ мущина лѣтъ

lib.pushkinskijdom.ru

тридцати двухъ, прекрасный собою. Графъ приблизился ко мнѣ съ видомъ открытымъ и дружелюбнымъ; я старался ободриться и началъ было себя рекомендовать, но онъ предупредилъ меня. Мы сѣли. Разговоръ его, свободный и любезный, вскорѣ разсѣялъ мою одичалую застѣнчивость; я уже началъ входить въ обыкновенное мое положеніе, какъ вдругъ вошла графиня, и смущеніе овладѣло мною пуще прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, она была красавица. Графъ представилъ меня; я хотѣлъ казаться развязнымъ, но чѣмъ больше старался взять на себя видъ непринужденности, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя неловкимъ. Они, чтобъ дать мнѣ время оправиться и привыкнуть къ новому знакомству, стали говорить между собою, обходясь со мною какъ съ добрымъ сосѣдомъ и безъ церемоніи. Между тѣмъ я сталъ ходить взадъ и впередъ, осматривая книги и картины. Въ картинахъ я не знатокъ, но одна привлекла мое вниманіе. Она изображала какой-то видъ изъ Швейцаріи; но поразила меня въ ней не живопись, а то, что картина была прострѣлена двумя пулями, всаженными одна на другую. «Вотъ хорошій выстрѣлъ», сказалъ я, обращаясь къ графу. — «Да», отвѣчалъ онъ: «выстрѣлъ очень замѣчательный. А хорошо вы стрѣляете?» продолжалъ онъ. — «Изрядно», отвѣчалъ я, обрадовавшись, что разговоръ коснулся наконецъ предмета мнѣ близкаго. «Въ тридцати шагахъ промаху въ карту не дамъ,—разумѣется, изъ знакомыхъ пистолетовъ.»—«Право?» сказала графиня съ видомъ большой внимательности: «а ты, мой другъ, попадешь ли въ карту въ тридцати шагахъ?» — «Когда нибудь», отвѣчалъ графъ: «мы попробуемъ. Въ свое время я стрѣлялъ не худо; но вотъ уже четыре года, какъ я не бралъ въ руки пистолета.» — «О», замѣтилъ я: «въ такомъ случаѣ бьюсь объ закладъ, что ваше сіятельство не попадете въ карту и въ двадцати шагахъ: пистолетъ требуетъ ежедневнаго упражненія. Это я знаю на опытѣ. У насъ въ полку я считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Однажды случилось мнѣ цѣлый мѣсяцъ не брать пистолета: мои были въ починкѣ; что же вы бы думали, ваше сіятельство? Въ первый разъ, какъ сталъ потомъ стрѣлять, я далъ сряду четыре промаха по бутылкѣ въ двадцати шагахъ.

lib.pushkinskijdom.ru

У насъ былъ Ротмистръ, острякъ, забавникъ; онъ тутъ случился и сказалъ мнѣ : «знать , у тебя , братъ , рука не поднимается на бутылку.» Нѣтъ , ваше сіятельство , не должно пренебрегать этимъ упражненіемъ, не то отвыкнешь какъ разъ. Лучшій стрѣлокъ , котораго удалось мнѣ встрѣчать , стрѣлялъ каждый день, по крайней мѣрѣ три раза передъ обѣдомъ. Это у него было заведено , какъ рюмка водки.» Графъ и графиня рады были , что я разговорился. «А каково стрѣлялъ онъ?» спросилъ меня графъ. — «Да вотъ какъ, ваше сіятельство : бывало, увидитъ онъ, сѣла на стѣну муха... Вы смѣетесь, графиня? Ей Богу, правда... Бывало, увидитъ муху и кричитъ : «Куська, пистолетъ!» Куська и несетъ ему заряженный пистолетъ. Онъ хлопъ и вдавитъ муху въ стѣну!» — «Это удивительно!» сказалъ графъ : «а какъ его звали?» — «Сильвіо , ваше сіятельство.» — «Сильвіо!» вскричалъ графъ , вскочивъ со своего мѣста : «вы знали Сильвіо?» — «Какъ не знать , ваше сіятельство? мы были съ нимъ пріятели; онъ въ нашемъ полку принятъ былъ какъ свой братъ–товарищъ; да вотъ ужъ лѣтъ пять , какъ объ немъ не имѣю никакого извѣстія. Такъ и ваше сіятельство, стало быть, знали его?»—«Зналъ, очень зналъ. Не разсказывалъ ли онъ вамъ одного очень страннаго происшествія?» — «Не пощечина ли , ваше сіятельство, полученная имъ на балѣ отъ какого-то повѣсы?» — «А сказывалъ онъ вамъ имя этого повѣсы?» — «Нѣтъ , ваше сіятельство, не сказывалъ.... Ахъ! ваше сіятельство» , продолжалъ я , догадываясь объ истинѣ : «извините.... я не зналъ.... ужъ не вы ли?...» — «Я самъ» , отвѣчалъ графъ , съ видомъ чрезвычайно разстроеннымъ : «а прострѣленная картина есть памятникъ послѣдней нашей встрѣчи.» — «Ахъ , милый мой» , сказала графиня : «ради Бога, не разсказывай : мнѣ страшно будетъ слушать.» — «Нѣтъ» , возразилъ графъ : «я все разскажу ; онъ знаетъ, какъ я обидѣлъ его друга : пусть же узнаетъ, какъ Сильвіо мнѣ отомстилъ.» Графъ подвинулъ мнѣ кресла , и я съ живѣйшимъ любопытствомъ услышалъ слѣдующій разсказъ :

«Пять лѣтъ тому назадъ я женился. Первый мѣсяцъ , the honey-moon, провелъ я здѣсь, въ этой деревнѣ. Этому дому обя-

lib.pushkinskijdom.ru

занъ я лучшими минутами жизни и однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній.

«Однажды вечеромъ ѣздили мы вмѣстѣ верхомъ; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мнѣ поводья и пошла пѣшкомъ домой. На дворѣ увидѣлъ я дорожную телегу; мнѣ сказали, что у меня въ кабинетѣ сидитъ человѣкъ, не хотѣвшій объявить своего имени, но сказавшій просто, что ему до меня есть дѣло. Я вошелъ въ эту комнату и увидѣлъ въ темнотѣ человѣка, запыленнаго и обросшаго бородой; онъ стоялъ здѣсь у камина. Я подошелъ къ нему, стараясь припомнить его черты. «Ты не узналъ меня, графъ?» сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — «Сильвіо!» закричалъ я, и, признаюсь, я почувствовалъ, какъ волоса стали вдругъ на мнѣ дыбомъ. — «Такъ точно», продолжалъ онъ: «выстрѣлъ за мною; я пріѣхалъ разрядить мой пистолетъ; готовъ ли ты?» Пистолетъ у него торчалъ изъ боковаго кармана. Я отмѣрилъ двенадцать шаговъ и сталъ тамъ въ углу, прося его выстрѣлить скорѣе, пока жена не воротилась. Онъ медлилъ, онъ спросилъ огня. Подали свѣчи. Я заперъ двери, не велѣлъ никому входить и снова просилъ его выстрѣлить. Онъ вынулъ пистолетъ и прицѣлился.... Я считалъ секунды.... я думалъ о ней.... Ужасная прошла минута! Сильвіо опустилъ руку. «Жалѣю», сказалъ онъ: «что пистолетъ заряженъ не черешневыми косточками.... пуля тяжела. Мнѣ все кажется, что у насъ не дуэль, а убійство: я не привыкъ цѣлить въ безоруженнаго. Начнемъ съизнова; кинемъ жребій, кому стрѣлять первому.» Голова моя шла кругомъ.... Кажется, я не соглашался.... Наконецъ мы зарядили еще пистолетъ; свернули два билета; онъ положилъ ихъ въ фуражку, нѣкогда мною простреленную; я вынулъ опять первый нумеръ. «Ты, графъ, дьявольски счастливъ», сказалъ онъ съ усмѣшкою, которой никогда не забуду. Не понимаю, что со мною было, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ тому принудить... но я выстрѣлилъ — и попалъ вотъ въ эту картину. (Графъ указывалъ пальцемъ на простреленную картину; лицо его горѣло какъ огонь; графиня была блѣднѣе своего платка; я не могъ воздержаться отъ восклицанія.)

lib.pushkinskijdom.ru

«Я выстрѣлилъ», продолжалъ графъ: «и, слава Богу, далъ промахъ ; тогда Сильвіо.... (въ эту минуту онъ былъ , право , ужасенъ) Сильвіо сталъ въ меня прицѣливаться. Вдругъ двери отворились , Маша вбѣгаетъ и съ визгомъ кидается мнѣ на шею. Ея присутствіе возвратило мнѣ всю бодрость. «Милая», сказалъ я ей : «развѣ ты не видишь, что мы шутимъ? Какъ же ты перепугалась! Поди, выпей стаканъ воды и приди къ намъ; я представлю тебѣ стариннаго друга и товарища.» Машѣ все еще не вѣрилось. «Скажите, правду ли мужъ говоритъ?» сказала она, обращаясь къ грозному Сильвіо : «правда ли , что вы оба шутите?» — «Онъ всегда шутитъ , графиня» , отвѣчалъ ей Сильвіо : «однажды далъ онъ мнѣ шутя пощечину, шутя прострѣлилъ мнѣ вотъ эту фуражку, шутя далъ сейчасъ по мнѣ промахъ ; теперь и мнѣ пришла охота пошутить....» Съ этимъ словомъ онъ хотѣлъ въ меня прицѣлиться.... при ней! Маша бросилась къ его ногамъ. «Встань, Маша, стыдно!» закричалъ я въ бѣшенствѣ : «а вы , сударь , перестанете ли издѣваться надъ бѣдной женщиной? Будете ли вы стрѣлять, или нѣтъ?» — «Не буду», отвѣчалъ Сильвіо : «я доволенъ : я видѣлъ твое смятеніе, твою робость ; я заставилъ тебя выстрѣлить по мнѣ. Съ меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совѣсти.» Тутъ онъ было вышелъ, но остановился въ дверяхъ, оглянулся на прострѣленную мною картину, выстрѣлилъ въ нее почти не цѣлясь и скрылся. Жена лежала въ обморокѣ ; люди не смѣли его остановить и съ ужасомъ на него глядѣли ; онъ вышелъ на крыльцо , кликнулъ ямщика и уѣхалъ, прежде чѣмъ успѣлъ я опомниться.»

Графъ замолчалъ. Такимъ образомъ узналъ я конецъ повѣсти, коей начало нѣкогда такъ поразило меня. Съ героемъ оной уже я не встрѣчался. Сказываютъ, что Сильвіо, во время возмущенія Александра Ипсиланти, предводительствовалъ отрядомъ Этеристовъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Скулянами.

lib.pushkinskijdom.ru

МЕТЕЛЬ.

—

Кони мчатся по буграмъ;
Топчутъ снѣгъ глубокой....
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокой.
. . . . . .
Вдругъ метелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Вѣщій стонъ гласитъ печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Воздымая гривы....

Жуковскій.

Въ концѣ 1811 года, въ эпоху намъ достопамятную, жилъ въ своемъ помѣстьѣ Ненарадовѣ добрый Гаврила Гавриловичъ Р**. Онъ славился во всемъ округѣ гостепріимствомъ и радушіемъ; сосѣды поминутно ѣздили къ нему поѣсть, попить, поиграть съ его женою, Прасковьей Петровною, по пяти копѣекъ въ бостонъ, а нѣкоторые для того, чтобъ поглядѣть на дочку ихъ, Марью Гавриловну, стройную, блѣдную и семнадцати-лѣтнюю дѣвицу. Она считалась богатой невѣстою, и многіе прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на Французскихъ романахъ и, слѣдственно, была влюблена. Предметъ, избранный ею,

lib.pushkinskijdom.ru

былъ бѣдный Армейскій Прапорщикъ, находившійся въ отпуску въ своей деревнѣ. Само по себѣ разумѣется, что молодой человѣкъ пылалъ равно страстію, и что родители его любезной, замѣтя ихъ взаимную склонность, запретили дочери о немъ и думать, а его принимали хуже, нежели отставнаго Засѣдателя.

Наши любовники были въ перепискѣ и всякій день видались наединѣ въ сосновой рощѣ или у старой часовни. Тамъ они клялись другъ другу въ вѣчной любви, сѣтовали на судьбу и дѣлали различныя предположенія. Переписываясь и разговаривая такимъ образомъ, они (что весьма естественно) дошли до слѣдующаго разсужденія: если мы другъ безъ друга дышать не можемъ, а воля жестокихъ родителей препятствуетъ нашему благополучію, то нельзя ли намъ будетъ обойтись безъ нея? Разумѣется, что эта счастливая мысль пришла сперва въ голову молодому человѣку, и что она весьма понравилась романическому воображенію Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила ихъ свиданія; но переписка сдѣлалась тѣмъ живѣе. Владиміръ Николаевичъ въ каждомъ письмѣ умолялъ ее предаться ему, вѣнчаться тайно, скрываться нѣсколько времени, броситься потомъ къ ногамъ родителей, которые, конечно, будутъ тронуты наконецъ героическимъ постоянствомъ и несчастіемъ любовниковъ и скажутъ имъ непремѣнно: «дѣти! Придите въ наши объятія.»

Марья Гавриловна долго колебалась; множество плановъ побѣга было отвергнуто. Наконецъ она согласилась; въ назначенный день она должна была не ужинать, удалиться въ свою комнату подъ предлогомъ головной боли. Дѣвушка ея была въ заговорѣ; обѣ онѣ должны были выйти въ садъ черезъ заднее крыльцо, за садомъ найти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать за 5 верстъ отъ Ненарадова, въ село Жадрино, прямо въ церковь, гдѣ ужъ Владиміръ долженъ былъ ихъ ожидать.

Наканунѣ рѣшительнаго дня, Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бѣлье и платье, написала длинное письмо къ одной чувствительной барышнѣ, ея подругѣ, другое — къ своимъ родителямъ. Она прощалась съ ними въ са-

lib.pushkinskijdom.ru

мыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, извиняла свой проступокъ неодолимою силою страсти и оканчивала тѣмъ, что блаженнѣйшею минутою жизни почтетъ она ту, когда позволено будетъ ей броситься къ ногамъ дражайшихъ ея родителей. Запечатавъ оба письма Тульской печаткой, на которой изображены были два пылающія сердца съ приличной надписью, она бросилась на постель передъ самымъ разсвѣтомъ и задремала; но и тутъ ужасныя мечтанія поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что въ самую минуту, какъ она садилась въ сани, чтобъ ѣхать вѣнчаться, отецъ ея останавливалъ ее, съ мучительной быстротой тащилъ ее по снѣгу и бросалъ въ темное, бездонное подземелье.... и она летѣла стремглавъ съ неизъяснимымъ замираніемъ сердца; то видѣла она Владиміра, лежащаго на травѣ, блѣднаго, окровавленнаго. Онъ, умирая, молилъ ее пронзительнымъ голосомъ поспѣшить съ нимъ обвѣнчаться.... другія безобразныя, безсмысленныя видѣнія неслись передъ нею одно за другимъ. Наконецъ она встала, блѣднѣе обыкновеннаго и съ непритворной головною болью. Отецъ и мать замѣтили ея безпокойство; ихъ нѣжная заботливость и безпрестанные вопросы: что съ тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? раздирали ея сердце. Она старалась ихъ успокоить, казаться веселою, и не могла. Наступилъ вечеръ. Мысль, что уже въ послѣдній разъ провожаетъ она день посреди своего семейства, стѣсняла ея сердце. Она была чуть жива; она втайнѣ прощалась со всѣми особами, со всѣми предметами, ее окружавшими. Подали ужинать; сердце ея сильно забилось. Дрожащимъ голосомъ объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться съ отцемъ и матерью. Они ее поцѣловали и, по обыкновенію, благословили: она чуть не заплакала. Прійдя въ свою комнату, она кинулась въ кресла и залилась слезами. Дѣвушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Все было готово. Черезъ полчаса Маша должна была навсегда оставить родительскій домъ, свою комнату, тихую дѣвическую жизнь.... На дворѣ была метель; вѣтеръ выл, ставни тряслись и стучали; все казалось ей угрозой и печальнымъ предзнаменованіемъ. Скоро въ домѣ все утихло и

lib.pushkinskijdom.ru

заснуло. Маша окуталась шалью, надѣла теплый капотъ, взяла въ руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Онѣ сошли въ садъ. Метель не утихала; вѣтеръ дулъ навстрѣчу, какъ будто силясь остановить молодую преступницу. Онѣ насилу дошли до конца сада. На дорогѣ сани дожидались ихъ. Лошади, прозябнувъ, не стояли на мѣстѣ; кучеръ Владиміра расхаживалъ передъ оглоблями, удерживая ретивыхъ. Онъ помогъ барышнѣ и ея дѣвушкѣ усѣсться и уложить узлы и шкатулку, взялъ возжи, и лошади полетѣли. Поручивъ барышню попеченію судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся къ молодому нашему любовнику.

Цѣлый день Владиміръ былъ въ разъѣздѣ. Утромъ былъ онъ у Жадринскаго священника; насилу съ нимъ уговорился; потомъ поѣхалъ искать свидѣтелей между сосѣдними помѣщиками. Первый, къ кому явился онъ, отставной сорокалѣтній Корнетъ Дравинъ, согласился съ охотою. Это приключеніе, увѣрялъ онъ, напоминало ему прежнее время и гусарскіе проказы. Онъ уговорилъ Владиміра остаться у него отобѣдать и увѣрилъ его, что за другими двумя свидѣтелями дѣло не станетъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ послѣ обѣда явились землемѣръ Шмитъ, въ усахъ и шпорахъ, и сынъ Капитанъ-Исправника, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, недавно поступившій въ уланы. Они не только приняли предложеніе Владиміра, но даже клялись ему въ готовности жертвовать для него жизнію. Владиміръ обнялъ ихъ съ восторгомъ и поѣхалъ домой приготовляться.

Уже давно смеркалось. Онъ отправилъ своего надежнаго Терешку въ Ненарадово съ своею тройкою и съ подробнымъ, обстоятельнымъ наказомъ, а для себя велѣлъ заложить маленькія сани въ одну лошадь и одинъ безъ кучера отправился въ Жадрино, куда часа черезъ два должна была пріѣхать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а ѣзды всего двадцать минутъ.

Но едва Владиміръ выѣхалъ за околицу въ поле, какъ поднялся вѣтеръ и сдѣлалась такая метель, что онъ ничего не взвидѣлъ. Въ одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мглѣ

lib.pushkinskijdom.ru

мутной и желтоватой, сквозь которую летѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею; Владиміръ очутился въ полѣ и напрасно хотѣлъ снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то взъѣзжала на сугробъ, то проваливалась въ яму; сани поминутно опрокидывались; Владиміръ старался только не потерять настоящаго направленія. Но ему казалось, что уже прошло болѣе получаса, а онъ не доѣзжалъ еще до Жадринской рощи. Прошло еще около десяти минутъ — рощи все было не видать. Владиміръ ѣхалъ полемъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а съ него потъ катился градомъ, не смотря на то, что онъ поминутно былъ по поясъ въ снѣгу.

Наконецъ онъ увидѣлъ, что ѣдетъ не въ ту сторону. Владиміръ остановился: началъ думать, припоминать, соображать и увѣрился, что должно было взять ему вправо. Онъ поѣхалъ вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже болѣе часа былъ онъ въ дорогѣ. Жадрино должно быть недалеко. Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а полю не было конца. Все сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно онъ ихъ поднималъ. Время шло; Владиміръ начиналъ сильно безпокоиться.

Наконецъ въ сторонѣ что-то стало чернѣть. Владиміръ поворотилъ туда. Приближаясь, увидѣлъ онъ рощу. Слава Богу, подумалъ онъ, теперь близко. Онъ поѣхалъ около рощи, надѣясь тотчасъ попасть на знакомую дорогу или объѣхать рощу кругомъ: Жадрино находилось тотчасъ за нею. Скоро нашелъ онъ дорогу и въѣхалъ во мракъ деревъ, обнаженныхъ зимою. Вѣтеръ не могъ тутъ свирѣпствовать: дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владиміръ успокоился.

Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а Жадрина было не видать; рощѣ не было конца. Владиміръ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ заѣхалъ въ незнакомый лѣсъ. Отчаяніе овладѣло имъ. Онъ ударилъ по лошади; бѣдное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и черезъ четверть часа пошло шагомъ, не смотря на всѣ усилія несчастнаго Владиміра.

lib.pushkinskijdom.ru

Мало по малу деревья начали рѣдѣть, и Владиміръ выѣхалъ изъ лѣсу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули изъ глазъ его; онъ поѣхалъ на удачу. Погода утихла, тучи расходились; передъ нимъ лежала равнина, устланная бѣлымъ волнистымъ ковромъ. Ночь была довольно ясна. Онъ увидѣлъ невдалекѣ деревушку, состоящую изъ четырехъ или пяти дворовъ. Владиміръ поѣхалъ къ ней. У первой избушки онъ выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и сталъ стучаться. Черезъ нѣсколько минутъ деревянный ставень поднялся, и старикъ высунулъ свою сѣдую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече: верстъ десятокъ будетъ.» При семъ отвѣтѣ Владиміръ схватилъ себя за волосы и остался недвижимъ, какъ человѣкъ, приговоренный къ смерти.

«А отколѣ ты?» продолжалъ старикъ. Владиміръ не имѣлъ духа отвѣчать на вопросы. «Можешь ли ты, старикъ», сказалъ онъ: «достать мнѣ лошадей до Жадрина?» — «Какихъ у насъ лошади», отвѣчалъ мужикъ. — «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будетъ угодно.» — «Постой», сказалъ старикъ, опуская ставень: «я те сына вышлю; онъ те проводитъ.» Владиміръ сталъ дожидаться. Не прошло минуты, онъ опять началъ стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Чтожъ твой сынъ?» — «Сейчасъ выдетъ, обувается. Али ты прозябъ? взойди погрѣться.» — «Благодарю; высылай скорѣе сына.»

Ворота заскрыпѣли; парень вышелъ съ дубиною и пошелъ впередъ, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снѣговыми сугробами. «Который часъ?» спросилъ его Владиміръ. «Да ужъ скоро разсвѣнетъ», отвѣчалъ молодой мужикъ. Владиміръ не говорилъ уже ни слова.

Пѣли пѣтухи и было уже свѣтло, какъ достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владиміръ заплатилъ проводнику и поѣхалъ на дворъ къ священнику. На дворѣ тройки его не было. Какое извѣстіе ожидало его!

lib.pushkinskijdom.ru

Но возвратимся къ добрымъ Ненарадовскимъ помѣщикамъ и посмотримъ, что-то у нихъ дѣлается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли въ гостиную, Гаврила Гавриловичъ въ колпакѣ и байковой курткѣ, Прасковья Петровна въ шлафрокѣ на ватѣ. Подали самоваръ, и Гаврила Гавриловичъ послалъ дѣвчонку узнать отъ Марьи Гавриловны, каково ея здоровье и какъ она почивала. Дѣвчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сейчасъ придетъ въ гостиную. Въ самомъ дѣлѣ, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться съ папенькой и съ маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» спросилъ Гаврила Гавриловичъ. — «Лучше, папенька», отвѣчала Маша. — «Ты вѣрно, Маша, вчерась угорѣла», сказала Прасковья Петровна. — «Можетъ быть, маменька», отвѣчала Маша.

День прошелъ благополучно, но въ ночь Маша занемогла. Послали въ городъ за лекаремъ. Онъ пріѣхалъ къ вечеру и нашелъ больную въ бреду. Открылась сильная горячка, и бѣдная больная двѣ недѣли находилась у края гроба.

Никто въ домѣ не зналъ о предположенномъ побѣгѣ. Письма, наканунѣ ею написанныя, были сожжены; ея горничная никому ни о чемъ не говорила, опасаясь гнѣва господъ. Священникъ, отставной Корнетъ, усастый земскій исправникъ и миленькій уланъ были скромны, и не даромъ. Терешка кучеръ никогда ничего лишняго не высказывалъ, даже и въ хмѣлю. Такимъ образомъ тайна была сохранена болѣе, чѣмъ полудюжиною заговорщиковъ. Но Марья Гавриловна сама, въ безпрестанномъ бреду, высказывала свою тайну. Однакожъ, ея слова были столь несообразны ни съ чѣмъ, что мать, не отходившая отъ ея постели, могла понять изъ нихъ только то, что дочь ея была смертельно влюблена во Владиміра Николаевича, и что, вѣроятно, любовь была причиною ея болѣзни. Она совѣтовалась со своимъ мужемъ, съ нѣкоторыми сосѣдями, и наконецъ единогласно всѣ рѣшили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженаго конемъ не объѣдешь,

lib.pushkinskijdom.ru

что бѣдность не порокъ, что жить не съ богатствомъ, а съ человѣкомъ, и тому подобное. Нравственныя поговорки бываютъ удивительно полезны въ тѣхъ случаяхъ, когда мы отъ себя мало что можемъ выдумать себѣ въ оправданіе.

Между тѣмъ барышня стала выздоравливать. Владиміра давно не видно было въ домѣ Гаврилы Гавриловича Онъ былъ напуганъ обыкновеннымъ пріемомъ. Положили послать за нимъ и объявить ему неожиданное счастіе: согласіе на бракъ. Но каково было изумленіе Ненарадовскихъ помѣщиковъ, когда въ отвѣтъ на ихъ приглашеніе получили они отъ него полусумасшедшее письмо! Онъ объявлялъ имъ, что нога его не будетъ никогда въ ихъ домѣ, и просилъ забыть о несчастномъ, для котораго смерть остается единою надеждою. Черезъ нѣсколько дней узнали они, что Владиміръ уѣхалъ въ Армію. Это было въ 1812 году.

Долго не смѣли объявить объ этомъ выздоравливающей Машѣ. Она никогда не упоминала о Владимірѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ уже спустя, найдя имя его въ числѣ отличившихся и тяжело раненыхъ подъ Бородинымъ, она упала въ обморокъ и боялись, чтобъ горячка ея не возвратилась. Однако, слава Богу, обморокъ не имѣлъ послѣдствія.

Другая печаль ее посѣтила: Гаврила Гавриловичъ скончался, оставя ее наслѣдницей всего имѣнія. Но наслѣдство не утѣшало ее; она раздѣляла искренно горесть бѣдной Прасковьи Петровны, клялась никогда съ нею не разставаться; обѣ онѣ оставили Ненарадово, мѣсто печальныхъ воспоминаній, и поѣхали жить въ ***ское помѣстье.

Женихи кружились и тутъ около милой и богатой невѣсты; но она никому не подавала и малѣйшей надежды. Мать иногда уговаривала ее выбрать себѣ друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владиміръ уже не существовалъ: онъ умеръ въ Москвѣ, наканунѣ вступленія Французовъ. Память его казалась священною для Маши; по крайней мѣрѣ она берегла все, что могло его напомнить: книги, имъ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ноты и стихи, имъ переписанные для нея. Сосѣди, узнавъ обо всемъ, дивились ея постоянству и съ любопытствомъ ожи-

lib.pushkinskijdom.ru

дали героя, долженствовавшаго наконецъ восторжествовать надъ печальной вѣрностію этой дѣвственной Артемизы.

Между тѣмъ война со славою была кончена. Полки наши возвращались изъ-за границы. Народъ бѣжалъ имъ навстрѣчу. Музыка играла завоеванныя пѣсни: Vive Henri-Quatre, Тирольскіе вальсы и аріи изъ Жоконда. Офицеры, ушедшіе въ походъ почти отроками, возвращались, возмужавъ на бранномъ воздухѣ, обвѣшенные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмѣшивая поминутно въ рѣчь Нѣмецкія и Французскія слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Какъ сильно билось Русское сердце при словѣ отечество! Какъ сладки были слезы свиданія! Съ какимъ единодушіемъ мы соединяли чувства народной гордости и любви къ Государю! А для Него — какая была минута!

Женщины, Русскія женщины были тогда безподобны. Обыкновенная холодность ихъ исчезла. Восторгъ ихъ былъ истинно упоителенъ, когда, встрѣчая побѣдителей, кричали онѣ: *ура!*

И въ воздухъ чепчики бросали.

Кто изъ тогдашнихъ офицеровъ не сознается, что Русской женщинѣ обязанъ онъ былъ лучшей, драгоцѣннѣйшей наградой?...

Въ это блистательное время Марья Гавриловна жила съ матерью въ *** губерніи и не видала, какъ обѣ столицы праздновали возвращеніе войскъ. Но въ уѣздахъ и деревняхъ общій восторгъ, можетъ быть, былъ еще сильнѣе. Появленіе въ сихъ мѣстахъ офицера было для него настоящимъ торжествомъ, и любовнику во фракѣ плохо было въ его сосѣдствѣ.

Мы уже сказывали, что, не смотря на ея холодность, Марья Гавриловна все попрежнему окружена была искателями. Но всѣ должны были отступить, когда явился въ ея замкѣ раненый гусарскій полковникъ Бурминъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ и *съ интересной блѣдностію*, какъ говорили тамошнія барышни. Ему было около двадцати шести лѣтъ. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ въ свои помѣстья, находившіяся по сосѣдству деревни Марьи Га-

lib.pushkinskijdom.ru

вриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При немъ обыкновенная задумчивость ея оживлялась Нельзя было сказать, чтобъ она съ нимъ кокетничала; но поэтъ, замѣтя ея поведеніе, сказалъ бы:

Se amor non è, che dunche?...

Бурминъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, очень милый молодой человѣкъ. Онъ имѣлъ именно тотъ умъ, который нравится женщинамъ: умъ приличія и наблюденія, безо всякихъ притязаній и безпечно насмѣшливый. Поведеніе его съ Марьей Гавриловной было просто и свободно; но, что бъ она ни сказала или ни сдѣлала, душа и взоры его такъ за нею и слѣдовали. Онъ казался нрава тихаго и скромнаго, но молва увѣряла, что нѣкогда былъ онъ ужаснымъ повѣсою, и это не вредило ему во мнѣніи Марьи Гавриловны, которая (какъ и всѣ молодыя дамы вообще) съ удовольствіемъ извиняла шалости, обнаруживающія смѣлость и пылкость характера.

Но болѣе всего.... (болѣе его нѣжности, болѣе интересной блѣдности, болѣе перевязанной руки) молчаніе молодаго гусара болѣе всего подстрекало ея любопытство и воображеніе. Она не могла не сознаться въ томъ, что она очень ему нравилась; вѣроятно и, онъ, съ своимъ умомъ и опытностью, могъ уже замѣтить, что она отличала его: какимъ же образомъ до сихъ поръ не видала она его у своихъ ногъ и еще не слыхала его признанія? что удерживало его? робость, неразлучная съ истинною любовію, гордость или кокетство хитраго волокиты? Это было для нея загадкою. Подумавъ хорошенько, она рѣшила, что робость была единственно тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностію и, смотря по обстоятельствамъ, даже нѣжностію. Она пріуготовляла развязку самую неожиданную и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты романическаго объясненія. Тайна, какого роду ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Ея военныя дѣйствія имѣли желаемый успѣхъ: по крайней мѣрѣ, Бурминъ впалъ въ такую задумчивость, и черные глаза его съ такимъ огнемъ останавливались на Марьѣ Гавриловнѣ, что рѣшительная минута, казалось, уже близка. Сосѣди говорили о

lib.pushkinskijdom.ru

свадьбѣ, какъ о дѣлѣ уже конченномъ, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ея наконецъ нашла себѣ достойнаго жениха.

Старушка сидѣла однажды одна въ гостиной, раскладывая гранъ-пасьянсъ, какъ Бурминъ вошелъ въ комнату и тотчасъ освѣдомился о Марьѣ Гавриловнѣ. «Она въ саду», отвѣчала старушка: «подите къ ней, а я васъ буду здѣсь ожидать.» Бурминъ пошелъ, а старушка перекрестилась и подумала: «авось дѣло сегодня же кончится!»

Бурминъ нашелъ Марью Гавриловну у пруда, подъ ивою, съ книгою въ рукахъ, и въ бѣломъ платьѣ, настоящей героинею романа Послѣ первыхъ вопросовъ, Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговоръ, усиливая такимъ образомъ взаимное замѣшательство, отъ котораго можно было избавиться развѣ только внезапнымъ и рѣшительнымъ объясненіемъ. Такъ и случилось: Бурминъ, чувствуя затруднительность своего положенія, объявилъ, что искалъ давно случая открыть ей свое сердце, и потребовалъ минуты вниманія. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза въ знакъ согласія.

«Я васъ люблю», сказалъ Бурминъ: «я васъ люблю страстно....» (Марья Гавриловна покраснѣла и наклонила голову еще ниже). «Я поступилъ неосторожно, предаваясь милой привычкѣ, привычкѣ видѣть и слышать васъ ежедневно....» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо **St. Preux**). «Теперь уже поздно противиться судьбѣ моей; воспоминаніе объ васъ, вашъ милый, несравненный образъ, отнынѣ будетъ мученіемъ и отрадою жизни моей; но мнѣ еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вамъ ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду....» — «Она всегда существовала», прервала съ живостію Марья Гавриловна: «я никогда не могла быть вашею женою....» — «Знаю», отвѣчалъ онъ ей тихо: «знаю, что нѣкогда вы любили, но смерть и три года сѣтованій.... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня послѣдняго утѣшенія: мысль, что вы бы согласились сдѣлать мое счастіе, если бы....» — «Молчите, ради Бога, молчите. Вы тер-

lib.pushkinskijdom.ru

заете меня.» — «Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнѣйшее созданіе.... я женатъ!»

Марья Гавриловна взглянула на него съ удивленіемъ.

«Я женатъ», продолжалъ Бурминъ : «я женатъ уже четвертый годъ и не знаю, кто моя жена, и гдѣ она, и долженъ ли свидѣться съ нею когда нибудь!»

«Что вы говорите!» воскликнула Марья Гавриловна : «какъ это странно! Продолжайте; я разскажу послѣ.... но продолжайте, сдѣлайте милость.»

«Въ началѣ 1812 года», сказалъ Бурминъ : «я спѣшилъ въ Вильну, гдѣ находился нашъ полкъ. Пріѣхавъ однажды на станцію поздно вечеромъ, я велѣлъ было поскорѣе закладывать лошадей, какъ вдругъ поднялась ужасная метель, и Смотритель и ямщики совѣтовали мнѣ переждать. Я ихъ послушался, но непонятное безпокойство овладѣло мною ; казалось, кто-то меня такъ и толкалъ. Между тѣмъ метель не унималась ; я не вытерпѣлъ, приказалъ опять закладывать и поѣхалъ въ самую бурю. Ямщику вздумалось ѣхать рѣкою, что должно было сократить намъ путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщикъ проѣхалъ мимо того мѣста, гдѣ выѣзжали на дорогу, и такимъ образомъ очутились мы въ незнакомой сторонѣ. Буря не утихала ; я увидѣлъ огонекъ и велѣлъ ѣхать туда. Мы пріѣхали въ деревню ; въ деревянной церкви былъ огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло нѣсколько саней ; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» закричало нѣсколько голосовъ. Я велѣлъ ямщику подъѣхать. «Помилуй, гдѣ ты замѣшкался?» сказалъ мнѣ кто-то : «невѣста въ обморокѣ ; попъ не знаетъ, что дѣлать ; мы готовы были ѣхать назадъ. Выходи же скорѣе.» Я молча выпрыгнулъ изъ саней и вошелъ въ церковь, слабо освѣщенную двумя или тремя свѣчами. Дѣвушка сидѣла на лавочкѣ въ темномъ углу церкви; другая терла ей виски. «Слава Богу», сказала эта : «насилу вы пріѣхали. Чуть было вы барышню не уморили.» Старый священникъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ : «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», отвѣчалъ я разсѣянно. Дѣвушку подняли. Она показалась мнѣ не дурна.... Не-

lib.pushkinskijdom.ru

понятная, непростительная вѣтренность.... я сталъ подлѣ нея передъ налоемъ; священникъ торопился; трое мущинъ и горничная поддерживали невѣсту и заняты были только ею. Насъ обвѣнчали. «Поцѣлуйтесь», сказали намъ. Жена моя обратила ко мнѣ блѣдное свое лицо. Я хотѣлъ было ее поцѣловать.... Она вскрикнула: «Аи, не онъ! не онъ!» и упала безъ памяти. Свидѣтели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышелъ изъ церкви безъ всякаго препятствія, бросился въ кибитку и закричалъ: «пошелъ!»

«Боже мой!» закричала Марья Гавриловна: «и вы не знаете, что сдѣлалось съ бѣдною вашею женою?»

«Не знаю», отвѣчалъ Бурминъ: «не знаю, какъ зовутъ деревню, гдѣ я вѣнчался; не помню, съ которой станціи поѣхалъ. Въ то время я такъ мало полагалъ важности въ преступной моей проказѣ, что, отъѣхавъ отъ церкви, заснулъ и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станціи. Слуга, бывшій тогда со мною, умеръ въ походѣ, такъ что я не имѣю и надежды отыскать ту, надъ которой подшутилъ я такъ жестоко, и которая теперь такъ жестоко отомщена.»

«Боже мой, Боже мой!» сказала Марья Гавриловна, схвативъ его руку: «такъ это были вы! И вы не узнаете меня?»

Бурминъ поблѣднѣлъ.... и бросился къ ея ногамъ....

lib.pushkinskijdom.ru

ГРОБОВЩИКЪ.

—

Не зримъ ли каждый день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
Державинъ.

Послѣдніе пожитки гробовщика Адріана Прохорова были взвалены на похоронныя дроги, и тощая пара въ четвертый разъ потащилась съ Басманной на Никитскую, куда гробовщикъ переселялся всѣмъ своимъ домомъ. Заперши лавку, прибилъ онъ къ воротамъ объявленіе о томъ, что домъ продается и отдается внаймы, и пѣшкомъ отправился на новоселье. Приближаясь къ желтому домику, такъ давно соблазнявшему его воображеніе и наконецъ купленному имъ за порядочную сумму, старый гробовщикъ чувствовалъ съ удивленіемъ, что сердце его не радовалось. Переступивъ за незнакомый порогъ и найдя въ новомъ своемъ жилищѣ суматоху, онъ вздохнулъ о ветхой лачужкѣ, гдѣ въ теченіе осьмнадцати лѣтъ все было заведено самымъ строгимъ порядкомъ; сталъ бранить обѣихъ дочерей и работницу за ихъ медленность и самъ принялся имъ помогать. Вскорѣ порядокъ установился; кивотъ съ образами, шкапъ съ посудою, столъ, диванъ и кровать заняли имъ опредѣленные углы въ задней комнатѣ; въ кухнѣ и гостиной помѣстились издѣлія хозяина: гробы всѣхъ цвѣтовъ и всякаго размѣра, также шкапы съ траурными шляпами, мантіями и факелами. Надъ воротами возвысилась вывѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

ска, изображающая дороднаго Амура съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, съ подписью: «здѣсь продаются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются на прокатъ и починяются старые.» Дѣвушки ушли въ свою свѣтлицу, Адріанъ обошелъ свое жилище, сѣлъ у окошка и приказалъ готовить самоваръ.

Просвѣщенный читатель вѣдаетъ, что Шекспиръ и Вальтеръ-Скоттъ, оба представили своихъ гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностію сильнѣе поразить наше воображеніе. Изъ уваженія къ истинѣ, мы не можемъ слѣдовать ихъ примѣру и принуждены признаться, что нравъ нашего гробовщика совершенно соотвѣтствовалъ мрачному его ремеслу. Адріанъ Прохоровъ обыкновенно былъ угрюмъ и задумчивъ. Онъ разрѣшалъ молчаніе развѣ только для того, чтобъ журить своихъ дочерей, когда заставалъ ихъ безъ дѣла, глазѣющихъ въ окно на прохожихъ, или чтобъ запрашивать за свои произведенія преувеличенную цѣну у тѣхъ, которые имѣли несчастіе (а иногда и удовольствіе) въ нихъ нуждаться. Итакъ, Адріанъ, сидя подъ окномъ и выпивая седьмую чашку чаю, по своему обыкновенію, былъ погруженъ въ печальныя размышленія. Онъ думалъ о проливномъ дождѣ, который, за недѣлю тому назадъ, встрѣтилъ у самой заставы похороны отставнаго Бригадира. Многія мантіи отъ того съузились, многія шляпы покоробились. Онъ предвидѣлъ неминуемые расходы, ибо давній запасъ гробовыхъ нарядовъ приходилъ у него въ жалкое состояніе. Онъ надѣялся вымѣстить убытокъ на старой купчихѣ Трюхиной, которая уже около года находилась при смерти. Но Трюхина умирала на Разгуляѣ, и Прохоровъ боялся, чтобъ ея наслѣдники, несмотря на свое обѣщаніе, не полѣнились послать за нимъ въ такую даль и не сторговались бы съ ближайшимъ подрядчикомъ.

Сіи размышленія были прерваны нечаянно тремя фран-масонскими ударами въ дверь. «Кто тамъ?» спросилъ гробовщикъ. Дверь отворилась, и человѣкъ, въ которомъ съ перваго взгляду можно было узнать Нѣмца ремесленника, вошелъ въ комнату и съ веселымъ видомъ приблизился къ гробовщику. «Извините,

lib.pushkinskijdom.ru

любезный сосѣдъ» , сказалъ онъ тѣмъ Русскимъ нарѣчіемъ , которое мы безъ смѣха слышать не можемъ : «извините , что я вамъ помѣшалъ.... я желалъ поскорѣе съ вами познакомиться. Я сапожникъ , имя мое Готлибъ Шульцъ , и живу отъ васъ черезъ улицу, въ этомъ домикѣ , что противъ вашихъ окошекъ. Завтра праздную мою серебряную свадьбу, и я прошу васъ и вашихъ дочекъ отобѣдать у меня по пріятельски.» Приглашеніе было благосклонно принято. Гробовщикъ просилъ сапожника садиться и выкушать чашку чаю , и , благодаря открытому нраву Готлиба Шульца , вскорѣ они разговорились дружелюбно. «Каково торгуетъ ваша милость?» спросилъ Адріанъ. — «Э-хе-хе», отвѣчалъ Шульцъ: «и такъ и сякъ. Пожаловаться не могу. Хоть, конечно , мой товаръ не то , что вашъ ; живой безъ сапогъ обойдется , а мертвый безъ гроба не живетъ.» — «Сущая правда», замѣтилъ Адріанъ : «однакожъ , если живому не на что купить сапогъ , то не прогнѣвайся , ходитъ онъ и босой ; а нищій мертвецъ и даромъ беретъ себѣ гробъ.» Такимъ образомъ бесѣда продолжалась у нихъ еще нѣсколько времени ; наконецъ сапожникъ всталъ и простился съ гробовщикомъ , возобновляя свое приглашеніе.

На другой день , ровно въ двенадцать часовъ , гробовщикъ и его дочери вышли изъ калитки новокупленнаго дома и отправились къ сосѣду. Не стану описывать ни Русскаго кафтана Адріана Прохорова , ни Европейскаго наряда Акулины и Дарьи , отступая въ семъ случаѣ отъ обычая, принятаго нынѣшними романистами. Полагаю , однакожъ , не излишнимъ замѣтить , что обѣ дѣвицы надѣли желтыя шляпки и красные башмаки , что бывало у нихъ только въ торжественные случаи.

Тѣсная квартирка сапожника была наполнена гостями , большею частію Нѣмцами ремесленниками , съ ихъ женами и подмастерьями ; изъ Русскихъ чиновниковъ былъ одинъ будочникъ, Чухонецъ Юрко , умѣвшій пріобрѣсти , несмотря на свое смиренное званіе , особенную благосклонность хозяина. Лѣтъ двадцать пять служилъ онъ въ семъ званіи вѣрой и правдою , какъ почталіонъ Погорѣльскаго. Пожаръ двенадцатаго года , уничто-

lib.pushkinskijdom.ru

живъ первопрестольную столицу, истребилъ и его желтую будку. Но тотчасъ, по изгнаніи врага, на ея мѣстѣ явилась новая, сѣренькая съ бѣлыми колонками Дорическаго ордена, и Юрко сталъ опять расхаживать около нея *съ сыкирой и въ бронѣ сермяжной*. Онъ былъ знакомъ большей части Нѣмцевъ, живущихъ около Никитскихъ воротъ: инымъ изъ нихъ случалось даже ночевать у Юрки съ воскресенья на понедѣльникъ. Адріанъ тотчасъ познакомился съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, въ которомъ рано или поздно можетъ случиться имѣть нужду, и какъ гости пошли за столъ, то они сѣли вмѣстѣ. Господинъ и госпожа Шульцъ и дочка ихъ, семнадцати лѣтняя Лотхенъ, обѣдая съ гостями всѣ вмѣстѣ, угощали и помогали кухаркѣ служить. Пиво лилось. Юрко ѣлъ за четверыхъ; Адріанъ ему не уступалъ; дочери его чинились; разговоръ на Нѣмецкомъ языкѣ часъ отъ часу дѣлался шумнѣе. Вдругъ хозяинъ потребовалъ вниманія и, откупоривая засмоленную бутылку, громко произнесъ по-Русски: «За здоровье моей доброй Луизы!» Полушампанское запѣнилось. Хозяинъ нѣжно поцѣловалъ свѣжее лицо сорокалѣтней своей подруги, и гости шумно выпили здоровье доброй Луизы. «За здоровье любезныхъ гостей моихъ!» провозгласилъ хозяинъ, откупоривая вторую бутылку — и гости благодарили его, осушая вновь свои рюмки. Тутъ начали здоровья слѣдовать одно за другимъ: пили здоровье каждаго гостя особливо, пили здоровье Москвы и цѣлой дюжины Германскихъ городковъ, пили здоровье всѣхъ цѣховъ вообще и каждаго въ особенности, пили здоровье мастеровъ и подмастерьевъ. Адріанъ пилъ съ усердіемъ и до того развеселился, что самъ предложилъ какой-то шутливый тостъ. Вдругъ одинъ изъ гостей, толстой булочникъ, поднялъ рюмку и воскликнулъ: «За здоровье тѣхъ, на которыхъ мы работаемъ, unſerer Kundleute!» Предложеніе, какъ и всѣ, было принято радостно и единодушно. Гости начали другъ другу кланяться, портной сапожнику, сапожникъ портному, булочникъ имъ обоимъ, всѣ булочнику, и такъ далѣе. Юрко, посреди сихъ взаимныхъ поклоновъ, закричалъ, обратясь къ своему сосѣду: «Что же? пей, батюшка, за здоровье своихъ мертвецовъ.» Всѣ

lib.pushkinskijdom.ru

захохотали , но гробовщикъ почелъ себя обиженнымъ и нахмурился. Никто того не замѣтилъ , гости продолжали пить , и уже благовѣстили къ вечернѣ, когда встали изъ-за стола.

Гости разошлись поздно , и по большей части на-веселѣ. Толстой булочникъ и переплетчикъ , коего лице казалось въ красненькомъ сафьянномъ переплетѣ, подъ руки отвели Юрку въ его будку, наблюдая , въ семъ случаѣ , Русскую пословицу: долгъ платежемъ красенъ. Гробовщикъ пришелъ домой пьянъ и сердитъ. «Что жъ это , въ самомъ дѣлѣ , разсуждалъ онъ вслухъ, чѣмъ ремесло мое не честнѣе прочихъ? развѣ гробовщикъ братъ палачу? чему смѣются басурмане? развѣ гробовщикъ гаэръ святочный ? Хотѣлось было мнѣ позвать ихъ на новоселье , задать имъ пиръ горой ; инъ не бывать же тому ! А созову я тѣхъ , на которыхъ работаю : мертвецовъ православныхъ.» — «Что ты, батюшка?» сказала работница , которая въ это время разувала его: «что ты это городишь? Перекрестись ! Созывать мертвыхъ на новоселье! Экая страсть!» — «Ей Богу, созову», продолжалъ Адріанъ: «и на завтрашній же день. Милости просимъ , мои благодѣтели , завтра вечеромъ у меня попировать ; угощу, чѣмъ Богъ послалъ.» Съ этимъ словомъ гробовщикъ отправился на кровать и вскорѣ захрапѣлъ.

На дворѣ было еще темно , какъ Адріана разбудили. Купчиха Трюхина скончалась въ эту самую ночь , и нарочный , отъ ея прикащика , прискакалъ къ Адріану верхомъ съ этимъ извѣстіемъ. Гробовщикъ далъ ему за то гривенникъ на водку, одѣлся на-скоро , взялъ извощика и поѣхалъ на Разгуляй. У воротъ покойницы уже стояла полиція , и расхаживали купцы , какъ вороны , почуя мертвое тѣло. Покойница лежала на столѣ , желтая какъ воскъ , но еще не обезображенная тлѣніемъ. Около нея тѣснились родственники , сосѣди и домашніе. Всѣ окна были открыты ; свѣчи горѣли ; священники читали молитвы. Адріанъ подошелъ къ племяннику Трюхиной , молодому купчику въ модномъ сюртукѣ, объявляя ему, что гробъ, свѣчи, покровъ и другія похоронныя принадлежности тотчасъ будутъ ему доставлены во всей исправности. Наслѣдникъ благодарилъ его разсѣянно.

lib.pushkinskijdom.ru

сказавъ, что о цѣнѣ онъ не торгуется, а во всемъ полагается на его совѣсть. Гробовщикъ, по обыкновенію своему, побожился, что лишняго не возьметъ; значительнымъ взглядомъ обмѣнялся съ прикащикомъ и поѣхалъ хлопотать. Цѣлый день разъѣзжалъ съ Разгуляя къ Никитскимъ воротамъ и обратно; къ вечеру все сладилъ и пошелъ домой пѣшкомъ, отпустивъ своего извощика. Ночь была лунная. Гробовщикъ благополучно дошелъ до Никитскихъ воротъ. У Вознесенія окликалъ его знакомецъ нашъ Юрко и, узнавъ гробовщика, пожелалъ ему доброй ночи. Было поздно. Гробовщикъ подходилъ уже къ своему дому, какъ вдругъ показалось ему, что кто-то подошелъ къ его воротамъ, отворилъ калитку и въ нее скрылся. «Чтобы это значило? подумалъ Адріанъ. Кому опять до меня нужда? Ужъ не воръ ли ко мнѣ забрался? Не ходятъ ли любовники къ моимъ дурамъ? Что добраго!» И гробовщикъ думалъ уже кликнуть себѣ на помощь пріятеля своего Юрку. Въ эту минуту кто-то еще приблизился къ калиткѣ и собирался войти, но, увидя бѣгущаго хозяина, остановился и снялъ треугольную шляпу. Адріану лице его показалось знакомо, но второпяхъ не успѣлъ онъ порядочно его разглядѣть «Вы пожаловали ко мнѣ», сказалъ запыхавшись Адріанъ: «войдите же, сдѣлайте милость.» — «Не церемонься, батюшка», отвѣчалъ тотъ глухо: «ступай себѣ впередъ; указывай гостямъ дорогу!» Адріану и некогда было церемониться. Калитка была отперта, онъ пошелъ на лѣстницу, и тотъ за нимъ. Адріану показалось, что по комнатамъ его ходятъ люди. «Что за дьявольщина!» подумалъ онъ и спѣшилъ войти.... тутъ ноги его подкосились. Комната полна была мертвецами. Луна сквозь окна освѣщала ихъ желтыя и синія лица, ввалившіеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высунувшіеся носы.... Адріанъ съ ужасомъ узналъ въ нихъ людей, погребенныхъ его стараніями, и въ гостѣ, съ нимъ вмѣстѣ вошедшемъ, Бригадира, похороненнаго во время проливнаго дождя. Всѣ они, дамы и мущины, окружили гробовщика съ поклонами и привѣтствіями, кромѣ одного бѣдняка, недавно даромъ похороненнаго, который, совѣстясь и стыдясь своего рубища, не приближался и стоялъ смиренно въ

lib.pushkinskijdom.ru

углу. Прочіе всѣ одѣты были благопристойно : покойницы въ чепцахъ и лентахъ , мертвецы чиновные въ мундирахъ , но съ бородами небритыми , купцы въ праздничныхъ кафтанахъ. «Видишь ли, Прохоровъ», сказалъ Бригадиръ отъ имени всей честной компаніи : «всѣ мы поднялись на твое приглашеніе ; остались дома только тѣ, которымъ уже не въ мочь, которые совсѣмъ развалились, да у кого остались однѣ кости безъ кожи, но и тутъ одинъ не утерпѣлъ — такъ хотѣлось ему побывать у тебя....» Въ эту минуту, маленькій скелетъ продрался сквозь толпу и приблизился къ Адріану. Черепъ его ласково улыбался гробовщику. Клочки свѣтлозеленаго и краснаго сукна и ветхой холстины кой-гдѣ висѣли на немъ, какъ на шестѣ, а кости ногъ бились въ большихъ ботфортахъ , какъ пестики въ ступахъ. «Ты не узналъ меня , Прохоровъ» , сказалъ скелетъ. «Помнишь ли отставнаго Сержанта Гвардіи Петра Петровича Курилкина , того самаго , которому, въ 1799 году, ты продалъ первый свой гробъ — и еще сосновый за дубовый?» Съ симъ словомъ мертвецъ простеръ ему костяныя объятія ; но Адріанъ, собравшись съ силами, закричалъ и оттолкнулъ его. Петръ Петровичъ пошатнулся, упалъ и весь разсыпался. Между мертвецами поднялся ропотъ негодованія ; вступились за честь своего товарища , пристали къ Адріану съ бранью и угрозами , и бѣдный хозяинъ, оглушенный ихъ крикомъ и почти задавленный , потерялъ присутствіе духа, самъ упалъ на кости отставнаго Сержанта Гвардіи и лишился чувствъ.

Солнце давно уже освѣщало постелю , на которой лежалъ гробовщикъ. Наконецъ открылъ онъ глаза и увидѣлъ передъ собою работницу, раздувающую самоваръ. Съ ужасомъ вспомнилъ Адріанъ всѣ вчерашнія происшествія. Трюхина , Бригадиръ и сержантъ Курилкинъ смутно представились его воображенію. Онъ молча ожидалъ , чтобъ работница начала съ нимъ разговоръ и объявила о послѣдствіяхъ ночныхъ приключеній.

«Какъ ты заспался, батюшка, Адріанъ Прохоровичъ», сказала Аксинья , подавая ему халатъ. «Къ тебѣ заходилъ сосѣдъ портной , и здѣшній будочникъ забѣгалъ съ объявленіемъ , что сего-

lib.pushkinskijdom.ru

дня Частный имянинникъ, да ты изволилъ почивать, и мы не хотѣли тебя разбудить.»

— «А приходили ко мнѣ отъ покойницы Трюхиной?»

«Покойницы? Да развѣ она умерла?»

— «Эка дура! Да не ты ли пособляла мнѣ вчера улаживать ея похороны?»

«Что ты, батюшка, не съ ума ли спятилъ, али хмѣль вчерашній еще у тя не прошелъ? Какія были вчера похороны? Ты цѣлый день пировалъ у Нѣмца, воротился пьянъ, завалился въ постелю, да и спалъ до сего часа, какъ ужъ къ обѣднѣ отблаговѣстили.»

— «Ой ли!» сказалъ обрадованный гробовщикъ.»

«Вѣстимо такъ», отвѣчала работница.

— «Ну, коли такъ, давай скорѣе чаю, да позови дочерей.»

lib.pushkinskijdom.ru

СТАНЦІОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ.

—

Коллежскій Регистраторъ
Почтовой станціи диктаторъ.
Князь Вяземскій.

Кто не проклиналъ станціонныхъ Смотрителей, кто съ ними не бранивался? Кто, въ минуту гнѣва, не требовалъ отъ нихъ роковой книги, дабы вписать въ оную свою безполезную жалобу на притѣсненіе, грубость и неисправность? Кто не почитаетъ ихъ извергами человѣческаго рода, равными покойнымъ подъячимъ или, по крайней мѣрѣ, Муромскимъ разбойникамъ? Будемъ, однако, справедливы, постараемся войти въ ихъ положеніе, и, можетъ быть, станемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе. Что такое станціонный Смотритель? Сущій мученикъ четырнадцатаго класса, огражденный своимъ чиномъ токмо отъ побоевъ, и то не всегда (ссылаюсь на совѣсть моихъ читателей). Какова должность сего диктатора, какъ называетъ его шутливо Князь Вяземскій? Не настоящая ли каторга? Покоя ни днемъ, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной ѣзды, путешественникъ вымѣщаетъ на Смотрителѣ. Погода несносная, дорога скверная, ямщикъ упрямый, лошади не везутъ, — а виноватъ Смотритель. Входя въ бѣдное его жилище, проѣзжающій смотритъ на него, какъ на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться отъ непрошенаго гостя: но если не случится ло-

lib.pushkinskijdom.ru

шадей?... Боже! какія ругательства, какія угрозы посыплются на его голову! Въ дождь и слякоть принужденъ онъ бѣгать по дворамъ; въ бурю, въ Крещенской морозъ уходитъ онъ въ сѣни, чтобъ только на минуту отдохнуть отъ крика и толчковъ раздраженнаго постояльца. Пріѣзжаетъ Генералъ; дрожащій Смотритель отдаетъ ему двѣ послѣднія тройки, въ томъ числѣ курьерскую. Генералъ ѣдетъ, не сказавъ ему спасибо. Чрезъ пять минутъ — колокольчикъ!... и фельдъегерь бросаетъ ему на столъ свою подорожную!... Вникнемъ во все это хорошенько, и, вмѣсто негодованія, сердце наше исполнится искреннимъ состраданіемъ. Еще нѣсколько словъ: въ теченіе двадцати лѣтъ сряду, изъѣздилъ я Россію по всѣмъ направленіямъ; почти всѣ почтовые тракты мнѣ извѣстны; нѣсколько поколѣній ямщиковъ мнѣ знакомы; рѣдкаго Смотрителя не знаю я въ лице, съ рѣдкимъ не имѣлъ я дѣла; любопытный запасъ путевыхъ моихъ наблюденій надѣюсь издать въ непродолжительномъ времени; покамѣстъ скажу только, что сословіе станціонныхъ Смотрителей представлено общему мнѣнію въ самомъ ложномъ видѣ. Сіи столь оклеветанные Смотрители вообще суть люди мирные, отъ природы услужливые, склонные къ общежитію, скромные въ притязаніяхъ на почести и не слишкомъ сребролюбивые. Изъ ихъ разговоровъ (коими некстати пренебрегаютъ господа проѣзжающіе) можно почерпнуть много любопытнаго и поучительнаго. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю ихъ бесѣду рѣчамъ какого нибудь чиновника 6-го класса, слѣдующаго по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня пріятели изъ почтеннаго сословія Смотрителей. Въ самомъ дѣлѣ, память одного изъ нихъ мнѣ драгоцѣнна. Обстоятельства нѣкогда сблизили насъ, и объ немъ-то намѣренъ я теперь побесѣдовать съ любезными читателями.

Въ 1816 году, въ маѣ мѣсяцѣ, случилось мнѣ проѣзжать черезъ ***скую губернію, по тракту, нынѣ уничтоженному. Находился я въ мелкомъ чинѣ, ѣхалъ на перекладныхъ и платилъ прогоны за двѣ лошади. Въ слѣдствіе сего, Смотрители со мною не церемонились, и часто биралъ я съ бою то, что, во мнѣніи

lib.pushkinskijdom.ru

моемъ, слѣдовало мнѣ по праву. Будучи молодъ и вспыльчивъ, я негодовалъ на низость и малодушіе Смотрителя, когда сей послѣдній отдавалъ приготовленную мнѣ тройку подъ коляску чиновнаго барина. Столь же долго не могъ я привыкнуть и къ тому, чтобъ разборчивый холопъ обносилъ меня блюдомъ на Губернаторскомъ обѣдѣ. Нынѣ то и другое кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, если бы вмѣсто общеудобнаго правила: *чинъ чина почитай,* ввелось въ употребленіе другое, напримѣръ: *умъ ума почитай?* Какіе возникли бы споры! и слуги съ кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь къ моей повѣсти.

День былъ жаркій. Въ трехъ верстахъ отъ станціи *** стало накрапывать, и черезъ минуту проливной дождь вымочилъ меня до послѣдней нитки. По пріѣздѣ на станцію, первая забота была поскорѣе переодѣться, вторая спросить себѣ чаю. «Эй, Дуня!» закричалъ Смотритель: «поставь самоваръ да сходи за сливками.» При сихъ словахъ вышла изъ-за перегородки дѣвочка лѣтъ четырнадцати и побѣжала въ сѣни. Красота ея меня поразила. «Это твоя дочка?» спросилъ я смотрителя. — «Дочка-съ», отвѣчалъ онъ съ видомъ довольнаго самолюбія: «да такая разумная, такая проворная, вся въ покойницу мать.» Тутъ онъ принялся переписывать мою подорожную, а я занялся разсмотрѣніемъ картинокъ, украшавшихъ его смиренную, но опрятную обитель. Онѣ изображали исторію блуднаго сына: въ первой, почтенный старикъ въ колпакѣ и шлафрокѣ отпускаетъ безпокойнаго юношу, который поспѣшно принимаетъ его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой, яркими чертами изображено развратное поведеніе молодаго человѣка: онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами. Далѣе, промотавшійся юноша, въ рубищѣ и въ треугольной шляпѣ, пасетъ свиней и раздѣляетъ съ ними трапезу; въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе. Наконецъ представлено возвращеніе его къ отцу: добрый старикъ въ томъ же колпакѣ и шлафрокѣ выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу; блудный сынъ стоитъ на колѣняхъ; въ перспективѣ поваръ убиваетъ упи-

lib.pushkinskijdom.ru

таннаго тельца, и старшій братъ вопрошаетъ слугъ о причинѣ таковой радости. Подъ каждой картинкой прочелъ я приличные Нѣмецкіе стихи. Все это донынѣ сохранилось въ моей памяти, также какъ и горшки съ бальзаминомъ и кровать съ пестрой занавѣскою, и прочіе предметы, меня въ то время окружавшіе. Вижу, какъ теперь, самого хозяина, человѣка лѣтъ пятидесяти, свѣжаго и добраго: на немъ былъ длинный зеленый сюртукъ съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ.

Не успѣлъ я расплатиться со старымъ моимъ ямщикомъ, какъ Дуня возвратилась съ самоваромъ. Маленькая кокетка со втораго взгляда замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею на меня; она потупила большіе голубые глаза; я сталъ съ нею разговаривать, она отвѣчала мнѣ безъ всякой робости, какъ дѣвушка, видѣвшая свѣтъ. Я предложилъ отцу ея стаканъ пуншу; Дунѣ подалъ я чашку чаю, и мы втроемъ начали бесѣдовать, какъ будто вѣкъ были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мнѣ все не хотѣлось разстаться съ Смотрителемъ и его дочкой. Наконецъ я съ нимъ простился; отецъ пожелалъ мнѣ добраго пути, а дочь проводила до телеги. Въ сѣняхъ я остановился и просилъ у ней позволенія ее поцѣловать; Дуня согласилась.... Много могу я насчитать поцѣлуевъ

Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ занимаюсь,

но ни одинъ не оставилъ во мнѣ столь долгаго, столь пріятнаго воспоминанія.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и обстоятельства привели меня на тотъ самый трактъ, въ тѣ самыя мѣста. Я вспомнилъ дочь стараго Смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. «Но — подумалъ я — старый Смотритель, можетъ быть, уже смѣненъ; вѣроятно, Дуня за мужемъ.» Мысль о смерти того или другаго также мелькнула въ умѣ моемъ, и я приближался къ станціи *** съ печальнымъ предчувствіемъ. Лошади стали у почтоваго домика. Войдя въ комнату, я тотчасъ узналъ картинки, изображающія исторію блуднаго сына; столъ и кровать стояли на прежнихъ мѣстахъ, но на окнахъ уже не было цвѣтовъ, и все

lib.pushkinskijdom.ru

кругомъ показывало ветхость и небреженіе. Смотритель спалъ подъ тулупомъ ; мой пріѣздъ разбудилъ его ; онъ привсталъ.... Это былъ точно Самсонъ Выринъ ; но какъ онъ постарѣлъ! Покамѣстъ собирался онъ переписать мою подорожную, я смотрѣлъ на его сѣдину, на глубокія морщины давно небритаго лица , на сгорбленную спину — и не могъ надивиться, какъ три или четыре года могли превратить бодраго мущину въ хилаго старика. «Узналъ ли ты меня?» спросилъ я его : «мы съ тобою старые знакомые.» — «Можетъ статься», отвѣчалъ онъ угрюмо : «здѣсь дорога большая; много проѣзжихъ у меня перебывало.» — «Здорова ли твоя Дуня?» продолжалъ я. Старикъ нахмурился. «А Богъ ее знаетъ», отвѣчалъ онъ. —«Такъ видно она за мужемъ?» сказалъ я. Старикъ притворился, будто бы не слыхалъ моего вопроса, и продолжалъ пошептомъ читать мою подорожную. Я прекратилъ свои вопросы и велѣлъ поставить чайникъ. Любопытство начинало меня безпокоить , и я надѣялся, что пуншъ разрѣшитъ языкъ моего стараго знакомца.

Я не ошибся : старикъ не отказался отъ предлагаемаго стакана. Я замѣтилъ, что ромъ прояснилъ его угрюмость. На второмъ стаканѣ сдѣлался онъ разговорчивъ ; вспомнилъ , или показалъ видъ , будто бы вспомнилъ меня , и я узналъ отъ него повѣсть, которая въ то время сильно меня заняла и тронула.

«Такъ вы знали мою Дуню?» началъ онъ. «Кто же и не зналъ ея? Ахъ , Дуня , Дуня! Что за дѣвка-то была. Бывало , кто ни проѣдетъ , всякой похвалитъ , никто не осудитъ. Барыни дарили ее , то платочкомъ , то сережками. Господа проѣзжіе нарочно останавливались , будто бы пообѣдать , аль отужинать , а въ самомъ дѣлѣ, только чтобъ на нее подолѣе поглядѣть. Бывало, баринъ , какой бы сердитый ни былъ , при ней утихаетъ и милостиво со мною разговариваетъ. Повѣрите ль, сударь : курьеры, фельдъегеря съ нею по получасу заговаривались. Ею домъ держался ; что прибрать, что приготовить , за всѣмъ успѣвала. А я то, старый дуракъ, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь ; ужъ я ли не любилъ моей Дуни , я ль не лелѣялъ моего дитяти ; ужъ ей ли не было житье! Да нѣтъ, отъ бѣды не отбожишься : что суж-

lib.pushkinskijdom.ru

дено, тому не миновать.» Тутъ онъ сталъ подробно разсказывать мнѣ свое горе. Три года тому назадъ, однажды, въ зимній вечеръ, когда смотритель разлиневывалъ новую книгу и дочь его за перегородкой шила себѣ новое платье, тройка подъѣхала, и проѣзжій въ Черкеской шапкѣ, въ военной шинели, окутанный шалью, вошелъ въ комнату, требуя лошадей. Лошади всѣ были въ разгонѣ. При семъ извѣстіи, путешественникъ возвысилъ было голосъ и нагайку; но Дуня, привыкшая къ таковымъ сценамъ, выбѣжала изъ-за перегородки и ласково обратилась къ проѣзжему съ вопросомъ: «не угодно ли будетъ ему чего нибудь покушать?» Появленіе Дуни произвело обыкновенное свое дѣйствіе. Гнѣвъ проѣзжаго прошелъ; онъ согласился ждать лошадей и заказалъ себѣ ужинъ. Снявъ мокрую, косматую шапку, отпутавъ шаль и сдернувъ шинель, проѣзжій явился молодымъ стройнымъ гусаромъ съ черными усиками. Онъ расположился у Смотрителя, началъ весело разговаривать съ нимъ и съ его дочерью. Подали ужинать. Между тѣмъ лошади пришли, и Смотритель приказалъ, чтобъ тотчасъ, не кормя, запрягали ихъ въ кибитку проѣзжаго; но, возвратясь, нашелъ онъ молодаго человѣка почти безъ памяти лежащаго на лавкѣ: ему сдѣлалось дурно, голова разболѣлась, невозможно было ѣхать.... Какъ быть! Смотритель уступилъ ему свою кровать, и положено было, если больному не будетъ легче, на другой день утромъ послать въ С*** за лекаремъ.

На другой день гусару стало хуже. Человѣкъ его поѣхалъ верхомъ въ городъ за лекаремъ. Дуня обвязала ему голову платкомъ, намоченнымъ уксусомъ, и сѣла съ своимъ шитьемъ у его кровати. Больной при Смотрителѣ охалъ и не говорилъ почти ни слова, однакожъ, выпилъ двѣ чашки кофе и, охая, заказалъ себѣ обѣдъ. Дуня отъ него не отходила. Онъ поминутно просилъ пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленнаго лимонада. Больной обмакивалъ губы и всякій разъ, возвращая кружку, въ знакъ благодарности, слабою своею рукою пожималъ Дунюшкину руку. Къ обѣду пріѣхалъ лекарь. Онъ пощупалъ пульсъ больнаго, поговорилъ съ нимъ по-Нѣмецки, и по-Русски объявилъ,

lib.pushkinskijdom.ru

что ему нужно одно спокойствіе , и что дня черезъ два ему можно будетъ отправиться въ дорогу. Гусаръ вручилъ ему 25 рублей за визитъ, пригласилъ его отобѣдать ; лекарь согласился ; оба ѣли съ большимъ аппетитомъ , выпили бутылку вина и разстались очень довольны другъ другомъ.

Прошелъ еще день , и гусаръ совсѣмъ оживился. Онъ былъ чрезвычайно веселъ , безъ умолку шутилъ то съ Дунею , то съ Смотрителемъ ; насвистывалъ пѣсни, разговаривалъ съ проѣзжими , вписывалъ ихъ подорожныя въ почтовую книгу и такъ полюбился доброму Смотрителю, что на третье утро жаль было ему разстаться съ любезнымъ своимъ постояльцемъ. День былъ воскресный ; Дуня собиралась къ обѣднѣ. Гусару подали кибитку. Онъ простился съ Смотрителемъ, щедро наградивъ его за постой и угощеніе ; простился и съ Дунею и вызвался довести ее до церкви , которая находилась на краю деревни. Дуня стояла въ недоумѣніи.... «Чего же ты боишься?» сказалъ ей отецъ : «вѣдь его высокоблагородіе не волкъ и тебя не съѣстъ ; прокатись-ка до церкви.» Дуня сѣла въ кибитку подлѣ гусара, слуга вскочилъ на облучокъ, ямщикъ свиснулъ, и лошади поскакали.

Бѣдный Смотритель не понималъ , какимъ образомъ могъ онъ самъ позволить своей Дунѣ ѣхать вмѣстѣ съ гусаромъ, какъ нашло на него ослѣпленіе , и что тогда было съ его разумомъ. Не прошло и получаса, какъ сердце его начало ныть, ныть, и безпокойство овладѣло имъ до такой степени , что онъ не утерпѣлъ и пошелъ самъ къ обѣднѣ. Подходя къ церкви , увидѣлъ онъ , что народъ уже расходился , но Дуни не было ни въ оградѣ , ни на паперти. Онъ поспѣшно вошелъ въ церковь : священникъ выходилъ изъ алтаря ; дьячекъ гасилъ свѣчи , двѣ старушки молились еще въ углу; но Дуни въ церкви не было. Бѣдный отецъ на силу рѣшился спросить у дьячка , была ли она у обѣдни. Дьячекъ отвѣчалъ, что не бывала. Смотритель пошелъ домой ни живъ, ни мертвъ. Одна оставалась ему надежда: Дуня, по вѣтренности молодыхъ лѣтъ, вздумала, можетъ быть, прокатиться до слѣдующей станціи, гдѣ жила ея крестная мать. Въ мучительномъ волненіи

lib.pushkinskijdom.ru

ожидалъ онъ возвращенія тройки, на которой онъ отпустилъ ее. Ямщикъ не возвращался. Наконецъ къ вечеру пріѣхалъ онъ одинъ и хмѣленъ, съ убійственнымъ извѣстіемъ: «Дуня съ той станціи отправилась далѣе съ гусаромъ.»

Старикъ не снесъ своего несчастія: онъ тутъ же слегъ въ ту самую постель, гдѣ наканунѣ лежалъ молодой обманщикъ. Теперь Смотритель, соображая всѣ обстоятельства, догадывался, что болѣзнь была притворная. Бѣднякъ занемогъ сильной горячкою; его свезли въ С***, и на его мѣсто опредѣлили на время другаго. Тотъ же лекарь, который пріѣзжалъ къ гусару, лечилъ и его. Онъ увѣрилъ Смотрителя, что молодой человѣкъ былъ совсѣмъ здоровъ, и что тогда еще догадывался онъ о его злобномъ намѣреніи, но молчалъ, опасаясь его нагайки. Правду ли говорилъ Нѣмецъ, или только желалъ похвастаться дальновидностію, но онъ ни мало тѣмъ не утѣшилъ бѣднаго больнаго. Едва оправясь отъ болѣзни, Смотритель выпросилъ у С*** почтмейстера отпускъ на два мѣсяца, и не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пѣшкомъ отправился за своею дочерью. Изъ подорожной зналъ онъ, что Ротмистръ Минскій ѣхалъ изъ Смоленска въ Петербургъ. Ямщикъ, который везъ его, сказывалъ, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ѣхала по своей охотѣ. «Авось», думалъ Смотритель: «приведу я домой заблудшую овечку мою.» Съ этой мыслію прибылъ онъ въ Петербургъ, остановился въ Измайловскомъ полку, въ домѣ отставнаго унтеръ-офицера, своего стараго сослуживца, и началъ свои поиски. Вскорѣ узналъ онъ, что Ротмистръ Минскій въ Петербургѣ и живетъ въ Демутовомъ трактирѣ. Смотритель рѣшился къ нему явиться.

Рано утромъ пришелъ онъ въ его переднюю и просилъ доложить его высокоблагородію, что старый солдатъ проситъ съ нимъ увидѣться. Военный лакей, чистя сапогъ на колодкѣ, объявилъ, что баринъ почиваетъ, и что прежде одиннадцати часовъ не принимаетъ никого. Смотритель ушелъ и возвратился въ назначенное время. Минскій вышелъ самъ къ нему въ халатѣ, въ крас-

lib.pushkinskijdom.ru

ной скуфьѣ. «Что , братъ , тебѣ надобно?» спросилъ онъ его. Сердце старика закипѣло , слезы навернулись на глазахъ , и онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ только : «Ваше высокоблагородіе!... сдѣлайте такую Божескую милость!...» Минскій взглянулъ на него быстро , вспыхнулъ , взялъ его за руку, повелъ въ кабинетъ и заперъ за собой дверь. «Ваше высокоблагородіе!» продолжалъ старикъ : «что съ возу упало , то пропало ; отдайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, бѣдную мою Дуню. Вѣдь вы натѣшились ею ; не погубите жъ ее понапрасну.» — «Что сдѣлано , того не воротишь», сказалъ молодой человѣкъ въ крайнемъ замѣшательствѣ : «виноватъ передъ тобою и радъ просить у тебя прощенія, но не думай , чтобъ я Дуню могъ покинуть : она будетъ счастлива, даю тебѣ честное слово. Зачѣмъ тебѣ ее? Она меня любитъ; она отвыкла отъ прежняго своего состоянія. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось.» Потомъ, сунувъ ему что-то за рукавъ, онъ отворилъ дверь , и Смотритель, самъ не помня какъ, очутился на улицѣ.

Долго стоялъ онъ неподвижно , наконецъ увидѣлъ за обшлагомъ своего рукава свертокъ бумагъ ; онъ вынулъ ихъ и развернулъ нѣсколько пяти и десяти рублевыхъ смятыхъ ассигнацій. Слезы опять навернулись на глазахъ его — слезы негодованія! Онъ сжалъ бумажки въ комокъ, бросилъ ихъ на земь, притопталъ каблукомъ и пошелъ.... Пройдя нѣсколько шаговъ , онъ остановился , подумалъ.... и воротился.... но ассигнаціи уже не было. Хорошо одѣтый молодой человѣкъ , увидя его , подбѣжалъ къ извощику, сѣлъ поспѣшно и закричалъ : «пошелъ!...» Смотритель за нимъ не погнался. Онъ рѣшился отправиться домой, на свою станцію , но прежде хотѣлъ хоть разъ еще увидѣть бѣдную свою Дуню. Для сего, дня черезъ два, воротился онъ къ Минскому; но военный лакей сказалъ ему сурово, что баринъ никого не принимаетъ , грудью вытѣснилъ его изъ передней и хлопнулъ двери ему подъ носъ. Смотритель постоялъ, постоялъ, да и пошелъ.

Въ этотъ самый день , вечеромъ , шелъ онъ по Литейной , отслуживъ молебенъ у Всѣхъ Скорбящихъ. Вдругъ промчались пе-

lib.pushkinskijdom.ru

редъ нимъ щегольскія дрожки, и Смотритель узналъ Минскаго. Дрожки остановились передъ трехъ-этажнымъ домомъ, у самаго подъѣзда, и гусаръ вбѣжалъ на крыльце. Счастливая мысль мелькнула въ головѣ Смотрителя. Онъ воротился и, поровнявшись съ кучеромъ: «Чья, братъ, лошадь?» спросилъ онъ: «не Минскаго ли?» — «Точно такъ», отвѣчалъ кучеръ: «а что тебѣ?» — «Да вотъ что: баринъ твой приказалъ мнѣ отнести къ его Дунѣ записочку, а я и позабудь, гдѣ Дуня-то его живетъ.» — «Да вотъ здѣсь, во второмъ этажѣ. Опоздалъ ты, братъ, съ твоей запиской; теперь ужъ онъ самъ у нея.» — «Нужды нѣтъ», возразилъ Смотритель съ неизъяснимымъ движеніемъ сердца: «спасибо, что надоумилъ, а я свое дѣло сдѣлаю.» И съ этимъ словомъ пошелъ онъ по лѣстницѣ.

Двери были заперты; онъ позвонилъ. Прошло нѣсколько секундъ въ тягостномъ для него ожиданіи. Ключъ загремѣлъ; ему отворили. «Здѣсь стоитъ Автодья Самсоновна?» спросилъ онъ. — «Здѣсь», отвѣчала молодая служанка: «зачѣмъ тебѣ ея надобно?» Смотритель, не отвѣчая, вошелъ въ залу. «Нельзя, нельзя!» закричала ему вслѣдъ служанка: «у Авдотьи Самсоновны гости.» Но Смотритель, не слушая, шелъ далѣе. Двѣ первыя комнаты были темны, въ третьей былъ огонь. Онъ подошелъ къ растворенной двери и остановился. Въ комнатѣ, богато убранной, Минскій сидѣлъ въ задумчивости. Дуня, одѣтая со всею роскошью моды, сидѣла на ручкѣ его креселъ, какъ наѣздница на своемъ Англійскомъ сѣдлѣ. Она съ нѣжностію смотрѣла на Минскаго, наматывая черные его кудри на свои сверкающіе пальцы. Бѣдный Смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; онъ по неволѣ ею любовался. «Кто тамъ?» спросила она, не поднимая головы. Онъ все молчалъ. Не получая отвѣта, Дуня подняла говову.... и съ крикомъ упала на коверъ. Испуганный Минскій кинулся ее поднимать и вдругъ, увидя въ дверяхъ стараго Смотрителя, оставилъ Дуню и подошелъ къ нему, дрожа отъ гнѣва. «Чего тебѣ надобно?» сказалъ онъ ему, стиснувъ зубы: «что ты за мною всюду крадешься, какъ разбой-

lib.pushkinskijdom.ru

никъ? или хочешь меня зарѣзать? Пошелъ вонъ!» и, сильной рукою схвативъ старика за воротъ, вытолкнулъ его на лѣстницу.

Старикъ пришелъ къ себѣ на квартиру. Пріятель его совѣтовалъ ему жаловаться; но Смотритель подумалъ, махнулъ рукой и рѣшился отступиться. Черезъ два дня отправился онъ изъ Петербурга обратно на свою станцію и опять принялся за свою должность. «Вотъ уже третій годъ», заключилъ онъ: «какъ живу я безъ Дуни и какъ объ ней нѣтъ ни слуху, ни духу. Жива ли, нѣтъ ли, Богъ ее вѣдаетъ. Всяко случается. Не ее первую, не ее послѣднюю сманилъ проѣзжій повѣса, а тамъ подержалъ, да и бросилъ. Много ихъ въ Петербургѣ, молоденькихъ дуръ, сегодня въ атласѣ да бархатѣ, а завтра, поглядишь, метутъ улицу съ голью кабацкою. Какъ подумаешь порою, что и Дуня, можетъ быть, тутъ же пропадетъ, такъ по неволѣ согрѣшишь, да пожелаешь ей могилы....»

Таковъ былъ разсказъ пріятеля моего, стараго Смотрителя, — разсказъ, неоднократно прерываемый слезами, которыя живописно отиралъ онъ своею полою, какъ усердный Терентьичъ въ прекрасной балладѣ Дмитріева. Слезы сіи отчасти возбуждаемы были пуншемъ, коего вытянулъ онъ пять стакановъ въ продолженіе своего повѣствованія; но какъ бы то ни было, онѣ сильно тронули мое сердце. Съ нимъ разставшись, долго не могъ я забыть стараго Смотрителя, долго думалъ я о бѣдной Дунѣ....

Недавно еще, проѣзжая черезъ мѣстечко ***, вспомнилъ я о моемъ пріятелѣ; я узналъ, что станція, надъ которой онъ начальствовалъ, уже уничтожена. На вопросъ мой: «живъ ли старый Смотритель?» никто не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Я рѣшился посѣтить знакомую сторону, взялъ вольныхъ лошадей и пустился въ село Н.

Это случилось осенью. Сѣренькія тучи покрывали небо; холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей, унося красные и желтые листья со встрѣчныхъ деревьевъ. Я пріѣхалъ въ село при закатѣ солнца и остановился у почтоваго домика. Въ сѣни (гдѣ нѣкогда

lib.pushkinskijdom.ru

поцѣловала меня бѣдная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвѣчала, что старый Смотритель съ годъ какъ померъ, что въ домѣ его поселился пивоваръ, а что она жена пивоварова. Мнѣ стало жаль моей напрасной поѣздки и семи рублей издержанныхъ даромъ. «Отчего жъ онъ умеръ?» спросилъ я пивоварову жену. — «Спился, батюшка», отвѣчала она. — «А гдѣ его похоронили?» — «За околицей, подлѣ покойной хозяйки его.» — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же нельзя? Эй, Ванька! полно тебѣ съ кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему смотрителеву могилу.»

При сихъ словахъ, оборванный мальчикъ, рыжій и кривой, выбѣжалъ ко мнѣ и тотчасъ повелъ меня за околицу.

«Зналъ ты покойника?» спросилъ я его дорогой.

— Какъ не знать! Онъ выучилъ меня дудочки вырѣзывать. Бывало (царство ему небесное!) идетъ изъ кабака, а мы-то за нимъ: «Дѣдушка, дѣдушка! орѣшковъ!» а онъ насъ орѣшками и надѣляетъ. Все, бывало, съ нами возится.

«А проѣзжіе вспоминаютъ ли его?»

— Да нынѣ мало проѣзжихъ; развѣ Засѣдатель завернетъ, да тому не до мертвыхъ. Вотъ лѣтомъ проѣзжала барыня, такъ та спрашивала о старомъ Смотрителѣ и ходила къ нему на могилу.

«Какая барыня?» спросилъ я съ любопытствомъ.

— Прекрасная барышня, отвѣчалъ мальчишка: ѣхала она въ каретѣ въ шесть лошадей, съ тремя маленькими барчатами и съ кормилицей и съ черной моською, и какъ ей сказали, что старый Смотритель умеръ, такъ она заплакала и сказала дѣтямъ: «сидите смирно, а я схожу на кладбище.» А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю.» И дала мнѣ пятакъ серебромъ.... такая добрая барыня!

Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усѣянное деревянными крестами, не осѣненными ни единымъ деревцемъ. Отъ роду не видалъ я такого печальнаго кладбища.

lib.pushkinskijdom.ru

— Вотъ могила стараго Смотрителя, сказалъ мнѣ мальчикъ, вспрыгнувъ на груду песку, въ которую врытъ былъ черный крестъ съ мѣднымъ образомъ.

«И барышня приходила сюда?» спросилъ я.

— Приходила, отвѣчалъ Ванька: я смотрѣлъ на нее издали Она легла здѣсь и лежала долго. А тамъ барыня пошла въ село и призвала попа, дала ему денегъ и поѣхала, а мнѣ дала пятакъ серебромъ.... славная барыня!

И я далъ мальчишкѣ пятачекъ и не жалѣлъ уже ни о поѣздкѣ, ни о семи рубляхъ, мною истраченныхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА.

—

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша.
Богдановичъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній находилось имѣніе Ивана Петровича Берестова. Въ молодости своей служилъ онъ въ Гвардіи, вышелъ въ отставку въ началѣ 1797 года, уѣхалъ въ свою деревню и съ тѣхъ поръ оттуда не выѣзжалъ. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, которая умерла въ родахъ, въ то время, какъ онъ находился въ отъѣзжемъ полѣ. Хозяйственныя упражненія скоро его утѣшили. Онъ выстроилъ домъ по собственному плану, завелъ у себя суконную фабрику, устроилъ доходы и сталъ почитать себя умнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околодкѣ, въ чемъ и не прекословили ему сосѣди, пріѣзжавшіе къ нему гостить съ своими семействами и собаками. Въ будни ходилъ онъ въ плисовой курткѣ, по праздникамъ надѣвалъ онъ сюртукъ изъ сукна домашней работы; онъ записывалъ расходъ и ничего не читалъ, кромѣ Сенатскихъ Вѣдомостей. Вообще его любили, хотя и почитали гордымъ. Не ладилъ съ нимъ одинъ Григорій Ивановичъ Муромскій, ближайшій его сосѣдъ. Этотъ былъ настоящій Русскій баринъ. Промотавъ въ Москвѣ бо́льшую часть имѣнія своего и на ту пору овдовѣвъ, уѣхалъ онъ въ послѣднюю свою деревню, гдѣ продолжалъ проказничать, но уже

lib.pushkinskijdom.ru

въ новомъ родѣ. Развелъ онъ Англійскій садъ, на который тратилъ почти всѣ остальные доходы. Конюхи его были одѣты Англійскими жокеями. У дочери его была мадамъ Англичанка. Поля свои обработывалъ онъ по Англійской методѣ;

Но на чужой манеръ хлѣбъ Русской не родится,

и, не смотря на значительное уменьшеніе расходовъ, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; онъ и въ деревнѣ находилъ способъ входить въ новые долги; совсѣмъ тѣмъ почитался человѣкомъ не глупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ Опекунскій Совѣтъ — оборотъ, казавшійся въ то время чрезвычайно сложнымъ и смѣлымъ. Изъ людей, осуждавшихъ его, Берестовъ отзывался строже всѣхъ. Ненависть къ нововведеніямъ была отличительная черта его характера. Онъ не могъ равнодушно говорить объ англоманіи своего сосѣда и поминутно находилъ случай его критиковать. Показывалъ ли гостю свои владѣнія, въ отвѣтъ на похвалы его хозяйственнымъ распоряженіямъ: «да-съ!» говорилъ онъ съ лукавой усмѣшкою: «у меня не то, что у сосѣда Григорья Ивановича. Куда намъ по-Англійски разоряться! Были бы мы по-Русски хоть сыты.» Сіи и подобныя шутки, по усердію сосѣдовъ, доводимы были до свѣдѣнія Григорья Ивановича съ дополненіемъ и объясненіями. Англоманъ выносилъ критику столь же нетерпѣливо, какъ и наши журналисты. Онъ бѣсился и прозвалъ своего зоила медвѣдемъ и провинціаломъ.

Таковы были сношенія между сими двумя владѣльцами, какъ сынъ Берестова пріѣхалъ къ нему въ деревню. Онъ былъ воспитанъ въ *** Университетѣ и намѣревался вступить въ военную службу; но отецъ на то не согласился. Къ статской службѣ молодой человѣкъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Они другъ другу не уступали, и молодой Алексѣй сталъ жить покамѣстъ бариномъ, отпустивъ усы на всякій случай.

Алексѣй былъ, въ самомъ дѣлѣ, молодецъ. Право, было бы жаль, если бы его стройнаго стана никогда не стягивалъ военный мундиръ, и если бы онъ, вмѣсто того, чтобъ рисоваться на конѣ,

lib.pushkinskijdom.ru

провелъ свою молодость, согнувшись надъ канцелярскими бумагами. Смотря, какъ онъ на охотѣ скакалъ всегда первый, не разбирая дороги, сосѣди говорили согласно, что изъ него никогда не выйдетъ путнаго столоначальника. Барышни поглядывали на него, а иногда и заглядывались; но Алексѣй мало ими занимался, а онѣ причиной его нечувствительности полагали любовную связь. Въ самомъ дѣлѣ, ходилъ по рукамъ списокъ съ адреса одного изъ его писемъ: *Акулинѣ Петровнѣ Курочкиной: въ Москвѣ, напротивъ Алексѣевскаго монастыря, въ домѣ мѣдника Савельева, а васъ покорнѣйше прошу доставить письмо сіе А. Н. Р.*

Тѣ изъ моихъ читателей, которые не живали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ тѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни почерпаютъ изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и чтеніе рано въ нихъ развиваютъ чувства и страсти, неизвѣстныя разсѣяннымъ нашимъ красавицамъ. Для барышни звонъ колокольчика есть уже приключеніе; поѣздка въ ближній городъ полагается эпохою въ жизни, и посѣщеніе гостя оставляетъ долгое, иногда и вѣчное воспоминаніе. Конечно, всякому вольно смѣяться надъ нѣкоторыми ихъ странностями; но шутки поверхностнаго наблюдателя не могутъ уничтожить ихъ существенныхъ достоинствъ, изъ коихъ главное: *особенность характера, самобытность* (individualité), безъ чего, по мнѣнію Жанъ-Поля, не существуетъ и человѣческаго величія. Въ столицахъ женщины получаютъ, можетъ быть, лучшее образованіе; но навыкъ свѣта скоро сглаживаетъ характеръ и дѣлаетъ души столь же однообразными, какъ и головные уборы. Сіе да будетъ сказано не въ судъ и во осужденіе, однакожъ, **nota nostra manet**, какъ пишетъ одинъ старинный комментаторъ.

Легко вообразить, какое впечатлѣніе Алексѣй долженъ былъ произвести въ кругу нашихъ барышень. Онъ первый передъ ними явился мрачнымъ и разочарованнымъ; первый говорилъ имъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того носилъ онъ черное кольцо съ изображеніемъ мерт-

lib.pushkinskijdom.ru

вой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи. Барышни сходили по немъ съ ума.

Но всѣхъ болѣе занята была имъ дочь англомана моего, Лиза (или Бетси, какъ звалъ ее обыкновенно Григорій Ивановичъ). Отцы другъ къ другу не ѣздили, она Алексѣя еще не видала, между тѣмъ, какъ всѣ молодыя сосѣдки только объ немъ и говорили. Ей было семнадцать лѣтъ. Черные глаза оживляли ея смуглое и очень пріятное лице. Она была единственное и, слѣдственно, балованное дитя. Ея рѣзвость и поминутныя проказы восхищали отца и приводили въ отчаянье ея мадамъ, миссъ Жаксонъ, сорока лѣтнюю чопорную дѣвицу, которая бѣлилась и сурмила себѣ брови, два раза въ годъ перечитывала Памелу, получала за то двѣ тысячи рублей и умирала со скуки въ этой варварской Россіи.

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же вѣтрена, какъ и ея барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей всѣ свои тайны, вмѣстѣ съ нею обдумывала свои затѣи; словомъ, Настя была въ селѣ Аносовѣ лицемъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели любая наперсница во Французской трагедіи.

«Позвольте мнѣ сегодня пойти въ гости», сказала однажды Настя, одѣвая барышню.

— Изволь; а куда?

«Въ Тугилово, къ Берестовымъ. Поварова жена у нихъ именинница и вчера приходила звать насъ отобѣдать.»

— Вотъ! сказала Лиза, господа въ ссорѣ, а слуги другъ друга угощаютъ.

«А намъ какое дѣло до господъ!» возразила Настя: «къ тому же я ваша, а не папенькина. Вы вѣдь не бранились еще съ молодымъ Берестовымъ; а старики пускай себѣ дерутся, коли имъ это весело.»

— Постарайся, Настя, увидѣть Алексѣя Берестова, да разскажи мнѣ хорошенько, каковъ онъ собою и что онъ за человѣкъ.

Настя обѣщалась, а Лиза съ нетерпѣніемъ ожидала цѣлый день ея возвращенія. Вечеромъ Настя явилась. «Ну, Лизавета

lib.pushkinskijdom.ru

Гавриловна», сказала она входя въ комнату: «видѣла молодаго Берестова; наглядѣлась довольно; цѣлый день были вмѣстѣ.»

— Какъ это? Разскажи, разскажи по порядку.

«Извольте-съ: пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька....»

— Хорошо, знаю. Ну потомъ.

«Позвольте-съ, разскажу все по порядку. Вотъ пришли мы къ самому обѣду. Комната полна была народу. Были Колбинскія, Захарьевскія, прикащица съ дочерьми, Хрупинскія....»

— Ну! а Берестовъ?

«Погодите-съ. Вотъ мы сѣли за столъ, прикащица на первомъ мѣстѣ, я подлѣ нея.... а дочери и надулись, да мнѣ наплевать на нихъ....»

— Ахъ, Настя, какъ ты скучна съ вѣчными своими подробностями!

«Да какъ же вы нетерпѣливы! Ну вотъ вышли мы изъ-за стола.... а сидѣли мы часа три, и обѣдъ былѣ славный; пирожное блан-манже синее, красное и полосатое.... Вотъ вышли мы изъза стола и пошли въ садъ играть въ горѣлки, а молодой баринъ тутъ и явился.»

— Ну чтожъ? Правда ли, что онъ такъ хорошъ собою?

«Удивительно хорошъ, красавецъ, можно сказать. Стройный, высокій, румянецъ во всю щеку....»

— Право? А я такъ думала, что у него лице блѣдное. Что же? Каковъ онъ тебѣ показался? Печаленъ, задумчивъ?

«Что вы? Да эдакаго бѣшенаго я и сроду не видывала. Вздумалъ онъ съ нами въ горѣлки бѣгать.»

— Съ вами въ горѣлки бѣгать! Невозможно!

«Очень возможно. Да что еще выдумалъ! Поймаетъ и ну цѣловать!»

— Воля твоя, Настя, ты врешь.

«Воля ваша, не вру. Я насилу отъ него отдѣлалась. Цѣлый день съ нами такъ и провозился.»

— Да какъ же, говорятъ, онъ влюбленъ и ни на кого не смотритъ?

lib.pushkinskijdom.ru

«Не знаю-съ, а на меня такъ ужъ слишкомъ смотрѣлъ, да и на Таню, прикащикову дочь, тоже; да и на Пашу Колбинскую, да грѣхъ сказать, никого не обидѣлъ, такой баловникъ!»

— Это удивительно! А что въ домѣ про него слышно?

«Баринъ, сказываютъ, прекрасный: такой добрый, такой веселый. Одно не хорошо: за дѣвушками слишкомъ любитъ гоняться. Да, по мнѣ, это еще не бѣда: современемъ остепенится.»

— Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть! сказала Лиза со вздохомъ.

«Да что же тутъ мудренаго? Тугилово отъ насъ недалеко — всего три версты: подите гулять въ ту сторону или поѣзжайте верхомъ; вы вѣрно встрѣтите его. Онъ же всякій день, рано поутру, ходитъ съ ружьемъ на охоту.»

— Да нѣтъ, не хорошо. Онъ можетъ подумать, что я за нимъ гоняюсь. Къ тому же отцы наши въ ссорѣ, такъ и мнѣ все же нельзя будетъ съ нимъ познакомиться.... Ахъ, Настя! знаешь ли что? наряжусь я крестьянкою!

«И въ самомъ дѣлѣ: надѣньте толстую рубашку, сарафанъ, да и ступайте смѣло въ Тугилово; ручаюсь вамъ, что Берестовъ уже васъ не прозѣваетъ.»

— А по здѣшнему я говорить умѣю прекрасно. Ахъ, Настя, милая Настя! какая славная выдумка! — И Лиза легла спать съ намѣреніемъ непремѣнно исполнить веселое предположеніе. На другой же день приступила она къ исполненію своего плана, послала купить на базарѣ толстаго полотна, синей китайки и мѣдныхъ пуговокъ; съ помощью Насти скроила себѣ рубашку и сарафанъ, засадила за шитье всю дѣвичью, и къ вечеру все было готово. Лиза примѣрила обнову и призналась предъ зеркаломъ, что никогда еще такъ мила самой себѣ не казалась. Она повторила свою роль. На ходу низко кланялась и нѣсколько разъ потомъ качала головою, на подобіе глиняныхъ котовъ, говорила на крестьянскомъ нарѣчіи, смѣялась, закрываясь рукавомъ, и заслужила полное одобреніе Насти. Одно затрудняло ее: она попробовала были пройти по двору босая, но дернъ кололъ ея нѣжныя ноги, а песокъ и камешки показались ей нестерпимы. Настя

lib.pushkinskijdom.ru

и тутъ ей помогла: она сняла мѣрку съ Лизиной ноги, сбѣгала въ поле къ Трофиму пастуху и заказала ему пару лаптей по той мѣркѣ. На другой день, ни свѣтъ ни заря, Лиза уже проснулась. Весь домъ еще спалъ. Настя за воротами ожидала пастуха. Заигралъ рожокъ, и деревенское стадо потянулось мимо барскаго двора. Трофимъ, проходя передъ Настей, отдалъ ей маленькія, пестрыя лапти и получилъ отъ нея полтину въ награжденіе. Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, шепотомъ дала Настѣ свои наставленія касательно миссъ Жаксонъ, вышла на заднее крыльцо и чрезъ огородъ побѣжала въ поле.

Заря сіяла на востокѣ, и золотые ряды облаковъ, казалось, ожидали солнца, какъ царедворцы ожидаютъ Государя; ясное небо, утренняя свѣжесть, роса, вѣтерокъ и пѣніе птичекъ наполняли сердце Лизы младенческой веселостію; боясь какой нибудь знакомой встрѣчи, она, казалось, не шла, а летѣла. Приближаясь къ рощѣ, стоящей на рубежѣ отцовскаго владѣнія, Лиза пошла тише. Здѣсь она должна была ожидать Алексѣя. Сердце ея сильно билось, само не зная, почему; но боязнь, сопровождающая молодыя наши проказы, составляетъ и главную ихъ прелесть. Лиза вошла въ сумракъ рощи. Глухой, перекатный шумъ ея привѣтствовалъ дѣвушку. Веселость ея притихла. Мало по малу предалась она сладкой мечтательности. Она думала.... но можно ли съ точностію опредѣлить, о чемъ думаетъ семнадцати лѣтняя барышня, одна, въ рощѣ, въ пятомъ часу весенняго утра? И такъ она шла, задумавшись, по дорогѣ, осѣненной съ обѣихъ сторонъ высокими деревьями, какъ вдругъ прекрасная лягавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. Въ то же время раздался голосъ: tout beau, Sbogar, ici.... и молодой охотникъ показался изъ-за кустарника. — Небось, милая, сказалъ онъ Лизѣ: собака моя не кусается. — Лиза успѣла уже оправиться отъ испуга и умѣла тотчасъ воспользоваться обстоятельствами. «Да нѣтъ, баринъ», сказала она, притворяясь полуиспуганной, полузастѣнчивой: «боюсь, она, вить, такая злая; опять кинется.» Алексѣй (читатель уже узналъ его) между тѣмъ пристально глядѣлъ на молодую крестьянку. — Я провожу тебя,

lib.pushkinskijdom.ru

если ты боишься, сказалъ онъ ей: ты мнѣ позволишь итти подлѣ себя? — «А кто те мѣшаетъ?» отвѣчала Лиза; «вольному воля, а дорога мірская.» — Откуда ты? — «Изъ Прилучина; я дочь Василья-кузнеца, иду по грибы.» (Лиза несла кузовокъ на веревочкѣ.) «А ты, баринъ? Тугиловскій, что ли?» — Такъ точно, отвѣчалъ Алексѣй: я камердинеръ молодаго барина. — Алексѣю хотѣлось уровнять ихъ отношенія. Но Лиза поглядѣла на него и засмѣялась. «А лжешь», сказала она: «не на дуру напалъ. Вижу, что ты самъ баринъ.» — Почему же ты такъ думаешь? — «Да по всему.» — Однакожъ? — «Да какъ же барина съ слугой не распознать? И одѣтъ-то не такъ, и баишь иначе, и собаку то кличешь не по нашему.» Лиза часъ отъ часу болѣе нравилась Алексѣю. Привыкнувъ не церемониться съ хорошенькими поселянками, онъ было хотѣлъ обнять ее; но Лиза отпрыгнула отъ него и приняла вдругъ на себя такой строгій и холодный видъ, что хотя это и разсмѣшило Алексѣя, но удержало его отъ дальнѣйшихъ покушеній. «Если вы хотите, чтобы мы были впередъ пріятелями», сказала она съ важностію: «то не извольте забываться.» — Кто тебя научилъ этой премудрости? спросилъ Алексѣй, расхохотавшись. Ужъ не Настенька ли, моя знакомая, не дѣвушка ли барышни вашей? Вотъ какими путями распространяется просвѣщеніе! — Лиза почувствовала, что вышла было изъ своей роли, и тотчасъ поправилась. «А что думаешь?» сказала она: «развѣ я и на барскомъ дворѣ никогда не бываю? небось: всего наслышалась и наглядѣлась.» Однако, продолжала она: «болтая съ тобою, грибовъ не наберешь. Иди-ка ты, баринъ, въ сторону, а я въ другую. Прощенія просимъ....» Лиза хотѣла удалиться; Алексѣй удержалъ ее за руку.— Какъ тебя зовутъ, душа моя. — «Акулиной», отвѣчала Лиза, стараясь освободить свои пальцы отъ руки Алексѣевой: «да пусти жъ, баринъ, мнѣ и домой пора.» — Ну, мой другъ Акулина, непремѣнно буду въ гости къ твоему батюшкѣ, къ Василью-кузнецу. — «Что ты?» возразила съ живостію Лиза: «ради Христа не приходи. Коли дома узнаютъ, что я съ бариномъ въ рощѣ болтала наединѣ, то мнѣ бѣда будетъ; отецъ мой, Василій-кузнецъ,

lib.pushkinskijdom.ru

прибьетъ меня до смерти.» — Да я непремѣнно хочу съ тобою опять видѣться. — «Ну, я когда нибудь опять сюда приду за грибами.» — Когда же? — «Да хоть завтра.» — Милая Акулина, расцѣловалъ бы тебя, да не смѣю. Такъ завтра, въ это время, не правда ли? — «Да, да.» — И ты не обманешь меня? — «Не обману.» — Побожись. — «Ну вотъ те святая пятница, приду.»

Молодые люди разстались. Лиза вышла изъ лѣсу, перебралась чрезъ поле, прокралась въ садъ и опрометью побѣжала въ ферму, гдѣ Настя ожидала ее. Тамъ она переодѣлась, разсѣянно отвѣчала на вопросы нетерпѣливой наперсницы и явилась въ гостиную. Столъ былъ накрытъ, завтракъ готовъ, и миссъ Жаксонъ, уже набѣленая и затянутая въ рюмочку, нарѣзывала тоненькія тартинки. Отецъ похвалилъ ее за раннюю прогулгу. «Нѣтъ ничего здоровѣе», сказалъ онъ: «какъ просыпаться на зарѣ.» Тутъ онъ привелъ нѣсколько примѣровъ человѣческаго долголѣтія, почерпнутыхъ изъ Англійскихъ журналовъ, замѣчая, что всѣ люди, жившіе болѣе ста лѣтъ, не употребляли водки и вставали на зарѣ зимой и лѣтомъ. Лиза его не слушала. Она въ мысляхъ повторяла всѣ обстоятельства утренняго свиданія, весь разговоръ Акулины съ молодымъ охотникомъ, и совѣсть начинала ее мучить. Напрасно возражала она самой себѣ, что бесѣда ихъ не выходила изъ границъ благопристойности, что эта шалость не могла имѣть никакого послѣдствія, — совѣсть ея роптала громче ея разума. Обѣщаніе, данное ею на завтрашній день, всего болѣе безпокоило ее: она совсѣмъ было рѣшилась не сдержать своей торжественной клятвы. Но Алексѣй, прождавъ ея напрасно, могъ итти отыскивать въ селѣ дочь Василья-кузнеца, настоящую Акулину, толстую, рябую дѣвку, и такимъ образомъ догадаться объ ея легкомысленной проказѣ. Мысль эта ужаснула Лизу, и она рѣшилась на другое утро опять явиться въ рощу Акулиной.

Съ своей стороны Алексѣй былъ въ восхищеніи; цѣлый день думалъ онъ о новой знакомкѣ; ночью образъ смуглой красавицы и во снѣ преслѣдовалъ его воображеніе. Заря едва занималась,

lib.pushkinskijdom.ru

какъ онъ уже былъ одѣтъ. Не давъ себѣ времени зарядить ружье, вышелъ онъ въ поле съ вѣрнымъ своимъ Сбогаромъ и побѣжалъ къ мѣсту обѣщаннаго свиданія. Около получаса прошло въ несносномъ для него ожиданіи ; наконецъ онъ увидѣлъ межъ кустарника мелькнувшій синій сарафанъ и бросился на встрѣчу милой Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности ; но Алексѣй тотчасъ замѣтилъ на ея лицѣ слѣды уныніи и безпокойства. Онъ хотѣлъ узнать тому причину. Лиза призналась , что поступокъ ея казался ей легкомысленнымъ, что она въ немъ раскаявалась , что на сей разъ не хотѣла она не сдержать даннаго слова , но что это свиданіе будетъ уже послѣднимъ , и что она проситъ его прекратить знакомство , которое ни до чего добраго не можетъ ихъ довести. Все это , разумѣется , было сказано на крестьянскомъ нарѣчіи; но мысли и чувства, необыкновенныя въ простой дѣвушкѣ , поразили Алексѣя. Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе , чтобы отвратить Акулину отъ ея намѣренія ; увѣрялъ ее въ невинности своихъ желаній , обѣщалъ никогда не подать ей повода къ раскаянію , повиноваться ей во всемъ , заклиналъ ее не лишать его одной отрады — видаться съ нею наединѣ, хотя бы чрезъ день , хотя бы дважды въ недѣлю. Онъ говорилъ языкомъ истинной страсти и въ эту минуту былъ точно влюбленъ. Лиза слушала его молча. «Дай мнѣ слово», сказала она наконецъ: «что ты никогда не будешь искать меня въ деревнѣ или распрашивать обо мнѣ. Дай мнѣ слово не искать другихъ со мною свиданій , кромѣ тѣхъ , которыя я сама назначу.» Алексѣй поклялся было ей святою пятницею , но она съ улыбкой остановила его. «Мнѣ не нужно клятвы», сказала Лиза : «довольно одного твоего обѣщанія.» Послѣ того они дружески разговаривали , гуляя вмѣстѣ по лѣсу, до тѣхъ поръ , пока Лиза сказала ему: пора. Они разстались , и Алексѣй , оставшись наединѣ , не могъ понять , какимъ образомъ простая деревенская дѣвочка въ два свиданія успѣла взять надъ нимъ истинную власть. Его сношенія съ Акулиной имѣли для него прелесть новизны , и хотя предписанія странной крестьянки казались ему тягостными , но мысль не сдержать своего слова не пришла даже ему въ голову.

lib.pushkinskijdom.ru

Дѣло въ томъ, что Алексѣй, не смотря на роковое кольцо, на таинственную переписку, на мрачную разочарованность, былъ добрый и пылкій малой и имѣлъ сердце чистое, способное чувствовать наслажденія невинности.

Если бы слушался я одной своей охоты, то непремѣнно и во всей подробности сталъ бы описывать свиданія молодыхъ людей, возрастающую взаимную склонность и довѣрчивость, занятія, разговоры; но знаю, что большая часть моихъ читателей не раздѣлила бы со мною моего удовольствія. Эти подробности вообще должны казаться приторными, и такъ я пропущу ихъ, сказавъ вкратцѣ, что не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, а мой Алексѣй былъ уже влюбленъ безъ памяти, и Лиза была не равнодушнѣе, хотя и молчаливѣе его. Оба они были счастливы настоящимъ и мало думали о будущемъ.

Мысль о неразрывныхъ узахъ довольно часто мелькала въ ихъ умѣ; но никогда они о томъ другъ съ другомъ не говорили. Причина ясная: Алексѣй, какъ ни привязанъ былъ къ милой своей Акулинѣ, все помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкою; а Лиза вѣдала, какая ненависть существовала между ихъ отцами, и не смѣла надѣяться на взаимное примиреніе. Къ тому же самолюбіе ея было втайнѣ подстрекаемо темной, романической надеждою увидѣть наконецъ Тугиловскаго помѣщика у ногъ дочери Прилучинскаго кузнеца. Вдругъ важное происшествіе чуть было не перемѣнило ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ одно ясное, холодное утро (изъ тѣхъ, какими богата наша Русская осень), Иванъ Петровичъ Берестовъ выѣхалъ прогуляться верхомъ, на всякій случай взявъ съ собою пары три борзыхъ, стремяннаго и нѣсколько дворовыхъ мальчишекъ съ трещотками. Въ то же самое время Григорій Ивановичъ Муромскій, соблазнясь хорошею погодою, велѣлъ осѣдлать куцую свою кобылку и рысью поѣхалъ около своихъ англизированныхъ владѣній. Подъѣзжая къ лѣсу, увидѣлъ онъ сосѣда своего, гордо сидящаго верхомъ, въ чекменѣ, подбитомъ лисьимъ мѣхомъ, и поджидающаго зайца, котораго мальчишки крикомъ и трещот-

lib.pushkinskijdom.ru

ками выгоняли изъ-за кустарника. Еслибъ Григорій Ивановичъ могъ предвидѣть эту встрѣчу, то конечно бъ онъ поворотилъ въ сторону ; но онъ наѣхалъ на Берестова вовсе неожиданно и вдругъ очутился отъ него въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла. Дѣлать было нечего : Муромскій, какъ образованный Европеецъ, подъѣхалъ къ своему противнику и учтиво его привѣтствовалъ. Берестовъ отвѣчалъ съ такимъ же усердіемъ , съ каковымъ цѣпной медвѣдь кланяется *Господамъ* по приказанію своего вожатаго. Въ сіе время заяцъ выскочилъ изъ лѣсу и побѣжалъ полемъ. Берестовъ и стремянный закричали во все горло , пустили собакъ и слѣдомъ поскакали во весь опоръ. Лошадь Муромскаго, не бывавшая никогда на охотѣ, испугалась и понесла. Муромскій, провозгласившій себя отличнымъ наѣздникомъ , далъ ей волю и внутренно доволенъ былъ случаемъ , избавляющимъ его отъ непріятнаго собесѣдника. Но лошадь , доскакавъ до оврага , прежде ею незамѣченнаго , вдругъ кинулась въ сторону, и Муромскій не усидѣлъ. Упавъ довольно тяжело на мерзлую землю, лежалъ онъ, проклиная свою куцую кобылу, которая , какъ будто опомнясь, тотчасъ остановилась , какъ только почувствовала себя безъ сѣдока. Иванъ Петровичъ подскакалъ къ нему, освѣдомляясь , не ушибся ли онъ. Между тѣмъ, стремянный привелъ виновную лошадь, держа ее подъ устцы. Онъ помогъ Муромскому взобраться на сѣдло , а Берестовъ пригласилъ его къ себѣ. Муромскій не могъ отказаться , ибо чувствовалъ себя обязаннымъ , и такимъ образомъ Берестовъ возвратился домой со славою , затравивъ зайца и ведя своего противника раненымъ и почти военноплѣннымъ.

Сосѣди , завтракая , разговорились довольно дружелюбно. Муромскій просилъ у Берестова дрожекъ , ибо признался , что отъ ушибу не былъ онъ въ состояніи доѣхать до дома верхомъ. Берестовъ проводилъ его до самаго крыльца , а Муромскій уѣхалъ не прежде , какъ взявъ съ него честное слово на другой же день (и съ Алексѣемъ Ивановичемъ) пріѣхать отобѣдать по пріятельски въ Прилучино. Такимъ образомъ , вражда старинная и глубоко

lib.pushkinskijdom.ru

укоренившаяся, казалось, готова была прекратиться отъ пугливости куцой кобылки.

Лиза выбѣжала на встрѣчу Григорью Ивановичу. «Что это значитъ, папа?» сказала она съ удивленіемъ: «отчего вы хромаете? Гдѣ ваша лошадь? Чьи это дрожки?» — «Вотъ ужъ не угадаешь, my dear», отвѣчалъ ей Григорій Ивановичъ и разсказалъ все, что случилось. Лиза не вѣрила своимъ ушамъ. Григорій Ивановичъ, не давъ ей опомниться, объявилъ, что завтра будутъ у него обѣдать оба Берестовы. «Что вы говорите!» сказала она, поблѣднѣвъ. «Берестовы, отецъ и сынъ! Завтра у насъ обѣдать! Нѣтъ, папа, какъ вамъ угодно: я ни за что не покажусь.» — «Что ты, съ ума сошла?» возразилъ отецъ: «давно ли ты стала застѣнчива, или ты къ нимъ питаешь наслѣдственную ненависть, какъ романическая героиня? Полно, не дурачься....» — «Нѣтъ, папа, ни за что на свѣтѣ, ни за какія сокровища не явлюсь я передъ Берестовыми.» Григорій Ивановичъ пожалъ плечами и болѣе съ нею не спорилъ, ибо зналъ, что противорѣчіемъ съ нея ничего не возьмешь, и пошелъ отдыхать отъ своей достопримѣчательной прогулки.

Лизавета Григорьевна ушла въ свою комнату и призвала Настю. Обѣ долго разсуждали о завтрашнемъ посѣщеніи. Что подумаетъ Алексѣй, если узнаетъ въ благовоспитанной барышнѣ свою Акулину? Какое мнѣніе будетъ онъ имѣть о ея поведеніи и правилахъ, о ея благоразуміи? Съ другой стороны, Лизѣ очень хотѣлось видѣть, какое впечатлѣніе произвело бы на него свиданіе столь неожиданное.... Вдругъ мелькнула ей мысль. Она тотчасъ передала ее Настѣ; обѣ обрадовались ей какъ находкѣ и положили исполнить ее непремѣнно.

На другой день, за завтракомъ, Григорій Ивановичъ спросилъ у дочки, все ли намѣрена она спрятаться отъ Берестовыхъ. «Папа», отвѣчала Лиза: «я приму ихъ, если это вамъ угодно, только съ уговоромъ: какъ бы я передъ ними ни явилась, что бъ я ни сдѣлала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивленія или неудовольствія.» — «Опять какія нибудь проказы!» сказалъ, смѣясь, Григорій Ивановичъ. Ну хорошо,

lib.pushkinskijdom.ru

хорошо ; согласенъ , дѣлай что хочешь , черноглазая моя шалунья.» Съ этимъ словомъ онъ поцѣловалъ ее въ лобъ , и Лиза побѣжала приготовляться.

Въ два часа ровно коляска домашней работы , запряженная шестью лошадьми , въѣхала на дворъ и покатилась около густозеленаго дернового круга. Старый Берестовъ взошелъ на крыльце съ помощью двухъ ливрейныхъ лакеевъ Муромскаго. Вслѣдъ за нимъ сынъ его пріѣхалъ верхомъ и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ столовую , гдѣ столъ былъ уже накрытъ. Муромскій принялъ своихъ сосѣдовъ , какъ нельзя ласковѣе , предложилъ имъ осмотрѣть передъ обѣдомъ садъ и звѣринецъ и повелъ по дорожкамъ, тщательно выметеннымъ и усыпаннымъ пескомъ. Старый Берестовъ внутренно жалѣлъ о потерянномъ трудѣ и времени на столь безполезныя прихоти , но молчалъ изъ вѣжливости. Сынъ его не раздѣлялъ ни неудовольствія разсчетливаго помѣщика, ни восхищенія самолюбиваго Англомана; онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія хозяйской дочери , о которой много наслышался, и хотя сердце его, какъ намъ извѣстно, было уже занято, но молодая красавица всегда имѣла право на его воображеніе.

Возвратясь въ гостиную , они усѣлись въ троемъ : старики вспомнили прежнее время и анекдоты своей службы , а Алексѣй размышлялъ о томъ , какую роль играть ему въ присутствіи Лизы. Онъ рѣшилъ, что холодная разсѣянность во всякомъ случаѣ всего приличнѣе , и въ слѣдствіе сего приготовился. Дверь отворилась ; онъ повернулъ голову съ такимъ равнодушіемъ , съ такою гордою небрежностію , что сердце самой закоренѣлой кокетки непремѣнно должно было содрогнуться. Къ несчастію, вмѣсто Лизы , вошла старая миссъ Жаксонъ , набѣленная , затянутая , съ потупленными глазами и съ маленькимъ книксомъ, и прекрасное военное движеніе Алексѣево пропало втунѣ. Не успѣлъ онъ снова собраться съ силами , какъ дверь опять отворилась , и на сей разъ вошла Лиза. Всѣ встали ; отецъ началъ было представленіе гостей , но вдругъ остановился и поспѣшно закусилъ себѣ губы.... Лиза , его смуглая Лиза , набѣлена была по уши , насурмлена пуще самой миссъ Жаксонъ ; фальшивые

lib.pushkinskijdom.ru

локоны, гораздо свѣтлѣе собственныхъ ея волосъ, взбиты были какъ парикъ Людовика XIV; рукава à l'imbécille торчали какъ фижмы у madame de Pompadour; талія была перетянута, какъ буква иксъ, и всѣ бриллianты ея матери, еще не заложенные въ Ломбардѣ, сіяли на ея пальцахъ, шеѣ и ушахъ. Алексѣй не могъ узнать свою Акулину въ этой смѣшной и блестящей барышнѣ. Отецъ его подошелъ къ ея ручкѣ, и онъ съ досадою ему послѣдовалъ; когда прикоснулся онъ къ ея бѣленькимъ пальчикамъ, ему показалось, что они дрожали. Между тѣмъ, онъ успѣлъ замѣтить ножку, съ намѣреніемъ выставленную и обутую со всевозможнымъ кокетствомъ. Это помирило его нѣсколько съ остальнымъ ея нарядомъ. Что́ касается до бѣлилъ и до сурьмы, то въ простотѣ своего сердца, признаться, онъ ихъ съ перваго взгляда не замѣтилъ, да и послѣ не подозрѣвалъ. Григорій Ивановичъ вспомнилъ свое обѣщаніе и старался не показать и вида удивленія; но шалость его дочери казалась ему такъ забавна, что онъ едва могъ удержаться. Не до смѣху было чопорной Англичанкѣ. Она догадывалась, что сурьма и бѣлилы были похищены изъ ея комода, и багровый румянецъ досады пробивался сквозь искусственную бѣлизну ея лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую проказницу, которая, отлагая до другаго времени всякія объясненія, притворялась, будто ихъ не замѣчаетъ.

Сѣли за столъ. Алексѣй продолжалъ играть роль разсѣяннаго и задумчиваго. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспѣвъ, и только по-Французски. Отецъ поминутно засматривался на нее, не понимая ея цѣли, но находя все это весьма забавнымъ. Англичанка бѣсилась и молчала. Одинъ Иванъ Петровичъ былъ какъ дома: ѣлъ за двоихъ, пилъ въ свою мѣру, смѣялся своему смѣху и часъ отъ часу дружелюбнѣе разговаривалъ и хохоталъ.

Наконецъ встали изъ-за стола; гости уѣхали, и Григорій Ивановичъ далъ волю смѣху и вопросамъ. «Что тебѣ вздумалось дурачить ихъ?» спросилъ онъ Лизу. «А знаешь ли что? Бѣлилы, право, тебѣ пристали; не вхожу въ тайны дамскаго туалета, но на твоемъ мѣстѣ я бы сталъ бѣлиться, — разумѣется, не слиш-

lib.pushkinskijdom.ru

комъ, а слегка.» Лиза была въ восхищеніи отъ успѣха своей выдумки. Она обняла отца, обѣщалась ему подумать о его совѣтѣ и побѣжала умилостивлять раздраженную миссъ Жаксонъ, которая на силу согласилась отпереть ей свою дверь и выслушать ея оправданія. Лизѣ было совѣстно показаться передъ незнакомцами такой чернавкою ; она не смѣла просить.... она была увѣрена, что добрая, милая миссъ Жаксонъ проститъ ей... и проч., и проч. Миссъ Жаксонъ, удостовѣрясь, что Лиза не думала поднятъ ее на смѣхъ, успокоилась, поцѣловала Лизу и, въ залогъ примиренія, подарила ей баночку Англійскихъ бѣлилъ, которую Лиза и приняла съ изъявленіемъ искренней благодарности.

Читатель догадается, что на другой день утромъ Лиза не замедлила явиться въ рощѣ свиданій. «Ты былъ, баринъ, вечоръ у нашихъ господъ?» сказала она тотчасъ Алексѣю : «какова показалась тебѣ барышня?» Алексѣй отвѣчалъ, что онъ ея не замѣтилъ. «Жаль», возразила Лиза. — «А почему же?» спросилъ Алексѣй. — «А потому, что я хотѣла бы спросить у тебя, правда ли, говорятъ....» — «Что же говорятъ?» — «Правда ли, говорятъ, будто бы я на барышню похожа?» — «Какой вздоръ! Она передъ тобой уродъ уродомъ.» — «Ахъ, баринъ, грѣхъ тебѣ это говорить ; барышня наша такая бѣленькая, такая щеголиха! Куда мнѣ съ нею ровняться!» Алексѣй божился ей, что она лучше всевозможныхъ бѣленькихъ барышень, и, чтобъ успокоить ее совсѣмъ, началъ описывать ея госпожу такими смѣшными чертами, что Лиза хохотала отъ души. «Однакожъ», сказала она со вздохомъ : «хоть барышня можетъ и смѣшна, все же я передъ нею дура безграмотная.» — «И!» сказалъ Алексѣй : «есть о чемъ сокрушаться! Да коли хочешь, я тотчасъ выучу тебя грамотѣ.» — «А взаправду», сказала Лиза : «не попытаться ли и въ самомъ дѣлѣ?» — «Изволь, милая ; начнемъ хоть сейчасъ.» Они сѣли. Алексѣй вынулъ изъ кармана карандашъ и записную книжку, и Акулина выучилась азбукѣ удивительно скоро. Алексѣй не могъ надивиться ея понятливости. На слѣдующее утро, она захотѣла попробовать и писать ; сначала карандашъ не слушался ея, но черезъ нѣсколько минутъ она и вырисовывать бук-

lib.pushkinskijdom.ru

вы стала довольно порядочно. «Что за чудо!» говорилъ Алексѣй. «Да у насъ ученіе идетъ скорѣе, чѣмъ по Ланкастерской системѣ.» Въ самомъ дѣлѣ, на третьемъ урокѣ Акулина разбирала уже по складамъ «Наталью Боярскую дочь», прерывая чтеніе замѣчаніями, отъ которыхъ Алексѣй истинно былъ въ изумленіи, и круглый листъ измарала афоризмами, выбранными изъ той же повѣсти.

Прошла недѣля, и между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была въ дуплѣ стараго дуба. Настя втайнѣ исправляла должность почталіона. Туда приносилъ Алексѣй крупнымъ почеркомъ написанныя письма и тамъ же находилъ на синей простой бумагѣ каракульки своей любезной. Акулина видимо привыкала къ лучшему складу рѣчей, и умъ ея примѣтно развивался и образовывался.

Между тѣмъ, недавнее знакомство между Иваномъ Петровичемъ Берестовымъ и Григорьемъ Ивановичемъ Муромскимъ болѣе укрѣплялось и вскорѣ превратилось въ дружбу,—вотъ по какимъ обстоятельствамъ: Муромскій нерѣдко думалъ о томъ, что, по смерти Ивана Петровича, все его имѣніе перейдетъ въ руки Алексѣю Ивановичу, что, въ такомъ случаѣ, Алексѣй Ивановичъ будетъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ той губерніи, и что нѣтъ ему никакой причины не жениться на Лизѣ. Старый же Берестовъ, съ своей стороны, хотя и признавалъ въ своемъ сосѣдѣ нѣкоторое сумазбродство (или, по его выраженію, Англійскую дурь), однакожъ, не отрицалъ въ немъ и многихъ отличныхъ достоинствъ, напримѣръ, рѣдкой оборотливости; Григорій Ивановичъ былъ близкій родственникъ графу Пронскому, человѣку знатному и сильному; графъ могъ быть очень полезенъ Алексѣю, а Муромскій (такъ думалъ Иванъ Петровичъ), вѣроятно, обрадуется случаю выдать свою дочь выгоднымъ образомъ. Старики до тѣхъ поръ обдумывали каждый про себя, что наконецъ другъ съ другомъ и переговорили, обнялись, обѣщались дѣло порядкомъ обработать и принялись о немъ хлопотать каждый со своей стороны. Муромскому предстояло затрудненіе: уговорить свою Бетси познакомиться короче съ Алексѣемъ, ко-

lib.pushkinskijdom.ru

тораго не видала она съ самаго достопамятнаго обѣда. Казалось, они другъ другу не очень нравились ; по крайней мѣрѣ Алексѣй уже не возвращался въ Прилучино, а Лиза уходила въ свою комнату всякій разъ, какъ Иванъ Петровичъ удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. «Но — думалъ Григорій Ивановичъ — если Алексѣй будетъ у меня всякій день, то Бетси должна же будетъ въ него влюбиться. Это въ порядкѣ вещей. Время все сладитъ.»

Иванъ Петровичъ менѣе безпокоился объ успѣхѣ своихъ намѣреній. Въ тотъ же вечеръ призвалъ онъ сына въ свой кабинетъ, закурилъ трубку и, немного помолчавъ, сказалъ : «Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Или гусаркій мундиръ уже тебя не прельщаетъ?» — «Нѣтъ, батюшка», отвѣчалъ почтительно Алексѣй : «я вижу, что вамъ не угодно, чтобъ я шелъ въ гусары: мой долгъ вамъ повиноваться.» — «Хорошо», отвѣчалъ Иванъ Петровичъ : «вижу, что ты послушный сынъ ; это мнѣ утѣшительно ; не хочу жъ и я тебя неволить : не понуждаю тебя вступить.... тотчасъ.... въ статскую службу; а покамѣстъ намѣренъ я тебя женить.».

— На комъ это, батюшка? спросилъ изумленный Алексѣй.

«На Лизаветѣ Григорьевнѣ Муромской», отвѣчалъ Иванъ Петровичъ : «невѣста хоть куда, не правда ли?»

— Батюшка, я о женитьбѣ еще не думаю.

«Ты не думаешь, такъ я за тебя думалъ и передумалъ.»

— Воля ваша, Лиза Муромская мнѣ вовсе не нравится.

«Послѣ понравится. Стерпится — слюбится.»

— Я не чувствую себя способнымъ сдѣлать ея счастіе.

«Не твое горе, ея счастіе. Что? такъ-то ты почитаешь волю родительскую? Добро!»

— Какъ вамъ угодно, я не хочу жениться и не женюсь.

«Ты женишься, или я тебя прокляну, а имѣніе — какъ Богъ святъ! — продамъ и промотаю, и тебѣ полушки не оставлю. Даю тебѣ три дня на размышленіе, а покамѣстъ не смѣй на глаза мнѣ казаться.»

Алексѣй зналъ, что если отецъ заберетъ что себѣ въ голову, то ужъ того, по выраженію Тараса Скотинина, у него и гвоздемъ

lib.pushkinskijdom.ru

не вышибешь ; но Алексѣй былъ въ батюшку, и его столь же трудно было переспорить. Онъ ушелъ въ свою комнату и сталъ размышлять о предѣлахъ власти родительской , о Лизаветѣ Григорьевнѣ , о торжественномъ обѣщаніи отца сдѣлать его нищимъ и наконецъ объ Акулинѣ. Въ первый разъ видѣлъ онъ ясно, что онъ въ нее страстно влюбленъ ; романическая мысль жениться на крестьянкѣ и жить своими трудами пришла ему въ голову, и чѣмъ болѣе думалъ онъ о семъ рѣшительномъ поступкѣ , тѣмъ болѣе находилъ въ немъ благоразумія. Съ нѣкотораго времени свиданія въ рощѣ были прекращены, по причинѣ дождливой погоды. Онъ написалъ Акулинѣ письмо самымъ четкимъ почеркомъ и самымъ бѣшенымъ слогомъ , объявлялъ ей о грозящей имъ погибели и тутъ же предлагалъ ей свою руку. Тотчасъ отнесъ онъ письмо на почту, въ дупло , и легъ спать весьма довольный собою.

На другой день Алексѣй, твердый въ своемъ намѣреніи, рано утромъ поѣхалъ къ Муромскому, дабы откровенно съ нимъ объясниться. Онъ надѣялся подстрекнуть его великодушіе и склонить его на свою сторону. «Дома ли Григорій Ивановичъ?» спросилъ онъ , останавливая свою лошадь передъ крыльцомъ Прилучинскаго замка. — «Никакъ нѣтъ», отвѣчалъ слуга : «Григорій Ивановичъ съ утра изволилъ выѣхать.» — «Какъ досадно!» подумалъ Алексѣй. «Дома ли , по крайней мѣрѣ , Лизавета Григорьевна?» — «Дома-съ.» И Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, отдалъ поводья въ руки лакею и пошелъ безъ доклада.

«Все будетъ рѣшено — думалъ онъ , подходя къ гостиной — объяснюсь съ нею самою.» Онъ вошелъ.... и остолбенѣлъ! Лиза.... нѣтъ, Акулина, милая, смуглая Акулина, не въ сарафанѣ, а въ бѣломъ , утреннемъ платьицѣ , сидѣла передъ окномъ и читала его письмо; она такъ была имъ занята, что не слыхала, какъ онъ вошелъ. Алексѣй не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Лиза вздрогнула , подняла голову, закричала и хотѣла убѣжать. Онъ бросился ее удерживать. «Акулина, Акулина!...» Лиза старалась отъ него освободиться.... «**Mais laissez-moi donc, Monsieur ; mais êtes-vous fou ?**» повторяла она , отворачиваясь.

lib.pushkinskijdom.ru

«Акулина! другъ мой Акулина!» повторялъ онъ, цѣлуя ея руки. Миссъ Жаксонъ, свидѣтельница этой сцены, не знала, что подумать. Въ эту минуту дверь отворилась, и Григорій Ивановичъ вошелъ.

«Ага!» сказалъ Муромскій: «да у васъ, кажется, дѣло совсѣмъ уже слажено....»

Читатели избавятъ меня отъ излишней обязанности описывать развязку.

lib.pushkinskijdom.ru

IV.

РОСЛАВЛЕВЪ.

(1831.)

—

Читая Рославлева, съ изумленіемъ увидѣла я, что завязка его основана на истинномъ происшествіи, слишкомъ для меня извѣстномъ. Нѣкогда я была другомъ несчастной женщины, выбранной г. Загоскинымъ въ героини его повѣсти. Вниманіе публики вновь обратилось на происшествіе забытое; а чувства ненависти и негодованія, усыпленныя временемъ, пробудились и возмутили спокойствіе могилы. Я буду защитницею тѣни, и читатель извинитъ слабость пера моего, уваживъ сердечныя мои побужденія. Буду принуждена много говорить о самой себѣ, потому что судьба моя долго была связана съ участью бѣдной моей подруги.

Меня вывезли въ свѣтъ зимою 1811 года. Не стану описывать первыхъ моихъ впечатлѣній. Легко можно себѣ вообразить, что должна была чувствовать шестнадцати лѣтняя дѣвушка, промѣнявъ антресоли и учителей на безпрерывные балы и визиты. Я предавалась вихрю веселій со всею живостью моихъ лѣтъ и еще не размышляла. Жаль: тогдашнее время стоило наблюденія.

lib.pushkinskijdom.ru

Между дѣвицами, выѣхавшими вмѣстѣ со мною въ свѣтъ, отличалась княжна ** (г. Загоскинъ назвалъ ее Полиною; оставляю ей это имя). Мы скоро подружились — вотъ по какому случаю.

Братъ мой, двадцати двухъ лѣтній малой, принадлежалъ сословію тогдашнихъ франтовъ; онъ считался въ Иностранной Коллегіи и жилъ въ Москвѣ, танцуя и повѣсничая. Онъ влюбился въ Полину и упросилъ меня сблизить наши дома. Братъ былъ идоломъ всего нашего семейства, а изъ меня дѣлалъ, что хотѣлъ.

Сблизясь съ Полиною, изъ угожденія къ нему, вскорѣ я искренно къ ней привязалась. Въ ней было много страннаго и еще болѣе привлекательнаго. Я еще не понимала ея, а уже любила. Нечувствительно я стала смотрѣть ея глазами и думать ея мыслями.

Отецъ Полины былъ заслуженный человѣкъ, т. е. ѣздилъ цугомъ и носилъ ключъ и звѣзду, впрочемъ, былъ вѣтренъ и простъ. Мать ея, напротивъ, была женщина степенная и отличалась важностію и здравымъ смысломъ.

Полина являлась вездѣ; она окружена была поклонниками. Съ нею любезничали; но она скучала, и скука придавала ей видъ гордости и холодности. Это чрезвычайно шло къ ея Греческому лицу и къ чернымъ бровямъ. Я торжествовала, когда мои сатирическія замѣчанія наводили улыбку на это правильное и скучающее лицо.

Полина чрезвычайно много читала и безъ всякаго разбора. Ключъ отъ библіотеки отца ея былъ у нея. Библіотека большею частію состояла изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Французская словесность отъ Монтескьё до романовъ Кребильона была ей знакома. Руссо знала она наизустъ. Въ библіотекѣ не было ни одной Русской книги, кромѣ сочиненій Сумарокова, которыхъ Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мнѣ, что съ трудомъ разбирала Русскую печать, и, вѣроятно, ничего по-Русски не читала, не исключая и стишковъ, поднесенныхъ ей Московскими стихотворцами.

Здѣсь позволю себѣ маленькое отступленіе. Вотъ уже, слава Богу, лѣтъ тридцать, какъ бранятъ насъ бѣдныхъ за то, что мы

lib.pushkinskijdom.ru

по-Русски не читаемъ и не умѣемъ (будто бы) изъясняться на отечественномъ языкѣ. (NB. Автору «Юрія Милославскаго» грѣхъ повторять эти пошлыя обвиненія: мы всѣ прочли его, и, кажется, одной изъ насъ обязанъ онъ и переводомъ своего романа на Французскій языкъ.) Дѣло въ томъ, что мы и рады бы читать по-Русски; но словесность наша, кажется, не старѣе Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Она, конечно, представляетъ намъ нѣсколько отличныхъ поэтовъ, но нельзя же отъ всѣхъ читателей требовать исключительной охоты къ стихамъ. Въ прозѣ имѣемъ мы только Исторію Карамзина; первые два или три романа появились два или три года тому назадъ; между тѣмъ, какъ во Франціи, Англіи и Германіи книги, одна другой замѣчательнѣе, поминутно слѣдуютъ одна за другой. Мы не видимъ даже и переводовъ; а если и видимъ, то, воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны только для нашихъ литераторовъ. Мы принуждены все, извѣстія и понятія черпать изъ книгъ иностранныхъ; такимъ образомъ и мыслимъ мы на языкѣ иностранномъ (по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, которые мыслятъ и слѣдуютъ за мыслями человѣческаго рода). Въ этомъ признались мнѣ самые извѣстные наши литераторы. Вѣчныя жалобы нашихъ писателей на пренебреженіе, въ коемъ оставляемъ мы Русскія книги, похожи на жалобы Русскихъ торговокъ, негодующихъ на то, что мы шляпки наши покупаемъ у Сихлеръ, а не довольствуемся произведеніями Костромскихъ модистокъ.... Обращаюсь къ моему предмету.

Воспоминанія свѣтской жизни обыкновенно слабы и ничтожны, даже въ эпоху историческую. Однакожъ, появленіе въ Москвѣ одной путешественницы оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Эта путешественница была M-me de Staël.

Она пріѣхала лѣтомъ, когда большая часть Московскихъ жителей разъѣхалась по деревнямъ. Русское гостепріимство засуетилось; не знали, какъ угостить славную иностранку. Разумѣется, давали ей обѣды. Мужчины и дамы съѣзжались поглазѣть на нее и были по большой части недовольны ею. Они видѣли въ ней пятидесяти лѣтнюю толстую бабу, одѣтую не по лѣтамъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Тонъ ея не понравился, рѣчи показались слишкомъ длинны и рукава слишкомъ коротки. Отецъ Полины, знавшій M-me de Staël еще въ Парижѣ, далъ ей обѣдъ, на который скликалъ всѣхъ нашихъ Московскихъ умниковъ. Тутъ увидѣла я сочинительницу Корины. Она сидѣла на первомъ мѣстѣ, облокотясь на столъ, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку изъ бумаги. Она казалась не въ духѣ; нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговориться Наши умники ѣли и пили въ свою мѣру и, казалось, были гораздо болѣе довольны ухою князя, нежели бесѣдою M-me de Staël. Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожности своихъ мыслей и оробѣвшіе въ присутствіи Европейской знаменитости. Во все время обѣда Полина сидѣла какъ на иголкахъ. Вниманіе гостей раздѣлено было между блюдами и M-me de Staël. Ждали отъ нея поминутно bon mot; наконецъ вырвалось у ней двусмыслiе и даже довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захохотали, поднялся шопотъ удивленія; князь былъ внѣ себя отъ радости. Я взглянула на Полину: лице ея пылало, и слезы показались на ея глазахъ. Гости встали изъ-за стола, совершенно примиренные съ M-me de Staël. Она сказала каламбуръ, который они поскакали развозить по городу.

«Что съ тобою сдѣлалось, ma chère?» спросила я Полину: «неужели шутка немножко вольная могла до такой степени тебя смутить?» — «Ахъ милая, отвѣчала Полина: я въ отчаяніи! Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь.... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ! Тупыя лица, тупая важность.... и только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась утомленною! Она увидѣла, чего имъ было надобно, что могли понять эти обезьяны просвѣщенія, и кинула имъ

lib.pushkinskijdom.ru

каламбуръ. А они такъ и бросились.... Я сгорѣла со стыда, я готова была заплакать.... Но пускай, съ жаромъ продолжала Полина, пускай она вывезетъ о нашей свѣтской черни мнѣніе, котораго они достойны. По крайней мѣрѣ она видѣла нашъ добрый, простой народъ и понимаетъ его. Ты слышала, что сказала она дядюшкѣ, этому старому несносному шуту, который, изъ угожденія къ иностранкѣ, вздумалъ было смѣяться надъ Русскими бородами? «Народъ, который тому сто лѣтъ отстоялъ свою бороду, отстоитъ въ наше время и свою голову.» Какъ она мила! Какъ я люблю ее! Какъ ненавижу ея гонителя!

Не я одна замѣтила смущеніе Полины. Другіе проницательные глаза остановились на ней въ ту же самую минуту: черные глаза самой M-me de Staël. Не знаю, что подумала она, но только послѣ обѣда она подошла къ моей подругѣ и съ нею разговорилась. Чрезъ нѣсколько дней M-me de Staël написала ей слѣдующую записку:

Ma chère enfant, je suis toute malade. Il serait bien aimable à vous de venir me ranimer. Tachez de l'obtenir de M-me vôtre mère et veuillez lui présenter les respects de vôtre amie. de S.

Эта записка хранится у меня. Никогда Полина не объясняла мнѣ своихъ сношеній съ M-me de Staël, не смотря на все мое любопытство. Она была безъ памяти отъ славной женщины, столь же добродушной, какъ и геніальной.

До чего доводитъ охота къ злословію! Недавно разсказывала я все это въ одномъ очень порядочномъ обществѣ. «Можетъ быть, замѣтили мнѣ, M-me de Staël была ничто иное, какъ шпіонъ Наполеоновъ, а княжна ** доставляла ей нужныя свѣдѣнія.» — «Помилуйте», сказала я: «M-me de Staël, десять лѣтъ гонимая Наполеономъ, благородная, добрая M-me de Staël, на силу убѣжавшая подъ покровительство Русскаго Императора, M-me de Staël, другъ Шатобріана и Байрона, M-me de Staël будетъ шпіономъ у Наполеона!...» — «Очень, очень можетъ статься», возразила мнѣ востроносая графиня Б.: «Наполеонъ былъ такая бестія, а M-me de Staël претонкая штука.»

lib.pushkinskijdom.ru

Всѣ говорили о близкой войнѣ, и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражаніе Французскому тону временъ Людовика XV было въ модѣ.

Вдругъ извѣстіе о нашествіи и воззваніе Государя поразили насъ. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Растопчина; народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли; дамы струхнули.

Гонители Французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный верхъ, и гостиныя наполнялись патріотами: кто высыпалъ изъ табакерки Французскій табакъ и сталъ нюхать Русскій; кто сжегъ десятокъ Французскихъ брошюрокъ; кто отказался отъ лафита, а принялся за кислыя щи. Всѣ заклялись говорить по-Французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ Саратовскія деревни.

Полина не могла скрыть свое презрѣніе, какъ прежде не скрывала своего негодованія. Такая проворная перемѣна и трусость выводили ее изъ терпѣнія. На бульварѣ, на Пресненскихъ прудахъ, она нарочно говорила по-Французски; за столомъ, въ присутствіи слугъ, нарочно оспаривала патріотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновыхъ войскъ, о его военномъ геніи. Присутствующіе блѣднѣли, опасаясь доноса, и спѣшили укорить ее въ приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась. «Дай Богъ», говорила она: «чтобы всѣ Русскіе любили свое отечество, какъ я его люблю.» Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой и не понимала, откуда взялась у нея такая смѣлость. «Помилуй», сказала я однажды: «охота тебѣ вмѣшиваться не въ наше дѣло. Пусть мужчины себѣ дерутся и кричатъ о политикѣ; женщины на войну не ходятъ, и имъ дѣла нѣтъ до Бонапарта.» Глаза ея засверкали. — «Стыдись, сказала она: развѣ женщины не имѣютъ отечества? развѣ нѣтъ у нихъ отцовъ, братьевъ, мужей? развѣ кровь Русская для насъ чужда? или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобъ насъ на балѣ вертѣли въ экосезахъ, а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ! Я знаю,

lib.pushkinskijdom.ru

какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное. Я не признаю уничиженія, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на M-me de Staël. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непріятельскою силой.... И дядюшка смѣетъ еще насмѣхаться надъ ея робостію при приближеніи Французской арміи: «будьте покойны, сударыня: Наполеонъ воюетъ противъ Россіи, а не противу васъ....» Да! Если бъ дядюшка попался въ руки Французамъ, то его бы пустили гулять по Пале-Роялю; но M-me de Staël въ такомъ случаѣ умерла бы въ государственной темницѣ. А Шарлотта Корде? а наша Марѳа Посадница? а княгиня Д**? чѣмъ я ниже ихъ? Ужъ вѣрно не смѣлостію души и рѣшительностію.» — Я слушала Полину съ изумленіемъ. Никогда не подозрѣвала я въ ней такого жара, такого честолюбія. Увы! къ чему привели ее необыкновенныя качества души и мужественная возвышенность ума? Правду сказалъ мой любимый писатель: Il n'est de bonheur que dans les voies communes *).

Пріѣздъ Государя усугубилъ общее волненіе. Восторгъ патріотизма овладѣлъ наконецъ и высшимъ обществомъ. Гостиныя превратились въ палаты преній. Вездѣ толковали о патріотическихъ пожертвованіяхъ. Повторяли безсмертную рѣчь молодаго графа Мамонова, пожертвовавшаго всѣмъ своимъ имѣніемъ. Нѣкоторыя маменьки послѣ того замѣтили, что графъ ужъ не такой завидный женихъ; но мы всѣ были отъ него въ восхищеніи. Полина бредила имъ. «Вы чѣмъ пожертвуете?» спросила она разъ у моего брата. — «Я не владѣю еще моимъ имѣніемъ, отвѣчалъ мой повѣса. У меня всего на все 30,000 долгу: приношу ихъ въ жертву на алтарь отечества.» Полина разсердилась. «Для нѣкоторыхъ людей», сказала она: «и честь и отечество — все бездѣлица. Братья ихъ умираютъ на полѣ сраженія, а они дурачатся въ гостиныхъ. Не знаю, найдется ли женщина, довольно низкая, чтобъ позволить такимъ фиглярамъ притворяться передъ нею въ любви.» Братъ мой вспыхнулъ. — «Вы слишкомъ взыскательны, княжна, возразилъ онъ. Вы требуете, чтобы всѣ видѣли въ васъ

*) Кажется, слова Шатобріана. *Прим. Пушк.*

lib.pushkinskijdom.ru

M-me de Staël и говорили бы вамъ тирады изъ Коринны. Знайте, что кто шутитъ съ женщиною, тотъ можетъ не шутить передъ лицемъ отечества и его непріятелемъ.» — Съ этимъ словомъ онъ отвернулся. Я думала, что они навсегда поссорились, но ошиблась: Полинѣ понравилась дерзость моего брата; она простила ему неумѣстную шутку за благородный порывъ негодованія и, узнавъ чрезъ недѣлю, что онъ вступилъ въ Мамоновскій полкъ, сама просила, чтобъ я ихъ помирила. Братъ былъ въ восторгѣ. Онъ тутъ же предложилъ ей свою руку. Она согласилась, но отсрочила свою свадьбу до конца войны. На другой день братъ мой отправился въ армію.

Наполеонъ шелъ на Москву; наши отступали; Москва тревожилась; жители ея выбирались одинъ за другимъ. Князь и княгиня уговорили матушку вмѣстѣ ѣхать въ ихъ ***скую деревню.

lib.pushkinskijdom.ru

V.

ДУБРОВСКІЙ.

(1832.)

—

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ помѣстій своихъ, жилъ старинный Русскій баринъ, Кирила Петровичъ Троекуровъ. Его богатство, знатный родъ и связи давали ему большой вѣсъ въ той губерніи, гдѣ находилось его имѣніе. Избалованный всѣмъ, что только окружало его, онъ привыкъ давать полную волю каждому порыву пылкаго своего нрава и всѣмъ затѣямъ довольно ограниченнаго ума. Сосѣды рады были угождать малѣйшимъ его прихотямъ; губернскіе чиновники трепетали при его имени. Кирила Петровичъ принималъ всѣ знаки подобострастія, какъ надлежащую дань. Домъ его всегда былъ полонъ гостями, готовыми тѣшить его барскую праздность, раздѣляя шумныя, а иногда и буйныя его увеселенія. Никто не дерзалъ отказываться отъ его приглашеній или въ извѣстные дни не являться съ должнымъ почтеніемъ въ село Покровское. Кирила Петровичъ былъ великій хлѣбосолъ и, несмотря на необыкновенную силу физиче-

lib.pushkinskijdom.ru

скихъ способностей, раза два въ недѣлю страдалъ отъ обжорства и каждый вечеръ былъ навеселѣ.

Всегдашнія занятія Покровскаго помѣщика состояли въ разъѣздахъ около пространныхъ его владѣній, въ продолжительныхъ пирахъ и въ проказахъ, ежедневно притомъ изобрѣтаемыхъ, жертвою коихъ бывалъ обыкновенно какой нибудь новой знакомецъ, хотя и старинные пріятели не всегда ихъ избѣгали, за исключеніемъ одного Андрея Гавриловича Дубровскаго. Сей Дубровскій, отставной Поручикъ Гвардіи, былъ ему ближайшимъ сосѣдомъ и владѣлъ семьюдесятью душами. Троекуровъ, надменный въ сношеніяхъ съ людьми самаго высшаго званія, уважалъ Дубровскаго, несмотря на его бѣдность. Нѣкогда были они товарищами по службѣ, и Троекуровъ зналъ по опыту нетерпѣливость и рѣшительность его характера. Обстоятельства разлучили ихъ надолго: Троекуровъ пошелъ въ гору; Дубровскій, съ разстроеннымъ состояніемъ, принужденъ былъ выйти въ отставку и поселиться въ остальной своей деревнѣ. Кирила Петровичъ, узнавъ о томъ, предлагалъ ему свое покровительство; но Дубровскій благодарилъ его и остался бѣденъ и независимъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Троекуровъ, отставной Генералъ-Аншефъ, пріѣхалъ въ свое помѣстье; они свидѣлись и обрадовались другъ другу. Съ тѣхъ поръ каждый день бывали вмѣстѣ, и Кирила Петровичъ, отъ роду неудостоивавшій никого своимъ посѣщеніемъ, заѣзжалъ запросто въ домишко стараго своего товарища. Будучи ровесниками, рожденные въ одномъ сословіи, воспитанные одинаково, они сходствовали отчасти въ характерѣ и наклонностяхъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и судьба ихъ была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовѣли, у обоихъ оставалось по ребенку. Сынъ Дубровскаго воспитывался въ Петербургѣ, дочь Кирилы Петровича росла въ глазахъ родителя, и Троекуровъ часто говаривалъ Дубровскому: «Слушай, братъ Андрей Гаврилычъ, когда въ твоемъ Володькѣ будетъ путь, такъ отдамъ за него Машу, даромъ что онъ голъ какъ соколъ.» Андрей Гавриловичъ качалъ головою и отвѣчалъ обыкновенно: «Нѣтъ, Кирила Петровичъ, мой Володька не женихъ

lib.pushkinskijdom.ru

Марьѣ Кириловнѣ. Бѣдному дворянчику, каковъ онъ, лучше жениться на бѣдной дворяночкѣ, да быть главою въ домѣ, нежели сдѣлаться прикащикомъ избалованной бабёнки.»

Всѣ завидовали согласію, царствовавшему между надменнымъ Троекуровымъ и бѣднымъ его сосѣдомъ и удивлялись смѣлости послѣдняго, когда онъ за столомъ у Кирилы Петровича прямо высказывалъ свое мнѣніе, не заботясь о томъ, противорѣчило ли оно мнѣніямъ хозяина. Нѣкоторые было пытались ему подражать и выйти изъ должнаго повиновенія; но Кирила Петровичъ пугнулъ ихъ такъ, что навсегда у нихъ отбилъ охоту къ таковымъ покушеніямъ; а Дубровскій остался одинъ внѣ общаго закона. Нечаянный случай все разстроилъ и перемѣнилъ.

Разъ, въ началѣ осени, Кирила Петровичъ собирался въ отъѣзжее поле. Наканунѣ отданъ былъ приказъ псарямъ и стремяннымъ быть готовыми къ пяти часамъ утра. Палатка и кухня отправлены были впередъ на мѣсто, гдѣ Кирила Петровичъ долженъ былъ обѣдать. Хозяинъ и гости пошли на псарный дворъ, гдѣ болѣе пятисотъ гончихъ и борзыхъ жили въ довольствѣ и теплѣ, прославляя щедрость Кирилы Петровича на своемъ собачьемъ языкѣ. Тутъ же находился и лазаретъ для больныхъ собакъ, подъ присмотромъ штабъ-лекаря Тимошки, и отдѣленіе, гдѣ суки ощенялись и кормили своихъ щенятъ. Кирила Петровичъ гордился симъ прекраснымъ заведеніемъ и никогда не упускалъ случая похвастать онымъ предъ своими гостями, изъ коихъ каждый осматривалъ его по крайней мѣрѣ уже въ двадцатый разъ. Онъ расхаживалъ по псарьнѣ, окруженный своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями, останавливался предъ нѣкоторыми конурами, то разспрашивая о здоровьѣ больныхъ, то дѣлая замѣчанія болѣе или менѣе строгія и справедливыя, то подзывая къ себѣ знакомыхъ собакъ и ласково съ ними разговаривая. Гости почитали обязанностію восхищаться псарнею Кирила Петровича; одинъ Дубровскій молчалъ и хмурился; онъ былъ горячій охотникъ, но его состояніе позволяло ему держать только двухъ гончихъ и одну борзую суку, и онъ не могъ удержаться отъ нѣкоторой зависти при видѣ сего

lib.pushkinskijdom.ru

великолѣпнаго заведенія. «Что же ты нахмурился, братъ», спросилъ его Кирила Петровичъ: «или псарьня моя тебѣ не нравится?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ Дубровскій сурово: «псарьня чудная; врядъ ли людямъ вашимъ житье такое, какъ вашимъ собакамъ.» Одинъ изъ псарей обидѣлся. «Мы на свое житье», сказалъ онъ: «благодаря Бога и барина, не жалуемся; а что правда, то правда, иному и барину не худо бы промѣнять усадьбу свою на любую здѣшнюю конуру: ему было бы и сытнѣе и теплѣе.» Кирила Петровичъ громко засмѣялся при дерзкомъ замѣчаніи своего холопа, а гости вслѣдъ за нимъ захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла относиться и къ нимъ. Дубровскій поблѣднѣлъ и не сказалъ ни слова. Въ сіе время поднесли Кирилѣ Петровичу въ лукошкѣ новорожденныхъ щенятъ; онъ занялся ими, выбралъ двухъ, а прочихъ велѣлъ утопить. Между тѣмъ, Андрей Гавриловичъ скрылся, и никто того не замѣтилъ.

Возвратясь съ гостями со псарнаго двора, Кирила Петровичъ сѣлъ ужинать и тогда только, не видя Дубровскаго, хватился его. Люди отвѣчали, что Андрей Гавриловичъ уѣхалъ домой. Троекуровъ тотчасъ велѣлъ его догнать и воротить непремѣнно. Отъ роду не выѣзжалъ онъ на охоту безъ Дубровскаго, опытнаго и тонкаго цѣнителя псовыхъ достоинствъ и безошибочнаго рѣшителя всѣхъ возможныхъ охотничьихъ споровъ. Слуга, поскакавшій за нимъ, воротился, когда еще сидѣли за столомъ, и доложилъ своему господину, что-дескать Андрей Гавриловичъ не послушался и не хотѣлъ воротиться. Кирила Петровичъ, по обыкновенію своему, разгоряченный наливкою, осердился и вторично послалъ того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если онъ тотчасъ же не пріѣдетъ ночевать въ Покровское, то онъ, Троекуровъ, разсорится съ нимъ на вѣки. Слуга снова поскакалъ. Кирила Петровичъ всталъ изъ-за стола, отпустилъ гостей и отправился спать.

На другой день первый вопросъ его былъ: «здѣсь ли Андрей Гавриловичъ?» Ему подали письмо, сложенное треугольникомъ. Кирила Петровичъ приказалъ своему писарю читать его вслухъ и услышалъ слѣдующее:

lib.pushkinskijdom.ru

«Государь мой премилосердый!

«Я до тѣхъ поръ не намѣренъ пріѣхать въ Покровское, пока не вышлете вы мнѣ псаря Парамошку съ повинною; а будетъ моя воля наказать его или помиловать; а я терпѣть шутокъ отъ вашихъ холоповъ не намѣренъ, да и отъ васъ ихъ не стерплю, потому что я не шутъ, а старинный дворянинъ. За симъ остаюсь покорный ко услугамъ

«Андрей Дубровскій.»

По нынѣшнимъ понятіямъ объ этикетѣ, такое письмо было бы весьма неприличнымъ; но оно разсердило Кирила Петровича не страннымъ слогомъ, а только своею сущностію. «Какъ!» закричалъ Троекуровъ, вскочивъ съ постели босой: «высылать моихъ людей къ нему съ повинною! онъ воленъ ихъ наказывать и миловать! да что онъ въ самомъ дѣлѣ затѣялъ? да знаетъ ли онъ, съ кѣмъ связывается? вотъ я жъ ево! наплачется онъ у меня! узнаетъ, каково итти на Троекурова.»

Кирила Петровичъ одѣлся и выѣхалъ на охоту съ обыкновенною своею пышностію. Но охота не удалась; во весь день видѣли только одного зайца и того протравили; обѣдъ въ полѣ подъ палаткой также не удался или по крайней мѣрѣ былъ не по вкусу Кирила Петровича, который прибилъ повара, разбранилъ гостей и на возвратномъ пути со всею своею охотою нарочно поѣхалъ полями Дубровскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прошло нѣсколько дней, и вражда между двумя сосѣдями не унималась. Андрей Гавриловичъ не возвращался уже въ Покровское, а Кирила Петровичъ безъ него скучалъ, и досада его изливалась въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, которыя, благодаря усердію тамошнихъ дворянъ, доходили до Дубровскаго исправленныя и дополненныя. Новое обстоятельство уничтожило и послѣднюю надежду на примиреніе.

lib.pushkinskijdom.ru

Дубровскій объѣзжалъ однажды малое свое владѣніе ; приближаясь къ березовой рощѣ , услышалъ онъ удары топора и чрезъ минуту трескъ повалившагося дерева ; онъ поспѣшилъ туда и наѣхалъ на Покровскихъ мужиковъ, ворующихъ его лѣсъ. Увидя его, они бросились было бѣжать; но Дубровскій съ своимъ кучеромъ поймалъ одного изъ нихъ , котораго привелъ связаннаго къ себѣ на дворъ ; сверхъ того двѣ лошади непріятельскія достались тутъ же въ добычу побѣдителю. Дубровскій былъ чрезвычайно сердитъ ; прежде сего никогда люди Троекурова , извѣстные разбойники , не осмѣливались шалить въ предѣлахъ его владѣнія, зная короткую связь его съ ихъ господиномъ ; теперь Дубровскій увидѣлъ , что они пользуются разрывомъ , происшедшимъ между нимъ и его сосѣдомъ , и рѣшился , вопреки всѣмъ понятіямъ о правѣ войны, проучить своихъ плѣнниковъ прутьями, коими они сами запаслись въ его рощѣ , а лошадей отдать въ работу, приписавъ къ барскому скоту.

Слухъ о семъ происшествіи въ тотъ же день достигъ до ушей Кирила Петровича. Онъ вышелъ изъ себя и въ первую минуту гнѣва хотѣлъ было со всѣми своими дворовыми учинить нападеніе на Кистеневку (такъ называлась деревня его сосѣда) , разорить ее до тла и осадить самого помѣщика въ его усадьбѣ ; таковые подвиги были ему не въ диковинку ; но мысли его приняли вскорѣ другое направленіе. Расхаживая тяжелыми шагами взадъ и впередъ по залѣ , онъ взглянулъ нечаянно въ окно и увидѣлъ у воротъ остановившуюся тройку ; человѣкъ, въ кожаномъ картузѣ и въ фризовой шинели , вышелъ изъ телеги и пошелъ во флигель къ прикащику. Троекуровъ узналъ Засѣдателя Шабашкина и велѣлъ его позвать. Чрезъ минуту уже Шабашкинъ стоялъ предъ Кирилою Петровичемъ , отвѣшивая поклонъ за поклономъ и съ благоговѣніемъ ожидая, что онъ ему скажетъ.

«Здорово... какъ бишь тебя зовутъ?» сказалъ Троекуровъ: «зачѣмъ пожаловалъ?»

— Я ѣхалъ въ городъ, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ Шабашкинъ : и заѣхалъ къ Ивану Демьянову узнать , не будетъ ли какихъ приказаній.

lib.pushkinskijdom.ru

«Очень кстати заѣхалъ... какъ бишь тебя зовутъ? мнѣ до тебя нужда; выпей водки и выслушай.»

Таковой ласковый пріемъ пріятно изумилъ Засѣдателя; онъ отказался отъ водки и сталъ слушать Кирилу Петровича со всевозможнымъ вниманіемъ.

«У меня сосѣдъ есть», сказалъ Троекуровъ: «мелкопомѣстный, грубіянъ; я хочу взять у него имѣніе... какъ ты объ этомъ думаешь?»

— Ваше высокопревосходительство, имѣются ли какіе нибудь документы?...

«Врешь, братецъ... какъ бишь тебя? какіе тутъ документы? Дѣло въ томъ, чтобы отнять имѣніе и съ документами и безъ документовъ.»

— Ваше высокопревосходительство, мудрено.

«Подумай, братецъ, поищи хорошенько.»

— Если бы, напримѣръ; ваше высокопревосходительство могли достать какимъ нибудь образомъ отъ сосѣда запись, въ силу которой владѣетъ онъ своимъ имѣніемъ, то, конечно....

«Понимаю, да вотъ бѣда: у него всѣ бумаги сгорѣли во время пожара.»

— Какъ, ваше высокопревосходительство, бумаги его сгорѣли? Чего же вамъ лучше? въ такомъ случаѣ извольте дѣйствовать по законамъ: безъ всякаго сомнѣнія, получите совершенное удовольствіе.

«Ты думаешь? Ну, смотри же, я полагаюсь на твое усердіе, а въ благодарности моей можешь быть увѣренъ.»

Шабашкинъ, поклонившись почти до земли, вышелъ вонъ, съ того же дня сталъ хлопотать по замышленному дѣлу, и, благодаря его проворству, ровно чрезъ двѣ недѣли Дубровскій получилъ изъ города приглашеніе явиться въ судъ и представить документы, въ силу которыхъ онъ владѣетъ сельцомъ Кистеневкою.

Андрей Гавриловичъ изумился и въ тотъ же день написалъ въ отвѣтъ довольно грубое отношеніе, въ коемъ объяснялъ онъ, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойнаго его роди-

lib.pushkinskijdom.ru

теля, что онъ владѣетъ имъ по праву наслѣдства, что Троекурову до него дѣла нѣтъ, и что всякое постороннее притязаніе на сію его собственность — есть ябеда и мошенничество.

Это письмо произвело весьма пріятное впечатлѣніе въ душѣ Засѣдателя Шабашкина; онъ увидѣлъ, во-первыхъ, что Дубровскій мало знаетъ толку въ дѣлахъ; во-вторыхъ, что человѣка столь горячаго и неосмотрительнаго не трудно будетъ поставить въ самое невыгодное положеніе.

Андрей Гавриловичъ, разсмотрѣвъ хладнокровно сдѣланный ему запросъ, увидѣлъ необходимость отвѣчать обстоятельнѣе; онъ написалъ довольно дѣльную бумагу; но она въ послѣдствіи оказалась недостаточною.

Дѣло стало тянуться. Увѣренный въ своей правотѣ, Андрей Гавриловичъ мало о немъ заботился, не имѣлъ ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньгами, первый трунилъ надъ продажною совѣстью чернильнаго племени, и мысль сдѣлаться жертвою ябеды не приходила ему въ голову. Съ своей стороны Троекуровъ столь же мало думалъ о выигрышѣ затѣяннаго имъ дѣла: Шабашкинъ за него хлопоталъ, дѣйствуя отъ его имени, стращая и подкупая судей и толкуя вкривь и вкось всѣ возможные указы. Какъ бы то ни было, 18.... года, Февраля 9-го дня, Дубровскій получилъ чрезъ городовую полицію приглашеніе явиться въ *** Земскій Судъ для выслушанія рѣшенія онаго по дѣлу спорнаго имѣнія между имъ Поручикомъ Дубровскимъ и Генералъ-Аншефомъ Троекуровымъ, и для подписки своего удовольствія или неудовольствія. Въ тотъ же день Дубровскій отправился въ городъ; на дорогѣ обогналъ его Троекуровъ; они гордо взглянули другъ на друга, и Дубровскій замѣтилъ злобную улыбку на лицѣ своего противника.

Пріѣхавъ въ городъ, Андрей Гавриловичъ остановился у знакомаго купца, ночевалъ у него и на другой день утромъ явился въ присутствіе Уѣзднаго Суда. Никто не обратилъ на него вниманія. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и Кирила Петровичъ; члены встрѣтили его съ изъявленіемъ глубокаго подобострастія, при-

lib.pushkinskijdom.ru

двинули къ нему кресла, изъ уваженія къ его чину, лѣтамъ и дородности; онъ сѣлъ; Андрей Гавриловичъ, стоя, прислонился къ стѣнѣ. Настала глубокая тишина, и Секретарь началъ звонкимъ голосомъ читать опредѣленіе суда. О содержаніи его говорить не нужно. Секретарь умолкнулъ; Засѣдатель всталъ и съ низкимъ поклономъ обратился къ Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу. Торжествующій Троекуровъ взялъ изъ рукъ его перо и подписалъ подъ рѣшеніемъ суда свое совершенное удовольствіе.

Очередь была за Дубровскимъ. Секретарь поднесъ ему бумагу; но Дубровскій стоялъ неподвижно, потупя голову. Секретарь повторилъ ему свое приглашеніе: «подписать свое полное и совершенное удовольствіе, или свое явное неудовольствіе, если, паче чаянія, чувствуетъ по совѣсти, что дѣло его есть правое и намѣренъ въ положенное законами время просить по апелляціи, куда слѣдуетъ.»

Дубровскій молчалъ.... вдругъ онъ поднялъ голову, глаза его засверкали, онъ топнулъ ногою, оттолкнулъ Секретаря съ такою силою, что тотъ упалъ, схватилъ чернильницу и пустилъ ею въ Засѣдателя. Всѣ пришли въ ужасъ. Сторожа сбѣжались на шумъ и на силу имъ овладѣли. Его вывели и усадили въ сани. Троекуровъ вышелъ вслѣдъ за нимъ, сопровождаемый всѣмъ Судомъ; внезапное сумасшествіе Дубровскаго сильно подѣйствовало на его воображеніе; судьи, надѣявшіеся на его благодарность, не удостоились получить отъ него ни единаго привѣтливаго слова; онъ тотчасъ отправился въ Покровское, втайнѣ мучимый совѣстію и не вполнѣ удовлетворенный торжествомъ своей ненависти. Дубровскій, между тѣмъ, лежалъ въ постели; Уѣздный Лекарь (не совсѣмъ невѣжа) успѣлъ пустить ему кровь, приставить піявки и шпанскія мухи; къ вечеру стало ему легче, и на другой день отвезли его въ Кистеневку, почти уже ему не принадлежащую.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Прошло нѣсколько времени, а здоровье больнаго Дубровскаго было все еще плохо. Правда, припадки сумасшествія уже не возобновлялись, но силы его примѣтно ослабѣвали. Онъ забывалъ свои прежнія занятія, рѣдко выходилъ изъ своей комнаты и задумывался по цѣлымъ суткамъ. Егоровна, добрая старуха, нѣкогда ходившая за его сыномъ, теперь сдѣлалась его нянькою. Она смотрѣла за нимъ какъ за ребенкомъ, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гавриловичъ повиновался ей и кромѣ ея не имѣлъ ни съ кѣмъ сношенія. Онъ былъ не въ состояніи думать о своихъ дѣлахъ, о хозяйственныхъ распоряженіяхъ, и Егоровна увидѣла необходимость увѣдомить обо всемъ молодаго Дубровскаго, служившаго въ одномъ изъ Гвардіи пѣхотныхъ полковъ и находящагося въ то время въ Петербургѣ. И такъ, отодравъ листъ отъ расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному Кистеневскому грамотѣю, письмо, которое въ тотъ же день и отослала въ городъ на почту.

Но пора читателя познакомить съ настоящимъ героемъ нашей повѣсти.

Владиміръ Дубровскій воспитывался въ Кадетскомъ корпусѣ и выпущенъ былъ корнетомъ въ Гвардію. Отецъ не щадилъ ничего для приличнаго его содержанія, и молодой человѣкъ получалъ изъ дому болѣе, нежели долженъ былъ ожидать. Будучи пылокъ и честолюбивъ, онъ позволялъ себѣ роскошныя прихоти; игралъ въ карты, входилъ въ долги и, не заботясь о будущемъ, иногда мимоходомъ думалъ, что рано или поздно ему придется взять богатую невѣсту.

Однажды вечеромъ, когда нѣсколько офицеровъ сидѣли у него, развалившись по диванамъ и куря изъ его янтарей, Гриша, его каммердинеръ, подалъ ему письмо, коего надпись и печать тотчасъ поразили молодаго человѣка. Онъ поспѣшно распечаталъ и прочелъ слѣдующее:

lib.pushkinskijdom.ru

«Государь ты нашъ Владиміръ Адреевичъ, я, твоя старая нянька, осмѣлюсь доложить тебѣ о здоровьѣ папенькиномъ. Онъ очень плохъ, иногда заговаривается, и весь день сидитъ какъ дитя глупое — а въ животѣ и смерти Богъ воленъ — пріѣзжай ты къ намъ, соколикъ мой ясный, мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное. Слышно, Земскій Судъ къ намъ ѣдетъ отдать насъ подъ началъ Кирилу Петровичу Троекурову — потому что мы-дескать ихніе, а мы искони ваши — и отъ роду того не слыхивали. Ты бы могъ, живя въ Петербургѣ, доложить о томъ Царю-Батюшкѣ, а Онъ бы не далъ насъ въ обиду. Остаюсь твоя вѣрная раба нянька Арина Егоровна Бузырева.»

Владиміръ Дубровскій съ волненіемъ нѣсколько разъ сряду прочиталъ сіи довольно безтолковыя строки. Онъ лишился матери въ малолѣтствѣ и, почти не зная отца своего, былъ привезенъ въ Петебургъ на восьмомъ году своего возраста. За всѣмъ тѣмъ онъ романически былъ къ нему привязанъ и тѣмъ болѣе любилъ семейственную жизнь, чѣмъ менѣе успѣлъ насладиться ея тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положеніе бѣднаго больнаго, которое угадывалъ онъ по письму своей няни, ужасало его. Онъ воображалъ отца, оставшагося въ глухой деревнѣ, на рукахъ глупой старухи и дворни.... угрожаемаго какимъ-то бѣдствіемъ и угасающаго безъ помощи, въ мученіяхъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Владиміръ Андреевичъ упрекалъ себя въ преступномъ небреженіи. Долго не получая отъ отца никакого извѣстія, онъ и не подумалъ о немъ освѣдомиться, полагая его въ разъѣздахъ или хозяйственныхъ заботахъ.

Онъ рѣшился къ нему ѣхать и даже выйти въ отставку, если болѣзненное состояніе отца потребуетъ его присутствія. Товарищи, замѣтя его безпокойство, ушли. Владиміръ, оставшись одинъ, написалъ просьбу объ отпускѣ, закурилъ трубку и погрузился въ глубокое размышленіе . . . . . .

Владиміръ Андреевичъ приближался къ той станціи, съ которой онъ долженъ былъ своротить на Кистеневку. Сердце его исполнено было печальныхъ предчувствій: онъ боялся уже не

lib.pushkinskijdom.ru

застать отца въ живыхъ ; онъ воображалъ грустный образъ жизни, ожидающей его въ деревнѣ; глушь, безлюдье, бѣдность и хлопоты по дѣламъ, въ коихъ онъ не зналъ никакого толку. Пріѣхавъ на станцію , онъ вошелъ къ Смотрителю и спросилъ вольныхъ лошадей. Смотритель освѣдомился , куда надобно было ему ѣхать, объявилъ, что лошади, присланныя изъ Кистенева, ожидали его уже четвертыя сутки. Вскорѣ явился къ Владиміру Андреевичу старый кучеръ Антонъ , нѣкогда водившій его по конюшнѣ и смотрѣвшій за его маленькой лошадкою. Антонъ прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказалъ ему, что старый его баринъ еще живъ, и побѣжалъ запрягать лошадей. Владиміръ Андреевичъ отказался отъ предлагаемаго завтрака и спѣшилъ отправиться. Антонъ повезъ его проселочными дорогами, и между ними завязался разговоръ.

«Скажи , пожалуйста , Антонъ , какое дѣло у отца моего съ Троекуровымъ?»

— А Богъ ихъ вѣдаетъ, батюшка Владиміръ Андреевичъ; баринъ , слышь , не поладилъ съ Кирилой Петровичемъ , а тотъ и подалъ въ судъ — хоть почасту онъ самъ себѣ судія. Не наше холопье дѣло разбирать барскія ихъ воли; а ей-Богу, напрасно батюшка вашъ пошелъ на Кирилу Петровича: плетью обуха не перешибешь.

«Такъ видно этотъ Кирила Петровичъ у васъ дѣлаетъ, что хочетъ?»

— И вѣстимо , баринъ : Засѣдателя , слышь , онъ и въ грошъ не ставитъ , Исправникъ у него на посылкахъ ; господа съѣзжаются къ нему на поклонъ ; и то сказать , было бы корыто , а свиньи-то будутъ.

«Правда ли, что отымаетъ онъ у насъ имѣніе?»

— Охъ , баринъ , слышали такъ и мы. На дняхъ Покровскій пономарь сказалъ на крестинахъ у нашего старосты : полно вамъ гулять; вотъ ужо приберетъ васъ къ рукамъ Кирила Петровичъ; а Микита кузнецъ сказалъ ему: полно , Савельичъ , не печаль кума , не мути гостей. Кирила Петровичъ самъ по себѣ , а Ан-

lib.pushkinskijdom.ru

дрей Гаврилычъ самъ по себѣ — а всѣ мы Божіи да Государевы; а на чужой ротъ пуговицы не нашьешь.

«Стало быть, вы не желаете перейти во владѣніе Троекурова?»

— Во владѣніе Кирилы Петровича! Господь упаси и избави! у него тамъ и своимъ плохо приходится, а достанутся чужіе, такъ онъ съ нихъ не только шкуру, да и мясо-то отдеретъ. Нѣтъ, дай Богъ долго здравствовать Андрею Гавриловичу; а коли ужъ Богъ его приберетъ, такъ не надо намъ никого, кромѣ тебя, нашъ кормилецъ. Не выдавай ты насъ, а мы ужъ за тебя станемъ.

При сихъ словахъ Антонъ размахнулъ кнутомъ, тряхнулъ возжами, и лошади побѣжали крупной рысью.

Тронутый преданностію стараго кучера, Дубровскій замолчалъ и предался своимъ размышленіямъ. Прошло болѣе часу; вдругъ Гриша пробудилъ его восклицаніемъ: *Вотъ Покровское!* Дубровскій поднялъ голову. Онъ ѣхалъ берегомъ широкаго озера, изъ котораго вытекала рѣчка, извивавшаяся между холмами. На одномъ изъ нихъ, надъ густою зеленью рощи, возвышалась зеленая кровля и бельведеръ огромнаго каменнаго дома, пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенскія избы, съ ихъ огородами и колодцами. Дубровскій узналъ сіи мѣста; онъ вспомнилъ, что на семъ самомъ холмѣ игралъ онъ съ маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже обѣщала быть красавицею. Онъ хотѣлъ о ней освѣдомиться у Антона; но какая-то застѣнчивость удержала его.

Подъѣхавъ къ господскому дому, онъ увидѣлъ бѣлое платье, мелькающее между деревьями сада. Въ это время Антонъ ударилъ по лошадямъ и, повинуясь честолюбію общему и деревенскимъ кучерамъ, какъ и извощикамъ, пустился во весь духъ черезъ мостъ и мимо сада. Выѣхавъ изъ деревни, поднялись они на гору, и Владиміръ увидѣвъ березовую рощу, а влѣво, на открытомъ мѣстѣ — сѣренькій домикъ съ красною кровлею; сердце въ

lib.pushkinskijdom.ru

немъ забилось — передъ нимъ была Кистеневка и бѣдный домъ отца его.

Черезъ десять минутъ въѣхалъ онъ на барскій дворъ. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ неописаннымъ. 12 лѣтъ не видалъ онъ своей родины. Березки, которыя при немъ только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслась спутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнавъ Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала изъ людскихъ избъ и окружила молодаго барина съ шумными изъявленіями радости. На силу могъ онъ продраться сквозь ихъ усердную толпу и взбѣжалъ на ветхое крыльцо; въ сѣняхъ встрѣтила его Егоровна и съ плачемъ обняла своего воспитанника. — «Здорово, здорово, няня, повторялъ онъ, прижимая къ сердцу добрую старуху: что батюшка, гдѣ онъ? каковъ онъ?» Въ эту минуту въ залу вошелъ, на силу передвигая ноги, старикъ высокаго роста, блѣдный и худой, въ халатѣ и колпакѣ. «Гдѣ жъ Володька?» сказалъ онъ слабымъ голосомъ, и Владиміръ съ жаромъ обнялъ отца своего. Радость произвела въ больномъ слишкомъ сильное потрясеніе, онъ ослабѣлъ, ноги подъ нимъ подкосились, и онъ бы упалъ, если бы сынъ не поддержалъ его. «Зачѣмъ ты всталъ съ постели», говорила ему Егоровна: «на ногахъ не стоитъ, а туда же норовитъ, куда и люди.» Старика отнесли въ спальню. Онъ силился съ нимъ разговаривать; но мысли мѣшались въ его головѣ, и слова его не имѣли никакой связи. Онъ замолчалъ и впалъ въ усыпленіе. Владиміръ пораженъ былъ его состояніемъ. Онъ расположился въ его спальнѣ и просилъ оставить его наединѣ съ отцемъ. Домашніе повиновались, и тогда всѣ обратились къ Гришѣ и повели его въ людскую, гдѣ и угостили его по деревенскому со всевозможнымъ радушіемъ, измучивъ его вопросами и привѣтствіями.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда, молодой Дубровскій хотѣлъ заняться дѣлами, но отецъ его былъ не въ состояніи дать ему нужныя объясненія; не было повѣреннаго у Андрея Гавриловича. Разбирая его бумаги, нашелъ онъ только первое письмо Засѣдателя и черновой отвѣтъ на оное. Изъ этого не могъ онъ получить ясное понятіе о тяжбѣ и рѣшился ожидать послѣдствій, надѣясь на правоту самого дѣла.

Между тѣмъ, здоровье Андрея Гавриловича часъ отъ часу становилось хуже. Владиміръ предвидѣлъ его скорое разрушеніе и не отходилъ отъ старика, впадшаго въ совершенное дѣтство.

Между тѣмъ, срокъ положенный прошелъ, и апелляція не была подана. Кистенево принадлежало Троекурову. Шабашкинъ явился къ нему съ поклонами и поздравленіями и просьбою назначить: «когда угодно будетъ Троекурову вступить во владѣніе новоприобрѣтеннымъ имѣніемъ — самому или кому изволитъ онъ дать на то довѣренность?» Кирила Петровичъ смутился. Отъ природы не былъ онъ корыстолюбивъ; желаніе мести завлекло его слишкомъ далеко; совѣсть его роптала. Онъ зналъ, въ какомъ состояніи находился его противникъ, старый товарищъ его молодости, и побѣда не радовала его сердца. Онъ грозно взглянулъ на Шабашкина, ища къ чему привязаться, чтобъ его выбранить, но, не нашедъ достаточнаго къ тому предлога, сказалъ ему сердито: «Пошелъ вонъ; не до тебя!» Шабашкинъ, видя, что онъ не въ духѣ, поклонился и спѣшилъ удалиться, а Кирила Петровичъ, оставшись наединѣ, сталъ расхаживать взадъ и впередъ, насвистывая: *Громъ побѣды раздавайся,* что всегда означало въ немъ необыкновенное волненіе мыслей.

Наконецъ онъ велѣлъ запрячь себѣ бѣговыя дрожки, одѣлся потеплѣе (это было уже въ концѣ сентября) и, самъ правя, выѣхалъ со двора.

lib.pushkinskijdom.ru

Вскорѣ завидѣлъ онъ домикъ Андрея Гавриловича. Противоположныя чувства наполнили душу его. Удовлетворенное мщеніе и властолюбіе заглушали до нѣкоторой степени чувства болѣе благородныя, но послѣднія наконецъ восторжествовали. Онъ рѣшился помириться со старымъ своимъ сосѣдомъ, уничтожить и слѣды ссоры, возвратить ему его достояніе. Облегчивъ душу симъ благимъ намѣреніемъ, Кирила Петровичъ пустился рысью къ усадьбѣ своего сосѣда — и въѣхалъ прямо на дворъ.

Въ это время больной сидѣлъ въ спальной у окна. Онъ узналъ Кирилу Петровича — и ужасное смятеніе изобразилось на лицѣ его: багровый румянецъ заступилъ мѣсто обыкновенной блѣдности, глаза засверкали, онъ произнесъ невнятные звуки. Сынъ его, сидѣвшій тутъ за хозяйственными книгами, поднялъ голову и пораженъ былъ его состояніемъ. Больной указывалъ пальцемъ на дворъ, съ видомъ ужаса и гнѣва. Онъ торопился подбирать полы своего халата, собираясь встать съ креселъ, приподнялся — и вдругъ упалъ. Сынъ бросился къ нему; старикъ лежалъ безъ чувствъ, безъ дыханія: параличъ его ударилъ. «Скорѣй, скорѣй въ городъ, за лекаремъ!» кричалъ Владиміръ. — «Кирила Петровичъ спрашиваетъ васъ», сказалъ вошедшій слуга. Владиміръ бросилъ на него ужасный взглядъ. «Скажи Кирилу Петровичу, чтобъ онъ скорѣе убирался, пока я не велѣлъ его выгнать со двора... пошелъ!» Слуга радостно побѣжалъ исполнить приказаніе своего барина. Егоровна всплеснула руками. «Батюшка ты нашъ», сказала она пискливымъ голосомъ: «погубишь ты свою головушку! Кирила Петровичъ съѣстъ насъ.» — «Молчи, няня», сказалъ съ сердцемъ Владиміръ. «Сейчасъ пошли Антона въ городъ за лекаремъ.» Егоровна вышла. Въ передней никого не было: всѣ люди сбѣжались на дворъ смотрѣть на Кирилу Петровича. Они вышли на крыльцо и услышали отвѣтъ слуги отъ имени молодаго барина. Кирила Петровичъ выслушалъ его, сидя на дрожкахъ; лицо его стало мрачнѣе ночи; онъ съ презрѣніемъ улыбнулся, грозно взглянулъ на дворню и поѣхалъ шагомъ около двора. Онъ взглянулъ и въ окошко, гдѣ за минуту передъ симъ сидѣлъ Андрей Гавриловичъ, но гдѣ ужъ его не было. Няня

lib.pushkinskijdom.ru

стояла на крыльцѣ, забывъ о приказаніи барина. Дворня съ шумомъ толковала о семъ происшествіи. Вдругъ Владиміръ явился между людьми и отрывисто сказалъ: «не надобно лекаря — батюшка скончался.»

Сдѣлалось смятеніе. Люди бросились въ комнату стараго барина. Онъ лежалъ въ креслахъ, на которыя перенесъ его Владиміръ; правая рука его висѣла до полу, голова спущена была на грудь — не было уже и признака жизни въ семъ тѣлѣ, еще не охладѣломъ, но уже обезображенномъ кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили трупъ, оставленный на ихъ попеченіе — обмыли его, одѣли въ мундиръ, шитый еще въ 1797 году, и положили на тотъ самый столъ, за которымъ столько лѣтъ они служили своему господину.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Похороны совершились на третій день. Тѣло бѣднаго старика лежало въ гробѣ, покрытое саваномъ и окруженное свѣчами. Столовая полна была дворовыхъ, готовившихся къ выносу. Владиміръ и слуги подняли гробъ. Священникъ пошелъ впередъ, дьячекъ за нимъ, воспѣвая погребальныя молитвы. Хозяинъ Кистенева въ послѣдній разъ перешелъ за порогъ своего дома. Гробъ понесли рощею — церковь находилась за нею. День былъ ясный и холодный; осенніе листья падали съ деревъ. При выходѣ изъ рощи, увидѣли Кистеневскую деревянную церковь и кладбище, осѣненное старыми липами. Тамъ покоилось тѣло Владиміровой матери; тамъ, подлѣ могилы ея, наканунѣ вырыта была свѣжая яма. Церковь полна была Кистеневскими крестьянами, пришедшими отдать послѣднее поклоненіе господину своему. Молодой Дубровскій сталъ у крылоса; онъ не плакалъ и не молился; но лице его было страшно. Печальный обрядъ кончился. Владиміръ первый пошелъ прощаться съ тѣломъ, за нимъ и всѣ дворовые; принесли крышку и заколотили гробъ. Бабы громко выли, мужики нерѣдко утирали слезы кулакомъ. Владиміръ и тѣ же

lib.pushkinskijdom.ru

трое слугъ понесли гробъ на кладбище, въ сопровожденіи всей деревни. Гробъ опустили въ могилу — всѣ присутствующіе бросили въ нее по горсти песку — яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владиміръ поспѣшно удалился, всѣхъ опередилъ и скрылся въ Кистеневскую рощу.

Егоровна отъ имени его пригласила попа и весь причетъ церковный на похоронный обѣдъ, объявивъ, что молодой баринъ не намѣренъ на ономъ присутствовать. И такимъ образомъ отецъ Анисимъ, попадья Ѳедотовна и дьячекъ пѣшкомъ отправились на барскій дворъ, разсуждая съ Егоровной о добродѣтеляхъ покойника и о томъ, что по видимому ожидало его наслѣдника. (Пріѣздъ Троекурова и пріемъ, ему оказанный, были уже извѣстны всему околодку, и тамошніе политики предвѣщали важныя оному послѣдствія.)

— Что будетъ, то будетъ, сказала попадья: а жаль, если не Владиміръ Андреевичъ будетъ нашимъ господиномъ. Молодецъ, нечего сказать. —

— А кому же и быть какъ не ему у насъ господиномъ? прервала Егоровна: напрасно Кирила Петровичъ и горячится — не на робкаго напалъ; мой соколикъ и самъ за себя постоитъ, да и Богъ дастъ благодѣтели его не оставятъ. Больно спѣсивъ Кирила Петровичъ!

— Ахти, Егоровна, сказалъ дьячекъ: я скорѣе соглашусь, кажется, съ чортомъ возиться, нежели косо взглянуть на Кирилу Петровича. Какъ увидишь его — страхъ и ужасъ! а спина-то сама такъ и гнется, такъ и гнется....

— Суета суетъ! сказалъ священникъ: и Кирилѣ Петровичу отпоютъ вѣчную память, какъ нынѣ Андрею Гавриловичу; развѣ похороны будутъ побогаче, да гостей созовутъ побольше — а Богу не все ли равно?

— Ахъ, батюшка! и мы хотѣли зазвать весь околодокъ, да Владиміръ Андреевичъ не захотѣлъ. Небось, у насъ всего довольно, есть чѣмъ угостить... что прикажешь дѣлать? По крайней мѣрѣ, коли нѣтъ людей, такъ ужъ васъ уподчую, дорогіе гости.

lib.pushkinskijdom.ru

Сіе ласковое обѣщаніе и надежда найти лакомый пирогъ ускорили шаги собесѣдниковъ, и они благополучно прибыли въ барскій домъ, гдѣ столъ былъ уже накрытъ и водка подана.

Между тѣмъ, Владиміръ углублялся въ чащу деревъ, движеніемъ и усталостію стараясь заглушить душевную скорбь. Онъ шелъ, не замѣчая дороги; сучья поминутно задѣвали и царапали его, ноги его поминутно вязли въ болотѣ — онъ ничего не замѣчалъ. Наконецъ достигнулъ онъ маленькой лощины, со всѣхъ сторонъ окруженной лѣсомъ; ручеекъ извивался молча около деревьевъ, полуобнаженныхъ осенью. Владиміръ остановился, сѣлъ на холодный дернъ, и мысли одна другой мрачнѣе стѣснились въ душѣ его.... Сильно чувствовалъ онъ свое одиночество, будущее для него являлось покрытымъ грозными тучами. Вражда съ Троекуровымъ предвѣщала ему новыя несчастія. Бѣдное его достояніе могло отойти отъ него въ чужія руки: въ такомъ случаѣ нищета ожидала его. Долго сидѣлъ онъ неподвижно на томъ же мѣстѣ, взирая на тихое теченіе ручья, уносящаго нѣсколько поблеклыхъ листьевъ, и живо представлялось ему подобіе жизни — подобіе, столь вѣрное, обыкновенное. Наконецъ замѣтилъ онъ, что начало смеркаться; онъ всталъ и пошелъ искать дороги домой, но еще долго блуждалъ по незнакомому лѣсу, пока не попалъ на тропинку, которая и привела его прямо къ воротамъ его дома.

На встрѣчу Дубровскому попался попъ со всѣмъ причетомъ. Мысль о несчастливомъ предзнаменованіи пришла ему въ голову. Онъ невольно пошелъ стороною и скрылся за деревьями. Они его не замѣтили и съ жаромъ говорили между собою: «Удались отъ зла и сотвори благо», говорилъ попъ попадьѣ. «Нечего намъ здѣсь оставаться, не твоя бѣда, чѣмъ бы дѣло не кончилось.» Попадья что-то отвѣчала, но Владиміръ не могъ ея разслышать.

Приближаясь къ дому, увидѣлъ онъ множество народу: крестьяне и дворовые люди толпились на барскомъ дворѣ. Издали услышалъ Владиміръ необыкновенный шумъ и говоръ. У сарая стояли двѣ тройки. На крыльцѣ нѣсколько незнакомыхъ людей,

lib.pushkinskijdom.ru

въ мундирныхъ сюртукахъ, казалось, о чемъ-то толковали. «Что это значитъ?» спросилъ онъ сердито у Антона, который бѣжалъ ему на встрѣчу: «это кто такіе? и что имъ надобно?» — «Ахъ, батюшка, Владиміръ Андреевичъ», отвѣчалъ Антонъ, запыхавшись: «Судъ пріѣхалъ. Отдаютъ насъ Троекурову, отымаютъ насъ отъ твоей милости!...»

Владиміръ потупилъ голову; люди его окружили несчастнаго своего господина. «Отецъ ты нашъ», кричали они, цѣлуя ему руки: «не хотимъ другаго барина, кромѣ тебя. Умремъ, а тебя не выдадимъ.» Владиміръ смотрѣлъ на нихъ, и мрачныя чувства волновали его. «Стойте смирно», сказалъ онъ имъ: «а я переговорю съ приказными.» — «Переговори, батюшка», закричали ему изъ толпы: «да усовѣсти окаянныхъ.» Владиміръ подошелъ къ чиновникамъ. Шабашкинъ, съ картузомъ на головѣ, стоялъ подбочась и гордо взирая около себя. Исправникъ, высокій и толстый мущина, лѣтъ пятидесяти, съ краснымъ лицомъ и въ усахъ, увидя приближающагося Дубровскаго, крякнулъ и произнесъ охрипшимъ голосомъ: «И такъ, я вамъ повторяю то, что уже сказалъ: по рѣшенію *** Уѣзднаго Суда, принадлежите вы Кирилѣ Петровичу Троекурову и коего лицо представляетъ здѣсь г. Шабашкинъ. Слушайтесь его во всемъ, что ни прикажетъ; а вы болѣе любите и почитайте его, а онъ до васъ большой охотникъ.» При сей острой шуткѣ Исправникъ захохоталъ. Шабашкинъ и прочіе члены ему послѣдовали. Владиміръ кипѣлъ отъ негодованія. «Позвольте узнать, что это значитъ?» спросилъ онъ съ притворнымъ хладнокровіемъ у веселаго Исправника. — «А это то значитъ», отвѣчалъ замысловатый чиновникъ: «что мы пріѣхали вводить во владѣніе сего Кирилу Петровича Троекурова и просить иныхъ прочихъ убираться по добру, по здорову.»

«Но вы могли бы, кажется, отнестись ко мнѣ, прежде нежели къ моимъ крестьянамъ, и объявить помѣщику отрѣшеніе отъ власти....»

— Бывшій помѣщикъ Андрей Гавриловъ сынъ Дубровскій волею Божіею помре; а ты кто такой? сказалъ Шабашкинъ съ дерзкимъ взоромъ: мы васъ не знаемъ, да и знать не хотимъ.

lib.pushkinskijdom.ru

«Ваше благородіе, это нашъ молодой баринъ», сказалъ голосъ изъ толпы.

— Кто тамъ смѣлъ ротъ разинуть! сказалъ грозно Исправникъ: какой баринъ? Баринъ вашъ Кирила Петровичъ Троекуровъ... слышите ли, олухи?

«Какъ не такъ!» сказалъ тотъ же голосъ.

— Да это бунтъ! закричалъ Исправникъ. Гей, староста, сюда!

Староста выступилъ впередъ.

— Отыщи сей же часъ, кто смѣлъ со мною разговаривать; я его!...

Староста обратился въ толпу, спрашивая, кто говорилъ. Но всѣ молчали. Вскорѣ въ заднихъ рядахъ поднялся ропотъ, сталъ усиливаться и въ одну минуту превратился въ ужаснѣйшіе вопли. Исправникъ понизилъ голосъ и хотѣлъ было ихъ уговаривать.... «Да что на него смотрѣть», закричали дворовые: «ребята, бери его!» и толпа двинулась. Шабашкинъ и члены Земскаго суда бросились въ сѣни и заперли за собою дверь. «Ребята, принимай!» закричалъ тотъ же голосъ, и толпа стала напирать. «Стойте», крикнулъ Дубровскій: «дураки! что вы? Губите и себя и меня; ступайте по дворамъ и оставьте меня въ покоѣ. Не бойтесь, Государь милостивъ: я буду просить Его — Онъ насъ не обидитъ — мы всѣ Его дѣти; а какъ Ему за васъ будетъ заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать?»

Рѣчь молодаго Дубровскаго, его звучный голосъ и величественный видъ произвели желаемое дѣйствіе. Народъ утихъ и разошелся; дворъ опустѣлъ, члены сидѣли въ избѣ. Владиміръ печально вышелъ на крыльцо. Шабашкинъ отперъ двери и съ униженными поклонами сталъ благодарить Дубровскаго за его милостивое заступленіе.

Владиміръ слушалъ его съ презрѣніемъ и ничего не отвѣчалъ. «Мы рѣшили», продолжалъ Засѣдатель: «съ вашего дозволенія остаться здѣсь ночевать; а то уже темно, и ваши мужики могутъ напасть на насъ на дорогѣ. Сдѣлайте такую милость, прикажите

lib.pushkinskijdom.ru

постлать намъ хоть сѣна въ гостиной; чѣмъ свѣтъ, мы отправимся во свояси.»

— Дѣлайте, что хотите, отвѣчалъ имъ сухо Дубровскій: я здѣсь уже не хозяинъ.

Съ этимъ словомъ онъ удалился въ комнату отца своего и заперъ за собою дверь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

«И такъ, все кончено!» сказалъ Владиміръ самъ себѣ: «еще утромъ имѣлъ я уголъ и кусокъ хлѣба; завтра долженъ буду оставить домъ, гдѣ я родился. Мой отецъ — земля, гдѣ онъ покоится, будетъ принадлежать ненавистному человѣку, виновнику его смерти и моей нищеты!...» Владиміръ стиснулъ зубы, и глаза его неподвижно остановились на портретѣ его матери. Живописецъ представилъ ее облокоченною на перила, въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, съ одною розою въ волосахъ. «И портретъ этотъ достанется врагу моего семейства — подумалъ Владиміръ — онъ заброшенъ будетъ въ кладовую вмѣстѣ съ изломанными стульями, или повѣшенъ въ передней, предметомъ насмѣшекъ и замѣчаній его псарей; а въ ея спальней, въ комнатѣ, гдѣ умеръ отецъ, поселится его прикащикъ или помѣстится его гаремъ. Нѣтъ, нѣтъ! пускай же и ему не достанется печальный домъ, изъ котораго онъ выгоняетъ меня.» Владиміръ стиснулъ зубы; страшныя мысли раждались въ умѣ его. Голоса подъячихъ доходили до него; они хозяйничали, требовали то того, то другаго, и непріятно развлекали его среди печальныхъ его размышленій. Наконецъ все утихло.

Владиміръ отперъ комоды и ящики и занялся разборомъ бумагъ покойнаго. Онѣ большею частію состояли изъ хозяйственныхъ счетовъ и переписки по разнымъ дѣламъ. Владиміръ разорвалъ ихъ не читая. Между ними попался ему пакетъ съ надписью: *Письма моей жены.* Съ сильнымъ движеніемъ чувства Владиміръ принялся за нихъ: они писаны были во время Турец-

lib.pushkinskijdom.ru

каго похода и были адресованы въ Армію изъ Кистенева. Она описывала ему свою деревенскую жизнь и хозяйственныя занятія; съ нѣжностію сѣтовала на разлуку и призывала его домой, въ объятія доброй подруги. Въ одномъ изъ нихъ она изъявляла ему свое безпокойство насчетъ здоровья маленькаго Владиміра; въ другомъ она радовалась его раннимъ способностямъ и предрекала для него счастливую и блестящую будущность. Владиміръ зачитался и, погруженный душею въ міръ семейнаго счастія, не замѣтилъ, какъ прошло время: стѣнные часы пробили одиннадцать. Владиміръ положилъ письма въ карманъ, взялъ свѣчу и вышелъ изъ кабинета. Въ залѣ приказные спали на полу. На столѣ стояли стаканы, ими опорожненные, и сильный духъ рому слышенъ по всей комнатѣ. Владиміръ съ отвращеніемъ прошелъ мимо ихъ въ переднюю. Тамъ было темно. Кто-то, увидя свѣтъ, бросился въ уголъ. Обратясь къ нему со свѣчею, Владиміръ узналъ Архипа-кузнеца.

«Зачѣмъ ты здѣсь?» спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Я хотѣлъ.... я пришелъ было провѣдать, всѣ ли дома? тихо отвѣчалъ Архипъ, запинаясь.

«А зачѣмъ съ тобою топоръ?»

— Топоръ-то зачѣмъ? Да какъ же безъ топора нонече и ходить? Эти приказные такіе, вишь, озорники: того и гляди....

«Ты пьянъ; брось топоръ, поди выспись.»

— Я пьянъ? батюшка, Владиміръ Андреевичъ, Богъ свидѣтель, ни единой капли во рту не было... да и пойдетъ ли вино-то на умъ? Слыхано ли дѣло, подъячіе задумали нами владѣть, подъячіе гонятъ нашихъ господъ съ барскаго двора.... Экъ они храпятъ, окаянные; всѣхъ бы разомъ, такъ и концы въ воду.

Дубровскій нахмурился.

«Послушай, Архипъ», сказалъ онъ, немного помолчавъ: оставь свои затѣи, не приказные виноваты. Засвѣти-ка фонарь, да ступай за мною.»

Архипъ взялъ свѣчку изъ рукъ барина, отыскалъ за печкою фонарь, засвѣтилъ его, и оба тихо сошли съ крыльца и пошли

lib.pushkinskijdom.ru

около двора. Сторожъ началъ бить въ чугунную доску ; собаки залаяли. «Кто на сторожахъ?» спросилъ Дубровскій. — «Мы, батюшка», отвѣчалъ тонкій голосъ : «Василиса да Лукерья.» — «Подите по дворамъ» , сказалъ имъ Дубровскій : «васъ не нужно.» — «Шабашъ» , примолвилъ Архипъ. — «Спасибо , кормилецъ», отвѣчали бабы, и тотчасъ отправились домой.

Дубровскій пошелъ далѣе. Два человѣка приблизились къ нему ; они его окликали ; Дубровскій узналъ голосъ Антона и Гриши. «Зачѣмъ вы не спите?» спросилъ онъ ихъ. — «До сна ли намъ» , отвѣчалъ Антонъ : «до чего мы дожили , кто бы подумалъ....»

«Тише», прервалъ Дубровскій : «гдѣ Егоровна?»

— Въ барскомъ домѣ, въ своей свѣтелкѣ, отвѣчалъ Гриша.

«Поди , приведи ее сюда , да выведи изъ дому всѣхъ нашихъ людей, чтобъ ни одной души въ немъ не оставалось, кромѣ приказныхъ; а ты, Антонъ, запряги телегу.

Гриша ушелъ ; чрезъ минуту онъ явился съ своею матерью. Старуха не раздѣвалась въ эту ночь ; кромѣ приказныхъ никто не смыкалъ глаза.

«Всѣ ли здѣсь?» спросилъ Дубровскій : «не осталось ли кого въ домѣ?»

— Никого, кромѣ подъячихъ, отвѣчалъ Гриша.

«Давайте сюда сѣна, или соломы», сказалъ Дубровскій.

Люди побѣжали въ конюшню и возвратились назадъ съ охапками сѣна.

«Положите подъ крыльцо, вотъ такъ. Ну, ребята, огню!»

Архипъ открылъ фонарь, Дубровскій зажегъ лучину.

«Постой», сказалъ онъ Архипу : «кажется, въ торопяхъ я заперъ двери въ переднюю, поди скорѣй отопри ихъ.

Архипъ побѣжалъ въ сѣни, двери были отперты. Архипъ заперъ ихъ на ключъ, примолвя въ полголоса : *какъ не такъ, отопри,* и возвратился къ Дубровскому.

Дубровскій приблизилъ лучину, сѣно вспыхнуло, пламя взвилось и освѣтило весь дворъ.

lib.pushkinskijdom.ru

— Ахти! жалобно закричала Егоровна: Владиміръ Андреевичъ, что ты дѣлаешь!

«Молчи!» сказалъ Дубровскій. «Ну, дѣти, прощайте, иду, куда Богъ поведетъ; будьте счастливы съ новымъ вашимъ господиномъ.»

— Отецъ ты нашъ, кормилецъ, закричали люди: умремъ — не оставимъ тебя, идемъ съ тобою.

Лошади были поданы. Дубровскій сѣлъ съ Гришею въ телегу; Антонъ ударилъ по лошадямъ, и они выѣхали со двора.

Въ одну минуту пламя обхватило весь домъ. Полы затрещали, посыпались; пылающія бревна стали падать, красный дымъ вился надъ кровлею; раздался жалобный вопль и крики: «помогите, помогите!» — «Какъ не такъ», сказалъ Архипъ, съ злобною улыбкой взирающій на пожаръ. — «Архипушка», говорила ему Егоровна: «спаси ихъ окаянныхъ, Богъ тебя наградитъ.» — «Какъ не такъ», отвѣчалъ кузнецъ. Въ сію минуту приказные показались въ окна, стараясь выломить двойныя рамы. Но тутъ кровля съ трескомъ обрушилась — и вопли утихли.

Вскорѣ вся дворня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь, ребятишки прыгали, любуясь на пожаръ. Искры полетѣли огненной метелью, избы загорѣлись. «Теперь все ладно!» сказалъ Архипъ: «каково горитъ, а? Чай изъ Покровскаго славно смотрѣть.» Въ сію минуту новое явленіе привлекло его вниманіе: кошка бѣгала по кровлѣ пылающаго сарая, не доразумѣвъ, куда спрыгнуть. Со всѣхъ сторонъ окружало ее пламя. Бѣдное животное жалкимъ мяуканьемъ призывало на помощь; мальчишки помирали со смѣху, смотря на ея отчаяніе. «Чему смѣетеся, бѣсенята», сказалъ сердито кузнецъ: «Бога вы не боитесь: Божія тварь погибаетъ, а вы сдуру радуетесь», и, поставя лѣстницу на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою; она поняла его намѣреніе и, съ видомъ торопливой благодарности, уцѣпилась за его рукавъ. Полуобгорѣлый кузнецъ съ своей добычей полѣзъ внизъ. «Ну, ребята, прощайте», сказалъ онъ смущенной дворнѣ: «мнѣ здѣсь дѣлать нечего,

lib.pushkinskijdom.ru

счастливо оставаться, не поминайте меня лихомъ.» Кузнецъ ушелъ; пожаръ свирѣпствовалъ еще нѣсколько времени, наконецъ унялся, и груды углей безъ пламени ярко горѣли въ темнотѣ ночи; около нихъ бродили погорѣлые жители Кистенева.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

На другой день вѣсть о пожарѣ разнеслась по всему околодку. Всѣ толковали о немъ съ различными догадками и предположеніями. Иные увѣряли, что люди Дубровскаго, напившись пьяны на похоронахъ, зажгли домъ изъ неосторожности; другіе обвиняли приказныхъ, подгулявшихъ на новосельи; многіе увѣряли, что онъ самъ сгорѣлъ съ Судомъ и со всѣми дворовыми. Нѣкоторые догадывались объ истинѣ и утверждали, что виновникомъ сего ужаснаго бѣдствія былъ самъ Дубровскій. Троекуровъ пріѣзжалъ на другой же день на мѣсто пожара и самъ производилъ слѣдствіе. Оказалось, что Исправникъ, Засѣдатель Земскаго Суда, Стряпчій и Писарь, такъ же, какъ Владиміръ Дубровскій, няня Егоровна, дворовый человѣкъ Григорій, кучеръ Антонъ и кузнецъ Архипъ пропали неизвѣстно куда. Всѣ дворовые показали, что приказные сгорѣли въ то время, какъ повалилась кровля. Обгорѣлыя кости ихъ были разрыты. Бабы, Василиса и Лукерья, сказали, что Дубровскаго и Архипа кузнеца видѣли онѣ за нѣсколько минутъ передъ пожаромъ. Кузнецъ Архипъ, по всеобщему показанію, былъ живъ и, вѣроятно, главный, если не единственный виновникъ пожара. На Дубровскомъ лежали сильныя подозрѣнія. Кирила Петровичъ послалъ Губернатору подробное описаніе всему происшествію, и новое дѣло завязалось.

Вскорѣ другія вѣсти дали другую пищу любопытству и толкамъ. Появились разбойники и распространили ужасъ по всѣмъ окрестностямъ. Мѣры, принятыя противъ нихъ, оказались недостаточными. Грабительства, одно другаго замѣчательнѣе, слѣдовали одно за другимъ. Не было безопасности ни по дорогамъ, ни по деревнямъ. Нѣсколько троекъ, наполненныхъ разбойниками,

lib.pushkinskijdom.ru

разъѣзжали днемъ по всей губерніи, останавливали путешественниковъ и почту, пріѣзжали въ селы, грабили помѣщичьи дома и предавали ихъ огню. Начальникъ шайки славился умомъ, отважностью и какимъ-то великодушіемъ. Разсказывали о немъ чудеса. Имя Дубровскаго было во всѣхъ устахъ; всѣ были увѣрены, что онъ, а никто другой предводительствовалъ отважными злодѣями. Удивлялись одному: помѣстья Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единаго сарая, не остановили ни одного воза. Съ обыкновенной своей надменностью Троекуровъ приписывалъ сіе исключеніе страху, который умѣлъ онъ внушить всей Губерніи, также и отмѣнно хорошей полиціи, имъ заведенной въ его деревняхъ. Сначала сосѣди смѣялись надъ высокомѣріемъ Троекурова, и каждый ожидалъ, чтобъ незваные гости посѣтили Покровское, гдѣ было имъ чѣмъ поживиться, но наконецъ принуждены были согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уваженіе. Троекуровъ торжествовалъ и при каждой вѣсти о новомъ грабительствѣ Дубровскаго разсыпался намеками насчетъ Губернатора, Исправниковъ и ротныхъ Командировъ, отъ коихъ Дубровскій уходилъ всегда невредимо.

Между тѣмъ, наступило 1-е Октября, день храмоваго праздника въ селѣ Троекурова. Но прежде, нежели приступимъ къ описанію дальнѣйшихъ происшествій, мы должны познакомить читателя съ лицами, для него новыми, или о коихъ мы слегка только упомянули въ началѣ нашей повѣсти.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Читатель, вѣроятно, уже догадался, что дочь Кирила Петровича, о которой сказали мы еще только нѣсколько словъ, есть героиня нашей повѣсти. Въ эпоху, нами описываемую, ей было 17 лѣтъ, и красота ея была въ полномъ цвѣтѣ. Отецъ любилъ ее до безумія, но обходился съ нею съ свойственнымъ ему своенравіемъ, то стараясь угождать малѣйшимъ ея прихотямъ, то пугая

lib.pushkinskijdom.ru

ее суровымъ, а иногда жестокимъ обращеніемъ. Увѣренный въ ея привязанности, никогда не могъ онъ добиться ея довѣренности. Она привыкла скрывать отъ него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать навѣрно, какимъ образомъ будутъ они приняты. Она не имѣла подругъ и выросла въ уединеніи. Жены и дочери сосѣдей рѣдко ѣзжали къ Кирилѣ Петровичу, коего обыкновенные разговоры, увеселенія требовали товарищества мущинъ, а не присутствія дамъ. Рѣдко наша красавица являлась посреди гостей, пирующихъ у Кирила Петровича. Огромная библіотека, составленная большею частію изъ сочиненій Французскихъ писателей XVIII вѣка, была отдана въ ея распоряженіе. Отецъ ея, никогда не читавшій ничего, кромѣ *Совершенной Поварихи*, не могъ руководствовать ее въ выборѣ книгъ, и Маша, естественнымъ образомъ, перерывъ сочиненія всякаго рода, остановилась на романахъ. Такимъ образомъ совершала она свое воспитаніе, начатое нѣкогда подъ руководствомъ мамзель Мишо, которой Кирила Петровичъ оказывалъ большую довѣренность и благосклонность, и которую принужденъ онъ былъ наконецъ выслать тихонько въ другое помѣстье, когда слѣдствія сего дружества оказались слишкомъ явными. Мамзель Мишо оставила по себѣ память довольно пріятную. Она была добрая дѣвушка и никогда во зло не употребляла вліянія, которое видимо имѣла надъ Кирилою Петровичемъ, въ чемъ отличалась она отъ другихъ наперсницъ, поминутно имъ смѣняемыхъ. Самъ Кирила Петровичъ, казалось, любилъ ее болѣе прочихъ, и черноглазый мальчикъ, шалунъ лѣтъ 9-ти, напоминающій полуденныя черты мамзель Мишо, воспитывался при немъ и признанъ былъ его сыномъ, несмотря на то, что множество босыхъ ребятишекъ, какъ двѣ капли воды похожихъ на Кирилу Петровича, бѣгали передъ его окнами и считались дворовыми. Кирила Петровичъ выписалъ изъ Москвы для своего маленькаго Саши Француза-учителя, который и прибылъ въ Покровское во время происшествій, нами теперь описываемыхъ.

Сей учитель понравился Кирилѣ Петровичу своей пріятной наружностію и простымъ обращеніемъ. Онъ представилъ Ки-

lib.pushkinskijdom.ru

рилѣ Петровичу аттестаты и письмо отъ одного изъ родственниковъ Троекурова, у котораго четыре года жилъ онъ гувернеромъ. Кирила Петровичъ все это пересмотрѣлъ и былъ недоволенъ одною молодостію своего Француза, не потому, что полагалъ бы сей любезный недостатокъ несовмѣстнымъ съ терпѣніемъ и опытностію, столь нужными въ несчастномъ званіи учителя, но у него были свои сомнѣнія, которыя тотчасъ и рѣшился ему объяснить. Для сего велѣлъ онъ позвать къ себѣ Машу (Кирила Петровичъ по-Французски не говорилъ, и она служила ему переводчикомъ.) «Подойди сюда, Маша: скажи ты этому мусье, что, такъ и быть, принимаю его, только съ тѣмъ, чтобъ онъ у меня за моими дѣвушками не осмѣливался волочиться, нето я его собачьяго сына.... переведи это ему, Маша.»

Маша покраснѣла и, обратясь къ учителю, сказала ему по-Французски, что отецъ ея надѣется на его скромность и порядочное поведеніе.

Французъ ей поклонился и отвѣчалъ, что онъ надѣется заслужить уваженіе, даже если откажутъ ему въ благосклонности.

Маша слово въ слово перевела его отвѣтъ.

«Хорошо, хорошо! сказалъ Кирила Петровичъ. Не нужно для него ни благосклонности, ни уваженія. Дѣло его ходить за Сашей и учить граматикѣ да географіи... переведи это ему.»

Марья Кириловна смягчила въ своемъ переводѣ грубыя выраженія отца, и Кирила Петровичъ отпустилъ своего Француза во флигель, гдѣ назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого вниманія на молодаго Француза. Воспитанная въ аристократическихъ предразсудкахъ, учитель былъ для нея родъ слуги или мастероваго, а слуга или мастеровой не казался ей мущиною. Она не замѣтила и впечатлѣнія, произведеннаго ею на М-г Деформа, ни его смущенія, ни его трепета, ни измѣнившагося голоса. Нѣсколько дней сряду потомъ она встрѣчала его довольно часто, не удостоивая большой внимательности. Неожиданнымъ образомъ получила она о немъ совершенно новое понятіе.

lib.pushkinskijdom.ru

На дворѣ у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно нѣсколько медвѣжатъ и составляли одну изъ главныхъ забавъ Покровскаго помѣщика. Въ первой своей молодости медвѣжата приводимы были ежедневно въ гостиную, гдѣ Кирила Петровичъ по цѣлымъ часамъ возился съ ними, стравливая ихъ съ кошками и щенятами. Возмужавъ, они были посажены на цѣпь, въ ожиданіи настоящей травли. Изрѣдка ихъ выводили предъ окна барскаго дома и подкатывали имъ порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медвѣдь обнюхивалъ ее, потомъ тихонько до нея дотрогивался, кололъ себѣ лапы, осердясь, толкалъ ее сильнѣе, и сильнѣе становилась боль. Онъ входилъ въ совершенное бѣшенство, съ ревомъ бросался на бочку, покамѣстъ не отымали у бѣднаго звѣря предмета тщетной его ярости. Случалось, что въ телегу впрягали пару медвѣдей, волею и неволею сажали въ нее гостей, и пускали ихъ скакать на волю Божію. Но лучшею штукою почиталась у Кирила Петровича слѣдующая.

Проголодавшагося медвѣдя запрутъ бывало въ пустой комнатѣ, привязавъ его веревкою за кольцо, ввинченное въ стѣну. Веревка была длиною почти во всю комнату, такъ что одинъ только противоположный уголъ могъ быть безопаснымъ отъ нападенія страшнаго звѣря. Приводили обыкновенно новичка къ дверямъ этой комнаты, нечаянно вталкивали его къ медвѣдю, двери запирались и несчастную жертву оставляли наединѣ съ косматымъ пустынникомъ. Бѣдный гость, съ оборванной полою, съ оцарапанной рукою, скоро отыскивалъ безопасный уголъ, но принужденъ былъ иногда цѣлыхъ три часа стоять прижавшись къ стѣнѣ, и видѣть, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, становился на дыбы, ревѣлъ, рвался и силился до него дотянуться. Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда учителя, Троекуровъ вспомнилъ о немъ и вознамѣрился угостить его въ медвѣжьей комнатѣ. Для сего призвалъ его однажды утромъ, повелъ онъ его темными корридорами; вдругъ боковыя двери отворились — двое слугъ вталкиваютъ въ нее Француза и запираютъ ее на ключъ. Опомнившись, учитель увидѣлъ привязаннаго медвѣдя; звѣрь началъ фыркать, издали обнюхивая своего гостя и

lib.pushkinskijdom.ru

вдругъ, поднявшись на заднія лапы, пошелъ на него.... Французъ не смутился, не побѣжалъ и ждалъ нападенія. Медвѣдь приблизился; Дефоржъ вынулъ изъ кармана маленькой пистолетъ, вложилъ его въ ухо голодному звѣрю и выстрѣлилъ. Медвѣдь повалился. Всѣ сбѣжались, двери отворились — Кирила Петровичъ вошелъ, изумленный развязкою своей шутки.

Кирила Петровичъ хотѣлъ непремѣнно объясненія всему дѣлу. Кто предварилъ Дефоржа о шуткѣ, ему приготовленной, или зачѣмъ у него въ карманѣ былъ заряженный пистолетъ? Онъ послалъ за Машей. Маша прибѣжала и перевела Французу вопросы отца.

«Я не слыхивалъ о медвѣдѣ, отвѣчалъ Дефоржъ: но всегда ношу при себѣ пистолеты, потому что не намѣренъ терпѣть обиду, за которую, по моему званію, не могу требовать удовлетворенія.»

Маша смотрѣла на него съ изумленіемъ и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петровичъ ничего не отвѣчалъ, велѣлъ вытащить медвѣдя и снять съ него шкуру; потомъ, обратясь къ своимъ людямъ, сказалъ: «каковъ молодецъ! не струсилъ, ей-Богу не струсилъ.» Съ той минуты онъ Дефоржа полюбилъ и не думалъ уже его пробовать.

Но случай сей произвелъ еще большее впечатлѣніе на Марью Кириловну. Воображеніе ея было поражено: она видѣла мертваго медвѣдя и Дефоржа, спокойно стоящаго надъ нимъ и спокойно съ нею разговаривающаго. Она видѣла, что храбрость и гордое самолюбіе не исключительно принадлежатъ одному сословію, и съ тѣхъ поръ стала оказывать молодому учителю уваженіе, которое часъ отъ часу становилось внимательнѣе. Между ними основались нѣкоторыя сношенія. Маша имѣла прекрасный голосъ и большія музыкальныя способности; Дефоржъ вызвался давать ей уроки. Послѣ того читателю не трудно уже догадаться, что Маша въ него влюбилась, сама еще въ томъ не признаваясь.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Наканунѣ праздника гости начали съѣзжаться ; иные останавливались въ господскомъ домѣ и во флигеляхъ, другіе у прикащика, третьи у священника, четвертые у зажиточныхъ крестьянъ ; конюшни полны были дорожныхъ лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. Въ 9 часовъ утра заблаговѣстили къ обѣднѣ , и все потянулось къ новой каменной церкви , построенной Кирилою Петровичемъ и ежегодно украшаемой его приношеніями Собралось такое множество почетныхъ богомольцевъ, что простые крестьяне не могли помѣститься въ церкви, и стояли на паперти и въ оградѣ. Обѣдня не начиналась : ждали Кирилу Петровича. Онъ пріѣхалъ въ коляскѣ шестернею и торжественно пошелъ на свое мѣсто , сопровождаемый Марьею Кириловной. Взоры мущинъ и женщинъ обратились на нее — первые удивлялись красотѣ , вторыя со вниманіемъ осматривали ея нарядъ. Началась обѣдня ; домашніе пѣвчіе пѣли на крылосѣ, Кирила Петровичъ подтягивалъ, молился, не смотря ни направо, ни налѣво, и съ гордымъ смиреніемъ поклонился въ землю, когда дьяконъ громогласно упомянулъ *и о зиждителѣ храма сего.*

Обѣдня кончилась. Кирила Петровичъ первый подошелъ ко кресту. Всѣ двинулись за нимъ хоромъ, сосѣди подошли къ нему съ почтеніемъ, дамы окружили Машу. Кирила Петровичъ, выходя изъ церкви, пригласилъ всѣхъ къ себѣ обѣдать, сѣлъ въ коляску и отправился домой. Всѣ поѣхали вслѣдъ за нимъ. Комнаты наполнились гостями ; поминутно входили новыя лица и насилу могли пробираться до хозяина. Барыни сѣли чинно полукругомъ, одѣтыя по запоздалой модѣ, въ поношенныхъ и дорогихъ нарядахъ , всѣ въ жемчугахъ и бриліянтахъ ; мущины толпились около икры и водки , съ шумнымъ разнообразіемъ разговаривая между собою. Въ залѣ накрывали столъ на 80 приборовъ ; слуги суетились, разставляли бутылки и графины и прилаживали скатерти. Наконецъ дворецкій провозгласилъ : кушанье поставлено — и Кирила Петровичъ первый пошелъ садиться за столъ,

lib.pushkinskijdom.ru

за нимъ двинулись дамы и важно заняли свои мѣста, наблюдая нѣкоторое старшинство; барышни стѣснились межъ собою, какъ робкое стадо козочекъ, и выбрали себѣ мѣста одна подлѣ другой; противъ нихъ помѣстились мущины; на концѣ стола сѣлъ учитель подлѣ маленькаго Саши.

Слуги стали разносить тарелки по чинамъ, въ случаѣ недоразумѣнія руководствуясь Лафатеровскими догадками, и почти всегда безошибочно. Звонъ тарелокъ и ложекъ слился съ шумнымъ говоромъ гостей. Кирила Петровичъ весело обозрѣвалъ свою трапезу и вполнѣ наслаждался счастіемъ хлѣбосола. Въ это время въѣхала на дворъ коляска, запряженная шестью лошадьми. Это кто? спросилъ хозяинъ. Антонъ Пафнутьичъ, отвѣчали нѣсколько человѣкъ. Двери отворились — и Антонъ Пафнутьичъ Спицынъ, толстый мущина, лѣтъ 50-ти, съ круглымъ и рябымъ лицемъ, украшеннымъ тройнымъ подбородкомъ, ввалился въ столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться. «Приборъ сюда!» закричалъ Кирила Петровичъ: «милости просимъ, Антонъ Пафнутьичъ, садись, да скажи намъ, что это значитъ: не былъ у моей обѣдни и къ обѣду опоздалъ? Это на тебя не похоже: ты и богомоленъ и покушать любишь.» — «Виноватъ», отвѣчалъ Антонъ Пафнутьичъ, привязывая салфетку въ петлицу гороховаго кафтана: «виноватъ, батюшка Кирила Петровичъ, я было рано пустился въ дорогу, да не успѣлъ отъѣхать и десяти верстъ, вдругъ шина у передняго колеса пополамъ — что прикажешь? Къ счастію, не далеко было отъ деревни; пока до нея дотащились, да отыскали кузнеца, да все коекакъ уладили, прошло ровно три часа — дѣлать было нечего. Ѣхать ближнимъ путемъ чрезъ *Кистеневскій* лѣсъ я не осмѣлился, а пустился въ объѣздъ.» — «Эге!» прервалъ Кирила Петровичъ: «да ты, знать, не изъ храбраго десятка; чего ты боишься?» — «Какъ, чего боюсь, батюшка Кирила Петровичъ, а Дубровскаго-то: того и гляди попадешься ему въ лапы. Онъ малый не промахъ, никому не спуститъ, а съ меня, пожалуй, и двѣ шкуры сдеретъ.» — «За чтожъ, братъ, такое отличіе?» — «Какъ за что, батюшка Кирила Петровичъ, а за тяжбу-то покой-

lib.pushkinskijdom.ru

ника Андрея Гавриловича. Не я ли, въ удовольствіе ваше, т. е. по совѣсти и по справедливости, показалъ, что Дубровскіе владѣютъ Кистеневкою безъ всякаго на то права, а единственно по снисхожденію вашему, и покойникъ (царство ему небесное!) обѣщалъ со мною по-свойски перевѣдаться, а сынокъ, пожалуй, сдержитъ слово батюшкино. Доселѣ Богъ миловалъ: всего-на-все разграбили у меня одинъ анбаръ, да того и гляди до усадьбы доберется.» — «А въ усадьбѣ-то будетъ имъ раздолье», замѣтилъ Кирила Петровичъ: «я чай, красная шкатулочка полнымъ-полна.» — «Худо, батюшка Кирила Петровичъ; была полна, а нынче совсѣмъ опустѣла!» — «Полно врать, Антонъ Пафнутьичъ. Знаемъ мы васъ; куда тебѣ тратить? дома живешь свинья свиньей, никого не принимаешь, своихъ мужиковъ обдираешь — знай копишь, да и только.» — «Вы все изволите шутить, батюшка Кирила Петровичъ», пробормоталъ Антонъ Пафнутьичъ, улыбаясь: «а мы ей-Богу разорились», и Антонъ Пафнутьичъ сталъ заѣдать барскую шутку хозяина жирнымъ кускомъ кулебяки. Кирила Петровичъ оставилъ его и обратился къ новому Исправнику, въ первый разъ къ нему въ гости пріѣхавшему и сидящему на другомъ концѣ стола подлѣ учителя.

«Ну-ка, господинъ Исправникъ, докажи намъ свое удальство: поймай намъ Дубровскаго.»

Исправникъ струсилъ, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнесъ наконецъ: «постараемся, ваше превосходительство.»

«Гм! постараемся. Давно стараетесь, а проку все-таки нѣтъ.»

— Сущая правда, ваше превосходительство, отвѣчалъ совершенно смутившійся Исправникъ.

Гости захохотали.

«Люблю молодца за искренность», сказалъ Кирила Петровичъ. «А жаль покойнаго Исправника Тараса Алексѣевича: кабы не сожгли его, такъ въ околодкѣ было бы тише. А что слышно про Дубровскаго? Гдѣ его видѣли въ послѣдній разъ?»

— У меня, Кирила Петровичъ, пропищалъ толстый дамскій голосъ: въ прошлый вторникъ обѣдалъ онъ у меня.

lib.pushkinskijdom.ru

Всѣ взоры обратились на Анну Савишну Глобову, довольно простую вдову, всѣми любимую за добрый и веселый нравъ. Всѣ съ любопытствомъ приготовились услышать ея разсказъ.

— «Надобно знать, что тому три недѣли послала я прикащика на почту съ письмомъ для моего Ванюши. Сына я не балую, да и не въ состояніи баловать, хотя бы и хотѣла; однако, сами изволите знать, офицеру Гвардіи нужно содержать себя приличнымъ образомъ, и я съ Ванюшей дѣлюсь, какъ могу, моими доходишками. Вотъ и послала ему 2000 рублей, хоть Дубровскій не разъ приходилъ мнѣ въ голову, да думаю: городъ близко, всего семь верстъ, авось Богъ пронесетъ. Смотрю: вечеромъ мой прикащикъ возвращается, блѣденъ, оборванъ и пѣшъ. Я такъ и ахнула. «Что такое? что съ тобою сдѣлалось?» Онъ мнѣ: «матушка Анна Савишна, разбойники ограбили, самого чуть не убили. Самъ Дубровскій былъ тутъ, хотѣлъ повѣсить меня, да сжалился и отпустилъ; за то всего обобралъ, отнялъ и лошадь и телегу.» Я обмерла. Царь мой небесный! что будетъ съ моимъ Ванюшею? Дѣлать нечего; написала я снова письмо, разсказала все и послала ему свое благословеніе безъ гроша денегъ.

«Прошла недѣля, другая. Вдругъ въѣзжаетъ ко мнѣ на дворъ коляска. Какой-то Генералъ проситъ со мною увидѣться; милости просимъ. Входитъ ко мнѣ человѣкъ лѣтъ 35-ти, смуглый, черноволосый, въ усахъ, въ бородѣ, сущій портретъ Кульнева, рекомендуется мнѣ какъ другъ и сослуживецъ покойнаго мужа Ивана Андреевича; онъ-де ѣхалъ мимо и не могъ не заѣхать къ его вдовѣ, зная, что я тутъ живу. Я угостила его, чѣмъ Богъ послалъ, разговорилась о томъ, о сёмъ, наконецъ и о Дубровскомъ. Я разсказала ему свое горе. Генералъ мой нахмурился. «Это странно», сказалъ онъ: «я слыхалъ, что Дубровскій нападаетъ не на всякаго, а на извѣстныхъ богачей, да и тутъ дѣлится съ ними, а не грабитъ до чиста. А въ убійствахъ никто его не обвиняетъ; нѣтъ ли тутъ плутни? Прикажите-ка позвать вашего прикащика.» Пошли за прикащикомъ. Онъ явился. Только увидѣлъ Генерала, онъ такъ и остолбенѣлъ. «Разскажи-ка мнѣ, братецъ, какимъ образомъ Дубровскій тебя ограбилъ и

lib.pushkinskijdom.ru

какъ онъ хотѣлъ тебя повѣсить?» Прикащикъ мой задрожалъ и повалился Генералу въ ноги. «Батюшка, виноватъ; грѣхъ попуталъ... солгалъ.» — «Коли такъ», отвѣчалъ Генералъ: «такъ изволь же разсказать барынѣ, какъ все дѣло случилось, а я послушаю.» Прикащикъ не могъ опомниться. «Ну, что же», продолжалъ Генералъ: «разсказывай: гдѣ ты встрѣтился съ Дубровскимъ?» — «У двухъ сосенъ, батюшка, у двухъ сосенъ.» — «Что же сказалъ онъ тебѣ?» — «Онъ спросилъ у меня: чей ты, куда ѣдешь, зачѣмъ?» — «Ну, а послѣ?» — «А послѣ потребовалъ онъ письмо и деньги. Ну, я отдалъ ему письмо и деньги.» — «А онъ?» — «Ну, а онъ... батюшка, виноватъ.» — «Ну что же онъ сдѣлалъ?» — «Онъ возвратилъ мнѣ деньги и письмо, да и сказалъ: ступай себѣ съ Богомъ, отдай это на почту.» — «Ну!» — «Батюшка, виноватъ.» — «Я съ тобою, голубчикъ, управлюсь», сказалъ грозно Генералъ. «А вы, сударыня, прикажите обыскать сундукъ этого мошенника и отдайте его мнѣ на руки, а я его проучу.» Я догадалась, кто былъ его превосходительство; нечего мнѣ было съ нимъ толковать. Кучера привязали прикащика къ козламъ коляски; деньги нашли; Генералъ у меня отобѣдалъ, потомъ тотчасъ уѣхалъ и увезъ съ собою прикащика. Прикащика моего нашли на другой день въ лѣсу привязаннаго къ дубу и ободраннаго какъ липку.» —

Всѣ слушали молча разсказъ Анны Савишны, особенно барышни. Многія изъ нихъ втайнѣ доброжелательствовали Дубровскому, видя въ немъ героя романическаго, особенно Марья Кириловна, пылкая мечтательница, напитанная таинственными ужасами Радклифъ.

«И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя былъ самъ Дубровскій? спросилъ Кирила Петровичъ. Очень же ты ошиблась. Не знаю кто былъ у тебя въ гостяхъ, а только не Дубровскій.»

— Какъ, батюшка, не Дубровскій? да кто же, какъ не онъ, выѣдетъ на дорогу и станетъ останавливать прохожихъ, да ихъ осматривать?

«Не знаю, а ужъ вѣрно не Дубровскій. Я помню его ребенкомъ, не знаю, почернѣли ль у него волосы, а тогда былъ онъ

lib.pushkinskijdom.ru

кудрявой, бѣлокуренькой мальчикъ; но знаю навѣрное, что Дубровскій пятью годами старше моей Маши, и что, слѣдственно, ему не 35 лѣтъ, а около 23.

— Точно такъ, ваше превосходительство, провозгласилъ Исправникъ: у меня въ карманѣ и примѣты Владиміра Дубровскаго. Въ нихъ точно сказано, что ему отъ роду 23 годъ.

«А!» сказалъ Кирила Петровичъ: «кстати: прочтите-ка, а мы послушаемъ: не худо намъ знать его примѣты; авось въ глаза попадется, такъ не вырвется.»

Исправникъ вынулъ изъ кармана довольно замаранный листъ бумаги, развернулъ его съ важностію и сталъ читать на распѣвъ.

«Примѣты Дубровскаго, составленныя по сказкамъ бывшихъ его дворовыхъ людей:

Отъ роду 24 года, *роста* средняго, *лицомъ* чистъ, *бороду* брѣетъ, *глаза* имѣетъ каріе, *волосы* русые, *носъ* прямой. Примѣты особыя: таковыхъ не оказалось.»

«И только!» сказалъ Кирила Петровичъ.

— Только, отвѣчалъ Исправникъ, складывая бумагу.

«Поздравляю, г-нъ Исправникъ. Ай да бумага! По этимъ примѣтамъ не мудрено будетъ вамъ отыскать Дубровскаго! Да кто же не средняго роста, у кого не русые волосы, не прямой носъ, да не каріе глаза? Бьюсь объ закладъ: три часа сряду будешь говорить съ самимъ Дубровскимъ, а не догадаешься, съ кѣмъ Богъ тебя свелъ. Нечего сказать, умныя головушки приказныя.»

Исправникъ смиренно положилъ въ карманъ свою бумагу, молча принялся за гуся съ капустой; между тѣмъ, слуги успѣли ужъ нѣсколько разъ обойти гостей, наливая каждому его рюмку. Нѣсколько бутылокъ Горскаго и Цимлянскаго громко были откупорены и приняты благосклонно подъ именемъ Шампанскаго; лица начинали рдѣть, разговоры становились звонче, несвязнѣе и веселѣе.

«Нѣтъ», продолжалъ Кирила Петровичъ: «ужъ не видать намъ такого Исправника, каковъ былъ покойникъ Тарасъ Алексѣевичъ! Этотъ былъ не промахъ, не розиня. Жаль, что сожгли мо-

lib.pushkinskijdom.ru

лодца, а то бы отъ него не ушелъ ни одинъ человѣкъ изъ всей шайки. Онъ всѣхъ бы до единаго переловилъ, да и самъ Дубровскій бы не вывернулся. Тарасъ Алексѣевичъ деньги съ него взять-то бы взялъ, да и самого не выпустилъ. Таковъ былъ обычай у покойника. Дѣлать нечего; видно мнѣ вступиться въ это дѣло, да пойти на разбойниковъ съ моими домашними. На первый случай отряжу человѣкъ двадцать, такъ они и очистятъ воровскую рощу; народъ не трусливый, каждый въ одиночку на медвѣдя ходитъ, отъ разбойниковъ не попятится.»

— Здоровъ ли вашъ медвѣдь, батюшка Кирила Петровичъ? сказалъ Антонъ Пафнутьичъ, вспомня при сихъ словахъ о своемъ косматомъ знакомцѣ и о нѣкоторыхъ шуткахъ, коихъ и онъ былъ когда-то жертвою.

«Миша приказалъ долго жить», отвѣчалъ Кирила Петровичъ: «умеръ славною смертью отъ руки непріятеля. Вонъ его побѣдитель!» Кирила Петровичъ указалъ на учителя Француза. «Онъ отомстилъ за твою.... съ позволенія сказать.... помнишь?»

— Какъ не помнить? сказалъ Антонъ Пафнутьичъ, почесываясь: очень помню. Такъ Миша умеръ — жаль Миши, ей Богу жаль! какой былъ забавникъ! какой умница! этакова медвѣдя другова не сыщешь. Да зачѣмъ мусье убилъ его?

Кирила Петровичъ съ великимъ удовольствіемъ сталъ разсказывать подвигъ своего Француза, ибо имѣлъ счастливую способность тщеславиться всѣмъ, что только ни окружало его. Гости со вниманіемъ слушали повѣсть о Мишиной смерти и съ изумленіемъ посматривали на Дефоржа, который, не подозрѣвая, что разговоръ шелъ о его храбрости, спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и дѣлалъ нравственныя замѣчанія рѣзвому своему воспитаннику.

Обѣдъ, продолжавшійся около трехъ часовъ, кончился; хозяинъ положилъ салфетку на столъ, всѣ встали и пошли въ гостиную, гдѣ ожидалъ ихъ кофей, карты и продолженіе попойки, столь славно начатой въ столовой.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Около семи часовъ вечера, нѣкоторые гости хотѣли ѣхать, но хозяинъ, развеселясь отъ пуншу, приказалъ запереть ворота и объявилъ, что до слѣдующаго утра никого со двора не выпуститъ. Скоро загремѣла музыка, двери въ залу отворились, и балъ завязался Хозяинъ и его приближенные сидѣли въ углу, выпивая стаканъ за стаканомъ и любуясь веселостію молодежи. Старушки играли въ карты. Кавалеровъ, какъ и вездѣ, гдѣ не квартируетъ какой нибудь Уланской бригады, было менѣе, нежели дамъ; всѣ мущины, годные для танцевъ, были завербованы. Учитель между всѣми отличался; всѣ барышни выбирали его и находили, что съ нимъ очень ловко вальсировать. Нѣсколько разъ кружился онъ съ Марьей Кириловною, и барышни насмѣшливо за ними примѣчали. Наконецъ, около полуночи, усталый хозяинъ прекратилъ танцы, приказалъ давать ужинать, а самъ отправился спать.

Отсутствіе Кирила Петровича придало обществу болѣе свободы и живости; кавалеры осмѣлились занять мѣста подлѣ дамъ; дѣвицы смѣялись и перешептывались съ своими сосѣдами; дамы громко разговаривали черезъ столъ. Мущины пили, спорили и хохотали; словомъ, ужинъ былъ чрезвычайно веселъ и оставилъ по себѣ много пріятныхъ воспоминаній.

Одинъ только человѣкъ не участвовалъ въ общей радости. Антонъ Пафнутьичъ сидѣлъ пасмуренъ и молчаливъ на своемъ мѣстѣ, ѣлъ разсѣянно и казался чрезвычайно безпокоенъ. Разговоры разбойническіе взволновали его воображеніе. Мы скоро увидимъ, что онъ имѣлъ достаточную причину ихъ опасаться.

Антонъ Пафнутьичъ, призывая Господа въ свидѣтели въ томъ, что красная шкатулка была пуста, не лгалъ и не согрѣшилъ; красная шкатулка точно была пуста: нѣкогда въ ней хранившіяся ассигнаціи перешли въ кожаную суму, которую носилъ онъ на груди подъ рубашкой. Сею только предосторожностію успокоивалъ онъ свою недовѣрчивость ко всѣмъ и вѣчную боязнь.

lib.pushkinskijdom.ru

Будучи принужденъ остаться ночевать въ чужомъ домѣ, онъ боялся, чтобъ не отвели ему ночлега гдѣ нибудь въ уединенной комнатѣ, куда легко могли забраться воры; онъ искалъ глазами надежнаго товарища и выбралъ наконецъ Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, имъ оказанная при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, о коемъ бѣдный Антонъ Пафнутьичъ не могъ вспомнить безъ содраганія, рѣшили его выборъ. Когда встали изъ-за стола, Антонъ Пафнутьичъ сталъ вертѣться около молодаго Француза, покрякивая и откашливаясь, и наконецъ обратился къ нему съ изъясненіемъ.

«Гм! гм! нельзя ли, мусье, переночевать мнѣ въ вашей конуркѣ, потому что, изволишь видѣть....»

— Que désire monsieur? спросилъ Дефоржъ, учтиво ему поклонившись.

«Эхъ, бѣда! ты, мусье, по-Русски еще не выучился. Же ве, муа ше ву куше, понимаешь ли?»

— Monsieur, vous n'avez qu'à ordonner, отвѣчалъ Дефоржъ.

Антонъ Пафнутьичъ, очень довольный своими свѣдѣніями во Французскомъ языкѣ, пошелъ тотчасъ распоряжаться.

Гости стали прощаться между собою, и каждый отправился въ комнату, ему назначенную; а Антонъ Пафнутьичъ пошелъ съ учителемъ во флигель. Ночь была темная. Дефоржъ освѣщалъ дорогу фонаремъ; Антонъ Пафнутьичъ шелъ за нимъ довольно бодро, прижимая изрѣдка къ груди потаенную суму, дабы удостовѣриться, что деньги его еще при немъ.

Пришедъ во флигель, учитель засвѣтилъ свѣчу, и оба стали раздѣваться; между тѣмъ, Антонъ Пафнутьичъ похаживалъ по комнатѣ, осматривая замки и окна и качая головою при семъ неутѣшительномъ осмотрѣ. Двери запирались одною задвижкою, окна не имѣли еще двойныхъ рамъ. Онъ попытался было жаловаться Дефоржу; но знанія его во Французскомъ языкѣ были слишкомъ ограничены для столь сложнаго объясненія. Французъ его не понялъ, и Антонъ Пафнутьичъ принужденъ былъ оставить свои жалобы. Постели ихъ стояли одна противъ другой; оба легли, и учитель потушилъ свѣчу.

lib.pushkinskijdom.ru

«Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше?» закричалъ Антонъ Пафнутьичъ, спрягая съ грѣхомъ по поламъ Русскій глаголъ тушу на Французскій ладъ. «Я не могу дормиръ въ потемкахъ.»

Деформъ не понялъ его восклицанія и пожелалъ ему доброй ночи.

«Проклятый басурманъ!» проворчалъ Спицынъ, закутываясь въ одѣяло. «Нужно ему было свѣчку тушить. Ему же хуже. Я спать не могу безъ огня. Мусье, мусье», продолжалъ онъ: «же ве авекъ ву парле.»

Но Французъ не отвѣчалъ и вскорѣ захрапѣлъ.

«Храпитъ бестія Французъ — подумалъ Антонъ Пафнутьичъ — а мнѣ такъ и сонъ въ умъ нейдетъ: того и гляди, воры войдутъ въ открытыя двери, или влѣзутъ въ окно, а его, бестію, и пушками не добудишься. Мусье! а мусье! дьяволъ тебя побери.»

Антонъ Пафнутьичъ замолчалъ; усталость и винные пары мало по малу превозмогли его боязливость; онъ сталъ дремать, и вскорѣ глубокій сонъ овладѣлъ имъ совершенно.

Странное готовилось ему пробужденіе. Онъ чувствовалъ сквозь сонъ, что кто-то тихонько дергалъ его за воротъ рубашки. Антонъ Пафнутьичъ открылъ глаза и, при блѣдномъ свѣтѣ осенняго утра, увидѣлъ передъ собою Деформа: Французъ въ одной рукѣ держалъ карманный пистолетъ, а другою отстегивалъ завѣтную суму. Антонъ Пафнутьичъ обмеръ. «Кесь ке се, мусье, кесь ке се?» произнесъ онъ трепещущимъ голосомъ. — «Тише! молчать!» отвѣчалъ учитель чистымъ Русскимъ языкомъ: «молчать! или вы пропали. Я Дубровскій.»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Теперь попросимъ у читателя позволенія объяснить послѣднія происшествія повѣсти нашей предъидущими обстоятельствами, кои не успѣли мы еще разсказать.

На станціи **, въ домѣ Смотрителя, о коемъ уже мы упомянули, сидѣлъ въ углу проѣзжій съ видомъ смиреннымъ и терпѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

ливымъ, обличающимъ разночинца или иностранца, т. е. человѣка, не имѣющаго голоса на почтовомъ трактѣ. Бричка его стояла на дворѣ, ожидая подмазки. Въ ней лежалъ маленькій чемоданъ, тощее доказательство не весьма достаточнаго состоянія. Проѣзжій не спрашивалъ себѣ ни чаю, ни кофею, поглядывалъ въ окно и посвистывалъ, къ великому неудовольствію смотрительши, сидѣвшей за перегородкою.

«Вотъ Богъ послалъ свистуна», говорила она вполголоса: «экъ посвистываетъ! чтобъ онъ лопнулъ окаянный басурманъ.»

— А что? сказалъ Смотритель: что за бѣда? пускай себѣ свищетъ.

«Что за бѣда?» возразила сердитая супруга: «а развѣ не знаешь примѣты?»

— Какой примѣты? Что свистъ денежку выживаетъ? И, Пахомовна! у насъ что свисти, что нѣтъ, а денегъ все нѣтъ какъ нѣтъ.

«Да отпусти ты его, Сидорычъ. Охота тебѣ его держать. Дай ему лошадей, да провались онъ къ чорту.»

— Подождетъ, Пахомовна; на конюшнѣ всего три тройки, четвертая отдыхаетъ. Того и гляди, подоспѣютъ хорошіе проѣзжіе; не хочу своею шеей отвѣчать за Француза. Чу! такъ и и есть! вонъ скачутъ! Эге, ге! и, да какъ шибко! ужъ не Генералъ ли?

Коляска остановилась у крыльца. Слуга соскочилъ съ козелъ, отперъ дверцы, и черезъ минуту молодой человѣкъ, въ военной шинели и въ бѣлой фуражкѣ, вошелъ къ Смотрителю; вслѣдъ за нимъ слуга внесъ шкатулку и поставилъ ее на окошко.

«Лошадей!» сказалъ офицеръ повелительнымъ голосомъ.

— Сейчасъ! отвѣчалъ Смотритель: пожалуйте подорожную.

«Нѣтъ у меня подорожной. Я ѣду въ сторону.... Развѣ ты меня не узнаёшь?

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиковъ. Молодой человѣкъ сталъ расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ, зашелъ за перегородку и спросилъ тихо у смотрительши: «кто такой проѣзжій?»

lib.pushkinskijdom.ru

«Богъ его вѣдаетъ», отвѣчала смотрительша: «какой-то Французъ; вотъ ужъ пять часовъ, какъ дожидается лошадей да свищетъ. Надоѣлъ, проклятый.

Молодой человѣкъ заговорилъ съ проѣзжимъ по-Французски.

«Куда изволите вы ѣхать?» спросилъ онъ его.

— Въ ближній городъ. отвѣчалъ Французъ: оттуда отправлюсь къ одному помѣщику, который нанялъ меня за глаза въ учители. Я думалъ сегодня быть уже на мѣстѣ, но г-нъ Смотритель, кажется, судилъ иначе. Въ этой землѣ трудно достать лошадей, г-нъ офицеръ.

«А къ кому изъ здѣшнихъ помѣщиковъ опредѣлились вы?» спросилъ офицеръ.

— Къ Троекурову, отвѣчалъ Французъ.

«Къ Троекурову? Кто такой этотъ Троекуровъ?»

— **Ma foi, monsieur**, я слыхалъ о немъ мало добраго. Сказываютъ, что онъ баринъ гордый и своенравный, жестокій въ обращеніи съ своими домашними, что никто не можетъ съ нимъ ужиться, что всѣ трепещутъ при его имени, что съ учителями (**avec les Outschitels**) онъ не церемонится.

«Помилуйте! и вы рѣшаетесь опредѣлиться къ такому чудовищу?»

— Что жъ дѣлать, г-нъ офицеръ? Онъ предлагаетъ мнѣ хорошее жалованье, 3000 руб. въ годъ, и все готовое. Быть можетъ, я счастливѣе другихъ. У меня старуха мать: половину жалованья буду отсылать ей на пропитаніе; изъ остальныхъ денегъ въ пять лѣтъ могу скопить маленькій капиталъ, достаточный для будущей моей независимости, и тогда, **bon soir**, ѣду въ Парижъ и пускаюсь въ коммерческіе обороты.

«Знаетъ ли васъ кто нибудь въ домѣ Троекурова?» спросилъ онъ.

— Никто, отвѣчалъ учитель: меня онъ выписалъ изъ Москвы чрезъ одного изъ своихъ пріятелей, у коего поваръ мой соотечественникъ, и онъ меня рекомендовалъ. Надобно вамъ знать, что я готовился было не въ учители, а въ кандитеры; но мнѣ ска-

lib.pushkinskijdom.ru

зали, что въ вашей землѣ званіе учителя не въ примѣръ выгоднѣе....

Офицеръ задумался. «Послушайте», прервалъ онъ Француза: «что̀, если бы, вмѣсто этой будущности, предложили вамъ 10,000 руб. чистыми деньгами, съ тѣмъ, чтобъ сей же часъ вы отправились обратно въ Парижъ?»

Французъ посмотрѣлъ на офицера съ изумленіемъ, улыбнулся и покачалъ головою.

— Лошади готовы! сказалъ вошедшій Смотритель.

Слуга подтвердилъ то же самое.

«Сейчасъ», отвѣчалъ офицеръ. «Выдьте вонъ на минуту. (Смотритель и слуга вышелъ.) Я не шучу», продолжалъ онъ по-Французски: «10,000 руб. могу я вамъ дать; мнѣ нужно только ваше отсутствіе и ваши бумаги.»

При сихъ словахъ онъ отперъ шкатулку и вынулъ нѣсколько кипъ ассигнацій.

Французъ вытаращилъ глаза. Онъ не зналъ, что и думать.

— Мое отсутствіе.... мои бумаги, повторялъ онъ съ изумленіемъ. Вотъ мои бумаги.... но вы шутите? зачѣмъ вамъ мои бумаги?

«Вамъ дѣла нѣтъ до того. Спрашиваю, согласны вы, или нѣтъ?»

Французъ, все еще не вѣря своимъ ушамъ, протянулъ бумаги свои молодому офицеру, который быстро ихъ пересмотрѣлъ.

«Вашъ паспортъ... хорошо; письмо рекомендательное... посмотримъ; свидѣтельство о рожденіи... прекрасно. Ну, вотъ же вамъ ваши деньги, отправляйтесь назадъ. Прощайте.»

Французъ стоялъ, какъ вкопаный. Офицеръ воротился.

«Я было забылъ самое важное: дайте мнѣ честное слово, что все это останется между нами... честное ваше слово.»

— Честное мое слово, отвѣчалъ Французъ. Но мои бумаги? что мнѣ дѣлать безъ нихъ?

«Въ первомъ городѣ объявите, что вы были ограблены Дубровскимъ. Вамъ повѣрятъ и дадутъ нужныя свидѣтельства. Про-

lib.pushkinskijdom.ru

щайте ; дай Богъ вамъ скорѣе доѣхать до Парижа и найти матушку въ добромъ здоровьѣ. »

Дубровскій вышелъ изъ комнаты , сѣлъ въ коляску и поскакалъ.

Смотритель смотрѣлъ въ окошко и , когда коляска уѣхала, обратился къ женѣ съ восклицаніемъ : «Пахомовна ! знаешь ли ты что? вѣдь это былъ Дубровскій. »

Смотрительша опрометью кинулась въ окошко , но было ужъ поздно : Дубровскій былъ ужъ далеко. Она принялась бранить мужа : «Бога ты не боишься , зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ того прежде , я бы хоть взглянула на Дубровскаго , а теперь жди, чтобъ онъ опять завернулъ. Безсовѣстный ты, право безсовѣстный ! »

Французъ стоялъ какъ вкопаный. Договоръ съ офицеромъ, деньги, — все казалось ему сновидѣніемъ. Но кипы ассигнацій были тутъ у него въ карманѣ и краснорѣчиво твердили ему существенность удивительнаго происшествія.

Онъ рѣшился нанять лошадей до города. Ямщикъ повезъ его шагомъ, и ночью дотащился онъ до города.

Дубровскій, овладѣвъ бумагами Француза, смѣло явился, какъ мы ужъ видѣли, къ Троекурову и поселился въ его домѣ. Каковы ни были его тайныя намѣренія (мы ихъ узнаемъ послѣ) , но въ его поведеніи не оказалось ничего предосудительнаго. Правда, онъ мало занимался воспитаніемъ маленькаго Саши , давалъ ему полную свободу повѣсничать и не строго взыскивалъ за уроки, задаваемые только для формы, за то съ большимъ прилежаніемъ слѣдовалъ за музыкальными успѣхами своей ученицы и часто по цѣлымъ часамъ сиживалъ съ нею за фортепіано. Всѣ любили молодаго учителя : Кирила Петровичъ за его смѣлое проворство на охотѣ , Марья Кириловна за неограниченное усердіе и рабскую внимательность , Саша за снисходительность къ его шалостямъ, домашніе за доброту и за щедрость, по видимому, несовмѣстную съ его состояніемъ. Самъ онъ , казалось , привязанъ былъ ко всему семейству и почиталъ уже себя членомъ онаго.

lib.pushkinskijdom.ru

Прошло около мѣсяца отъ его вступленія въ званіе учительское до достопамятнаго празднества, и никто не подозрѣвалъ, что въ скромномъ молодомъ Французѣ таился грозный разбойникъ, коего имя наводило ужасъ на всѣхъ окрестныхъ владѣльцевъ. Во все это время Дубровскій не отлучался изъ Покровскаго, но слухъ о разбояхъ его не утихалъ, благодаря изобрѣтательному воображенію сельскихъ жителей; но могло статься и то, что шайка его продолжала свои дѣйствія и въ отсутствіе начальника. Ночуя въ одной комнатѣ съ человѣкомъ, коего могъ онъ почесть личнымъ своимъ врагомъ и однимъ изъ главныхъ виновниковъ его бѣдствія, Дубровскій не могъ удержаться отъ искушенія. Онъ зналъ о существованіи сумки и рѣшился ею завладѣть. Мы видѣли, какъ изумилъ онъ бѣднаго Антона Пафнутьича неожиданнымъ своимъ превращеніемъ изъ учителя въ разбойника.

Не доѣзжая до заставы, у которой, вмѣсто часоваго, стояла развалившаяся будка, Французъ велѣлъ остановиться, вылѣзъ изъ брички и пошелъ пѣшкомъ, объяснивъ знаками ямщику, что бричку и чемоданъ даритъ ему на водку. Ямщикъ былъ въ такомъ же изумленіи отъ его щедрости, какъ и самъ Французъ отъ предложенія Дубровскаго. Но, заключивъ изъ того, что Нѣмецъ сошелъ съ ума, ямщикъ поблагодарилъ его усерднымъ поклономъ и, не разсудивъ за благо въѣхать въ городъ, отправился въ извѣстное ему увеселительное заведеніе, коего хозяинъ былъ ему пріятель. Тамъ провелъ онъ цѣлую ночь, а на другой день, утромъ, на порожней тройкѣ отправился во свояси, безъ брички и безъ чемодана, съ опухлымъ лицемъ и красными глазами.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько дней и не случилось ничего достопримѣчательнаго. Жизнь обитателей Покровскаго была однообразна. Кирила Петровичъ ежедневно выѣзжалъ на охоту; чтеніе, прогулки, музыкальные уроки занимали Марью Кириловну, осо-

lib.pushkinskijdom.ru

бенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась, съ невольной досадою, что оно не было равнодушно къ достоинствамъ молодаго Француза. Онъ, съ своей стороны, не выходилъ изъ предѣловъ почтенія и строгой пристойности и тѣмъ успокоивалъ ея гордость и боязливыя сомнѣнія. Она съ большей и большей довѣренностію предавалась увлекательной привычкѣ. Она скучала безъ Деформа; въ его присутствіи поминутно занималась имъ, обо всемъ хотѣла знать его мнѣніе и всегда съ нимъ соглашалась. Можетъ быть, она не была еще влюблена; но, при первомъ случайномъ препятствіи или внезапномъ гоненіи судьбы, пламя страсти должно было вспыхнуть въ ея сердцѣ.

Однажды, пришедъ въ залу, гдѣ ожидалъ ее учитель, Марья Кириловна съ изумленіемъ замѣтила смущеніе на блѣдномъ его лицѣ. Она открыла фортепіано, пропѣла нѣсколько нотъ; но Дубровскій, подъ предлогомъ головной боли, извинился, прервалъ урокъ и, закрывая ноты, подалъ ей украдкою записку. Марья Кириловна, не успѣвъ одуматься, приняла ее и раскаялась въ ту же минуту; но Дубровскаго не было уже въ залѣ. Марья Кириловна пошла въ свою комнату, развернула записку и прочла слѣдующее:

«Будьте сегодня въ семь часовъ въ бесѣдкѣ у ручья: мнѣ необходимо съ вами говорить.»

Любопытство ея было сильно возбуждено. Она давно ожидала признанія, желая и опасаясь его. Ей пріятно было бы услышать подтвержденіе того, о чемъ она догадывалась; но она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать таковое объясненіе отъ человѣка, который, по состоянію своему, не долженъ былъ надѣяться когда нибудь получить ея руку. Она рѣшилась идти на свиданіе, но колебалась въ одномъ: какимъ образомъ приметъ она признаніе учителя: съ аристократическимъ ли негодованіемъ, съ увѣщаніемъ ли дружбы, съ веселыми шутками, или съ безмолвнымъ участіемъ. Между тѣмъ, она поминутно поглядывала на часы. Смерклось; подали свѣчи; Кирила Петровичъ сѣлъ играть въ бостонъ съ пріѣзжими сосѣдями; столовые часы

lib.pushkinskijdom.ru

пробили третью четверть седьмаго, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, оглядѣлась во всѣ стороны и побѣжала въ садъ.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, въ двухъ шагахъ отъ себя нельзя было ничего видѣть; но Марья Кириловна шла въ темнотѣ по знакомымъ дорожкамъ и черезъ минуту очутилась у бесѣдки; тутъ остановилась она, дабы перевести духъ и явиться передъ Дефоржемъ съ видомъ равнодушнымъ и неторопливымъ. Но Дефоржъ стоялъ ужъ передъ нею.

«Благодарю васъ», сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ, «что вы не отказали мнѣ въ моей просьбѣ. Я былъ бы въ отчаяніи, если бъ вы на то не согласились.»

Марья Кириловна отвѣчала заготовленною фразой: «Надѣюсь, что вы не заставите меня раскаяться въ моей снисходительности.»

Онъ молчалъ и, казалось, собирался съ духомъ. «Обстоятельства требуютъ.... я долженъ васъ оставить», сказалъ онъ наконецъ: «вы скоро, можетъ быть, услышите.... но передъ разлукой я долженъ съ вами самъ объясниться.»

Марья Кириловна не отвѣчала ничего. Въ этихъ словахъ видѣла она предисловіе къ ожидаемому признанію.

«Я не то, что вы предполагаете», продолжалъ онъ, потупя голову: «я не Французъ Дефоржъ — я Дубровскій.»

Марья Кириловна вскрикнула.

«Не бойтесь, ради Бога; вы не должны бояться моего имени. Да, я тотъ несчастный, котораго вашъ отецъ, лишивъ куска хлѣба, выгналъ изъ отеческаго дома и послалъ грабить на большихъ дорогахъ. Но вамъ не надобно меня бояться ни за себя, ни за него. Все кончено... я ему простилъ; вы спасли его. Первый мой кровавый подвигъ долженъ былъ совершиться надъ нимъ. Я ходилъ около его дома, назначая, гдѣ вспыхнуть пожару, откуда войти въ его спальню, какъ пресѣчь ему всѣ пути къ бѣгству; въ ту минуту вы прошли мимо меня, какъ небесное видѣніе, и сердце мое смирилось. Я понялъ, что домъ, гдѣ обитаете вы, священъ, что ни единое существо, связанное съ вами

lib.pushkinskijdom.ru

узами крови, не подлежитъ моему проклятію. Я отказался отъ мщенія, какъ отъ безумства. Цѣлые дни я бродилъ около садовъ Покровскаго, въ надеждѣ увидѣть издали ваше бѣлое платье. Въ вашихъ неосторожныхъ прогулкахъ я слѣдовалъ за вами, прокрадываясь отъ куста къ кусту, счастливый мыслію, что васъ охраняю, что для васъ нѣтъ опасности тамъ, гдѣ я присутствую тайно. Наконецъ случай представился... я поселился въ вашемъ домѣ. Эти три недѣли были для меня днями счастія; ихъ воспоминаніе будетъ отрадою печальной моей жизни.... Сегодня я получилъ извѣстіе, послѣ котораго мнѣ невозможно болѣе здѣсь оставаться. Я разстаюсь съ вами сегодня, сей же часъ.... Но прежде я долженъ былъ вамъ открыться, чтобъ вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровскомъ. Знайте, что онъ рожденъ былъ для инаго назначенія, что душа его умѣла васъ любить, что никогда....»

Тутъ раздался сильный свистъ, и Дубровскій умолкъ. Онъ схватилъ ея руку и прижалъ къ пылающимъ устамъ. Свистъ повторился. «Простите», сказалъ Дубровскій: «меня зовутъ; минута можетъ погубить меня.» Онъ отошелъ.... Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровскій воротился и снова взялъ ея руку. «Если когда несчастіе васъ постигнетъ, и вы ни отъ кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, въ такомъ случаѣ обѣщаетесь ли вы прибѣгнуть ко мнѣ, требовать отъ меня всего для вашего спасенія? Обѣщаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча. Свистъ раздался въ третій разъ.

«Вы меня губите!» закричалъ Дубровскій: «я не оставлю васъ, пока не дадите мнѣ отвѣта: обѣщаетесь ли вы, или нѣтъ?»

— Обѣщаюсь! прошептала бѣдная красавица.

Взволнованная свиданіемъ съ Дубровскимъ, Марья Кириловна возвращалась изъ саду. Ей показалось, что на дворѣ было много народу, у крыльца стояла тройка, люди разбѣгались, домъ былъ въ движеніи; издали услышала она голосъ Кирилы Петровича и

lib.pushkinskijdom.ru

спѣшила войти въ комнаты, опасаясь, чтобъ отсутствіе не было замѣчено. Въ залѣ встрѣтилъ ее Кирила Петровичъ; гости окружили Исправника, нашего знакомца, и осыпали его вопросами. Исправникъ, въ дорожномъ платьѣ, вооруженный съ ногъ до головы, отвѣчалъ имъ съ видомъ таинственнымъ и суетливымъ. «Гдѣ ты была, Маша?» спросилъ Кирила Петровичъ: «встрѣтила ли ты М-г Деформа?» Маша на силу могла отвѣчать отрицательно. «Вообрази», продолжалъ Кирила Петровичъ: «Исправникъ пріѣхалъ его арестовать и увѣряетъ меня, что это самъ Дубровскій.» — «Всѣ примѣты, ваше превосходительство», сказалъ почтительно Исправникъ. — «Охъ, братецъ», прервалъ Кирила Петровичъ: «убирайся, знаешь куда, со своими примѣтами. Я тебѣ моего Француза не выдамъ, покамѣстъ самъ не разберу дѣла. Какъ можно вѣрить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и мужику: ему пригрезилось, что учитель хотѣлъ ограбить его. Зачѣмъ онъ въ то же утро не сказалъ мнѣ о томъ ни слова....» — «Французъ застращалъ его, ваше превосходительство», отвѣчалъ Исправникъ: «и взялъ съ него клятву молчать.» — «Вранье», рѣшилъ Кирила Петровичъ: «сейчасъ я все выведу на чистую воду. Гдѣ же учитель?» спросилъ онъ у вошедшаго слуги. — «Нигдѣ не найдутъ-съ», отвѣчалъ слуга. — «Такъ сыскать его!» закричалъ Троекуровъ, начинающій сомнѣваться. «Покажи мнѣ твои хваленыя примѣты», сказалъ онъ Исправнику, который тотчасъ и подалъ ему бумагу. «Гм! гм! 23 года и проч. Оно такъ, да это еще ничего не доказываетъ. Что жъ учитель?» — «Не найдутъ», былъ опять отвѣтъ. Кирила Петровичъ начиналъ безпокоиться; Марья Кириловна была ни жива, ни мертва. «Ты блѣдна, Маша», замѣтилъ ей отецъ: «тебя перепугали?» — «Нѣтъ, папенька», отвѣчала Маша: «у меня голова болитъ.» — «Поди, Маша, въ свою комнату и не безпокойся.» Маша поцѣловала у него руку и ушла скорѣе въ свою комнату; тамъ она бросилась на постель и зарыдала въ истерическомъ припадкѣ. Служанки сбѣжались, раздѣли ее на силу, на силу успѣли ее успокоить холодной водой и всевозможными спиртами; ее уложили, и она впала въ усыпленіе.

lib.pushkinskijdom.ru

Между тѣмъ, Француза не находили. Кирила Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, грозно насвистывая: *Громъ побѣды раздавайся.* Гости шептались между собою; Исправникъ казался въ дуракахъ; Француза не нашли. Вѣроятно, онъ успѣлъ скрыться, бывъ предупрежденъ. Но кѣмъ и какъ? это оставалось тайною.

Било 11-ть часовъ, и никто не думалъ о снѣ. Наконецъ Кирила Петровичъ сказалъ сердито Исправнику: «Ну что? вѣдь не до свѣту же тебѣ здѣсь оставаться; домъ мой не харчевня. Не съ твоимъ проворствомъ, братецъ, поймать Дубровскаго, если ужъ это Дубровскій. Отправляйся-ко во свояси, да впередъ будь расторопнѣе. Да и вамъ пора домой», продолжалъ онъ, обратясь къ гостямъ. «Велите закладывать, а я хочу спать.»

Такъ немилостиво разстался Троекуровъ съ своими гостями.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько времени безъ всякаго замѣчательнаго случая. Но въ началѣ слѣдующаго лѣта произошло много перемѣнъ въ семейственномъ быту Кирила Петровича.

Въ 30-ти верстахъ отъ него находилось богатое помѣстье князя Верейскаго. Князь долгое время находился въ чужихъ краяхъ; всѣмъ имѣніемъ его управлялъ отставной Маіоръ, и никакого сношенія не существовало между Покровскимъ и Арбатовомъ. Но въ концѣ мая мѣсяца князь возвратился изъ-за границы и пріѣхалъ въ свою деревню, которой отъ роду еще не видалъ. Привыкнувъ къ разсѣянности, онъ не могъ вынести уединенія и на третій день, по своемъ пріѣздѣ, отправился обѣдать къ Троекурову, съ которымъ былъ нѣкогда знакомъ.

Князю было около 50-ти лѣтъ, но онъ казался гораздо старѣе. Излишества всякаго рода изнурили его здоровье и положили на немъ свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была пріятна, замѣчательна, а привычка быть всегда въ обществѣ придавала ему нѣкоторую любезность, особенно съ жен-

lib.pushkinskijdom.ru

щинами. Онъ имѣлъ непрестанную нужду въ разсѣяніи, непрестанно скучалъ. Кирила Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ его посѣщеніемъ, принявъ оное знакомъ уваженія отъ человѣка, знающаго свѣтъ. Онъ, по обыкновенію своему, сталъ угощать его смотромъ своихъ заведеній и повелъ на псарной дворъ. Но князь чуть не задохся въ собачьей атмосферѣ и спѣшилъ выдти вонъ, зажимая носъ платкомъ, опрысканнымъ духами. Старинный садъ, съ его стриженными липами, четвероугольнымъ прудомъ и правильными аллеями, ему не понравился; онъ не любилъ Англійскіе сады и такъ называемую природу, но хвалилъ и восхищался. Слуга пришелъ доложить, что кушанье поставлено. Они пошли обѣдать. Князь прихрамывалъ, уставъ отъ своей прогулки, и уже раскаявался въ своемъ посѣщеніи.

Но въ залѣ встрѣтила ихъ Марья Кириловна — и старый волокита былъ пораженъ ея красотой. Троекуровъ посадилъ гостя подлѣ нея. Князь былъ оживленъ ея присутствіемъ, былъ веселъ и успѣлъ нѣсколько разъ привлечь ея вниманіе любопытными своими разсказами. Послѣ обѣда Кирила Петровичъ предложилъ ѣхать верхомъ, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя надъ своею подагрой. Онъ предложилъ прогулку въ линейкѣ, съ тѣмъ, чтобъ не разлучаться съ милою своей сосѣдкою. Линейку заложили. Старики и красавица сѣли втроемъ и поѣхали. Разговоръ не прерывался. Марья Кириловна съ удовольствіемъ слушала льстивыя и веселыя привѣтствія свѣтскаго человѣка, какъ вдругъ Верейскій, обратясь къ Кирилѣ Петровичу, спросилъ у него: что значитъ это погорѣлое строеніе, и ему ли оно принадлежитъ? Кирила Петровичъ нахмурился: воспоминанія, возбуждаемыя въ немъ погорѣлой усадьбою, были ему непріятны. Онъ отвѣчалъ, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому. «Дубровскому? повторилъ Верейскій; какъ, этому славному разбойнику?» — Отцу его, отвѣчалъ Троекуровъ; да и отецъ-то былъ порядочный разбойникъ.

«Куда же дѣвался нашъ Ринальдо? Схваченъ ли онъ, живъ ли онъ?»

lib.pushkinskijdom.ru

— И живъ и на волѣ. Кстати, князь! Дубровскій побывалъ вѣдь у тебя въ **?

«Да, прошлаго года; онъ, кажется, что-то сжегъ или разграбилъ. Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче съ этимъ романическимъ героемъ?

— Что любопытнаго! сказалъ Троекуровъ: она знакома съ нимъ. Онъ цѣлыя три недѣли училъ ее музыкѣ, да, слава Богу, не взялъ ничего за уроки. Тутъ Кирила Петровичъ началъ разсказывать повѣсть о мнимомъ Французѣ учителѣ. Марья Кириловна сидѣла какъ на иголкахъ. Верейскій, выслушавъ съ глубокимъ вниманіемъ, нашелъ все это очень страннымъ, и перемѣнилъ разговоръ. Возвратясь, онъ велѣлъ подавать свою карету, и, несмотря на усильныя просьбы Кирила Петровича — остаться ночевать, уѣхалъ тотчасъ послѣ чаю; но прежде просилъ Кирила Петровича пріѣхать къ нему въ гости съ Марьею Кириловной, и гордый Троекуровъ обѣщался; ибо, взявъ въ уваженіе княжеское достоинство, двѣ звѣзды и 3000 душъ родоваго имѣнія, онъ до нѣкоторой степени почиталъ князя Верейскаго себѣ равнымъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Два дня спустя послѣ его посѣщенія, Кирила Петровичъ отправился съ дочерью въ гости къ князю Верейскому. Подъѣзжая къ **, онъ не могъ налюбоваться чистыми и веселыми избами крестьянъ и каменнымъ господскимъ домомъ, выстроеннымъ во вкусѣ Англійскихъ замковъ. Передъ домомъ разстилался густозеленый лугъ, на коемъ паслись Швейцарскія коровы, звеня своими колокольчиками. Пространный паркъ окружалъ домъ со всѣхъ сторонъ. Хозяинъ встрѣтилъ гостей у крыльца и подалъ руку молодой красавицѣ. Она вошла въ великолѣпную залу, гдѣ столъ былъ накрытъ на три прибора. Князь подвелъ гостей къ окну, и имъ открылся прелестный видъ. Волга протекала передъ окнами, по коей шли нагруженныя барки подъ натянутыми парусами и мелькали рыбачьи лодки, столь выразительно названныя

lib.pushkinskijdom.ru

душегубками. За рѣкою тянулись холмы и поля; нѣсколько деревень оживляли окрестность. Потомъ они занялись разсмотрѣніемъ галлереи картинъ, купленныхъ княземъ въ чужихъ краяхъ. Князь объяснялъ Марьѣ Кириловнѣ ихъ различныя достоинства, содержаніе, исторію живописцевъ; указывалъ на достоинства и недостатки. Онъ говорилъ о картинахъ не на условленномъ языкѣ педантическаго знатока, но съ чувствомъ и воображеніемъ. Марья Кириловна слушала его съ удовольствіемъ. Пошли за столъ. Троекуровъ отдалъ полную справедливость винамъ своего Амфитріона и искусству его повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малѣйшаго замѣшательства или принужденія въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, котораго видѣла она только во второй разъ отъ роду. Послѣ обѣда хозяинъ предложилъ гостямъ пойти въ садъ. Они пили кофе въ бесѣдкѣ, на берегу широкаго озера, усѣяннаго островами. Вдругъ раздалась духовая музыка, и шестивесельная лодка причалила къ самой бесѣдкѣ. Они поѣхали по озеру, около острововъ, посѣщали нѣкоторые изъ нихъ; на одномъ находили мраморную статую, на другомъ уединенную пещеру, на третьемъ памятникъ съ таинственной надписью, возбуждавшій въ Марьѣ Кириловнѣ дѣвическое любопытство, не вполнѣ удовлетворенное учтивыми недомолвками князя. Время прошло незамѣтно. Начало смеркаться. Князь, подъ предлогомъ свѣжести и росы, спѣшилъ возвратится домой; самоваръ ихъ ожидалъ. Князь просилъ Марью Кириловну хозяйничать въ домѣ холостяка. Она разливала чай, слушая неистощимые разсказы любезнаго говоруна. Вдругъ раздался выстрѣлъ — и ракета освѣтила небо.... Князь подалъ Марьѣ Кириловнѣ шаль, позвалъ ее и Троекурова на балконъ. Передъ домомъ, въ темнотѣ, разноцвѣтные огни вспыхнули, завертѣлись, поднялись вверхъ колосьями, полились фонтанами, посыпались дождемъ, звѣздами, угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась, какъ дитя. Князь Верейскій радовался ея восхищенію, и Троекуровъ былъ чрезвычайно имъ доволенъ, ибо принималъ tous les frais князя, какъ знаки уваженія и желанія ему угодить.

lib.pushkinskijdom.ru

Ужинъ въ своемъ достоинствѣ ничѣмъ не уступалъ обѣду. Гости отправились въ комнаты, для нихъ отведенныя, и на другой день, поутру, разстались съ любезнымъ хозяиномъ, давъ другъ другу обѣщанія вскорѣ снова увидѣться.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Марья Кириловна сидѣла въ своей комнатѣ, вышивая въ пяльцахъ, передъ открытымъ окошкомъ. Она не путалась шелками, подобно любовницѣ Конрада, которая, въ любовной разсѣянности, вышила розу зеленымъ шелкомъ. Подъ ея иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника; несмотря на то, ея мысли не слѣдовали за работой — онѣ были далеко.

Вдругъ въ окошкѣ тихонько протянулась рука, кто-то положилъ на пяльцы письмо и скрылся, прежде нежели Марья Кириловна успѣла образумиться. Въ это самое время слуга къ ней вошелъ и позвалъ ее къ Кирилѣ Петровичу. Она съ трепетомъ спрятала письмо за косынку и поспѣшила къ отцу въ кабинетъ.

Кирила Петровичъ былъ не одинъ. Князь Верейскій сидѣлъ у него. При появленіи Марьи Кириловны князь всталъ и молча поклонился съ замѣшательствомъ, для него необыкновеннымъ. «Подойди сюда, Маша, сказалъ Кирила Петровичъ. Скажу тебѣ новость, которая, надѣюсь, тебя обрадуетъ. Вотъ тебѣ женихъ; князь за тебя сватается.»

Маша остолбенѣла; смертная блѣдность покрыла ея лице. Она молчала. Князь къ ней подошелъ, взялъ ее руку и съ видомъ тронутымъ спросилъ: согласна ли она сдѣлать его счастіе? Маша молчала.

«Согласна, конечно согласна, сказалъ Кирила Петровичъ: но знаешь, князь, дѣвушкѣ трудно выговорить это слово. Ну, дѣти, поцѣлуйтесь и будьте счастливы.»

Маша стояла неподвижно, старый князь поцѣловалъ ея руку; вдругъ слезы побѣжали по ея блѣдному лицу. Князь слегка нахмурился.

lib.pushkinskijdom.ru

«Пошла, пошла, пошла! сказалъ Кирила Петровичъ: осуши свои слезы и воротись къ намъ веселёшенька. Онѣ всѣ плачутъ при помолвкѣ, продолжалъ онъ, обратясь къ Верейскому: это у нихъ ужъ такъ заведено. Теперь, князь, поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о приданомъ.»

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволеніемъ удалиться. Она побѣжала въ свою комнату, заперлась и дала волю своимъ слезамъ, воображая себя женою стараго князя; онъ вдругъ показался ей отвратительнымъ и ненавистнымъ.... Бракъ пугалъ ее, какъ плаха, какъ могила!... Нѣтъ, нѣтъ! повторяла она въ отчаяніи: лучше въ монастырь, лучше пойду за Дубровскаго.... Тутъ она вспомнила о письмѣ и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, оно было писано имъ, и заключало только слѣдующія слова:

«Вечеромъ, въ 10-ть часовъ, на прежнемъ мѣстѣ.»

Луна сіяла; сельская ночь была спокойна; изрѣдка подымался вѣтерокъ, и тихій шорохъ пробѣгалъ по всему саду.

Какъ легкая тѣнь, молодая красавица приблизилась къ мѣсту назначеннаго свиданія. Еще никого не было видно, вдругъ изъ-за бесѣдки очутился Дубровскій передъ нею. «Я все знаю, сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ: вспомните ваше обѣщаніе.»

— Вы предлагаете мнѣ свое покровительство? отвѣчала Маша: но не сердитесь: оно пугаетъ меня. Какимъ образомъ окажете вы мнѣ помощь?

«Я бы могъ избавить васъ отъ ненавистнаго человѣка.»

— Ради Бога, не трогайте его, не смѣйте его трогать, если вы меня любите: я не хочу быть виною какого нибудь ужаса....

«Я не трону его: воля ваша для меня священна. Вамъ обязанъ онъ жизнію. Никогда злодѣйство не будетъ свершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и въ моихъ преступленіяхъ. Но какъ же спасу васъ отъ жестокаго отца?»

— Еще есть надежда: я надѣюсь тронуть его моими слезами и отчаяніемъ. Онъ упрямъ, но онъ такъ меня любитъ.

lib.pushkinskijdom.ru

«Не надѣйтесь по пустому: въ этихъ слезахъ увидитъ онъ только обыкновенную боязливость и отвращеніе, общее всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, когда идутъ онѣ замужъ не по страсти, а изъ благоразумнаго разсчета; но если возьметъ онъ себѣ въ голову сдѣлать счастіе ваше вопреки вамъ самимъ? если насильно повезутъ васъ подъ вѣнецъ, чтобъ на вѣки предать судьбу вашу во власть хилаго мужа?...»

— Тогда, тогда дѣлать нечего — явитесь за мною — я буду вашею женой.

Дубровскій затрепеталъ; блѣдное лице покрылось багровымъ румянцемъ и въ ту же минуту стало блѣднѣе прежняго. Онъ долго молчалъ, потупя голову.

«Соберитесь со всѣми силами души, умоляйте отца, бросьтесь къ его ногамъ; представьте ему весь ужасъ будущаго, вашу молодость, увядающую близь хилаго и развратнаго старика; скажите, что богатство не доставитъ вамъ и одной минуты счастія; роскошь утѣшаетъ одну бѣдность, и то съ непривычки на одно мгновеніе; не отставайте отъ него, не пугайтесь ни его гнѣва, ни угрозъ, пока останется хоть тѣнь надежды; ради Бога, не отставайте. Если жъ не будетъ уже другаго средства — рѣшитесь на жестокое изъясненіе: скажите, что если онъ останется неумолимъ, то.... то вы найдете ужасную защиту... »

Тутъ Дубровскій закрылъ лице руками; онъ, казалось, задыхался. Маша плакала....

«Бѣдная, бѣдная моя участь! сказалъ онъ, горько вздохнувъ. За васъ отдалъ бы я жизнь; видѣть васъ издали, касаться руки вашей было для меня упоеніемъ; и когда открывается для меня возможность прижать васъ къ взволнованному моему сердцу и сказать: я твой на вѣки; бѣдный! я долженъ остерегаться отъ блаженства, я долженъ отталкивать его отъ себя всѣми силами! Я не смѣю пасть къ вашимъ ногамъ и благодарить Небо за непонятную, незаслуженную награду. О! какъ долженъ я ненавидѣть того.... но чувствую, что теперь въ сердцѣ моемъ нѣтъ мѣста ненависти.»

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ тихо обнялъ стройный ея станъ и тихо привлекъ ее къ своему сердцу. Довѣрчиво склонила она голову на плечо молодаго разбойника — оба молчали....

Время летѣло. «Пора», сказала наконецъ Маша. Дубровскій какъ будто очнулся отъ усыпленія. Онъ взялъ ея руку и надѣлъ ей на палецъ кольцо. «Если рѣшитесь прибѣгнуть ко мнѣ, сказалъ онъ: то принесите кольцо сюда, опустите его въ дупло этого дуба; я буду знать, что дѣлать.»

Дубровскій поцѣловалъ ея руку и скрылся между деревьями.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Сватовство князя Верейскаго не было уже тайною для сосѣдства. Кирила Петровичъ принималъ поздравленія; свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала рѣшительное объявленіе. Между тѣмъ, обращеніе ея со старымъ женихомъ было холодно и принужденно. Князь о томъ не заботился: онъ о любви не хлопоталъ, довольный ея безмолвнымъ согласіемъ.

Но время шло. Маша наконецъ рѣшилась дѣйствовать и написала письмо князю Верейскому. Она старалась возбудить въ его сердцѣ чувство великодушія; откровенно признавалась, что не имѣла къ нему ни малѣйшей привязанности; умоляла его отказаться отъ ея руки и самому защищать ее отъ власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому. Тотъ прочелъ его наединѣ и ни мало не былъ тронутъ откровенностію своей невѣсты. Напротивъ, онъ увидѣлъ необходимость ускорить свадьбою и для того почелъ нужнымъ показать письмо будущему тестю.

Кирила Петровичъ взбѣсился; на силу князь могъ уговорить его не показывать Машѣ и виду, что онъ увѣдомленъ о ея письмѣ. Кирила Петровичъ согласился ей о томъ не говорить, но рѣшился не тратить времени и назначилъ быть свадьбѣ на другой же день. Князь нашелъ сіе весьма благоразумнымъ, пошелъ къ своей невѣстѣ, сказалъ ей, что письмо очень его опечалило, но

lib.pushkinskijdom.ru

что онъ надѣется современемъ заслужить ея привязанность; что мысль отречься отъ нея слишкомъ для него тяжела, и что онъ не въ силахъ согласиться на свой смертный приговоръ. За симъ онъ почтительно поцѣловалъ ея руку и уѣхалъ, не сказавъ ей ни слова о рѣшеніи Кирилы Петровича.

Но едва онъ выѣхалъ со двора, какъ отецъ ея вошелъ и напрямикъ велѣлъ ей быть готовой на завтрашній день. Марья Кириловна, уже взволнованная объясненіемъ князя Верейскаго, залилась слезами и бросилась къ ногамъ отца. «Папенька! закричала она жалобнымъ голосомъ, папенька! не губите меня: я не люблю князя, я не хочу быть его женою.

— Это что значитъ? сказалъ грозно Кирила Петровичъ: до сихъ поръ ты молчала и была согласна; а теперь, когда все рѣшено, ты вздумала капризничать и отрекаться. Не изволь дурачиться; этимъ со мною ты ничего не выиграешь.

«Не губите меня!» повторяла бѣдная Маша: «за что гоните меня отъ себя прочь и отдаете человѣку нелюбимому? развѣ я вамъ надоѣла? Я хочу остаться съ вами по прежнему. Папенька! вамъ безъ меня будетъ грустно; еще грустнѣе, когда подумаете, что я несчастлива. Папенька! не принуждайте меня: я не хочу идти замужъ.»

Кирила Петровичъ былъ тронутъ, но скрылъ свое смущеніе и оттолкнулъ ее, сказавъ сурово:

— Все это вздоръ, слышишь ли? Я знаю лучше твоего, что̀ нужно для твоего счастія. Слезы тебѣ не помогутъ; послѣ завтра будетъ твоя свадьба.

«Послѣ завтра!» вскрикнула Маша. «Боже мой! Нѣтъ, нѣтъ, невозможно, этому не быть! Папенька, послушайте: если уже вы рѣшились погубить меня, то я найду защитника, о которомъ вы и не думаете; вы увидите, вы ужаснетесь, до чего вы меня довели.»

— Что? что? сказалъ Троекуровъ: угрозы! мнѣ угрозы? дерзкая дѣвчонка! Да знаешь ли ты, что я съ тобою сдѣлаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смѣешь меня стращать, негодница! Посмотримъ, кто будетъ этотъ защитникъ?

lib.pushkinskijdom.ru

«Владиміръ Дубровскій», отвѣчала Маша въ отчаяніи.

Кирила Петровичъ подумалъ, что она сошла съ ума, и глядѣлъ на нее съ изумленіемъ. «Добро!» сказалъ онъ ей, послѣ нѣкотораго молчанія: «жди себѣ, кого хочешь, въ избавители, а покамѣстъ сиди въ этой комнатѣ... ты изъ нея не выйдешь до самой свадьбы.» Съ этимъ словомъ Кирила Петровичъ вышелъ и заперъ за собою двери.

Долго плакала бѣдная дѣвушка, воображая все, что ожидало ее; но бурное объясненіе облегчило ея душу, и она спокойнѣе могла разсуждать о своей участи и о томъ, что̀ надлежало ей дѣлать. Главное было для нея: избавиться отъ ненавистнаго брака; участь супруги разбойника казалась для нея раемъ въ сравненіи съ жребіемъ, ей установленнымъ. Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровскимъ. Пламенно желала она увидѣться съ нимъ наединѣ и еще разъ передъ рѣшительной минутой долго посовѣтоваться. Предчувствіе сказывало ей, что вечеромъ найдетъ она Дубровскаго въ саду, близъ бесѣдки; она рѣшилась пойти ожидать его тамъ. Какъ только стало смеркаться, Маша приготовилась; но дверь ея заперта на ключъ. Горничная отвѣчала ей изъ-за двери, что Кирила Петровичъ не приказалъ ее выпускать. Она была подъ арестомъ. Глубоко оскорбленная, она сѣла подъ окошко и до глубокой ночи сидѣла не раздѣваясь, неподвижно глядя на темное небо. На разсвѣтѣ она задремала; но тонкой сонъ ея былъ встревоженъ печальными видѣніями и лучи восходящаго солнца уже разбудили ее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Она проснулась и съ первою мыслію представился ей весь ужасъ ея положенія. Она позвонила, дѣвка вошла и на вопросы ея отвѣчала, что Кирила Петровичъ вечеромъ ѣздилъ въ ** и возвратился поздно; что онъ далъ строгое приказаніе не выпускать ее изъ ея комнаты и смотрѣть за тѣмъ, чтобъ никто съ нею не говорилъ; что, впрочемъ, не видно никакихъ особенныхъ

lib.pushkinskijdom.ru

приготовленій къ свадьбѣ, кромѣ того, что велѣно было попу не отлучаться изъ деревни ни подъ какимъ предлогомъ. Послѣ сихъ извѣстій дѣвка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Ея слова ожесточили молодую затворницу. Голова ея кипѣла, кровь волновалась; она рѣшилась дать знать обо всемъ Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо въ дупло завѣтнаго дуба. Въ это время камушекъ ударился въ окно ея, стекло зазвенѣло и Марья Кириловна взглянула на дворъ и увидѣла маленькаго Сашу, дѣлающаго ей знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. «Здравствуй, Саша; зачѣмъ ты меня зовешь?» — «Я пришелъ, сестрица, узнать отъ васъ, не надобно ли вамъ чего нибудь. Папенька сердитъ и запретилъ всему дому васъ слушаться; но велите мнѣ сдѣлать, что вамъ угодно, и я для васъ все сдѣлаю.

«Спасибо, милой мой Сашенька. Слушай, ты знаешь старый дубъ съ дупломъ, что у бесѣдки?»

— Знаю, сестрица.

«Такъ, если ты меня любишь, сбѣгай туда поскорѣй и положи вотъ это кольцо въ дупло; да смотри же, чтобъ никто тебя не видалъ.»

Съ этимъ словомъ она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчикъ поднялъ кольцо, во весь духъ пустился бѣжать и въ три минуты очутился у завѣтнаго дерева. Тутъ онъ остановился, задыхаясь, оглянулся во всѣ стороны и положилъ колечко въ дупло. Окончивъ дѣло благополучно, хотѣлъ онъ тотъ же часъ донести о томъ Марьѣ Кириловнѣ, какъ вдругъ рыжій и полуоборванный мальчишка мелькнулъ изъ-за бесѣдки, кинулся къ дубу и запустилъ руку въ дупло. Саша быстрѣе бѣлки бросился къ нему и зацѣпился обѣими руками.

«Что ты здѣсь дѣлаешь?» сказалъ онъ грозно.

— Тебѣ какое дѣло? отвѣчалъ мальчишка, стараясь отъ него освободиться.

«Оставь это кольцо, рыжій», кричалъ Саша: «или я проучу тебя по свойски.»

lib.pushkinskijdom.ru

Вмѣсто отвѣта, тотъ ударилъ его кулакомъ по лицу; но Саша его не выпустилъ и закричалъ во все горло: «воры, воры! сюда, сюда!»

Мальчишка силился отъ него отдѣлаться. Онъ былъ, по видимому, двумя годами старѣе Саши и гораздо его сильнѣе; но Саша былъ увертливѣе. Они боролись нѣсколько минутъ; наконецъ рыжій мальчикъ одолѣлъ. Онъ повалилъ Сашу на земь и схватилъ его за горло. Но въ это время сильная рука вцѣпилась въ его рыжіе и щетинистые волосы, и садовникъ Степанъ приподнялъ его на полъ-аршина отъ земли.

«Ахъ ты, рыжая бестія», говорилъ садовникъ: «да какъ ты смѣешь бить маленькаго барина?»

Саша успѣлъ вскочить и оправиться.

«Ты меня схватилъ подъ мышки», сказалъ онъ: «а то бы никогда меня не повалилъ. Отдай сейчасъ кольцо и убирайся.»

— Какъ не такъ, отвѣчалъ рыжій, и вдругъ перевернувшись на одномъ мѣстѣ, освободилъ свои щетины отъ руки Степановой.

Тутъ онъ пустился было бѣжать, но Саша догналъ его, толкнулъ въ спину, и мальчикъ упалъ со всѣхъ ногъ. Садовникъ снова его схватилъ и связалъ кушакомъ.

«Отдай кольцо!» кричалъ Саша.

— Погоди, баринъ, сказалъ Степанъ: мы сведемъ его на расправу къ прикащику.

Садовникъ повелъ плѣнника на барской дворъ, а Саша его сопровождалъ, съ безпокойствомъ поглядывая на свои шаровары, разорванныя и замаранныя зеленью. Вдругъ всѣ трое очутились передъ Кирилою Петровичемъ, идущимъ осматривать свою конюшню.

«Это что?» спросилъ онъ Степана.

Степанъ въ короткихъ словахъ описалъ все происшествіе.

Кирила Петровичъ выслушалъ его со вниманіемъ.

«Ты, повѣса», сказалъ онъ, обратясь къ Сашѣ: «за что ты съ нимъ связался?»

— Онъ укралъ изъ дупла кольцо, папенька; прикажите отдать кольцо.

lib.pushkinskijdom.ru

«Какое кольцо? изъ какого дупла?»

— Да мнѣ Марья Кириловна... да то кольцо...

Саша смутился, спутался. Кирила Петровичъ нахмурился и сказалъ, качая головою:

«Тутъ замѣшалась Марья Кириловна. Признавайся во всемъ, или такъ отдеру тебя розгою, что ты и своихъ не узнаешь.»

— Ей-Богу, папенька, я... папенька... Мнѣ Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька.

«Степанъ! ступай-ка, да срѣжь мнѣ хорошенькую, свѣжую, березовую розгу.»

— Постойте, папенька, я все вамъ разскажу. Я сегодня бѣгалъ по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко, и я подбѣжалъ, и сестрица не нарочно уронила кольцо, а я спряталъ его въ дупло, и... и... этотъ рыжій мальчикъ хотѣлъ кольцо украсть.

«Не нарочно уронила, ты хотѣлъ спрятать... Степанъ! ступай за розгами.»

— Папенька, погодите, я все разскажу. Сестрица Марья Кириловна велѣла мнѣ сбѣгать къ дубу и положить кольцо въ дупло; я и сбѣгалъ и положилъ кольцо, а этотъ скверный мальчикъ...

Кирила Петровичъ обратился къ скверному мальчику и спросилъ его грозно: «чей ты?»

— Я дворовой человѣкъ господъ Дубровскихъ, отвѣчалъ онъ.

Лицо Кирила Петровича омрачилось.

«Ты, кажется, меня господиномъ не признаешь... добро. А что ты дѣлалъ въ моемъ саду?»

— Малину кралъ.

«Ага! слуга въ барина; каковъ попъ, таковъ и приходъ; а малина развѣ растетъ у меня на дубахъ? слыхалъ ли ты это?»

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, сказалъ Саша.

«Молчи, Александръ!» отвѣчалъ Кирила Петровичъ: «не забудь, что я собираюсь съ тобою раздѣлаться. Ступай въ свою комнату. Ты, косой, ты мнѣ кажешься малый не промахъ; если

lib.pushkinskijdom.ru

ты мнѣ во всемъ признаешься, такъ я тебя не высѣку и дамъ еще пятакъ на орѣхи. Отдай кольцо и ступай.» Мальчикъ разжалъ кулакъ и показалъ, что въ его рукѣ не было ничего. «Не то, я съ тобою сдѣлаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!»

Мальчикъ не отвѣчалъ ни слова и стоялъ потупя голову, принявъ на себя видъ настоящаго дурака.

«Добро!» сказалъ Кирила Петровичъ: «запереть его куда нибудь, да смотрѣть, чтобъ онъ не убѣжалъ, или со всего дома шкуру спущу.»

Степанъ отвелъ мальчика на голубятню, заперъ его тамъ и приставилъ смотрѣть за нимъ старую птичницу Агаѳью.

«Тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія: она сохранила сношенія съ проклятымъ Дубровскимъ. Но если и въ самомъ дѣлѣ она звала его на помощь — думалъ Кирила Петровичъ, расхаживая по комнатѣ и сердито насвитывая *Громъ побѣды раздавайся.* Я по крайней мѣрѣ нашелъ на его горячіе слѣды, и онъ отъ насъ не увернется. Мы воспользуемся этимъ случаемъ... Чу! колокольчикъ; слава Богу, это Исправникъ. Привести сюда мальчишку пойманнаго.»

Между тѣмъ, тележка въѣхала на дворъ, и знакомый намъ Исправникъ вошелъ въ комнату весь запыленный.

«Славная вѣсть!» сказалъ Кирила Петровичъ: «я поймалъ Дубровскаго.»

— Слава Богу, ваше превосходительство! сказалъ Исправникъ съ видомъ обрадованнымъ. Гдѣ же онъ?

«То есть, не Дубровскаго, а одного изъ его шайки. Сейчасъ его приведутъ. Онъ намъ пособитъ поймать самого атамана. Вотъ его и привели.»

Исправникъ, ожидавшій грознаго разбойника, былъ изумленъ, увидѣвъ 13-ти лѣтняго мальчика, довольно слабой наружности. Онъ съ недоумѣніемъ обратился къ Кирилѣ Петровичу и ждалъ объясненія. Кирила Петровичъ сталъ тутъ же разсказывать, не упоминая, однакожъ, о Марьѣ Кириловнѣ, утреннее происшествіе.

lib.pushkinskijdom.ru

Исправникъ выслушалъ его со вниманіемъ, поминутно взглядывая на маленькаго негодяя, который, прикинувшись дуракомъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія на все, что дѣлалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить съ вами наединѣ, сказалъ наконецъ Исправникъ.

Кирила Петровичъ повелъ его въ другую комнату и заперъ за собою дверь.

Черезъ полчаса они вышли опять въ залу, гдѣ невольникъ ожидалъ рѣшенія своей участи.

— Баринъ хотѣлъ, сказалъ ему Исправникъ: посадить тебя въ городской острогъ, выстегать плетьми и сослать потомъ на поселеніе; но я вступился за тебя и выпросилъ тебѣ прощеніе. Развязать его!

Мальчика развязали.

— Благодари же барина, сказалъ Исправникъ.

Мальчикъ подошелъ къ Кирилѣ Петровичу и поцѣловалъ у него руку.

«Ступай себѣ домой», сказалъ ему Кирила Петровичъ: «да впередъ не крадь малины по дупламъ.»

Мальчикъ вышелъ, весело спрыгнулъ съ крыльца и пустился бѣгомъ, не оглядываясь, черезъ поле къ Кистеневу. Добѣжавъ до деревни, онъ остановился у полуразвалившейся избушки, первой съ краю, и постучалъ въ окошко. Окошко поднялось, и старуха показалась.

«Бабушка, хлѣба!» сказалъ мальчикъ: «я съ утра ничего не ѣлъ, умираю съ голоду.»

— Ахъ! это ты, Митя; да гдѣ жъ пропадалъ, бѣсенокъ? отвѣчала старуха.

«Послѣ разскажу, бабушка; ради Бога, хлѣба!»

— Да войди въ избу.

«Некогда, бабушка: мнѣ надо сбѣгать еще въ одно мѣсто. Хлѣба, ради Христа, хлѣба.»

— Экой непосѣдъ, проворчала старуха: на, вотъ тебѣ ломоть, и сунула въ окно ломоть чернаго хлѣба.

lib.pushkinskijdom.ru

Мальчикъ жадно его прикусилъ и, жуя, шагомъ отправился далѣе.

Начинало смеркаться; Митя пробирался овинами и огородами въ Кистеневскую рощу. Дошедши до двухъ сосенъ, стоящихъ передовыми стражами рощи, онъ остановился, оглядѣлся во всѣ стороны, свиснулъ свистомъ пронзительнымъ и отрывисто и сталъ слушать; легкій и продолжительный свистъ послышался ему въ отвѣтъ; кто-то вышелъ изъ рощи и приблизился къ нему.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Кирила Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, громче обыкновеннаго насвистывая свою пѣсню. Весь домъ былъ въ движеніи; слуги бѣгали, дѣвки суетились. На дворѣ толпился народъ. Въ уборной барышни, передъ зеркаломъ, дама, окруженная служанками, убирала блѣдную, неподвижную Марью Кириловну; голова ея томно клонилась подъ тяжестію брилліантовъ; она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала ее, но молчала, безсмысленно глядясь въ зеркало. «Скоро ли?» раздался у дверей голосъ Кирилы Петровича. — «Сію минуту!» отвѣчала дама. «Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо ли?» Марья Кириловна встала и не отвѣчала ничего. Двери отворились. «Невѣста готова», сказала дама Кирилѣ Петровичу: «прикажите подавать карету.» — «Съ Богомъ!» отвѣчалъ Кирила Петровичъ, и — взявъ со стола образъ — «подойди ко мнѣ, Маша», сказалъ онъ ей тронутымъ голосомъ: «благословляю тебя....» Бѣдная дѣвушка упала ему въ ноги и зарыдала. «Папенька.... папенька....» говорила она въ слезахъ, и голосъ ея замиралъ. Кирила Петровичъ спѣшилъ ее благословить; ее подняли и почти понесли въ карету. Съ нею сѣла посаженая мать и одна изъ служанокъ. Они поѣхали въ церковь. Тамъ женихъ ужъ ихъ ожидалъ. Онъ вышелъ на встрѣчу невѣсты и былъ пораженъ ея блѣдностію и страннымъ видомъ. Они вмѣстѣ вошли въ холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священникъ

lib.pushkinskijdom.ru

вышелъ изъ алтаря и тотчасъ же началъ. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала; думала объ одномъ съ самаго утра: ждала Дубровскаго; надежда ни на минуту ее не покидала. Но когда священникъ обратился къ ней съ обычнымъ вопросомъ, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала. Священникъ, не дождавшись ея отвѣта, произнесъ невозвратимыя слова.

Обрядъ былъ конченъ. Она чувствовала холодный поцѣлуй немилаго супруга; она слышала льстивыя поздравленія присутствующихъ, и все еще не могла повѣрить, что жизнь ея была на вѣки окована, что Дубровскій не прилетѣлъ освободить ее. Князь обратился къ ней съ ласковыми словами — она ихъ не поняла; они вышли изъ церкви; на паперти толпились крестьяне изъ Покровскаго. Взоръ ея быстро ихъ обѣжалъ и снова оказалъ прежнюю безчувственность. Молодые сѣли вмѣстѣ въ карету и поѣхали въ **, куда уже Кирила Петровичъ отправился прежде, дабы встрѣтить тамъ молодыхъ. Наединѣ съ молодою женой князь нимало не былъ смущенъ ея холоднымъ видомъ. Онъ не сталъ докучать ей приторными изъясненіями и смѣшными восторгами; слова его были просты и не требовали отвѣтовъ. Такимъ образомъ проѣхали они около десяти верстъ; лошади неслись быстро по кочкамъ проселочной дороги, и карета почти не качалась на своихъ Англійскихъ рессорахъ. Вдругъ раздались крики погони; карета остановилась, и толпа вооруженныхъ людей окружила ее. Человѣкъ, въ полу-маскѣ, отворилъ дверцы со стороны, гдѣ сидѣла молодая княгиня, и сказалъ ей: «вы свободны! выходите.» — «Что это значитъ?» закричалъ князь: «кто ты такой?...» — «Это Дубровскій», отвѣчала княгиня. Князь, не теряя присутствія духа, вынулъ изъ боковаго кармана дорожный пистолетъ и выстрѣлилъ въ маскированнаго разбойника. Княгиня вскрикнула и съ ужасомъ закрыла лицо обѣими руками. Дубровскій былъ раненъ въ плечо; кровь полилась. Князь, не теряя ни минуты, вынулъ другой пистолетъ. Но ему не дали времени выстрѣлить: дверцы растворились, и нѣсколько сильныхъ рукъ вытащили его изъ кареты и выхватили у него пистолетъ. Надъ

lib.pushkinskijdom.ru

нимъ засверкали ножи. «Не трогать его!» закричалъ Дубровскій, и мрачные его сообщники отступили. «Вы свободны!» продолжалъ Дубровскій, обращаясь къ блѣдной княгинѣ. — «Нѣтъ!» отвѣчала она: «поздно, я обвѣнчана, я жена князя ***.» — «Что вы говорите!» закричалъ съ отчаяніемъ Дубровскій: «нѣтъ! вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться....» — «Я согласилась, я дала клятву», возразила она съ твердостію. «Князь мой мужъ, прикажите освободить его и оставьте меня съ нимъ. Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минуты.... но теперь, говорю вамъ, теперь поздно. Пустите насъ.» Но Дубровскій уже ее не слыхалъ; боль раны и сильныя волненія души лишили его силы. Онъ упалъ у колеса; разбойники окружили его. Онъ успѣлъ сказать имъ нѣсколько словъ; они посадили его верхомъ, двое изъ нихъ его поддерживали, третій взялъ лошадь подъ устцы, и всѣ поѣхали въ сторону, оставя карету посреди дороги, людей связанныхъ, лошадей отпряженныхъ, но не разграбя ничего и не проливъ ни единой капли крови въ отмщеніе за кровь своего атамана.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Посреди дремучаго лѣса, на узкой лужайкѣ, возвышалось маленькое земляное укрѣпленіе, состоящее изъ вала и рва, за коими находилось нѣсколько шалашей и землянокъ. На дворѣ множество людей, коихъ, по разнообразію одежды и по общему вооруженію, можно было тотчасъ признать за разбойниковъ, обѣдало, сидя безъ шапокъ, около братскаго котла. На валу, подлѣ маленькой пушки, сидѣлъ караульный, поджавъ подъ себя ноги. Онъ вставлялъ заплатку въ нѣкоторую часть своей одежды, владѣя иголкою съ искусствомъ, обличающимъ опытнаго портнаго, и поминутно посматривалъ на всѣ стороны.

Хотя нѣкоторый ковшикъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, странное молчаніе царствовало въ сей толпѣ; разбойники отобѣдали; одинъ послѣ другаго вставалъ и молился Богу;

lib.pushkinskijdom.ru

нѣкоторые разошлись по шалашамъ, а другіе разбрелись по лѣсу или прилегли соснуть, по Русскому обыкновенію.

Караульщикъ кончилъ свою работу, отряхнулъ свою рухлядь, полюбовался заплатою, прикололъ къ рукаву иголку, сѣлъ на пушку верхомъ и запѣлъ во все горло меланхолическую старинную пѣсню:

Не шуми ты, мать зелена дубровушка.

Въ это время дверь одного изъ шалашей отворилась, и старуха въ бѣломъ чепцѣ, опрятно и чопорно одѣтая, показалась у порога. «Полно тебѣ, Степка», сказала она сердито: «баринъ почиваетъ, а ты знай горланишь; нѣтъ у васъ ни совѣсти, ни жалости.» — «Виноватъ, Петровна», отвѣчалъ Степка: «ладно, больше не буду, пусть онъ себѣ, батюшка, почиваетъ да выздоравливаетъ.» Старушка ушла, а Степка сталъ расхаживать по валу.

Въ шалашѣ, изъ котораго вышла старуха, за перегородкой, раненый Дубровскій лежалъ на холодной кровати. Передъ нимъ, на столикѣ, лежали его пистолеты, а сабля висѣла въ головахъ. Землянка устлана и обвѣшана была богатыми коврами; въ углу находился женскій серебряный туалетъ и трюмо. Дубровскій держалъ въ рукѣ открытую книгу, но глаза его были закрыты. И старушка, поглядывающая на него изъ-за перегородки, не могла знать, заснулъ ли онъ, или только задумался.

Вдругъ Дубровскій вздрогнулъ. Въ укрѣпленіи сдѣлалась тревога, и Степка просунулъ къ нему голову въ окошко. «Батюшка, Владиміръ Андреевичъ!» закричалъ онъ: «наши знакъ подаютъ, насъ ищутъ.» Дубровскій вскочилъ съ кровати, схватилъ оружіе и вышелъ изъ шалаша. Разбойники съ шумомъ толпились на дворѣ; при его появленіи настало глубокое молчаніе. «Всѣ ли здѣсь?» спросилъ Дубровскій — «Всѣ, кромѣ дозорныхъ», отвѣчали. — «По мѣстамъ!» закричалъ Дубровскій, и разбойники заняли каждый опредѣленное мѣсто. Въ сіе время трое дозорныхъ прибѣжали къ воротамъ. Дубровскій пошелъ къ нимъ навстрѣчу. «Что такое?» спросилъ онъ. — «Солдаты въ лѣсу», отвѣчали они: «насъ окружаютъ.» Дубровскій велѣлъ запереть ворота и

lib.pushkinskijdom.ru

самъ пошелъ освидѣтельствовать пушку. По лѣсу раздалось нѣсколько голосовъ, и стали приближаться. Разбойники ожидали въ безмолвіи. Вдругъ три или четыре солдата показались изъ лѣсу и тотчасъ подались назадъ, выстрѣлами давъ знать товарищамъ. «Готовиться къ бою!» сказалъ Дубровскій, и между разбойниками сдѣлался шорохъ; снова все утихло. Тогда услышали шумъ приближающейся команды; оружія блеснули между деревьями; человѣкъ полтораста солдатъ высыпало изъ лѣсу и съ крикомъ устремились на валъ. Дубровскій приставилъ фитиль: выстрѣлъ былъ удаченъ — одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятеніе; но офицеръ бросился впередъ, солдаты за нимъ послѣдовали и сбѣжали въ ровъ. Разбойники выстрѣлили въ нихъ изъ ружей и пистолетовъ и стали съ топорами въ рукахъ защищать валъ, на который лѣзли остервенѣлые солдаты, оставя во рву человѣкъ двадцать раненыхъ товарищей. Рукопашный бой завязался. Солдаты уже были на валу — разбойники начали уступать; но Дубровскій подошелъ къ офицеру, приставилъ ему пистолетъ къ груди и выстрѣлилъ. Офицеръ грянулся навзничь, нѣсколько солдатъ подхватили его на руки и спѣшили унести въ лѣсъ; прочіе, лишась начальника, остановились. Ободренные разбойники воспользовались сей минутою недоумѣнія, смяли ихъ, стѣснили въ ровъ; осаждающіе побѣжали; разбойники съ крикомъ устремились за ними. Побѣда была рѣшена. Дубровскій, полагаясь на совершенное разстройство непріятеля, остановилъ своихъ и заперся въ крѣпости, удвоилъ караулы и никому не велѣлъ отлучаться, приказавъ подобрать раненыхъ.

Послѣднія происшествія обратили уже не на шутку вниманіе правительства на дерзновенные разбои Дубровскаго. Собраны были свѣдѣнія о его мѣстопребываніи. Отправлена была рота солдатъ, дабы взять его мертваго или живаго. Поймали нѣсколько человѣкъ изъ его шайки и узнали отъ нихъ, что уже Дубровскаго между ними не было. Нѣсколько дней послѣ, онъ собралъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, объявилъ имъ, что намѣренъ навсегда ихъ оставить, совѣтовалъ и имъ перемѣнить образъ жиз-

lib.pushkinskijdom.ru

ни. «Вы разбогатѣли подъ моимъ начальствомъ, каждый изъ васъ имѣетъ видъ, съ которымъ безопасно можетъ пробраться въ какую нибудь отдаленную губернію и тамъ провести остальную жизнь въ честныхъ трудахъ и въ изобиліи. Но вы всѣ мошенники и, вѣроятно, не захотите оставить ваше ремесло.» Послѣ сей рѣчи онъ оставилъ ихъ, взявъ съ собою одного **. Никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Сначала сомнѣвались въ истинѣ сихъ показаній — приверженность разбойниковъ къ атаману была извѣстна: полагали, что они старались о его спасеніи; но послѣдствія ихъ оправдали. Грозныя посѣщенія, пожары и грабежи прекратились; дороги стали свободны. По другимъ извѣстіямъ узнали, что Дубровскій скрылся за границу.

lib.pushkinskijdom.ru

VI.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.

(1833.)

Береги честь съ молоду.
Пословица.

—

ГЛАВА I.

СЕРЖАНТЪ ГВАРДІИ.

Былъ бы гвардіи онъ завтра жъ капитанъ.
— Того не надобно: пусть въ арміи послужитъ.
Изрядно сказано! Пускай его потужитъ....
. . . . . .
Да кто его отецъ?
Княжнинъ.

Отецъ мой, Андрей Петровичъ Гриневъ, въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ, и вышелъ въ отставку Премьеръ-Маіоромъ въ 17.. году. Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ своей Симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотьѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина. Насъ было девять человѣкъ дѣтей. Всѣ мои братья и сестры умерли во младенчествѣ. Я былъ записанъ въ Семеновскій полкъ Сержантомъ, по милости Маіора Гвардіи князя Б., близкаго нашего родствен-

lib.pushkinskijdom.ru

ника. Я считался въ отпуску до окончанія наукъ. Въ то время воспитывались мы не по нынѣшнему. Съ пятилѣтняго возраста отданъ я былъ на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведеніе пожалованному мнѣ въ дядьки. Подъ его надзоромъ, на двенадцатомъ году, выучился я Русской грамотѣ и могъ очень здраво судить о свойствахъ борзаго кобеля. Въ это время батюшка нанялъ для меня Француза, мосье Бопре, котораго выписали изъ Москвы вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и Прованскаго масла. Пріѣздъ его сильно не понравился Савельичу.

«Слава Богу», ворчалъ онъ про себя: «кажется, дитя умытъ, причесанъ, накормленъ. Куда какъ нужно тратить лишнія деньги и нанимать мусье, какъ будто и своихъ людей не стало!»

Бопре въ отечествѣ своемъ былъ парикмахеромъ, потомъ въ Пруссіи солдатомъ, потомъ пріѣхалъ въ Россію pour être outchitel, не очень понимая значеніе этого слова. Онъ былъ добрый малой, но вѣтренъ и безпутенъ до крайности. Главною его слабостію была страсть къ прекрасному полу; нерѣдко за свои нѣжности получалъ онъ толчки, отъ которыхъ охалъ по цѣлымъ суткамъ. Къ тому же не былъ онъ (по его выраженію) и *врагомъ бутылки*, т. е. (говоря по-Русски) любилъ хлебнуть лишнее. Но какъ вино подавалось у насъ только за обѣдомъ, и то по рюмочкѣ, причемъ учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привыкъ къ Русской настойкѣ, и даже сталъ предпочитать ее винамъ своего отечества, какъ не въ примѣръ болѣе полезную для желудка. Мы тотчасъ поладили, и хотя по контракту обязанъ онъ былъ учить меня *по-Французски, по-Нѣмецки и всѣмъ наукамъ*, но онъ предпочелъ наскоро выучиться отъ меня кое-какъ болтать по-Русски, и потомъ каждый изъ насъ занимался уже своимъ дѣломъ. Мы жили душа въ душу. Другаго ментора я и не желалъ. Но вскорѣ судьба насъ разлучила, и вотъ по какому случаю:

Прачка Палашка, толстая и рябая дѣвка, и кривая коровница Акулька, какъ-то согласились въ одно время кинуться матушкѣ въ ноги, винясь въ преступной слабости и съ плачемъ жалуясь на мусье, обольстившаго ихъ неопытность. Матушка шутить

lib.pushkinskijdom.ru

этимъ не любила и пожаловалась батюшкѣ. У него расправа была коротка. Онъ тотчасъ потребовалъ каналью Француза. Доложили, что мусье давалъ мнѣ свой урокъ. Батюшка пошелъ въ мою комнату. Въ это время Бопре спалъ на кровати сномъ невинности. Я былъ занятъ дѣломъ. Надобно знать, что для меня выписана была изъ Москвы географическая карта. Она висѣла на стѣнѣ безъ всякаго употребленія и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я рѣшился сдѣлать изъ нее змѣй, и пользуясь сномъ Бопре, принялся за работу. Батюшка вошелъ въ то самое время, какъ я прилаживалъ мочальный хвостъ къ Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражненія въ географіи, батюшка дернулъ меня за ухо, потомъ подбѣжалъ къ Бопре, разбудилъ его очень неосторожно, и сталъ осыпать укоризнами. Бопре въ смятеніи хотѣлъ было привстать и не могъ: несчастный Французъ былъ мертво пьянъ. Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ. Батюшка за воротъ приподнялъ его съ кровати, вытолкалъ изъ дверей и въ тотъ же день прогналъ со двора, къ неописанной радости Савельича. Тѣмъ и кончилось мое воспитаніе.

Я жилъ недорослемъ, гоняя голубей и играя въ чехарду съ дворовыми мальчишками. Между тѣмъ минуло мнѣ шестнадцать лѣтъ. Тутъ судьба моя перемѣнилась.

Однажды осенью матушка варила въ гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрѣлъ на кипучія пѣнки. Батюшка у окна читалъ «Придворный Календарь», ежегодно имъ получаемый. Эта книга имѣла всегда сильное на него вліяніе: никогда не перечитывалъ онъ ее безъ особеннаго участія, и чтеніе это производило въ немъ всегда удивительное волненіе желчи. Матушка, знавшая наизустъ всѣ его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу какъ можно подалѣе, и такимъ образомъ «Придворный Календарь» не попадался ему на глаза иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. За то, когда онъ случайно его находилъ, то, бывало, по цѣлымъ часамъ не выпускалъ ужъ изъ своихъ рукъ. И такъ батюшка читалъ «Придворный Календарь», изрѣдка пожимая плечами и повторяя въ полголоса: «Генералъ-Поручикъ!... Онъ у меня въ ротѣ былъ Сержантомъ!...

lib.pushkinskijdom.ru

Обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалеръ!... А давно ли мы?...» Наконецъ батюшка швырнулъ «Календарь» на диванъ и погрузился въ задумчивость, не предвѣщавшую ничего добраго.

Вдругъ онъ обратился къ матушкѣ: «Авдотья Васильевна, а сколько лѣтъ Петрушѣ?»

— Да вотъ пошелъ семнадцатый годокъ, отвѣчала матушка. Петруша родился въ тотъ самый годъ, какъ окривѣла тетушка Настасья Гарасимовна, и когда еще....

«Добро», прервалъ батюшка: «пора его въ службу. Полно ему бѣгать по дѣвичьимъ, да лазить на голубятни.»

Мысль о скорой разлукѣ со мною такъ поразила матушку, что она уронила ложку въ кострюльку, и слезы потекли по ея лицу. Напротивъ того, трудно описать мое восхищеніе. Мысль о службѣ сливалась во мнѣ съ мыслями о свободѣ, объ удовольствіяхъ Петербургской жизни. Я воображалъ себя офицеромъ Гвардіи, что, по мнѣнію моему, было верхомъ благополучія человѣческаго.

Батюшка не любилъ ни перемѣнять своихъ намѣреній, ни откладывать ихъ исполненіе. День отъѣзду моему былъ назначенъ. Наканунѣ батюшка объявилъ, что намѣренъ писать со мною къ будущему моему начальнику, и потребовалъ пера и бумаги.

«Не забудь, Андрей Петровичъ», сказала матушка: «поклониться и отъ меня князю Б.; я дескать надѣюсь, что онъ не оставитъ Петрушу своими милостями.»

— Что за вздоръ! отвѣчалъ батюшка нахмурясь. Къ какой стати стану я писать къ князю Б.?

«Да вѣдь ты сказалъ, что изволишь писать къ начальнику Петруши.»

— Ну, а тамъ что?

«Да вѣдь начальникъ Петрушинъ князь Б. Вѣдь Петруша записанъ въ Семеновскій полкъ.»

— Записанъ! А мнѣ какое дѣло, что онъ записанъ? Петруша въ Петербургъ не поѣдетъ. Чему научится онъ, служа въ Петербургѣ? Мотать да повѣсничать? Нѣтъ, пускай послужитъ

lib.pushkinskijdom.ru

онъ въ Арміи, да потянетъ лямку, да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ въ Гвардіи! Гдѣ его пашпортъ? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспортъ, хранившійся въ ея шкатулкѣ вмѣстѣ съ сорочкою, въ которой меня крестили, и вручила его батюшкѣ дрожащею рукою. Батюшка прочелъ его со вниманіемъ, положилъ передъ собою на столъ, и началъ свое письмо.

Любопытство меня мучило. Куда жъ отправляютъ меня, если ужъ не въ Петербургъ? Я не сводилъ глазъ съ пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконецъ онъ кончилъ, запечаталъ письмо въ одномъ пакетѣ съ паспортомъ, снялъ очки, и подозвавъ меня, сказалъ: «Вотъ тебѣ письмо къ Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты ѣдешь въ Оренбургъ служить подъ его начальствомъ.»

И такъ, всѣ мои блестящія надежды рушились! Вмѣсто веселой Петербургской жизни ожидала меня скука въ сторонѣ глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думалъ я съ такимъ восторгомъ, показалась мнѣ тяжкимъ несчастіемъ. Но спорить было нечего! На другой день поутру подвезена была къ крыльцу дорожная кибитка; уложили въ нее чемоданъ, погребецъ съ чайнымъ приборомъ и узлы съ булками и пирогами, послѣдними знаками домашняго баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказалъ мнѣ: «Прощай, Петръ. Служи вѣрно, кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье съ нову, а честь съ молоду.» Матушка въ слезахъ наказывала мнѣ беречь мое здоровье, а Савельичу смотрѣть за дитятей. Надѣли на меня заячій тулупъ, а сверху лисью шубу. Я сѣлъ въ кибитку съ Савельичемъ, и отправился въ дорогу, обливаясь слезами.

Въ ту же ночь пріѣхалъ я въ Симбирскъ, гдѣ долженъ былъ пробыть сутки для закупки нужныхъ вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился въ трактирѣ. Савельичъ съ утра отправился по лавкамъ. Сосуча глядѣть изъ окна на грязный

lib.pushkinskijdom.ru

переулокъ, я пошелъ бродить по всѣмъ комнатамъ. Вошедъ въ билліардную, увидѣлъ я высокаго барина, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными усами, въ халатѣ, съ кіемъ въ рукѣ и съ трубкой въ зубахъ. Онъ игралъ съ маркеромъ, который при выигрышѣ выпивалъ рюмку водки, а при проигрышѣ долженъ былъ лѣзть подъ билліардъ на четвереньках. Я сталъ смотрѣть на ихъ игру. Чѣмъ долѣе она продолжалась, тѣмъ прогулки на четвереньках становились чаще, пока наконецъ маркеръ остался подъ билліардомъ. Баринъ произнесъ надъ нимъ нѣсколько сильныхъ выраженій въ видѣ надгробнаго слова, и предложилъ мнѣ сыграть партію. Я отказался по неумѣнію. Это показалось ему, по видимому, страннымъ. Онъ поглядѣлъ на меня какъ бы съ сожалѣніемъ; однако мы разговорились. Я узналъ, что его зовутъ Иваномъ Ивановичемъ Зуринымъ, что онъ Ротмистръ ** гусарскаго полка и находится въ Симбирскѣ при пріемѣ рекрутъ, а стоитъ въ трактирѣ. Зуринъ пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ, чѣмъ Богъ послалъ, по солдатски. Я съ охотою согласился. Мы сѣли за столъ. Зуринъ пилъ много и подчивалъ и меня, говоря, что надобно привыкать къ службѣ; онъ разсказывалъ мнѣ армейскіе анекдоты, отъ которыхъ я со смѣху чуть не валялся, и мы встали изъ-за стола совершенными пріятелями. Тутъ вызвался онъ выучить меня играть на билліардѣ. «Это», говорилъ онъ: «необходимо для нашего брата служиваго. Въ походѣ, напримѣръ, придешь въ мѣстечко; чѣмъ прикажешь заняться? Вѣдь не все же бить Жидовъ. По неволѣ пойдешь въ трактиръ и станешь играть на билліардѣ; а для того надобно умѣть играть!» Я совершенно былъ убѣжденъ, и съ большимъ прилѣжаніемъ принялся за ученіе. Зуринъ громко ободрялъ меня, дивился моимъ быстрымъ успѣхамъ, и послѣ нѣсколькихъ уроковъ предложилъ играть въ деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а такъ, чтобъ только не играть даромъ, что́, по его словамъ, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зуринъ велѣлъ подать пуншу и уговорилъ меня попробовать, повторяя, что къ службѣ надобно привыкать; а безъ пуншу что и служба! Я послушался его. Между тѣмъ игра наша продолжалась. Чѣмъ

lib.pushkinskijdom.ru

чаще прихлебывалъ я изъ моего стакана, тѣмъ становился отважнѣе. Шары поминутно летали у меня черезъ бортъ; я горячился, бранилъ маркера, который считалъ Богъ вѣдаетъ какъ, часъ отъ часу умножалъ игру, — словомъ, велъ себя какъ мальчишка, вырвавшійся на волю. Между тѣмъ время прошло незамѣтно. Зуринъ взглянулъ на часы, положилъ кій и объявилъ мнѣ, что я проигралъ сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я сталъ извиняться. Зуринъ меня прервалъ: «Помилуй! Не изволь и безпокоиться. Я могу и подождать, а покамѣстъ поѣдемъ къ Аринушкѣ.»

Что прикажете? День я кончилъ также безпутно, какъ и началъ. Мы отужинали у Аринушки. Зуринъ поминутно мнѣ подливалъ, повторяя, что надобно къ службѣ привыкать. Вставъ изъ-за стола, я чуть держался на ногахъ; въ полночь Зуринъ отвезъ меня въ трактиръ.

Савельичъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ. Онъ ахнулъ, увидя несомнѣнные признаки моего усердія къ службѣ.

«Что́ это, сударь, съ тобою сдѣлалось?» сказалъ онъ жалкимъ голосомъ. «Гдѣ ты это нагрузился? Ахти, Господи! отроду такого грѣха не бывало!»

— Молчи, хрычъ! отвѣчалъ я ему, запинаясь: ты вѣрно пьянъ; пошелъ спать.... и уложи меня.

На другой день я проснулся съ головною болью, смутно припоминая себѣ вчерашнія происшествія. Размышленія мои прерваны были Савельичемъ, вошедшимъ ко мнѣ съ чашкой чаю. «Рано, Петръ Андреичъ» — сказалъ онъ мнѣ, качая головою — «рано начинаешь гулять. И въ кого ты пошелъ? Кажется, ни батюшка, ни дѣдушка пьяницами не бывали; о матушкѣ и говорить нечего: отроду, кромѣ квасу, въ ротъ ничего не изволила брать. А кто всему виноватъ? Проклятый мусье. То и дѣло, бывало, къ Антипьевнѣ забѣжитъ: «Мадамъ, же ву при, водкю.» Вотъ тебѣ и же ву при! Нечего сказать: добру наставилъ, собачій сынъ. И нужно было нанимать въ дядьки басурмана! какъ будто у барина не стало и своихъ людей!»

lib.pushkinskijdom.ru

Мнѣ было стыдно. Я отвернулся и сказалъ ему: «Поди вонъ, Савельичъ; я чаю не хочу.» Но Савельича мудрено было унять, когда, бывало, примется за проповѣдь. «Вотъ видишь ли, Петръ Андреичъ, каково подгуливать. И головкѣ-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человѣкъ пьющій ни на что негоденъ... Выпей-ка огуречнаго разсолу съ медомъ, а всего бы лучше опохмѣлиться полстаканчикомъ настойки. Не прикажешь ли?»

Въ это время вошелъ мальчикъ и подалъ мнѣ записку отъ И. И. Зурина. Я развернулъ ее и прочелъ слѣдующія строки:

«Любезный Петръ Андреевичъ, пожалуйста, пришли мнѣ съ моимъ мальчикомъ сто рублей, которые ты мнѣ вчера проигралъ. Мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ.

«Готовый ко услугамъ

«*Иванъ Зуринъ.*»

Дѣлать было нечего. Я взялъ на себя видъ равнодушный и, обратясь къ Савельичу, который былъ *и денегъ и бѣлья и дѣлъ моихъ рачитель,* приказалъ отдать мальчику сто рублей.

«Какъ! зачѣмъ?» спросилъ изумленный Савельичъ.

— Я ихъ ему долженъ, отвѣчалъ я со всевозможной холодностію.

«Долженъ!» возразилъ Савельичъ, часъ отъ часу приходя въ большее изумленіе: «да когда же, сударь, успѣлъ ты ему задолжать? Дѣло что-то неладно. Воля твоя, сударь, а денегъ я не выдамъ.»

Я подумалъ, что если въ сію рѣшительную минуту не переспорю упрямаго старика, то ужъ въ послѣдствіи времени трудно мнѣ будетъ освободиться отъ его опеки, и, взглянувъ на него гордо, сказалъ:

«Я твой господинъ, а ты мой слуга. Деньги мои. Я ихъ проигралъ, потому что такъ мнѣ вздумалось; а тебѣ совѣтую не умничать и дѣлать то, что тебѣ приказываютъ.»

Савельичъ такъ былъ пораженъ моими словами, что всплеснулъ руками и остолбенѣлъ.

«Что же ты стоишь!» закричалъ я сердито.

Савельичъ заплакалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

— Батюшка Петръ Андреичъ, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ: не умори меня съ печали. Свѣтъ ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутилъ, что у насъ и денегъ-то такихъ не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебѣ родители крѣпко на крѣпко заказали играть, окромѣ какъ въ орѣхи....

«Полно врать», перервалъ я строго: «подавай сюда деньги, или я тебя въ зашеи прогоню.»

Савельичъ поглядѣлъ на меня съ глубокой горестью и пошелъ за моимъ долгомъ. Мнѣ было жаль бѣднаго старика; но я хотѣлъ вырваться на волю и доказать, что ужъ я не ребенокъ. Деньги были доставлены Зурину. Савельичъ поспѣшилъ вывести меня изъ проклятаго трактира. Онъ явился съ извѣстіемъ, что лошади готовы. Съ неспокойной совѣстью и съ безмолвнымъ раскаяніемъ выѣхалъ я изъ Симбирска, не простясь съ моимъ учителемъ и не думая съ нимъ уже когда нибудь увидѣться.

ГЛАВА II.

ВОЖАТЫЙ.

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не самъ ли я на тебя зашелъ,
Что не добрый ли да меня конь завезъ:
Завезла меня, добраго молодца,
Прыткость, бодрость молодецкая
И хмѣлинушка кабацкая.

Старинная пѣсня.

Дорожныя размышленія мои были не очень пріятны. Проигрышъ мой, по тогдашнимъ цѣнамъ, былъ немаловаженъ. Я не могъ не признаться въ душѣ, что поведеніе мое въ Симбирскомъ трактирѣ было глупо, и чувствовалъ себя виноватымъ передъ Савельичемъ. Все это меня мучило. Старикъ угрюмо сидѣлъ на облучкѣ, отворотясь отъ меня, и молчалъ, изрѣдка только покрякивая. Я непремѣнно хотѣлъ съ нимъ помириться и не зналъ, съ чего начать. Наконецъ я сказалъ ему:

lib.pushkinskijdom.ru

«Ну, ну, Савельичъ! полно помиримся, виноватъ; вижу самъ, что виноватъ. Я вчера напроказилъ, а тебя напрасно обидѣлъ. Обѣщаюсь впередъ вести себя умнѣе и слушаться тебя. Ну, не сердись, помиримся.»

— Эхъ, батюшка Петръ Андреичъ! отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. Сержусь-то я на самого себя: самъ я кругомъ виноватъ. Какъ мнѣ было оставлять тебя одного въ трактирѣ! Что дѣлать? Грѣхъ попуталъ: вздумалъ забрести къ дьячихѣ, повидаться съ кумою. Такъ-то: зашелъ къ кумѣ, да и засѣлъ въ тюрьмѣ. Бѣда да и только! Какъ покажусь я на глаза къ господамъ? Что скажутъ они, какъ узнаютъ, что дитя пьетъ и играетъ?

Чтобъ утѣшить бѣднаго Савельича, я далъ ему слово впредь безъ его согласія не располагать ни одною копѣйкою. Онъ мало по малу успокоился, хотя все еще изрѣдка ворчалъ про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дѣло!»

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону, и, наконецъ снявъ шапку, оборотился ко мнѣ и сказалъ:

«Баринъ, не прикажешь ли воротиться?»

— Это зачѣмъ?

«Время ненадежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.»

— Что за бѣда!

«А видишь тамъ что?»

(Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ.)

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

«А вонъ... вонъ: это облачко.»

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Я слыхалъ о тамошнихъ метеляхъ и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ: я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась метель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло.

«Ну, баринъ», закричалъ ямщикъ: «бѣда: буранъ!...»

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ выл съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали.

«Что же ты не ѣдешь?» спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.

— Да что ѣхать? отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка: невѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ.

Я сталъ было его бранить. Савельичъ за него заступился: «И охота было не слушаться», говорилъ онъ сердито: «воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!» Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго крученія метели.... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное.

«Эй, ямщикъ!» закричалъ я; «смотри: что тамъ такое чернѣется?»

lib.pushkinskijdom.ru

Ямщикъ сталъ всматриваться.

— А Богъ знаетъ, баринъ, сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ, или человѣкъ.

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ на встрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поравнялись съ человѣкомъ.

«Гей, добрый человѣкъ!» закричалъ ему ямщикъ: «скажи, не знаешь ли гдѣ дорога?»

— Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ, отвѣчалъ дорожный: да что толку?

— «Послушай, мужичокъ», сказалъ я ему: «знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?»

— Сторона мнѣ знакомая, отвѣчалъ дорожный: слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперегъ. Да вишь какая погода: какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать, авось буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужъ рѣшился, предавъ себя Божіей волѣ, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучекъ и сказалъ ямщику:

— Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо, да поѣзжай.

«А почему ѣхать мнѣ вправо?» спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ. «Гдѣ ты видишь дорогу? Не бось: лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй не стой.»

Ямщикъ казался мнѣ правъ.

— «Въ самомъ дѣлѣ», сказалъ я: «почему думаешь ты, что жило недалече?»

— А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ, отвѣчалъ дорожный: и я слышу, дымомъ пахнуло; знать деревня близко.

Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то взъѣзжая на сугробъ, то обрушаясь

lib.pushkinskijdom.ru

въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабыть, и въ которомъ до сихъ поръ вижу нѣчто пророческое, когда соображаю съ нимъ странныя обстоятельства моей жизни. Читатель извинитъ меня, ибо, вѣроятно, знаетъ по опыту, какъ сродно человѣку предаваться суевѣрію, несмотря на всевозможное презрѣніе къ предразсудкамъ.

Я находился въ томъ состояніи чувствъ и души, когда существенность, уступая мечтаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонія. Мнѣ казалось, буранъ еще свирѣпствовалъ, и мы еще блуждали по снѣжной пустынѣ.... Вдругъ увидѣлъ я ворота и въѣхалъ на барскій дворъ нашей усадьбы. Первою мыслію моею было опасеніе, чтобъ батюшка не прогнѣвался на меня за невольное возвращеніе подъ кровлю родительскую, и не почелъ бы его умышленнымъ ослушаніемъ. Съ безпокойствомъ я выпрыгнулъ изъ кибитки и вижу: матушка встрѣчаетъ меня на крыльцѣ съ видомъ глубокаго огорченія. «Тише», говоритъ она мнѣ: «отецъ боленъ при смерти и желаетъ съ тобою проститься.» Пораженный страхомъ, я иду за нею въ спальню. Вижу, комната слабо освѣщена; у постели стоятъ люди съ печальными лицами. Я тихонько подхожу къ постели; матушка приподнимаетъ пологъ и говоритъ: «Андрей Петровичъ, Петруша пріѣхалъ; онъ воротился, узнавъ о твоей болѣзни; благослови его.» Я сталъ на колѣна и устремилъ глаза мои на больнаго. Что жъ?... Вмѣсто отца моего, вижу въ постели лежитъ мужикъ съ черной бородою, весело на меня поглядывая. Я въ недоумѣніи оборотился къ матушкѣ, говоря ей: «Что это значитъ? Это не батюшка. И къ какой мнѣ стати просить благословенія мужика?» — «Все равно, Петруша», отвѣчала мнѣ матушка: «это твой посаженый отецъ; поцѣлуй у него

lib.pushkinskijdom.ru

ручку, и пусть онъ тебя благословитъ....» Я не соглашался. Тогда мужикъ вскочилъ съ постели, выхватилъ топоръ изъ-за спины и сталъ махать во всѣ стороны. Я хотѣлъ бѣжать.... и не могъ; комната наполнилася мертвыми тѣлами; я спотыкался о тѣла и скользилъ въ кровавыхъ лужахъ.... Страшный мужикъ ласково меня кликалъ, говоря: «Не бойсь, подойди подъ мое благословеніе....» Ужасъ и недоумѣніе овладѣли мною.... И въ эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельичъ держалъ меня за руку, говоря:

«Выходи, сударь: пріѣхали.»

— Куда пріѣхали? спросилъ я, протирая глаза.

«На постоялый дворъ. Господь помогъ, наткнулись прямо на заборъ. Выходи, сударь, скорѣй, да обогрѣйся.»

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хотя съ меньшею силою. Было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу, тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ Яицкій казакъ, казался, мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребовалъ огня, чтобъ готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нуженъ. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

— Гдѣ же вожатый? спросилъ я у Савельича.

«Здѣсь, ваше благородіе», отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху.

Я взглянулъ на полати и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза.

— Что, братъ, прозябъ?

«Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ тулупъ, да что грѣха таить — заложилъ вечоръ у цѣловальника: морозъ показался невеликъ.»

Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ полатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ

lib.pushkinskijdom.ru

лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые большіе глаза такъ и бѣгали. Лице его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волоса были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и Татарскіе шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился. «Ваше благородіе, сдѣлайте мнѣ такую милость.... прикажите поднести стаканъ вина; чай не наше казацкое питье.» Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынулъ изъ ставца штофъ и стаканъ, подошелъ къ нему и, взглянувъ ему въ лице: «Эхе», сказалъ онъ: «опять ты въ нашемъ краю! Отколѣ Богъ принесъ?» Вожатый мой мигнулъ значительно и отвѣчалъ поговоркою: «Въ огородѣ леталъ, конопли клевалъ; швырнула бабушка камушкомъ, да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши! отвѣчалъ хозяинъ, продолжая иносказательный разговоръ: стали было къ вечернѣ звонить, да попадья не велитъ: попъ въ гостяхъ, черти на погостѣ.

«Молчи дядя», возразилъ мой бродяга: «будетъ дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ: а теперь (тутъ онъ мигнулъ опять) заткни топоръ за спину: лѣсничій ходитъ. Ваше благородіе! за ваше здоровье!»

При сихъ словахъ онъ взялъ стаканъ, перекрестился и выпилъ однимъ духомъ, потомъ поклонился мнѣ, и воротился на полати.

Я ничего не могъ тогда понять изъ этого воровскаго разговора, но послѣ уже догадался, что дѣло шло о дѣлахъ Яицкаго войска, въ то время только что усмиреннаго послѣ бунта 1772 года. Савельичъ слушалъ съ видомъ большаго неудовольствія. Онъ посматривалъ съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на вожатаго. Постоялый дворъ, или, по тамошнему, *умет*ъ, находился въ сторонѣ, въ степи, далече отъ всякаго селенія, и очень походилъ на разбойническую пристань. Но дѣлать было нечего. Нельзя было и подумать о продолженіи пути. Безпокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ я расположился ночевать и легъ на лавку. Савельичъ рѣшился убраться на печь;

lib.pushkinskijdom.ru

хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла, и я заснулъ какъ убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Снѣгъ лежалъ ослѣпительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую умѣренную плату, что даже Савельичъ съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться по своему обыкновенію, и вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его. Я позвалъ вожатаго, благодарилъ за оказанную помочь и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку. Савельичъ нахмурился. «Полтину на водку!» сказалъ онъ: «за что это? За то, что ты же изволилъ подвезти его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь: нѣтъ у насъ лишнихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро придется голодать.» Я не могъ спорить съ Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было досадно, однакожъ, что не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго меня если не изъ бѣды, то по крайней мѣрѣ изъ очень непріятнаго положенія.

— Хорошо, сказалъ я хладнокровно: если не хочешь дать полтину, то вынь ему что нибудь изъ моего платья. Онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій тулупъ.

«Помилуй, батюшка Петръ Андреичъ!» сказалъ Савельичъ. «Зачѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ его пропьетъ, собака, въ первомъ кабакѣ.»

— «Это, старинушка, ужъ не твоя печаль», сказалъ мой бродяга: «пропью ли я, или нѣтъ. Его благородіе жалуетъ мнѣ шубу съ своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дѣло не спорить и слушаться.»

«Бога ты не боишься, разбойникъ!» отвѣчалъ ему Савельичъ сердитымъ голосомъ. «Ты видишь, что дитя еще не смыслитъ, а ты и радъ его обобрать, простоты его ради. Зачѣмъ тебѣ барскій тулупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окаянныя плечища.»

lib.pushkinskijdom.ru

— Прошу не умничать, сказалъ я своему дядькѣ: сейчасъ неси сюда тулупъ.

«Господи владыко!» простоналъ мой Савельичъ. «Заячій тулупъ почти новешенькій! И добро бы кому, а то пьяницѣ оголѣлому!»

Однако, заячій тулупъ явился. Мужичекъ тутъ же сталъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ, тулупъ, изъ котораго успѣлъ и я вырости, былъ немножко для него узокъ. Однако, онъ кое-какъ умудрился и надѣлъ его, распоровъ по швамъ. Савельичъ чуть не завылъ, услышавъ, какъ нитки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ: «Спасибо, ваше благородіе! Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей.» Онъ пошелъ въ свою сторону, а я отправился далѣе, не обращая вниманія на Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней вьюгѣ, о своемъ вожатомъ и о заячьемъ тулупѣ.

Пріѣхавъ въ Оренбургъ, я прямо явился къ генералу. Я увидѣлъ мущину роста высокаго, но уже сгорбленнаго старостію. Длинные волосы его были совсѣмъ бѣлы. Старый полинялый мундиръ напоминалъ воина временъ Анны Іоанновны, а въ его рѣчи сильно отзывался Нѣмецкій выговоръ. Я подалъ ему письмо отъ батюшки. При имени его, онъ взглянулъ на меня быстро: «Поже мой!» сказалъ онъ. «Тафно ли, кажется, Андрей Петровичъ былъ еще твоихъ лѣтъ; а теперь вотъ ужъ какой у него молотецъ! Ахъ, время, время!» — Онъ распечаталъ письмо и сталъ читать его въ полголоса, дѣлая свои замѣчанія: «Милостивый государь Иванъ Карловичъ, надѣюсь, что ваше превосходительство».... Это что за церемоніи? Фуй, какъ ему не совѣсно! Конечно, дисциплина первое дѣло, но такъ ли пишутъ къ старому камратъ?... «ваше превосходительство не забыло».... гм.... «и.... когда.... покойнымъ Фельдмаршаломъ Мин.... походѣ.... также и.... Каролинку».... Эхе, брудеръ! такъ онъ еще помнитъ стары наши проказъ? «Теперь о дѣлѣ.... Къ вамъ моего повѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

су».... гм.... «держать въ ежевыхъ рукавицахъ».... Что такое ешевы рукавицъ? Это должно быть Русска поговоркъ.... Что такое держать въ ешевыхъ рукавицахъ? повторилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Это значитъ, отвѣчалъ я ему съ видомъ какъ можно болѣе невиннымъ: обходиться ласково, не слишкомъ строго, давать побольше воли, держать въ ежевыхъ рукавицахъ.

«Гм, понимаю.... и не давать ему воли».... нѣтъ, видно ешевы рукавицы значитъ не то.... «При семъ.... его паспортъ».... Гдѣ жъ онъ? А, вотъ.... «Отписать въ Семеновскій».... Хорошо, хорошо: все будетъ сдѣлано.... «Позволишь безъ чиновъ обнять себя и.... старымъ товарищемъ и другомъ», «а! наконецъ догадался.... и прочая и прочая.... Ну, батюшка», сказалъ онъ, прочитавъ письмо и отложивъ въ сторону мой паспортъ: «все будетъ сдѣлано: ты будешь офицеромъ переведенъ въ *** полкъ, и чтобъ тебѣ времени не терять, то завтра же поѣзжай въ Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ ты будешь въ командѣ капитана Миронова, добраго и честнаго человѣка. Тамъ ты будешь на службѣ настоящей, научишься дисциплинѣ. Въ Оренбургѣ дѣлать тебѣ нечего; разсѣяніе вредно молодому человѣку. А сегодня милости просимъ отобѣдать у меня.»

Часъ отъ часу не легче! подумалъ я про себя: къ чему послужило мнѣ то, что почти въ утробѣ матери я былъ уже Гвардіи Сержантомъ! Куда это меня завело? Въ *** полкъ и въ глухую крѣпость на границу Киргизъ-Кайсацкихъ степей!... Я отобѣдалъ у Андрея Карловича, втроемъ съ его старымъ адъютантомъ. Строгая Нѣмецкая экономія царствовала за его столомъ, и я думаю, что страхъ видѣть иногда лишняго гостя за своею холостою трапезою былъ отчасти причиною поспѣшнаго удаленія моего въ гарнизонъ. На другой день я простился съ генераломъ и отправился къ мѣсту моего назначенія.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА III.

КРѢПОСТЬ.

Мы въ Фортеціи живемъ,
Хлѣбъ ѣдимъ и воду пьемъ;
А какъ лютые враги
Придутъ къ намъ на пироги,
Зададимъ гостямъ пирушку:
Зарядимъ картечью пушку.

Солдатская пѣсня.

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль.

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Рѣка еще не замерзала, и ея свинцовыя волны грустно чернѣли въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ. За ними простирались Киргизскія степи. Я погрузился въ размышленія, большею частію печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себѣ капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его строгимъ, сердитымъ старикомъ, не знающимъ ничего, кромѣ своей службы, и готовымъ за всякую бездѣлицу сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Между тѣмъ начало смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро. «Далече ли до крѣпости?» спросилъ я у своего ямщика. — «Недалече», отвѣчалъ онъ. «Вонъ ужъ видна.» Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастіоны, башни и валъ, но ничего не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скирды сѣна, полузанесенныя снѣгомъ; съ другой скривившаяся мельница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными. «Гдѣ же крѣпость?» спросилъ я съ удивленіемъ. — «Да вотъ она», отвѣчалъ ямщикъ, указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ мы въ нее въѣхали. У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы; избы низки и большею частію покрыты соломою. Я велѣлъ ѣхать къ коменданту, и черезъ минуту кибитка останови-

lib.pushkinskijdom.ru

лась передъ деревяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близь деревянной же церкви.

Никто не встрѣтилъ меня. Я пошелъ въ сѣни и отворилъ дверь въ переднюю. Старый инвалидъ, сидя на столѣ, нашивалъ синюю заплату на локоть зеленаго мундира. Я велѣлъ ему доложить обо мнѣ. «Войди, батюшка», отвѣчалъ инвалидъ: «наши дома.» Я вошелъ въ чистенькую комнатку, убранную по старинному. Въ углу стоялъ шкафъ съ посудой; на стѣнѣ висѣлъ дипломъ офицерскій за стекломъ и въ рамкѣ; около него красовались лубочныя картинки, представляющія взятіе Кистрина и Очакова, также выборъ невѣсты и погребеніе кота. У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ. Она разматывала нитки, которыя держалъ, распяливъ на рукахъ, кривой старичокъ въ офицерскомъ мурдирѣ. «Что вамъ угодно, батюшка?» спросила она, продолжая свое занятіе. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ на службу и явился по долгу своему къ господину капитану, и съ этимъ словомъ обратился было къ кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною рѣчь. «Ивана Кузмича дома нѣтъ», сказала она: «онъ пошелъ въ гости къ отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка.» Она кликнула дѣвку и велѣла ей позвать урядника. Старичокъ своимъ одинокимъ глазомъ поглядывалъ на меня съ любопытствомъ. «Смѣю спросить», сказалъ онъ: «вы въ какомъ полку изволили служить?» Я удовлетворилъ его любопытству. «А смѣю спросить», продолжалъ онъ: «зачѣмъ изволили вы перейти изъ Гвардіи въ гарнизонъ?» Я отвѣчалъ, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные Гвардіи офицеру поступки?» продолжалъ неутомимый вопрошатель. — «Полно врать пустяки», сказала ему капитанша: «ты видишь, молодой человѣкъ съ дороги усталъ; ему не до тебя... держи-ка руки прямѣе.... А ты, мой батюшка», продолжала она, обращаясь ко мнѣ: «не печалься, что тебя упекли въ наше захолустье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится, слюбится. Швабринъ Алексѣй Иванычъ вотъ ужъ пятый годъ какъ къ намъ переведенъ за смертоубійство. Богъ знаетъ, какой

lib.pushkinskijdom.ru

грѣхъ его попуталъ; онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ Поручикомъ, да взяли съ собою шпаги да и ну другъ въ друга пырять, а Алексѣй Иванычъ и закололъ Поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Что прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ.»

Въ эту минуту вошелъ урядникъ, молодой и статный казакъ.

«Максимычъ!» сказала ему капитанша. «Отведи г. офицеру квартиру, да почище.»

— Слушаю, Василиса Егоровна, отвѣчалъ урядникъ. Не помѣстить ли его благородіе къ Ивану Полежаеву?

«Врешь, Максимычъ», сказала капитанша: «у Полежаева и такъ тѣсно; онъ же мнѣ кумъ и помнитъ, что мы его начальники. Отведи г. офицера.... какъ ваше имя и отечество, мой батюшка?»

— Петръ Андреичъ.

«Отведи Петра Андреича къ Семену Кузову. Онъ, мошенникъ, лошадь свою пустилъ ко мнѣ въ огородъ. Ну что, Максимычъ, все ли благополучно?»

— Все, слава Богу, тихо, отвѣчалъ казакъ: только капралъ Прохоровъ подрался въ банѣ съ Устиньей Пегулиной за шайку горячей воды.

«Иванъ Игнатьичъ!» сказала капитанша кривому старичку. «Разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи. Ну, Максимычъ, ступай себѣ съ Богомъ. Петръ Андреичъ, Максимычъ отведетъ васъ на вашу квартиру.»

Я откланялся. Урядникъ привелъ меня въ избу, стоявшую на высокомъ берегу рѣки, на самомъ краю крѣпости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мнѣ. Она состояла изъ одной горницы довольно опрятной, раздѣленной на двое перегородкой. Савельичъ сталъ въ ней распоряжаться; я сталъ глядѣть въ узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло нѣсколько избушекъ; по улицѣ бродило нѣсколько курицъ. Старуха, стоя на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя отвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ. И вотъ въ какой сторонѣ осужденъ я былъ

lib.pushkinskijdom.ru

проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошелъ отъ окошка и легъ спать безъ ужина, несмотря на увѣщанія Савельича, который повторялъ съ сокрушеніемъ: «Господи владыко! ничего кушать не изволитъ! Что скажетъ барыня, коли дитя занеможетъ?»

На другой день по утру я только что сталъ одѣваться, какъ дверь отворилась и ко мнѣ вошелъ молодой офицеръ невысокаго роста, съ лицемъ смуглымъ и отмѣнно некрасивымъ, но чрезвычайно живымъ. «Извините меня», сказалъ онъ мнѣ по-Французски: «что я безъ церемоніи прихожу съ вами познакомиться. Вчера узналъ я о вашемъ пріѣздѣ; желаніе увидѣть наконецъ человѣческое лице такъ овладѣло мною, что я не вытерпѣлъ. Вы это поймете, когда проживете здѣсь нѣсколько времени.» Я догадался, что это былъ офицеръ, выписанный изъ Гвардіи за поединокъ. Мы тотчасъ познакомились. Швабринъ былъ очень неглупъ. Разговоръ его былъ остеръ и занимателенъ. Онъ съ большой веселостію описалъ мнѣ семейство Коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смѣялся отъ чистаго сердца, какъ вошелъ ко мнѣ инвалидъ, который чистилъ мундиръ въ передней Коменданта, и отъ имени Василисы Егоровны позвалъ меня къ нимъ обѣдать. Швабринъ вызвался идти со мною вмѣстѣ.

Подходя къ Комендантскому Дому, мы увидѣли на площадкѣ человѣкъ двадцать старенькихъ инвалидовъ съ длинными косами и въ треугольныхъ шляпахъ. Они выстроены были во фрунтъ. Впереди стоялъ Комендантъ, старикъ бодрый и высокаго роста, въ колпакѣ и въ китайчатомъ халатѣ. Увидя насъ, онъ къ намъ подошелъ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и сталъ опять командовать. Мы остановились было смотрѣть на ученіе; но онъ просилъ насъ идти къ Василисѣ Егоровнѣ, обѣщаясь быть вслѣдъ за нами. «А здѣсь», прибавилъ онъ: «нечего вамъ смотрѣть.»

Василиса Егоровна приняла насъ запросто и радушно и обошлась со мною какъ бы вѣкъ была знакома. Инвалидъ и Палашка накрывали на столъ. «Что это мой Иванъ Кузмичъ сегодня такъ

lib.pushkinskijdom.ru

заучился!» сказала комендантша. «Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ же Маша?» Тутъ вошла дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣтлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которыя у ней такъ и горѣли. Съ перваго взгляда она мнѣ не очень понравилась. Я смотрѣлъ на нее съ предубѣжденіемъ: Швабринъ описалъ мнѣ Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна сѣла въ уголъ и стала шить. Между тѣмъ подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за нимъ Палашку. «Скажи барину: гости-де ждутъ, щи простынутъ; слава Богу, ученье не уйдетъ; успѣетъ накричаться.» Капитанъ вскорѣ явился, сопровождаемый кривымъ старичкомъ.

«Что это, мой батюшка?» сказала ему жена: «кушанье давнымъ-давно подано, а тебя не дозовешься.»

— А слышь ты, Василиса Егоровна, отвѣчалъ Иванъ Кузмичъ: я былъ занятъ службой: солдатушекъ училъ.

«И, полно!» возразила капитанша. «Только слава, что солдатъ учишь: ни имъ служба не дается, ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ бы дома, да Богу молился, такъ было бы лучше. Дорогіе гости, милости просимъ за столъ.»

Мы сѣли обѣдать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, гдѣ живутъ и каково ихъ состояніе? Услыша, что у батюшки триста душъ крестьянъ, «легко ли!» сказала она: «вѣдь есть же на свѣтѣ богатые люди! А у насъ, мой батюшка, всего-то душъ одна дѣвка Палашка; да, слава Богу, живемъ помаленьку. Одна бѣда: Маша дѣвка на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень, да вѣникъ, да алтынъ денегъ (прости Богъ!), съ чѣмъ въ баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человѣкъ; а то сиди въ дѣвкахъ вѣковѣчной невѣстою.» Я взглянулъ на Марью Ивановну; она вся покраснѣла и даже слезы капнули на ея тарелку. Мнѣ стало жаль ее, и я спѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Я слышалъ, сказалъ я довольно не кстати: что на вашу крѣпость собираются напасть Башкирцы.

lib.pushkinskijdom.ru

«Отъ кого, батюшка, ты изволилъ это слышать?» спросилъ Иванъ Кузмичъ.

— Мнѣ такъ сказывали въ Оренбургѣ, отвѣчалъ я.

«Пустяки!» сказалъ комендантъ. «У насъ давно ничего не слыхать. Башкирцы — народъ напуганный, да и Киргизцы проучены. Небось, на насъ не сунутся; а насунутся, такъ я такую задамъ острастку, что лѣтъ на десять угомоню.»

— И вамъ не страшно, продолжалъ я, обращаясь къ капитаншѣ: оставаться въ крѣпости, подверженной такимъ опасностямъ?

«Привычка, мой батюшка», отвѣчала она. «Тому лѣтъ двадцать, какъ насъ изъ полка перевели сюда, и не приведи Господи, какъ я боялась проклятыхъ этихъ нехристей! Какъ завижу, бывало, рысьи шапки, да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь ли, отецъ мой, сердце такъ и замретъ! А теперь такъ привыкла, что и съ мѣста не тронусь, какъ придутъ намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ.»

— «Василиса Егоровна прехрабрая дама», замѣтилъ важно Швабринъ. «Иванъ Кузмичъ можетъ это засвидѣтельствовать.»

«Да, слышь ты», сказалъ Иванъ Кузмичъ: «баба-то не робкаго десятка.»

— А Марья Ивановна? спросилъ я: также ли смѣла, какъ и вы?

«Смѣла ли Маша?» отвѣчала ея мать. «Нѣтъ, Маша трусиха. До сихъ поръ не можетъ слышать выстрѣла изъ ружья: такъ и затрепещется. А какъ тому два года Иванъ Кузмичъ выдумалъ въ мои имянины палить изъ нашей пушки, такъ она, моя голубушка, чуть со страха на тотъ свѣтъ не отправилась. Съ тѣхъ поръ ужъ и не палимъ изъ проклятой пушки.»

Мы встали изъ-за стола. Капитанъ съ капитаншею отправились спать; а я пошелъ къ Швабрину, съ которымъ и провелъ цѣлый вечеръ.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА IV.

ПОЕДИНОКЪ.

— Инъ изволь, и стань же въ позитуру.
Посмотришь, проколю какъ я твою фигуру.

Княжнинъ.

Прошло нѣсколько недѣль, и жизнь моя въ Бѣлогорской крѣпости сдѣлалась для меня не только сносною, но даже и пріятною. Въ домѣ Коменданта былъ я принятъ какъ родной. Мужъ и жена были люди самые почтенные. Иванъ Кузмичъ, вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей, былъ человѣкъ необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его имъ управляла, что согласовалось съ его безпечностію. Василиса Егоровна и на дѣла службы смотрѣла, какъ на свои хозяйскія, и управляла крѣпостію такъ точно, какъ и своимъ домкомъ. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я въ ней нашелъ благоразумную и чувствительную дѣвушку. Незамѣтнымъ образомъ я привязался къ доброму семейству, даже къ Ивану Игнатьичу, кривому гарнизонному Поручику, о которомъ Швабринъ выдумалъ, будто бы онъ былъ въ непозволительной связи съ Василисой Егоровной, что не имѣло и тѣни правдоподобія; но Швабринъ о томъ не безпокоился.

Я былъ произведенъ въ офицеры. Служба меня не отягощала. Въ богоспасаемой крѣпости не было ни смотровъ, ни ученій, ни карауловъ. Комендантъ по собственной охотѣ училъ иногда солдатъ, но еще не могъ добиться, чтобы всѣ они знали, которая сторона правая, которая лѣвая. У Швабрина было нѣсколько Французскихъ книгъ. Я сталъ читать, и во мнѣ пробудилась охота къ литературѣ. По утрамъ я читалъ, упражнялся въ переводахъ, а иногда и въ сочиненіи стиховъ; обѣдалъ почти всегда у Коменданта, гдѣ обыкновенно проводилъ остатокъ дня, и туда вечеромъ иногда являлся отецъ Герасимъ съ женою Акулиной Памфиловной, первою вѣстовщицею во всемъ околодкѣ. Съ

lib.pushkinskijdom.ru

Алексѣемъ Иванычемъ Швабринымъ, разумѣется, видѣлся я каждый день; но часъ отъ часу бесѣда его становилась для меня менѣе пріятною. Всегдашнія шутки его на счетъ семьи Коменданта мнѣ очень не нравились, особенно колкія замѣчанія о Марьѣ Ивановнѣ. Другаго общества въ крѣпости не было; но я другаго и не желалъ.

Несмотря на предсказанія, Башкирцы не возмущались. Спокойствіе царствовало вокругъ нашей крѣпости. Но миръ былъ прерванъ незапнымъ междоусобіемъ.

Я ужъ сказывалъ, что я занимался литературою. Опыты мои для тогдашняго времени были изрядны, и Александръ Петровичъ Сумароковъ, нѣсколько лѣтъ послѣ, очень ихъ похвалялъ. Однажды удалось мнѣ написать пѣсенку, которой былъ я доволенъ. Извѣстно, что сочинители иногда подъ видомъ требованія совѣтовъ ищутъ благосклоннаго слушателя. И такъ, переписавъ мою пѣсенку, я понесъ ее къ Швабрину, который одинъ во всей крѣпости могъ оцѣнить произведеніе стихотворца. Послѣ маленькаго предисловія, вынулъ я изъ кармана свою тетрадку и прочелъ ему слѣдующіе стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И ахъ, Машу избѣгая,
Мышлю вольность получить!

Но глаза, что мя плѣнили,
Всеминутно предо мной;
Они духъ во мнѣ смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнавъ мои напасти,
Сжалься, Маша, надо мной;
Зря меня въ сей лютой части,
И что я плѣненъ тобой.

«Какъ ты это находишь?» спросилъ я Швабрина, ожидая похвалы, какъ дани, мнѣ непремѣнно слѣдующей. Но, къ великой

lib.pushkinskijdom.ru

моей досадѣ, Швабринъ, обыкновенно снисходительный, рѣшительно объявилъ, что пѣсня моя не хороша. «Почему такъ?» спросилъ я его, скрывая свою досаду.

— Потому, отвѣчалъ онъ: что такіе стихи достойны учителя моего Василья Кирилыча Тредьяковскаго и очень напоминаютъ мнѣ его любовные куплетцы.

Тутъ онъ взялъ отъ меня тетрадку и началъ немилосердно разбирать каждый стихъ и каждое слово, издѣваясь надо мной самымъ колкимъ образомъ. Я не вытерпѣлъ, вырвалъ изъ рукъ его мою тетрадку и сказалъ, что ужъ отроду не покажу ему своихъ сочиненій. Швабринъ посмѣялся и надъ этой угрозою.

— Посмотримъ, сказалъ онъ: сдержишь ли ты свое слово: стихотворцамъ нуженъ слушатель, какъ Ивану Кузмичу графинчикъ водки передъ обѣдомъ. А кто эта Маша, передъ которой изъясняешься въ нѣжной страсти и въ любовной напасти? Ужъ не Марья ль Ивановна?

«Не твое дѣло», отвѣчалъ я, нахмурясь: «кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнѣнія, ни твоихъ догадокъ.»

— Ого! Самолюбивый стихотворецъ и скромный любовникъ! продолжалъ Швабринъ, часъ отъ часу болѣе раздражая меня: но послушай дружескаго совѣта: коли ты хочешь успѣть, то совѣтую дѣйствовать не пѣсенками.

«Что это, сударь, значитъ? Изволь объясниться.»

— Съ охотою. Это значитъ, что ежели хочешь, чтобъ Маша Миронова ходила къ тебѣ въ сумерки, то вмѣсто нѣжныхъ стишковъ подари ей пару серегъ.

Кровь моя закипѣла.

«А почему ты объ ней такаго мнѣнія?» спросилъ я, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

— А потому, отвѣчалъ онъ съ адской усмѣшкою: что знаю по опыту ея нравъ и обычай.

«Ты лжешь, мерзавецъ!» вскричалъ я въ бѣшенствѣ: «ты лжешь самымъ безстыднымъ образомъ.»

Швабринъ перемѣнился въ лицѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

— Это тебѣ такъ не пройдетъ, сказалъ онъ, стиснувъ мнѣ руку. Вы мнѣ дадите сатисфакцію.

«Изволь, когда хочешь!» отвѣчалъ я, обрадовавшись.

Въ эту минуту я готовъ былъ растерзать его.

Я тотчасъ отправился къ Ивану Игнатьичу и засталъ его съ иголкою въ рукахъ: по препорученію комендантши, онъ нанизывалъ грибы для сушенья на зиму. «А, Петръ Андреичъ!» сказалъ онъ, увидя меня: «добро пожаловать! Какъ это васъ Богъ принесъ? по какому дѣлу, смѣю спросить?» Я въ короткихъ словахъ объяснилъ ему, что поссорился съ Алексѣемъ Иванычемъ, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моимъ секундантомъ. Иванъ Игнатьичъ выслушалъ меня со вниманіемъ, вытаращa на меня свой единственный глазъ.

«Вы изволите говорить», сказалъ онъ мнѣ: «что хотите Алексѣя Иваныча заколоть, и желаете, чтобъ я при томъ былъ свидѣтелемъ? Такъ ли, смѣю спросить?»

— Точно такъ.

«Помилуйте, Петръ Андреичъ! Что это вы затѣяли! Вы съ Алексѣемъ Иванычемъ побранились? Велика бѣда! Брань на вороту не виснетъ. Онъ васъ побранилъ, а вы его выругайте; онъ васъ въ рыло, а вы его въ ухо, въ другое, въ третье — и разойдитесь; а мы васъ ужъ помиримъ. А то доброе ли дѣло заколоть своего ближняго, смѣю спросить? И добро бъ ужъ закололи вы его: Богъ съ нимъ, съ Алексѣемъ Иванычемъ; я и самъ до него не охотникъ. Ну, а если онъ васъ просверлитъ? На что это будетъ похоже? Кто будетъ въ дуракахъ, смѣю спросить?»

Разсужденія благоразумнаго Поручика не поколебали меня. Я остался при своемъ намѣреніи.

«Какъ вамъ угодно», сказалъ Иванъ Игнатьичъ: «дѣлайте, какъ разумѣете. Да зачѣмъ же мнѣ тутъ быть свидѣтелемъ? Къ какой стати? Люди дерутся — что за невидальщина, смѣю спросить? Слава Богу, ходилъ я подъ Шведа и подъ Турку: всего насмотрѣлся.»

Я кое-какъ сталъ изъяснять ему должность секунданта; но Иванъ Игнатьичъ никакъ не могъ меня понять.

lib.pushkinskijdom.ru

«Воля ваша», сказалъ онъ. «Коли ужъ мнѣ и вмѣшаться въ это дѣло, такъ развѣ пойти къ Ивану Кузмичу, да донести ему по долгу службы, что въ фортеціи умышляется злодѣйствіе, противное казенному интересу: не благоугодно ли будетъ господину Коменданту принять надлежащія мѣры....»

Я испугался и сталъ просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать Коменданту; на силу его уговорилъ; онъ далъ мнѣ слово, и я рѣшился отъ него отступиться.

Вечеръ провелъ я, по обыкновенію своему, у Коменданта. Я старался казаться веселымъ и равнодушнымъ, дабы не подать никакого подозрѣнія и избѣгнуть докучныхъ вопросовъ; но, признаюсь, я не имѣлъ того хладнокровія, которымъ хвалятся почти всегда тѣ, которые находились въ моемъ положеніи. Въ этотъ вечеръ я расположенъ былъ къ нѣжности и къ умиленію. Марья Ивановна нравилась мнѣ болѣе обыкновеннаго. Мысль, что, можетъ быть, вижу ее въ послѣдній разъ, придавала ей въ моихъ глазахъ что-то трогательное. Швабринъ явился тутъ же. Я отвелъ его въ сторону и увѣдомилъ его о своемъ разговорѣ съ Иваномъ Игнатьичемъ. «Зачѣмъ намъ секунданты?» сказалъ онъ мнѣ сухо: «безъ нихъ обойдемся.» Мы условились драться за скирдами, что находились подлѣ крѣпости, и явиться туда на другой день въ седьмомъ часу утра. Мы разговаривали, по видимому, такъ дружелюбно, что Иванъ Игнатьичъ отъ радости проболтался. «Давно бы такъ», сказалъ онъ мнѣ съ довольнымъ видомъ: «худой миръ лучше доброй ссоры, а и нечестенъ, такъ здоровъ.»

— Что, что, Иванъ Игнатьичъ? сказала комендантша, которая въ углу гадала въ карты: я не вслушалась.

Иванъ Игнатьичъ, замѣтивъ во мнѣ знаки неудовольствія и вспомня свое обѣщаніе, смутился и не зналъ, что отвѣчать. Швабринъ подоспѣлъ къ нему на помощь.

«Иванъ Игнатьичъ», сказалъ онъ: «ободряетъ нашу мировую.»

— А съ кѣмъ это, мой батюшка, ты ссорился?

lib.pushkinskijdom.ru

«Мы было поспорили довольно крупно съ Петромъ Андреичемъ.»

— За что такъ?

«За сущую бездѣлицу: за пѣсенку, Василиса Егоровна.»

— Нашли за что ссориться! за пѣсенку!... да какъ же это случилось?

«Да вотъ какъ: Петръ Андреичъ сочинилъ недавно пѣсню и сегодня запѣлъ ее при мнѣ, а я затянулъ мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять въ полночь.

Вышла разладица. Петръ Андреичъ было и разсердился, но потомъ разсудилъ, что всякъ воленъ пѣть, что кому угодно. Тѣмъ дѣло и кончилось.»

Безстыдство Швабрина чуть меня не взбѣсило; но никто, кромѣ меня, не понялъ грубыхъ его обиняковъ; по крайней мѣрѣ, никто не обратилъ на нихъ вниманія. Отъ пѣсенокъ разговоръ обратился къ стихотворцамъ, и Комендантъ замѣтилъ, что всѣ они люди безпутные и горькіе пьяницы, и дружески совѣтовалъ мнѣ оставить стихотворство, какъ дѣло службѣ противное и ни къ чему доброму не доводящее.

Присутствіе Швабрина было мнѣ несносно. Я скоро простился съ Комендантомъ и съ его семействомъ; пришедъ домой, осмотрѣлъ свою шпагу; попробовалъ ея конецъ и легъ спать, приказавъ Савельичу разбудить меня въ седьмомъ часу.

На другой день въ назначенное время я стоялъ уже за скирдами, выжидая моего противника. Вскорѣ и онъ явился. «Насъ могутъ застать», сказалъ онъ мнѣ: «надобно поспѣшить.» Мы сняли мундиры, остались въ однихъ камзолахъ и обнажили шпаги. Въ эту минуту изъ-за скирда вдругъ появился Иванъ Игнатьичъ и человѣкъ пять инвалидовъ. Онъ потребовалъ насъ къ Коменданту. Мы повиновались съ досадою; солдаты насъ окружили, и мы отправились вслѣдъ за Иваномъ Игнатьичемъ, который велъ насъ въ торжествѣ, шагая съ удивительной важностію.

lib.pushkinskijdom.ru

Мы вошли въ комендантскій домъ. Иванъ Игнатьичъ отворилъ двери, провозгласивъ торжественно: «привелъ!» Насъ встрѣтила Василиса Егоровна. «Ахъ, мои батюшки! На что это похоже? какъ? что? въ нашей крѣпости заводить смертоубійство! Иванъ Кузмичъ, сейчасъ ихъ подъ арестъ! Петръ Андреичъ! Алексѣй Иванычъ! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги въ чуланъ. Петръ Андреичъ! Этого я отъ тебя не ожидала. Какъ тебѣ не совѣстно? Добро Алексѣй Иванычъ: онъ за душегубство и изъ Гвардіи выписанъ, онъ и въ Господа Бога не вѣруетъ; а ты-то что? туда же лѣзешь?»

Иванъ Кузмичъ вполнѣ соглашался съ своею супругою и приговаривалъ: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говоритъ. Поединки формально запрещены въ воинскомъ артикулѣ.» Между тѣмъ Палашка взяла у насъ наши шпаги и отнесла въ чуланъ. Я не могъ не засмѣяться. Швабринъ сохранилъ свою важность. «При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ», сказалъ онъ ей хладнокровно: «не могу не замѣтить, что напрасно вы изволите безпокоиться, подвергая насъ вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузмичу: это его дѣло.» — «Ахъ, мой батюшка!» возразила комендантша: «да развѣ мужъ и жена не единъ духъ и едина плоть? Иванъ Кузмичъ! Что̀ ты зѣваешь? Сейчасъ разсади ихъ по разнымъ угламъ на хлѣбъ да на воду, чтобъ у нихъ дурь-то прошла; да пусть отецъ Герасимъ наложитъ на нихъ эпитемію, чтобъ молили у Бога прощенія, да каялись передъ людьми.»

Иванъ Кузмичъ не зналъ, на что рѣшиться. Марья Ивановна была чрезвычайно блѣдна. Мало по малу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила насъ другъ друга поцѣловать. Палашка принесла намъ наши шпаги. Мы вышли отъ Коменданта, повидимому, примиренные. Иванъ Игнатьичъ насъ сопровождалъ. «Какъ вамъ не стыдно было», сказалъ я ему сердито: «доносить на насъ Коменданту послѣ того, какъ дали мнѣ слово того не дѣлать?» — «Какъ Богъ святъ, я Ивану Кузмичу того не говорилъ», отвѣчалъ онъ: «Василиса Егоровна вывѣдала все отъ меня. Она всѣмъ и распорядилась безъ вѣдома Комен-

lib.pushkinskijdom.ru

данта. Впрочемъ, слава Богу, что все такъ кончилось.» Съ этимъ словомъ онъ повернулъ домой, а Швабринъ и я остались наединѣ. «Наше дѣло этимъ кончиться не можетъ», сказалъ я ему. — «Конечно» отвѣчалъ Швабринъ: «вы своею кровью будете отвѣчать мнѣ за вашу дерзость; но за нами, вѣроятно, станутъ присматривать. Нѣсколько дней намъ должно будетъ притворяться. До свиданія» И мы разстались, какъ ни въ чемъ не бывали.

Возратясь къ Коменданту, я по обыкновенію своему подсѣлъ къ Марьѣ Ивановнѣ. Ивана Кузмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйствомъ. Мы разговаривали въ полголоса. Марья Ивановна съ нѣжностію выговаривала мнѣ за безпокойство, причиненное всѣмъ моею ссорою съ Швабринымъ.

«Я такъ и обмерла», сказала она: «когда сказали намъ, что вы намѣрены биться на шпагахъ. Какъ мущины странны! За одно слово, о которомъ черезъ недѣлю вѣрно бъ они позабыли, готовы рѣзаться и жертвовать не только жизнію, но и совѣстію и благополучіемъ тѣхъ, которые.... Но я увѣрена, что не вы зачинщики ссоры. Вѣрно виноватъ Алексѣй Иванычъ.»

— А почему же вы такъ думаете, Марья Ивановна?

«Да такъ.... онъ такой насмѣшникъ! Я не люблю Алексѣя Иваныча. Онъ очень мнѣ противенъ; а странно: ни зачто бъ я не хотѣла, чтобъ и я ему также не нравилась. Это меня безпокоило бы страхъ.»

— А какъ вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему, или нѣтъ?

Марья Ивановна заикнулась и покраснѣла.

«Мнѣ кажется», сказала она: «я думаю, что нравлюсь.»

— Почему же вамъ такъ кажется?

«Потому что онъ за меня сватался.»

— Сватался! Онъ за васъ сватался? Когда же?

«Въ прошломъ году. Мѣсяца за два до вашего пріѣзда.»

— И вы не пошли?

«Какъ изволите видѣть. Алексѣй Иванычъ, конечно, человѣкъ умный и хорошей фамиліи, и имѣетъ состояніе; но какъ поду-

lib.pushkinskijdom.ru

маю, что надобно будетъ подъ вѣнцемъ при всѣхъ съ нимъ поцѣловаться.... Ни за что! ни за какія благополучіи!»

Слова Марьи Ивановны открыли мнѣ глаза и объяснили многое. Я понялъ упорное злорѣчіе, которымъ Швабринъ ее преслѣдовалъ. Вѣроятно, замѣчалъ онъ нашу взаимную склонность и старался отвлечь насъ другъ отъ друга. Слова, подавшія поводъ къ нашей ссорѣ, показались мнѣ еще болѣе гнусными, когда вмѣсто грубой и непристойной насмѣшки увидѣлъ я въ нихъ обдуманную клевету. Желаніе наказать дерзкаго злоязычника сдѣлалось во мнѣ еще сильнѣе, и я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать удобнаго случая.

Я дожидался не долго. На другой день, когда сидѣлъ я за элегіей и грызъ перо въ ожиданіи рифмы, Швабринъ постучался подъ моимъ окошкомъ. Я оставилъ перо, взялъ шпагу и къ нему вышелъ. «Зачѣмъ откладывать?» сказалъ мнѣ Швабринъ: «за нами не смотрятъ. Сойдемъ къ рѣкѣ. Тамъ никто намъ не помѣшаетъ.» Мы отправились, молча. Спустясь по крутой тропинкѣ, мы остановились у самой рѣки и обнажили шпаги. Швабринъ былъ искуснѣе меня, но я сильнѣе и смѣлѣе, и monsieur Бопре, бывшій нѣкогда солдатомъ, далъ мнѣ нѣсколько уроковъ въ фехтованіи, которыми я и воспользовался. Швабринъ не ожидалъ найти во мнѣ столь опаснаго противника. Долго мы не могли сдѣлать другъ другу никакого вреда; наконецъ, примѣтя, что Швабринъ ослабѣваетъ, я сталъ съ живостію на него наступать и загналъ его почти въ самую рѣку. Вдругъ услышалъ я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся и увидѣлъ Савельича, сбѣгающаго ко мнѣ по нагорной тропинкѣ.... Въ это самое время меня сильно кольнуло въ грудь пониже праваго плеча; я упалъ и лишился чувствъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА V.

ЛЮБОВЬ.

Ахъ, ты, дѣвка, дѣвка красная!
Не ходи, дѣвка, молода замужъ;
Ты спроси, дѣвка, отца, матери,
Отца, матери, роду племени;
Накопи, дѣвка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Народная пѣсня.

Буде лучше меня найдешь, позабудешь,
Если хуже меня найдешь, воспомянешь.

То же.

Очнувшись, я нѣсколько времени не могъ опомниться и не понималъ, что со мною сдѣлалось. Я лежалъ на кровати, въ незнакомой горницѣ, и чувствовалъ большую слабость. Передо мною стоялъ Савельичъ со свѣчкою въ рукахъ. Кто-то бережно развивалъ перевязи, которыми грудь и плечо были у меня стянуты. Мало по малу мысли мои прояснились. Я вспомнилъ свой поединокъ и догадался, что былъ раненъ. Въ эту минуту скрыпнула дверь. «Что? каковъ?» произнесъ пошепту голосъ, отъ котораго я затрепеталъ. — «Все въ одномъ положеніи», отвѣчалъ Савельичъ со вздохомъ: «все безъ памяти, вотъ уже пятыя сутки.» Я хотѣлъ оборотиться, но не могъ. «Гдѣ я? кто здѣсь?» сказалъ я съ усиліемъ. Марья Ивановна подошла къ моей кровати и наклонилась ко мнѣ. «Что? какъ вы себя чувствуете?» сказала она. — «Слава Богу», отвѣчалъ я слабымъ голосомъ. «Это вы, Марья Ивановна? Скажите мнѣ....» я не въ силахъ былъ продолжать и замолчалъ. Савельичъ ахнулъ. Радость изобразилась на его лицѣ. «Опомнился! опомнился!» повторялъ онъ. «Слава тебѣ, Владыко! Ну, батюшка Петръ Андреичъ! напугалъ ты меня! легко ли? пятыя сутки!...» Марья Ивановна перервала его рѣчь. «Не говори съ нимъ много, Савельичъ», сказала она. «Онъ еще слабъ.» Она вышла и тихонько притворила дверь. Мысли мои волновались. И такъ, я былъ въ домѣ Коменданта;

lib.pushkinskijdom.ru

Марья Ивановна входила ко мнѣ. Я хотѣлъ сдѣлать Савельичу нѣкоторые вопросы; но старикъ замоталъ головою и заткнулъ себѣ уши. Я съ досадою закрылъ глаза и вскорѣ забылся сномъ.

Проснувшись, подозвалъ я Савельича и вмѣсто его увидѣлъ передъ собою Марью Ивановну; ангельскій голосъ ея меня привѣтствовалъ. Не могу выразить сладостнаго чувства, овладѣвшаго мною въ эту минуту. Я схватилъ ея руку и прильнулъ къ ней, обливая слезами умиленія. Маша не отрывала ее.... и вдругъ ея губки коснулись моей щеки, и я почувствовалъ ихъ жаркій и свѣжій поцѣлуй. Огонь пробѣжалъ по мнѣ. «Милая, добрая Марья Ивановна», сказалъ ей: «будь моею женою, согласись на мое счастіе.» Она опомнилась. «Ради Бога, успокойтесь», сказала она, отнявъ у меня свою руку. «Вы еще въ опасности: рана можетъ открыться. Пеберегите себя хоть для меня.» Съ этимъ словомъ она ушла, оставя меня въ упоеніи восторга. Счастіе воскресило меня. Она будетъ моя! она меня любитъ! Эта мысль наполняла все мое существованіе.

Съ той поры мнѣ часъ отъ часу становилось лучше. Меня лечилъ полковой цирюльникъ, ибо въ крѣпости другаго лекаря не было, и, славу Богу, не умничалъ. Молодость и природа ускорили мое выздоровленіе. Все семейство Коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна отъ меня не отходила. Разумѣется, при первомъ удобномъ случаѣ я принялся за прерванное объясненіе, и Марья Ивановна выслушала меня терпѣливѣе. Она безо всякаго жеманства призналась мнѣ въ сердечной склонности и сказала, что ея родители, конечно, рады будутъ ея счастію. «Но подумай хорошенько», прибавила она: «со стороны твоихъ родныхъ не будетъ ли препятствія?»

Я задумался. Въ нѣжности матушкиной я не сомнѣвался; но, зная нравъ и образъ мыслей отца, я чувствовалъ, что любовь моя не слишкомъ его тронетъ, и что онъ будетъ на нее смотрѣть, какъ на блажь молодаго человѣка. Я чистосердечно признался въ томъ Марьѣ Ивановнѣ, и рѣшился, однако, писать къ батюшкѣ какъ можно краснорѣчивѣе, прося родительскаго благословенія. Я показалъ письмо Марьѣ Ивановнѣ, которая нашла его столь

lib.pushkinskijdom.ru

убѣдительнымъ и трогательнымъ, что не сомнѣвалась въ успѣхѣ его, и предалась чувствамъ нѣжнаго своего сердца со всею довѣрчивостію молодости и любви.

Со Швабринымъ я помирился въ первые дни моего выздоровленія. Иванъ Кузмичъ, выговаривая мнѣ за поединокъ, сказалъ мнѣ: «Эхъ, Петръ Андреичъ! надлежало бы мнѣ посадить тебя подъ арестъ, да ты ужъ и безъ того наказанъ. А Алексѣй Иванычъ у меня таки сидитъ въ хлѣбномъ магазинѣ подъ карауломъ, и шпага его подъ замкомъ у Василисы Егоровны. Пускай онъ себѣ надумается, да раскается.» Я слишкомъ былъ счастливъ, чтобъ хранить въ сердце чувство непріязненное. Я сталъ просить за Швабрина, и добрый Комендантъ, съ согласія своей супруги, рѣшился его освободить. Швабринъ пришелъ ко мнѣ; онъ изъявилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что случилось между нами; признался, что былъ кругомъ виноватъ, и просилъ меня забыть о прошедшемъ. Будучи отъ природы незлопамятенъ, я искренно простилъ ему и нашу ссору и рану, мною отъ него полученную. Въ клеветѣ его видѣлъ я досаду оскорбленнаго самолюбія и отвергнутой любви и великодушно извинялъ своего несчастнаго соперника.

Вскорѣ я выздоровѣлъ и могъ перебраться на мою квартиру. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я отвѣта на посланное письмо, не смѣя надѣяться и стараясь заглушить печальныя предчувствія. Съ Василисой Егоровной и съ ея мужемъ я еще не объяснился; но предложеніе мое не должно было ихъ удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать отъ нихъ свои чувства, и мы заранѣе были ужъ увѣрены въ ихъ согласіи.

Наконецъ однажды утромъ Савельичъ вошелъ ко мнѣ, держа въ рукахъ письмо. Я схватилъ его съ трепетомъ. Адресъ былъ написанъ рукою батюшки. Это пріуготовило меня къ чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мнѣ матушка, а онъ въ концѣ приписывалъ нѣсколько строкъ. Долго не распечатывалъ я пакета и перечитывалъ торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гриневу, въ Оренбургскую губернію, въ Бѣлогорскую крѣпость.» Я старался по почерку угадать

lib.pushkinskijdom.ru

расположеніе духа, въ которомъ писано было письмо ; наконецъ рѣшился его распечатать и съ первыхъ строкъ увидѣлъ , что все дѣло пошло къ чорту. Содержаніе письма было слѣдующее :

«Сынъ мой Петръ! Письмо твое , въ которомъ просишь ты насъ о родительскомъ нашемъ благословеніи и согласіи на бракъ съ Марьей Ивановой дочерью Мироновой , мы получили 15 сего мѣсяца , и не только ни моего благословенія , ни моего согласія дать я тебѣ не намѣренъ, но еще и собираюсь до тебя добраться, да за проказы твои проучить тебя путемъ , какъ мальчишку, несмотря на твой офицерскій чинъ : ибо ты доказалъ , что шпагу носить еще недостоинъ , которая пожалована тебѣ на защиту отечества , а не для дуелей съ такими же сорванцами , каковъ ты самъ. Немедленно буду писать къ Андрею Карловичу, прося его перевести тебя изъ Бѣлогорской крѣпости куда нибудь подальше, гдѣ бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнавъ о твоемъ поединкѣ и о томъ , что ты раненъ , съ горести занемогла и теперь лежитъ. Что̀ изъ тебя будетъ? Молю Бога, чтобъ ты исправился, хоть и не смѣю надѣяться на Его великую милость.

«Отецъ твой *А. Г.*»

Чтеніе сего письма возбудило во мнѣ разныя чувствованія. Жестокія выраженія , на которыя батюшка не поскупился , глубоко оскорбили меня. Пренебреженіе, съ какимъ онъ упоминалъ о Марьѣ Ивановнѣ , казалось мнѣ столь же непристойнымъ , какъ и несправедливымъ. Мысль о переведеніи моемъ изъ Бѣлогорской крѣпости меня ужасала ; но всего болѣе огорчило меня извѣстіе о болѣзни матери. Я негодовалъ на Савельича , не сомнѣваясь , что поединокъ мой сталъ извѣстенъ родителямъ черезъ него. Шагая взадъ и впередъ по тѣсной моей комнатѣ , я остановился передъ нимъ и сказалъ, взглянувъ на него грозно :

«Видно тебѣ не довольно, что я, благодаря тебя, раненъ и цѣлый мѣсяцъ былъ на краю гроба ; ты и мать мою хочешь уморить.»

Савельичъ былъ пораженъ какъ громомъ.

— Помилуй, сударь, сказалъ онъ, чуть не зарыдавъ : что̀ это изволишь говорить? Я причина, что ты былъ раненъ! Богъ ви-

lib.pushkinskijdom.ru

дитъ, бѣжалъ я заслонить тебя своею грудью отъ шпаги Алексѣя Ивановича! Старость проклятая помѣшала. Да что жъ я сдѣлалъ матушкѣ-то твоей?

«Что ты сдѣлалъ?» отвѣчалъ я. «Кто просилъ тебя писать на меня доносы? развѣ ты приставленъ ко мнѣ въ шпіоны?»

— Я? писалъ на тебя доносы? отвѣчалъ Савельичъ со слезами. Господи Царю Небесный! Такъ изволь-ка прочитай, что̀ пишетъ ко мнѣ баринъ: увидишь, какъ я доносилъ на тебя.

«Стыдно тебѣ, старый песъ, что ты, не взирая на мои строгія приказанія, мнѣ не донесъ о сынѣ моемъ Петрѣ Андреевичѣ, и что посторонніе принуждены увѣдомлять меня о его проказахъ. Такъ ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, стараго пса, пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство къ молодому человѣку. Съ полученіемъ сего, приказываю тебѣ немедленно отписать ко мнѣ, каково теперь его здоровье, о которомъ пишутъ мнѣ, что поправилось; да въ какое именно мѣсто онъ раненъ и хорошо ли его залечили.»

Очевидно было, что Савельичъ передо мною былъ правъ, и что я напрасно оскорбилъ его упрекомъ и подозрѣніемъ. Я просилъ у него прощенія; но старикъ былъ неутѣшенъ.

«Вотъ до чего я дожилъ», повторялъ онъ: «вотъ какихъ милостей дослужился отъ своихъ господъ! Я и старый песъ, и свинопасъ, да я жъ и причина твоей раны? Нѣтъ, батюшка Петръ Андреичъ! не я, проклятый мусье всему виноватъ: онъ научилъ тебя тыкаться желѣзными вертелами, да притопывать, какъ будто тыканіемъ да топаніемъ убережешься отъ злаго человѣка! Нужно было нанимать мусье, да тратить лишнія деньги!»

Но кто же бралъ на себя трудъ увѣдомить отца моего о моемъ поведеніи? Генералъ? Но онъ, казалось, обо мнѣ не слишкомъ заботился; а Иванъ Кузмичъ не почелъ за нужное рапортовать о моемъ поединкѣ. Я терялся въ догадкахъ. Подозрѣнія мои остановились на Швабринѣ. Онъ одинъ имѣлъ выгоду въ доносѣ, коего слѣдствіемъ могло быть удаленіе мое изъ крѣпости и разрывъ съ комендантскимъ семействомъ. Я пошелъ объявить обо всемъ Марьѣ Ивановнѣ. Она встрѣтила меня на крыльцѣ. «Что

lib.pushkinskijdom.ru

это съ вами сдѣлалось?» сказала она, увидѣвъ меня. «Какъ вы блѣдны!» — «Все кончено!» отвѣчалъ я и отдалъ ей батюшкино письмо. Она поблѣднѣла въ свою очередь. Прочитавъ, она возвратила мнѣ письмо дрожащею рукою и сказала дрожащимъ голосомъ: «Видно мнѣ не судьба.... Родные ваши не хотятъ меня въ свою семью. Буди во всемъ воля Господня! Богъ лучше нашего знаетъ, что намъ надобно. Дѣлать нечего, Петръ Андреичъ, будьте хоть вы счастливы....» — «Этому не бывать!» вскричалъ я, схвативъ ее за руку: «ты меня любишь; я готовъ на все. Пойдемъ, кинемся въ ноги къ твоимъ родителямъ; они люди простые, не жестокосердые гордецы.... Они насъ благословятъ; мы обвѣнчаемся.... а тамъ, современемъ, я увѣренъ, мы умолимъ отца моего; матушка будетъ за насъ; онъ меня проститъ....» — «Нѣтъ, Петръ Андреичъ», отвѣчала Маша: «я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастія. Покоримся волѣ Божіей. Коли найдешь себѣ суженую, коли полюбишь другую — Богъ съ тобою, Петръ Андреичъ; а я за васъ обоихъ....» Тутъ она заплакала и ушла отъ меня; я хотѣлъ было войти за нею въ комнату, но чувствовалъ, что былъ не въ состояніи владѣть самимъ собою, и воротился домой.

Я сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость, какъ вдругъ Савельичъ прервалъ мои размышленія. «Вотъ, сударь», сказалъ онъ, подавая исписаный листъ бумаги: «посмотри, доносчикъ ли я на своего барина и стараюсь ли я помутить сына съ отцомъ.» Я взялъ изъ рукъ его бумагу: это былъ отвѣтъ Савельича на полученное имъ письмо. Вотъ онъ отъ слова до слова:

«Государь Андрей Петровичъ, отецъ нашъ милостивый!

«Милостивое писаніе ваше я получилъ, въ которомъ изволишь гнѣваться на меня, раба вашего, что-де стыдно мнѣ не исполнять господскихъ приказаній; а я, не старый песъ, а вѣрный вашъ слуга, господскихъ приказаній слушаюсь и усердно вамъ всегда служилъ и дожилъ до сѣдыхъ волосъ. Я жъ про рану Петра Андреича ничего къ вамъ не писалъ, чтобъ не испужать

lib.pushkinskijdom.ru

понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна и такъ съ испугу слегла, и за ея здоровье Богу буду молить. А Петръ Андреичъ раненъ былъ подъ правое плечо, въ грудь, подъ самую костоку, въ глубину на полтора вершка, и лежалъ онъ въ домѣ у Коменданта, куда принесли мы его съ берега, и лечилъ его здѣшній цырульникъ Степанъ Парамоновъ, и теперь Петръ Андреичъ, слава Богу, здоровъ, и про него кромѣ хорошаго нечего и писать. Командиры, слышно, имъ довольны; а у Василисы Егоровны онъ какъ родной сынъ. А что съ нимъ случилась такая оказія, то быль молодцу не укора: конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается. И изволите вы писать, что сошлете меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За симъ кланяюсь рабски.

«Вѣрный холопъ вашъ
«Архипъ Савельевъ.»

Я не могъ нѣсколько разъ не улыбнуться, читая грамоту добраго старика. Отвѣчать батюшкѣ я былъ не въ состояніи; а чтобъ успокоить матушку, письмо Савельича мнѣ показалось достаточнымъ.

Съ той поры положеніе мое перемѣнилось. Марья Ивановна почти со мною не говорила и всячески старалась избѣгать меня. Домъ Коменданта сталъ для меня постылъ. Мало по малу пріучился я сидѣть одинъ у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мнѣ пѣняла, но, видя мое упрямство, оставила меня въ покоѣ. Съ Иваномъ Кузмичемъ видѣлся я только, когда того требовала служба; со Швабринымъ встрѣчался рѣдко и неохотно, тѣмъ болѣе, что замѣчалъ въ немъ скрытую къ себѣ непріязнь, что и утверждало меня въ моихъ подозрѣніяхъ. Жизнь моя сдѣлалась мнѣ несносна. Я впалъ въ мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездѣйствіе. Любовь моя разгаралась въ уединеніи и часъ отъ часу становилась мнѣ тягостнѣе. Я потерялъ охоту къ чтенію и словесности. Духъ мой упалъ. Я боялся или сойти съ ума, или удариться въ распутство. Неожиданныя происшествія, имѣвшія важныя вліянія на всю мою жизнь, дали вдругъ моей душѣ сильное и благое потрясеніе.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА VI.

ПУГАЧЕВЩИНА.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будемъ сказывати.

Пѣсня.

Прежде, нежели приступлю къ описанію странныхъ происшествій, коимъ я былъ свидѣтель, долженъ сказать нѣсколько словъ о положеніи, въ которомъ находилась Оренбургская губернія въ концѣ 1773 года.

Сія обширная и богатая губернія обитаема была множествомъ полудикихъ народовъ, признавшихъ еще недавно владычество Россійскихъ Государей. Ихъ поминутныя возмущенія, непривычка къ законамъ и гражданской жизни, легкомысліе и жестокость требовали со стороны правительства непрестаннаго надзора для удержанія ихъ въ повиновеніи. Крѣпости выстроены были въ мѣстахъ, признанныхъ удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями Яицкихъ береговъ. Но Яицкіе казаки, долженствовавшіе охранять спокойствіе и безопасность сего края, съ нѣкотораго времени были сами для правительства неспокойными и опасными подданными. Въ 1772 году произошло возмущеніе въ ихъ главномъ городѣ. Причиною тому были строгія мѣры, предпринятыя Генералъ-Маіоромъ Траубенбергомъ, дабы привести войско къ должному повиновенію. Слѣдствіемъ было варварское убіеніе Траубенберга, своевольная перемѣна въ управленіи и наконецъ усмиреніе бунта картечью и жестокими наказаніями.

Это случилось нѣсколько времени передъ прибытіемъ моимъ въ Бѣлогорскую крѣпость. Все было уже тихо, или казалось таковымъ; начальство слишкомъ легко повѣрило мнимому раскаянію лукавыхъ мятежниковъ, которые злобствовали втайнѣ и выжидали удобнаго случая для возобновленія безпорядковъ.

Обращаюсь къ своему разсказу.

lib.pushkinskijdom.ru

Однажды вечеромъ (это было въ началѣ Октября 1773 года) сидѣлъ я дома одинъ, слушая вой осенняго вѣтра и смотря въ окно на тучи, бѣгущія мимо луны. Пришли меня звать отъ имени Коменданта. Я тотчасъ отправился. У Коменданта нашелъ я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкаго урядника. Въ комнатѣ не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендантъ со мною поздоровался съ видомъ озабоченнымъ. Онъ заперъ двери, всѣхъ усадилъ, кромѣ урядника, который стоялъ у дверей, вынулъ изъ кармана бумагу и сказалъ намъ: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что̀ пишетъ Генералъ.» Тутъ онъ надѣлъ очки и прочелъ слѣдующее:

«Господину Коменданту Бѣлогорской крѣпости Капитану Миронову.

«По секрету.

«Симъ извѣщаю васъ, что убѣжавшій изъ-подъ караула Донской казакъ и раскольникъ Емельянъ Пугачевъ, учиня непростительную дерзость принятіемъ на себя имени покойнаго Императора Петра III, собралъ злодѣйскую шайку, произвелъ возмущеніе въ Яицкихъ селеніяхъ и уже взялъ и разорилъ нѣсколько крѣпостей, производя вездѣ грабежи и смертныя убійства. Того ради, съ полученіемъ сего, имѣете вы, господинъ Капитанъ, немедленно принять надлежащія мѣры къ отраженію помянутаго злодѣя и самозванца, а буде можно, и къ совершенному уничтоженію онаго, если онъ обратится на крѣпость, ввѣренную вашему попеченію.»

«Принять надлежащія мѣры!» сказалъ Комендантъ, снимая очки и складывая бумагу. «Слышь ты, легко сказать. Злодѣй-то видно силенъ; а у насъ всего сто тридцать человѣкъ, не считая казаковъ, на которыхъ плоха надежда, не въ укоръ буди тебѣ сказано, Максимычъ (урядникъ усмѣхнулся). Однако, дѣлать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы, да ночные дозоры; въ случаѣ нападенія запирайте ворота, да выводите солдатъ. Ты, Максимычъ, смотри крѣпко за своими казаками. Пушку осмотрѣть, да хорошенько вычистить. А пуще всего

lib.pushkinskijdom.ru

содержите все это втайнѣ, чтобъ въ крѣпости никто не могъ о томъ узнать преждевременно.»

Раздавъ сіи повелѣнія, Иванъ Кузмичъ насъ распустилъ. Я вышелъ вмѣстѣ со Швабринымъ, разсуждая о томъ, что̀ мы слышали.

— Какъ ты думаешь, чѣмъ это кончится? спросилъ я его.

«Богъ знаетъ», отвѣчалъ онъ: «посмотримъ. Важнаго покамѣстъ еще ничего не вижу. Если же....»

Тутъ онъ задумался и въ разсѣяніи сталъ насвистывать Французскую арію.

Несмотря на всѣ наши предосторожности, вѣсть о появленіи Пугачева разнеслась по крѣпости. Иванъ Кузмичъ, хоть и очень уважалъ свою супругу, но ни за что на свѣтѣ не открылъ бы ей тайны, ввѣренной ему по службѣ. Получивъ письмо отъ Генерала, онъ довольно искуснымъ образомъ выпроводилъ Василису Егоровну, сказавъ ей, будто бы отецъ Герасимъ получилъ изъ Оренбурга какія-то чудныя извѣстія, которыя содержитъ въ великой тайнѣ. Василиса Егоровна тотчасъ захотѣла отправиться въ гости къ попадьѣ и, по совѣту Ивана Кузмича, взяла съ собою и Машу, чтобъ ей не было скучно одной.

Иванъ Кузмичъ, оставшись полнымъ хозяиномъ, тотчасъ послалъ за нами, а Палашку заперъ въ чуланъ, чтобъ она не могла насъ подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успѣвъ ничего вывѣдать отъ попадьи, и узнала, что во время ея отсутствія было у Ивана Кузмича совѣщаніе, и что Палашка была подъ замкомъ Она догадалась, что была обманута мужемъ, и приступила къ нему съ допросомъ. Но Иванъ Кузмичъ приготовился къ нападенію. Онъ ни мало не смутился и бодро отвѣчалъ своей любопытной сожительницѣ: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломою; а какъ отъ того можетъ произойти несчастіе, то я и отдалъ строгой приказъ впередъ соломою бабамъ печей не топить, а топить хворостомъ и валежникомъ.» — «А для чего жъ было тебѣ запирать Палашку?» спросила комендантша. За что бѣдная дѣвка просидѣла въ чуланѣ, пока мы не воро-

lib.pushkinskijdom.ru

тились ?» Иванъ Кузмичъ не былъ приготовленъ къ таковому вопросу; онъ запутался и пробормоталъ что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидѣла коварство своего мужа, но, зная, что ничего отъ него не добьется, прекратила свои вопросы и завела рѣчь о соленыхъ огурцахъ, которые Акулина Памфиловна приготовляла совершенно особеннымъ образомъ. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никакъ не могла догадаться, что̀ бы такое было въ головѣ ея мужа, о чемъ бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь отъ обѣдни, она увидѣла Ивана Игнатьича, который вытаскивалъ изъ пушки тряпички, камешки, щепки, бабки и соръ всякаго рода, запиханный въ нее ребятишками. «Что̀ бы значили эти военныя приготовленія? — думала комендантша — ужъ не ждутъ ли нападенія отъ Киргизцевъ? Но неужто Иванъ Кузмичъ сталъ бы отъ меня таитъ такіе пустяки?» Она кликнула Ивана Игнатьича съ твердымъ намѣреніемъ вывѣдать отъ него тайну, которая мучила ея дамское любопытство.

Василиса Егоровна сдѣлала ему нѣсколько замѣчаній касательно хозяйства, какъ судія, начинающій слѣдствіе вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность отвѣтчика. Потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, она глубоко вздохнула и сказала, качая головою: «Господи Боже мой! Вишь какія новости! Что изъ этого будетъ?»

— И, матушка! отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ. — Богъ милостивъ: солдатъ у насъ довольно, пороху много, пушку я вычистилъ. Авось дадимъ отпоръ Пугачеву. Господь не выдастъ, свинья не съѣстъ!

«А что за человѣкъ этотъ Пугачевъ?» спросила комендантша.

Тутъ Иванъ Игнатьичъ замѣтилъ, что проговорился, и закусилъ языкъ. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всемъ признаться, давъ ему слово не разсказывать о томъ никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обѣщаніе и никому не сказала ни одного слова, кромѣ попадьи, и то потому только, что

lib.pushkinskijdom.ru

корова ея ходила еще въ степи и могла быть захвачена злодѣями.

Вскорѣ всѣ заговорили о Пугачевѣ. Толки были различны. Комендантъ послалъ урядника съ порученіемъ развѣдать хорошенько обо всемъ по сосѣднимъ селеніямъ и крѣпостямъ. Урядникъ возвратился черезъ два дня и объявилъ, что въ степи верстъ за шестьдесятъ отъ крѣпости видѣлъ онъ множество огней и слышалъ отъ Башкирцевъ, что идетъ невѣдомая сила. Впрочемъ, не могъ онъ сказать ничего положительнаго, потому что ѣхать далѣе побоялся.

Въ крѣпости между казаками замѣтно стало необыкновенное волненіе; во всѣхъ улицахъ они толпились въ кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизоннаго солдата. Подосланы были къ нимъ лазутчики. Юлай, крещеный Калмыкъ, сдѣлалъ Коменданту важное донесеніе. Показанія урядника, по словамъ Юлая, были ложны; по возвращеніи своемъ, лукавый казакъ объявилъ своимъ товарищамъ, что онъ былъ у бунтовщиковъ, представлялся самому ихъ предводителю, который допустилъ его къ своей рукѣ и долго съ нимъ разговаривалъ. Комендантъ немедленно посадилъ урядника подъ караулъ, а Юлая назначилъ на его мѣсто. Эта новость принята была казаками съ явнымъ неудовольствіемъ. Они громко роптали, и Иванъ Игнатьичъ, исполнитель Комендантскаго распоряженія, слышалъ своими ушами, какъ они говорили: «Вотъ ужо тебѣ будетъ, гарнизонная крыса!» Комендантъ думалъ въ тотъ же день допросить своего арестанта; но урядникъ бѣжалъ изъподъ караула, вѣроятно, при помощи своихъ единомышленниковъ.

Новое обстоятельство усилило безпокойство Коменданта. Схваченъ былъ Башкирецъ съ возмутительными листами. По сему случаю Комендантъ думалъ опять собрать своихъ офицеровъ и для того хотѣлъ опять удалить Василису Егоровну подъ благовиднымъ предлогомъ. Но какъ Иванъ Кузмичъ былъ человѣкъ самый прямодушный и правдивый, то и не нашелъ другаго способа, кромѣ употребленнаго имъ единожды.

lib.pushkinskijdom.ru

«Слышь ты, Василиса Егоровна», сказалъ онъ ей, покашливая: «отецъ Герасимъ получилъ, говорятъ, изъ города....»

— Полно врать, Иванъ Кузмичъ, прервала комендантша: ты, знать, хочешь собрать совѣщаніе, да безъ меня потолковать объ Емельянѣ Пугачевѣ; да лихъ не проведешь.

Иванъ Кузмичъ вытаращилъ глаза.

«Ну, матушка», сказалъ онъ: коли ты уже все знаешь, такъ, пожалуй, оставайся; мы потолкуемъ и при тебѣ.»

— То-то, батька мой, отвѣчала она: не тебѣ бы хитрить; посылай-ка за офицерами.

Мы собрались опять. Иванъ Кузмичъ въ присутствіи жены прочелъ намъ воззваніе Пугачева, писанное какимъ нибудь полуграматнымъ казакомъ. Разбойникъ объявлялъ о своемъ намѣреніи немедленно идти на нашу крѣпость; приглашалъ казаковъ и солдатъ въ свою шайку, а командировъ увѣщевалъ не сопротивляться, угрожая казнію въ противномъ случаѣ. Воззваніе написано было въ грубыхъ, но сильныхъ выраженіяхъ, и должно было произвести опасное впечатлѣніе на умы простыхъ людей.

«Каковъ мошенникъ!» воскликнула комендантша. «Что смѣетъ еще намъ предлагать! Выйти къ нему на встрѣчу и положить къ ногамъ его знамена! Ахъ, онъ собачій сынъ! Да развѣ не знаетъ онъ, что мы уже сорокъ лѣтъ въ службѣ, и всего, слава Богу, насмотрѣлись? Неужто нашлись такіе командиры, которые послушались разбойника?»

— Кажется, не должно бы, отвѣчалъ Иванъ Кузмичъ. А слышно, злодѣй завладѣлъ ужъ многими крѣпостями.

— «Видно онъ въ самомъ дѣлѣ силенъ», замѣтилъ Швабринъ.

— А вотъ сейчасъ узнаемъ настоящую его силу, сказалъ Комендантъ. Василиса Егоровна, дай мнѣ ключъ отъ анбара. Иванъ Игнатьичъ, приведи-ка Башкирца, да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

«Постой, Иванъ Кузмичъ», сказала комендантша, вставая съ мѣста. «Дай уведу Машу куда нибудь изъ дому; а то услышитъ

lib.pushkinskijdom.ru

крикъ, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться.»

Пытка въ старину такъ была укоренена въ обычаяхъ судопроизводства, что благодѣтельный указъ, уничтожившій оную, долго оставался безъ всякаго дѣйствія. Думали, что собственное признаніе преступника необходимо было для его полнаго обличенія — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо если отрицаніе подсудимаго не пріемлется въ доказательство его невинности, то признаніе его и того менѣе должно быть доказательствомъ его виновности. Даже и нынѣ случается мнѣ слышать старыхъ судей, жалѣющихъ объ уничтоженіи варварскаго обычая. Въ наше же время никто не сомнѣвался въ необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. И такъ, приказаніе Коменданта никого изъ насъ не удивило и не встревожило. Иванъ Игнатьичъ отправился за Башкирцемъ, который сидѣлъ въ анбарѣ подъ ключемъ у комендантши, и черезъ нѣсколько минутъ невольника привели въ переднюю. Комендантъ велѣлъ его къ себѣ представить.

Башкирецъ съ трудомъ шагнулъ черезъ порогъ (онъ былъ въ колодкѣ) и, снявъ высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянулъ на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человѣка. Ему казалось лѣтъ за семьдесятъ. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вмѣсто бороды торчало нѣсколько сѣдыхъ волосъ; онъ былъ малаго росту, тощъ и сгорбленъ; но узенькіе глаза его сверкали еще огнемъ. «Эхе!» сказалъ Комендантъ, узнавъ, по страшнымъ его примѣтамъ, одного изъ бунтовщиковъ, наказанныхъ въ 1741 году. «Да ты видно старый волкъ, побывалъ въ нашихъ капканахъ. Ты знать не впервой уже бунтуешь, коли у тебя такъ гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослалъ?»

Старый Башкирецъ молчалъ и глядѣлъ на Коменданта съ видомъ совершеннаго безсмыслія. «Что же ты молчишь?» продолжалъ Иванъ Кузмичъ: «али бельмеса по-Русски не разумѣешь? Юлай, спроси-ка у него по вашему, кто его подослалъ въ нашу крѣпость?»

lib.pushkinskijdom.ru

Юлай повторилъ на Татарскомъ языкѣ вопросъ Ивана Кузмича. Но Башкирецъ глядѣлъ на него съ тѣмъ же выраженіемъ и не отвѣчалъ ни слова.

«Якши», сказалъ Комендантъ: «ты у меня заговоришь. Ребята! снимите-ка съ него дурацкій полосатый халатъ, да выстрочите ему спину. Смотри жъ, Юлай: хорошенько его!»

Два инвалида стали Башкирца раздѣвать. Лице несчастнаго изобразило безпокойство Онъ оглядывался на всѣ стороны, какъ звѣрокъ, пойманный дѣтьми. Когда жъ одинъ изъ инвалидовъ взялъ его руки и положивъ ихъ себѣ около шеи, поднялъ старика на свои плечи, а Юлай взялъ плеть и замахнулся, — тогда Башкирецъ застоналъ слабымъ, умоляющимъ голосомъ и, кивая головою, открылъ ротъ, въ которомъ вмѣсто языка шевелился короткій обрубокъ.

Когда вспомню, что это случилось на моемъ вѣку, и что нынѣ дожилъ я до кроткаго царствованія Императора Александра, не могу не дивиться быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія и распространенію правилъ человѣколюбія. Молодой человѣкъ! если записки мои попадутся въ твои руки, вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній.

Всѣ были поражены.

«Ну», сказалъ Комендантъ: «видно намъ отъ него толку не добиться. Юлай, отведи Башкирца въ анбаръ. А мы, господа, кой о чемъ еще потолкуемъ.»

Мы стали разсуждать о нашемъ положеніи, какъ вдругъ Василиса Егоровна вошла въ комнату, задыхаясь и съ видомъ чрезвычайно встревоженнымъ.

«Что́ это съ тобою сдѣлалось?» спросилъ изумленный Комендантъ.

— Батюшка, бѣда! отвѣчала Василиса Егоровна. Нижнеозерная взята сегодня утромъ. Работникъ отца Герасима сейчасъ оттуда воротился. Онъ видѣлъ, какъ ее брали. Комендантъ и всѣ офицеры перевѣшаны. Всѣ солдаты взяты въ полонъ. Того и гляди, злодѣи будутъ сюда.

lib.pushkinskijdom.ru

Неожиданная вѣсть сильно меня поразила. Комендантъ Нижнеозерной крѣпости, тихій и скромный молодой человѣкъ, былъ мнѣ знакомъ: мѣсяца за два передъ тѣмъ проѣзжалъ онъ изъ Оренбурга съ молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича. Нижнеозерная находилась отъ нашей крѣпости верстахъ въ двадцати пяти. Съ часу на часъ должно было и намъ ожидать нападенія Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мнѣ, и сердце у меня такъ и замерло.

— «Послушайте, Иванъ Кузмичъ!» сказалъ я Коменданту. «Долгъ нашъ защищать крѣпость до послѣдняго нашего издыханія; объ этомъ и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщинъ. Отправьте ихъ въ Оренбургъ, если дорога еще свободна, или въ отдаленную, болѣе надежную крѣпость, куда злодѣи не успѣли бы достигнуть.

Иванъ Кузмичъ оборотился къ женѣ и сказалъ ей:

«А слышь ты, матушка, и въ самомъ дѣлѣ, не отправить ли васъ подалѣ, пока не управимся мы съ бунтовщиками?»

— И, пустое! сказала комендантша. Гдѣ такая крѣпость, куда бы пули не залетали? Чѣмъ Бѣлогорская ненадежна? Слава Богу, двадцать второй годъ въ ней проживаемъ. Видали и Башкирцевъ и Киргизцевъ: авось и отъ Пугачева отсидимся!

«Ну, матушка», возразилъ Иванъ Кузмичъ: «оставайся пожалуй, коли ты на крѣпость нашу надѣешься. Да съ Машей-то что намъ дѣлать? Хорошо, коли отсидимся, или дождемся сикурса; ну, а коли злодѣи возьмутъ крѣпость?»

— Ну, тогда....

Тутъ Василиса Егоровна заикнулась и замолчала съ видомъ чрезвычайнаго волненія.

«Нѣтъ, Василиса Егоровна», продолжалъ Комендантъ, замѣчая, что слова его подѣйствовали, можетъ быть, въ первый разъ въ его жизни. «Машѣ здѣсь оставаться негоже. Отправимъ ее въ Оренбургъ къ ея крестной матери: тамъ и войска и пушекъ довольно, и стѣна каменная. Да и тебѣ совѣтовалъ бы съ нею туда же отправиться; даромъ, что ты старуха, а посмотри, что съ тобою будетъ, коли возьмутъ фортецію приступомъ.»

lib.pushkinskijdom.ru

— Добро, сказала комендантша: такъ и быть, отправимъ Машу. А меня и во снѣ не проси: не поѣду Нечего мнѣ подъ старость лѣтъ разставаться съ тобою, да искать одинокой могилы на чужой сторонкѣ. Вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать.

«И то дѣло», сказалъ Комендантъ. «Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу въ дорогу. Завтра чѣмъ свѣтъ ее и отправимъ, да дадимъ ей и конвой, хоть людей лишнихъ у насъ и нѣтъ. Да гдѣ же Маша?»

— У Акулины Памфиловны, отвѣчала комендантша. Ей сдѣлалось дурно, какъ услышала о взятіи Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи Владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать объ отъѣздѣ дочери. Разговоръ у Коменданта продолжался; но я уже въ него не мѣшался и ничего не слушалъ. Марья Ивановна явилась къ ужину, блѣдная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали изъ-за стола скорѣе обыкновеннаго; простясь со всѣмъ семействомъ, мы отправились по домамъ. Но я нарочно забылъ свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовалъ, что застану Марью Ивановну одну. Въ самомъ дѣлѣ, она встрѣтила меня въ дверяхъ и вручила мнѣ шпагу. «Прощайте, Петръ Андреичъ!» сказала она мнѣ со слезами: «меня посылаютъ въ Оренбургъ. Будьте живы и счастливы; можетъ быть, Господь приведетъ насъ другъ съ другомъ увидѣться; если же нѣтъ....» Тутъ она зарыдала. Я обнялъ ее. «Прощай, ангелъ мой», сказалъ я: «прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, вѣрь, что послѣдняя моя мысль и послѣдняя молитва будетъ о тебѣ!» Маша рыдала, прильнувъ къ моей груди. Я съ жаромъ ее поцѣловалъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА VII.

ПРИСТУПЪ.

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Ахъ, не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго
И не рангу себѣ высокаго;
Только выслужила головушка
Два высокіе столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная пѣсня.

Въ эту ночь я не спалъ и не раздѣвался. Я намѣренъ былъ отправиться на зарѣ къ крѣпостнымъ воротамъ, откуда Марья Ивановна должна была выѣхать, и тамъ проститься съ нею въ послѣдній разъ. Я чувствовалъ въ себѣ великую перемѣну: волненіе души моей было мнѣ гораздо менѣе тягостно, нежели то уныніе, въ которое еще недавно былъ я погруженъ. Съ грустію разлуки сливались во мнѣ и неясныя, но сладостныя надежды, и нетерпѣливое ожиданіе опасностей, и чувства благороднаго честолюбія. Ночь прошла незамѣтно. Я хотѣлъ уже выйти изъ дому, какъ дверь моя отворилась и ко мнѣ явился капралъ съ донесеніемъ, что наши казаки ночью выступили изъ крѣпости, взявъ насильно съ собою Юлаю, и что около крѣпости разъѣзжаютъ невѣдомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успѣетъ выѣхать, ужаснула меня; я поспѣшно далъ капралу нѣсколько наставленій и тотчасъ бросился къ Коменданту.

Ужъ разсвѣтало. Я летѣлъ по улицѣ, какъ услышалъ, что зовутъ меня. Я остановился.

«Куда вы?» сказалъ Иванъ Игнатьичъ, догоняя меня. «Иванъ Кузмичъ на валу и послалъ меня за вами. Пугачъ пришелъ.»

— Уѣхала ли Марья Ивановна? спросилъ я съ сердечнымъ трепетомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

«Не успѣла», отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ: «дорога въ Оренбурга отрѣзана; крѣпость окружена. Плохо, Петръ Андреичъ!»

Мы пошли на валъ, возвышеніе, образованное природой и укрѣпленное частоколомъ. Тамъ уже толпились всѣ жители крѣпости. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перетащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ. Близость опасности одушевляла стараго воина бодростію необыкновенной. По степи, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости, разъѣзжали человѣкъ двадцать верхами. Они, казалося, казаки, но между ними находились и Башкирцы, которыхъ легко было распознать по ихъ рысьимъ шапкамъ и по колчанамъ. Комендантъ обошелъ свое войско, говоря солдатамъ: «Ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку Государыню и докажемъ всему свѣту, что мы люди бравые и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердіе. Швабринъ стоялъ подлѣ меня и пристально глядѣлъ на непріятеля. Люди, разъѣзжающіе въ степи, замѣтя движеніе въ крѣпости, съѣхались въ кучку и стали между собою толковать. Комендантъ велѣлъ Ивану Игнатьичу навести пушку на ихъ толпу и самъ приставилъ фитиль. Ядро зажужжало и пролетѣло надъ ними, не сдѣлавъ никакого вреда. Наѣздники, разсѣясь, тотчасъ ускакали изъ виду, и степь опустѣла.

Тутъ явились на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша, нехотѣвшая отстать отъ нея.

«Ну, что?» сказала комендантша. «Каково идетъ баталья? Гдѣ же непріятель?»

— Непріятель недалече, отвѣчалъ Иванъ Кузмичъ. Богъ дастъ, все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?

— «Нѣтъ, папенька», отвѣчала Марья Ивановна: «дома одной страшнѣе.»

Тутъ она взглянула на меня и съ усиліемъ улыбнулась. Я невольно стиснулъ рукоять моей шпаги, вспомня, что наканунѣ получилъ ее изъ ея рукъ, какъ бы на защиту моей любезной. Сердце мое горѣло. Я воображалъ себя ея рыцаремъ. Я жаждалъ до-

lib.pushkinskijdom.ru

казать, что былъ достоинъ ея довѣренности, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать рѣшительной минуты.

Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками. Между ними, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженной саблею въ рукѣ: это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили, и, какъ видно, по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ бумаги; у другаго на копьѣ воткнута была голова Юлая, которую, стряхнувъ, перекинулъ онъ къ намъ чрезъ частоколъ. Голова бѣднаго Калмыка упала къ ногамъ Коменданта. Измѣнники кричали:

«Не стрѣляйте; выходите вонъ къ Государю. Государь здѣсь!»

— Вотъ я васъ! закричалъ Иванъ Кузмичъ. Ребята! стрѣляй!

Солдаты наши дали залпъ. Казакъ, державшій письмо, зашатался и свалился съ лошади; другіе поскакали назадъ. Я взглянулъ на Марью Ивановну. Пораженная видомъ окровавленной головы Юлая, оглушенная залпомъ, она казалась безъ памяти. Комендантъ подозвалъ капрала и велѣлъ ему взять листъ изъ рукъ убитаго казака. Капралъ вышелъ въ поле и возвратился, ведя подъ устцы лошадь убитаго. Онъ вручилъ Коменданту письмо. Иванъ Кузмичъ прочелъ его про себя и разорвалъ потомъ въ клочки. Между тѣмъ, мятежники видимо приготовлялись къ дѣйствію. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколъ. «Василиса Егоровна!» сказалъ Комендантъ. «Здѣсь не бабье дѣло; уведи Машу; видишь: дѣвка ни жива, ни мертва.»

Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ оборотилась къ мужу и сказала ему: «Иванъ Кузмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу.»

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузмичу, стала на колѣна и поклонилась ему въ землю. Старый Комен-

lib.pushkinskijdom.ru

дантъ перекрестилъ ее трижды ; потомъ поднялъ и, поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ:

«Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ , дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите , какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе.»

Маша кинулась ему на шею, и зарыдала.

— Поцѣлуемся жъ и мы , сказала , заплакавъ , комендантша. Прощай, мой Иванъ Кузмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила!

«Прощай , прощай , матушка!» сказалъ Комендантъ , обнявъ свою старуху. «Ну, довольно! Ступайте , ступайте домой ; да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ.»

Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ вослѣдъ Марьи Ивановны ; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузмичъ обратился къ намъ , и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣзжались около своего предводителя и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. «Теперь стойте крѣпко», сказалъ Комендантъ : «будетъ приступъ....» Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики ; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую средину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди.... Онъ махалъ саблею и , казалось , съ жаромъ ихъ уговаривалъ.... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. «Ну ребята», сказалъ Комендантъ : «теперь отворяй ворота , бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною!»

Комендантъ , Иванъ Игнатьичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но обробѣлый гарнизонъ не тронулся. «Что жъ вы , дѣтушки , стоите?» закричалъ Иванъ Кузмичъ. «Умирать, такъ умирать ; дѣло служивое!» Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ ; гарнизонъ бросилъ ружья ; меня сшибли было съ ногъ , но я всталъ

lib.pushkinskijdom.ru

и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненый въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь: нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вотъ ужо вамъ будетъ, Государевымъ ослушникамъ!» Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что Государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнали туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ Комендантскаго дома. На немъ былъ красивый казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лице его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца, съ крестомъ въ рукахъ, и, казалось, молча, умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, Башкирцы разогнали народъ, и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. «Который Комендантъ?» спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: «Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему Государю?» Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: «Ты мнѣ не Государь; ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго Капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился верхомъ изувѣченный Башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузмича вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай», сказалъ ему Пугачевъ: «Государю Петру Ѳеодоровичу!» — «Ты намъ не Государь», отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего Капитана. «Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ!» Пугачевъ мах-

lib.pushkinskijdom.ru

нулъ опять платкомъ, и добрый Поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неописанному моему изумленію, увидѣлъ я среди мятежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. «Вѣшать его!» сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу. «Небось, небось», повторяли мнѣ губители, можетъ быть, и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: «Постойте, окаянные! погодите!...» Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева. «Отецъ родной!» говорилъ бѣдный дядька. «Что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня старика!» Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили. «Батюшка нашъ тебя милуетъ», говорили мнѣ. Въ эту минуту не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу, однакожъ, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣна. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. «Цѣлуй руку, цѣлуй руку!» говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. «Батюшка Петръ Андреичъ!» шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня. «Не упрямься! Что тебѣ стоитъ? плюнь да поцѣлуй у злод.... (тьфу!) поцѣлуй у него ручку.» Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою: «Его благородіе знать одурѣлъ отъ радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные

lib.pushkinskijdom.ru

солдаты стояли тутъ же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь, подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ Пугачевъ всталъ съ креселъ и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатой сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло. Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздѣтую донага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь. «Батюшки мои!» кричала бѣдная старушка. «Отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузмичу.» Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа «Злодѣи!» закричала она въ изступленіи. «Что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузмичъ, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки Прусскіе, ни пули Турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!» — «Унять старую вѣдьму!» сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

ГЛАВА VIII.

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ.

Незваный гость хуже Татарина.
Пословица.

Площадь опустѣла. Я все стоялъ на одномъ мѣстѣ и не могъ привести въ порядокъ мысли, смущенныя столь ужасными впечатлѣніями.

Неизвѣстность о судьбѣ Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Гдѣ она? что съ нею? успѣла ли спрятаться? надежно

lib.pushkinskijdom.ru

ли ея убѣжище?... Полный тревожными мыслями, я вошелъ въ комендантскій домъ... Все было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; все растаскано. Я взбѣжалъ по маленькой лѣстницѣ, которая вела въ свѣтлицу, и въ первый разъ отроду вошелъ въ комнату Марьи Ивановны. Я увидѣлъ ея постелю, перерытую разбойниками; шкапъ былъ разломанъ и ограбленъ; лампадка теплилась еще передъ опустѣлымъ кивотомъ. Уцѣлѣло и зеркальце, висѣвшее въ простѣнкѣ.... Гдѣ жъ была хозяйка этой смиренной дѣвической кельи? Страшная мысль мелькнула въ умѣ моемъ: я вообразилъ ее въ рукахъ у разбойниковъ.... Сердце мое сжалось.... Я горько, горько заплакалъ и громко произнесъ имя моей любезной.... Въ эту минуту послышался легкій шумъ, и изъ-за шкапа явилась Палаша, блѣдная и трепещущая.

«Ахъ, Петръ Андреичъ!» сказала она, всплеснувъ руками. «Какой денёкъ! какія страсти!...»

— А Марья Ивановна? спросилъ я нетерпѣливо. Что Марья Ивановна?

«Барышня жива», отвѣчала Палаша. «Она спрятана у Акулины Памфиловны.»

— У попадьи! вскричалъ я съ ужасомъ. Боже мой! да тамъ Пугачевъ!

Я бросился вонъ изъ комнаты, мигомъ очутился на улицѣ и опрометью побѣжалъ въ домъ священника, ничего не видя и не чувствуя. Тамъ раздавались крики, хохотъ и пѣсни.... Пугачевъ пировалъ съ своими товарищами. Палаша прибѣжала туда же за мною. Я подослалъ ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Чрезъ минуту попадья вышла ко мнѣ въ сѣни съ пустымъ штофомъ въ рукахъ.

— Ради Бога! гдѣ Марья Ивановна? спросилъ я съ неизъяснимымъ волненіемъ.

«Лежитъ, моя голубушка, у меня на кровати, тамъ за перегородкою», отвѣчала попадья. «Ну, Петръ Андреичъ, чуть-было не стряслась бѣда; да, слава Богу, все прошло благополучно:

lib.pushkinskijdom.ru

злодѣй только-что усѣлся обѣдать, какъ она моя бѣдняжка очнется, да застонетъ!... Я такъ и обмерла. Онъ услышалъ: «А кто это у тебя охаетъ, старуха?» Я вору въ поясъ: племянница моя, Государь, захворала, лежитъ, вотъ ужъ другая недѣля. — «А молода твоя племянница?» — «Молода, Государь.» — «А покажи-ка мнѣ, старуха, свою племянницу.» У меня сердце такъ и йокнуло, да нечего было дѣлать. «Изволь, Государь; только дѣвка-то не сможетъ встать и притти къ твоей милости.» — «Ничего, старуха, я и самъ пойду погляжу.» И вѣдь пошелъ окаянный за перегородку; какъ ты думаешь! вѣдь отдернулъ занавѣсъ, взглянулъ ястребиными своими глазами — и ничего.... Богъ вынесъ! А вѣришь ли, я и батька мой такъ ужъ и приготовились къ мученической смерти. Къ счастію, она моя голубушка не узнала его. Господи Владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бѣдный Иванъ Кузмичъ! кто бы подумалъ!... А Василиса-то Егоровна? А Иванъ-то Игнатьичъ? Его-то за что?... Какъ это васъ пощадили? А каковъ Швабринъ, Алексѣй Иванычъ? Вѣдь остригся въ кружокъ и теперь у насъ тутъ же съ ними пируетъ! Проворенъ, нечего сказать! А какъ сказала я про больную племянницу, такъ онъ, вѣришь ли, такъ взглянулъ на меня, какъ бы ножемъ насквозь; однако, не выдалъ, спасибо ему и за то.»

Въ эту минуту раздались пьяные крики гостей и голосъ отца Герасима. Гости требовали вина, хозяинъ кликалъ сожительницу. Попадья расхлопоталась.

«Ступайте себѣ домой, Петръ Андреичъ», сказала она: «теперь не до васъ; у злодѣевъ попойка идетъ. Бѣда, попадетесь подъ пьяную руку. Прощайте, Петръ Андреичъ. Что будетъ, то будетъ; авось Богъ не оставитъ!»

Попадья ушла. Нѣсколько успокоенный, я отправился къ себѣ на квартиру. Проходя мимо площади, я увидѣлъ нѣсколько Башкирцевъ, которые тѣснились около висѣлицы и стаскивали сапоги съ повѣшенныхъ; съ трудомъ удержалъ я порывъ негодованія, чувствуя безполезность заступленія. По крѣпости бѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

гали разбойники, грабя офицерскіе дома. Вездѣ раздавались крики пьянствующихъ мятежниковъ. Я пришелъ домой. Савельичъ встрѣтилъ меня у порога.

«Слава Богу!» вскричалъ онъ, увидя меня. Я было думалъ, что злодѣи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петръ Андреичъ! вѣришь ли? все у насъ разграбили, мошенники: платье, бѣлье, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что ужъ! Слава Богу, что тебя живаго отпустили! А узналъ ли ты, сударь, атамана?»

— Нѣтъ, не узналъ; а кто жъ онъ такой?

«Какъ, батюшка? Ты и позабылъ того пьяницу, который выманилъ у тебя тулупъ на постояломъ дворѣ? Заячій тулупчикъ совсѣмъ новёшенькій; а онъ, бестія, его такъ и распоролъ, напяливая на себя!»

Я изумился. Въ самомъ дѣлѣ сходство Пугачева съ моимъ вожатымъ было разительно. Я удостовѣрился, что Пугачевъ и онъ были одно и то же лице, и понялъ тогда причину пощады, мнѣ оказанной. Я не могъ не подивиться странному сцѣпленію обстоятельствъ: дѣтскій тулупъ, подаренный бродягѣ, избавлялъ меня отъ петли, и пьяница, шатавшійся по постоялымъ дворамъ, осаждалъ крѣпости и потрясалъ государствомъ!

«Не изволишь ли покушать?» спросилъ Савельичъ, неизмѣнный въ своихъ привычкахъ. «Дома ничего нѣтъ; пойду, пошарю, да что нибудь тебѣ изготовлю.»

Оставшись одинъ, я погрузился въ размышленія. Что мнѣ было дѣлать? Оставаться въ крѣпости, подвластной злодѣю, или слѣдовать за его шайкою, было неприлично офицеру, Долгъ требовалъ, чтобъ я явился туда, гдѣ служба моя могла еще быть полезна отечеству въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.... Но любовь сильно совѣтовала мнѣ оставаться при Марьѣ Ивановнѣ и быть ей защитникомъ и покровителемъ. Хотя я и предвидѣлъ скорую и несомнѣнную перемѣну въ обстоятельствахъ, но все же не могъ не трепетать, воображая опасность ея положенія.

lib.pushkinskijdom.ru

Размышленія мои были прерваны приходомъ одного изъ казаковъ, который прибѣжалъ съ объявленіемъ, «что-де Великій Государь требуетъ тебя къ себѣ.»

— Гдѣ же онъ? спросилъ я, готовясь повиноваться.

«Въ Комендантскомъ», отвѣчалъ казакъ. «Послѣ обѣда батюшка нашъ отправился въ баню, а теперь отдыхаетъ. Ну, ваше благородіе, по всему видно, что персона знатная: за обѣдомъ скушать изволилъ двухъ жареныхъ поросятъ, а пàрится такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Ѳомкѣ Бикбаеву, да на силу холодной водой откачался. Нечего сказать: всѣ пріемы такіе важные.... А въ банѣ, слышно, показывалъ царскіе свои знаки на грудяхъ: на одной двуглавый орелъ, величиною съ пятакъ, а на другой персона его.»

Я не почелъ нужнымъ оспоривать мнѣнія казака и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ Комендантскій домъ, заранѣ воображая себѣ свиданіе съ Пугачевымъ и стараясь предугадать, чѣмъ оно кончится. Читатель легко можетъ себѣ представить, что я не былъ совершенно хладнокровенъ.

Начинало смеркаться, когда пришелъ я къ Комендантскому дому. Висѣлица съ своими жертвами страшно чернѣла. Тѣло бѣдной комендантши все еще валялось подъ крыльцемъ, у котораго два казака стояли на караулѣ. Казакъ, приведшій меня, отправился про меня доложить и, тотчасъ же воротившись, ввелъ меня въ ту комнату, гдѣ наканунѣ такъ нѣжно прощался я съ Марьей Ивановною.

Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скатертью и установленнымъ штофами и стаканами, Пугачевъ и человѣкъ десять казацкихъ старшинъ сидѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгоряченные виномъ, съ красными рожами и блистающими глазами. Между ними не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранныхъ измѣнниковъ. «А, ваше благородіе!» сказалъ Пугачевъ, увидя меня. «Добро пожаловать; честь и мѣсто, милости просимъ.» Собесѣдники потѣснились. Я молча сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой

lib.pushkinskijdom.ru

казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простаго вина, до котораго я не коснулся. Съ любопытствомъ сталъ я разсматривать сборище. Пугачевъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, облокотясь на столъ и подпирая черную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго. Онъ часто обращался къ человѣку лѣтъ пятидесяти, называя его то графомъ, то Тимоѳеичемъ, а иногда величая его дядюшкою. Всѣ обходились между собою какъ товарищи и не оказывали никакого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шелъ объ утреннемъ приступѣ, объ успѣхѣ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ. Каждый хвасталъ, предлагалъ свои мнѣнія и свободно оспоривалъ Пугачева. И на семъ-то странномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было идти къ Оренбургу: движеніе дерзкое, и которое чуть было не увѣнчалось бѣдственнымъ успѣхомъ! Походъ былъ объявленъ къ завтрашнему дню. «Ну, братцы», сказалъ Пугачевъ: «затянемъ-ка на сонъ грядущій мою любимую пѣсенку. Чумаковъ! начинай!» Сосѣдъ мой затянулъ тонкимъ голоскомъ заунывную бурлацкую пѣсню, и всѣ подхватили хоромъ:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думу думати.
Что за утра мнѣ доброму молодцу въ допросъ идти
Передъ грознаго судью, самого Царя.
Еще станетъ Государь-Царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежа православный Царь,
Всее правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищъ темная ночь,
А второй мой товарищъ булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищъ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищъ, то тугой лукъ;
Что разсыльщики мои, то калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный Царь:

lib.pushkinskijdom.ru

Исполать тебѣ, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиной.

Невозможно разсказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ, — все потрясало меня какимъ-то піитическимъ ужасомъ.

Гости выпили еще по стакану, встали изъ-за стола и простились съ Пугачевымъ. Я хотѣлъ за ними послѣдовать; но Пугачевъ сказалъ мнѣ: «Сиди; я хочу съ тобою переговорить.» Мы остались глазъ на глазъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось обоюдное наше молчаніе. Пугачевъ смотрѣлъ на меня пристально, изрѣдка прищуривая лѣвый глазъ съ удивительнымъ выраженіемъ плутовства и насмѣшливости. Наконецъ онъ засмѣялся, и съ такою непритворной веселостію, что и я, глядя на него, сталъ смѣяться, самъ не зная чему.

«Что, ваше благородіе? сказалъ онъ мнѣ. «Струсилъ ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебѣ веревку на шею? Я чаю, небо съ овчинку показалось.... А покачался бы на перекладинѣ, если бъ не твой слуга. Я тотчасъ узналъ стараго хрыча. Ну, думалъ ли ты, ваше благородіе, что человѣкъ, который вывелъ тебя къ умету, былъ самъ Великій Государь? (Тутъ онъ взялъ на себя видъ важный и таинственный.) Ты крѣпко предо мною виноватъ», продолжалъ онъ: «но я помиловалъ тебя за твою добродѣтель, за то, что ты оказалъ мнѣ услугу, когда принужденъ я былъ скрываться отъ своихъ недруговъ. То ли еще увидишь! Такъ ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обѣщаешься ли служить мнѣ съ усердіемъ?»

lib.pushkinskijdom.ru

Вопросъ мошенника и его дерзость показались мнѣ такъ забавны, что я не могъ не усмѣхнуться.

«Чему ты усмѣхаешься?» спросилъ онъ меня, нахмурясь. «Или ты не вѣришь, что я Великій Государь? Отвѣчай прямо.»

Я смутился. Признать бродягу Государемъ былъ я не въ состояніи: это казалось мнѣ малодушіемъ непростительнымъ. Назвать его въ глаза обманщикомъ было подвергнуть себя погибели, и то, на что былъ я готовъ подъ висѣлицею въ глазахъ всего народа въ первомъ пылу негодованія, теперь казалось мнѣ безполезной хвастливостію. Я колебался. Пугачевъ мрачно ждалъ моего отвѣта. Наконецъ (и еще нынѣ съ самодовольствіемъ поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мнѣ надъ слабостію человѣческою. Я отвѣчалъ Пугачеву:

— Слушай; скажу тебѣ всю правду. Разсуди, могу ли я признать въ тебѣ Государя? Ты человѣкъ смышленый: ты самъ увидѣлъ бы, что я лукавствую.»

«Кто же я таковъ, по твоему разумѣнію?»

— Богъ тебя знаетъ; но кто бы ты ни былъ, ты шутишь опасную шутку.

Пугачевъ взглянулъ на меня быстро.

«Такъ ты не вѣришь», сказалъ онъ: «чтобъ я былъ Государь Петръ Ѳедоровичъ? Ну, добро. А развѣ нѣтъ удачи удалому? Развѣ въ старину Гришка Отрепьевъ не царствовалъ? Думай про меня, что хочешь, а отъ меня не отставай. Какое тебѣ дѣло до инаго прочаго? Кто ни попъ, тотъ батька. Послужи мнѣ вѣрой и правдою, и я тебя пожалую и въ фельдмаршалы, и въ князья. Какъ ты думаешь?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ я съ твердостію. Я природный дворянинъ; я присягалъ Государынѣ Императрицѣ: тебѣ служить не могу. Коли ты въ самомъ дѣлѣ желаешь мнѣ добра, такъ отпусти меня въ Оренбургъ.

Пугачевъ задумался.

«А коли отпущу», сказалъ онъ: «такъ обѣщаешься ли, по крайней мѣрѣ, противъ меня не служить?»

lib.pushkinskijdom.ru

— Какъ могу тебѣ въ этомъ обѣщаться? отвѣчалъ я. Самъ знаешь, не моя воля: велятъ идти противъ тебя — пойду, дѣлать нечего. Ты теперь самъ начальникъ; самъ требуешь повиновенія отъ своихъ. На что это будетъ похоже, если я отъ службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя въ твоей власти: отпустишь — спасибо; казнишь — Богъ тебѣ судья; а я сказалъ тебѣ правду.

Моя искренность поразила Пугачева.

«Такъ и быть», сказалъ онъ, ударя меня по плечу. «Казнить, такъ казнить, миловать такъ миловать. Ступай себѣ на всѣ четыре стороны и дѣлай, что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себѣ спать, и меня ужъ дрема клонитъ.»

Я оставилъ Пугачева и вышелъ на улицу. Ночь была тихая и морозная. Мѣсяцъ и звѣзды ярко сіяли, освѣщая площадь и висѣлицу. Въ крѣпости все было спокойно и темно. Только въ кабакѣ свѣтился огонь и раздавались крики запоздалыхъ гулякъ. Я взглянулъ на домъ священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, все въ немъ было тихо.

Я пришелъ къ себѣ на квартиру и нашелъ Савельича, горюющаго по моемъ отсутствіи. Вѣсть о свободѣ моей обрадовала его несказанно.

— «Слава тебѣ, Владыко!» сказалъ онъ, перекрестившись. «Чѣмъ свѣтъ оставимъ крѣпость и пойдемъ куда глаза глядятъ. Я тебѣ кое-что заготовилъ; покушай-ка, батюшка, да и почивай себѣ до утра, какъ у Христа за пазушкой.»

Я послѣдовалъ его совѣту и, поужинавъ съ большимъ аппетитомъ, заснулъ на голомъ полу, утомленный душевно и физически.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА IX.

РАЗЛУКА.

Сладко было спознаваться
Мнѣ, прекрасная, съ тобой;
Грустно, грустно разставаться,
Грустно, будто бы съ душой.

Херасковъ.

Рано утромъ разбудилъ меня барабанъ. Я пошелъ на сборное мѣсто. Тамъ строились уже толпы Пугачевскія около висѣлицы, гдѣ все еще висѣли вчерашнія жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты подъ ружьемъ. Знамена развѣвались. Нѣсколько пушекъ, между коихъ узналъ я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Всѣ жители находились тутъ же, ожидая самозванца. У крыльца Комендантскаго дома казакъ держалъ подъ устцы прекрасную бѣлую лошадь Киргизской породы. Я искалъ глазами тѣла комендантши. Оно было отнесено немного въ сторону и прикрыто рогожею. Наконецъ Пугачевъ вышелъ изъ сѣней. Народъ снялъ шапки. Пугачевъ остановился на крыльцѣ и со всѣми поздоровался. Одинъ изъ старшинъ подалъ ему мѣшокъ съ мѣдными деньгами, и онъ сталъ ихъ метать пригоршнями. Народъ съ крикомъ бросался ихъ подбирать, и дѣло обошлось не безъ увѣчья. Пугачева окружили главные изъ его сообщниковъ. Между ними стоялъ и Швабринъ. Взоры наши встрѣтились; въ моемъ онъ могъ прочесть презрѣніе, и онъ отворотился съ выраженіемъ искренней злобы и притворной насмѣшливости. Пугачевъ, увидѣвъ меня въ толпѣ, кивнулъ мнѣ головою и подозвалъ къ себѣ. «Слушай», сказалъ онъ мнѣ. «Ступай сей же часъ въ Оренбургъ и объяви отъ меня Губернатору и всѣмъ Генераламъ, чтобъ ожидали меня къ себѣ черезъ недѣлю. Присовѣтуй имъ встрѣтить меня съ дѣтскою любовію и послушаніемъ; не то не избѣжать имъ лютой казни. Счастливый путь, ваше благородіе!» Потомъ обратился онъ къ народу и сказалъ, указывая на Швабрина. «Вотъ вамъ, дѣтушки, новый командиръ.

lib.pushkinskijdom.ru

Слушайтесь его во всемъ, а онъ отвѣчаетъ мнѣ за васъ и за крѣпость.» Съ ужасомъ услышалъ я сіи слова: Швабринъ дѣлался начальникомъ крѣпости; Марья Ивановна оставалась въ его власти! Боже, что съ нею будетъ! Пугачевъ сошелъ съ крыльца. Ему подвели лошадь. Онъ проворно вскочилъ въ сѣдло, не дождавшись казаковъ, которые хотѣли было подсадить его.

Въ это время, изъ толпы народа, вижу, выступилъ мой Савельичъ, подходитъ къ Пугачеву и подалъ ему листъ бумаги. Я не могъ придумать, что̀ изъ того выйдетъ.

«Это что?» спросилъ важно Пугачевъ.

— Прочитай, такъ изволишь увидѣть, отвѣчалъ Савельичъ.

Пугачевъ принялъ бумагу и долго разсматривалъ съ видомъ значительнымъ.

«Что ты такъ мудрено пишешь?» сказалъ онъ наконецъ. «Наши свѣтлыя очи не могутъ тутъ ничего разобрать. Гдѣ мой оберъ-секретарь?»

Молодой малый въ капральскомъ мундирѣ проворно подбѣжалъ къ Пугачеву. «Читай вслухъ», сказалъ самозванецъ, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовалъ узнать, о чемъ дядька мой вздумалъ писать Пугачеву. Оберъ-секретарь громогласно сталъ по складамъ читать слѣдующее:

«Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей.»

— Это что значитъ? сказалъ, нахмурясь, Пугачевъ.

«Прикажи читать далѣе», отвѣчалъ спокойно Савельичъ.

Оберъ-секретарь продолжалъ:

«Мундиръ изъ тонкаго зеленаго сукна, на семь рублей.

«Штаны бѣлые суконные, на пять рублей.

«Двенадцать рубахъ полотняныхъ Голландскихъ съ манжетами, на десять рублей.

«Погребецъ съ чайною посудою, на два рубля съ полтиною....»

— Что за вранье? прервалъ Пугачевъ. Какое мнѣ дѣло до погребцовъ и до штановъ съ манжетами?

Савельичъ крякнулъ и сталъ объясняться.

lib.pushkinskijdom.ru

«Это, батюшка, изволишь видѣть, реестръ барскому добру, раскраденному злодѣями....»

— Какими злодѣями? сказалъ грозно Пугачевъ.

«Виноватъ: обмолвился», отвѣчалъ Савельичъ. «Злодѣи не злодѣи, а твои ребята, таки пошарили, да порастаскали. Не гнѣвись: конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается. Прикажи ужъ дочитать.»

— Дочитывай, сказалъ Пугачевъ.

Секретарь продолжалъ:

«Одѣяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумагѣ, четыре рубля.

«Шуба лисья, крытая алымъ ратиномъ, 40 рублей.

«Еще заячій тулупчикъ, пожалованный твоей милости на постояломъ дворѣ, 15 рублей.»

— Это что еще! вскричалъ Пугачевъ, сверкнувъ огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бѣднаго моего дядьку. Онъ хотѣлъ было пуститься опять въ объясненія; но Пугачевъ его прервалъ: «Какъ ты смѣлъ лѣзть ко мнѣ съ такими пустяками!» вскричалъ онъ, выхватя бумагу изъ рукъ секретаря и бросивъ ее въ лице Савельичу. «Глупый старикъ! Ихъ обобрали: экая бѣда! Да ты долженъ, старый хрычъ, вѣчно Бога молить за меня да за моихъ ребятъ, за то, что ты и съ бариномъ-то своимъ не висите здѣсь вмѣстѣ съ моими ослушниками.... Заячій тулупъ! Да знаешь ли ты, что я съ тебя живаго кожу велю содрать на тулупы?»

— Какъ изволишь, отвѣчалъ Савельичъ: а я человѣкъ подневольный и за барское добро долженъ отвѣчать.

Пугачевъ былъ видно въ припадкѣ великодушія. Онъ отворотился и отъѣхалъ, не сказавъ болѣе ни слова. Швабринъ и старшины послѣдовали за нимъ. Шайка выступила изъ крѣпости въ порядкѣ. Народъ пошелъ провожать Пугачева. Я остался на площади одинъ съ Савельичемъ. Дядька мой держалъ въ рукахъ свой реестръ и разсматривалъ его съ видомъ глубокаго сожалѣнія.

lib.pushkinskijdom.ru

Видя мое доброе согласіе съ Пугачевымъ, онъ думалъ употребить оное въ пользу; но мудрое намѣреніе ему не удалось. Я сталъ было его бранить за неумѣстное усердіе и не могъ удержаться отъ смѣха. «Смѣйся, сударь», отвѣчалъ Савельичъ: «смѣйся; а какъ придется намъ съизнова заводиться всѣмъ хозяйствомъ, такъ посмотримъ, смѣшно ли будетъ.»

Я спѣшилъ въ домъ священника увидѣться съ Марьей Ивановной. Попадья встрѣтила меня съ печальнымъ извѣстіемъ. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала безъ памяти и въ бреду. Попадья ввела меня въ ея комнату. Я тихо подошелъ къ ея кровати. Перемѣна въ ея лицѣ поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоялъ я передъ нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утѣшали. Мрачныя мысли волновали меня. Состояніе бѣдной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобныхъ мятежниковъ, собственное мое безсиліе устрашали меня. Швабринъ, Швабринъ пуще всего терзалъ мое воображеніе. Облеченный властію отъ самозванца, предводительствуя въ крѣпости, гдѣ оставалась несчастная дѣвушка — невинный предметъ его ненависти, онъ могъ рѣшиться на все. Что мнѣ было дѣлать? Какъ подать ей помощь? Какъ освободить изъ рукъ злодѣя? Оставалось одно средство: я рѣшился тотъ же часъ отправиться въ Оренбургъ, дабы торопить освобожденіе Бѣлогорской крѣпости и, по возможности, тому содѣйствовать. Я простился съ священникомъ и съ Акулиной Памфиловной, съ жаромъ поручая ей ту, которую почиталъ уже своею женою. Я взялъ руку бѣдной дѣвушки и поцѣловалъ ее, орошая слезами. «Прощайте», говорила мнѣ попадья, провожая меня: «прощайте, Петръ Андреичъ. Авось, увидимся въ лучшее время. Не забывайте насъ и пишите къ намъ почаще. Бѣдная Марья Ивановна, кромѣ васъ, не имѣетъ теперь ни утѣшенія, ни покровителя.»

Вышедъ на площадь, я остановился на минуту, взглянулъ на висѣлицу, поклонился ей, вышелъ изъ крѣпости и пошелъ по Оренбургской дорогѣ, сопровождаемый Савельичемъ, который отъ меня не оставалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Я шелъ занятый своими размышленіями, какъ вдругъ услышалъ за собою конскій топотъ. Оглянулся, вижу: изъ крѣпости скачетъ казакъ, держа Башкирскую лошадь въ поводья и дѣлая издали мнѣ знаки. Я остановился и вскорѣ узналъ нашего урядника. Онъ, подскакавъ, слѣзъ съ своей лошади и сказалъ, отдавая мнѣ поводья другой:

«Ваше благородіе! Отецъ нашъ вамъ жалуетъ лошадь и шубу съ своего плеча (къ сѣдлу привязанъ былъ овчинный тулупъ.) Да еще», примолвилъ, запинаясь, урядникъ: «жалуетъ онъ вамъ.... полтину денегъ.... да я растерялъ ее дорогою: простите великодушно.»

Савельичъ посмотрѣлъ на него косо и проворчалъ:

— Растерялъ дорогою! А что же у тебя побрякиваетъ за пазухой? Безсовѣстный!

«Что у меня за пазухой-то побрякиваетъ?» возразилъ урядникъ, ни мало не смутясь. «Богъ съ тобою, старинушка! Это бренчитъ уздечка, а не полтина.»

— «Добро», сказалъ я, прерывая споръ. «Благодари отъ меня того, кто тебя прислалъ; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратномъ пути и возьми себѣ на водку.»

«Очень благодаренъ, ваше благородіе», отвѣчалъ онъ, поворачивая свою лошадь: «вѣчно за васъ буду Бога молить.»

При сихъ словахъ онъ поскакалъ назадъ, держась одной рукою за пазуху, и черезъ минуту скрылся изъ виду.

Я надѣлъ тулупъ и сѣлъ верхомъ, посадивъ за собою Савельича. «Вотъ видишь ли, сударь», сказалъ старикъ: «что я не даромъ подалъ мошеннику челобитье: вору-то стало совѣстно. Хоть Башкирская долговязая кляча да овчинный тулупъ не стоятъ и половины того, что они, мошенники, у насъ украли, и того, что ты ему самъ изволилъ пожаловать, да все же пригодится; а съ лихой собаки хоть шерсти клокъ.»

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА X.

ОСАДА ГОРОДА.

Занявъ луга и горы,
Съ вершины, какъ орелъ, бросалъ на градъ
онъ взоры.
За станомъ повелѣлъ соорудить раскатъ,
И въ немъ перуны скрывъ, въ нощи привесть
подъ градъ.

Хераскова.

Приближаясь къ Оренбургу, увидѣли мы толпу колодниковъ съ обритыми головами, съ лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укрѣпленій, подъ надзоромъ гарнизонныхъ инвалидовъ. Иные вывозили въ тележкахъ соръ, наполнявшій ровъ, другіе лопатками копали землю; на валу каменьщики таскали кирпичъ и чинили городскую стѣну. У воротъ часовые остановили насъ и потребовали нашихъ паспортовъ. Какъ скоро сержантъ услышалъ, что я ѣду изъ Бѣлогорской крѣпости, то и повелъ меня прямо въ домъ Генерала.

Я засталъ его въ саду. Онъ осматривалъ яблони, обнаженныя дыханіемъ осени, и, съ помощію стараго садовника, бережно ихъ укутывалъ теплой соломой. Лице его изображало спокойствіе, здоровье и добродушіе. Онъ мнѣ обрадовался и сталъ разспрашивать объ ужасныхъ происшествіяхъ, коимъ я былъ свидѣтель. Я разсказалъ ему все. Старикъ слушалъ меня со вниманіемъ и между тѣмъ отрѣзывалъ сухія вѣтви. «Бѣдный Мироновъ!» сказалъ онъ, когда кончилъ я свою печальную повѣсть. «Жаль его: хорошій былъ офицеръ; и мадамъ Мироновъ добрая была дама, и какая майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?» Я отвѣчалъ, что она осталась въ крѣпости на рукахъ у попадьи. «Ай, ай, ай!» замѣтилъ Генералъ. «Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойниковъ никакъ нельзя положиться. Что будетъ съ бѣдной дѣвушкою?» Я отвѣчалъ, что до Бѣлогорской крѣпости недалеко, и что, вѣроятно, его превосходительство не замедлитъ выслать войско для освобожденія бѣд-

lib.pushkinskijdom.ru

ныхъ ея жителей. Генералъ покачалъ головою съ видомъ недовѣрчивости. «Посмотримъ, посмотримъ», сказалъ онъ. «Объ этомъ мы еще успѣемъ потолковать. Прошу ко мнѣ пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будетъ военный совѣтъ. Ты можешь намъ дать вѣрныя свѣдѣнія о бездѣльникѣ Пугачевѣ и объ его войскѣ. Теперь покамѣстъ поди отдохни.»

Я пошелъ на квартиру, мнѣ отведенную, гдѣ Савельичъ уже хозяйничалъ, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать назначеннаго времени. Читатель легко себѣ представитъ, что я не преминулъ явиться на совѣтъ, долженствовавшій имѣть такое вліяніе на судьбу мою. Въ назначенный часъ я уже былъ у Генерала.

Я засталъ у него одного изъ городскихъ чиновниковъ, помнится, Директора таможни, толстаго и румянаго старичка въ глазетовомъ кафтанѣ. Онъ сталъ распрашивать меня о судьбѣ Ивана Кузмича, котораго называлъ кумомъ, и часто прерывалъ мою рѣчь дополнительными вопросами и нравоучительными замѣчаніями, которыя если и не обличали въ немъ человѣка свѣдущаго въ военномъ искусствѣ, то по крайней мѣрѣ обнаруживали сметливость и природный умъ. Между тѣмъ собрались и прочіе приглашенные. Когда всѣ усѣлись и всѣмъ разнесли по чашкѣ чаю, Генералъ изложилъ весьма ясно и пространно, въ чемъ состояло дѣло. «Теперь, господа», продолжалъ онъ: «надлежитъ рѣшить, какъ намъ дѣйствовать противу мятежниковъ: *наступательно или оборонительно?* Каждый изъ оныхъ способовъ имѣетъ свою выгоду и невыгоду. Дѣйствіе наступательное представляетъ болѣе надежды на скорѣйшее истребленіе непріятеля; дѣйствіе оборонительное болѣе вѣрно и безопасно.... И такъ начнемъ собирать голоса по законному порядку, то есть начиная съ младшихъ по чину. Г. Прапорщикъ! продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: извольте объяснить намъ ваше мнѣніе.»

Я всталъ и, въ короткихъ словахъ описавъ сперва Пугачева и шайку его, сказалъ утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильнаго оружія.

Мнѣніе мое было принято чиновниками съ явною неблагосклонностію. Они видѣли въ немъ опрометчивость и дерзость молодаго

lib.pushkinskijdom.ru

человѣка. Поднялся ропотъ, и я услышалъ явственно слово: «молокососъ», произнесенное кѣмъ-то въ полголоса Генералъ обратился ко мнѣ и сказалъ съ улыбкою: «Г. Прапорщикъ! Первые голоса на военныхъ совѣтахъ подаются обыкновенно въ пользу движеній наступательныхъ: это законный порядокъ. Теперь станемъ продолжать собираніе голосовъ. Г. Коллежскій Совѣтникъ! скажите намъ ваше мнѣніе!»

Старичокъ въ глазетовомъ кафтанѣ поспѣшно допилъ третью свою чашку, значительно разбавленную ромомъ, и отвѣчалъ Генералу:

— Я думаю, ваше превосходительство, что не должно дѣйствовать ни наступательно, ни оборонительно.

«Какъ же такъ, господинъ Коллежскій Совѣтникъ?» возразилъ изумленный Генералъ. «Другихъ способовъ тактика не представляетъ: движеніе оборонительное или наступательное....»

— Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

«Э-хе, хе! мнѣніе ваше весьма благоразумно. Движенія подкупательныя тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашимъ совѣтомъ. Можно будетъ обѣщать за голову бездѣльника.... рублей семьдесять или даже сто.... изъ секретной суммы....»

— И тогда, прервалъ таможенный Директоръ: будь я Киргизскій баранъ, а не Коллежскій Совѣтникъ, если эти воры не выдадутъ намъ своего атамана, скованнаго по рукамъ и по ногамъ.

«Мы еще объ этомъ подумаемъ и потолкуемъ», отвѣчалъ Генералъ. «Однако, надлежитъ во всякомъ случаѣ предпринять и военныя мѣры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.»

Всѣ мнѣнія оказались противными моему. Всѣ чиновники говорили о ненадежности войскъ, о невѣрности удачи, объ осторожности и тому подобномъ. Всѣ полагали, что благоразумнѣе оставаться подъ прикрытіемъ пушекъ за крѣпкой каменной стѣною, нежели на открытомъ полѣ испытывать счастіе оружія. Наконецъ Генералъ, выслушавъ всѣ мнѣнія, вытряхнулъ пепелъ изъ трубки и произнесъ слѣдующую рѣчь:

lib.pushkinskijdom.ru

«Государи мои! долженъ я вамъ объявить, что, съ моей стороны, я совершенно съ мнѣніемъ господина Прапорщика согласенъ: ибо мнѣніе сіе основано на всѣхъ правилахъ здравой тактики, которая всегда почти наступательныя движенія оборонительнымъ предпочитаетъ.»

Тутъ онъ остановился и сталъ набивать свою трубку. Самолюбіе мое торжествовало. Я гордо посмотрѣлъ на чиновниковъ, которые между собою перешептывались съ видомъ неудовольствія и безпокойства.

«Но, государи мои», продолжалъ онъ, выпустивъ, вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ, густую струю табачнаго дыму: «я не смѣю взять на себя столь великую отвѣтственность, когда дѣло идетъ о безопасности ввѣренныхъ мнѣ провинцій Ея Императорскимъ Величествомъ, Всемилостивѣйшей моею Государыней. И такъ я соглашаюсь съ большинствомъ голосовъ, которое рѣшило, что всего благоразумнѣе и безопаснѣе внутри города ожидать осады, а нападенія непріятеля силой артиллеріи и (буде окажется возможнымъ) вылазками — отражать.»

Чиновники въ свою очередь насмѣшливо поглядѣли на меня. Совѣтъ разошелся. Я не могъ не сожалѣть о слабости почтеннаго воина, который, наперекоръ собственному убѣжденію, рѣшился слѣдовать мнѣніямъ людей несвѣдущихъ и неопытныхъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ сего знаменитаго совѣта, узнали мы, что Пугачевъ, вѣрный своему обѣщанію, приближался къ Оренбургу. Я увидѣлъ войско мятежниковъ съ высоты городской стѣны. Мнѣ показалось, что число ихъ вдесятеро увеличилось со времени послѣдняго приступа, коему былъ я свидѣтель. При нихъ была и артиллерія, взятая Пугачевымъ въ малыхъ крѣпостяхъ, имъ уже покоренныхъ. Вспомня рѣшеніе совѣта, я предвидѣлъ долговременное заключеніе въ стѣнахъ Оренбургскихъ, и чуть не плакалъ отъ досады.

Не стану описывать Оренбургскую осаду, которая принадлежитъ исторіи, а не семейственнымъ запискамъ. Скажу вкратцѣ, что сія осада, по неосторожности мѣстнаго начальства, была гибельна для жителей, которые претерпѣли голодъ и всевозможныя

lib.pushkinskijdom.ru

бѣдствія. Легко можно себѣ вообразить, что жизнь въ Оренбургѣ была самая несносная. Всѣ съ унынiемъ ожидали рѣшенія своей участи; всѣ охали отъ дороговизны, которая въ самомъ дѣлѣ была ужасна. Жители привыкли къ ядрамъ, залетавшимъ на ихъ дворы; даже приступы Пугачева ужъ не привлекали общаго любопытства. Я умиралъ со скуки. Время шло. Писемъ изъ Бѣлогорской крѣпости я не получалъ. Всѣ дороги были отрѣзаны. Разлука съ Марьей Ивановной становилась мнѣ нестерпима. Неизвѣстность о ея судьбѣ меня мучила. Единственное развлеченiе мое состояло въ наѣздничествѣ. По милости Пугачева, я имѣлъ добрую лошадь, съ которой дѣлился скудной пищею, и на которой ежедневно выѣзжалъ я за городъ перестрѣливаться съ Пугачевскими наѣздниками. Въ этихъ перестрѣлкахъ перевѣсъ былъ обыкновенно на сторонѣ злодѣевъ, сытыхъ, пьяныхъ и доброконныхъ. Тощая городовая конница не могла ихъ одолѣть. Иногда выходила въ поле и наша голодная пѣхота; но глубина снѣга мѣшала ей дѣйствовать удачно противу разсѣянныхъ наѣздниковъ. Артиллерія тщетно гремѣла съ высоты вала, а въ полѣ вязла и не двигалась по причинѣ изнуренія лошадей. Таковъ былъ образъ нашихъ военныхъ дѣйствій! И вотъ что Оренбургскіе чиновники называли осторожностію и благоразумiемъ!

Однажды, когда удалось намъ какъ-то разсѣять и прогнать довольно густую толпу, наѣхалъ я на казака, отставшаго отъ своихъ товарищей; я готовъ былъ уже ударить его своею Турецкою саблею, какъ вдругъ онъ снялъ шапку и закричалъ: «Здравствуйте, Петръ Андреичъ. Какъ васъ Богъ милуетъ?»

Я взглянулъ и узналъ нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался.

— Здравствуй, Максимычъ, сказалъ я ему. Давно ли изъ Бѣлогорской?

«Недавно, батюшка Петръ Андреичъ: только вчера воротился. У меня есть къ вамъ письмо.»

— Гдѣ жъ оно? вскричалъ я, весь такъ и вспыхнувъ.

«Со мною», отвѣчалъ Максимычъ, положивъ руку за пазуху. «Я обѣщался Палашѣ ужъ какъ-нибудь да вамъ доставить.»

lib.pushkinskijdom.ru

Тутъ онъ подалъ мнѣ сложенную бумагу и тотчасъ ускакалъ. Я развернулъ ее и съ трепетомъ прочелъ слѣдующія строки:

«Богу угодно было лишить меня вдругъ отца и матери: не имѣю на землѣ ни родни, ни покровителей. Прибѣгаю къ вамъ, зная, что вы всегда желали мнѣ добра и что вы всякому человѣку готовы помочь. Молю Бога, чтобъ это письмо какъ нибудь до васъ дошло! Максимычъ обѣщалъ вамъ его доставить. Палаша слышала также отъ Максимыча, что васъ онъ часто издали видитъ на вылазкахъ, и что вы совсѣмъ себя не бережете и не думаете о тѣхъ, которые за васъ со слезами Бога молятъ. Я долго была больна; а когда выздоровѣла, Алексѣй Ивановичъ, который командуетъ у насъ на мѣстѣ покойнаго батюшки, принудилъ отца Герасима выдать меня ему, застращавъ Пугачевымъ. Я живу въ нашемъ домѣ подъ карауломъ. Алексѣй Ивановичъ принуждаетъ меня выйти за него замужъ. Онъ говоритъ, что спасъ мнѣ жизнь, потому что прикрылъ обманъ Акулины Памфиловны, которая сказала злодѣямъ, будто бы я ея племянница. А мнѣ легче было бы умереть, нежели сдѣлаться женою такого человѣка, каковъ Алексѣй Ивановичъ. Онъ обходится со мною очень жестоко, и грозится, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезетъ меня въ лагерь къ злодѣю, и съ вами-де тоже будетъ, что съ Лизаветой Харловой. Я просила Алексѣя Ивановича дать мнѣ подумать. Онъ согласился ждать еще три дня, а коли черезъ три дня за него не выйду, такъ ужъ никакой пощады не будетъ. Батюшка Петръ Андреичъ! вы одинъ у меня покровитель; заступитесь за меня бѣдную. Упросите Генерала и всѣхъ командировъ прислать къ намъ поскорѣе сикурсу, да пріѣзжайте сами, если можете. Остаюсь вамъ покорная бѣдная сирота

Марья Миронова.»

Прочитавъ это письмо, я чуть съ ума не сошелъ. Я пустился въ городъ — безъ милосердія пришпоривая бѣднаго моего коня. Дорогою придумывалъ я и то и другое для избавленія бѣдной дѣвушки, и ничего не могъ выдумать. Прискакавъ въ городъ, я отправился прямо къ Генералу и опрометью къ нему вбѣжалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Генералъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, куря свою пенковую трубку. Увидя меня, онъ остановился. Вѣроятно, видъ мой поразилъ его; онъ заботливо освѣдомился о причинѣ моего поспѣшнаго прихода.

— Ваше превосходительство, сказалъ я ему: прибѣгаю къ вамъ, какъ къ отцу родному; ради Бога, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ: дѣло идетъ о счастіи всей моей жизни.

«Что такое, батюшка?» спросилъ изумленный старикъ. «Что я могу для тебя сдѣлать? Говори.»

— Ваше превосходительство, прикажите взять мнѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ и пустите меня очистить Бѣлогорскую крѣпость.

Генералъ глядѣлъ на меня пристально, полагая, вѣроятно, что я съ ума сошелъ (въ чемъ почти и не ошибался).

«Какъ это? Очистить Бѣлогорскую крѣпость?» сказалъ онъ наконецъ.

— Ручаюсь вамъ за успѣхъ, отвѣчалъ я съ жаромъ. Только отпустите меня.

«Нѣтъ, молодой человѣкъ», сказалъ онъ, качая головою. «На такомъ великомъ разстояніи непріятелю легко будетъ отрѣзать васъ отъ коммуникаціи съ главнымъ стратегическимъ пунктомъ и получить надъ вами совершенную побѣду. Пресѣченная коммуникація»....

Я испугался, увидя его завлеченнаго въ военныя разсужденія, и спѣшилъ его прервать. «Дочь Капитана Миронова», сказалъ я ему: «пишетъ ко мнѣ письмо; она проситъ помощи; Швабринъ принуждаетъ ее выйти за него замужъ.»

«Неужто? О, этотъ Швабринъ превеликій Schelm, и если попадется ко мнѣ въ руки, то я велю его судить въ 24 часа, и мы разстрѣляемъ его на парапетѣ крѣпости! Но покамѣстъ надобно взять терпѣніе....»

— Взять терпѣніе! вскричалъ я внѣ себя. А онъ между тѣмъ женится на Марьѣ Ивановнѣ!...

«О!» возразилъ Генералъ. «Это еще не бѣда: лучше ей быть, покамѣстъ, женою Швабрина; онъ теперь можетъ оказать ей

lib.pushkinskijdom.ru

протекцію; а когда его разстрѣляемъ, тогда, Богъ дастъ, сыщутся ей и женишки. Миленькія вдовушки въ дѣвкахъ не сидятъ; то есть хотѣлъ я сказать, что вдовушка скорѣе найдетъ себѣ мужа, нежели дѣвица.»

— Скорѣе соглашусь умереть, сказалъ я въ бѣшенствѣ: нежели уступить ее Швабрину!

«Ба, ба, ба, ба!» сказалъ старикъ. «Теперь понимаю: ты видно въ Марью Ивановну влюбленъ. О, дѣло другое! Бѣдный малый! Но все же я никакъ не могу дать тебѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ. Эта экспедиція была бы неблагоразумна; я не могу взять ее на свою отвѣтственность.»

Я потупилъ голову; отчаяніе мною овладѣло. Вдругъ мысль мелькнула въ головѣ моей: въ чемъ оная состояла, читатель увидитъ изъ слѣдующей главы, какъ говорятъ старинные романисты.

ГЛАВА XI.

МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА.

Въ ту пору левъ былъ сытъ, хоть сроду онъ свирѣпъ,
«Зачѣмъ пожаловать изволилъ въ мой вертепъ?»
Спросилъ онъ ласково.

А. Сумароковъ.

Я оставилъ Генерала и поспѣшилъ на свою квартиру. Савельичъ встрѣтилъ меня съ обыкновеннымъ своимъ увѣщаніемъ. «Охота тебѣ, сударь, перевѣдываться съ пьяными разбойниками! Боярское ли это дѣло? Неравенъ часъ: ни за что пропадешь. И добро бы ужъ ходилъ ты на Турку или на Шведа, а то грѣхъ и сказать на кого.»

Я прервалъ его рѣчь вопросомъ: сколько у меня всего на все денегъ? «Будетъ съ тебя», отвѣчалъ онъ съ довольнымъ видомъ. «Мошенники какъ тамъ ни шарили, а я все-таки успѣлъ утаить.» И съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана длинный вязаный кошелекъ, полный серебра.

lib.pushkinskijdom.ru

— Ну, Савельичъ, сказалъ я ему : отдай же мнѣ теперь половину; а остальные возьми себѣ. Я ѣду въ Бѣлогорскую крѣпость.

«Батюшка Петръ Андреичъ!» сказалъ добрый дядька дрожащимъ голосомъ. «Побойся Бога ! Какъ тебѣ пускаться въ дорогу въ нынѣшнее время , когда никуда проѣзду нѣтъ отъ разбойниковъ! Пожалѣй ты хоть своихъ родителей , коли самъ себя не жалѣешь. Куда тебѣ ѣхать? Зачѣмъ? Погоди маленько : войска придутъ , переловятъ мошенниковъ ; тогда поѣзжай себѣ хоть на всѣ четыре стороны.»

Но намѣреніе мое было твердо принято.

— Поздно разсуждать, отвѣчалъ я старику. Я долженъ ѣхать, я не могу не ѣхать. Не тужи, Савельичъ : Богъ милостивъ, авось увидимся! Смотри же, не совѣстись и не скупись. Покупай, что тебѣ будетъ нужно, хоть въ три дорога. Деньги эти я тебѣ дарю. Если черезъ три дня я не ворочусь....

«Что ты это , сударь?» прервалъ меня Савельичъ. «Чтобъ я тебя пустилъ одного! Да этого и во снѣ не проси. Коли ты ужъ рѣшился ѣхать, то я хоть пѣшкомъ да пойду за тобой ; я тебя не покину. Чтобъ я сталъ безъ тебя сидѣть за каменной стѣною! Да развѣ я съ ума сошелъ? Воля твоя , сударь , а я отъ тебя не отстану.

Я зналъ , что съ Савельичемъ спорить было нечего , и позволилъ ему приготовляться въ дорогу. Черезъ полчаса я сѣлъ на своего добраго коня, а Савельичъ на тощую и хромую клячу, которую даромъ отдалъ ему одинъ изъ городскихъ жителей , не имѣя болѣе средствъ кормить ее. Мы пріѣхали къ городскимъ воротамъ ; караульные насъ пропустили ; мы выѣхали изъ Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шелъ мимо Бердской слободы, пристанища Пугачевскаго. Прямая дорога занесена была снѣгомъ ; но по всей степи видны были конскіе слѣды , ежедневно обновляемые. Я ѣхалъ крупной рысью. Савельичъ едва могъ слѣдовать за мною издали и кричалъ мнѣ поминутно : «Потише, сударь , ради Бога, потише! Проклятая кляченка моя не успѣваетъ

lib.pushkinskijdom.ru

за твоимъ долгоногимъ бѣсомъ. Куда спѣшишь? Добро бы на пиръ, а то подъ обухъ, того и гляди.... Петръ Андреичъ.... батюшка Петръ Андреичъ!... Господи Владыко, пропадетъ барское дитя.»

Вскорѣ засверкали Бердскіе огни. Мы подъѣхали къ оврагамъ, естественнымъ укрѣпленіямъ слободы. Савельичъ отъ меня не отставалъ, не прерывая жалобныхъ своихъ моленій. Я надѣялся объѣхать слободу благополучно, какъ вдругъ увидѣлъ въ сумракѣ прямо передъ собой человѣкъ пять мужиковъ, вооруженныхъ дубинами : это былъ передовой караулъ Пугачевскаго пристанища. Насъ окликали. Не зная пароля, я хотѣлъ молча проѣхать мимо ихъ; но они меня тотчасъ окружили, и одинъ изъ нихъ схватилъ лошадь мою за узду. Я выхватилъ саблю и ударилъ мужика по головѣ; шапка спасла его, однако, онъ зашатался и выпустилъ изъ рукъ узду. Прочіе смутились и отбѣжали; я воспользовался этой минутою, пришпорилъ лошадь и поскакалъ.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня отъ всякой опасности, какъ вдругъ, оглянувшись, увидѣлъ я, что Савельича со мною не было. Бѣдный старикъ на своей хромой лошади не могъ ускакать отъ разбойниковъ. Что было дѣлать? Подождавъ его нѣсколько минутъ и удостовѣрясь въ томъ, что онъ задержанъ, я поворотилъ лошадь и отправился его выручать.

Подъѣзжая къ оврагу, услышалъ я издали шумъ, крики и голосъ моего Савельича. Я поѣхалъ скорѣе и вскорѣ очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня нѣсколько минутъ тому назадъ. Савельичъ находился между ними. Они съ крикомъ бросились на меня и мигомъ стащили съ лошади. Одинъ изъ нихъ, по видимому, главный, объявилъ намъ, что онъ сейчасъ поведетъ насъ къ Государю. «А нашъ батюшка», прибавилъ онъ : «воленъ приказать : сейчасъ ли васъ повѣсить, али дождаться свѣту Божія.» Я не противился; Савельичъ послѣдовалъ моему примѣру, и караульные повели насъ съ торжествомъ.

Мы перебрались черезъ оврагъ и вступили въ слободу. Во всѣхъ избахъ горѣли огни. Шумъ и крики раздавались вездѣ. На улицѣ я встрѣтилъ множество народу; но никто въ темнотѣ насъ

lib.pushkinskijdom.ru

не замѣтилъ и не узналъ во мнѣ Оренбургскаго офицера. Насъ привели прямо къ избѣ, стоявшей на углу перекрестка. У воротъ стояло нѣсколько винныхъ бочекъ и двѣ пушки. «Вотъ и дворецъ», сказалъ одинъ изъ мужиковъ: «сейчасъ объ васъ доложатъ.» Онъ вошелъ въ избу. Я взглянулъ на Савельича: старикъ крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконецъ мужикъ воротился и сказалъ мнѣ: «Ступай, нашъ батюшка велѣлъ впустить офицера.»

Я вошелъ въ избу, или во дворецъ, какъ называли ее мужики. Она освѣщена была двумя сальными свѣчами, а стѣны оклеены были золотою бумагою; впрочемъ, лавки, столъ, рукомойникъ на веревочкѣ, полотенце на гвоздѣ, ухватъ въ углу и широкій шестокъ, уставленный горшками, — все было какъ въ обыкновенной избѣ. Пугачевъ сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ и важно подбочась. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ товарищей, съ видомъ притворнаго подобострастія. Видно было, что вѣсть о прибытіи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство, и что они приготовились встрѣтить меня съ торжествомъ. Пугачевъ узналъ меня съ перваго взгляду. Поддѣльная важность его вдругъ исчезла. «А, ваше благородіе!» сказалъ онъ мнѣ съ живостію. «Какъ поживаешь? Зачѣмъ тебя Богъ принесъ?» Я отвѣчалъ, что ѣхалъ по своему дѣлу, и что люди его меня остановили. «А по какому дѣлу?» спросилъ онъ меня. Я не зналъ, что отвѣчать. Пугачевъ, полагая, что я не хочу объясниться при свидѣтеляхъ, обратился къ своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ выйти. Всѣ послушались, кромѣ двухъ, которые не тронулись съ мѣста. «Говори смѣло при нихъ», сказалъ мнѣ Пугачевъ: «отъ нихъ я ничего не таю.» Я взглянулъ наискось на наперсниковъ самозванца. Одинъ изъ нихъ, тщедушный и сгорбленный старичокъ съ сѣдою бородкою, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой ленты, надѣтой чрезъ плечо по сѣрому армяку. Но ввѣкъ не забуду его товарища. Онъ былъ высокаго росту, дороденъ и широкоплечъ, и показался мнѣ лѣтъ сорока пяти. Густая рыжая борода, сѣрые сверкающіе глаза,

lib.pushkinskijdom.ru

носъ безъ ноздрей и красноватыя пятна на лбу и на щекахъ, придавали его рябому, широкому лицу выраженіе неизъяснимое. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ Киргизскомъ халатѣ и въ казацкихъ шароварахъ. Первый (какъ узналъ я послѣ) былъ бѣглый капралъ Бѣлобородовъ; второй Аѳанасій Соколовъ (прозванный Хлопушей), ссыльный преступникъ, три раза бѣжавшій изъ Сибирскихъ рудниковъ. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшія, общество, въ которомъ я такъ нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображеніе. Но Пугачевъ привелъ меня въ себя своимъ вопросомъ: «Говори: по какому же дѣлу выѣхалъ ты изъ Оренбурга?»

Странная мысль пришла мнѣ въ голову: мнѣ показалось, что Провидѣніе, вторично приведшее меня къ Пугачеву, подавало мнѣ случай привесть въ дѣйство мое намѣреніе. Я рѣшился имъ воспользоваться и, не успѣвъ обдумать то, на что рѣшался, отвѣчалъ на вопросъ Пугачева:

— Я ѣхалъ въ Бѣлогорскую крѣпость избавить сироту, которую тамъ обижаютъ.

Глаза у Пугачева засверкали.

«Кто изъ моихъ людей смѣетъ обижать сироту?» закричалъ онъ. «Будь онъ семи пяденъ во лбу, а отъ суда моего не уйдетъ. Говори: кто виноватый?»

— Швабринъ виноватый, отвѣчалъ я. Онъ держитъ въ неволѣ ту дѣвушку, которую ты видѣлъ, больную, у попадьи, и насильно хочетъ на ней жениться.

«Я проучу Швабрина!» сказалъ грозно Пугачевъ. «Онъ узнаетъ, каково у меня своевольничать и обижать народъ. Я его повѣшу.»

«Прикажи слово молвить», сказалъ Хлопуша хриплымъ голосомъ. «Ты поторопился назначить Швабрина въ Коменданты крѣпости, а теперь торопишься его вѣшать. Ты ужъ оскорбилъ казаковъ, посадивъ дворянина имъ въ начальники; не пугай же дворянъ, казня ихъ по первому наговору.»

— «Нечего ихъ ни жалѣть, ни жаловать!» сказалъ старичокъ въ голубой лентѣ. «Швабрина сказнить не бѣда; а не худо и

lib.pushkinskijdom.ru

господина офицера допросить порядкомъ: зачѣмъ изволилъ пожаловать. Если онъ тебя Государемъ не признаетъ, такъ нечего у тебя и управы искать; а коли признаетъ, что же онъ до сегодняшняго дня сидѣлъ въ Оренбургѣ съ твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его въ приказную, да запалить тамъ огоньку: мнѣ сдается, что его милость подосланъ къ намъ отъ Оренбургскихъ командировъ.

Логика стараго злодѣя показалась мнѣ довольно убѣдительною. Морозъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу, при мысли, въ чьихъ рукахъ я находился. Пугачевъ замѣтилъ мое смущеніе. «Ась, ваше благородіе?» сказалъ онъ мнѣ, подмигивая. «Фельдмаршалъ мой, кажется, говоритъ дѣло. Какъ ты думаешь?»

Насмѣшка Пугачева возвратила мнѣ бодрость. Я спокойно отвѣчалъ, что я нахожусь въ его власти, и что онъ воленъ поступать со мною, какъ ему будетъ угодно.

«Добро», сказалъ Пугачевъ. «Теперь скажи, въ какомъ состояніи вашъ городъ.»

— Слава Богу, отвѣчалъ я: все благополучно.

«Благополучно?» повторилъ Пугачевъ. «А народъ мретъ съ голоду!»

Самозванецъ говорилъ правду; но я, по долгу присяги, сталъ увѣрять, что все это пустые слухи, и что въ Оренбургѣ довольно всякихъ запасовъ.

— «Ты видишь», подхватилъ старичокъ: «что онъ тебя въ глаза обманываетъ. Всѣ бѣглецы согласно показываютъ, что въ Оренбургѣ голодъ и моръ, что тамъ ѣдятъ мертвечину, и то за честь; а его милость увѣряетъ, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повѣсить, то ужъ на той висѣлицѣ повѣсь и этого молодца, чтобъ никому не было завидно.»

Слова проклятаго старика, казалось, поколебали Пугачева. Къ счастію, Хлопуша сталъ противорѣчить своему товарищу. «Полно, Наумычъ», сказалъ онъ ему. «Тебѣ бы все душить да рѣзать. Что ты за богатырь? Поглядѣть, такъ въ чемъ душа держится. Самъ въ могилу смотришь, а другихъ губишь. Развѣ мало крови на твоей совѣсти?»

lib.pushkinskijdom.ru

— Да ты что за угодникъ? возразилъ Бѣлобородовъ. У тебя-то откуда жалость взялась?

«Конечно», отвѣчалъ Хлопуша: «и я грѣшенъ, и эта рука (тутъ онъ сжалъ свой костливый кулакъ и, засуча рукава, открылъ косматую руку), и эта рука повинна въ пролитой Христіанской крови. Но я губилъ супротивника, а не гостя; на вольномъ перепутьи да въ темномъ лѣсу, не дома, сидя за печью; кистенемъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ.»

Старикъ отворотился и проворчалъ слова: «рваныя ноздри!...»

— Что ты тамъ шепчешь, старый хрычъ? закричалъ Хлопуша. Я тебѣ дамъ рваныя ноздри; погоди, придетъ и твое время: Богъ дастъ, и ты щипцевъ понюхаешь.... А покамѣстъ смотри, чтобъ я тебѣ бородишки не вырвалъ!

«Господа енаралы! провозгласилъ важно Пугачевъ: «полно вамъ ссориться. Не бѣда, если бъ и всѣ Оренбургскія собаки дрыгали ногами подъ одной перекладиной: бѣда, если наши кобели межъ собою перегрызутся. Ну, помиритесь.»

Хлопуша и Бѣлобородовъ не сказали ни слова и мрачно смотрѣли другъ на друга. Я увидѣлъ необходимость перемѣнить разговоръ, который могъ кончиться для меня очень невыгоднымъ образомъ, и, обратясь къ Пугачеву, сказалъ ему съ веселымъ видомъ:

— Ахъ! я было и забылъ благодарить тебя за лошадь и за тулупъ. Безъ тебя я не добрался бы до города и замерзъ бы на дорогѣ.

Уловка моя удалась. Пугачевъ развеселился.

«Долгъ платежемъ красенъ», сказалъ онъ, мигая и прищуриваясь. «Разскажи-ка мнѣ теперь, какое тебѣ дѣло до той дѣвушки, которую Швабринъ обижаетъ? Ужъ не зазноба ли сердцу молодецкому? а?»

— Она невѣста моя, отвѣчалъ я Пугачеву, видя благопріятную перемѣну погоды и не находя нужды скрывать истину.

«Твоя невѣста!» закричалъ Пугачевъ. «Что жъ ты прежде не сказалъ? Да мы тебя женимъ и на свадьбѣ твоей попируемъ!» Потомъ обращаясь къ Бѣлобородову: «Слушай, фельдмаршалъ!

lib.pushkinskijdom.ru

Мы съ его благородіемъ старые пріятели; сядемъ-ка да поужинаемъ; утро вечера мудренѣе. Завтра посмотримъ, что съ нимъ сдѣлаемъ.»

Я радъ былъ отказаться отъ предлагаемой чести; но дѣлать было нечего. Двѣ молодыя казачки, дочери хозяина избы, накрыли столъ бѣлой скатертью, принесли хлѣба, ухи и нѣсколько штофовъ съ виномъ и пивомъ, и я вторично очутился за одною трапезою съ Пугачевымъ и съ его страшными товарищами.

Оргія, коей я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, продолжалась до глубой ночи. Наконецъ хмѣль началъ одолѣвать собесѣдниковъ. Пугачевъ задремалъ, сидя на своемъ мѣстѣ; товарищи его встали и дали мнѣ знакъ оставить его. Я вышелъ вмѣстѣ съ ними. По распоряженію Хлопуши, караульный отвелъ меня въ приказную избу, гдѣ я нашелъ и Савельича, и гдѣ меня оставили съ нимъ взаперти. Дядька былъ въ такомъ изумленіи при видѣ всего, что происходило, что не сдѣлалъ мнѣ никакого вопроса. Онъ улегся въ темнотѣ и долго вздыхалъ и охалъ; наконецъ захрапѣлъ, а я предался размышленіямъ, которыя во всю ночь ни на одну минуту не дали мнѣ задремать.

Поутру пришли меня звать отъ имени Пугачева. Я пошелъ къ нему. У воротъ его стояла кибитка, запряженная тройкою Татарскихъ лошадей. Народъ толпился на улицѣ. Въ сѣняхъ встрѣтилъ я Пугачева: онъ былъ одѣтъ подорожному, въ шубѣ и въ Киргизской шапкѣ. Вчерашніе собесѣдники окружали его, принявъ на себя видъ подобострастія, который сильно противорѣчилъ всему, чему я былъ свидѣтелемъ наканунѣ. Пугачевъ весело со мною поздоровался и велѣлъ мнѣ садиться съ нимъ въ кибитку.

Мы усѣлись. «Въ Бѣлогорскую крѣпость!» сказалъ Пугачевъ широкоплечему Татарину, стоя правящему тройкою. Сердце мое сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчикъ загремѣлъ, кибитка полетѣла....

«Стой! стой!» раздался голосъ, слишкомъ-мнѣ знакомый, и я увидѣлъ Савельича, бѣжавшаго намъ на встрѣчу. Пугачевъ велѣлъ остановиться.

lib.pushkinskijdom.ru

«Батюшка Петръ Андреичъ!» кричалъ дядька. «Не покинь меня на старости лѣтъ посреди этихъ мошен....»

— А, старый хрычъ! сказалъ ему Пугачевъ. Опять Богъ далъ свидѣться. Ну, садись на облучекъ.

«Спасибо, Государь, спасибо, отецъ родной!» говорилъ Савельичъ, усаживаясь. «Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ здравствовать за то, что меня старика призрилъ и успокоилъ. Вѣкъ за тебя буду Бога молить, а о заячьемъ тулупѣ и упоминать ужъ не стану.»

Этотъ заячій тулупъ могъ наконецъ не на шутку разсердить Пугачева. Къ счастію, самозванецъ или не разслышалъ, или пренебрегъ неумѣстнымъ намекомъ. Лошади поскакали; народъ на улицѣ останавливался и кланялся въ поясъ. Пугачевъ кивалъ головою на обѣ стороны. Черезъ минуту мы выѣхали изъ слободы и помчались по гладкой дорогѣ.

Легко можно себѣ представить, что чувствовалъ я въ эту минуту. Черезъ нѣсколько часовъ долженъ я былъ увидѣться съ той, которую почиталъ уже для меня потерянною. Я воображалъ себѣ минуту нашего соединенія.... Я думалъ также и о томъ человѣкѣ, въ чьихъ рукахъ находилась моя судьба, и который, по странному стеченію обстоятельствъ, таинственно былъ со мною связанъ. Я вспоминалъ объ опромечтивой жестокости, о кровожадныхъ привычкахъ того, кто вызывался быть избавителемъ моей любезной! Пугачевъ не зналъ, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабринъ могъ открыть ему все; Пугачевъ могъ провѣдать истину и другимъ образомъ.... Тогда что станется съ Марьей Ивановной? Холодъ пробѣгалъ по моему тѣлу, и волоса становились дыбомъ....

Вдругъ Пугачевъ прервалъ мои размышленія, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ:

«О чемъ, ваше благородіе, изволилъ задуматься?»

— Какъ не задуматься, отвѣчалъ я ему. Я офицеръ и дворянинъ; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня ѣду съ тобой въ одной кибиткѣ, и счастіе всей моей жизни зависитъ отъ тебя.

«Что жъ?» спросилъ Пугачевъ. «Страшно тебѣ?»

lib.pushkinskijdom.ru

Я отвѣчалъ, что, бывъ однажды уже имъ помилованъ, я надѣялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

«И ты правъ, ей Богу правъ!» сказалъ самозванецъ. «Ты видѣлъ, что мои ребята смотрѣли на тебя косо; а старикъ и сегодня настаивалъ на томъ, что ты шпіонъ, и что надобно тебя пытать и повѣсить; но я не согласился», прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, чтобъ Савельичъ и Татаринъ не могли услышать: «помня твой стаканъ вина и заячій тулупъ. Ты видишь, что я не такой еще кровопійца, какъ говоритъ обо мнѣ ваша братья.»

Я вспомнилъ взятіе Бѣлогорской крѣпости, но не почелъ нужнымъ его оспоривать и не отвѣчалъ ни слова.

«Что говорятъ обо мнѣ въ Оренбургѣ?» спросилъ Пугачевъ, помолчавъ немного.

— Да говорятъ, что съ тобою сладить трудновато; нечего сказать: далъ ты себя знать.

Лице самозванца изобразило довольное самолюбіе.

«Да!» сказалъ онъ съ веселымъ видомъ. «Я воюю хоть куда. Знаютъ ли у васъ въ Оренбургѣ о сраженіи подъ Юзеевой? Сорокъ енераловъ убито, четыре арміи взято въ полонъ. Какъ ты думаешь: Прусскій король могъ ли бы со мною потягаться?»

Хвастливость разбойника показалась мнѣ забавна.

— Самъ какъ ты думаешь, сказалъ я ему, управился ли бы ты съ Фридерикомъ?

«Съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ? А какъ же нѣтъ? Съ вашими енаралами вѣдь я же управлюсь; а они его бивали. Доселѣ оружіе мое было счастливо. Дай срокъ, то ли еще будетъ, какъ пойду на Москву.»

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванецъ нѣсколько задумался и сказалъ въ полголоса:

«Богъ вѣсть. Улица моя тѣсна; воли мнѣ мало. Ребята мои умничаютъ. Они воры. Мнѣ должно держать ухо востро; при первой неудачѣ они свою шею выкупятъ моею головою.»

— То-то! сказалъ я Пугачеву. Не лучше ли тебѣ отстать отъ нихъ самому, заблаговременно, да прибѣгнуть къ милосердію Государыни?

lib.pushkinskijdom.ru

Пугачевъ горько усмѣхнулся.

«Нѣтъ», отвѣчалъ онъ: «поздно мнѣ каяться. Для меня не будетъ помилованія. Буду продолжать какъ началъ. Какъ знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ же надъ Москвою.»

— А знаешь ты, чѣмъ онъ кончилъ? Его выбросили изъ окна, зарѣзали, сожгли, зарядили его пепломъ пушку и выпалили!

«Слушай», сказалъ Пугачевъ съ какимъ-то дикимъ вдохновеніемъ. «Разскажу тебѣ сказку, которую въ ребячествѣ мнѣ разсказывала старая Калмычка. Однажды орелъ спрашивалъ у ворона: скажи, воронъ птица, отчего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего-на-все только тридцать три года?» — «Оттого, батюшка», отвѣчалъ ему воронъ, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной.» Орелъ подумалъ: давай попробуемъ и мы питаться тѣмъ же. Хорошо. Полетѣли орелъ да воронъ. Вотъ завидѣли палую лошадь; спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать, да похваливать. Орелъ клюнулъ разъ, клюнулъ другой, махнулъ крыломъ и сказалъ ворону: «нѣтъ, братъ воронъ: чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью; а тамъ что Богъ дастъ!» — Какова Калмыцкая сказка?»

— Затѣйлива, отвѣчалъ я ему. Но жить убійствомъ и разбоемъ значитъ по мнѣ клевать мертвечину.

Пугачевъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и ничего не отвѣчалъ. Оба мы замолчали, погрузясь каждый въ свои размышленія. Татаринъ затянулъ унылую пѣсню; Савельичъ, дремля, качался на облучкѣ. Кибитка летѣла по гладкому зимнему пути.... Вдругъ увидѣлъ я деревушку на крутомъ берегу Яика, съ частоколомъ и съ колокольней, и черезъ четверть часа въѣхали мы въ Бѣлогорскую крѣпость.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА XII.

СИРОТА.

Какъ у нашей у яблоньки
Ни верхушки нѣтъ, ни отросточекъ;
Какъ у нашей у княгинюшки
Ни отца нѣту, ни матери.
Снарядить-то ее некому,
Благословить-то ее некому.

Свадебная пѣсня.

Кибитка подъѣхала къ крыльцу Комендантскаго дома. Народъ узналъ колокольчикъ Пугачева и толпою бѣжалъ за нами. Швабринъ встрѣтилъ самозванца на крыльцѣ. Онъ былъ одѣтъ казакомъ и отростилъ себѣ бороду. Измѣнникъ помогъ Пугачеву вылѣзть изъ кибитки, въ подлыхъ выраженіяхъ изъявляя свою радость и усердіе. Увидя меня, онъ смутился, но вскорѣ оправился, протянулъ мнѣ руку, говоря: «И ты нашъ? Давно бы такъ!» Я отворотился отъ него и ничего не отвѣчалъ.

Сердце мое заныло, когда очутились мы въ давно знакомой комнатѣ, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ еще дипломъ покойнаго Коменданта, какъ печальная эпитафія прошедшему времени. Пугачевъ сѣлъ на томъ диванѣ, на которомъ, бывало, дремалъ Иванъ Кузмичъ, усыпленный ворчаніемъ своей супруги. Швабринъ самъ поднесъ ему водки. Пугачевъ выпилъ рюмку и сказалъ ему, указавъ на меня: «Поподчуй и его благородіе.» Швабринъ подошелъ ко мнѣ съ своимъ подносомъ; но я вторично отъ него отворотился. Онъ казался самъ не свой. При обыкновенной своей смѣтливости, онъ, конечно, догадался, что Пугачевъ былъ имъ недоволенъ. Онъ трусилъ передъ нимъ, а на меня поглядывалъ съ недовѣрчивостію. Пугачевъ освѣдомился о состояніи крѣпости, о слухахъ про непріятельскія войска и тому подобномъ, и вдругъ спросилъ его неожиданно: «Скажи, братецъ, какую дѣвушку держишь ты у себя подъ карауломъ? Покажи-ка мнѣ ее.»

lib.pushkinskijdom.ru

Швабринъ поблѣднѣлъ какъ мертвый. Государь, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.... Государь, она не подъ карауломъ.... она больна.... она въ свѣтлицѣ лежитъ.

«Веди же меня къ ней», сказалъ самозванецъ, вставая съ мѣста. Отговориться было невозможно. Швабринъ повелъ Пугачева въ свѣтлицу Марьи Ивановны. Я за ними послѣдовалъ.

Швабринъ остановился на лѣстницѣ.

«Государь!» сказалъ онъ. «Вы властны требовать отъ меня, что вамъ угодно; но не прикажите постороннему входить въ спальню къ женѣ моей.»

Я затрепеталъ.

— Такъ ты женатъ! сказалъ я Швабрину, готовясь его растерзать.

— «Тише!» прервалъ меня Пугачевъ. «Это мое дѣло. А ты», продолжалъ онъ, обращаясь къ Швабрину: «не умничай и не ломайся: жена ли она тебѣ, или не жена, а я веду къ ней кого хочу. Ваше благородіе, ступай за мною.»

У дверей свѣтлицы Швабринъ опять остановился и сказалъ прерывающимся голосомъ:

«Государь, предупреждаю васъ, что она въ бѣлой горячкѣ и третій день какъ бредитъ безъ умолку.»

— «Отворяй!» сказалъ Пугачевъ.

Швабринъ сталъ искать у себя въ карманахъ и сказалъ, что не взялъ съ собою ключа. Пугачевъ толкнулъ дверь ногою; замокъ отскочилъ; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянулъ — и обмеръ. На полу, въ крестьянскомъ оборванномъ платьѣ, сидѣла Марья Ивановна, блѣдная, худая, съ растрепанными волосами. Передъ нею стоялъ кувшинъ воды, накрытый ломтемъ хлѣба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачевъ посмотрѣлъ на Швабрина и сказалъ съ горькой усмѣшкою:

«Хорошъ у тебя лазаретъ!» потомъ подошелъ къ Марьѣ Ивановнѣ: «Скажи мнѣ, голубушка, за что твой мужъ тебя наказываетъ? въ чемъ ты передъ нимъ провинилась?»

lib.pushkinskijdom.ru

— Мой мужъ! повторила она. Онъ мнѣ не мужъ. Я никогда не буду его женою! Я лучше рѣшилась умереть, и умру, если меня не избавятъ.

Пугачевъ взглянулъ грозно на Швабрина:

«И ты смѣлъ меня обманывать!» сказалъ онъ ему. «Знаешь ли, бездѣльникъ, чего ты достоинъ?

Швабринъ упалъ на колѣна.... Въ эту минуту презрѣніе заглушило во мнѣ всѣ чувства ненависти и гнѣва. Съ омерзѣніемъ глядѣлъ я на дворянина, валяющагося въ ногахъ бѣглаго казака. Пугачевъ смягчился.

«Милую тебя на сей разъ», сказалъ онъ Швабрину: «но знай, что при первой винѣ тебѣ припомнится и эта.» Потомъ обратился онъ къ Марьѣ Ивановнѣ и сказалъ ей ласково: «Выходи, красная дѣвица; дарую тебѣ волю. Я Государь.»

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что передъ нею убійца ея родителей. Она закрыла лице обѣими руками и упала безъ чувствъ. Я кинулся къ ней; но въ эту минуту очень смѣло въ комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачевъ вышелъ изъ свѣтлицы, и мы трое сошли въ гостиную.

«Что, ваше благородіе?» сказалъ, смѣясь, Пугачевъ. «Выручилъ красную дѣвицу! Какъ думаешь, не послать ли за попомъ, да не заставить ли его обвѣнчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженымъ отцемъ, Швабринъ дружкою; закутимъ, запьемъ — и ворота запремъ!

Чего я опасался, то и случилось. Швабринъ, услыша предложеніе Пугачева, вышелъ изъ себя.

«Государь!» закричалъ онъ въ изступленіи. «Я виноватъ: я вамъ солгалъ; но и Гриневъ васъ обманываетъ. Эта дѣвушка не племянница здѣшняго попа: она дочь Ивана Миронова, который казненъ при взятіи здѣшней крѣпости.

Пугачевъ устремилъ на меня огненные свои глаза.

«Это что еще?» спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

— Швабринъ сказалъ тебѣ правду, отвѣчалъ я съ твердостію.

lib.pushkinskijdom.ru

«Ты мнѣ этого не сказалъ», замѣтилъ Пугачевъ, у коего лице омрачилось.

— Самъ ты разсуди, отвѣчалъ я ему: можно ли было при твоихъ людяхъ объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто ея бы не спасло!

«И то правда», сказалъ, смѣясь, Пугачевъ. «Мои пьяницы не пощадили бы бѣдной дѣвушки. Хорошо сдѣлала кумушка-попадья, что обманула ихъ.»

— Слушай, продолжалъ я, видя его доброе расположеніе. Какъ тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу.... Но Богъ видитъ, что жизнію моей радъ бы я заплатить тебѣ за то, что ты для меня сдѣлалъ. Только не требуй того, что противно чести моей и христіанской совѣсти. Ты мой благодѣтель. Доверши какъ началъ: отпусти меня съ бѣдной сиротою, куда намъ Богъ путь укажетъ. А мы, гдѣ бы ты ни былъ и что бы съ тобою ни случилось, каждый день будемъ Бога молить о спасеніи грѣшной твоей души....

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута.

«Инъ быть по твоему!» сказалъ онъ. «Казнить, такъ казнить, жаловать, такъ жаловать: таковъ мой обычай. Возьми себѣ свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вамъ Богъ любовь да совѣтъ!»

Тутъ онъ оборотился къ Швабрину и велѣлъ выдать мнѣ пропускъ во всѣ заставы и крѣпости, подвластныя ему. Швабринъ, совсѣмъ уничтоженный, стоялъ какъ остолбенѣлый. Пугачевъ отправился осматривать крѣпость. Швабринъ его сопровождалъ; а я остался подъ предлогомъ приготовленій къ отъѣзду.

Я побѣжалъ въ свѣтлицу. Двери были заперты. Я постучался. «Кто тамъ?» спросила Палаша. Я назвался. Милый голосъ Марьи Ивановны раздался изъ-за дверей: «Погодите, Андрей Петровичъ. Я переодѣваюсь. Ступайте къ Акулинѣ Панфиловнѣ: я сейчасъ туда же буду.»

Я повиновался и пошелъ въ домъ отца Герасима. И онъ и попадья выбѣжали ко мнѣ на встрѣчу. Савельичъ ихъ уже предупредилъ.

lib.pushkinskijdom.ru

«Здравствуйте, Петръ Андреевичъ», говорила попадья. «Привелъ Богъ опять увидѣться. Какъ поживаете? А мы-то про васъ каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпѣлась безъ васъ, моя голубушка!... Да скажите, мой отецъ, какъ это вы съ Пугачевымъ-то поладили! Какъ онъ это васъ не укокошилъ? Добро, спасибо злодѣю и за то.»

— Полно, старуха, прервалъ отецъ Герасимъ. Не все то ври, что знаешь. Нѣсть спасенія во многоглаголаніи. Батюшка Петръ Андреевичъ! войдите, милости просимъ. Давно, давно не видались.

Попадья стала угощать меня, чѣмъ Богъ послалъ, а между тѣмъ говорила безъ умолку. Она разсказала мнѣ, какимъ образомъ Швабринъ принудилъ ихъ выдать ему Марью Ивановну; какъ Марья Ивановна плакала и не хотѣла съ ними разстаться; какъ Марья Ивановна имѣла съ нею всегдашнія сношенія черезъ Палашку (дѣвку бойкую, которая и урядника заставляетъ плясать по своей дудкѣ); какъ она присовѣтовала Марьѣ Ивановнѣ написать ко мнѣ письмо, и прочее. Я въ свою очередь разсказалъ ей вкратцѣ свою исторію. Попъ и попадья крестились, услыша, что Пугачеву извѣстенъ ихъ обманъ. «Съ нами сила крестная!» говорила Акулина Панфиловна. «Промчи, Богъ, тучу мимо. Ай да Алексѣй Иванычъ, нечего сказать: хорошъ гусь!» Въ самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла съ улыбкою на блѣдномъ лицѣ. Она оставила свое крестьянское платье и одѣта была по прежнему, просто и мило.

Я схватилъ ея руку и долго не могъ вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали отъ полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что намъ было не до нихъ, и оставили насъ. Мы остались одни. Все было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна разсказала мнѣ все, что съ нею случилось съ самаго взятія крѣпости; описала мнѣ весь ужасъ ея положенія, всѣ испытанія, которымъ подвергалъ ее гнусный Швабринъ. Мы вспомнили и прежнее счастливое время.... Оба мы плакали.... Наконецъ я сталъ объяснять ей мои предположенія. Оставаться ей въ крѣпости, подвластной Пугачеву и управ-

lib.pushkinskijdom.ru

ляемой Швабринымъ, было невозможно. Нельзя было думать и объ Оренбургѣ, претерпѣвающемъ всѣ бѣдствія осады. У ней не было на свѣтѣ ни одного роднаго человѣка. Я предложилъ ей ѣхать въ деревню къ моимъ родителямъ. Она сначала колебалась: извѣстное ей неблагорасположеніе отца моего ее пугало. Я ее успокоилъ. Я зналъ, что отецъ почтетъ за счастіе и вмѣнитъ себѣ въ обязанность принять дочь заслуженнаго воина, погибшаго за отечество. «Милая Марья Ивановна!» сказалъ я наконецъ: «я почитаю тебя своею женою. Чудныя обстоятельства соединили насъ неразрывно: ничто на свѣтѣ не можетъ насъ разлучить.» Марья Ивановна выслушала меня просто, безъ притворной застѣнчивости, безъ затѣйливыхъ отговорокъ. Она чувствовала, что судьба ея соединена была съ моею. Но она повторила, что не иначе будетъ моею женою, какъ съ согласія моихъ родителей. Я ей и не противорѣчилъ. Мы поцѣловались горячо, искренно, и такимъ образомъ все было между нами рѣшено.

Чрезъ часъ урядникъ принесъ мнѣ пропускъ, подписанный каракульками Пугачева, и позвалъ меня къ нему, отъ его имени. Я нашелъ его готоваго пуститься въ дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовалъ, разставаясь съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ, извергомъ, злодѣемъ для всѣхъ, кромѣ одного меня. Зачѣмъ не сказать истины? Въ эту минуту сильное сочувствіе влекло меня къ нему. Я пламенно желалъ вырвать его изъ среды злодѣевъ, которыми онъ предводительствовалъ, и спасти его голову, пока еще было время. Швабринъ и народъ, толпящійся около насъ, помѣшали мнѣ высказать все, чѣмъ исполнено было мое сердце.

Мы разстались дружески. Пугачевъ, увидя въ толпѣ Акулину Панфиловну, погрозилъ пальцемъ и мигнулъ значительно; потомъ сѣлъ въ кибитку, велѣлъ ѣхать въ Берду, и когда лошади тронулись, то онъ еще разъ высунулся изъ кибитки и закричалъ мнѣ: «Прощай, ваше благородіе! Авось увидимся когда нибудь.» Мы точно съ нимъ увидѣлись, — но въ какихъ обстоятельствахъ!...

Пугачевъ уѣхалъ. Я долго смотрѣлъ на бѣлую степь, по которой неслась его тройка. Народъ разошелся. Швабринъ скрылся.

lib.pushkinskijdom.ru

Я воротился въ домъ священника. Все было готово къ нашему отъѣзду; я не хотѣлъ болѣе медлить. Добро наше все было уложено въ старую Комендантскую повозку. Ямщики мигомъ заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься съ могилами своихъ родителей, похороненныхъ за церковью. Я хотѣлъ ее проводить, но она просила меня оставить ее одну. Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отецъ Герасимъ и жена его вышли на крыльцо. Мы сѣли въ кибитку втроемъ: Марья Ивановна съ Палашей и я. Савельичъ забрался на облучекъ «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! прощайте, Петръ Андреичъ, соколъ нашъ ясный!» говорила добрая попадья. «Счастливый путь, и дай Богъ вамъ обоимъ счастія?» Мы поѣхали. У окошка Комендантскаго дома я увидѣлъ стоящаго Швабрина. Лице его изображало мрачную злобу. Я не хотѣлъ торжествовать надъ уничтоженнымъ врагомъ и обратилъ глаза въ другую сторону. Наконецъ мы выѣхали изъ крѣпостныхъ воротъ и навѣкъ оставили Бѣлогорскую крѣпость.

ГЛАВА XIII.

АРЕСТЪ.

Не гнѣвайтесь, сударь: по долгу моему,
Я долженъ сей же часъ отправить васъ въ тюрьму.
— Извольте, я готовъ; но я въ такой надеждѣ,
Что дѣло объяснить позволите мнѣ прежде.

Княжнинъ.

Соединенный такъ нечаянно съ милой дѣвушкою, о которой еще утромъ я такъ мучительно безпокоился, я не вѣрилъ самому себѣ и воображалъ, что все со мною случившееся было пустое сновидѣніе. Марья Ивановна глядѣла съ задумчивостію то на меня, то на дорогу и, казалось, не успѣла еще опомниться и придти въ себя. Мы молчали. Сердца наши слишкомъ были утомлены. Непримѣтнымъ образомъ часа черезъ два очутились мы въ ближней крѣпости, также подвластной Пугачеву. Здѣсь мы перемѣнили лошадей. По скорости, съ каковой ихъ запря-

lib.pushkinskijdom.ru

гали, по торопливой услужливости брадатаго казака, поставленнаго Пугачевымъ въ комендантъ, я увидѣлъ, что, благодаря болтливости ямщика, насъ привезшаго, меня принимали какъ придворнаго временщика.

Мы отправились далѣе. Стало смеркаться. Мы приблизились къ городку, гдѣ, по словамъ бородатаго коменданта, находился сильный отрядъ, идущій на соединеніе къ самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопросъ: «кто ѣдетъ?» ямщикъ отвѣчалъ громогласно: «Государевъ кумъ со своею хозяюшкою.» Вдругъ толпа гусаровъ окружила насъ съ ужасною бранью. «Выходи, бѣсовъ кумъ!» сказалъ мнѣ усатый вахмистръ. «Вотъ ужо тебѣ будетъ баня и съ твоею хозяюшкою!»

Я вышелъ изъ кибитки и требовалъ, чтобъ отвели меня къ ихъ начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистръ повелъ меня къ Маіору. Савельичъ отъ меня не отставалъ, поговаривая про себя: «Вотъ тебѣ и Государевъ кумъ! Изъ огня да въ полома.... Господи Владыко! чѣмъ это все кончится?» Кибитка шагомъ поѣхала за нами.

Черезъ пять минутъ мы пришли къ домику, ярко освѣщенному. Вахмистръ оставилъ меня при караулѣ и пошелъ обо мнѣ доложить. Онъ тотчасъ же воротился, объявивъ мнѣ, что его высокоблагородію нѣкогда меня принять, а что онъ велѣлъ отвести меня въ острогъ, а хозяюшку къ себѣ привести.

— Что это значитъ? закричалъ я въ бѣшенствѣ. Да развѣ онъ съ ума сошелъ?

«Не могу знать, ваше благородіе», отвѣчалъ вахмистръ. «Только его высокоблагородіе приказалъ ваше благородіе отвести въ острогъ, а ея благородіе приказано привести къ его высокоблагородію, ваше благородіе!»

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбѣжалъ въ комнату, гдѣ человѣкъ шесть гусарскихъ офицеровъ играли въ банкъ. Маіоръ металъ. Каково было мое изумленіе, когда, взглянувъ на него, узналъ я Ивана Ивановича Зурина, нѣкогда обыгравшаго меня въ Симбирскомъ трактирѣ!

lib.pushkinskijdom.ru

— Возможно ли? вскричалъ я. Иванъ Иванычъ! ты ли?

«Ба, ба, ба, Петръ Андреичъ! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, братъ. Не хочешь ли поставить карточку?»

— Благодаренъ. Прикажи-ка лучше отвести мнѣ квартиру.

«Какую тебѣ квартиру? Оставайся у меня.»

— Не могу : я не одинъ.

«Ну, подавай сюда и товарища.»

— Я не съ товарищемъ : я.... съ дамою.

«Съ дамою! Гдѣ же ты ее подцѣпилъ? Эге, братъ!»

При сихъ словахъ Зуринъ засвистѣлъ такъ выразительно, что всѣ захохотали, а я совершенно смутился.

«Ну», продолжалъ Зуринъ : «такъ и быть. Будетъ тебѣ квартира. А жаль.... Мы бы попировали по старинному.... Гей! малый! Да что жъ сюда не ведутъ кумушку-то Пугачева? или она упрямится? Сказать ей, чтобъ она не боялась : баринъ-де прекрасный : ничѣмъ не обидитъ, — да хорошенько ее въ шею »

— Что ты это? сказалъ я Зурину. Какая кумушка Пугачева? Это дочь покойнаго Капитана Миронова. Я вывезъ ее изъ плѣна и теперь провожаю до деревни батюшкиной, гдѣ и оставлю ее.

«Какъ! Такъ это о тебѣ мнѣ сейчасъ докладывали? Помилуй! что жъ это значитъ?»

— Послѣ все разскажу. А теперь, ради Бога, успокой бѣдную дѣвушку, которую гусары твои перепугали.

Зуринъ тотчасъ распорядился. Онъ самъ вышелъ на улицу извиниться передъ Марьей Ивановной въ невольномъ недоразумѣніи и приказалъ вахмистру отвести ей лучшую квартиру въ городѣ. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и когда остались вдвоемъ, я разсказалъ ему свои похожденія. Зуринъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ. Когда я кончилъ, онъ покачалъ головою и сказалъ : «это, братъ, хорошо ; одно нехорошо : зачѣмъ тебя чортъ несетъ жениться? Я, честный офицеръ, не захочу тебя обманывать ; повѣрь же ты мнѣ, что женитьба блажь. Ну, куда тебѣ возиться съ женою да няньчиться съ ребятишками? Эй, плюнь. Послушайся меня : развяжись ты съ Капитанскою дочкой. Дорога въ Сим-

lib.pushkinskijdom.ru

бирскъ мною очищена и безопасна. Отправь ее завтра жъ одну къ родителямъ твоимъ; а самъ оставайся у меня въ отрядѣ. Въ Оренбургъ возвращаться тебѣ не зачѣмъ. Попадешься опять въ руки бунтовщикамъ, такъ врядъ ли отъ нихъ еще разъ отдѣлаешься. Такимъ образомъ любовная дурь пройдетъ сама собою, и все будетъ ладно.»

Хотя я не совсѣмъ былъ съ нимъ согласенъ, однакожъ, чувствовалъ, что долгъ чести требовалъ моего присутствія въ войскѣ Императрицы. Я рѣшился послѣдовать совѣту Зурина: отправить Марью Ивановну въ деревню и остаться въ его отрядѣ.

Савельичъ явился меня раздѣвать; я объявилъ ему, чтобъ на другой же день готовъ онъ былъ ѣхать въ дорогу съ Марьей Ивановной. Онъ было заупрямился. «Что ты, сударь? Какъ же я тебя-то покину? Кто за тобою будетъ ходить? Что скажутъ родители твои?»

Зная упрямство дядьки моего, я вознамѣрился убѣдить его лаской и искренностію.

— Другъ ты мой Архипъ Савельичъ! сказалъ я ему. Не откажи, будь мнѣ благодѣтелемъ; въ прислугѣ я нуждаться не стану, а не буду спокоенъ, если Марья Ивановна поѣдетъ въ дорогу безъ тебя. Служа ей, служишь ты и мнѣ, потому что я твердо рѣшился, какъ скоро обстоятельства дозволятъ, жениться на ней.

Тутъ Савельичъ сплеснулъ руками съ видомъ изумленія неописаннаго.

«Жениться!» повторилъ онъ. «Дитя хочетъ жениться! А что скажетъ батюшка, а матушка-то что подумаетъ?»

— Согласятся, вѣрно согласятся, отвѣчалъ я: когда узнаютъ Марью Ивановну. Я надѣюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебѣ вѣрятъ; ты будешь за насъ ходатаемъ, не такъ ли?

Старикъ былъ тронутъ.

«Охъ, батюшка ты мой Петръ Андреичъ!» отвѣчалъ онъ. «Хоть раненько задумалъ ты жениться, да за то Марья Ивановна такая добрая барышня, что грѣхъ и пропустить оказію. Инъ

lib.pushkinskijdom.ru

быть по твоему! Провожу ее, ангела Божія, и рабски буду доносить, что такой невѣстѣ не надобно и приданаго.»

Я благодарилъ Савельича и легъ спать въ одной комнатѣ съ Зуринымъ. Разгоряченный и взволнованный, я разболтался. Зуринъ сначала со мною разговаривалъ охотно; но мало по малу слова его стали рѣже и безсвязнѣе; наконецъ, вмѣсто отвѣта на какой-то запросъ, онъ захрапѣлъ и присвиснулъ. Я замолчалъ и вскорѣ послѣдовалъ его примѣру.

На другой день утромъ пришелъ я къ Марьѣ Ивановнѣ. Я сообщилъ ей свои предположенія. Она признала ихъ благоразуміе и тотчасъ со мною согласилась. Отрядъ Зурина долженъ былъ выступить изъ города въ тотъ же день. Нечего было медлить. Я тутъ же разстался съ Марьей Ивановной, поручивъ ее Савельичу и давъ ей письмо къ моимъ родителямъ. Марья Ивановна заплакала «Прощайте, Петръ Андреичъ», сказала она тихимъ голосомъ. «Придется ли намъ увидѣться или нѣтъ, — Богъ одинъ это знаетъ; но вѣкъ не забуду васъ; до могилы ты одинъ останешься въ моемъ сердцѣ.» Я ничего не могъ отвѣчать. Люди насъ окружили. Я не хотѣлъ при нихъ предаваться чувствамъ, которыя меня волновали. Наконецъ она уѣхала. Я возвратился къ Зурину, грустенъ и молчаливъ. Онъ хотѣлъ меня развеселить, я думалъ себя разсѣять: мы провели день шумно и буйно, и вечеромъ выступили въ походъ.

Это было въ концѣ Февраля. Зима, затруднявшая военныя распоряженія, проходила, и наши Генералы готовились къ дружному содѣйствію. Пугачевъ все еще стоялъ подъ Оренбургомъ. Между тѣмъ около него отряды соединялись и со всѣхъ сторонъ приближались къ злодѣйскому гнѣзду. Бунтующія деревни, при видѣ нашихъ войскъ, приходили въ повиновеніе; шайки разбойниковъ вездѣ бѣжали отъ насъ, и все предвѣщало скорое и благополучное окончаніе.

Вскорѣ князь Голицынъ, подъ крѣпостію Татищевой, разбилъ Пугачева, разсѣялъ его толпы, освободилъ Оренбургъ и, казалось, нанесъ бунту послѣдній и рѣшительный ударъ. Зуринъ былъ въ то время отряженъ противу шайки мятежныхъ Башкир-

lib.pushkinskijdom.ru

цевъ, которые разсѣялись прежде, нежели мы ихъ увидѣли. Весна осадила насъ въ Татарской деревушкѣ. Рѣчки разлились и дороги стали непроходимы. Мы утѣшались въ нашемъ бездѣйствіи мыслію о скоромъ прекращеніи скучной и мелочной войны съ разбойниками и дикарями.

Но Пугачевъ не былъ пойманъ. Онъ явился на Сибирскихъ заводахъ, собралъ тамъ новыя шайки и снова началъ злодѣйствовать. Слухъ о его успѣхахъ снова распространился. Мы узнали о разореніи Сибирскихъ крѣпостей. Вскорѣ вѣсть о взятіи Казани и о походѣ самозванца на Москву встревожила начальниковъ войскъ, безпечно дремавшихъ въ надеждѣ на безсиліе презрѣннаго бунтовщика. Зуринъ получилъ повелѣніе переправиться чрезъ Волгу.

Не стану описывать нашего похода и окончанія войны. Скажу коротко, что бѣдствіе доходило до крайности. Правленіе было повсюду прекращено; помѣщики укрывались по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду; начальники отдѣльныхъ отрядовъ самовластно наказывали и миловали; состояніе всего обширнаго края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно.... Не приведи Богъ видѣть Русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный!

Пугачевъ бѣжалъ, преслѣдуемый Иваномъ Ивановичемъ Михельсономъ. Вскорѣ узнали мы о совершенномъ его разбитіи. Наконецъ Зуринъ получилъ извѣстіе о поимкѣ самозванца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣніе остановиться. Война была кончена. Наконецъ мнѣ можно было ѣхать къ моимъ родителямъ! Мысль ихъ обнять, увидѣть Марью Ивановну, о которой не имѣлъ я никакого извѣстія, одушевляла меня восторгомъ. Я прыгалъ какъ ребенокъ. Зуринъ смѣялся и говорилъ, пожимая плечами: «Нѣтъ, тебѣ не сдобровать! Женишься — ни за что пропадешь!»

Но между тѣмъ странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодѣѣ, обрызганномъ кровію столькихъ невинныхъ жертвъ, и о казни, его ожидающей, тревожила меня по неволѣ: «Емеля, Емеля! — думалъ я съ досадою — зачѣмъ не наткнулся ты на штыкъ, или не подвернулся подъ картечъ? Лучше ничего

lib.pushkinskijdom.ru

не могъ бы ты придумать.» Что прикажете дѣлать! Мысль о немъ неразлучна была во мнѣ съ мыслію о пощадѣ, данной мнѣ имъ въ одну изъ ужасныхъ минутъ его жизни, и объ избавленіи моей невѣсты изъ рукъ гнуснаго Швабрина.

Зуринъ далъ мнѣ отпускъ. Чрезъ нѣсколько дней долженъ я былъ опять очутиться посреди моего семейства, увидѣть опять мою Марью Ивановну.... Вдругъ неожиданная гроза меня поразила.

Въ день, назначенный для выѣзда, въ самую ту минуту, когда готовился я пуститься въ дорогу, Зуринъ вошелъ ко мнѣ въ избу, держа въ рукахъ бумагу, съ видомъ чрезвычайно озабоченнымъ. Что-то кольнуло меня въ сердце. Я испугался, самъ не зная чего. Онъ выслалъ моего деньщика и объявилъ, что имѣетъ до меня дѣло. «Что такое?» спросилъ я съ безпокойствомъ. — «Маленькая непріятность», отвѣчалъ онъ, подавая мнѣ бумагу. «Прочитай что сейчасъ я получилъ.» Я сталъ ее читать: это былъ секретный приказъ ко всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ арестовать меня, гдѣ бы ни попался, и немедленно отправить подъ карауломъ въ Казань, въ Слѣдственную Коммиссію, учрежденную по дѣлу Пугачева.

Бумага чуть не выпала изъ моихъ рукъ. «Дѣлать нечего!» сказалъ Зуринъ. «Долгъ мой повиноваться приказу. Вѣроятно, слухъ о твоихъ дружескихъ путешествіяхъ съ Пугачевымъ какъ нибудь да дошелъ до правительства. Надѣюсь, что дѣло не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій и что ты оправдаешься передъ Коммиссіей. Не унывай и отправляйся.» Совѣсть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отстрочить минуту сладкаго свиданія, можетъ быть, на нѣсколько еще мѣсяцевъ — устрашала меня. Тележка была готова. Зуринъ дружески со мною простился. Меня посадили въ тележку. Со мною сѣли два гусара съ саблями наголо, и я поѣхалъ по большой дорогѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА XIV.

СУДЪ.

Мірская молва —
Морская волна.

Пословица.

Я былъ увѣренъ, что виною всему было самовольное мое отсутствіе изъ Оренбурга. Я легко могъ оправдаться: наѣздничество не только никогда не было запрещено, но еще всѣми силами было ободряемо. Я могъ быть обвиненъ въ излишней запальчивости, а не въ ослушаніи. Но пріятельскія сношенія мои съ Пугачевымъ могли быть доказаны множествомъ свидѣтелей и должны были казаться по крайней мѣрѣ весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлялъ я о допросахъ, меня ожидающихъ, обдумывалъ свои отвѣты и рѣшился передъ судомъ объявить сущую правду, полагая сей способъ оправданія самымъ простымъ, а вмѣстѣ и самымъ надежнымъ.

Я пріѣхалъ въ Казань, опустошенную и погорѣлую. По улицамъ, на мѣсто домовъ, лежали груды углей и торчали закоптѣлыя стѣны безъ крышъ и оконъ. Таковъ былъ слѣдъ, оставленный Пугачевымъ! Меня привезли въ крѣпость, уцѣлѣвшую посреди сгорѣвшаго города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Онъ велѣлъ кликнуть кузнеца. Надѣли мнѣ на ноги цѣпь и заковали ее наглухо. Потомъ отвели меня въ тюрьму и оставили одного въ тѣсной и темной конуркѣ, съ однѣми голыми стѣнами и съ окошечкомъ, загороженнымъ желѣзною рѣшеткою.

Таковое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. Однакожъ, я не терялъ ни бодрости, ни надежды. Я прибѣгнулъ къ утѣшенію всѣхъ скорбящихъ и, впервые вкусивъ сладость молитвы, изліянной изъ чистаго, но растерзаннаго сердца, спокойно заснулъ, не заботясь о томъ, что со мною будетъ.

На другой день тюремный сторожъ меня разбудилъ, съ объявленіемъ, что меня требуютъ въ Коммиссію. Два солдата повели

lib.pushkinskijdom.ru

меня черезъ дворъ въ Комендантскій домъ, остановились въ передней и впустили одного во внутреннія комнаты.

Я вошелъ въ залу довольно обширную. За столомъ, покрытымъ бумагами, сидѣли два человѣка: пожилой Генералъ, виду строгаго и холоднаго, и молодой Гвардейскій Капитанъ, лѣтъ двадцати осьми, очень пріятной наружности, ловкій и свободный въ обращеніи. У окошка за особымъ столомъ сидѣлъ Секретарь съ перомъ за ухомъ, наклонясь надъ бумагою, готовый записывать мои показанія. Начался допросъ. Меня спросили о моемъ имени и званіи. Генералъ освѣдомился, не сынъ ли я Андрея Петровича Гринева? И на отвѣтъ мой возразилъ сурово: «Жаль, что такой почтенный человѣкъ имѣетъ такого недостойнаго сына!» Я спокойно отвѣчалъ, что каковы бы ни были обвиненія, тяготѣющія на мнѣ, я надѣюсь ихъ разсѣять чистосердечнымъ объясненіемъ истины. Увѣренность моя ему не понравилась. «Ты, братъ, востеръ», сказалъ онъ мнѣ, нахмурясь: «но видали мы и не такихъ!»

Тогда молодой человѣкъ спросилъ меня: «по какому случаю и въ какое время вошелъ я въ службу къ Пугачеву и по какимъ порученіямъ былъ я имъ употребленъ?»

Я отвѣчалъ съ негодованіемъ, что я, какъ офицеръ и дворянинъ, ни въ какую службу къ Пугачеву вступать не могъ и никакихъ порученій отъ него принять не могъ.

«Какимъ же образомъ», возразилъ мой допросчикъ: «дворянинъ и офицеръ одинъ пощаженъ самозванцемъ, между тѣмъ какъ всѣ его товарищи злодѣйски умерщвлены? Какимъ образомъ этотъ самый офицеръ и дворянинъ дружески пируетъ съ бунтовщиками, принимаетъ отъ главнаго злодѣя подарки, шубу, лошадь и полтину денегъ? Отчего произошла такая странная дружба и на чемъ она основана, если не на измѣнѣ, или по крайней мѣрѣ на гнусномъ и преступномъ малодушіи?»

Я былъ глубоко оскорбленъ словами Гвардейскаго офицера и съ жаромъ началъ свое оправданіе. Я разсказалъ, какъ началось мое знакомство съ Пугачевымъ въ степи, во время бурана, какъ при взятіи Бѣлогорской крѣпости онъ меня узналъ и пощадилъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Я сказалъ, что тулупъ и лошадь, правда, не посовѣстился я принять отъ самозванца; но что Бѣлогорскую крѣпость защищалъ я противу злодѣя до послѣдней крайности. Наконецъ я сослался и на моего Генерала, который могъ засвидѣтельствовать мое усердіе во время бѣдственной Оренбургской осады.

Строгій старикъ взялъ со стола открытое письмо и сталъ читать его вслухъ:

«На запросъ вашего превосходительства касательно Прапорщика Гринева, яко бы замѣшаннаго въ нынѣшнемъ смятеніи и вошедшаго въ сношенія съ злодѣемъ, службою недозволенныя и долгу присяги противныя, объяснить имѣю честь: оный Прапорщикъ Гриневъ находился на службѣ въ Оренбургѣ отъ начала Октября прошлаго 1773 года до 24 Февраля нынѣшняго года, въ которое число онъ изъ города отлучился, и съ той поры уже въ команду мою не являлся. А слышно отъ перебѣжчиковъ, что онъ былъ у Пугачева въ слободѣ и съ нимъ вмѣстѣ ѣздилъ въ Бѣлогорскую крѣпость, въ коей прежде находился онъ на службѣ; что касается до его поведенія, то я могу....» Тутъ онъ прервалъ свое чтеніе и сказалъ мнѣ сурово: «Что ты теперь скажешь себѣ въ оправданіе?»

Я хотѣлъ было продолжать какъ началъ и объяснить мою связь съ Марьей Ивановной также искренно, какъ и все прочее, но вдругъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Мнѣ пришло въ голову, что если назову ее, то Коммиссія потребуетъ ее къ отвѣту, и мысль впутать имя ея между гнусными извѣтами злодѣевъ и ее самую привести на очную съ ними ставку, — эта ужасная мысль такъ меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшіе, казалось, выслушивать отвѣты мои съ нѣкоторою благосклонностію, были снова предубѣждены противу меня при видѣ моего смущенія. Гвардейскій офицеръ потребовалъ, чтобъ меня поставили на очную ставку съ главнымъ доносителемъ. Генералъ велѣлъ кликнуть *вчерашняго злодѣя*. Я съ живостію обратился къ дверямъ, ожидая появленія своего обвинителя. Черезъ нѣсколько минутъ загремѣли цѣпи, двери отворились, и вошелъ — Швабринъ. Я изумился его перемѣнѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ былъ ужасно худъ и блѣденъ. Волоса его, недавно черные какъ смоль, совершенно посѣдѣли; длинная борода была всклочена. Онъ повторилъ обвиненія свои слабымъ, но смѣлымъ голосомъ. По его словамъ, я отряженъ былъ отъ Пугачева въ Оренбургъ шпіономъ; ежедневно выѣзжалъ на перестрѣлки, дабы передавать письменныя извѣстія о всемъ, что дѣлалось въ городѣ; что наконецъ явно передался самозванцу, разъѣзжалъ съ нимъ изъ крѣпости въ крѣпость, стараясь всячески губить своихъ товарищей-измѣнниковъ, дабы занимать ихъ мѣста и пользоваться наградами, раздаваемыми отъ самозванца. Я выслушалъ его молча и былъ доволенъ однимъ: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнуснымъ злодѣемъ, отъ того ли, что самолюбіе его страдало при мысли о той, которая отвергла его съ презрѣніемъ; отъ того ли, что въ сердцѣ его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать. Какъ бы то ни было, имя дочери Бѣлогорскаго Коменданта не было произнесено въ присутствіи Коммиссіи. Я утвердился еще болѣе въ моемъ намѣреніи, и когда судьи спросили: «чѣмъ могу опровергнуть показанія Швабрина», я отвѣчалъ, что держусь перваго своего объясненія и ничего другаго въ оправданіе себѣ сказать не могу. Генералъ велѣлъ насъ вывести. Мы вышли вмѣстѣ. Я спокойно взглянулъ на Швабрина, но не сказалъ ему ни слова. Онъ усмѣхнулся злобною усмѣшкою и, приподнявъ свои цѣпи, опередилъ меня и ускорилъ свои шаги. Меня опять отвели въ тюрьму и съ тѣхъ поръ уже къ допросу не требовали.

Я не былъ свидѣтелемъ всему, о чемъ остается мнѣ увѣдомить читателя; но я такъ часто слыхалъ о томъ разсказы, что малѣйшія подробности врѣзались въ мою память, и что мнѣ кажется, будто бы я тутъ же невидимо присутствовалъ.

Марья Ивановна принята была моими родителями съ тѣмъ искреннимъ радушіемъ, которое отличало людей стараго вѣка. Они видѣли благодать Божію въ томъ, что имѣли случай пріютить и обласкать бѣдную сироту. Вскорѣ они къ ней искренно привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшкѣ пустою блажью; а мату-

lib.pushkinskijdom.ru

шка только того и желала, чтобъ ея Петруша женился на милой Капитанской дочкѣ.

Слухъ о моемъ арестѣ поразилъ все мое семейство. Марья Ивановна такъ просто разсказала моимъ родителямъ о странномъ знакомствѣ моемъ съ Пугачевымъ, что оно не только не безпокоило ихъ, но еще заставляло часто смѣяться отъ чистаго сердца. Батюшка не хотѣлъ вѣрить, чтобы я могъ быть замѣшанъ въ гнусномъ бунтѣ, коего цѣль была ниспроверженіе престола и истребленіе дворянскаго рода. Онъ строго допросилъ Савельича. Дядька не утаилъ, что баринъ бывалъ въ гостяхъ у Емельки Пугачева, и что-де злодѣй его таки жаловалъ; но клялся, что ни о какой измѣнѣ онъ и не слыхивалъ. Старики успокоились и съ нетерпѣніемъ стали ждать благопріятныхъ вѣстей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо въ высшей степени одарена была скромностію и осторожностію.

Прошло нѣсколько недѣль.... Вдругъ батюшка получаетъ изъ Петербурга письмо отъ нашего родственника князя **. Князь писалъ ему обо мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа, онъ объявилъ ему, что подозрѣнія насчетъ участія моего въ замыслахъ бунтовщиковъ, къ несчастію, оказались слишкомъ основательными, что примѣрная казнь должна была бы меня постигнуть, но что Государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына и, избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе.

Сей неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно нѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ. «Какъ!» повторялъ онъ, выходя изъ себя. «Сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что почиталъ святынею своей совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ

lib.pushkinskijdom.ru

бѣглыми холопьями!... Стыдъ и срамъ нашему роду!...» Испуганная его отчаяніемъ, матушка не смѣла при немъ плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о невѣрности молвы, о шаткости людскаго мнѣнія. Отецъ мой былъ неутѣшенъ.

Марья Ивановна мучилась болѣе всѣхъ. Будучи увѣрена, что я могъ бы оправдаться, когда бы только захотѣлъ, она догадывалась объ истинѣ и почитала себя виновницею моего несчастія. Она скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія и между тѣмъ непрестанно думала о средствахъ, какъ бы меня спасти.

Однажды вечеромъ батюшка сидѣлъ на диванѣ, перевертывая листы «Придворнаго Календаря»; но мысли его были далеко, и чтеніе не производило надъ нимъ обыкновеннаго своего дѣйствія. Онъ насвистывалъ старинный маршъ. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изрѣдка капали на ея работу. Вдругъ Марья Ивановна, тутъ же сидѣвшая за работой, объявила, что необходимость заставляетъ ее ѣхать въ Петербургъ, и что она проситъ дать ей способъ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ?» сказала она. «Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты насъ покинуть?» Марья Ивановна отвѣчала, что вся будущая судьба ея зависитъ отъ этого путешествія, что она ѣдетъ искать покровительства и помощи у сильныхъ людей, какъ дочь человѣка, пострадавшаго за свою вѣрность.

Отецъ мой потупилъ голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступленіе сына, было ему тягостно и казалось колкимъ упрекомъ. «Поѣзжай, матушка!» сказалъ онъ ей со вздохомъ. «Мы твоему счастію помѣхи сдѣлать не хотимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихи добраго человѣка, не ошельмованнаго измѣнника.» Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наединѣ съ матушкою, отчасти объяснила ей свои предположенія. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучномъ концѣ замышленнаго дѣла. Марью Ивановну снарядили, и черезъ нѣсколько дней она отправилась въ дорогу съ вѣрною Палашой и съ вѣрнымъ Савельичемъ, который, насильственно разлученный со мною, утѣшался

lib.pushkinskijdom.ru

по крайней мѣрѣ мыслію, что служитъ нареченной моей невѣстѣ.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Софію и, узнавъ, что Дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена Смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась, объявила, что она племянница придворнаго истопника, и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ. Словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день рано утромъ Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка Англійской породы залаяла и побѣжала ей на встрѣчу; Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «Не бойтесь, она не укуситъ.» И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла; а Марья Ивановна, съ своей стороны бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей, казалось, лѣтъ сорокъ. Лице ея, полное и румяное, выражало важность и спо-

lib.pushkinskijdom.ru

койствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая перервала молчаніе.

«Вы вѣрно не здѣшнія?» сказала она.

— Точно такъ–съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

«Вы пріѣхали съ вашими родными?»

— Никакъ нѣтъ–съ. Я пріѣхала одна.

«Одна! Но вы такъ еще молоды.»

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

«Вы здѣсь, конечно, по какимъ нибудь дѣламъ?»

— Точно такъ–съ. Я пріѣхала подать просьбу Государынѣ.

«Вы сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?»

— Никакъ нѣтъ–съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

«Позвольте спросить, кто вы таковы?»

— Я дочь Капитана Миронова.

«Капитана Миронова! того самаго, что былъ Комендантомъ въ одной изъ Оренбургскихъ крѣпостей?»

— Точно такъ–съ.

Дама, казалось, была тронута.

«Извините меня», сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, «если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при Дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь.»

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ; но вдругъ лице ея перемѣнилось — и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

lib.pushkinskijdom.ru

«Вы просите за Гринева?» сказала дама съ холоднымъ видомъ. «Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.»

— Ахъ, неправда! вскрикнула Марья Ивановна.

«Какъ, неправда!» возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.

Тутъ она съ жаромъ разсказала все, что уже извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ.

«Гдѣ вы остановились?» спросила она потомъ и, услыша, что у Анны Власьевны, примолвила съ улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы недолго будете ждать отвѣта на ваше письмо.»

Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ и за чашкою чая только было принялась за безконечные разсказы о Дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и каммеръ-лакей вошелъ съ объясненіемъ, что Государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, Господи!» закричала она. «Государыня требуетъ васъ ко Двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь къ Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете.... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемъ нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?»

lib.pushkinskijdom.ru

Каммеръ-лакей объявилъ, что Государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Чрезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились настежъ. Она прошла длинный рядъ пустыхъ, великолѣпныхъ комнатъ; камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть Императрицу лицемъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Чрезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную Государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой: «Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.»

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. «Знаю, что вы не богаты», сказала она: «но я въ долгу передъ дочерью Капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе.»

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна

lib.pushkinskijdom.ru

хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню....

Здѣсь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Изъ семейственныхъ преданій извѣстно, что онъ былъ освобожденъ отъ заключенія въ концѣ 1774 года, по Именному повелѣнію; что онъ присутствовалъ при казни Пугачева, который узналъ его въ толпѣ и кивнулъ ему головою, которая черезъ минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскорѣ потомъ Петръ Андреевичъ женился на Марьѣ Ивановнѣ. Потомство ихъ благоденствуетъ въ Симбирской Губерніи. Въ тридцати верстахъ отъ *** находится село, принадлежащее десятерымъ помѣщикамъ. Въ одномъ изъ барскихъ флигелей показываютъ собственноручное письмо Екатерины II за стекломъ и въ рамкѣ. Оно писано къ отцу Петра Андреевича и содержитъ оправданіе его сына и похвалы уму и сердцу дочери Капитана Миронова....

lib.pushkinskijdom.ru

VII.

ПИКОВАЯ ДАМА.

(1834.)

Пиковая дама означаетъ тайную недоброжелательность.

Новѣйшая гадательная книга.

—

I.

А въ ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — Богъ ихъ прости! —
Отъ 50
На 100,
И выигрывали,
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ, въ ненастные дни,
Занимались они
Дѣломъ.

Однажды играли въ карты у Конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незамѣтно; сѣли ужинать въ пятомъ часу утра. Тѣ, которые остались въ выигрышѣ, ѣли съ большимъ апетитомъ; прочіе, въ разсѣянности, сидѣли передъ пустыми своими приборами. Но Шампанское явилось, разговоръ оживился, и всѣ приняли въ немъ участіе

lib.pushkinskijdom.ru

«Что ты сдѣлалъ, Суринъ?» спросилъ хозяинъ.

— Проигралъ, по обыкновенію. Надобно признаться, что я несчастливъ: играю мирандолемъ, никогда не горячусь, ничѣмъ меня съ толку не собьешь, а все проигрываюсь!

«И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставилъ на *ру-ме?*... Твердость твоя для меня удивительна.»

— А каковъ Германнъ! сказалъ одинъ изъ гостей, указывая на молодаго инженера: отъ роду не бралъ онъ карты въ руки, отъ роду не загнулъ ни одного пароли, а до пяти часовъ сидитъ съ нами и смотритъ на нашу игру!

«Игра занимаетъ меня сильно», сказалъ Германнъ: «но я не въ состояніи жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее.»

— Германнъ Нѣмецъ: онъ разсчетливъ, — вотъ и все! замѣтилъ Томскій. А если кто для меня непонятенъ, такъ это моя бабушка, графиня Анна Ѳедотовна.

«Какъ? что?» закричали гости.

— Не могу постигнуть, продолжалъ Томскій: какимъ образомъ бабушка моя не понтируетъ!

«Да что жъ тутъ удивительнаго», сказалъ Нарумовъ, «что осьмидесятилѣтняя старуха не понтируетъ?

— Такъ вы ничего про нее не знаете?

«Нѣтъ! право, ничего!»

— О, такъ послушайте! Надобно знать, что бабушка моя, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, ѣздила въ Парижъ и была тамъ въ большой модѣ. Народъ бѣгалъ за нею, чтобъ увидѣть la Vénus moscovite; Ришелье за нею волочился, и бабушка увѣряетъ, что онъ чуть было не застрѣлился отъ ея жестокости. Въ то время дамы играли въ фараонъ. Однажды при дворѣ она проиграла на слово герцогу Орлеанскому что-то очень много. Пріѣхавъ домой, бабушка, отлѣпливая мушки съ лица и отвязывая фижмы, объявила дѣдушкѣ о своемъ проигрышѣ и приказала заплатить. Покойный дѣдушка, сколько я помню, былъ родъ бабушкина дворецкаго. Онъ ее боялся, какъ огня; однако, услышавъ о такомъ ужасномъ проигрышѣ, онъ вышелъ изъ себя, принесъ счеты,

lib.pushkinskijdom.ru

доказалъ ей, что въ полгода они издержали полмилліона, что подъ Парижемъ нѣтъ у нихъ ни Подмосковской, ни Саратовской деревни, и начисто отказался отъ платежа. Бабушка дала ему пощечину и легла спать одна, въ знакъ свой немилости. На другой день она велѣла позвать мужа, надѣясь, что домашнее наказаніе надъ нимъ подѣйствовало, но нашла его непоколебимымъ. Въ первый разъ въ жизни она дошла съ нимъ до разсужденій и объясненій; думала усовѣстить его, снисходительно доказывая, что долгъ долгу рознь, и что есть разница между принцемъ и каретникомъ. Куда! дѣдушка бунтовалъ. Нѣтъ, да и только! Бабушка не знала, что дѣлать. Съ нею былъ коротко знакомъ человѣкъ очень замѣчательный. Вы слышали о графѣ Сенъ-Жерменѣ, о которомъ разсказываютъ такъ много чудеснаго. Вы знаете, что онъ выдавалъ себя за вѣчнаго жида, за изобрѣтателя жизненнаго эликсира и философскаго камня, и прочая. Надъ нимъ смѣялись, какъ надъ шарлатаномъ, а Казанова въ своихъ Запискахъ говоритъ, что онъ былъ шпіонъ; впрочемъ, Сенъ-Жерменъ, несмотря на свою таинственность, имѣлъ очень почтенную наружность и былъ въ обществѣ человѣкъ очень любезный. Бабушка до сихъ поръ любитъ его безъ памяти и сердится, если говорятъ объ немъ съ неуваженіемъ. Бабушка знала, что Сенъ-Жерменъ могъ располагать большими деньгами. Она рѣшилась къ нему прибѣгнуть, написала ему записку и просила немедленно къ ней пріѣхать. Старый чудакъ явился тотчасъ и засталъ ее въ ужасномъ горѣ. Она описала ему самыми черными красками варварство мужа и сказала наконецъ, что всю свою надежду полагаетъ на его дружбу и любезность. Сенъ-Жерменъ задумался. «Я могу вамъ услужить этой суммою,» сказалъ онъ: «но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь, а я бы не желалъ вводить васъ въ новыя хлопоты. Есть другое средство: вы можете отыграться.» — «Но, любезный графъ», отвѣчала бабушка: «я говорю вамъ, что у насъ денегъ вовсе нѣтъ.» — «Деньги тутъ не нужны», возразилъ Сенъ-Жерменъ: «извольте меня выслушать.» Тутъ онъ открылъ ей тайну, за которую всякій изъ насъ дорого бы далъ....

lib.pushkinskijdom.ru

Молодые игроки удвоили вниманіе. Томскій закурилъ трубку, затянулся и продолжалъ.

— Въ тотъ же самый вечеръ бабушка явилась въ Версали, au jeu de la reine. Герцогъ Орлеанскій металъ; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, въ оправданіе сплела маленькую исторію и стала противъ него понтировать. Она выбрала три карты, поставила ихъ одну за другою: всѣ три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно.

«Случай!» сказалъ одинъ изъ гостей.

— Сказка! замѣтилъ Германнъ.

«Можетъ статься, порошковыя карты!» подхватилъ третій.

— Не думаю, отвѣчалъ важно Томскій.

«Какъ», сказалъ Нарумовъ: «у тебя есть бабушка, которая угадываетъ три карты сряду, а ты до сихъ поръ не перенялъ у ней ея кабалистики?»

— Да, чорта съ два! отвѣчалъ Томскій: у нея было четверо сыновей, въ томъ числѣ и мой отецъ, всѣ трое отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны, хоть это было бы не худо для нихъ, и даже для меня. Но вотъ что мнѣ разсказывалъ дядя, графъ Иванъ Ильичъ, и въ чемъ онъ меня увѣрялъ честью. Покойный Чаплицкій, тотъ самый, который умеръ въ нищетѣ, промотавъ милліоны, однажды въ молодости своей проигралъ — помнится Зоричу — около трехъ сотъ тысячь. Онъ былъ въ отчаяніи. Бабушка, которая всегда была строга къ шалостямъ молодыхъ людей, какъ-то сжалилась надъ Чаплицкимъ. Она дала ему три карты, съ тѣмъ, чтобъ онъ поставилъ ихъ одну за другою, и взяла съ него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкій явился къ своему побѣдителю: они сѣли играть. Чаплицкій поставилъ на первую карту пятьдесятъ тысячь и выигралъ соника; загнулъ пароли, пароли-пе — отыгрался и остался еще въ выигрышѣ....

— Однако, пора спать: уже безъ четверти шесть.

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ разсвѣтало: молодые люди допили свои рюмки и разъѣхались.

lib.pushkinskijdom.ru

II.

— Il paraît que monsieur est décidément pour les suivantes.

— Que voulez-vous, madame? Elles sont plus fraîches.

Свѣтскій разговоръ.

Старая графиня *** сидѣла въ своей уборной передъ зеркаломъ. Три дѣвушки окружали ее. Одна держала банку румянъ, другая коробку со шпильками, третья высокій чепецъ съ лентами огненнаго цвѣта. Графиня не имѣла ни малѣйшаго притязанія на красоту, давно увядшую, но сохраняла всѣ привычки своей молодости, строго слѣдовала модамъ семидесятыхъ годовъ и одѣвалась такъ же долго, такъ же старательно, какъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. У окошка сидѣла за пяльцами барышня, ея воспитанница.

«Здравствуйте, grand'maman», сказалъ, вошедши, молодой офицеръ. «Bon jour, mademoiselle Lise. Grand'maman, я къ вамъ съ просьбою.»

— Что такое, Paul?

«Позвольте вамъ представить одного изъ моихъ пріятелей и привезти его къ вамъ въ пятницу на балъ.»

— Привези его прямо на балъ, и тутъ мнѣ его и представишь. Былъ ты вчерась у ***?

«Какъ же! очень было весело; танцовали до пяти часовъ. Какъ хороша была Елецкая!»

— И, мой милый! Что въ ней хорошаго? Такова ли была ея бабушка, княгиня Дарья Петровна?... Кстати: я, чай, она ужъ очень постарѣла, княгиня Дарья Петровна?

«Какъ, постарѣла?» отвѣчалъ разсѣянно Томскій: «она лѣтъ семь какъ умерла.»

Барышня подняла голову и сдѣлала знакъ молодому человѣку. Онъ вспомнилъ, что отъ старой графини таили смерть ея ровесницъ, и закусилъ себѣ губу. Но графиня услышала вѣсть, для нея новую, съ большимъ равнодушіемъ.

lib.pushkinskijdom.ru

— Умерла! сказала она: а я и не знала! Мы вмѣстѣ были пожалованы во фрейлины, и когда мы представились, то Государыня....

И графиня въ сотый разъ разсказала внуку свой анекдотъ.

— Ну, Paul, сказала она потомъ: теперь помоги мнѣ встать. Лизанька, гдѣ моя табакерка?

И графиня со своими дѣвушками пошла за ширмами оканчивать свой туалетъ. Томскій остался съ барышнею.

«Кого это вы хотите представить?» тихо спросила Лизавета Ивановна.

— Нарумова; вы его знаете?

«Нѣтъ! Онъ военный или статскій?»

— Военный.

«Инженеръ?»

— Нѣтъ! кавалеристъ. А почему вы думали, что онъ инженеръ?

Барышня засмѣялась и не отвѣчала ни слова.

«Paul!» закричала графиня изъ-за ширмъ: «пришли мнѣ какой нибудь новый романъ, только, пожалуйста, не изъ нынѣшнихъ.»

— Какъ это, grand'maman?

«То есть такой романъ, гдѣ бы герой не давилъ ни отца, ни матери и гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ. Я ужасно боюсь утопленниковъ!»

— Такихъ романовъ нынче нѣтъ. Не хотите ли развѣ Русскихъ?

«А развѣ есть Русскіе романы?... Пришли, батюшка, пожалуйста пришли!»

— Простите, grand'maman: я спѣшу.... Простите, Лизавета Ивановна! Почему же вы думали, что Нарумовъ инженеръ?

И Томскій вышелъ изъ уборной.

Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу и стала глядѣть въ окно. Вскорѣ на одной сторонѣ улицы изъ-за угольнаго дома показался молодой офицеръ. Румянецъ покрылъ ея щеки: она принялась опять за работу и наклонила голову

lib.pushkinskijdom.ru

надъ самой канвою. Въ это время вошла графиня, совсѣмъ одѣтая.

— Прикажи, Лизанька, сказала она, карету закладывать, и поѣдемъ прогуляться.

Лизанька встала изъ-за пялецъ и стала убирать свою работу.

— Что ты, мать моя! глуха, что ли! закричала графиня. Вели скорѣй закладывать карету.

«Сейчасъ!» отвѣчала тихо барышня и побѣжала въ переднюю.

Слуга вошелъ и подалъ графинѣ книги отъ князя Павла Александровича.

— Хорошо! Благодарить, сказала графиня. Лизанька, Лизанька! да куда жъ ты бѣжишь?

«Одѣваться.»

— Успѣешь, матушка. Сиди здѣсь. Раскрой-ка первый томъ; читай вслухъ....

Барышня взяла книгу и прочла нѣсколько строкъ.

— Громче! сказала графиня. Что съ тобою, мать моя? съ голосу спала, что ли?... Погоди.... подвинь мнѣ скамеечку; ближе.... ну!

Лизавета Ивановна прочла еще двѣ страницы. Графиня зѣвнула.

— Брось эту книгу, сказала она: что за вздоръ! Отошли это князю Павлу и вели благодарить.... Да что жъ карета?...

«Карета готова», сказала Лизавета Ивановна, взглянувъ на улицу.

— Что жъ ты не одѣта? сказала графиня: всегда надобно тебя ждать! Это, матушка, несносно.

Лиза побѣжала въ свою комнату. Не прошло двухъ минутъ, графиня начала звонить изо всей мочи. Три дѣвушки вбѣжали въ одну дверь, а камердинеръ въ другую.

— Что это васъ не докличешься? сказала имъ графиня. Сказать Лизаветѣ Ивановнѣ, что я ее жду.

Лизавета Ивановна вошла въ капотѣ и въ шляпкѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

— Наконецъ, мать моя! сказала графиня. Что за наряды! Зачѣмъ это?... кого прельщать?... А какова погода? кажется, вѣтеръ.

«Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство! очень тихо-съ!» отвѣчалъ камердинеръ.

— Вы всегда говорите наобумъ! Отворите форточку. Такъ и есть: вѣтеръ! и прехолодный! Отложить карету! Лизанька, мы не поѣдемъ: нечего было наряжаться.

«И вотъ моя жизнь!» подумала Лизавета Ивановна.

Въ самомъ дѣлѣ, Лизавета Ивановна была пренесчастное созданіе. Горекъ чужой хлѣбъ, говоритъ Данте, и тяжелы ступени чужаго крыльца; а кому и знать горечь зависимости, какъ не бѣдной воспитанницѣ знатной старухи? Графиня ***, конечно, не имѣла злой души, но была своенравна, какъ женщина, избалованная свѣтомъ, скупа и погружена въ холодный эгоизмъ, какъ и всѣ старые люди, отлюбившіе въ свой вѣкъ и чуждые настоящему. Она участвовала во всѣхъ суетностяхъ большаго свѣта; таскалась на балы, гдѣ сидѣла въ углу, разрумяненная и одѣтая по старинной модѣ, какъ уродливое и необходимое украшеніе бальной залы; къ ней съ низкими поклонами подходили пріѣзжающіе гости, какъ по установленному обряду, и потомъ уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь городъ, наблюдая строгій этикетъ и не узнавая никого въ лице. Многочисленная челядь ея, разжирѣвъ и посѣдѣвъ въ ея передней и дѣвичьей, дѣлала, что хотѣла, наперерывъ обкрадывая умирающую старуху. Лизавета Ивановна была домашней мученицею. Она разливала чай и получала выговоры за лишній расходъ сахара; она вслухъ читала романы — и виновата была во всѣхъ ошибкахъ автора; она сопровождала княгиню въ ея прогулкахъ — и отвѣчала за погоду и за мостовую. Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали; а между тѣмъ требовали отъ нея, чтобъ она одѣта была, какъ и всѣ, то есть какъ очень немногія. Въ свѣтѣ играла она самую жалкую роль. Всѣ ее знали, и никто не замѣчалъ; на балахъ она танцовала только тогда, какъ не доставало vis-à-vis, и дамы брали ее подъ руку всякій разъ, какъ имъ

lib.pushkinskijdom.ru

нужно было идти въ уборную поправить что нибудь въ своемъ нарядѣ. Она была самолюбива, живо чувствовала свое положеніе и глядѣла кругомъ себя, съ нетерпѣніемъ ожидала избавителя; но молодые люди, разсчетливые въ вѣтренномъ своемъ тщеславіи, не удостоивали ее вниманія, хотя Лизавета Ивановна была сто разъ милѣе наглыхъ и холодныхъ невѣстъ, около которыхъ они увивались. Сколько разъ, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать въ бѣдной своей комнатѣ, гдѣ стояли ширмы, оклееныя обоями, комодъ, зеркальце и крашеная кровать и гдѣ сальная свѣча темно горѣла въ мѣдномъ шандалѣ!

Однажды — это случилось два дня послѣ вечера, описаннаго въ началѣ этой повѣсти, и за недѣлю передъ той сценой, на которой мы остановились — однажды Лизавета Ивановна, сидя подъ окошкомъ за пяльцами, нечаянно взглянула на улицу и увидѣла молодаго инженера, стоящаго неподвижно и устремившаго глаза къ ея окошку. Она опустила голову и снова занялась работой; черезъ пять минутъ взглянула опять — молодой офицеръ стоялъ на томъ же мѣстѣ. Не имѣя привычки кокетничать съ прохожими офицерами, она перестала глядѣть на улицу и шила около двухъ часовъ, не приподнимая головы. Подали обѣдать. Она встала, начала убирать свои пяльцы, и, взглянувъ нечаянно на улицу, опять увидѣла офицера. Это показалось ей довольно страннымъ. Послѣ обѣда она подошла къ окошку съ чувствомъ нѣкотораго безпокойства, но уже офицера не было, — и она про него забыла....

Дня черезъ два, выходя съ графиней садиться въ карету, она опять его увидѣла. Онъ стоялъ у самаго подъѣзда, закрывъ лице бобровымъ воротникомъ: черные глаза его сверкали изъ-подъ шляпы. Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и сѣла въ карету съ трепетомъ неизъяснимымъ.

Возвратясь домой, она побѣжала къ окошку — офицеръ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, устремивъ на нее глаза: она отошла, мучась любопытствомъ и волнуемая чувствомъ, для нея совершенно новымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Съ того времени не проходило дня, чтобъ молодой человѣкъ, въ извѣстный часъ, не являлся подъ окнами ихъ дома. Между имъ и ею учредились неусловленныя сношенія. Сидя на своемъ мѣстѣ за работой, она чувствовала его приближеніе — подымала голову, смотрѣла на него съ каждымъ днемъ долѣе и долѣе. Молодой человѣкъ, казалось, былъ за то ей благодаренъ: она видѣла острымъ взоромъ молодости, какъ быстрый румянецъ покрывалъ его блѣдныя щеки всякій разъ, когда взоры ихъ встрѣчались. Черезъ недѣлю она ему улыбнулась....

Когда Томскій спросилъ позволенія представить графинѣ своего пріятеля, сердце бѣдной дѣвушки забилось. Но, узнавъ, что Нарумовъ не инженеръ, а конногвардеецъ, она сожалѣла, что нескромнымъ вопросомъ высказала свою тайну вѣтреному Томскому.

Германнъ былъ сынъ обрусѣвшаго Нѣмца, оставившаго ему маленькій капиталъ. Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германнъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволялъ себѣ малѣйшей прихоти. Впрочемъ, онъ былъ скрытенъ и честолюбивъ, и товарищи его рѣдко имѣли случай посмѣяться надъ его излишней бережливостью. Онъ имѣлъ сильныя страсти и огненное воображеніе; но твердость спасла его отъ обыкновенныхъ заблужденій молодости. Такъ, напримѣръ, будучи въ душѣ игрокъ, никогда не бралъ онъ картъ въ руки, ибо разсчиталъ, что его состояніе не позволяло ему (какъ сказывалъ онъ) *жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее,* — а между тѣмъ, цѣлыя ночи просиживалъ за карточными столами и слѣдовалъ съ лихорадочнымъ трепетомъ за различными оборотами игры.

Анекдотъ о трехъ картахъ сильно подѣйствовалъ на его воображеніе и цѣлую ночь не выходилъ изъ его головы. «Что, если — думалъ онъ на другой день вечеромъ, бродя по Петербургу — что, если старая графиня откроетъ мнѣ свою тайну! или назначитъ мнѣ эти три вѣрныя карты! Почему жъ не попробовать своего счастія?... Представиться ей, подбиться въ ея милость, пожалуй, сдѣлаться ея любовникомъ; но на все это требуется

lib.pushkinskijdom.ru

время, а ей 87 лѣтъ; она можетъ умереть черезъ недѣлю, черезъ два дня!... Да и самый анекдотъ?... Можно ли ему вѣрить?... Нѣтъ! разсчетъ, умѣренность и трудолюбіе: вотъ мои три вѣрныя карты, вотъ что утроитъ, усемеритъ мой капиталъ и доставитъ мнѣ покой и независимость!» Разсуждая такимъ образомъ, очутился онъ въ одной изъ главныхъ улицъ Петербурга, передъ домомъ старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами; кареты одна за другою катились къ освѣщенному подъѣзду. Изъ каретъ поминутно вытягивались то стройная ножка молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулокъ и дипломатическій башмакъ. Шубы и плащи мелькали мимо величаваго швейцара. Германнъ остановился.

— Чей это домъ? спросилъ онъ у угловаго будочника.

«Графини ***», отвѣчалъ будочникъ.

Германнъ затрепеталъ. Удивительный анекдотъ снова представился его воображенію. Онъ сталъ ходить около дома, думая объ его хозяйкѣ и о чудной ея способности. Поздно воротился онъ въ смиренный свой уголокъ; долго не могъ заснуть, и, когда сонъ имъ овладѣлъ, ему пригрезились карты, зеленый столъ, кипы ассигнацій и груды червонцевъ. Онъ ставилъ карту за картой, гнулъ углы рѣшительно, выигрывалъ безпрестанно, и загребалъ къ себѣ золото, и клалъ ассигнаціи въ карманъ. Проснувшись уже поздно, онъ вздохнулъ о потерѣ своего фантастическаго богатства, пошелъ опять бродить по городу и опять очутился передъ домомъ графини ***. Невѣдомая сила, казалось, привлекала его къ нему. Онъ остановился и сталъ смотрѣть на окна. Въ одномъ увидѣлъ онъ черноволосую голову, наклоненную, вѣроятно, надъ книгой или надъ работой. Головка приподнялась. Германнъ увидѣлъ свѣжее личико и черные глаза. Эта минута рѣшила его участь.

lib.pushkinskijdom.ru

III.

Vous m'écrivez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire.

Переписка.

Только Лизавета Ивановна успѣла снять капотъ и шляпу, какъ уже графиня послала за нею и велѣла опять подавать карету. Онѣ пошли садиться. Въ то самое время, какъ два лакея приподняли старуху и просунули въ дверцы, Лизавета Ивановна у самаго колеса увидѣла своего инженера; онъ схватилъ ея руку; она не могла опомниться отъ испугу, и молодой человѣкъ исчезъ: письмо осталось въ ея рукѣ. Она спрятала его за перчатку и во всю дорогу ничего не слыхала и не видала. Графиня имѣла обыкновеніе поминутно дѣлать въ каретѣ вопросы: кто это съ нами встрѣтился? какъ зовутъ этотъ мостъ? что тамъ написано на вывѣскѣ? Лизавета Ивановна на сей разъ отвѣчала наобумъ и невпопадъ и разсердила графиню.

— Что съ тобою сдѣлалось, мать моя! Столбнякъ на тебя нашелъ, что ли? Ты меня или не слышишь, или не понимаешь?... Слава Богу, я не картавлю и изъ ума еще не выжила!

Лизавета Ивановна ея не слушала. Возвратясь домой, она побѣжала въ свою комнату, вынула изъ-за перчатки письмо: оно было не запечатано. Лизавета Ивановна его прочитала. Письмо содержало въ себѣ признаніе въ любви: оно было нѣжно, почтительно и слово-въ-слово взято изъ Нѣмецкаго романа. Но Лизавета Иванова по-Нѣмецки не умѣла и была очень имъ довольна.

Однако, принятое ею письмо безпокоило ее чрезвычайно. Впервые входила она въ тайныя, тѣсныя сношенія съ молодымъ мущиною. Его дерзость ужасала ее. Она упрекла себя въ неосторожномъ поведеніи, и не знала, что дѣлать: перестать ли сидѣть у окошка и невниманіемъ охладить въ молодомъ офицерѣ охоту къ дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ? отослать ли ему письмо? отвѣчать ли холодно и рѣшительно? Ей не съ кѣмъ было посо-

lib.pushkinskijdom.ru

вѣтоваться: у нея не было ни подруги, ни наставницы. Лизавета Ивановна рѣшилась отвѣчать.

Она сѣла за письменный столикъ, взяла перо, бумагу, и задумалась. Нѣсколько разъ начинала она свое письмо — и рвала его: то выраженія казались ей слишкомъ снисходительными, то слишкомъ жестокими. Наконецъ ей удалось написать нѣсколько строкъ, которыми она осталась довольна. «Я увѣрена — писала она — что вы имѣете честныя намѣренія, и что вы не хотѣли оскорбить меня необдуманнымъ поступкомъ; но знакомство наше не должно бы начаться такимъ образомъ. Возвращаю вамъ письмо ваше и надѣюсь, что не буду впередъ имѣть причины жаловаться на незаслуженное неуваженіе.»

На другой день, увидя идущаго Германна, Лизавета Ивановна встала изъ-за пяльцевъ, вышла въ залу, отворила форточку и бросила письмо на улицу, надѣясь на проворство молодаго офицера. Германнъ подбѣжалъ, поднялъ его и вошелъ въ кандитерскую лавку. Сорвавъ печать, онъ нашелъ свое письмо и отвѣтъ Лизаветы Ивановны. Онъ того и ожидалъ и возвратился домой, очень занятый своей интригою.

Три дня послѣ того, Лизаветѣ Ивановнѣ молоденькая, быстроглазая мамзель принесла записочку изъ модной лавки. Лизавета Ивановна открыла ее съ безпокойствомъ, предвидя денежныя требованія, и вдругъ узнала руку Германна.

— Вы, душенька, ошиблись, сказала она: эта записка не ко мнѣ.

«Нѣтъ, точно къ вамъ!» отвѣчала смѣлая дѣвушка, не скрывая лукавой улыбки. «Извольте прочитать!»

Лизавета Ивановна пробѣжала записку. Германнъ требовалъ свиданія.

— Не можетъ быть! сказала Лизавета Ивановна, испугавшись и поспѣшности требованій, и способу, имъ употребленному. Это писано вѣрно не ко мнѣ!

И разорвала письмо въ мелкіе кусочки.

«Коли письмо не къ вамъ, зачѣмъ же вы его разорвали?» сказала мамзель: «я бы возвратила его тому, кто его послалъ.»

lib.pushkinskijdom.ru

— Пожалуйста, душенька! сказала Лизавета Ивановна, вспыхнувъ отъ ея замѣчанія: впередъ ко мнѣ записокъ не носите. А тому, кто васъ послалъ, скажите, что ему должно быть стыдно....

Но Германнъ не унялся. Лизавета Ивановна каждый день получала отъ него письма, то тѣмъ, то другимъ образомъ. Они уже не были переведены съ Нѣмецкаго. Германнъ ихъ писалъ, вдохновенный страстію, и говорилъ языкомъ, ему свойственнымъ: въ нихъ выражались и непреклонность его желаній, и безпорядокъ необузданнаго воображенія. Лизавета Ивановна уже не думала ихъ отсылать: она упивалась ими; стала на нихъ отвѣчать, — и ея записки часъ отъ часу становились длиннѣе и нѣжнѣе. Наконецъ она бросила ему въ окошко слѣдующее письмо: «Сегодня балъ у ***скаго посланника. Графиня тамъ будетъ. Мы останемся часовъ до двухъ. Вотъ вамъ случай увидѣть меня наединѣ. Какъ скоро графиня уѣдетъ, ея люди, вѣроятно, разойдутся, въ сѣняхъ останется швейцаръ; но и онъ обыкновенно уходитъ въ свою каморку. Приходите въ половинѣ двенадцатаго. Ступайте прямо на лѣстницу. Коли вы найдете кого въ передней, то вы спросите, дома ли Графиня. Вамъ скажутъ нѣтъ — и дѣлать нечего, вы должны будете воротиться. Но, вѣроятно, вы не встрѣтите никого. Дѣвушки сидятъ у себя, всѣ въ одной комнатѣ. Изъ передней ступайте на лѣво, идите все прямо до графининой спальни. Въ спальнѣ за ширмами увидите двѣ маленькія двери: справа въ кабинетъ, куда графиня никогда не входитъ; слѣва въ коридоръ, и тутъ же узенькая витая лѣстница: она ведетъ въ мою комнату.»

Германнъ трепеталъ, какъ тигръ, ожидая назначеннаго времени. Въ десять часовъ вечера онъ ужъ стоялъ передъ домомъ графини. Погода была ужасная: вѣтеръ вылъ, мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; фонари свѣтились тускло; улицы были пусты. Изрѣдка тянулся Ванька на тощей клячѣ своей, высматривая запоздалаго сѣдока. Германнъ стоялъ въ одномъ сюртукѣ, не чувствуя ни вѣтра, ни снѣга. Наконецъ графинину карету подали. Германнъ видѣлъ, какъ лакеи вынесли подъ руки сгорбленную ста-

lib.pushkinskijdom.ru

руху, укутанную въ соболью шубу, и какъ вслѣдъ за нею, въ холодномъ плащѣ, съ головой, убранною свѣжими цвѣтами, мелькнула ея воспитанница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покатилась по рыхлому снѣгу. Швейцаръ заперъ двери. Окна померкли. Германнъ сталъ ходить около опустѣвшаго дома; онъ подошелъ къ фонарю, взглянулъ на часы: было двадцать минутъ двенадцатаго. Онъ остался подъ фонаремъ, устремивъ глаза на часовую стрѣлку и выжидая остальныя минуты. Ровно въ половинѣ двенадцатаго Германнъ ступилъ на графинино крыльцо и взошелъ въ яркоосвѣщенныя сѣни. Швейцара не было. Германнъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, отворилъ двери въ переднюю и увидалъ слугу, спящаго подъ лампою, въ старинныхъ, запачканныхъ креслахъ. Легкимъ и твердымъ шагомъ Германнъ прошелъ мимо его. Зала и гостиная были темны. Лампа слабо освѣщала ихъ изъ передней. Германнъ вошелъ въ спальню. Передъ кивотомъ, наполненнымъ старинными образами, теплилась золотая лампадка. Полинялыя штофныя кресла и диваны съ пуховыми подушками, съ сошедшей позолотою, стояли въ печальной симметріи около стѣнъ, обитыхъ китайскими обоями. На стѣнѣ висѣли два портрета, писанные въ Парижѣ M-me LeBrun. Одинъ изъ нихъ изображалъ мущину лѣтъ сорока, румянаго и полнаго, въ свѣтлозеленомъ мундирѣ и со звѣздою; другой — молодую красавицу съ орлинымъ носомъ, съ зачесанными висками и съ розою въ пудренныхъ волосахъ. По всѣмъ угламъ торчали фарфоровыя пастушки, столовые часы работы славнаго Leroy, коробочки, рулетки, вѣера и разныя дамскія игрушки, изобрѣтенныя въ концѣ минувшаго столѣтія вмѣстѣ въ Монгольфьеровымъ шаромъ и Месмеровымъ магнетизмомъ. Германнъ пошелъ за ширмы. За ними стояла маленькая желѣзная кровать; справа находилась дверь, ведущая въ кабинетъ; слѣва — другая, въ коридоръ. Германнъ ее отворилъ, увидѣлъ узкую, витую лѣстницу, которая вела въ комнату бѣдной воспитанницы.... Но онъ воротился и вошелъ въ темный кабинетъ.

Время шло медленно. Все было тихо. Въ гостиной пробило двенадцать, и все умолкло опять. Германнъ стоялъ, присло-

lib.pushkinskijdom.ru

нясь къ холодной печкѣ. Онъ былъ спокоенъ; сердце его билось ровно, какъ у человѣка, рѣшившагося на что нибудь опасное, но необходимое. Часы пробили первый и второй часъ утра, и онъ услышалъ дальній стукъ кареты. Невольное волненіе овладѣло имъ. Карета подъѣхала и остановилась. Онъ услышалъ стукъ опускаемой подножки. Въ домѣ засуетились. Люди побѣжали, раздались голоса, и домъ освѣтился. Въ спальню вбѣжали три старыя горничныя, и графиня, чуть живая, вошла и опустилась въ вольтеровы кресла. Германнъ глядѣлъ въ щелку: Лизавета Ивановна прошла мимо его. Германнъ услышалъ ея торопливые шаги по ступенямъ ея лѣстницы. Въ сердцѣ его отозвалось нѣчно похожее на угрызеніе совѣсти и снова умолкло. Онъ окаменѣлъ.

Графиня стала раздѣваться передъ зеркаломъ. Откололи съ нея чепецъ, украшенный розами; сняли напудренный парикъ съ ея сѣдой и плотно остриженой головы. Булавки дождемъ сыпались около нея. Желтое платье, шитое серебромъ, упало къ ея распухлымъ ногамъ. Германнъ былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ таинствъ ея туалета; наконецъ графиня осталась въ спальной кофтѣ и ночномъ чепцѣ: въ этомъ нарядѣ, болѣе свойственномъ ея старости, она казалась менѣе ужасна и безобразна.

Какъ и вѣ старые люди вообще, графиня страдала безсонницею. Раздѣвшись, она сѣла у окна въ вольтеровы кресла и отослала горничныхъ. Свѣчи вынесли; комната опять освѣтилась одною лампадою. Графиня сидѣла вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь на право и на лѣво. Въ мутныхъ глазахъ ея изображалось совершенное отсутствіе мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качаніе страшной старухи происходило не отъ ея воли, но по дѣйствію скрытаго галванизма.

Вдругъ это мертвое лицо измѣнилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: передъ графинею стоялъ незнакомый мущина.

— Не пугайтесь, ради Бога, не пугайтесь! сказалъ онъ внятнымъ и тихимъ голосомъ. Я не имѣю намѣренія вредить вамъ; я пришелъ умолять васъ объ одной милости.

lib.pushkinskijdom.ru

Старуха молча смотрѣла на него и, казалось, его не слыхала. Германнъ вообразилъ, что она глуха, и, наклонясь надъ самымъ ея ухомъ, повторилъ ей то же самое. Старуха молчала попрежнему.

— Вы можете, продолжалъ Германнъ: составить счастіе моей жизни, и оно ничего не будетъ вамъ стоить: я знаю, что вы можете угадать три карты сряду....

Германнъ остановился. Графиня, казалось, поняла, чего отъ нея требовали; казалось, она искала словъ для своего отвѣта.

«Это была шутка», сказала она наконецъ: «клянусь вамъ, это была шутка!»

— Этимъ нечего шутить, возразилъ сердито Германнъ. Вспомните Чаплинскаго, которому помогли вы отыграться.

Графиня видимо смутилась. Черты ея изобразили сильное движеніе души; но она скоро впала въ прежнюю безчувственность.

— Можете ли вы, продолжалъ Германнъ, назначить мнѣ эти три вѣрныя карты?

Графиня молчала; Германнъ продолжалъ:

— Для кого вамъ беречь вашу тайну? Для внуковъ? Они богаты и безъ того; они же не знаютъ и цѣны деньгамъ. Моту не помогутъ ваши три карты. Кто не умѣетъ беречь отцовское наслѣдство, тотъ все-таки умретъ въ нищетѣ, несмотря ни на какія демонскія усилія. Я не мотъ; я знаю цѣну деньгамъ. Ваши три карты для меня не пропадутъ. Ну!...

Онъ остановился и съ трепетомъ ожидалъ ея отвѣта. Графиня молчала; Германнъ сталъ на колѣни.

— Если когда нибудь, сказалъ онъ: сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ея восторги, если вы хоть разъ улыбнулись при плачѣ новорожденнаго сына, если что нибудь человѣческое билось когда нибудь въ груди вашей, то умоляю васъ чувствами супруги, любовницы, матери, всѣмъ, что ни есть святаго въ жизни, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ! откройте мнѣ вашу тайну! что вамъ въ ней?... Можетъ быть, она сопряжена съ ужаснымъ грѣхомъ, съ пагубою вѣчнаго блаженства, съ дьявольскимъ договоромъ.... Подумайте: вы стары;

lib.pushkinskijdom.ru

жить вамъ ужъ недолго — я готовъ взять грѣхъ вашъ на свою душу. Откройте мнѣ только вашу тайну. Подумайте, что счастіе человѣка находится въ вашихъ рукахъ ; что не только я, но дѣти мои , внуки и правнуки благословятъ вашу память и будутъ ее чтить, какъ святыню....

Старуха не отвѣчала ни слова.

Германнъ всталъ.

— Старая вѣдьма! сказалъ онъ , стиснувъ зубы : такъ я жъ заставлю тебя отвѣчать....

Съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ.

При видѣ пистолета графиня во второй разъ оказала сильное чувство. Она закивала головою и подняла руку, какъ бы заслоняясь отъ выстрѣла... потомъ покатилась навзничь... и осталась недвижима.

— Перестаньте ребячиться, сказалъ Германнъ, взявъ ея руку. Спрашиваю въ послѣдній разъ : хотите ли назначить мнѣ ваши три карты? да или нѣтъ?

Графиня не отвѣчала. Германнъ увидѣлъ, что она умерла.

IV.

7 Mai 18.**

Homme sans moeurs et sans religion!

Переписка.

Лизавета Ивановна сидѣла въ своей комнатѣ, еще въ бальномъ своемъ нарядѣ, погруженная въ глубокія размышленія. Пріѣхавъ домой , она спѣшила отослать заспанную дѣвку, нехотя предлагавшую ей свою услугу, сказала, что раздѣнется сама, и съ трепетомъ вошла къ себѣ, надѣясь найти тамъ Германна и желая не найти его. Съ перваго взгляда она удостовѣрилась въ его отсутствіи и благодарила судьбу за препятствіе , помѣшавшее ихъ свиданію. Она сѣла , не раздѣваясь , и стала припоминать всѣ обстоятельства, въ такое короткое время и такъ далеко ее завлекшія. Не прошло трехъ недѣль съ той поры, какъ она въ первый

lib.pushkinskijdom.ru

разъ увидѣла въ окошко молодаго человѣка, и уже она была съ нимъ въ перепискѣ, и онъ успѣлъ вытребовать отъ нея ночное свиданіе! Она знала имя его, потому только, что нѣкоторые изъ его писемъ были имъ подписаны; никогда съ нимъ не говорила, не слыхала его голоса, никогда о немъ не слыхала.... до самаго сего вечера. Странное дѣло! Въ самый тотъ вечеръ, на балѣ, Томскій, дуясь на молодую княжну Полину ***, которая, противъ обыкновенія, кокетничала не съ нимъ, желалъ отомстить, оказывая равнодушіе: онъ позвалъ Елизавету Ивановну и танцовалъ съ нею безконечную мазурку. Во все время шутилъ онъ надъ ея пристрастіемъ къ инженернымъ офицерамъ, увѣрялъ, что онъ знаетъ гораздо болѣе, нежели можно было ей предполагать, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были такъ удачно направлены, что Лизавета Ивановна думала нѣсколько разъ, что ея тайна была ему извѣстна.

— Отъ кого вы все это знаете? спросила она, смѣясь.

«Отъ пріятеля извѣстной вамъ особы», отвѣчалъ Томскій: «человѣка очень замѣчательнаго!»

— Кто жъ этотъ замѣчательный человѣкъ?

«Его зовутъ Германномъ.»

Лизавета Ивановна не отвѣчала ничего; но ея руки и ноги поледенѣли....

«Этотъ Германнъ», продолжалъ Томскій: «лице истинно романическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совѣсти по крайней мѣрѣ три злодѣйства. Какъ вы поблѣднѣли!...»

— У меня голова болитъ... Что же говорилъ вамъ Германнъ... или какъ бишь его?...

«Германнъ очень недоволенъ своимъ пріятелемъ: онъ говоритъ, что на его мѣстѣ онъ поступилъ бы совсѣмъ иначе.... Я даже полагаю, что Германнъ самъ имѣетъ на васъ виды; по крайней мѣрѣ онъ очень неравнодушно слушаетъ влюбленныя восклицанія своего пріятеля.»

— Да гдѣ жъ онъ меня видѣлъ?

lib.pushkinskijdom.ru

«Въ церкви, можетъ быть, на гуляньѣ!... Богъ его знаетъ! можетъ быть, въ вашей комнатѣ, во время вашего сна: отъ него станетъ....»

Подошедшія къ нимъ три дамы съ вопросами: «oubli ou regret?» прервали разговоръ, который становился мучительно любопытенъ для Лизаветы Ивановны.

Дама, выбранная Томскимъ, была сама княжна ***. Она успѣла съ нимъ изъясниться, обѣжавъ лишній кругъ и лишній разъ повертѣвшись передъ своимъ стуломъ. Томскій, возвратясь на свое мѣсто, уже не думалъ ни о Германнѣ, ни о Лизаветѣ Ивановнѣ. Она непремѣнно хотѣла возобновить прерванный разговоръ; но мазурка кончилась, и вскорѣ послѣ старая графиня уѣхала.

Слова Томскаго были не что иное, какъ мазурочная болтовня; но они глубоко заронились въ душу молодой мечтательницы. Портретъ, набросанный Томскимъ, сходствовалъ съ изображеніемъ, составленнымъ ею самою, и, благодаря новѣйшимъ романамъ, это уже пошлое лице пугало и плѣняло ея воображеніе. Она сидѣла, сложа крестомъ голыя руки, наклонивъ на открытую грудь голову, еще убранную цвѣтами.... Вдругъ дверь отворилась, и Германнъ вошелъ. Она затрепетала....

— Гдѣ же вы были? спросила она испуганнымъ шепотомъ.

«Въ спальнѣ у старой графини», отвѣчалъ Германнъ: «я сейчасъ отъ нея. Графиня умерла.»

— Боже мой!... что вы говорите?...

«И кажется», продолжалъ Германнъ: «я причиною ея смерти.»

Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томскаго раздались въ ея душѣ: *у этого человѣка по крайней мѣрѣ три злодѣйства на душѣ!* Германнъ сѣлъ на окошко подлѣ нея и все разсказалъ.

Лизавета Ивановна выслушала его съ ужасомъ. И такъ, эти страстныя письма, эти пламенныя требованія, это дерзкое, упорное преслѣдованіе, — все это было не любовь! Деньги — вотъ чего алкала его душа! Не она могла утолить его желанія и

lib.pushkinskijdom.ru

осчастливить его! Бѣдная воспитанница была не что иное, какъ слѣпая помощница разбойника, убійцы старой ея благодѣтельницы!... Горько заплакала она, въ позднемъ, мучительномъ своемъ раскаяніи. Германнъ смотрѣлъ на нее молча: сердце его также терзалось; но ни слезы бѣдной дѣвушки, ни удивительная прелесть ея горести не тревожили суровой души его. Онъ не чувствовалъ угрызенія совѣсти при мысли о мертвой старухѣ. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, отъ которой ожидалъ обогащенія.

— Вы чудовище! сказала наконецъ Лизавета Ивановна.

«Я не хотѣлъ ея смерти», отвѣчалъ Германнъ: «пистолетъ мой не заряженъ.»

Они замолчали.

Утро наступало. Лизавета Ивановна погасила догорающую свѣчу: блѣдный свѣтъ озарилъ ея комнату. Она отерла заплаканные глаза и подняла ихъ на Германна: онъ сидѣлъ на окошкѣ, сложа руки и грозно нахмурясь. Въ этомъ положеніи удивительно напоминалъ онъ портретъ Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну.

— Какъ вамъ отъ меня выйти изъ дому? сказала наконецъ Лизавета Ивановна. Я думала провести васъ по потаенной лѣстницѣ; но надобно идти мимо спальни, а я боюсь.

«Разскажите мнѣ, какъ найти эту потаенную лѣстницу; я выйду.»

Лизавета Ивановна встала, вынула изъ комода ключъ, вручила его Германну и дала ему подробное наставленіе. Германнъ пожалъ ея холодную, безотвѣтную руку, поцѣловалъ ея наклоненную голову и вышелъ.

Онъ спустился внизъ по витой лѣстницѣ и вошелъ опять въ спальню графини. Мертвая старуха сидѣла, окаменѣвъ; лице ея выражало глубокое спокойствіе. Германнъ остановился передъ нею, долго смотрѣлъ на нее, какъ бы желая удостовѣриться въ ужасной истинѣ; наконецъ вошелъ въ кабинетъ, ощупалъ за обоями дверь и сталъ сходить по темной лѣстницѣ, волнуемый

lib.pushkinskijdom.ru

странными чувствованіями. «По этой самой лѣстницѣ — думалъ онъ — можетъ быть, лѣтъ шестьдесятъ назадъ, въ эту самую спальню, въ такой же часъ, въ шитомъ кафтанѣ, причесанный à l'oiseau royal, прижимая къ сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливецъ, давно уже истлѣвшій въ могилѣ; а сердце престарѣлой его любовницы сегодня перестало биться....»

Подъ лѣстницею Германнъ нашелъ дверь, которую отперъ тѣмъ же ключемъ, и очутился въ сквозномъ коридорѣ, выведшемъ его на улицу.

V.

Въ эту ночь явилась ко мнѣ покойница баронесса фонъ-В***. Она была вся въ бѣломъ и сказала мнѣ. «Здравствуйте, господинъ совѣтникъ!»

Сведенборгъ.

Три дня послѣ роковой ночи, въ девять часовъ утра, Германнъ отправился въ *** монастырь, гдѣ должны были отпѣвать тѣло усопшей графини. Не чувствуя раскаянія, онъ не могъ, однако, совершенно заглушить голосъ совѣсти, твердившей ему: ты убійца старухи! Имѣя мало истинной вѣры, онъ имѣлъ множество предразсудковъ. Онъ вѣрилъ, что мертвая графиня могла имѣть вредное вліяніе на его жизнь, и рѣшился явиться на ея похороны, чтобы испросить у ней прощенія.

Церковь была полна. Германнъ насилу могъ пробраться сквозь толпу народа. Гробъ стоялъ на богатомъ катафалкѣ подъ бархатнымъ балдахиномъ. Усопшая лежала въ немъ, съ руками, сложенными на груди, въ кружевномъ чепцѣ и въ бѣломъ атласномъ платьѣ. Кругомъ стояли ея домашніе: слуги въ черныхъ кафтанахъ, съ гербовыми лентами на плечѣ и со свѣчами въ рукахъ; родственники въ глубокомъ траурѣ — дѣти, внуки и правнуки. Никто не плакалъ; слезы были бы — une affectation. Графиня такъ была стара, что смерть ея никого не могла поразить, и что

lib.pushkinskijdom.ru

родственники ея давно смотрѣли на нее, какъ на отжившую. Славный проповѣдникъ произнесъ надгробное слово. Въ простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ представилъ онъ мирное успеніе праведницы, которой долгіе годы были тихимъ, умилительнымъ приготовленіемъ къ Христіанской кончинѣ. «Ангелъ смерти обрѣлъ ее, сказалъ ораторъ, бодрствующую въ помышленіяхъ благихъ и въ ожиданіи жениха полунощнаго.» Служба совершилась съ печальнымъ приличіемъ. Родственники первые пошли прощаться съ тѣломъ. Потомъ двинулись и многочисленные гости, пріѣхавшіе поклониться той, которая такъ давно была участницею въ ихъ суетныхъ увеселеніяхъ. Послѣ нихъ и всѣ домашніе. Наконецъ приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Двѣ молодыя дѣвушки вели ее подъ руки. Она не въ силахъ была поклониться до земли — и одна пролила нѣсколько слезъ, поцѣловавъ холодную руку госпожи своей. Послѣ нея Германнъ рѣшился подойти ко гробу. Онъ поклонился въ землю и нѣсколько минутъ лежалъ на холодномъ полу, усыпанномъ ельникомъ; наконецъ приподнялся, блѣденъ какъ сама покойница, взошелъ на ступени катафалка и наклонился.... Въ эту минуту показалось ему, что мертвая насмѣшливо взглянула на него, прищуривая однимъ глазомъ. Германнъ, поспѣшно подавшись назадъ, оступился и навзничь грянулся объ земь. Его подняли. Въ то же самое время Лизавету Ивановну вынесли въ обморокѣ на паперть. Этотъ эпизодъ возмутилъ на нѣсколько минутъ торжественность мрачнаго обряда. Между посѣтителями поднялся глухой ропотъ, а худощавый каммергеръ, близкій родственникъ покойницы, шепнулъ на ухо стоящему подлѣ него Англичанину, что молодой офицеръ ея побочный сынъ, на что Англичанинъ отвѣчалъ холодно: Oh!

Цѣлый день Германнъ былъ чрезвычайно разстроенъ. Обѣдая въ уединенномъ трактирѣ, онъ, противъ обыкновенія своего, пилъ очень много, въ надеждѣ заглушить внутреннее волненіе. Но вино еще болѣе горячило его воображеніе. Возвратясь домой, онъ бросился, не раздѣваясь, на кровать и крѣпко заснулъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Онъ взглянулъ на часы: было безъ четверти три. Сонъ у него прошелъ; онъ сѣлъ на кровать и думалъ о похоронахъ старой графини.

Въ это время, кто-то съ улицы взглянулъ къ нему въ окошко и тотчасъ отошелъ. Германнъ не обратилъ на то никакого вниманія. Чрезъ минуту услышалъ онъ, что отпирали дверь въ передней комнатѣ. Германнъ думалъ, что денщикъ его, пьяный по своему обыкновенію, возвращался съ ночной прогулки. Но онъ услышалъ незнакомую походку: кто-то ходилъ, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась: вошла женщина въ бѣломъ платьѣ. Германнъ принялъ ее за свою старую кормилицу и удивился, что могло привести ее въ такую пору. Но бѣлая женщина, скользнувъ, очутилась вдругъ передъ нимъ — и Германнъ узналъ графиню!

— Я пришла къ тебѣ противъ своей воли, сказала она твердымъ голосомъ: но мнѣ велѣно исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и тузъ выиграютъ тебѣ сряду, но съ тѣмъ, чтобы ты въ сутки болѣе одной карты не ставилъ, и чтобъ во всю жизнь уже послѣ не игралъ. Прощаю тебѣ мою смерть, съ тѣмъ, чтобъ ты женился на моей воспитанницѣ Лизаветѣ Ивановнѣ....

Съ этимъ словомъ она тихо повернулась, пошла къ дверямъ и скрылась, шаркая туфлями. Германнъ слышалъ, какъ хлопнула дверь въ сѣняхъ, и увидѣлъ, что кто-то опять поглядѣлъ къ нему въ окошко.

Германъ долго не могъ опомниться. Онъ вышелъ въ другую комнату. Денщикъ его спалъ на полу; Германнъ насилу его добудился. Денщикъ былъ пьянъ по обыкновенію: отъ него нельзя было добиться никакого толку. Дверь въ сѣни была заперта. Германнъ возвратился въ свою комнату, засвѣтилъ свѣчку и записалъ свое видѣніе.

lib.pushkinskijdom.ru

VI.

«Ат∂нде!»
— Какъ вы смѣли мнѣ сказать ат∂нде? — «Ваше Превосходительство, я сказалъ ат∂нде-съ!»

Двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной природѣ, такъ же, какъ два тѣла не могутъ въ физическомъ мірѣ занимать одно и то же мѣсто. Тройка, семерка, тузъ скоро заслонили въ воображеніи Германна образъ мертвой старухи. Тройка, семерка, тузъ не выходили изъ его головы и шевелились на его губахъ. Увидѣвъ молодую дѣвушку, онъ говорилъ: «какъ она стройна! настоящая тройка червонная.» У него спрашивали: «который часъ?», онъ отвѣчалъ: «безъ пяти минутъ семерка.» Всякій пузастый мущина напоминалъ ему туза. Тройка, семерка, тузъ преслѣдовали его во снѣ, принимая всѣ возможные виды; тройка цвѣла передъ нимъ въ образѣ пышнаго грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, тузъ — огромнымъ паукомъ. Всѣ мысли его слились въ одну — воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила. Онъ сталъ думать объ отставкѣ и о путешествіи. Онъ хотѣлъ въ открытыхъ игрецкихъ домахъ Парижа вынудить кладъ у очарованной фортуны. Случай избавилъ его отъ хлопотъ.

Въ Москвѣ составилось общество богатыхъ игроковъ, подъ предсѣдательствомъ славнаго Чекалинскаго, проведшаго весь вѣкъ за картами и нажившаго нѣкогда милліоны, выигрывая векселя и проигрывая чистыя деньги. Долговременная опытность заслужила ему довѣренность товарищей, а открытый домъ, славный поваръ, ласковость и веселость пріобрѣли уваженіе публики. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Молодежь къ нему нахлынула, забывая балы для картъ и предпочитая соблазны фараона обольщеніямъ волокитства. Нарумовъ привезъ къ нему Германна.

Они прошли рядъ великолѣпныхъ комнатъ, наполненныхъ учтивыми офиціантами. Всѣ были полны народу. Нѣсколько Генераловъ и Тайныхъ Совѣтниковъ играли въ вистъ; молодые люди

lib.pushkinskijdom.ru

сидѣли развалясь на штофныхъ диванахъ, ѣли мороженое и курили трубки. Въ гостиной, за длиннымъ столомъ, около котораго тѣснились человѣкъ двадцать игроковъ, сидѣлъ хозяинъ и металъ банкъ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, самой почтенной наружности; голова покрыта серебряной сѣдиною; полное и свѣжее лице изображало добродушіе; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою. Нарумовъ представилъ ему Германна. Чекалинскій дружески пожалъ ему руку, просилъ не церемониться и продолжалъ метать.

Талья длилась долго. На столѣ стояло болѣе тридцати картъ. Чекалинскій останавливался послѣ каждой прокидки, чтобы дать играющимъ время распорядиться, записывалъ проигрышъ, учтиво вслушивался въ ихъ требованія, еще учтивѣе отгибалъ лишній уголъ, загибаемый разсѣянною рукою. Наконецъ талья кончилась. Чекалинскій стасовалъ карты и приготовился метать другую.

— Позвольте поставить карту, сказалъ Германнъ, протягивая руку изъ-за толстаго господина, тутъ же понтировавшаго.

Чекалинскій улыбнулся и поклонился молча, въ знакъ покорнаго согласія. Нарумовъ, смѣясь, поздравилъ Германна съ разрѣшеніемъ долговременнаго поста и пожелалъ ему счастливаго начала.

— Идетъ! сказалъ Германнъ, надписавъ мѣломъ кушъ надъ своею картою.

«Сколько-съ?» спросилъ, прищуриваясь, банкометъ: «извините-съ, я не разгляжу.»

— Сорокъ семь тысячь, отвѣчалъ Германнъ.

При этихъ словахъ, всѣ головы обратились мгновенно, и всѣ глаза устремились на Германна.

«Онъ съ ума сошелъ!» подумалъ Нарумовъ.

«Позвольте замѣтить вамъ», сказалъ Чекалинскій съ неизмѣнной своею улыбкой, что игра ваша сильна: никто болѣе двухъ сотъ семидесяти пяти семпелемъ здѣсь еще не ставилъ.»

— Что жъ? возразилъ Германнъ: бьете вы мою карту, или нѣтъ?

lib.pushkinskijdom.ru

Чекалинскій поклонился съ видомъ того же смиреннаго согласія.

«Я хотѣлъ только вамъ доложить», сказалъ онъ, что, будучи удостоенъ довѣренности товарищей, я не могу метать иначе, какъ на чистыя деньги. Съ моей стороны, я, конечно, увѣренъ, что довольно вашего слова, но, для порядка игры и счетовъ, прошу васъ поставить деньги на карту.

Германнъ вынулъ изъ кармана банковый билетъ и подалъ его Чекалинскому, который, бѣгло посмотрѣвъ его, положилъ на Германнову карту.

Онъ сталъ метать. Направо легла девятка, налѣво тройка.

— Выиграла! сказалъ Германнъ, показывая свою карту.

Между игроками поднялся шопотъ. Чекалинскій нахмурился; но улыбка тотчасъ возвратилась на его лице.

«Изволите получить?» спросилъ онъ Германна.

— Сдѣлайте одолженіе.

Чекалинскій вынулъ изъ кармана нѣсколько банковыхъ билетовъ и тотчасъ разсчелся. Германнъ принялъ свои деньги и отошелъ отъ стола. Нарумовъ не могъ опомниться. Германнъ выпилъ стаканъ лимонаду и отправился домой.

На другой день вечеромъ, онъ опять явился у Чекалинскаго. Хозяинъ металъ. Германнъ подошелъ къ столу; понтеры тотчасъ дали ему мѣсто. Чекалинскій ласково ему поклонился.

Германнъ дождался новой тальи, поставилъ карту, положивъ на нее свои 47,000 и вчерашній выигрышъ.

Чекалинскій сталъ метать. Валетъ вышелъ на право, семерка на лѣво.

Германнъ открылъ семерку.

Всѣ ахнули. Чекалинскій видимо смутился. Онъ отсчиталъ 94,000 и передалъ Германну. Германнъ принялъ ихъ съ хладнокровіемъ и въ ту же минуту удалился.

Въ слѣдующій вечеръ Германнъ явился опять у стола. Всѣ его ожидали; Генералы и Тайные Совѣтники оставили свой вистъ, чтобъ видѣть игру, столь необыкновенную. Молодые офицеры соскочили съ диванов; всѣ офиціанты собрались въ гостиной. Всѣ

lib.pushkinskijdom.ru

обступили Германна. Прочіе игроки не поставили своихъ картъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, чѣмъ онъ кончитъ. Германнъ стоялъ у стола, готовясь одинъ понтировать противу блѣднаго, но все улыбающагося Чекалинскаго. Каждый распечаталъ колоду картъ. Чекалинскій стасовалъ. Германнъ снялъ и поставилъ свою карту, покрывъ ее кипой банковыхъ билетовъ. Это похоже было на поединокъ. Глубокое молчаніе царствовало кругомъ.

Чекалинскій сталъ метать, руки его тряслись. На право легла дама, на лѣво тузъ.

— Тузъ выигралъ! сказалъ Германнъ и открылъ свою карту.

«Дама ваша убита», сказалъ ласково Чекалинскій.

Германнъ вздрогнулъ: въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто туза у него стояла пиковая дама. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, не понимая, какъ могъ онъ обдернуться.

Въ эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмѣхнулась. Необыкновенное сходство поразило его....

— Старуха! закричалъ онъ въ ужасѣ.

Чекалинскій потянулъ къ себѣ проигранные билеты. Германнъ стоялъ неподвижно. Когда отошелъ онъ отъ стола, поднялся шумный говоръ. «Славно спонтировалъ!» говорили игроки. Чекалинскій снова стасовалъ карты: игра пошла своимъ чередомъ.

Заключеніе.

Германнъ сошелъ съ ума. Онъ сидитъ въ Обуховской больницѣ въ 17 нумерѣ, не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы и бормочетъ необыкновенно скоро: «Тройка, семерка, тузъ! Тройка, семерка, дама!...»

Лизавета Ивановна вышла замужъ за очень любезнаго молодаго человѣка; онъ гдѣ-то служитъ и имѣетъ порядочное состояніе: онъ сынъ бывшаго управителя у старой графини. У Лизаветы Ивановны воспитывается бѣдная родственница.

Томскій произведенъ въ Ротмистры и женился на княжнѣ Полинѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

VIII.

ОТРЫВОКЪ.

(1835.)

—

Несмотря на великія преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кромѣ права ставить винительный падежъ вмѣсто родительнаго послѣ частицы *не*, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за нашими стихотворцами не вѣдаемъ), какъ бы то ни было, несмотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большимъ невыгодамъ и непріятностямъ. Не говорю о ихъ обыкновенномъ гражданскомъ ничтожествѣ и бѣдности, вошедшей въ пословицу; о зависти и клеветѣ братіи, коихъ они дѣлаются жертвами, если они въ славѣ; о презрѣніи и насмѣшкахъ, со всѣхъ сторонъ падающихъ на нихъ, если произведенія ихъ не нравятся. Но, кажется, что̀ можетъ сравниться съ несчастіемъ для нихъ неизбѣжнымъ, — разумѣемъ сужденія глупцовъ? Однакожъ, и это горе, какъ оно ни велико, не есть крайнимъ еще для нихъ. Зло, самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца, есть его званіе, прозвище, коимъ онъ заклейменъ и которое никогда его не покидаетъ. Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность, считаетъ себя вправѣ требовать отъ

lib.pushkinskijdom.ru

него отчета въ малѣйшемъ шагѣ. По ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея удовольствія и дышетъ для того только, чтобъ подбирать рифмы. Требуютъ ли обстоятельства присутствія его въ деревнѣ — при возвращеніи его, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего нибудь новаго? Явится ль онъ въ армію, чтобъ взглянуть на друзей и родственниковъ — публика требуетъ непремѣнно отъ него поэмы на послѣднюю побѣду, и газетчики сердятся, почему долго заставляетъ онъ себя ждать. Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ, о предположеніи семейственномъ, о болѣзни милаго ему человѣка — тотчасъ уже пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: «вѣрно изволитъ сочинять!» Влюбится ли онъ — красавица его нарочно покупаетъ себѣ альбомъ и ждетъ ужъ элегіи. Пріѣдетъ ли онъ къ сосѣду поговорить о дѣлѣ или просто для развлеченія отъ трудовъ — сосѣдъ кличетъ своего сынка и заставляетъ мальчика читать стихи *такого-то*, и мальчишка самымъ жалостнымъ голосомъ пронзаетъ стихотворца его жъ изуродованными стихами. А это еще называется торжествомъ! Каковы жъ должны быть слѣдствія неудачъ? Не знаю; но послѣднія легче, кажется, переносить. По крайней мѣрѣ одинъ изъ моихъ пріятелей, извѣстный стихотворецъ, признавался, что сіи привѣтствія, вопросы, альбомы и мальчишки до такой степени бѣсили его, что поминутно принужденъ онъ былъ удерживаться отъ какой нибудь грубости и твердить себѣ, что эти добрые люди не имѣли, вѣроятно, намѣренія вывести его изъ терпѣнія. Мой пріятель былъ самый простой и обыкновенный человѣкъ, хотя и стихотворецъ. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе), то онъ запирался въ своей комнатѣ и писалъ въ постели съ утра до поздняго вечера, одѣвался наскоро, чтобъ пообѣдать въ рестораціи, выѣзжалъ часа на три; возвратившись, опять ложился въ постелю и писалъ до пѣтуховъ. Это продолжалось у него недѣли двѣ-три, много мѣсяцъ, и случалось единожды въ годъ, всегда осенью. Пріятель мой увѣрялъ меня, что онъ только тогда и зналъ истинное счастіе; остальное время года онъ гулялъ, читая мало и не сочиняя ничего, и слыша поминутно неизбѣжный во-

lib.pushkinskijdom.ru

просъ: скоро ли вы насъ подарите новымъ произведеніемъ пера вашего? Долго дожидалась бы почтеннѣйшая публика подарковъ отъ моего пріятеля, если бъ книгопродавцы не платили ему довольно дорого за его стихи. Имѣя поминутно нужду въ деньгахъ, пріятель мой печаталъ свои сочиненія и имѣлъ удовольствіе потомъ читать о нихъ печатныя сужденія (см. выше), что называлъ онъ въ своемъ энергическомъ простонарѣчіи — подслушивать у кабака, что говорятъ объ насъ холопья.

Пріятель мой происходилъ отъ одного изъ древнѣйшихъ дворянскихъ нашихъ родовъ, чѣмъ и тщеславился со всевозможнымъ добродушіемъ. Онъ столько же дорожилъ тремя строчками лѣтописца, въ коихъ упомянуто было о предкѣ его, какъ модный камеръ-юнкеръ тремя звѣздами двоюроднаго своего дяди. Будучи бѣденъ, какъ почти и все наше старинное дворянство, онъ, подымая носъ, увѣрялъ, что никогда не женится, или возьметъ за себя княжну, именно одну изъ княженъ Елецкихъ, коихъ отцы и братья, какъ извѣстно, нынѣ запашутъ сами и, встрѣчаясь другъ съ другомъ на своихъ бороздахъ, стряхаютъ сохи и говорятъ: «Богъ помочь, князь Антипъ! сколько твое княжое здоровье сегодня напахало?» — Спасибо, князь Ерема Авдеевичъ. — Кромѣ этой маленькой слабости, которую, впрочемъ, относимъ мы къ желанію подражать лорду Байрону, продававшему также очень хорошо свои стихотворенія, пріятель мой былъ человѣкъ круглый, un homme tout rond, какъ говорятъ Французы, homo quadratus, человѣкъ четыре-угольный, по выраженію Латинскому, — по нашему, очень хорошій человѣкъ.

Онъ не любилъ общества своей братьи-литераторовъ. Онъ, кромѣ весьма немногихъ, находилъ въ нихъ слишкомъ много притязаній, у однихъ на колкость ума, у другихъ на пылкость воображенія, у третьихъ на чувствительность, у четвертыхъ на меланхолію, на разочарованность, на глубокомысліе, на филантропію, на мизантропію, иронію и проч. Иные казались ему скучными по своей глупости; другіе несносными по своему тону; третьи гадкими по своей подлости; четвертые опасными по своему двойному ремеслу; вообще слишкомъ самолюбивыми

lib.pushkinskijdom.ru

и занятыми исключительно собою, да своими сочиненіями. Онъ предпочиталъ имъ общество женщинъ и свѣтскихъ людей, которые, видя его ежедневно, переставали съ нимъ чиниться и избавляли его отъ разговоровъ о литературѣ и отъ извѣстнаго вопроса: «не написали ли вы чего нибудь новенькаго?»

Мы распространились о нашемъ пріятелѣ по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что онъ есть единственный литераторъ, съ которымъ удалось намъ коротко познакомиться; во вторыхъ, что повѣсть, предлагаемая нынѣ читателю, слышана нами отъ него.

lib.pushkinskijdom.ru

IX.

ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ.

(1835.)

—

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Quel est cet homme?» Ha, c'est un bien grand talent: il fait de sa voix tout ce qu'il veut. «Il devrait bien, madame, s'en faire une culotte.»

Чарскій былъ одинъ изъ коренныхъ жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лѣтъ; онъ не былъ женатъ; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывшій Вице-Губернаторомъ въ хорошее время, оставилъ ему порядочное имѣніе. Жизнь его была очень пріятна; но онъ имѣлъ несчастіе писать и печатать стихи. Въ журналахъ звали его поэтомъ, а въ лакейскихъ сочинителемъ.

Несмотря на великія преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кромѣ права ставить винительный падежъ вмѣсто родительнаго и еще кой какихъ, такъ называемыхъ, поэтическихъ вольностей, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за Русскими стихотворцами не вѣдаемъ), какъ бы то ни было, несмотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвер-

lib.pushkinskijdom.ru

жены большимъ невыгодамъ и непріятностямъ. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклейменъ и которое никогда отъ него не отпадаетъ. Публика смотритъ на него какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея *пользы и удовольствія*. Возвратится ли онъ изъ деревни, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего нибудь новенькаго? Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ или о болѣзни милаго ему человѣка, тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: вѣрно что нибудь сочиняетъ! Влюбится ли онъ, красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужъ элегіи. Пріѣдетъ ли онъ къ человѣку, почти съ нимъ незнакомому, поговорить о важномъ дѣлѣ: тотъ уже кличетъ своего сынка и заставляетъ читать стихи такого-то, и мальчишка угощаетъ стихотворца его же изуродованными стихами. А это еще цвѣты ремесла! Каковы же должны быть ягоды? Чарскій признавался, что привѣтствія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоѣдали, что помимутно онъ принужденъ былъ удерживаться отъ какой нибудь грубости.

Чарскій употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя несносное прозвище. Онъ избѣгалъ общества своей братьи-литераторовъ и предпочиталъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ простыхъ; но это не помогало ему. Разговоръ его былъ самый пошлый и никогда не касался литературы. Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ робостію и суевѣріемъ молодаго Москвича, въ первый разъ отъ роду пріѣхавшаго въ Петербургъ. Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя: книги не валялись по столамъ и подъ столами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того безпорядка, который обличаетъ присутствіе музы и отсутствіе метлы и щетки. Чарскій былъ въ отчаяніи, если кто нибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставалъ его съ перомъ въ рукахъ. Трудно повѣрить, до какихъ мелочей могъ доходить человѣкъ, одаренный, впрочемъ, талантомъ и душею. Онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то

lib.pushkinskijdom.ru

отчаяннымъ игрокомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ различить горской породы отъ арабской, никогда не помнилъ козырей и втайнѣ предпочиталъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣтеніямъ Французской кухни. Онъ велъ жизнь самую разсѣянную; торчалъ на всѣхъ балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ обѣдахъ и былъ на всякомъ званомъ вечерѣ такъ же неизбѣжимъ, какъ Резановское мороженое. Однакожъ, онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая *дрянь* (такъ называлъ онъ вдохновеніе), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что только тогда и зналъ истинное счастіе. Остальное время онъ гулялъ, чинясь и притворяясь, и слыша поминутно славный вопросъ: не написали ли вы чего нибудь новенькаго?

Однажды утромъ Чарскій чувствовалъ то благодатное расположеніе духа, когда мечтанія явственно рисуются передъ вами, и вы обрѣтаете живыя, неожиданныя слова для воплощенія ихъ видѣній, когда стихи легко ложатся подъ перо ваше и звучныя риѳмы бѣгутъ на встрѣчу стройной мысли. Чарскій погруженъ былъ душею въ сладостное забвеніе.... и свѣтъ, и мелочи свѣта, и его собственныя причуды для него не существовали. Онъ писалъ стихи.

Вдругъ дверь его кабинета скрыпнула, и незнакомая голова человѣка показалась. Чарскій вздрогнулъ и нахмурился.

«Кто тамъ?» спросилъ онъ съ досадою, проклиная въ душѣ своихъ слугъ, никогда не сидѣвшихъ въ передней.

Незнакомецъ вошелъ. Онъ былъ высокаго росту, худощавъ и казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго его лица были выразительны: блѣдный, высокій лобъ, осѣненный черными клоками волосъ, черные сверкающіе глаза, орлиный носъ и густая борода, окружающая впалыя желтосмуглыя щеки, обличали въ немъ иностранца. На немъ былъ черный фракъ, побѣлѣвшій уже по швамъ; панталоны лѣтнія (хотя на дворѣ стояла уже глубокая осень); подъ истертымъ черномъ галстухомъ на желтоватой манишкѣ блестѣлъ фальшивый алмазъ; шершавая шляпа, казалось,

lib.pushkinskijdom.ru

видала и ведро и ненастье. Встрѣтясь съ этимъ человѣкомъ въ лѣсу, вы приняли бы его за разбойника; въ обществѣ за политическаго заговорщика; въ передней за шарлатана, торгующаго элексирами и мышьякомъ.

«Что вамъ надобно?» спросилъ его Чарскій на Французскомъ языкѣ.

— Signor, отвѣчалъ по-Итальянски иностранецъ съ низкими поклонами: простите меня великодушно, если....

Чарскій не предложилъ ему стула и всталъ самъ; разговоръ продолжался на Итальянскомъ языкѣ.

— Я Итальянскій художникъ, говорилъ незнакомый: обстоятельства принудили меня оставить отечество; я пріѣхалъ въ Россію въ надеждѣ на свой талантъ.

Чарскій подумалъ, что Итальянецъ собирается дать нѣсколько концертовъ на віолончели и развозитъ по домамъ свои билеты. Онъ уже хотѣлъ вручить ему свои двадцать пять рублей и скорѣе отъ него избавиться, но незнакомецъ прибавилъ:

— Надѣюсь, signor, что вы сдѣлаете дружеское вспоможеніе своему собрату и введете меня въ дома, въ которые сами имѣете доступъ.

Невозможно было нанести тщеславію Чарскаго оскорбленія болѣе чувствительнаго. Онъ спѣсиво взглянулъ на того, кто назывался его собратомъ.

«Позвольте спросить, кто вы такой, и за кого вы меня принимаете?» спросилъ онъ, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

Итальянецъ замѣтилъ его досаду.

— Signor, отвѣчалъ онъ, запинаясь: я осмѣлился думать, что.... ваше превосходительство не сочтете дерзостію....

«Что вамъ угодно?» повторилъ сухо Чарскій.

— Я много слыхалъ о вашемъ удивительномъ талантѣ; я увѣренъ, что здѣшніе господа ставятъ за честь оказывать всевозможное покровительство такому превосходному поэту, отвѣчалъ Итальянецъ: и потому я осмѣлился къ вамъ явиться....

«Вы ошибаетесь, signor», прервалъ его Чарскій. «Званіе поэтовъ у насъ не существуетъ. Наши поэты не пользуются покро-

lib.pushkinskijdom.ru

вительствомъ господъ ; наши поэты сами господа , и если наши меценаты (чортъ ихъ побери!) этого не знаютъ , тѣмъ хуже для нихъ. У насъ нѣтъ оборванныхъ аббатовъ , которыхъ музыкантъ бралъ бы съ улицы для сочиненія libretto. У насъ поэты не ходятъ пѣшкомъ изъ дому въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія. Впрочемъ , вѣроятно , вамъ сказали въ шутку, будто я великій стихотворецъ. Правда , я когда-то написалъ нѣсколько плохихъ эпиграммъ ; но , слава Богу, съ господами стихотворцами ничего общаго не имѣю и имѣть не хочу. »

Бѣдный Итальянецъ смутился. Онъ поглядѣлъ вокругъ себя. Картины, мраморныя статуи, бронзы, дорогія игрушки, разставленныя на готическихъ этажеркахъ , поразили его. Онъ понялъ, что между надменнымъ dandy, стоящимъ передъ нимъ въ хохлатой парчевой скуфейкѣ , въ золотистомъ Китайскомъ халатѣ , опоясанномъ Турецкой шалью , и имъ , бѣднымъ кочующимъ артистомъ, въ истертомъ галстухѣ и поношенномъ фракѣ — ничего не было общаго. Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ извиненій, поклонился и хотѣлъ выдти. Жалкій видъ его тронулъ Чарскаго, который , вопреки мелочамъ своего характера , имѣлъ сердце доброе и благородное. Онъ устыдился раздражительности своего самолюбія.

«Куда жъ вы?» сказалъ онъ Итальянцу. «Постойте.... Я долженъ былъ отклонить отъ себя незаслуженное титло и признаться вамъ, что я не поэтъ. Теперь поговоримъ о вашихъ дѣлахъ. Я готовъ вамъ услужить , въ чемъ только будетъ возможно. Вы музыкантъ?»

— Нѣтъ, **Eccelenza** ! отвѣчалъ Итальянецъ : я бѣдный импровизаторъ.

«Импровизаторъ!» вскрикнулъ Чарскій , почувствовавъ всю жестокость своего обхожденія. «Зачѣмъ же вы прежде не сказали, что вы импровизаторъ?» и Чарскій сжалъ ему руку съ чувствомъ искренняго раскаянія.

Дружескій видъ его ободрилъ Итальянца. Онъ простодушно разговорился о своихъ предположеніяхъ. Наружность его не была обманчива. Ему нужны были деньги : онъ надѣялся въ Рос-

lib.pushkinskijdom.ru

сіи кое-какъ поправить свои домашнія обстоятельства. Чарскій выслушалъ его со вниманіемъ.

«Я надѣюсь», сказалъ онъ бѣдному художнику, «что вы будете имѣть успѣхъ: здѣшнее общество никогда еще не слыхало импровизатора. Любопытство будетъ возбуждено. Правда, Итальянскій языкъ у насъ не въ употребленіи: васъ не поймутъ; но это не бѣда; главное, чтобъ вы были въ модѣ.»

— Но если у васъ никто не понимаетъ Итальянскаго языка, сказалъ, призадумавшись, импровизаторъ, кто жъ поѣдетъ меня слушать?

«Поѣдутъ, не опасайтесь, — иные изъ любопытства, другіе, чтобъ провести вечеръ какъ нибудь, третьи, чтобъ показать, что понимаютъ Итальянскій языкъ; повторяю, надобно только, чтобъ вы были въ модѣ; а вы ужъ будете въ модѣ — вотъ вамъ моя рука.»

Чарскій ласково разстался съ импровизаторомъ, взялъ себѣ его адресъ и въ тотъ же вечеръ поѣхалъ за него хлопотать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ.
Державинъ.

На другой день Чарскій въ темномъ и нечистомъ корридорѣ трактира отыскалъ 35-й нумеръ. Онъ остановился у двери и постучался. Вчерашній Итальянецъ отворилъ ее. «Побѣда!» сказалъ ему Чарскій, «ваше дѣло въ шляпѣ. Княгиня ** даетъ вамъ свою залу; вчера на раутѣ я успѣлъ завербовать половину Петербурга; печатайте билеты и объявленіе. Ручаюсь вамъ если не за тріумфъ, по крайней мѣрѣ за барышъ....»

— А это главное, вскричалъ Итальянецъ, изъявляя свою радость живыми движеніями, свойственными южной его породѣ. Я зналъ, что вы мнѣ поможете. Corpo di Bacco! Вы поэтъ, такъ же какъ и я; а, что ни говори, поэты славные ребята! Какъ изъявлю вамъ мою благодарность? Постойте.... хотите ли выслушать импровизацію?

lib.pushkinskijdom.ru

«Импровизацію!... развѣ вы можете обойтись и безъ публики, и безъ музыки, и безъ грома рукоплесканій?»

— Пустое, пустое! гдѣ найти мнѣ лучшую публику? Вы поэтъ: вы поймете меня лучше ихъ, — и ваше тихое одобреніе дороже мнѣ цѣлой бури рукоплесканій.... Садитесь гдѣ нибудь и задайте мнѣ тему.

Чарскій сѣлъ на чемоданѣ (изъ двухъ стульевъ, находившихся въ тѣсной конуркѣ, одинъ былъ сломанъ, другой заваленъ бумагами и бѣльемъ). Импровизаторъ взялъ со стѣны гитару и сталъ передъ Чарскимъ, перебирая струны костливыми пальцами и ожидая его заказа.

«Вотъ вамъ тема», сказалъ ему Чарскій: «*Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ.*»

Глаза Итальянца засверкали; онъ взялъ нѣсколько акордовъ; гордо поднялъ голову, и пылкіе стихи — выраженія мгновеннаго чувства — стройно излетали изъ устъ его.... Вотъ они, вольно переданные однимъ изъ нашихъ пріятелей со словъ, сохранившихся въ памяти Чарскаго.*)....

Итальянецъ умолкъ.... Чарскій молчалъ, изумленный и растроганный.

— Ну, что? спросилъ импровизаторъ.

Чарскій схватилъ его руку и сжалъ ее крѣпко.

— Что? спросилъ импровизаторъ, каково?

«Удивительно! отвѣчалъ поэтъ. «Какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностію, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно. И такъ, для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію? Удивительно, удивительно!...»

Импровизаторъ отвѣчалъ: «Всякій талантъ неизъяснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ Каррарскаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера и выводитъ его на свѣтъ рѣзцомъ и молотомъ,

*) Этого перевода не нашлось въ рукописи.

lib.pushkinskijdom.ru

раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже вооруженная четырьмя рифмами, размѣренная стройными, однообразными стопами? Неизъяснимо! Никто, кромѣ самого импровизатора, не можетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чуждой внѣшней волею; но и самъ онъ тщетно хотѣлъ бы высказать тайну свою словами. Однако.... надобно подумать о моемъ первомъ вечерѣ. Какъ вы полагаете? Какую цѣну можно будетъ назначить за билетъ, чтобы публикѣ не слишкомъ было тяжело, и чтобы я между тѣмъ не остался въ накладѣ? Говорятъ, la Signora Catalani брала по 25 рублей? Цѣна хорошая....»

Непріятно было Чарскому съ высоты поэзіи вдругъ упасть подъ лавку конторщика; но онъ очень хорошо понималъ житейскую необходимость и пустился съ Итальянцемъ въ меркантильные разсчеты. Итальянецъ при семъ случаѣ обнаружилъ такую дикую жадность, такую простодушную любовь къ прибыли, что онъ опротивѣлъ Чарскому, который поспѣшилъ его оставить, чтобы не совсѣмъ утратить чувство восхищенія, произведенное въ немъ блестящею импровизаціею. Озабоченный Итальянецъ не замѣтилъ этой перемѣны и проводилъ Чарскаго по корридору и по лѣстницѣ, съ глубокими поклонами и увѣреніями въ вѣчной благодарности.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Цѣна за билетъ 10 рублей; начало въ 7 часовъ.

Афишка.

Зала княгини ** отдана была въ распоряженіе импровизатора; подмостки были сооружены; стулья разставлены въ двенадцать рядовъ. Въ назначенный день, съ семи часовъ вечера, зала была освѣщена; у дверей, передъ столикомъ, для продажи и пріема билетовъ, сидѣла старая долгоносая женщина, въ сѣрой шляпкѣ съ надломленными перьями и съ перстнями на всѣхъ пальцахъ. У подъѣзда стояли жандармы. Публика начала собираться. Чар-

lib.pushkinskijdom.ru

скій пріѣхалъ изъ первыхъ. Онъ принималъ большое участіе въ успѣхахъ представленія и хотѣлъ видѣть импровизатора, чтобъ узнать, всѣмъ ли онъ доволенъ? Онъ нашелъ Итальянца въ боковой комнатѣ, съ нетерпѣніемъ посматривающаго на часы. Итальянецъ одѣтъ былъ театрально. Онъ былъ въ черномъ съ ногъ до головы. Кружевной воротникъ его рубашки былъ откинутъ; голая шея своею странной бѣлизною ярко отдѣлялась отъ густой и черной бороды; волоса опущенными клоками осѣняли ему лобъ и брови. Все это очень не понравилось Чарскому, которому непріятно было видѣть поэта въ одеждѣ заѣзжаго фигляра. Онъ, послѣ короткаго разговора, возвратился въ залу, которая болѣе и болѣе наполнялась. Вскорѣ всѣ ряды креселъ были заняты блестящими дамами; мущины стѣсненной рамою стали у подмостковъ, вдоль стѣнъ; за послѣдними стульями музыканты, съ своими пюпитрами, занимали обѣ стороны подмостковъ. Посреди стояла на столѣ фарфоровая ваза; публика была многочисленна. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала; наконецъ въ половинѣ осьмаго музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертюру изъ «Танкреда.» Все усѣлось и примолкло. Послѣдніе звуки увертюры прогремѣли.... Импровизаторъ, встрѣченный оглушительнымъ плескомъ, поднявшимся со всѣхъ сторонъ, съ низкими поклонами приблизился къ самому краю подмостковъ.

Чарскій съ безпокойствомъ ожидалъ, какое впечатлѣніе произведетъ первая минута; но онъ замѣтилъ, что нарядъ, который показался ему такъ неприличенъ, не произвелъ того же дѣйствія на публику: самъ Чарскій не нашелъ ничего смѣшнаго въ Итальянцѣ, когда увидѣлъ его на подмосткахъ, съ блѣднымъ лицемъ, ярко освѣщеннымъ множествомъ лампъ и свѣчъ. Плескъ утихъ; говоръ умолкъ.... Итальянецъ, изъясняясь на плохомъ Французскомъ языкѣ, просилъ господъ посѣтителей назначить нѣсколько темъ, написавъ ихъ на особыхъ бумажкахъ. При этомъ неожиданномъ приглашеніи, всѣ молча поглядѣли другъ на друга, и никто ничего не отвѣчалъ. Итальянецъ, подождавъ немного, повторилъ свою просьбу робкимъ и смиреннымъ голосомъ. Чарскій стоялъ подъ самыми подмостками; имъ овладѣло безпокойство;

lib.pushkinskijdom.ru

онъ предчувствовалъ, что дѣло безъ него не обойдется и что онъ принужденъ будетъ написать свою тему. Въ самомъ дѣлѣ нѣсколько дамскихъ головокъ обратились къ нему и стали вызывать его сперва въ полголоса, потомъ громче и громче. Услыша имя его, импровизаторъ отыскалъ его глазами у своихъ ногъ и подалъ ему карандашъ и клочекъ бумаги съ дружескою улыбкою. Играть роль въ этой комедіи казалось Чарскому очень непріятно; но дѣлать было нечего: онъ взялъ карандашъ и бумагу изъ рукъ Итальянца и написалъ нѣсколько словъ; Итальянецъ, взявъ со стола вазу, сошелъ съ подмостковъ, поднесъ ее Чарскому, который бросилъ въ нее свою тему. Его примѣръ подѣйствовалъ: два журналиста, въ качествѣ литераторовъ, почли обязанностію написать каждый по темѣ; секретарь Неаполитанскаго посольства и молодой человѣкъ, недавно возвратившійся изъ путешествія, бредя о Флоренціи, положили въ урну свои свернутыя бумажки. Наконецъ одна некрасивая дѣвица, по приказанію своей матери, со слезами на глазахъ, написала нѣсколько строкъ по Итальянски и, покраснѣвъ по уши, отдала ихъ импровизатору, между тѣмъ, какъ дамы смотрѣли на нее молча, съ едва замѣтною усмѣшкой. Возвратясь на свои подмостки, импровизаторъ поставилъ урну на столъ и сталъ вынимать бумажки одну за другой, читая каждую вслухъ:

Семейство Ченчи. (La famiglia del Cenci.) **L'ultimo giorno di Pompeia. Cleopatra e i suoi amanti. La primavera veduta da una prigione. Il triomfo di Tasso.**

«Что прикажетъ почтенная публика?» спросилъ смиренный Итальянецъ: «назначитъ ли мнѣ сама одинъ изъ предложенныхъ предметовъ, или предоставитъ рѣшить это жребію?...»

Жребій! сказалъ одинъ голосъ изъ толпы: жребій, жребій! повторила публика.

Импровизаторъ сошелъ опять съ подмостковъ, держа въ рукахъ урну, и спросилъ: кому угодно бутетъ вынуть тему? Импровизаторъ обвелъ умоляющимъ взоромъ первые ряды стульевъ. Ни одна изъ блестящихъ дамъ, тутъ сидѣвшихъ, не тронулась. Импровизаторъ, не привыкшій къ сѣверному равнодушію,

lib.pushkinskijdom.ru

казалось, страдалъ.... Вдругъ замѣтилъ онъ въ сторонѣ поднявшуюся ручку въ бѣлой маленькой перчаткѣ: онъ съ живостію обратился и подошелъ къ молодой величавой красавицѣ, сидѣвшей на краю втораго ряда. Она встала безъвсякаго смущенія и со всевозможною простотою опустила въ урну аристократическую ручку и вынула свертокъ. «Извольте развернуть и прочитать», сказалъ ей импровизаторъ. Красавица развернула бумажку и прочла вслухъ: Cleopatra e i suoi amanti. Эти слова произнесены были тихимъ голосомъ; но въ залѣ царствовала такая тишина, что всѣ ихъ услышали. Импровизаторъ низко поклонился прекрасной дамѣ, съ видомъ глубокой благодарности, и возвратился на свои подмостки. «Господа! сказалъ онъ, обратясь къ публикѣ: жребій назначилъ мнѣ предметомъ импровизаціи Клеопатру и ея любовниковъ. Покорно прошу особу, изобразившую эту тему, пояснить мнѣ свою мысль: о какихъ любовникахъ здѣсь идетъ рѣчь, perche la grande regina havéva molto ?...»

При сихъ словахъ многіе мущины громко засмѣялись. Импровизаторъ немного смутился.

«Я желалъ бы знать», продолжалъ онъ: «на какую историческую черту намекала особа, избравшая эту тему?... Я буду весьма благодаренъ, если угодно ей будетъ изъясниться.»

Никто не торопился отвѣчать. Нѣсколько дамъ оборотили взоры на некрасивую дѣвушку, написавшую тему по приказанію своей матери. Бѣдная дѣвушка замѣтила это неблагосклонное вниманіе и такъ смутилась, что слезы повисли на ея рѣсницахъ.... Чарскій не могъ этого вынести и, обратясь къ импровизатору, сказалъ ему на Итальянскомъ языкѣ:

«Тема предложена мною. Я имѣлъ въ виду показаніе Аврелія Виктора, который пишетъ, будто бы Клеопатра назначила смерть цѣною своей любви, и что нашлись обожатели, которыхъ такое условіе не испугало и не отвратило. .. Мнѣ кажется, однако, что предметъ немного затруднителенъ.... Не выберете ли вы другаго?...»

Но уже импровизаторъ чувствовалъ приближеніе бога.... онъ далъ знакъ музыкантамъ играть. Лице его страшно поблѣднѣло;

lib.pushkinskijdom.ru

онъ затрепеталъ какъ въ лихорадкѣ ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ приподнялъ рукою черные свои волосы, отеръ платкомъ высокое чело , покрытое каплями пота.... и вдругъ шагнулъ впередъ , сложилъ крестомъ руки на грудь.... музыканты умолкли.... импровизація началась.

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.
Сердца неслись къ ея престолу;
Но вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой....

И пышный пиръ какъ будто дремлетъ;
Безмолвны гости; хоръ молчитъ;
Но вновь она чело подъемлетъ
И съ видомъ яснымъ говоритъ:
«Въ моей любви для васъ блаженство;
Блаженство можно вамъ купить....
Внемлите мнѣ: могу равенство
Межъ вами я возстановить.
Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою?»

Рекла — и ужасъ всѣхъ объемлетъ,
И страстью дрогнули сердца — —
Она смущенный ропотъ внемлетъ
Съ холодной дерзостью лица,
И взоръ презрительный обводитъ
Кругомъ поклонниковъ своихъ....
Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:
Смѣла ихъ поступь, ясны очи;
Она на встрѣчу имъ встаетъ.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти ихъ зоветъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Благословенные жрецами,
Теперь изъ урны роковой
Предъ неподвижными гостями
Выходятъ жребіи чредой:
И первый — Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ Римскихъ посѣдѣлый;
Снести не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрнаго презрѣнья;
Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яраго сраженья.
За нимъ Критонъ, младой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очамъ,
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нѣжно отѣнялъ;
Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ молодомъ....
И съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ остановила.

«Клянусь.... о, матерь наслажденій,
Тебѣ неслыханно служу:
На ложе страстныхъ искушеній
Простой наемницей схожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари
И боги грознаго Аида,
Клянусь, до утренней зари
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утомлю!
Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Клянусь, подъ смертною сѣкирой
Глава счастливцевъ отпадетъ!»

И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампады,
Курится легкій ѳиміамъ:
И сладострастныя прохлады
Земнымъ готовятся богамъ·
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блистаетъ ложе золотое.
. . . . . .

lib.pushkinskijdom.ru

X.

СЦЕНЫ ИЗЪ РЫЦАРСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

—

I.

МАСТЕРСКАЯ МАРТЫНА.

МАРТЫНЪ.

Послушай, Францъ! въ послѣдній разъ говорю тебѣ, какъ отецъ: я долго терпѣлъ твои проказы, но долѣе терпѣть не намѣренъ. Уймись, или худо будетъ.

ФРАНЦЪ.

Помилуй, отецъ! за что ты на меня сердишься? Я, кажется, ничего не дѣлаю.

МАРТЫНЪ.

Ничего не дѣлаю! то-то и худо, что ничего не дѣлаешь. Ты, лѣнивецъ, даромъ хлѣбъ ѣшь, да небо коптишь. На что ты надѣешься? На мое богатство? Да развѣ я разбогатѣлъ, сложа руки и сочиняя глупыя пѣсни? Какъ минуло мнѣ 14 лѣтъ, покойный отецъ далъ мнѣ два крейцера въ руку, да два толчка

lib.pushkinskijdom.ru

въ спину, да примолвилъ: «ступай-ка, Мартынъ, самъ кормиться, а мнѣ и безъ тебя тяжело.» Съ той поры мы ужъ и не видались. Слава Богу, нажилъ я себѣ и домъ, и деньги, и честное имя, — а чѣмъ? бережливостію, терпѣніемъ, трудолюбіемъ. Вотъ ужъ мнѣ и за 50, и пора бы ужъ отдохнуть, да тебѣ передать и счетныя книги и весь домъ. А могу ли о томъ и подумать? Какую могу имѣть къ тебѣ довѣренность? Тебѣ бы только гулять съ господами, которые насъ презираютъ, да забираютъ въ долгъ товары. Я знаю тебя: ты стыдишься своего состоянія. Но слушай, Францъ, если ты не перемѣнишься, не отстанешь отъ дворянъ, да не примешься порядкомъ за свое дѣло, то, видитъ Богъ, выгоню тебя изъ дому, а своимъ наслѣдникомъ назначу Карла Герца, моего подмастерья.

ФРАНЦЪ.

Твоя воля, отецъ! дѣлай какъ хочешь.

МАРТЫНЪ.

То-то же, смотри.

(Входитъ братъ Бертольдъ.)

МАРТЫНЪ.

Вотъ и другой сумасбродъ. Зачѣмъ пожаловалъ?

БЕРТОЛЬДЪ.

Здравствуй, сосѣдъ. Мнѣ до тебя нужда.

МАРТЫНЪ.

Нужда! Опять денегъ?

БЕРТОЛЬДЪ.

Да... не можешь ли одолжить полтораста гульденовъ?

МАРТЫНЪ.

Какъ не такъ! Гдѣ мнѣ ихъ взять? Я вѣдь не кладъ.

БЕРТОЛЬДЪ.

Пожалуй, не скупись. Ты знаешь, что эти деньги для тебя не пропадшія.

МАРТЫНЪ.

Какъ не пропадшія? Мало ли я тебѣ передавалъ? Куда онѣ дѣлись?

lib.pushkinskijdom.ru

БЕРТОЛЬДЪ.

Въ дѣло пошли; но теперь прошу тебя ужъ въ послѣдній разъ.

МАРТЫНЪ.

Объ этихъ послѣднихъ разахъ я слышу ужъ не въ первый разъ.

БЕРТОЛЬДЪ.

Нѣтъ, право. Послѣдній мой опытъ не удался отъ бездѣлицы; теперь ужъ я все разсчиталъ: опытъ мой не можетъ не удасться.

МАРТЫНЪ.

И это я слышу не впервые.

БЕРТОЛЬДЪ.

Сосѣдъ! не будь самъ себѣ врагомъ. Не потеряй случая сдѣлаться первымъ изъ земныхъ богачей.

МАРТЫНЪ.

Эхъ, Бертольдъ, Бертольдъ! Если бы ты не побросалъ въ алхимическій огонь всѣхъ денегъ, которыя прошли чрезъ твои руки, то былъ бы богатъ. Ты сулишь мнѣ сокровища, а самъ приходишь ко мнѣ за милостыней. Какой тутъ смыслъ?

БЕРТОЛЬДЪ.

Золота мнѣ не нужно: я ищу одной истины.

МАРТЫНЪ.

А мнѣ чортъ ли въ истинѣ? мнѣ нужно золото.

БЕРТОЛЬДЪ.

Такъ ты не хочешь повѣрить мнѣ еще?

МАРТЫНЪ.

Не могу и не хочу.

БЕРТОЛЬДЪ.

Такъ прощай же, сосѣдъ.

МАРТЫНЪ.

Прощай.

БЕРТОЛЬДЪ.

Пойду къ Барону Раулю: авось дастъ онъ мнѣ денегъ.

lib.pushkinskijdom.ru

МАРТЫНЪ.

Баронъ Рауль? Да гдѣ взять ему денегъ? Вассалы его разорены. А, слава Богу, нынче по большимъ дорогамъ не такъ-то легко наживаться.

БЕРТОЛЬДЪ.

Я думаю, у него деньги есть, потому что у Герцога затѣвается турниръ, и Баронъ туда отправляется. Прощай.

МАРТЫНЪ.

И ты думаешь, дастъ онъ тебѣ денегъ?

БЕРТОЛЬДЪ.

Можетъ быть, и дастъ.

МАРТЫНЪ.

И ты употребишь ихъ на послѣдній опытъ?

БЕРТОЛЬДЪ.

Непремѣнно.

МАРТЫНЪ.

А если опытъ не удастся?

БЕРТОЛЬДЪ.

Нечего будетъ дѣлать. Если и этотъ опытъ не удастся, то алхимія вздоръ.

МАРТЫНЪ.

А если удастся?

БЕРТОЛЬДЪ.

Тогда я возвращу тебѣ съ лихвой и благодарностію всѣ суммы, которыя занялъ у тебя, а Барону Раулю открою великую тайну.

МАРТЫНЪ.

Зачѣмъ Барону, а не мнѣ?

БЕРТОЛЬДЪ.

И радъ бы, да не могу: ты знаешь, что я обѣщался Пресвятой Богородицѣ раздѣлить мою тайну съ тѣмъ, кто поможетъ мнѣ при послѣднемъ и рѣшительномъ моемъ опытѣ.

МАРТЫНЪ.

Эхъ, отецъ Бертольдъ, охота тебѣ разоряться. Куда же ты? Постой: ну, такъ и быть, на этотъ разъ дамъ тебѣ денегъ въ

lib.pushkinskijdom.ru

займы. Богъ съ тобою! Но смотри жъ, сдержи свое слово: пусть этотъ опытъ будетъ послѣднимъ и рѣшительнымъ.

БЕРТОЛЬДЪ.

Не бойся, другаго ужъ не понадобится.

МАРТЫНЪ.

Погоди же здѣсь; сейчасъ тебѣ вынесу... сколько бишь тебѣ надобно?

БЕРТОЛЬДЪ.

Полтораста гульденовъ.

МАРТЫНЪ.

Сто пятьдесятъ гульденовъ... Боже мой! и еще въ какія крутыя времена!

БЕРТОЛЬДЪ И ФРАНЦЪ.

БЕРТОЛЬДЪ.

Здравствуй, Францъ! О чемъ ты задумался?

ФРАНЦЪ.

Какъ мнѣ не задуматься? Сейчасъ отецъ грозился меня выгнать и лишить наслѣдства.

БЕРТОЛЬДЪ.

За что это?

ФРАНЦЪ.

За то, что я знакомство веду съ рыцарями.

БЕРТОЛЬДЪ.

Онъ не совсѣмъ правъ, да и не совсѣмъ виноватъ.

ФРАНЦЪ.

Развѣ мѣщанинъ не достоинъ дышать однимъ воздухомъ съ дворяниномъ? Развѣ не всѣ мы произошли отъ Адама?

БЕРТОЛЬДЪ.

Правда, правда. Но видишь, Францъ, уже этому давно: Каинъ и Авель были родные братья, а Каинъ не могъ дышать однимъ воздухомъ съ Авелемъ, и они не были равны передъ Богомъ. Въ первомъ семействѣ уже мы видимъ неравенство и зависть.

lib.pushkinskijdom.ru

ФРАНЦЪ.

Виноватъ ли въ томъ, что не люблю своего состоянія, что честь для меня дороже денегъ?

БЕРТОЛЬДЪ.

Всякое состояніе имѣетъ свою честь и свою выгоду; мы мѣшаемъ той и другой, когда оставляемъ то состояніе, въ которомъ родились: дворянинъ воюетъ и красуется, мѣщанинъ трудится и богатѣетъ; рыцарь на конѣ почтенъ и въ замкѣ за рѣшеткою своей башни; но ему неприлично считать барыши. Купца почитаетъ народъ въ его лавкѣ, но онъ былъ бы смѣшонъ на турнирѣ.

МАРТЫНЪ (входитъ).

Вотъ тебѣ полтораста гульденовъ; смотри же, тѣшу тебя въ послѣдній разъ.

БЕРТОЛЬДЪ.

Благодаренъ, очень благодаренъ, не будешь раскаяваться.

МАРТЫНЪ.

Ну, а если опытъ твой тебѣ удастся, и у тебя будетъ и золота и славы вдоволь, будешь ли ты спокойно наслаждаться жизнію?

БЕРТОЛЬДЪ.

Займусь еще однимъ изслѣдованіемъ: мнѣ кажется, есть средство открыть perpetuum mobile.

МАРТЫНЪ.

Что такое perpetuum mobile?

БЕРТОЛЬДЪ.

Perpetuum mobile—*вѣчное движеніе.* Если найду вѣчное движеніе, то я не вижу границъ творчеству человѣческому... Видишь ли, добрый мой Мартынъ: дѣлать золото — задача заманчивая, открытіе, можетъ быть, любопытное и выгодное; но найти perpetuum mobile.... о!...

МАРТЫНЪ.

Убирайся къ чорту съ твоимъ perpetuum mobile.... Ей Богу, отецъ Бертольдъ, ты хоть кого изъ терпѣнія выведешь. Ты требуешь денегъ на дѣло, а говоришь Богъ знаетъ что.

lib.pushkinskijdom.ru

БЕРТОЛЬДЪ.

Экой онъ брюзга.

МАРТЫНЪ.

Экой онъ сумасбродъ.

II.

ФРАНЦЪ (одинъ).

Чортъ побери наше состояніе! отецъ у меня богатъ, а мнѣ какое дѣло? Дворянинъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ зазубреннаго меча да заржавѣвшаго шлема, счастливѣе и почетнѣе отца моего: отецъ мой сымаетъ передъ нимъ шляпу, а тотъ и не смотритъ на него. Деньги! Потому что деньги достались ему не дешево, такъ онъ и думаетъ, что въ деньгахъ вся и сила. Какъ не такъ! Если онъ такъ силенъ, попробуй отецъ ввести меня въ баронскій замокъ? Деньги! Деньги рыцарю не нужны: на то есть мѣщане. Какъ прижметъ ихъ, такъ у нихъ и забрызжетъ кровь червонцами. Чортъ побери наше состояніе! Да по мнѣ лучше быть послѣднимъ менестрелемъ: этого, по крайней мѣрѣ, въ замкѣ принимаютъ; госпожа слушаетъ его пѣсни, наливаетъ ему чашу и подноситъ изъ своихъ рукъ.

Купецъ, сидя за своими книгами, считаетъ, считаетъ, клянется передъ всякимъ покупщикомъ: «*Ей Богу, сударь, самый лучшій товаръ, дешевле нигдѣ не найдете.*» — «Врешь ты, жидъ.» — «*Никакъ нѣтъ, честію васъ увѣряю....*» Честью! Хороша честь. А рыцарь? Онъ воленъ какъ соколъ, онъ никогда не горбился надъ счетами, онъ идетъ прямо и гордо; онъ скажетъ слово — ему вѣрятъ.

Да развѣ это жизнь? Чортъ ее побери! Пойду лучше въ менестрели. Однако, что это сказалъ баронъ? Турниръ въ . . и туда ѣдетъ баронъ . . ахъ, Боже мой! тамъ будетъ и Клотильда. Дамы обсядутъ кругомъ, трепеща за своихъ рыцарей; трубы затрубятъ, выступятъ герольды — рыцари, объѣдутъ поле, преклоняя копья

lib.pushkinskijdom.ru

предъ благосклонной красавицей. Трубы опять затрубятъ, рыцари разъѣдутся, помчатся другъ на друга... дамы ахнутъ. Боже мой! и никогда не подыму я пыли на турнирѣ, никогда герольдъ не возгласитъ моего имени, презрѣннаго мѣщанскаго имени, никогда Клотильда не ахнетъ... Деньги! кабы зналъ онъ, какъ рыцари презираютъ насъ, несмотря на наши деньги...

АЛЬБЕРТЪ (входитъ).

А! это Францъ, на кого ты раскричался?

ФРАНЦЪ.

Ахъ, господинъ рыцарь, вы меня слышали. Я самъ съ собою разсуждалъ.

АЛЬБЕРТЪ.

А о чемъ ты разсуждалъ самъ съ собою?

ФРАНЦЪ.

Я думалъ, какъ бы мнѣ попасть на турниръ.

АЛЬБЕРТЪ.

Ты хочешь попасть на турниръ?

ФРАНЦЪ.

Точно такъ.

АЛЬБЕРТЪ.

Ничего нѣтъ легче. У меня умеръ мой конюшій — хочешь ли на его мѣсто?

ФРАНЦЪ.

Какъ! бѣдный вашъ Яковъ умеръ! Отчего жъ онъ умеръ?

АЛЬБЕРТЪ.

Ей Богу не знаю. Въ пятницу онъ былъ здоровёшенекъ; вечеромъ воротился я поздно (я былъ въ гостяхъ и порядочно подпилъ); Яковъ сказалъ что-то... я разсердился и ударилъ его, помнится, по щекѣ, а можетъ быть и въ високъ... однако, нѣтъ: точно по щекѣ; Яковъ повалился, да ужъ и не всталъ. Я легъ не раздѣвшись, а на другой день узнаю, что мой бѣдный Яковъ — умре́.

ФРАНЦЪ.

Ай, рыцарь! видно пощечины ваши тяжелы.

lib.pushkinskijdom.ru

АЛЬБЕРТЪ.

На мнѣ была желѣзная рукавица. Ну, что же, хочешь быть моимъ конюшимъ?

ФРАНЦЪ (почесывается).

Вашимъ конюшимъ?

АЛЬБЕРТЪ.

Что жъ ты почесываешься? соглашайся. Я возьму тебя на турниръ, ты будешь жить у меня въ замкѣ. Быть оруженосцемъ у такого рыцаря, какъ я, не шутка. Современемъ, какъ знать, тебя посвятимъ и въ рыцари; многіе такъ начинали.

ФРАНЦЪ.

И я буду жить у васъ въ замкѣ?

АЛЬБЕРТЪ.

Конечно. Ну, согласенъ что ли?

ФРАНЦЪ

Вы не будете давать мнѣ пощечинъ?

АЛЬБЕРТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не бойся; а хотя и случится такой грѣхъ, что за бѣда? не всѣ жъ конюшіе убиты до смерти.

ФРАНЦЪ.

И то правда: коли случится такой грѣхъ, посмотримъ, кто кого....

АЛЬБЕРТЪ.

Что.... что ты говоришь? я тебя не понялъ.

ФРАНЦЪ.

-Такъ, я думалъ самъ про себя.

АЛЬБЕРТЪ.

Ну, что же? соглашайся!

ФРАНЦЪ.

Извольте, согласенъ.

АЛЬБЕРТЪ.

Нечего было и думать. Достань же себѣ лошадь и приходи ко мнѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

III.

ЗАМОКЪ РЫЦАРЯ АЛЬБЕРТА.

БЕРТА И КЛОТИЛЬДА.

КЛОТИЛЬДА.

Берта, мнѣ скучно; скажи мнѣ что нибудь.

БЕРТА.

О чемъ же я буду вамъ говорить? Не о нашемъ ли рыцарѣ?

КЛОТИЛЬДА.

О какомъ рыцарѣ?

БЕРТА.

О томъ, который остался побѣдителемъ на турнирѣ.

КЛОТИЛЬДА.

О Ротенфельдѣ! Нѣтъ, я не хочу говорить о немъ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы возвратились, а онъ и не думалъ пріѣхать къ намъ; это съ его стороны неучтивость.

БЕРТА.

Погодите; я увѣрена, что онъ будетъ завтра.

КЛОТИЛЬДА.

Почему ты такъ думаешь?

БЕРТА.

Потому что я его во снѣ видѣла.

КЛОТИЛЬДА.

И, Боже мой! Это ничего не значитъ; я всякую ночь вижу его во снѣ.

БЕРТА.

Это совсѣмъ другое дѣло: вы въ него влюблены.

КЛОТИЛЬДА.

Я влюблена! Прошу пустяковъ не выдумывать. Говори мнѣ о комъ нибудь другомъ.

БЕРТА.

О комъ же? О конюшемъ братца, объ Францѣ?

lib.pushkinskijdom.ru

КЛОТИЛЬДА.

Пожалуй, говори мнѣ хоть о Францѣ.

БЕРТА.

Вообразите, сударыня, что онъ отъ васъ безъ ума.

КЛОТИЛЬДА.

Францъ отъ меня безъ ума? Кто тебѣ это сказалъ?

БЕРТА.

Никто; я сама замѣтила: когда вы садитесь верхомъ, онъ всегда держитъ вамъ стремя; когда служитъ за столомъ, онъ не видитъ никого кромѣ васъ; если вы уроните платокъ, онъ всѣхъ проворнѣе его подыметъ, а на насъ и не смотритъ.

КЛОТИЛЬДА.

Или ты дура, или Францъ предерзкая тварь.

(Входятъ Альбертъ, графъ Ротенфельдъ и Францъ.)

АЛЬБЕРТЪ.

Сестра! представляю тебѣ твоего рыцаря; графъ пріѣхалъ ночевать въ нашемъ замкѣ.

ГРАФЪ.

Позвольте, благородная дѣвица, недостойному вашему рыцарю еще разъ поцѣловать ту прекрасную руку, изъ которой получилъ онъ драгоцѣнную награду.

КЛОТИЛЬДА.

Графъ! я рада, что имѣю честь принимать васъ у себя. Братецъ! я буду васъ ожидать въ сѣверной башнѣ.

(Уходитъ.)

ГРАФЪ.

Какъ она прекрасна!

АЛЬБЕРТЪ.

Она предобрая дѣвушка. Графъ! что же вы не раздѣваетесь? гдѣ ваши слуги? Францъ! разуй графа. (Францъ медлитъ.) Францъ! развѣ ты глухъ?

ФРАНЦЪ.

Я не всемірный слуга, чтобы всякаго разувать.

ГРАФЪ.

Ого, какой удалый!

lib.pushkinskijdom.ru

АЛЬБЕРТЪ.

Грубіянъ! (замахивается) я тебя прогоню.

ФРАНЦЪ.

Я самъ готовъ оставить замокъ.

АЛЬБЕРТЪ.

Мужикъ, подлая тварь. Извините, графъ, я съ нимъ управлюсь. Вонъ!... (Толкаетъ его въ спину). Чтобы духу твоего здѣсь не было.

ГРАФЪ.

Пожалуйста, оставь этого дурака; онъ, право, не стоитъ.

IV.

КЛОТИЛЬДА.

Братецъ! мнѣ до тебя просьба.

АЛЬБЕРТЪ.

Чего ты хочешь?

КЛОТИЛЬДА.

Пожалуйста, прогони своего конюшаго, Франца; онъ осмѣлился мнѣ нагрубить....

АЛЬБЕРТЪ.

Какъ! и тебѣ?... Жаль же, что я ужъ его прогналъ; онъ отъ меня такъ скоро бъ не отдѣлался. Да что же онъ сдѣлалъ?

КЛОТИЛЬДА.

Такъ, ничего. Если ты ужъ его прогналъ, такъ нечего и говорить. Скажи, братецъ, долго ли графъ пробудетъ у насъ?

АЛЬБЕРТЪ.

Думаю, сестра, что это будетъ зависѣть отъ тебя. Что жъ ты краснѣешь?...

КЛОТИЛЬДА.

Ты все шутишь, а онъ и не думаетъ.

АЛЬБЕРТЪ.

Не думаетъ? о чемъ же?

lib.pushkinskijdom.ru

КЛОТИЛЬДА.

Ахъ, братецъ, какой ты несносный! Я говорю, что графъ обо мнѣ и не думаетъ.

АЛЬБЕРТЪ.

Посмотримъ, посмотримъ. Что будетъ, то будетъ.

V.

ФРАНЦЪ.

Вотъ нашъ домикъ.... зачѣмъ было мнѣ оставлять его для гордаго замка? Здѣсь я былъ хозяинъ, а тамъ слуга... и для чего? Для гордыхъ взоровъ наглой, благородной дѣвицы. Я переносилъ униженіе, я унизился въ собственныхъ глазахъ моихъ; я сдѣлался слугою того, кто былъ моимъ товарищемъ; я привыкъ сносить дѣтскія обиды глупаго, избалованнаго повѣсы; я не примѣчалъ ничего... Я, который не хотѣлъ зависѣть отъ отца, я сталъ зависимъ отъ чужаго. И чѣмъ все это кончилось? Боже! кровь кидается въ лице, кулаки мои сжимаются.... О, я самъ отмщу, отмщу.... Какъ-то приметъ меня отецъ?

(Стучится.)

КАРЛЪ (выходитъ).

Кто тамъ такъ стучитъ? А! Францъ, это ты. (про себя) Вотъ чортъ принесъ!

ФРАНЦЪ.

Здравствуй, Карлъ; отецъ дома?

КАРЛЪ.

Ахъ, Францъ! давно же ты здѣсь не былъ. Отецъ твой съ мѣсяцъ какъ ужъ померъ.

ФРАНЦЪ.

Отецъ мой умеръ! Невозможно!

КАРЛЪ.

Такъ-то возможно, что его и схоронили.

ФРАНЦЪ.

Бѣдный, бѣдный старикъ!... И мнѣ не дали знать, что онъ боленъ; можетъ быть, онъ умеръ съ горести: онъ меня любилъ,

lib.pushkinskijdom.ru

онъ чувствовалъ сильно. Карлъ! и ты не могъ послать за мною? Онъ меня бы благословилъ.

КАРЛЪ.

Онъ осердился на прикащика и выпилъ сгоряча три бутылки пива, оттого и умеръ. Знаешь ли что еще, Францъ? Вѣдь онъ лишилъ тебя наслѣдства, а отдалъ все свое имѣніе....

ФРАНЦЪ.

Кому?

КАРЛЪ.

Не смѣю тебѣ сказать... ты такой вспыльчивый...

ФРАНЦЪ.

Знаю: тебѣ..

КАРЛЪ.

Богъ видитъ, я не виноватъ. Я готовъ былъ бы тебѣ все отдать... потому что, видишь ли, хоть законъ и на моей сторонѣ, однако, вотъ по совѣсти чувствую, что все-таки сынъ наслѣдникъ отца, а не подмастерье... Но видишь, Францъ... я ждалъ тебя, а ты не приходилъ, я и женился; а вотъ теперь какъ женатъ, ужъ я и не знаю что дѣлать... и какъ быть.

ФРАНЦЪ.

Владѣй себѣ моимъ наслѣдствомъ, Карлъ; я у тебя его не требую. На комъ ты женился?

КАРЛЪ.

На Юліи Фурстъ, мой добрый Францъ, на дочери Томаса Фурста, нашего сосѣда; я тебѣ ее покажу. Если хочешь остаться, то у меня есть порожній уголокъ...

ФРАНЦЪ.

Нѣтъ, благодарствую, Карлъ, кланяйся Юліи и вотъ отдай ей эту серебряную цѣпочку отъ меня, на память.

КАРЛЪ.

Добрый Францъ! Хочешь съ нами отобѣдать? Мы только что сѣли за столъ.

ФРАНЦЪ.

Не могу, я спѣшу...

lib.pushkinskijdom.ru

КАРЛЪ.

Куда же?

ФРАНЦЪ.

Такъ, самъ не знаю; прощай.

КАРЛЪ.

Прощай, Богъ тебѣ помоги. (Францъ уходитъ.) А какой онъ добрый малый, и какъ жаль, что онъ такой безпутный! Ну, теперь я совершенно спокоенъ: у меня не будетъ ни тяжбы, ни хлопотъ.

VI.

Вассалы, вооруженные косами и дубинами.

ФРАНЦЪ.

Они проѣдутъ черезъ эту лужайку: смотрите же, не робѣть; подпустите ихъ какъ можно ближе, продолжая косить. Рыцари на васъ гаркнутъ и наскачутъ; тутъ вы размахнитесь косами по лошадинымъ ногамъ, а мы изъ лѣсу и пріударимъ.... Чу! вотъ они.

(Францъ съ частію вассаловъ скрывается за лѣсъ. Нѣсколько рыцарей, между ними Альбертъ и Ротенфельдъ.)

РЫЦАРИ.

Гей, вы! долой съ дороги. (Вассалы сымаютъ шляпы и не трогаются.) Долой, говорятъ вамъ... Что это значитъ, Ротенфельдъ? Они ни съ мѣста.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

А вотъ, пришпоримъ лошадей, да потопчемъ ихъ порядкомъ.

КОСАРИ.

Ребята, не робѣть...

(Лошади раненыя падаютъ съ сѣдоками, другія бѣсятся.)

ФРАНЦЪ (бросается изъ засады).

Впередъ, ребята! У! у!

ОДИНЪ РЫЦАРЬ.

Плохо, братъ, ихъ болѣе ста человѣкъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ДРУГОЙ.

Ничего, насъ еще пятеро верхами.

РЫЦАРИ.

Подлецы, собаки, вотъ мы васъ!

(Сраженіе. Всѣ рыцари падаютъ одинъ за другимъ. Вассалы ихъ бьютъ дубинами и косами.)

ВАССАЛЫ.

У! у! у! Наша взяла!... Теперь вы въ нашихъ рукахъ.... Кровопійцы! разбойники! гордецы поганые.

ФРАНЦЪ.

Который изъ нихъ Ротенфельдъ? Друзья! подымите забрала, гдѣ Альбертъ?

(Ѣдетъ другая толпа рыцарей.)

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Господа! посмотрите, что это значитъ? здѣсь дерутся.

ДРУГОЙ.

Это бунтъ; подлый народъ бьетъ рыцарей.

РЫЦАРИ.

Господа! господа! копья въ упоръ! пришпоривай!...

(Наѣхавшіе рыцари нападаютъ на вассаловъ.)

ВАССАЛЫ.

Бѣда! бѣда! Это рыцари!...

ФРАНЦЪ.

Куда вы? оглянитесь, ихъ нѣтъ и десяти человѣкъ!...

(Онъ раненъ; рыцари его хватаютъ за воротъ.)

ОДИНЪ РЫЦАРЬ.

Постой, братъ, отложи свою проповѣдь.

ДРУГОЙ.

И эти подлыя твари могли побѣдить благородныхъ рыцарей! Смотрите, одинъ, два, три.... девять рыцарей убито. Да это ужасъ!

(Лежащіе рыцари встаютъ одинъ за другимъ.)

РЫЦАРИ.

Какъ! вы живы?

lib.pushkinskijdom.ru

АЛЬБЕРТЪ.

Благодаря желѣзнымъ латамъ.... (Всѣ смѣются.) Ага! Францъ, это ты, дружокъ? Очень радъ, что встрѣчаю тебя. Гг. рыцари! благодаримъ за великодушную помощь.

ОДИНЪ ИЗЪ РЫЦАРЕЙ.

Не за что; на нашемъ мѣстѣ вы бы сдѣлали то же самое.

АЛЬБЕРТЪ.

Смѣю ли просить васъ въ мой замокъ дня на три, отдохнуть послѣ сраженія и на досугѣ попировать?

РЫЦАРИ.

Извините, что не можемъ воспользоваться вашимъ благороднымъ гостепріимствомъ: мы спѣшимъ на похороны Эльсбергскаго принца и боимся опоздать.

АЛЬБЕРТЪ.

По крайней мѣрѣ сдѣлайте мнѣ честь у меня отужинать.

РЫЦАРИ.

Съ удовольствіемъ. Но у васъ нѣтъ лошадей; позвольте предложить вамъ нашихъ; мы сядемъ за вами, какъ освобожденныя красавицы (садятся.) А этого молодца, такъ и быть, довеземъ ужъ до первой висѣлицы. Господа, помогите его привязать къ хвосту моей лошади.

VII.

ЗАМОКЪ РОТЕНФЕЛЬДА.

(Рыцари ужинаютъ.)

ОДИНЪ РЫЦАРЬ.

Славное вино!

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Ему болѣе ста лѣтъ.... Прадѣдъ мой поставилъ его въ погребъ, отправляясь въ Палестину, гдѣ и остался. Этотъ походъ ему стоилъ двухъ замковъ и Ротенфельдской рощи, которую продалъ онъ за безцѣнокъ какому-то епископу.

lib.pushkinskijdom.ru

РЫЦАРИ.

Славное вино! За здоровье благородной хозяйки.

КЛОТИЛЬДА.

Благодарю васъ, рыцари. За здоровье вашихъ дамъ.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

За здоровье нашихъ избавителей.

ОДИНЪ ИЗЪ РЫЦАРЕЙ.

Ротенфельдъ! праздникъ вашъ прекрасенъ; но ему чего-то не достаетъ.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Знаю, Кипрскаго вина; что дѣлать — все вышло на прошлой недѣлѣ.

РЫЦАРЬ.

Нѣтъ, не Кипрскаго вина, не достаетъ пѣсенъ миннезингера.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Правда, правда.... Нѣтъ ли въ сосѣдствѣ миннезингера? Ступайте-ка въ гостинницу.

АЛЬБЕРТЪ.

Да чего жъ намъ лучше? Вѣдь Францъ еще не повѣшенъ: кликнуть его сюда.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

И въ самомъ дѣлѣ, кликнуть сюда Франца.

РЫЦАРЬ.

Кто этотъ Францъ?

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Да тотъ самый негодяй, котораго вы взяли сегодня въ плѣнъ.

РЫЦАРЬ.

Такъ онъ еще и миннезингеръ?

АЛЬБЕРТЪ.

О! все, что вамъ угодно. Вотъ онъ.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Францъ! рыцари хотятъ послушать твоихъ пѣсенъ, если страхъ не отшибъ у тебя памяти, а голосъ еще не пропалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ФРАНЦЪ.

Чего мнѣ бояться? Пожалуй, я вамъ спою пѣсню моего сочиненія. Голосъ мой не дрожитъ, и языкъ поворачивается.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Посмотримъ, посмотримъ. Ну, начинай.

ФРАНЦЪ (поетъ).

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердцѣ врѣзалось ему.

Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Онъ себѣ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ,

Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ, дикъ и рьянъ,
И какъ громъ его угроза
Поражала Мусульманъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онъ, строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Славная пѣсня! да она слишкомъ заунывна. Нѣтъ ли чего повеселѣе?

ФРАНЦЪ.

Извольте, есть и повеселѣе.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Люблю за то, что не унываетъ. Вотъ тебѣ кубокъ вина.

ФРАНЦЪ.

Воротился ночью мельникъ....
«Жонка! Что за сапоги?» —
Ахъ, ты, пьяница, бездѣльникъ!
Гдѣ ты видишь сапоги?
Иль мутитъ тебя лукавой?
Это ведра. — «Ведра? Право?
Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу,
Ни во снѣ, ни на яву
Не видалъ до этихъ поръ
Я на ведрахъ мѣдныхъ шпоръ.»

РЫЦАРИ.

Славная пѣсня! прекрасная пѣсня! Ай да Францъ!

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

А все-таки тебя повѣшу.

РЫЦАРИ.

Конечно; пѣсня пѣснью, а веревка веревкой: одно другому не мѣшаетъ.

КЛОТИЛЬДА.

Рыцари! я имѣю просьбу до васъ; обѣщайтесь не отказать.

РЫЦАРИ.

Что изволите приказать?

ОДИНЪ.

Мы готовы во всемъ повиноваться.

lib.pushkinskijdom.ru

КЛОТИЛЬДА.

Нельзя ль помиловать этого бѣднаго человѣка? Онъ уже довольно наказанъ и раной и страхомъ висѣлицы.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Помиловать его!... Да вы не знаете подлаго народа. Если не пугнуть ихъ порядкомъ, да пощадить ихъ предводителя, то они завтра же взбунтуются опять.

КЛОТИЛЬДА.

Нѣтъ, я ручаюсь за Франца. Францъ! не правда ли, что если тебя помилуютъ, то уже болѣе бунтовать не станешь?

ФРАНЦЪ (въ чрезвычайномъ смущеніи).

Сударыня.... сударыня....

ОДИНЪ РЫЦАРЬ.

Ну, Ротенфельдъ, чего дама требуетъ, въ томъ рыцарь отказать не можетъ. Надобно его помиловать.

ВСѢ РЫЦАРИ.

Надобно его помиловать.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Такъ и быть: мы его не повѣсимъ, но запремъ его въ тюрьму, и даю мое честное слово, что онъ до тѣхъ поръ изъ нея не выйдетъ, пока стѣны замка моего не подымутся на воздухъ и не разлетятся.

РЫЦАРИ.

Быть такъ....

КЛОТИЛЬДА

Однако....

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Клотильда! я далъ честное слово.

ФРАНЦЪ.

Какъ! вѣчное заключеніе! Да по мнѣ лучше умереть.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Твоего мнѣнія не спрашиваютъ. Отведите его въ башню....

(Франца ведутъ.)

ФРАНЦЪ (уходя).

Однако жъ я ей обязанъ жизнію.

lib.pushkinskijdom.ru

ОТРЫВКИ И НЕКОНЧЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

I.

КИРДЖАЛИ.

—

Кирджали былъ родомъ Булгаръ. Кирджали на Турецкомъ языкѣ значитъ витязь, удалецъ. Настоящаго его имени я не знаю.

Кирджали своими разбоями наводилъ ужасъ на всю Молдавію. Чтобъ дать объ немъ нѣкоторое понятіе, разскажу одинъ изъ его подвиговъ. Однажды ночью онъ и Арнаутъ Михайлаки напали вдвоемъ на Булгарское селеніе. Они зажгли его съ двухъ концевъ и стали переходить изъ хижины въ хижину. Кирджали рѣзалъ, а Михайлаки несъ добычу. Оба кричали: Кирджали! Кирджали! Все селеніе разбѣжалось.

Когда Александръ Ипсиланти обнародовалъ возмущеніе и началъ набирать себѣ войска, Кирджали привелъ къ нему нѣсколько старыхъ своихъ товарищей. Настоящая цѣль Этеріи была имъ худо извѣстна, но война представляла случай обогатиться на счетъ Турковъ, а можетъ быть, и Молдаванъ, и это казалось имъ очевидно.

lib.pushkinskijdom.ru

Александръ Ипсиланти былъ лично храбръ, но не имѣлъ свойствъ, нужныхъ для роли, за которую взялся такъ горячо и такъ неосторожно. Онъ не умѣлъ сладить съ людьми, которыми принужденъ былъ предводительствовать. Они не имѣли къ нему ни уваженія, ни довѣренности. Послѣ несчастнаго сраженія, гдѣ погибъ цвѣтъ Греческаго юношества, Іордаки Олимбіоти присовѣтовалъ ему удалиться и самъ заступилъ его мѣсто. Ипсиланти ускакалъ къ границамъ Австріи и оттуда послалъ свое проклятіе людямъ, которыхъ называлъ ослушниками, трусами и негодями. Эти трусы и негодяи, большею частію, погибли въ стѣнахъ монастыря Секу или на берегахъ Прута, отчаянно защищаясь противу непріятеля, въ десятеро сильнѣйшаго.

Кирджали находился въ отрядѣ Георгія Кантакузина, о которомъ можно повторить то же самое, что сказано о Ипсиланти. Наканунѣ сраженія подъ Скулянами, Кантакузинъ просилъ у Русскаго начальства позволенія вступить въ нашъ карантинъ. Отрядъ остался безъ предводителя; но Кирджали, Сафіаносъ, Кантагони и другіе не находили никакой нужды въ предводителѣ.

Сраженіе подъ Скулянами, кажется, никѣмъ не описано во всей его трогательной истинѣ. Вообразите себѣ 700 человѣкъ Арнаутовъ, Албанцевъ, Грековъ, Булгаръ и всякаго сброду, не имѣющихъ понятія о военномъ искусствѣ и отступающихъ въ виду пятнадцати тысячъ Турецкой конницы. Этотъ отрядъ прижался къ берегу Прута и выставилъ передъ собою двѣ маленькія пушечки, найденныя въ Яссахъ на дворѣ Господаря, и изъ которыхъ, бывало, палили во время имяниныхъ обѣдовъ. Турки рады были бы дѣйствовать картечью, но не смѣли безъ позволенія Русскаго начальства: картечь непремѣнно перелетѣла бы на нашъ берегъ. Начальникъ карантина (нынѣ уже покойникъ), сорокъ лѣтъ служившій въ военной службѣ, отроду не слыхивалъ свиста пуль; но тутъ Богъ привелъ услышать. Нѣсколько ихъ прожужжали мимо его ушей. Старичокъ ужасно разсердился и разбранилъ за то маіора Охотскаго пѣхотнаго полка, нахо-

lib.pushkinskijdom.ru

дившагося при карантинѣ. Маіоръ, не зная, что дѣлать, побѣжалъ къ рѣкѣ, за которой гарцовали Делибаши, и погрозилъ имъ пальцемъ. Делибаши, увидя это, повернулись и ускакали, а за ними и весь Турецкій отрядъ. Маіоръ, погрозившій пальцемъ, назывался Хорчевскій. Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось.

На другой день, однако жъ, Турки атаковали Этеристовъ. Не смѣя употреблять ни картечи, ни ядеръ, они рѣшились, вопреки своему обыкновенію, дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Сраженіе было жестоко. Рѣзались атаганами. Со стороны Турковъ замѣчены были копья, дотолѣ у нихъ небывалыя; эти копья были Русскія: Некрасовцы сражались въ ихъ рядахъ. Этеристы, съ разрѣшенія нашего Государя, могли перейти Прутъ и скрыться въ нашемъ карантинѣ. Они начали переправляться. Кантагони и Сафіаносъ остались послѣдніе на Турецкомъ берегу. Кирджали, раненый наканунѣ, лежалъ уже въ карантинѣ. Сафіаносъ былъ убитъ. Кантагони, человѣкъ очень толстый, раненъ былъ копьемъ въ брюхо. Онъ одной рукою поднялъ саблю, другою схватился за вражеское копье, всадилъ его въ себя глубже и такимъ образомъ могъ достать саблею своего убійцу, съ которымъ вмѣстѣ и повалился.

Все было кончено. Турки остались побѣдителями. Молдавія была очищена. Около шестисотъ Арнаутовъ разсыпались по Бессарабіи; не вѣдая, чѣмъ себя прокормитъ, они все жъ были благодарны Россіи за ея покровительство. Они вели жизнь праздную, но не безпутную. Ихъ можно всегда было видѣть въ кофейняхъ полу-Турецкой Бессарабіи, съ длинными чубуками во рту, прихлебывающихъ кофейную гущу изъ маленькихъ чашечекъ. Ихъ узорныя куртки и красныя востроносыя туфли начинали ужъ изнашиваться, но хохлатая скуфейка все же еще надѣта была на бекрень, а атаганы и пистолеты все еще торчали изъза широкихъ поясовъ. Никто на нихъ не жаловался. Нельзя было и подумать, чтобъ эти мирные бѣдняки были извѣстнѣйшіе Клефты Молдавіи, товарищи грознаго Кирджали, и чтобъ онъ самъ находился между ними.

lib.pushkinskijdom.ru

Паша, начальствовавшій въ Яссахъ, о томъ узналъ и, на основаніи мирныхъ договоровъ, потребовалъ отъ Русскаго начальства выдачи разбойника.

Полиція стала доискиваться. Узнали, что Кирджали, въ самомъ дѣлѣ, находится въ Кишеневѣ. Его поймали въ домѣ бѣглаго монаха, вечеромъ, когда онъ ужиналъ, сидя въ потемкахъ съ семью товарищами.

Кирджали засадили подъ караулъ. Онъ не сталъ скрывать истины и признался, что онъ Кирджали.

«Но», прибавилъ онъ: «съ тѣхъ поръ, какъ я перешелъ за Прутъ, я не тронулъ ни волоса чужаго добра, не обидѣлъ и послѣдняго Цыгана. Для Турковъ, для Молдаванъ, для Валаховъ я, конечно, разбойникъ, но для Русскихъ я гость. Когда Сафіаносъ, разстрѣлявъ всю свою картечь, пришелъ къ намъ въ карантинъ, отбирая у раненыхъ для послѣднихъ зарядовъ пуговицы, гвозди, цѣпочки и набалдашники съ ятагановъ, я отдалъ ему двадцать бешлыковъ, и остался безъ денегъ. Богъ видитъ, что я, Кирджали, жилъ подаяніемъ! За что же теперь Русскіе выдаютъ меня моимъ врагамъ?»

Послѣ того Кирджали замолчалъ и спокойно сталъ ожидать разрѣшенія своей участи.

Онъ дожидался недолго. Начальство, не обязанное смотрѣть на разбойниковъ съ ихъ романтической стороны и убѣжденное въ справедливости требованія, повелѣло отправить Кирджали въ Яссы.

Человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, въ то время неизвѣстный молодой чиновникъ, нынѣ занимающій важное мѣсто, живо описывалъ мнѣ его отъѣздъ.

У воротъ острога стояла почтовая каруца.... (Можетъ быть, вы не знаете, что такое каруца. Это низенькая, плетеная тележка, въ которую еще недавно впрягались обыкновенно шесть или восемь кляченокъ. Молдаванъ въ усахъ и въ бараньей шапкѣ, сидя верхомъ на одной изъ нихъ, поминутно кричалъ и хлопалъ бичемъ, и кляченки его бѣжали рысью довольно крупной.

lib.pushkinskijdom.ru

Если одна изъ нихъ начинала приставать, то онъ отпрягалъ ее съ ужасными проклятіями и бросалъ на дорогѣ, не заботясь объ ея участи. На обратномъ пути онъ увѣренъ былъ найти ее на томъ же мѣстѣ, спокойно пасущуюся на зеленой степи. Нерѣдко случалось, что путешественникъ, выѣхавшій изъ одной станціи на восьми лошадяхъ, пріѣзжалъ на другую на парѣ. Такъ было лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Нынѣ въ обрусѣвшей Бессарабіи переняли Русскую упряжь и Русскую телегу.)

Таковая каруца стояла у воротъ острога въ 1821 году, въ одно изъ послѣднихъ чиселъ Сентября мѣсяца. Жидовки, спустя рукава и шлепая туфлями, Арнауты въ своемъ оборванномъ и живописномъ нарядѣ, стройныя Молдаванки съ черноглазыми ребятами на рукахъ окружали каруцу. Мущины хранили молчаніе, женщины съ жаромъ чего-то ожидали.

Ворота отворились, и нѣсколько полицейскихъ офицеровъ вышли на улицу; за ними двое солдатъ вывели скованнаго Кирджали.

Онъ казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго лица его были правильны и суровы. Онъ былъ высокаго росту, широкоплечъ, и вообще въ немъ изображалась необыкновенная физическая сила. Пестрая чалма наискось покрывала его голову, широкій поясъ обхватывалъ тонкую поясницу; доломанъ изъ толстаго синяго сукна, широкія складки рубахи, падающія выше колѣнъ, и красивыя туфли составляли остальной его нарядъ. Видъ его былъ гордъ и спокоенъ.

Одинъ изъ чиновниковъ, краснорожій старичокъ, въ полиняломъ мундирѣ, на которомъ болтались три пуговицы, прищемилъ оловяными очками багровую шишку, замѣнявшую у него носъ, развернулъ бумагу и, гнуся, началъ читать на Молдавскомъ языкѣ. Время отъ времени онъ надменно взглядывалъ на скованнаго Кирджали, къ которому, по видимому, относилась бумага. Кирджали слушалъ его со вниманіемъ. Чиновникъ кончилъ свое чтеніе, сложилъ бумагу, грозно прикрикнулъ на народъ, приказавъ ему раздаться, и велѣлъ подвести каруцу. Тогда Кирджали

lib.pushkinskijdom.ru

обратился къ нему и сказалъ ему нѣсколько словъ на Молдавскомъ языкѣ; голосъ его дрожалъ, лице измѣнилось; онъ заплакалъ и повалился въ ноги полицейскаго чиновника, загремѣвъ своими цѣпями. Полицейскій чиновникъ, испугавшись, отскочилъ; солдаты хотѣли было приподнять Кирджали, но онъ всталъ самъ, подобралъ свои кандалы, шагнулъ въ каруцу и закричалъ: *Гайда!* Жандармъ сѣлъ подлѣ него, Молдаванъ хлопнулъ бичемъ, и каруца покатилась.

— Что это говорилъ вамъ Кирджали? спросилъ молодой чиновникъ у полицейскаго.

«Онъ (видите-съ) просилъ меня», отвѣчалъ, смѣясь, полицейскій: «чтобъ я позаботился о его женѣ и ребенкѣ, которые живутъ недалече отъ Киліи въ Болгарской деревнѣ: онъ боится, чтобъ и они *изъ-за него* не пострадали. Народъ глупый-съ.»

Разсказъ молодаго чиновника сильно меня тронулъ. Мнѣ было жаль бѣднаго Кирджали. Долго не зналъ я ничего объ его участи. Нѣсколько лѣтъ ужъ спустя, встрѣтился я съ молодымъ чиновникомъ. Мы разговорились о прошедшемъ.

— А что вашъ пріятель Кирджали? спросилъ я: не знаете ли, что съ нимъ сдѣлалось?

«Какъ не знать», отвѣчалъ онъ и разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Кирджали, привезенный въ Яссы, представленъ былъ Пашѣ, который присудилъ его быть посажену на колъ. Казнь отстрочили до какого-то праздника. Покамѣстъ заключили его въ тюрьму.

Невольника стерегли семеро Турокъ (люди простые и въ душѣ такіе же разбойники, какъ и Кирджали); они уважали его и съ жадностію, общею всему Востоку, слушали его чудные разсказы.

Между стражами и невольникомъ завелась тѣсная связь. Однажды Кирджали сказалъ имъ: Братья! часъ мой близокъ. Никто своей судьбы не избѣжитъ. Скоро я съ вами разстанусь. Мнѣ хотѣлось бы вамъ оставить что нибудь на память.

lib.pushkinskijdom.ru

Турки развѣсили уши.

«Братья», продолжалъ Кирджали: «три года тому назадъ, какъ я разбойничалъ съ покойнымъ Михайлаки, мы зарыли въ степи, недалече отъ Яссъ, котелъ съ *гальбинами*. Видно ни мнѣ, ни ему не владѣть этимъ кладомъ. Такъ и быть: возьмите его себѣ и раздѣлите полюбовно.»

Турки чуть съ ума не сошли. Пошли толки, какъ имъ будетъ найти завѣтное мѣсто? Думали, думали и положили, чтобы Кирджали самъ ихъ повелъ.

Настала ночь. Турки сняли оковы съ ногъ невольника, связали ему руки веревкою и съ нимъ отправились изъ города въ степь.

Кирджали ихъ повелъ, держась одного направленія; отъ одного кургана къ другому. Они шли долго. Наконецъ Кирджали остановился близъ широкаго камня, отмѣрялъ двѣнадцать шаговъ на полдень, топнулъ и сказалъ: *здѣсь*.

Турки распорядились. Четверо вынули свои атаганы и начали копать землю. Трое остались на стражѣ. Кирджали сѣлъ на камень и сталъ смотрѣть на ихъ работу.

«Ну что? скоро ли?» спрашивалъ онъ: «дорылись-ли?»

— Нѣтъ еще, отвѣчали Турки и работали такъ, что потъ лилъ съ нихъ градомъ.

Кирджали сталъ оказывать нетерпѣніе.

«Экой народъ», говорилъ онъ. «И землю-то копать порядочно не умѣютъ. Да у меня дѣло было бы кончено въ двѣ минуты. Дѣти! развяжите мнѣ руки, дайте ятаганъ.»

Турки призадумались и стали совѣтоваться. Что же? (рѣшили они) развяжемъ ему руки, дадимъ ятаганъ. Что за бѣда? Онъ одинъ, насъ семеро. И Турки развязали ему руки и дали ему ятаганъ.

Наконецъ Кирджали былъ свободенъ и вооруженъ. Что-то долженъ онъ былъ почувствовать!... Онъ сталъ проворно копать, сторожа ему помогали.... Вдругъ онъ въ одного изъ нихъ вонзилъ свой атаганъ и, оставя булатъ въ его груди, выхватилъ изъ-за его пояса два пистолета.

lib.pushkinskijdom.ru

Остальные шесть, увидя Кирджали вооруженнаго двумя пистолетами, разбѣжались.

Кирджали нынѣ разбойничаетъ около Яссъ. Недавно писалъ онъ Господарю, требуя отъ него пяти тысячь *левовъ* и грозясь, въ случаѣ неисправности въ платежѣ, зачежь Яссы и добраться до самого Господаря. Пять тысячь левовъ были ему доставлены.

Каковъ Кирджали?

lib.pushkinskijdom.ru

II.

(ОТРЫВОКЪ.)

Гости съѣзжались на дачу ***. Зала наполнялась дамами и мущинами, пріѣхавшими въ одно время изъ театра, гдѣ давали новую Итальянскую оперу. Каждый гость, пробравшись до круглаго стола, гдѣ разливали чай, спѣшилъ поклониться хозяйкѣ и потомъ исчезнуть въ толпѣ. Мало по малу порядокъ установился. Дамы заняли свои мѣста по диванамъ. Около ихъ составился кружокъ мущинъ. Висты учредились. Осталось на ногахъ нѣсколько молодыхъ людей, и смотръ Парижскихъ литографій замѣнилъ общій разговоръ.

На балконѣ сидѣло двое мущинъ. Одинъ изъ нихъ, путешествующій Испанецъ, казалось, живо наслаждался прелестью сѣверной ночи. Съ восхищеніемъ глядѣлъ онъ на ясное, блѣдное небо, на величавую Неву, озаренную свѣтомъ неизъяснимымъ, и на окрестныя дачи, рисующіяся въ прозрачномъ сумракѣ. «Какъ хороша ваша сѣверная ночь», сказалъ онъ наконецъ: «и какъ не пожалѣть объ ея прелести, даже подъ небомъ моего отечества.» — «Одинъ изъ нашихъ поэтовъ — отвѣчалъ ему другой — сравнилъ ее съ Русской бѣлобрысой красавицей; признаюсь, что смуглая, черноглазая Италіанка или Испанка, исполненная живости и полуденной нѣги, болѣе плѣняетъ мое воображеніе. Впрочемъ, давнишній споръ между la brune et la blonde еще не

lib.pushkinskijdom.ru

рѣшенъ. Но кстати: знаете ли вы, какъ одна иностранка изъяснила строгость и чистоту Петербургскихъ нравовъ? Она увѣряла, что наши зимнія ночи слишкомъ холодны, а лѣтнія слишкомъ свѣтлы для любовныхъ приключеній.» — Испанецъ улыбнулся. «И такъ благодаря вліянію климата», сказалъ онъ: «Петербургъ есть обѣтованная земля красоты, любезности и безпорочности.» — «Красота дѣло вкуса, отвѣчалъ Русскій: но нечего говорить объ нашей любезности, она не въ модѣ; никто объ ней и не думаетъ. Женщины боятся прослыть кокетками, мущины уронить свое достоинство. Всѣ стараются быть ничтожными со вкусомъ и приличіемъ. Что жъ касается до чистоты нравовъ, то дабы не употребить во зло довѣрчивости иностранца, я разкажу вамъ....» — И разговоръ принялъ самое сатирическое направленіе.

Въ сіе время двери въ залу отворились, и Вольская вошла. Она была въ первомъ цвѣтѣ молодости. Правильныя черты, большіе черные глаза, живость, самая странность наряда, — все поневолѣ привлекало вниманіе. Мущины встрѣтили ее съ какой-то шутливой привѣтливостію, дамы съ замѣтнымъ недоброжелательствомъ; но Вольская ничего не замѣчала. Отвѣчая криво на общіе вопросы, она разсѣянно глядѣла во всѣ стороны; лице ея, измѣнчивое, какъ облако, изобразило досаду; она сѣла подлѣ важной Княгини Г. и, какъ говорится, *se mit à bouder*.

Вдругъ она вздрогнула и обернулась къ балкону. Безпокойство овладѣло ею; она встала, пошла около креселъ и столовъ, остановилась на минуту за стуломъ стараго Генерала Р., ничего не отвѣчала на его тонкій мадригалъ и вдругъ скользнула на балконъ.

Испанецъ и Русскій прекратили свой разговоръ и оба встали. Она подошла къ нимъ и съ явнымъ замѣшательствомъ сказала нѣсколько словъ по-Русски. Испанецъ, полагая себя лишнимъ, оставилъ ее и возвратился въ залу.

Важная Княгиня Г. проводила Вольскую глазами и въ полголоса сказала своему сосѣду: «Это ни на что не похоже.»

— Она ужасно вѣтрена, отвѣчалъ онъ.

lib.pushkinskijdom.ru

«Вѣтрена? этого мало. Она ведетъ себя непростительно. Она можетъ не уважать себя сколько ей угодно; но свѣтъ еще не заслуживаетъ отъ нея такого пренебреженія. Минскій могъ бы ей это замѣтить.»

— Il n'en fera rien; trop heureux de pouvoir la compromettre. Между тѣмъ я бьюсь объ закладъ, что разговоръ ихъ самый невинный.

— «Я въ томъ увѣрена.... Давно ли вы стали такъ добродушны?»

— Признаюсь: я принимаю участіе въ судьбѣ этой молодой женщины. Въ ней много хорошаго и гораздо менѣе дурнаго, нежели думаютъ. Но страсти ее погубятъ.

— «Страсти! какое громкое слово! что такое страсти? Не воображаете ли вы, что у ней пылкое сердце, романическая головола? Просто она дурно воспитана.... Что это за литографія? Портретъ Гуссейнъ-Паши? покажите мнѣ его.»

Гости разъѣзжались. Ни одной дамы не оставалось уже въ гостиной; лишь хозяйка съ явнымъ неудовольствіемъ стояла у стола, за которымъ два дипломата доигрывали послѣднюю игру въ экарте. Вольская вдругъ замѣтила зарю и поспѣшно оставила балконъ, гдѣ она около трехъ часовъ сряду находилась наединѣ съ Минскимъ. Хозяйка простилась съ нею холодно, а Минскаго не удостоила и взгляда.

У подъѣзда нѣсколько гостей ожидали своихъ экипажей. Минскій посадилъ Вольскую въ ея карету.

— «Кажется, твоя очередь», сказалъ ему молодой офицеръ.

— Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Она занята; я просто ея наперсникъ или что вамъ угодно. Но я люблю ее отъ души: она уморительно смѣшна.

Зинаида Вольская лишилась матери на шестомъ году отъ рожденія. Отецъ ея, человѣкъ дѣловой и разсѣянный, отдалъ ее на руки какой-то Француженкѣ, нанялъ учителей всякаго рода и послѣ ужъ объ ней не заботился. Четырнадцати лѣтъ она была прекрасна, читала романы и писала любовныя записки своему танцмейстеру. Отецъ объ этомъ узналъ, отказалъ танцмейстеру

lib.pushkinskijdom.ru

и вывезъ ее въ свѣтъ, полагая, что воспитаніе ея кончено. Появленіе Зинаиды надѣлало шуму. Вольскій, богатый молодой человѣкъ, привыкшій подчинять свои чувства мнѣнію другихъ, влюбился въ нее безъ памяти. Онъ сталъ свататься. Отецъ обрадовался случаю сбыть съ рукъ молодую невѣсту. Зинаида горѣла нетерпѣніемъ быть замужемъ, чтобъ видѣть у себя весь городъ. Къ тому же Вольскій ей не былъ противенъ, и такимъ образомъ участь ея была рѣшена.

Ея искренность, неожиданныя проказы, дѣтское легкомысліе производили сначала пріятное впечатлѣніе, и даже свѣтъ былъ благодаренъ той, которая поминутно прерывала важное однообразіе аристократическаго круга. Смѣялись ея шалостямъ, повторяли ея странныя выходки. Но годы шли, а душѣ Зинаиды все еще было 14 лѣтъ. Стали роптать. Нашли, что Вольская не имѣетъ никакаго чувства приличія, свойственнаго ея полу. Женщины стали отъ нея удаляться, а мущины приблизились. Сперва Зинаида огорчилась, но потомъ подумала, что она не въ проигрышѣ, и утѣшилась.

Молва стала приписывать ей любовниковъ. Злословіе даже безъ доказательствъ оставляетъ почти вѣчные слѣды. Въ свѣтскомъ уложеніи правдоподобіе равняется правдѣ, а быть предметомъ клеветы унижаетъ насъ въ собственномъ мнѣніи. Вольская, въ слезахъ негодованія, рѣшилась возмутиться противу власти несправедливаго свѣта. Случай скоро представился.

Между молодыми людьми, ее окружающими, Зинаида отличила Минскаго. По видимому, нѣкоторое сходство въ характерахъ и обстоятельствахъ жизни должно было ихъ сблизить. Въ первой молодости Минскій порочнымъ своимъ поведеніемъ заслужилъ также порицаніе свѣта, который наказалъ его клеветою. Минскій оставилъ его, притворясь равнодушнымъ. Страсти на время заглушили въ его сердцѣ угрызенія самолюбія; но, усмиренный опытами, явился онъ вновь на сцену общества и принесъ ему уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма. Онъ не любилъ свѣта, но не презиралъ, ибо зналъ необходимость его одобренія. Совсѣмъ

lib.pushkinskijdom.ru

тѣмъ, уважая вообще, онъ не щадилъ его въ особенности и каждаго члена его готовъ былъ принести въ жертву своему злопамятному самолюбію. Вольская нравилась ему за то, что она осмѣливалась явно презирать ему ненавистныя условія. Онъ подстрекалъ ее одобреніемъ и совѣтами, сдѣлался ея наперсникомъ и вскорѣ сталъ ей необходимъ.

Б*** нѣсколько времени занималъ ея воображеніе. «Онъ слишкомъ для васъ ничтоженъ», сказалъ ей Минскій. «Весь умъ его почерпнутъ изъ Liaisons dangereuses, также какъ весь его геній выкраденъ изъ Жомини. Узнавъ его покороче, вы будете презирать его тяжелую безнравственность, какъ военные люди презираютъ его пошлыя разсужденія.»

— Мнѣ хотѣлось бы влюбиться въ Р., сказала ему Зинаида.

«Какой вздоръ!» отвѣчалъ онъ. «Охота вамъ связаться съ человѣкомъ, который краситъ волосы и каждыя пять минутъ повторяетъ съ упоеніемъ: *quand j'étois à Florence*.... Говорятъ, его несносная жена влюблена въ него; оставьте ихъ въ покоѣ; они созданы другъ для друга,

— А Баронъ W?

«Это дѣвочка въ мундирѣ; но знаете ли что? Влюбитесь въ Л. Онъ займетъ ваше воображеніе; онъ также необыкновенно уменъ, какъ необыкновенно дуренъ, et puis c'est un homme à grands sentiments, онъ будетъ ревнивъ и страстенъ; онъ будетъ васъ мучить и смѣшить — чего вамъ болѣе?»

Однакожъ Вольская его не послушалась. Минскій угадывалъ ея сердце. Самолюбіе его было тронуто; не полагая, чтобъ легкомысліе могло быть соединено съ сильными страстями, онъ предвидѣлъ связь безъ всякихъ важныхъ послѣдствій, лишнюю женщину въ спискѣ вѣтреныхъ своихъ любовницъ, и хладнокровно обдумывалъ свою побѣду. Вѣроятно, если бъ онъ могъ вообразить бури, его ожидающія, то отказался бы отъ своего торжества, ибо свѣтскій человѣкъ легко жертвуетъ своими наслажденіями и даже тщеславіемъ лѣни и благоприличію....

lib.pushkinskijdom.ru

III.

(ОТРЫВОКЪ.)

На углу маленькой площади, передъ деревяннымъ домикомъ, стояла карета — явленіе рѣдкое въ сей отдаленной части города. Кучеръ спалъ на козлахъ, а форейторъ игралъ въ снѣжки съ дворовыми мальчиками.

Въ комнатѣ, убранной со вкусомъ и роскошью, на диванѣ, обложенная подушками, одѣтая съ большой изысканностію, лежала блѣдная дама, ужъ не молодая, но еще прекрасная. Передъ каминомъ сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ 26-ти, перебирающій листы Англійскаго романа.

Начинало смеркаться, каминъ гаснулъ; молодой человѣкъ продолжалъ свое чтеніе.

Блѣдная дама не спускала съ него своихъ черныхъ и впалыхъ глазъ, окруженныхъ болѣзненной синевою. Наконецъ она сказала:

«Что съ тобою сдѣлалось, Валеріянъ? ты сегодня сердитъ.»

— Сердитъ! отвѣчалъ онъ, не подымая глазъ съ своей книги.

«На кого?»

— На князя Горѣцкаго. У него сегодня балъ, а я не званъ.

«А тебѣ очень хотѣлось быть на его балу?»

— Нимало. Чортъ его побери съ его баломъ. Но если зоветъ онъ весь городъ, то долженъ звать и меня.

lib.pushkinskijdom.ru

«Который это Горѣцкій? Не князь ли Яковъ?»

— Совсѣмъ нѣтъ. Князь Яковъ давно умеръ. Это братъ его, князь Григорій.

«На комъ онъ женатъ?»

— На дочери того пѣвчаго.... какъ бишь его?

«Я такъ давно не выѣзжала, что совсѣмъ раззнакомилась съ вашимъ обществомъ.... Такъ ты очень дорожишь вниманіемъ князя Григорія и благосклонностію жены его, дочери пѣвчаго?»

— И конечно, съ жаромъ отвѣчалъ молодой человѣкъ, бросая книгу на столъ. Я человѣкъ свѣтскій и не хочу быть въ пренебреженіи у свѣтскихъ аристократовъ. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до ихъ родословной, ни до ихъ нравственности.

«Кого ты называешь аристократами?»

— Тѣхъ, которые протягиваютъ руку графинѣ Фуфлыгиной.

«И пренебреженіе людей, которыхъ ты не любишь», сказала дама послѣ нѣкотораго молчанія: «можетъ до такой степени тебя оскорблять?... Признайся, тутъ есть иная причина....»

— Такъ: опять подозрѣнія! опять ревность! Это, ей-Богу, несносно.

Съ этимъ словомъ онъ всталъ и взялъ шляпу.

«Ты ужъ ѣдешь?» сказала дама съ безпокойствомъ. «Ты не хочешь здѣсь отобѣдать?»

— Нѣтъ, я далъ слово.

«Обѣдай со мною», продолжала она ласковымъ и робкимъ голосомъ. «Я велѣла взять Шампанскаго.»

— Это зачѣмъ? развѣ я безъ Шампанскаго обойтиться не могу? развѣ я Московскій банкометъ?

«Но въ послѣдній разъ ты нашелъ, что вино у меня дурно, и ты сердился, что женщины въ этомъ не знаютъ толку. На тебя не угодишь.»

— Не прошу и угождать.

Она не отвѣчала ничего. Молодой человѣкъ раскаялся въ грубости сихъ послѣднихъ словъ. Онъ къ ней подошелъ, взялъ ее за руку и сказалъ съ нѣжностію:

lib.pushkinskijdom.ru

— Зинаида! прости меня : я сегодня самъ не свой ; сержусь на всѣхъ и за все. Въ эти минуты надобно мнѣ сидѣть дома.... Прости жъ меня; не сердись.

«Я не сержусь, Валеріанъ ; но мнѣ больно видѣть, что съ нѣкотораго времени ты совсѣмъ перемѣнился. Ты пріѣзжаешь ко мнѣ , какъ по обязанности , не по сердечному внушенію. Тебѣ скучно со мною. Ты молчишь, не знаешь чѣмъ заняться , перевертываешь книги, придираешься ко мнѣ , чтобъ со мною побраниться и уѣхать.... Я не упрекаю тебя : сердце наше не въ нашей волѣ ; но я....»

Валеріанъ уже ея не слушалъ. Онъ натягивалъ давно надѣтую перчатку и нетерпѣливо поглядывалъ на улицу. Она замолчала съ видомъ стѣсненной досады. Онъ пожалъ ея руку, сказалъ нѣсколько незначущихъ словъ и выбѣжалъ изъ комнаты , какъ рѣзвый школьникъ выбѣгаетъ изъ класса. Зинаида подошла къ окну, смотрѣла, какъ подали ему карету, какъ онъ сѣлъ и уѣхалъ. Долго стояла она на томъ же мѣстѣ , опершись горячимъ лбомъ объ оледенѣлое стекло. Наконецъ она сказала вслухъ : «нѣтъ, онъ меня не любитъ!» позвонила, велѣла зажечь лампу и сѣла за письменный столикъ....

lib.pushkinskijdom.ru

IV.

СТАРИННЫЯ РУССКІЯ СТРАННОСТИ.

—

I.

ОТРЫВКИ БІОГРАФІИ Н*.

Я начинаю себя помнить на большомъ барскомъ дворѣ, гдѣ сидѣлъ я въ пескѣ (что почитается средствомъ противу, такъ называемой, Англійской болѣзни). Около меня толпа нянекъ и мамушекъ и шестнадцать дворовыхъ мальчишекъ, готовыхъ поперемѣнно таскать меня во весь духъ въ колясочкѣ съ барскаго на черной дворъ и на деревенской базаръ. Помню отца моего, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ. Назначенъ отъѣздъ въ Петербургъ. На дворѣ собирается огромный обозъ. Крыльцо усѣяно народомъ: гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, отставными маіорами въ старинныхъ мундирахъ, и проч. Отецъ мой между ними въ зеленомъ плащѣ. Одноколка подана. Меня приносятъ къ отцу съ нимъ проститься. Онъ хочетъ взять меня съ собою. Я плачу: жаль разстаться съ нянею. Отецъ съ досадою меня отталкиваетъ, садится въ одноколку, выѣз-

lib.pushkinskijdom.ru

жаетъ; за нимъ ѣдетъ весь обозъ; дворъ пустѣетъ, челядь расходится, и съ тѣхъ поръ впечатлѣнія мои становятся слабы и неясны до десятаго года моего возраста.

Отецъ мой жилъ бариномъ. Порядокъ его разъѣздовъ дастъ понятіе объ его жизни. Собираясь куда нибудь въ дорогу, подымался онъ всѣмъ домомъ. Впереди на рослой Испанской лошади ѣхалъ съ волторною человѣкъ (изъ иностранцевъ). Должность его въ домѣ состояла въ томъ, что въ базарные дни обязанъ онъ былъ выѣзжать на верблюдѣ и показывать мужикамъ lanterne-magique. Въ дорогѣ же подавалъ онъ волторнисту сигналъ привалу и походу. За нимъ ѣхала одноколка отца моего; за одноколкою двумѣстная карета про случай дождя (подъ козлами находилось мѣсто любимаго его шута). Вслѣдъ тянулись кареты, наполненныя нами, нашими мадамами, учителями, нянъками и проч. За нами ѣхала длинная рѣшетчатая фура съ дураками, арапами, карлами, всего тридцать человѣкъ. Вслѣдъ за нею точно такая же фура съ больными борзыми собаками. Потомъ слѣдовалъ огромный ящикъ съ роговою музыкою, буфетъ на шестнадцати лошадяхъ, наконецъ повозки съ Калмыцкими кибитками и разной мебелью (ибо отецъ мой остонавливался всегда въ полѣ). Посудите, сколько при всемъ этомъ находилось народу, музыкантовъ, поваровъ, псарей и разной челяди.

Мать моя была въ своемъ родѣ столь же замѣчательна, какъ и мой отецъ. Она была изъ роду ***ихъ. Отецъ, заблудившись на охотѣ, пріѣхалъ въ домъ къ ***ву, влюбился въ его дочь, и свадьба совершилась на другой же день. Она была женщина необыкновеннаго ума и способностей. Она знала многіе языки, между прочимъ Греческій; Англійскому выучилась она шестидесяти лѣтъ. Отецъ мой ее любилъ, но содержалъ въ строгости. Много

lib.pushkinskijdom.ru

вытерпѣла она отъ его причудъ. Напримѣръ: она боялась воды. Отецъ мой въ волновую погоду сажалъ ее въ рыбачью лодку и каталъ ее по Волгѣ. Иногда, чтобъ пріучить ее къ военной жизни, сажалъ онъ ее на пушку и палилъ изъ-подъ нея. До глубокой старости сохранила она видъ и обхожденіе знатной дамы. Я не видывалъ старушки лучшаго тона.

У насъ было множество учителей, гувернеровъ и дядекъ. Однажды, мучась продолжительностію вечерняго урока, въ то время, какъ Французъ учитель занялся съ братомъ моимъ, я подкрался и задулъ обѣ свѣчки. Матери моей не было дома. Случилось, что во всемъ домѣ, кромѣ сихъ двухъ свѣчей, не было огня, а слуги, по своему обыкновенію, всѣ ушли, оставя домъ пустымъ. Учитель насилу ихъ нашелъ, насилу добился огня, насилу добрался до меня и, въ наказаніе, заперъ меня въ чуланъ. Вышло, что въ чуланѣ заперты были разные съѣстные припасы. Я, къ неизъяснимому утѣшенію, тотчасъ отыскалъ тутъ изюмъ и винныя ягоды и наѣлся вдоволь; между тѣмъ, ощупалъ штофъ, откупорилъ его, полизалъ горлышко, нашелъ его сладкимъ, попробовалъ изъ него хлѣбнуть: мнѣ это понравилось, нѣсколько разъ повторилъ свое испытаніе и вскорѣ повалился безъ чувствъ. Между тѣмъ, матушка пріѣхала. Учитель разсказалъ мою проказу и съ нею отправился въ чуланъ. Будятъ меня. Что же? Встаю, шатаясь, блѣдный; на полу разбитый штофъ. Отъ меня несетъ водкой. Матушка ахнула.... На другой день просыпаюсь поздно, съ головною болью, смутно вспоминая вчерашнее. Гляжу въ окно и вижу, что на повозку громоздятъ пожитки моего учителя. Няня моя объяснила мнѣ, что матушка прогнала его за тѣмъ-де, что онъ вечоръ заперъ меня въ чуланъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

II.

ЗАПИСКИ М*.

Я начинаю помнить себя съ самаго нѣжнаго младенчества; а вотъ сцена, которая живо сохранилась въ моемъ воображеніи.

Нянька приноситъ меня въ большую комнату, слабо освѣщенную. На постели, подъ зелеными занавѣсками, лежитъ женщина въ бѣломъ; отецъ мой беретъ меня на руки — рыдаетъ громко — бѣлая женщина цѣлуетъ меня и плачетъ; няня меня выноситъ, говоря: «Миша хочетъ бай, бай?» Помню также большую суматоху, множество гостей; люди бѣгаютъ изъ комнаты въ комнату. Солнце свѣтитъ во всѣ окошки, и мнѣ очень весело. Монахъ, съ золотымъ крестомъ на груди, благословляетъ меня; въ двери выносятъ красный гробъ. Вотъ все, что похороны матери оставили у меня въ сердцѣ. Она была женщина съ необыкновеннымъ умомъ и сердцемъ, какъ узналъ я послѣ по разсказамъ людей, незнавшихъ ей цѣны.

Тутъ воспоминанія мои становятся сбивчивы. Я могу дать ясный отчетъ о себѣ не прежде, какъ ужъ съ осьмилѣтняго моего возраста. Но прежде долженъ я поговорить о моемъ семействѣ.

Отецъ мой былъ пожалованъ сержантомъ, когда еще бабушка была имъ брюхата. Онъ воспитывался дома до 18-ти лѣтъ. Учитель его М. Дерори былъ простой и добрый старичокъ, очень хорошо знавшій Французскую орѳографію. Неизвѣстно, были ли у отца другіе наставники; но отецъ, кромѣ Французской орѳографіи, кажется, ничего основательно не зналъ. Онъ женился противъ воли своихъ родителей на дѣвушкѣ, которая была старѣе его нѣсколькими годами; въ тотъ же годъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву. Старый Савельичъ, его камердинеръ, сказывалъ мнѣ, что первые года супружества были счастливы. Мать моя успѣла примирить мужа съ его семействомъ, въ которомъ ее полюбили. Но легкомысленный и непостоянный характеръ отца моего не позволилъ ей насладиться спокойствіемъ и счастіемъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ вошелъ въ связь съ женщиной, извѣстной въ свѣтѣ своей красотою и любовными похожденіями. Она для него развелась съ своимъ мужемъ, который уступилъ ее отцу моему за 10,000 и потомъ обѣдывалъ у насъ довольно часто. Мать моя знала все — и молчала. Душевныя страданія разстроили ея здоровье: она слегла и уже не встала.

Отецъ имѣлъ 5,000 душъ, слѣдственно былъ изъ тѣхъ дворянъ, которыхъ покойный гр. Ш. называлъ мелкопомѣстными, удивляясь отъ чистаго сердца, какимъ образомъ они могутъ жить! Дѣло въ томъ, что отецъ мой жилъ не хуже гр. Ш., хотя былъ ровно въ 20 разъ бѣднѣе. Москвичи помнятъ еще его обѣды, домашній театръ и роговую музыку. Года два послѣ смерти матери моей, Анна Петровна Вирлацкая, виновница этой смерти, поселилась въ его домѣ. Она была, какъ говорится, видная баба, впрочемъ уже не въ первомъ цвѣтѣ молодости. Мнѣ подвели мальчика, въ красной курточкѣ съ манжетами, и сказали, что онъ мнѣ братецъ. Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Мишенька шаркнулъ на право, шаркнулъ на лѣво и хотѣлъ поиграть моимъ ружьецомъ; я вырвалъ игрушку изъ его рукъ—Мишенька заплакалъ, и отецъ поставилъ меня въ уголъ, подаривъ братцу мое ружье.

Таковое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. И въ самомъ дѣлѣ, пребываніе мое подъ отеческою кровлею не оставило ничего пріятнаго въ моемъ воображеніи. Отецъ, конечно, меня любилъ, но вовсе обо мнѣ не безпокоился и оставилъ меня на попеченіе Французовъ, которыхъ безпрестанно принимали и отпускали. Первый мой гувернеръ оказался пьяницей; второй, человѣкъ не глупый и не безъ свѣдѣній, имѣлъ такой бѣшеный нравъ, что однажды чуть не убилъ меня полѣномъ за то, что пролилъ я чернила на его жилетъ; третій, проживши у насъ цѣлый годъ, былъ сумасшедшій, и въ домѣ тогда только догадались о томъ, когда пришелъ онъ жаловаться Аннѣ Петровнѣ на меня и на Мишеньку, за то, что мы подговорили клоповъ всего дома не давать ему покою, и что, сверхъ того, чертенокъ повадился вить гнѣзда въ его колпакѣ. Прочіе Французы не могли ужиться съ Анной Петровной, которая не давала имъ вина за обѣдомъ или лоша-

lib.pushkinskijdom.ru

дей по воскресеньямъ; сверхъ того имъ платили очень неисправно. Виноватымъ остался я: Анна Петровна рѣшила, что ни однихъ изъ моихъ гувернеровъ не могъ сладить съ такимъ несноснымъ мальчишкою.

Впрочемъ, и то правда, что не было у насъ ни одного, котораго бы въ двѣ недѣли, по его вступленіи въ должность, не обратилъ я въ домашняго шута; съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминаю о Женевцѣ, котораго увѣрилъ я, что Анна Петровна была въ него влюблена.

Надобно было видѣть цѣломудренное выраженіе лица его съ нѣкоторою примѣсью лукаваго кокетства, когда Анна Петровна косо поглядывала на него за столомъ, говоря въ полголоса: экой обжора!

Я былъ рѣзовъ, лѣнивъ и вспыльчивъ, но чувствителенъ и честолюбивъ, и ласкою отъ меня можно добиться всего. Къ несчастію, всякой вмѣшивался въ мое воспитаніе и никто не умѣлъ за меня взяться.

Надъ учителями я смѣялся и проказилъ; съ Анной Петровной бранился зубъ за зубъ; съ Мишенькой имѣлъ безпрестанныя ссоры и драки; съ отцомъ доходило часто дѣло до ручныхъ объясненій, которыя съ обѣихъ сторонъ оканчивались слезами. Наконецъ Анна Петровна уговорила отца отослать меня за границу въ университетъ. Я отправился; мнѣ тогда было 15 лѣтъ. Университетская жизнь моя оставила мнѣ пріятныя воспоминанія, которыя, если ихъ разобрать, относятся къ происшествіямъ ничтожнымъ, иногда непріятнымъ; но молодость — великій чародѣй. Дорого бы я далъ, чтобъ опять сидѣть за кружкою пива, въ облакахъ табачнаго дыма, съ дубиною въ рукахъ и съ засаленной бархатной фуражкой на головѣ. Дорого бы я далъ за мою комнату, вѣчно полную народа, и Богъ знаетъ какого народа; за наши Латинскія пѣсни, студенческіе поединки и ссоры съ филистрами!

Вольное университетское ученіе принесло мнѣ болѣе пользы, нежели домашніе уроки. Но вообще выучился я порядочно только фехтованію и дѣланію пунша. Изъ дому получалъ я деньги въ

lib.pushkinskijdom.ru

разные неположенные сроки Это пріучило меня къ долгамъ и къ безпечности. Прошло три года, и я получилъ отъ отца изъ Петербурга приказаніе оставить университетъ и ѣхать въ Россію служить. Нѣсколько словъ о разстроенномъ состояніи, о лишнихъ расходахъ, о перемѣнѣ жизни показались мнѣ странными; но я не обратилъ на нихъ большаго вниманія. При отъѣздѣ моемъ далъ я прощальный пиръ, на которомъ поклялся быть вѣчно вѣрнымъ дружбѣ и человѣчеству; на другой день, съ головной болью и съ книгою, отправился въ дорогу.

lib.pushkinskijdom.ru

V.

(ОТРЫВОКЪ.)

Въ 179.. году возвращался я въ Лифляндію съ веселою мыслію: обнять мою старушку-мать послѣ четырехъ лѣтней разлуки. Чѣмъ болѣе приближался я къ нашей мызѣ, тѣмъ сильнѣе волновало меня нетерпѣніе. Я погонялъ почтаря, хладнокровнаго моего единоземца, и душевно жалѣлъ о Русскихъ ямщикахъ и объ удалой Русской ѣздѣ.

Къ умноженію досады, бричка моя сломалась. Я принужденъ былъ остановиться. Къ счастію, станція была недалеко.

Я пошелъ пѣшкомъ въ деревню, чтобъ выслать людей къ бѣдной моей бричкѣ. Это было въ концѣ лѣта. Солнце садилось. Съ одной стороны дороги простирались распаханныя поля, съ другой луга, поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Издали слышалась печальная пѣснь молодой Эстонки. Вдругъ въ общей тишинѣ раздался явственно пушечный выстрѣлъ.... и замеръ безъ отзыва. Я удивился. Въ сосѣдствѣ не находилось ни одной крѣпости; какимъ же образомъ пушечный выстрѣлъ могъ быть слышанъ въ этой мирной сторонѣ? Я рѣшилъ, что, вѣроятно, гдѣ нибудь поблизости находился лагерь, и воображеніе перенесло меня на минуту къ занятіямъ воѣнной жизни, мною только что покинутой.

lib.pushkinskijdom.ru

Подходя къ деревнѣ, увидѣлъ я въ сторонѣ господскій домикъ. На балконѣ сидѣли двѣ дамы. Проходя мимо ихъ, я поклонился и отправился на почтовой дворъ.

Едва успѣлъ я справиться съ лѣнивыми кузнецами, какъ явился ко мнѣ старичекъ, отставной Русскій солдатъ, и отъ имени барыни позвалъ меня откушать чаю. Я согласился охотно и отправился на господскій дворъ.

Дорогой узналъ я отъ солдата, что старую барыню зовутъ Каролиной Ивановной, что она вдова, что дочь ея, Катерина Ивановна, уже въ невѣстахъ, что обѣ такія добрыя, и проч....

Старушка приняла меня ласково и радушно. Узнавъ меня, мою фамилію, Каролина Ивановна сочлась со мною свойствомъ; и я узналъ въ ней вдову фонъ-М., дальняго намъ родственника, храбраго Генерала, убитаго въ 1772-мъ году.

Между тѣмъ, какъ я, по видимому, со вниманіемъ вслушивался въ генеалогическія воспоминанія доброй Каролины Ивановны, я украдкою посматривалъ на ея милую дочь, которая разливала чай и мазала свѣжее янтарное масло на ломтики домашняго хлѣба. 18-ть лѣтъ, круглое румяное лице, темныя, узенькія брови, свѣжій ротикъ и голубые глазки — вполнѣ оправдывали мое ожиданіе. Мы скоро познакомились, и на третьей чашкѣ чаю уже обходился я съ нею какъ съ кузиною. Между тѣмъ, бричку мою привезли; Иванъ пришелъ мнѣ доложить, что она не прежде готова будетъ, какъ на другой день утромъ. Это извѣстіе меня вовсе не огорчило, и, по приглашенію Каролины Ивановны, я остался ночевать. . . . . .

lib.pushkinskijdom.ru

VI.

МАРІЯ ШОНИНГЪ *).

(НАЧАЛО ПОВѢСТИ.)

—

АННА ГАРЛИНЪ КЪ МАРІИ ШОНИНГЪ.

25-го апрѣля.

Милая Марія!

Что съ тобою дѣлается? Ужъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ не получала я отъ тебя ни строчки. Здорова ли ты? Если бы не всегдашнія хлопоты, я бы ужъ побывала у тебя въ гостяхъ; но ты знаешь: 21 миля — не шутка. Безъ меня хозяйство станетъ;

---

*) *Marie Schoning et Anne Harlin jugées en 1778 à Nurenberg.*

Marie Schoning, fille d'un ouvrier de Nurenberg, perdit son père à 17 ans. Elle le soignait seule, la pauvreté l'ayant forcée de renvoyer leur unique servante Anne Harlin.

En revenant de l'enterrement de son père, elle trouva deux officiers du revenu public, qui lui demandèrent à visiter les papiers du défunt, pour s'assurer s'il avoit payé les taxes en proportion de sa propriété. Ils trouvèrent après l'examen que le vieux Schoning n'avoit pas payé en proportion de ses moyens: ils mirent les sceaux. La jeune fille se retira dans une chambre sans meubles jusqu'à ce que les directeurs du trésor public eussent décidé sur cette affaire.

lib.pushkinskijdom.ru

Францъ въ немъ ничего не смыслитъ : настоящій ребенокъ. Ужъ не вышла ли ты замужъ? Нѣтъ, вѣрно ты бы обо мнѣ вспомнила и порадовала свою подругу вѣстію о своемъ счастіи. Въ послѣднемъ письмѣ ты писала , что твой бѣдный отецъ все еще хвораетъ ; надѣюсь , что весна ему помогла и что теперь ему легче. О себѣ скажу, что я , слава Богу, здорова и счастлива. Работа идетъ помаленьку, но я все еще не умѣю ни запрашивать , ни торговаться. А надобно будетъ выучиться. Францъ также довольно здоровъ , но съ нѣкоторыхъ поръ деревянная нога начинаетъ

Les officiers du fisc revinrent avec la décision de leurs chefs, munis d'un ordre qui enjoignait Marie Schoning de quitter la maison, confisquée au profit du trésor.

Mr Schoning était pauvre, mais économe. Une maladie de trois ans épuisa tout ce qu'il avait amassé. Marie alla chez les commissaires. Elle pleura, et le bureau fut inflexible.

La nuit elle alla au cimetière de St Jacques. — Elle en sortit le matin.

La police de Nurenberg assigne un demi-couronne aux gardes de nuit pour chaque femme arrêtée la nuit après 10 heures. Marie Schoning fut conduite au corps de garde. La lendemain elle fut emmenée devant le magistrat qui la renvoya, en la menaçant de l'envoyer dans la maison de correction en cas de récidive.

Marie voulait se jeter dans la Pegnitz... On l'appelle: elle voit Anne Harlin, ancienne servante de son père, qui avait épousé un invalide. Anne la consola: «la vie est courte, lui dit-elle, et le ciel c'est pour toujours, mon enfant.»

Marie fut recueillie chez les Harlins pendant une année. Elle y mena une vie assez misérable. Au bout de ce tems elle tomba malade. L'hiver vint, l'ouvrage manqua ; le prix des denrées s'accrut. Les meubles furent vendus pièce à pièce , excepté le grabat de l'invalide qui mourut au printems.

Un pauvre médecin traitait gratis le mari et la femme. Il apportait quelquefois une bouteille de vin, mais il n'avait pas d'argent. Anne se rétablit; mais elle devint apathique: le travail manqua tout à fait.

Au commencement de Mars, un soir, Marie sortit tout à coup.

Elle fut arrêtée par la patrouille de nuit. Le caporal la plaça au milieu des soldats, et lui dit que le lendemain elle sera fouettée. Marie s'écria qu'elle était coupable d'un enfanticide...

lib.pushkinskijdom.ru

его безпокоить; онъ мало ходитъ, а въ ненастное время кряхтитъ да охаетъ. Впрочемъ, онъ по прежнему веселъ, по прежнему любитъ выпить стаканъ вина и все еще не досказалъ мнѣ исторіи о своихъ походахъ. Дѣти ростутъ и хорошѣютъ. Франкъ становится молодцемъ. Вообрази, милая Марія, что ужъ онъ бѣгаетъ за дѣвчонками, а ему нѣтъ еще и трехъ лѣтъ. А какой забіяка! Францъ не можетъ имъ налюбоваться и ужасно его балуетъ; вмѣсто того, чтобъ ребенка унимать, онъ еще его подстрекаетъ и радуется всѣмъ его проказамъ. Мина гораздо степеннѣе; правда, она годомъ старше. Я начала ужъ учить ее азбукѣ. Она очень понятлива и, кажется, будетъ хороша собою. Но что въ красотѣ? была бы добра и разумна, тогда вѣрно будетъ и счастлива.

Amenée devant le juge, elle déclara avoir été accouchée par la femme Harlin et que celle-ci avait enterré son enfant dans un bois. Anne Harlin fut tout à coup arrêtée, et sur sa dénégation confrontée avec Marie; elle nia tout.

On apporta les instruments de tortures. Marie s'épouvanta — elle saisit les mains liées de sa prétendue complice et lui dit: «Anne, fais l'aveu qu'on te demande! Ma bonne Anne, tout sera fini pour nous, et Frank et Nany seront mis dans la maison des orphelins.»

Anne la comprit, l'embrassa, et dit — que l'enfant fut jeté dans la Pegnitz.

Le procès fut rapidement instruit. Elles furent condamnées à mort. — Le matin du jour fixé, elles furent amenées à l'église, où elles se préparèrent à la mort par la prière. Sur la charette Anne fut ferme, Marie fut agitée. Harlin monta sur l'échafaud et lui dit: «encore un instant, et nous serons là (au ciel)! Courage, une minute, et nous serons devant Dieu!»

Marie s'écria: «elle est innocente, je suis un faux témoin....» elle se jeta aux pieds du bourreau et du prêtre.... elle dit tout. L'exécuteur, étonné, s'arrête. Le peuple pousse des cris.... Anne Harlin interrogée par le prêtre et le bourreau dit avec répugnance (simplicité): «assurément elle a dit la vérité. Je suis coupable pour avoir menti et manqué de foi en la Providence.»

Un rapport est envoyé au magistrat. Le messager revient dans une heure avec l'ordre de procéder à l'exécution. L'exécuteur s'évanouit après avoir décapité Anne Harlin. Marie était déjà morte.

lib.pushkinskijdom.ru

P. S. Посылаю тебѣ въ гостинецъ косынку; обнови ее въ будущее воскресенье, когда пойдешь въ церковь. Это подарокъ Франца; но красный цвѣтъ идетъ болѣе къ твоимъ чернымъ волосамъ. Мущины этого не понимаютъ. Имъ все равно, что голубое, что красное. Прости, милая Марія, я съ тобою заболталась. Отвѣчай же мнѣ поскорѣе. Батюшкѣ засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе. Вѣкъ не забуду, что я провела три года подъ его кровлею, и что онъ обходился со мною, бѣдной сироткою, не какъ съ наемной служанкой, а какъ съ дочерью. Напиши мнѣ, каково его здоровье.

МАРІЯ ШОНИНГЪ КЪ АННѢ ГАРЛИНЪ.

28 апрѣля.

Я получила письмо твое въ прошедшую пятницу, но прочла его только сегодня. Бѣдный отецъ мой скончался въ тотъ самый день, въ 6-ть часовъ поутру; вчера были похороны.

Я никакъ не воображала, чтобъ смерть была такъ близка. Во все послѣднее время ему было гораздо легче, и г-нъ Кельцъ имѣлъ надежду на совершенное его выздоровленіе. Въ понедѣльникъ онъ даже гулялъ по нашему садику и дошелъ до колодезя, не задохнувшись. Возвратясь въ комнату, онъ почувствовалъ легкій ознобъ; я уложила его и побѣжала къ г-ну Кельцу: его не было дома. Возвратясь къ отцу, я нашла его въ усыпленіи; я подумала, что сонъ успокоитъ его совершенно. Г-нъ Кельцъ пришелъ вечеромъ; онъ осмотрѣлъ больнаго и былъ недоволенъ его состояніемъ. Онъ прописалъ ему новое лекарство. Ночью отецъ проснулся и просилъ ѣсть; я дала ему супу; онъ хлебнулъ одну ложку и болѣе не захотѣлъ. Онъ опять впалъ въ усыпленіе. На другой день съ нимъ сдѣлались спазмы. Г-нъ Кельцъ отъ него не отходилъ. Къ вечеру боль унялась; но имъ овладѣло такое безпокойство, что онъ пяти минутъ сряду не могъ лежать въ

lib.pushkinskijdom.ru

одномъ положеніи; я должна была поворачивать его съ боку на бокъ.... Передъ утромъ онъ утихъ и часа два лежалъ въ усыпленіи. Г-нъ Кельцъ вышелъ, сказавъ мнѣ, что воротится часа черезъ два. Вдругъ отецъ мой приподнялся и позвалъ меня; я къ нему подошла и спросила: что ему надобно? Онъ сказалъ мнѣ: «Марья, что такъ темно? открой ставни.» Я испугалась и сказала ему: Батюшка! развѣ вы не видите.... ставни открыты. Онъ сталъ искать около себя, схватилъ меня за руку и сказалъ: «Марья, Марья, мнѣ очень дурно — я умираю.... Дай, благословлю тебя — поскорѣе.» Я бросилась на колѣна и положила его руку себѣ на голову — рука вдругъ отяжелѣла. Онъ сказалъ: «Господь! награди ее; Господь! Тебѣ ее поручаю.» Онъ замолкъ; я подумала, что онъ опять заснулъ, и нѣсколько минутъ не смѣла шевельнуться. Вдругъ вошелъ г-нъ Кельцъ, снялъ съ моей головы руку его и сказалъ мнѣ: «теперь оставьте его, подите въ свою комнату.» Я взглянула: отецъ лежалъ блѣдный и недвижимый. Все было кончено.

Добрый г-нъ Кельцъ цѣлые два дня не выходилъ изъ нашего дома и все распорядилъ, потому что я была не въ силахъ. И въ послѣдніе дни я одна ходила за больнымъ; некому было меня смѣнить. Часто я вспоминала о тебѣ и горько сожалѣла, что тебя съ нами не было. Вчера я встала съ постели и пошла было за гробомъ; но мнѣ стало дурно. Я стала на колѣна, чтобъ издали съ нимъ проститься. Госпожа Ротберхъ сказала: какая комедіантка! Вообрази, что эти слова кольнули меня въ сердце; но мнѣ, право, было не до этой Ротберхъ! Вообрази, милая Анна, что эти два слова возвратили мнѣ силу. Я пошла за гробомъ удивительно легко. Въ церкви, мнѣ казалось, было чрезвычайно свѣтло и все кругомъ меня шаталось. Я не плакала. Мнѣ было душно, и мнѣ все хотѣлось смѣяться.

Его снесли на кладбище, что за церковью Св. Якова, и при мнѣ опустили въ могилу. Мнѣ вдругъ захотѣлось тогда ее разрыть, потому что я съ нимъ не совсѣмъ простилась. Но многіе еще гуляли по кладбищу, а я боялась, чтобъ Ротберхъ не сказала опять: какая комедіантка!

lib.pushkinskijdom.ru

Какая жестокость! не позволять дочери проститься съ мертвымъ отцомъ, если ей вздумается.

Возвратясь домой, я нашла чужихъ людей, которые сказали мнѣ, что надобно запечатать все имѣніе и бумаги покойнаго отца. Они оставили мнѣ мою комнату, только вынесли изъ нея все, кромѣ кровати и одного стула. Завтра воскресенье. Я не обновлю твоей косынки, но очень тебя за нее благодарю. Кланяюсь твоему мужу; дѣтей цѣлую. Прощай. Пишу тебѣ стоя у окошка, а чернилицу заняла у сосѣдей....

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОМУ ОТДѢЛУ.

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОВѢСТЕЙ И НЕДОКОНЧЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Въ этомъ отдѣлѣ собраны всѣ Повѣсти и Романы Пушкина, въ хронологическомъ порядкѣ. Къ нимъ присоединены здѣсь еще «Сцены изъ Рыцарскихъ» временъ, по соображеніямъ, которыя читатель усмотритъ въ примѣчаніяхъ къ нимъ. Отдѣлъ оканчивается отрывками изъ Повѣстей и неконченныхъ Разсказовъ Пушкина.

I.

АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Повѣсть напечатана уже по смерти автора, въ «Современникѣ» 1837 года, томъ VI. Въ рукописи романъ не имѣетъ заглавія, и на первой его страницѣ собраны эпиграфы, которыми авторъ, вообще любившій употребленіе эпиграфовъ, хотѣлъ украсить главы его. Для первой назначался стихъ изъ мало извѣстнаго стихотворенія И. И. Дмитріева: «Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ»:

« . . . . . Я въ Парижѣ
Я началъ жить, а не дышать.»

Для другихъ приготовлены были слѣдующіе:

lib.pushkinskijdom.ru

1.

Я тебѣ жену добуду,
Иль я мельникомъ не буду.

(Аблесимовъ, въ операхъ: «Мельникъ».)

2.

Ужъ столъ накрытъ, ужъ онъ рядами
Несчетныхъ блюдъ отягощенъ.

3.

Желѣзной волею Петра
Преображенная Россія....

(Языковъ.)

4.

Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ,
Желаніемъ честей размученъ....
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

(Державинъ.)

Эпиграфъ изъ «Руслана» приложенъ былъ самимъ Пушкинымъ къ IV главѣ при посылкѣ ея въ «Сѣверные Цвѣты» на 1829 годъ.

Отецъ невѣсты Ибрагимовой, старый бояринъ Гаврило Афонасьевичъ, названъ въ «Современникѣ», а потомъ и въ посмертномъ изданіи, Рагузинскимъ. Этого нѣтъ въ рукописи Пушкина. Онъ обозначенъ тамъ одною буквою Р***, да и не могъ быть Рагузинскимъ, потому что въ самомъ романѣ является молодой человѣкъ Рагузинскій (глава II), и объ Рагузинскомъ говорится еще какъ о предполагаемъ женихѣ Ибрагимовой невѣсты, которая по тексту «Современника» выходитъ тоже Рагузинская (глава V). При томъ же и родъ Рагузинскихъ не былъ старымъ Русскимъ родомъ: первый носившій это имя вывезенъ въ Россію въ одно время съ Абрамомъ Ганнибаломъ, какъ извѣстно. Самъ Пушкинъ указалъ въ главѣ VI романа, что Гаврило Афонасьевичъ долженъ носить имя Ржевскаго — одного изъ предковъ автора, подобно тому, какъ въ Ибрагимѣ онъ изобразилъ другаго своего предка — Ганнибала.

Въ рукописи есть нѣсколько мѣстъ, зачеркнутыхъ самимъ авторомъ и потому выпущенныхъ изъ романа. Касательно редакціи слѣдуетъ замѣтить, что редакція «Современника» ближе къ подлиннику, чѣмъ та, которая принята въ посмертномъ изданіи. Для полноты можно упомянуть, что у Пушкина написано: *чужіе края*, а

lib.pushkinskijdom.ru

не *чужіе краи*, какъ въ посмертномъ изданіи, *снисходительствовалъ его просьбамъ*, а не *къ его просьбамъ*, *сегодняшнюю ассамблею*, а не *сегоднешнюю ассамблею; холстяной фуфайкѣ*, а не *холстинной фуфайкѣ*, и проч. Кстати мы уже знаемъ, что Пушкинъ постоянно писалъ *мущина*, а не *мужчина*, щастіе, изчезъ и проч.: но въ рукописи встрѣчаются еще и другія особенности правописанія, какъ, напримѣръ: *произшедствіе* и т. п. Мы возстановили большія буквы въ собственныхъ именахъ и названіяхъ мѣстъ. (Посмертное изданіе вездѣ уничтожало ихъ, даже въ такихъ словахъ, какъ Регентъ, Адмиралтейской Коллегіи и др.)

Половину этого романа или этой повѣсти, Пушкинъ написалъ въ селѣ Михайловскомъ, въ 1827 году, а началъ повѣствованіе, можетъ быть, еще и ранѣе. Одна глава его, именно IV, была напечатана имъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ, подъ названіемъ: «IV глава изъ Историческаго романа.» Черезъ годъ Пушкинъ помѣстилъ отрывокъ изъ III главы въ «Литературной Газетѣ» 1830 года, изд. Барона Дельвига, № 13. Отрывокъ назывался: «Ассамблея при Петрѣ I», и къ нему сдѣлана была слѣдующая выноска: «См. Голикова и Русскую Старину.» Авторъ не подписалъ подъ нимъ своего имени. Не измѣняя основному правилу держаться неизмѣнно тексту посмертнаго изданія, настоящая редакція приняла за образецъ для наружной формы текстъ рукописи, сличенной съ текстомъ: «Современника.»

II.

ЛѢТОПИСЬ СЕЛА ГОРОХИНА.

Разсказъ напечатанъ былъ тоже по смерти автора, въ «Современникѣ» 1837 г., томъ VII.

Провѣривъ разсказъ этотъ съ рукописью, мы должны были выпустить оговорку, сдѣланную редакціей «Современника» къ первому его отдѣлу, конца котораго не нашлось въ бумагахъ Пушкина. Оговорка была слѣдующаго содержанія: «Здѣсь въ рукописи не достаетъ нѣсколькихъ листовъ, не найденныхъ въ бумагахъ покойнаго, а можетъ быть еще и не написанныхъ.» Что окончаніе первой главы было написано — свидѣтельствуетъ ссылка самого Пушкина въ этомъ мѣстѣ, имѣющая такую форму: «По изгнаніи и проч. до .... въ лапту, единственной наукѣ, въ коей пріобрѣлъ я достаточное познаніе во время пребыванія моего въ пансіонѣ.» Къ сожалѣнію, описанія, указаннаго авторомъ уже не находится въ его бумагахъ,

lib.pushkinskijdom.ru

какъ и другаго, послѣ словъ: «воспитанъ я былъ на мѣдныя деньги», тоже обозначеннаго ссылкой въ слѣдующей формѣ: «И проч. (въ грязи).»

Лѣтопись села Горохина названа была Пушкинымъ сперва: *Исторія Села Горохина;* но заглавіе это, имъ же и замаранное, ничѣмъ не замѣнено. Она набросана въ Болдинѣ, въ 1830 году, и въ серединѣ имѣетъ помѣтку: 31-го Октября, а на послѣдней страницѣ другую — 1-го Ноября *). Повѣсть покинута была вскорѣ самимъ авторомъ, который изъ нея взялъ только фамилію Бѣлкинъ, для повѣстей въ другомъ родѣ. «Въ Современникѣ», а за нимъ и въ посмертномъ изданіи, есть нѣкоторыя разницы съ рукописью. Такъ, вмѣсто заглавія: «Изъ Горохинскаго лѣтописца», они напечатали, неизвѣстно почему: «Донесеніе Горохинскаго старосты», выпустили нѣсколько прилагательныхъ: *уединеннаго* мѣста, *буйной* жестокостію и проч.

III.

ПОВѢСТИ БѢЛКИНА.

Повѣсти Бѣлкина изданы были въ 1831 году: Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, изданныя А. П. Спб. Типографія Плюшара, 1831 года. In 12°. За оглавленіемъ слѣдовалъ эпиграфъ изъ Фонъ-Визина

На страницѣ, слѣдующей за оглавленіемъ, находилось извѣстное «вступленіе» съ письмомъ пріятеля И. П. Бѣлкина о характерѣ и образѣ жизни послѣдняго. Вступленіе это было озаглавлено: «Отъ издателя.» Посмертное изданіе замѣнило титулъ другимъ: *Предисловіе,* и упростило самое названіе книги такъ: «Повѣсти Бѣлкина.» Примѣръ, впрочемъ, данъ былъ уже Пушкинымъ, который въ 1834 году перепечаталъ свою книгу подъ новымъ заглавіемъ: «Повѣсти, изданныя Александромъ Пушкинымъ.» Спб. Типографія Гинце. 1834. In 8°. Тогда же сдѣланы были и исправленія въ правописаніи, сохраненныя посмертнымъ изданіемъ, которому поэтому и слѣдуемъ.

---

*) Помѣтка въ самомъ текстѣ повѣсти, что она кончена г. Бѣлкинымъ Ноября 3-го дня 1827 года, написана у Пушкина на заготовленномъ мѣстѣ, другими чернилами, чѣмъ весь остальной текстъ, и, по всѣмъ признакамъ сдѣлана позднѣе 1830 г. Повѣсть писалась весьма скоро, и доказательствомъ тому служитъ, что въ приказѣ крестьянамъ, Пушкинъ не подписалъ фамиліи владѣтеля, Бѣлкина, а управляющаго, котораго прежде называлъ Горбовицкимъ, обозначилъ только двумя звѣздочками — изъ поспѣшности.

lib.pushkinskijdom.ru

IV.

РОСЛАВЛЕВЪ.

Разсказъ этотъ напечатанъ былъ при жизни Пушкина, въ «Современникѣ» 1836 года, томъ III; но Пушкинъ скрылъ тогда свое имя и далъ ему такое оглавленіе: «*Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы (1811 годъ).*» Внизу подписано было: «*съ Французскаго.*» Въ посмертномъ изданіи 1838—41 годовъ къ нему присоединено еще двѣ страницы изъ рукописи и измѣнено его названіе въ нынѣшнее. Вмѣстѣ съ тѣмъ изданіе это во многомъ отступило отъ редакціи «Современника.» Надо помнить что Пушкинъ помѣстилъ въ «Современникѣ» разсказъ, исправленный въ 1836 г., а посмертное изданіе — разсказъ прямо съ рукописи 1831 года, черновой. Отсюда и всѣ разницы двухъ текстовъ. Такъ, почти съ первой строчки мы уже видимъ варіянты. Въ «Современникѣ» напечатано: «Онъ (романъ г. Загоскина: «Рославлевъ») вновь обратилъ вниманіе публики на происшествіе забытое, разбудилъ чувства негодованія, усыпленныя временемъ, и возмутилъ спокойствіе могилы», а въ посмертномъ изданіи по черновой рукописи: «Вниманіе публики вновь обратилось на происшествіе забытое, а чувства ненависти и негодованія, усыпленныя временемъ, пробудились и возмутили спокойствіе могилы.» Далѣе: въ «Современникѣ» — не старѣе Ломоносова; въ посмертномъ изданіи по опискѣ рукописи: не старѣ Ломоносова. Въ «Современникѣ» — «думать ея мыслями», въ посмертномъ изданіи — думать ея умомъ.» Въ «Современникѣ»: «Вниманіе гостей раздѣлено было *между осетромъ и M-me de Staël*», въ посмертномъ изданіи: «*между блюдами*», да оно также выпустило и прибавку нѣсколько выше: «И казалось, были наши умники гораздо болѣе довольны ухою князя, нежели бесѣдою M-me de Staël» — фраза, дѣйствительно зачеркнутая въ рукописи, но возстановленная опять Пушкинымъ при печати. Въ «Современникѣ», наконецъ, въ письмѣ г-жи Сталь къ Полинѣ: *de M-me votre mère*, въ посмертномъ изданіи: *de M-me votre Maman*, и проч.

Не говоримъ уже о мелочахъ: такъ, въ черновой рукописи: «разсказывала *я за обѣдомъ у* ***», а въ «Современникѣ»: «*въ одномъ очень порядочномъ обществѣ*»; въ черновой рукописи: «вихрю веселья, сближась, ничтожность, Коринны», а въ «Современникѣ»: вихрю веселій, сблизясь, ничтожество, Корины и проч. Но самое любопытное измѣненіе сдѣлано Пушкинымъ въ словахъ Полины:

lib.pushkinskijdom.ru

«Но пусть она (г-жа Сталь) вывезетъ объ нашей свѣтской черни мнѣніе, котораго *они* достойны.» Такъ написана фраза въ рукописи и такъ передана посмертнымъ изданіемъ; но въ 1836 году Пушкинъ ее смягчилъ для «Современника» и напечаталъ: *объ этой свѣтской мелочи*. Это черта біографическая. Наконецъ въ посмертномъ изданіи есть нѣсколько пропущенныхъ словъ и фразъ отъ невниманія и небрежности «они видѣли въ ней 50-ти лѣтнюю бабу» — пропущено еще: толстую; «народъ, который отстоялъ свою бороду» — пропущено: тому сто лѣтъ, и проч.) и наконецъ есть произвольныя, ненужныя и уже ничѣмъ необъяснимыя измѣненія въ словахъ. Напримѣръ вмѣсто: «онъ былъ *заслуженный* человѣкъ», какъ въ рукописи и въ «Современникѣ», посмертное изданіе напечатало: «онъ былъ *солидный* человѣкъ»; вмѣсто: «эпоху *историческую*», эпоху *интересную*», вмѣсто: «былъ *такая бестія*», «былъ такой *хитрецъ*.» Все это исправлено въ нашемъ текстѣ.

Въ рукописи подъ отрывкомъ, напечатаннымъ «Современникомъ», стоитъ помѣтка: 22 Іюня 1831 года. Кромѣ дополненія, даннаго посмертнымъ изданіемъ, отыскано еще нѣсколько страницъ разсказа. Они находятся у насъ въ приложеніи VIII къ біографическимъ матеріаламъ.

V.

ДУБРОВСКІЙ.

Повѣсть эта, впервые напечатанная въ 1841 году посмертнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина, принадлежитъ къ 1832 году, какъ это видно изъ надписи на заглавномъ листѣ рукописи: «21 Октября 1832 года. Спб.» За ней слѣдуютъ числовыя помѣтки почти за каждой главой, выписываемыя здѣсь для любопытныхъ цѣликомъ. Подъ первой главой выставлено 25 Октября 1832 г. Спб.; подъ второй — 27 Октября и 29 Октября; подъ третьей — 2 Ноября; подъ шестой — 8 Ноября 1832 года; подъ седьмой — 9 Ноября; подъ осьмой — 11 Ноября; подъ девятой — 14 Декабря; подъ десятой — 16 Декабря; подъ двенадцатой — 21 Декабря; подъ тринадцатой — 25 Декабря 1832 г.; подъ четырнадцатой — 28 Декабря; подъ пятнадцатой — 29 Декабря и 1 Января 1833 года; подъ шестнадцатой — 3 Января; подъ семнадцатой — 6 Января; подъ осьмнадцатой — 15 Января, и подъ девятнадцатой (послѣдней) — 22 Января. Такимъ образомъ повѣсть писалась три мѣсяца и одинъ день. Вся она написана карандашемъ, весьма бѣгло, названія не имѣетъ (нынѣшнее названіе повѣсти дано посмертнымъ изданіемъ), и начальныя ея главы до осьмой

lib.pushkinskijdom.ru

мой включительно должны были составлять, по предположенію Пушкина, первый томъ, а остальныя—второй. Разобрана она правильно, исключая нѣкоторыхъ пропусковъ и грамматическихъ поправокъ. Къ числу первыхъ относится слѣдующая подробность въ описаніи *дамъ*, собравшихся на обѣдъ къ Кириллѣ Петровичу (глава девятая): «одѣтыя по запоздалой модѣ, въ поношенныхъ и дорогихъ нарядахъ, всѣ въ жемчугахъ и бриліантахъ»—подробность, выпущенная въ изданіи 1841 года. Въ отношеніи грамматическихъ поправокъ слѣдуетъ упомянуть объ одной, подавшей поводъ къ весьма дѣльному замѣчанію со стороны князя П. А. Вяземскаго.

Въ четвертой главѣ романа Пушкинъ написалъ: «отецъ его былъ не въ состояніи дать ему нужныя объясненія.» Въ копіи, приготовленной уже для типографіи, кто-то исправилъ это мѣсто такъ: «отецъ его былъ не въ состояніи дать ему нужныхъ объясненій.» Князь П. А. Вяземскій сдѣлалъ при этомъ случаѣ на поляхъ копіи слѣдующую замѣтку: «напрасно исправлено: разумѣется *дать нужныя объясненія;* вѣдь не сказано: *не дать нужныхъ объясненій*. Отрицательная частица *не* здѣсь относится къ объясненіямъ... Пушкинъ всегда слѣдовалъ этому правилу.» Слова князя П. А. Вяземскаго подтверждаются и замѣткой Пушкина въ критическихъ его разборахъ (см. статью: «Стихъ: *Два вѣка спорить не хочу*, критику показался неправильнымъ.») Въ концѣ ея Пушкинъ прибавляетъ: «Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цѣпь глаголовъ и отозваться въ существительномъ? Не думаю.» Несмотря на замѣтку князя П. А. Вяземскаго, посмертное изданіе, однакожъ, напечатало «*нужныхъ объясненій*». Нѣсколько опечатокъ и незначительныхъ недосмотровъ изданія исправлены въ нашемъ текстѣ, гдѣ сохранено и правописаніе Пушкина въ словѣ: двенадцать.

VI.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.

Романъ этотъ напечатанъ былъ въ журналѣ «Современникъ» 1836 года, томъ IV. Извѣстно, что послѣ окончанія повѣсти слѣдовало тамъ объясненіе, подписанное: «Издатель. 19 Октября 1836 года.» Этимъ объясненіемъ Пушкинъ какъ будто хотѣлъ усвоить себѣ честь только редакціи повѣсти, а не сочиненія ея. Изъ этого объясненія посмертное изданіе 1838—1841 года выкинуло слѣдующія заключительныя строки: «Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена

lib.pushkinskijdom.ru

была намъ отъ одного изъ его внуковъ, который узналъ, что мы заняты были трудомъ, относящимся ко временамъ, описаннымъ его дѣдомъ. Мы рѣшились, съ разрѣшенія родственниковъ, издать ее особо, пріискавъ къ каждой главѣ приличный эпиграфъ и дозволивъ себѣ перемѣнить нѣкоторыя собственныя имена.»

Полагаемъ, что этотъ выпущенный параграфъ никого бы не обманулъ насчетъ истиннаго происхожденія повѣсти, по вымыслу и сочиненію принадлежащей исключительно одному Пушкину.

Между прочимъ въ повѣсти есть пропускъ, сдѣланный самимъ авторомъ и относящійся къ XIII главѣ. Неважный эпизодъ, подвергнувшійся исключенію, вѣроятно, за то, что разстроивалъ экономію повѣсти, состоялъ изъ описанія происшествій, которыхъ былъ участникомъ Гриневъ, въ одной деревнѣ, куда онъ отлучился отъ полка. Эпизодъ должену былъ, какъ кажется, предшествовать параграфу, начинающемуся словами: «не стану описывать нашего похода и окончанія войны.»

При передачѣ повѣсти, мы держались преимущественно редакціи «Современника» и черновой рукописи и по нимъ сдѣлали нѣкоторыя маловажныя измѣненія въ правописаніи противъ редакціи посмертнаго изданія.

VII.

ПИКОВАЯ ДАМА.

Разсказъ напечатанъ былъ съ подписью одной буквы: Р, въ журналѣ: «Библіотека для Чтенія» 1834 года, томъ II, № 3 (Русская Словесность, Проза). Онъ вошелъ безъ перемѣны въ посмертное изданіе 1838 —41 годовъ.

VIII и IX.

ОТРЫВОКЪ: «*Несмотря на великія преимущества*», и ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ.

Повѣсть «Египетскія Ночи» напечатана была послѣ смерти автора, въ «Современникѣ» 1837 года, томъ VIII.

Текстъ совершенно сходенъ съ черновой рукописью Пушкина, за исключеніемъ развѣ того, что Импровизаторъ называется сначала Неаполитанцемъ у автора и что при свиданіи съ Чарскимъ онъ говоритъ свои отрывистыя фразы по Итальянски. Редакція «Современника» ихъ напечатала въ переводѣ. Вотъ онѣ по рукописи:

lib.pushkinskijdom.ru

«Lei voglia perdonar mi, si....» (Переведено: простите меня великодушно, если ....) — «Ho creduto.... ho sentito.... la vostra Eccellenza.... mi perdonera.» (Переведено: я осмѣлился думать, что..... ваше превосходительство.... не сочтете дерзостію). Также есть нѣкоторыя измѣненія въ словахъ Импровизатора, когда онъ бесѣдуетъ съ Чарскимъ о своемъ талантѣ. У Пушкина въ черновой рукописи все это мѣсто изложено гораздо проще. Восклицанія: «неизъяснимо!» въ подлинникѣ не находится, и послѣднія слова Итальянца приведены такъ: «Тщетно я самъ захотѣлъ бы это изъяснить», вмѣсто напечатанныхъ: «но и самъ онъ тщетно хотѣлъ бы высказать тайну свою словами.»

Отрывокъ, предшествующій «Египетскимъ Ночамъ», первоначально также напечатанъ въ «Современникѣ» 1837 года, томъ VIII, послѣ смерти автора нашего, и былъ снабженъ тамъ примѣчаніемъ П. А. П., перешедшимъ и въ посмертное изданіе 1838 —41 года. Вотъ оно: «Очеркъ и даже нѣкоторыя частности этого отрывка авторъ успѣлъ уже употребить въ неконченной повѣсти своей, напечатанной въ семъ же № «Современника» (въ семъ же изданіи, вар. посмерт. изд.) подъ названіемъ «Египетскія Ночи». Издатели не считаютъ за излишнее помѣстить здѣсь этотъ отрывокъ и въ томъ видѣ, какъ онъ приготовленъ былъ авторомъ еще до назначенія ему мѣста въ пьесѣ, какъ онъ набросанъ былъ въ видѣ запаснаго матеріала. Не безполезно учиться у хорошаго писателя, наблюдая, какъ онъ самъ сочиненіе свое критикуетъ, иныя части сжимая въ немъ, иныя развертывая. П. П.»

Прибавимъ къ словамъ П. А. П., что Пушкинъ особенно много трудился надъ «Египетскими Ночами.» По рукописямъ видно, что онъ четыре раза брался за этотъ предметъ и всякій разъ съ новой стороны. Вотъ почему, можетъ быть, и послѣдняя форма, данная ему, представляется намъ въ такомъ совершенствѣ. То же самое должно сказать и о стихотвореніи: «Чертогъ сіялъ . . . . .» Оно написано было еще въ 1825 году, какъ уже извѣстно читателямъ изъ біографическихъ метеріаловъ. Съ тѣхъ поръ стихотвореніе лежало въ бумагахъ Пушкина, ожидая употребленія, нѣсколько разъ передѣлывалось и наконецъ достигло настоящаго своего вида. Послѣ смерти автора, редакція «Современника» соединила это чудное произведеніе съ «Египетскими Ночами», слѣдуя, вѣроятно, мысли покойнаго или можетъ быть имѣя его чистый оригиналъ, и такимъ образомъ создался разсказъ: «Египетскія Ночи». Между прочимъ на черновую рукопись этой повѣсти употреблена была бумага, сквозь

lib.pushkinskijdom.ru

которую свѣтится штемпель фабрики и годъ «1834.» Дѣйствительно, къ этому году или, предполагая уже самый дальный срокъ, къ слѣдующему должно отнести все произведеніе. Нельзя пройти молчаніемъ довольно важное обстоятельство. Этотъ разсказъ имѣетъ оглавленіе, данное ему самимъ Пушкинымъ, и тѣмъ отличается отъ многихъ произведеній, названіе которымъ придуманы уже издателями его, какъ напримѣръ, «Дубровскій», «Арапъ Петра Великаго», «Галубъ», «Русалка» и проч. Отрывокъ, предшествующій «Египетскимъ Ночамъ», столько же принадлежитъ повѣсти, сколько и личнымъ запискамъ Пушкина: онъ весь почти состоитъ изъ чертъ его собственной нравственной физіономіи, которыя уже ослаблены или измѣнены въ Чарскомъ «Египетскихъ Ночей».

X.

СЦЕНЫ ИЗЪ РЫЦАРСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Эти Сцены напечатаны были по смерти Пушкина въ «Современникѣ» 1837 года, томъ V, и сопровождались тамъ странной помѣткой, которую приводимъ: «Спб. 1837 г. 28 Апрѣля.» Около трехъ мѣсяцевъ тому назадъ Пушкина уже не было на свѣтѣ, и для насъ остается неразрѣшимой загадкой, что значитъ эта помѣтка. Одно стихотвореніе, заключающееся въ Сценахъ, именно романсъ: «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный», взято изъ бумагъ Пушкина и помѣщено въ сценахъ редакціей «Современника». Оно, по всей вѣроятности, есть переводъ какого нибудь оригинальнаго провансальскаго романса. Въ VI сценѣ есть фраза, которая въ посмертномъ изданіи читается: «Постой, братъ, отложи свою проповѣдь», а въ «Современникѣ»: «Постой, братъ, успѣешь имъ проповѣдать.» Послѣдняя фраза сходна съ рукописью, хотя и заключаетъ въ себѣ ошибку, а первая — поправка издателей.

Въ рукописи эти сцены оглавленія не имѣютъ, а вмѣсто его въ скобкахъ стоитъ «Планъ». Такимъ образомъ ихъ должно считать первоначальнымъ планомъ будущаго произведенія — не болѣе. По нашему мнѣнію, онѣ написаны ранѣе 1830 г.; не въ 1827 ли? Тогда вышеприведенная помѣтка съ исправленнымъ годомъ будетъ имѣть значеніе. Здѣсь печатаются онѣ вслѣдъ за повѣстями, потому что скорѣе представляютъ разсказъ въ драматической формѣ, чѣмъ самую драму.

lib.pushkinskijdom.ru

ОТРЫВКИ И НЕКОНЧЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

I.

КИРДЖАЛИ.

Разсказъ напечатанъ былъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1834 года, т. VII, гдѣ онъ названъ «Повѣстію» въ заглавіи, хотя это скорѣе отрывокъ изъ записокъ, чѣмъ повѣсть въ точномъ смыслѣ слова. Настоящее его мѣсто было бы въ запискахъ Пушкина, какъ мы уже сказали; но намѣреніе автора, выраженное припиской: повѣсть, заставило насъ отнести его во второй отдѣлъ статей въ прозѣ.

II.

*«Гости съѣзжались на дачу **.»*

Отрывокъ этотъ былъ напечатанъ послѣ смерти Пушкина въ Альманахѣ 1839 г. «Сто Русскихъ Литтераторовъ» и въ посмертное изданіе его сочиненій не попалъ.

III.

«На углу маленькой площади.»

Отрывокъ напечатанъ впервые посмертнымъ изданіемъ 1838—41 годовъ.

IV.

СТАРИННЫЯ РУССКІЯ СТРАННОСТИ.

Оба отрывка, соединенныя подъ этимъ оглавленіемъ, напечатаны впервые посмертнымъ изданіемъ 1838—41 годовъ. Происхожденіе перваго намъ извѣстно изъ біографическихъ матеріаловъ. Это разсказъ П. В. Н—а, записанный Пушкинымъ; источникъ втораго неизвѣстенъ.

V.

«Въ 179 . . . году возвращался я въ Лифляндію.»

Отрывокъ напечатанъ былъ въ «Современникѣ» 1837 года, т. VIII,

lib.pushkinskijdom.ru

гдѣ находилась еще помѣтка: «глава вторая», выпущенная посмертнымъ изданіемъ, неизвѣстно почему.

VI.

МАРІЯ ШОНИНГЪ.

Напечатанъ былъ въ «Современникѣ» 1837 года, томъ восьмой. Французскій текстъ, составляющій программу повѣсти, взятъ изъ бумагъ Пушкина, но мы не знаемъ откуда почерпнулъ его самъ авторъ, не указавшій книги или вообще сочиненія при своей выписки.

lib.pushkinskijdom.ru

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ЖУРНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

I.

СТАТЬИ,

НАПЕЧАТАННЫЯ ПРИ ЖИЗНИ ПУШКИНА ВЪ РАЗНЫЕ ГОДА И ВЪ РАЗНЫХЪ ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

1.

О ПРЕДИСЛОВІИ Г-НА ЛЕМОНТЕ КЪ ПЕРЕВОДУ БАСЕНЪ И. А. КРЫЛОВА.

(Изъ «Московскаго Телеграфа» 1825.)

Любители нашей словесности были обрадованы предпріятіемъ Графа Орлова, хотя и догадывались, что способъ перевода столь блестящій и столь недостаточный нанесетъ нѣсколько вреда Баснямъ неподражаемаго нашего поэта. Многіе съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали предисловія Г-на Лемонте; оно въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательно, хотя и не совсѣмъ удовлетворительно. Вообще тамъ, гдѣ авторъ долженъ былъ необходимо писать по наслышкѣ, сужденія его могутъ иногда показаться ошибочными; напротивъ того, собственныя догадки и заключенія удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый писатель едва коснулся до такихъ предметовъ, о коихъ мнѣнія его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью *) съ невольной досадою, какъ

*) По крайней мѣрѣ въ переводѣ, напечатанномъ въ «Сынѣ Отечества». Мы не имѣли случая видѣть Французскій подлинникъ.

lib.pushkinskijdom.ru

иногда слушаешь разговоръ очень умнаго человѣка, который, будучи связанъ какими-то приличіями, слишкомъ многаго не договариваетъ и слишкомъ часто отмалчивается.

Бросивъ бѣглый взглядъ на Исторію нашей словесности, авторъ говоритъ нѣсколько словъ о нашемъ языкѣ, признаетъ его первобытнымъ, не сомнѣвается въ томъ, что онъ способенъ къ усовершенствованію, и ссылаясь на увѣренія Русскихъ, предполагаетъ, что онъ богатъ, сладкозвученъ и обиленъ разнообразными оборотами.

Мнѣнія сіи не трудно было оправдать. Какъ матеріалъ словесности, языкъ Славяно-Русскій имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми Европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній Греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отселѣ заемлетъ онъ гибкость и правильность. Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но въ послѣдствіи они сблизились, *и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей.*

Г. Лемонте напрасно думаетъ, что владычество Татаръ оставило ржавчину на Русскомъ языкѣ. Чуждый языкъ распространяется не саблею и пожарами, но собственнымъ обиліемъ и превосходствомъ. Какія-же новыя понятія, требовавшія новыхъ словъ, могло принести намъ кочующее племя варваровъ, не имѣвшихъ ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Ихъ нашествіе не оставило никакихъ слѣдовъ въ языкѣ образованныхъ Китайцевъ, и предки наши, въ теченіе двухъ вѣковъ стоная подъ Татарскимъ игомъ, на языкѣ родномъ молились Русскому Богу, проклинали грозныхъ властителей и передавали другъ другу свои сѣтованія. Таковой же примѣръ видѣли мы въ новѣйшей Греціи. Какое дѣйствіе имѣетъ на порабощенный народъ сохраненіе его языка? Разсмотрѣніе сего вопроса за-

lib.pushkinskijdom.ru

влекло-бы насъ слишкомъ далеко. Какъ-бы то ни было, едва ли полсотни Татарскихъ словъ перешло въ Русскій языкъ. Войны Литовскія не имѣли также вліянія на судьбу нашего языка; онъ одинъ оставался неприкосновенною собственностію несчастнаго нашего отечества.

Въ царствованіе Петра I началъ онъ примѣтно искажаться отъ необходимаго введенія Голландскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ словъ. Сія мода распространяла свое вліяніе и на писателей, въ то время покровительствуемыхъ Государями и вельможами; къ счастію явился Ломоносовъ.

Г. Лемонте въ одномъ замѣчаніи говоритъ о всеобъемлющемъ геніи Ломоносова; но онъ вглянулъ не съ настоящей точки на великаго сподвижника Великаго Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, Риторъ, Механикъ, Химикъ, Минералогъ, Художникъ и Стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ.... Первый углубляется въ Исторію отечества, утверждаетъ правила общественнаго языка его, даетъ законы и образцы классическаго краснорѣчія, съ несчастнымъ Рихманомъ предугадываетъ открытія Франклина, учреждаетъ фабрику, самъ сооружаетъ махины, даритъ художества мозаическими произведеніями и наконецъ открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка.

Поэзія бываетъ исключительною страстію немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни; но если мы станемъ изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда главнымъ и любимымъ его занятіемъ, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ. Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія. Слогъ его, ровный, цвѣтущій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго Славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія онаго съ

lib.pushkinskijdom.ru

языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему преложенія Псалмовъ и другія сильныя и близкія подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ суть его лучшія произведенія *). Они останутся вѣчными памятниками Русской словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобъ человѣкъ, умершій 70 лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики. Какъ будто нужны для славы великаго Ломоносова мѣлочныя почести моднаго писателя!

Упомянувъ объ исключительномъ употребленіи Французскаго языка въ образованномъ кругу нашихъ обществъ, Г. Л., столь же остроумно, какъ и справедливо, замѣчаетъ, что Русскій языкъ чрезъ то долженъ былъ непремѣнно сохранить драгоцѣнную свѣжесть, простоту и, такъ сказать, чистосердечность выраженій. Не хочу оправдывать нашего равнодушія къ успѣхамъ отечественной литературы, но нѣтъ сомнѣнія, что если наши писатели чрезъ то теряютъ много удовольствія, по крайней мѣрѣ языкъ и словесность много выигрываютъ. Кто отклонилъ Французскую поэзію отъ образцовъ классической древности? Кто напудрилъ и нарумянилъ Мельпомену Расина и даже строгую Музу стараго Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный лоскъ вѣжливости и остроумія на всѣ произведенія писателей 18 столѣтія? Общество M-mes du Deffand, Boufflers, d'Epinay, очень милыхъ и образованныхъ женщинъ. Но Мильтонъ и Данте писали не для *благосклонной улыбки прекраснаго пола.*

Строгій и справедливый приговоръ Французскому языку дѣлаетъ честь безпристрастію автора. Истинное просвѣщеніе без-

---

*) Любопытно видѣть, какъ тонко насмѣхается Тредьяковскій надъ *Славянщизнами* Ломоносова, какъ важно совѣтуетъ онъ ему перенимать *легкость и щеголеватость рѣченій изрядной компаніи!* Но удивительно, что Сумароковъ съ большою точностію опредѣлилъ въ одномъ полустишіи достоинство Ломоносова-поэта:

Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ!

Enfin Malherbe vint, et, le premier en France, etc.

lib.pushkinskijdom.ru

пристрастно. Приводя въ примѣръ судьбу сего прозаическаго языка, Г. Лемонте утверждаетъ, что и нашъ языкъ, не столько отъ своихъ поэтовъ, сколько отъ прозаиковъ долженъ ожидать *Европейской своей общежительности*. Русскій переводчикъ оскорбился симъ выраженіемъ; но если въ подлинникѣ сказано civilisation Européenne, то сочинитель чуть ли не правъ.

Положимъ, что Русская поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость, политика и философія еще по-Русски не изъяснялись; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Проза наша такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены *создавать* обороты для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны.

Г. Лемонте, входя въ нѣкоторыя подробности касательно жизни и привычекъ нашего Крылова, сказалъ, что онъ не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ и только понимаетъ по-Французски. *Не правда!* рѣзко возражаетъ переводчикъ въ своемъ примѣчаніи. Въ самомъ дѣлѣ, Крыловъ знаетъ главные Европейскіе языки и сверхъ того, онъ, какъ Альфіери, пятидесяти лѣтъ выучился древнему Греческому. Въ другихъ земляхъ таковая характеристическая черта извѣстнаго человѣка была бы прославлена во всѣхъ журналахъ; но мы въ біографіи славныхъ писателей нашихъ довольствуемся означеніемъ года ихъ рожденія и подробностями послужнаго списка, да сами же потомъ и жалуемся на невѣдѣніе иностранцевъ о всемъ, что до насъ касается.

Въ заключеніе скажу, что мы должны благодарить Графа Орлова, избравшаго истинно-народнаго поэта, дабы познакомить Европу съ литературою сѣвера. Конечно ни одинъ Французъ не осмѣлится, кого бы то ни было, поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можемъ предпочитать ему Крылова. Оба они вѣчно останутся любимцами своихъ единоземцевъ. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что простодушіе (naiveté, bonhomie) есть

lib.pushkinskijdom.ru

врожденное свойство Французскаго народа ; напротивъ того, отличительная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума , насмѣшливость и живописный способъ выражаться : Лафонтенъ и Крыловъ представители духа обоихъ народовъ.

P. S. Мнѣ показалось излишнимъ замѣчать нѣкоторыя явныя ошибки, простительныя иностранцу, напримѣръ сближеніе Крылова съ Карамзинымъ (сближеніе , ни на чемъ неоснованное), мнимая неспособность языка нашего къ стихосложенію совершенно метрическому и проч.

2.

О Г-ЖѢ СТАЛЬ И О Г. А. М—ВѢ.

(Изъ «Московскаго Телеграфа» 1825.)

Изъ всѣхъ сочиненій Г-жи Сталь , книга: *Десятилѣтнее изгнаніе* , должна была преимущественно обратить на себя вниманіе Русскихъ. Взглядъ быстрый и проницательный , замѣчанія разительныя по своей новости и истинѣ, благодарность и доброжелательство, водившія перомъ сочинительницы — все приноситъ честь уму и чувствамъ необыкновенной женщины. Вотъ что сказано объ ней въ одной рукописи : «Читая ея книгу *Dix ans d'exil* , можно видѣть ясно, что тронутая ласковымъ пріемомъ Русскихъ бояръ , она не высказала всего, что бросалось ей въ глаза *). Не смѣю въ томъ укорять краснорѣчивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость Русскому народу, вѣчному предмету невѣжественной клеветы писателей иностранныхъ.» Эта снисходительность , которую не

*) Рѣчь идетъ о большомъ обществѣ Петербургскомъ, прежде 1812 года. *Соч.*

lib.pushkinskijdom.ru

смѣетъ порицать авторъ рукописи, именно и составляетъ главную прелесть той части книги, которая посвящена описанію нашего отечества. Г–жа Сталь оставила Россію какъ священное убѣжище, какъ семейство, въ которое она была принята съ довѣренностію и радушіемъ. Исполняя долгъ благороднаго сердца, она говоритъ объ насъ съ уваженіемъ и скромностію, съ полнотою душевною хвалитъ, порицаетъ осторожно, *не выноситъ сора изъ избы*. Будемъ же и мы благодарны знаменитой гостьѣ нашей: почтимъ ея славную память, какъ она почтила гостепріимство наше....

Изъ Россіи Г-жа Сталь ѣхала въ Швецію по печальнымъ пустынямъ Финляндіи. Въ преклонныхъ лѣтахъ, удаленная отъ всего милаго ея сердцу, семь лѣтъ гонимая дѣятельнымъ деспотизмомъ Наполеона, принимая мучительное участіе въ политическомъ состояніи Европы, она не могла конечно въ сіе время (въ осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслажденія красотами природы. Не мудрено, что почернѣлыя скалы, дремучіе лѣса и озера наводили на нее уныніе.

Недокончанныя ея записки останавливаются на мрачномъ описаніи Финляндіи....

Г. А. М. *), *пробѣгая снова книжку Г-жи Сталь, набрелъ* на сей послѣдній отрывокъ и перевелъ его довольно тяжелою прозою, присовокупивъ къ оному слѣдующія *замѣчанія на грёзы Г–жи Сталь:* «Не говоря уже о обличеніи вѣтренаго легкомы-«слія, отсутствія наблюдательности и совершеннаго невѣдѣнія «мѣстности, невольно поражающихъ читателей, *знакомыхъ съ «твореніями автора книги о Германіи,* я въ свою очередь былъ «пораженъ самимъ разсказомъ, во всемъ подобнымъ пошлому «пустомѣльству тѣхъ *щепетильныхъ Французиковъ, которые, «немного времени тому назадъ, являясь съ скуднымъ запасомъ «свѣдѣній и богатыми надеждами въ Россію, такъ радостно*

*) «Сынъ Отечества» № 10.

lib.pushkinskijdom.ru

«принимались щедрыми и подъ часъ неумѣстно-добродушными «нашими соотечественниками (только по образу мыслей не «нашими современниками).»

Что за слогъ и что за *тонъ!* Какое сношеніе имѣютъ двѣ страницы Записокъ съ Дельфиною, Коринною, Взглядомъ на Французскую революцію и пр. и что есть общаго между *щепетильными* (?) *Французиками* и дочерью Неккера, гонимою Наполеономъ и покровительствуемою великодушіемъ Русскаго Императора?

«Кто читалъ творенія Г-жи Сталь», продолжаетъ Г. А. М., «въ коихъ такъ часто ширяется она и пр.... тому точно пока«жется страннымъ, какъ безпредѣльные лѣса и пр.... не сдѣла«ли другаго впечатлѣнія на автора Коринны, кромѣ скуки отъ «единообразія!» — За симъ Г. А. М. ставитъ въ примѣръ самаго себя. «Нѣтъ! никогда», говоритъ онъ, «не забуду я волненія «души моей, расширявшейся для вмѣщенія столь сильныхъ впе«чатлѣній. Всегда буду помнить утра.... и пр.» — Слѣдуетъ описаніе сѣверной природы, слогомъ совершенно отличнымъ отъ прозы Г-жи Сталь.

Далѣе совѣтуетъ онъ покойной сочинительницѣ, *посредствомъ какого либо толмача, разспросить извощиковъ своихъ о точной причинѣ пожаровъ* и пр.

Шутка о близости волковъ и медвѣдей къ Абовскому Университету отмѣнно не понравилась Г-ну А. М.; но Г. А. М. и самъ разшутился. «Ужели», говоритъ онъ, «400 студентовъ, «тамъ воспитывающихся, готовятъ себя въ звѣроловы? Въ этомъ «случаѣ, Академію сію могла бы она точнѣе назвать псарнымъ «дворомъ? Уже ли Г-жа Сталь не нашла другаго *способа отыскивать причинъ*, замедляющихъ ходъ просвѣщенія, какъ, пере«рядившись Діаной, заставить читателя рыскать вмѣстѣ съ со«бою въ лѣсахъ Финляндскихъ, по порошамъ за медвѣдями и «волками, и за чѣмъ ихъ искать въ берлогахъ?... Наконецъ отъ «страха, наведеннаго *на робкую душу нашей барыни* и проч.»

О сей *барынѣ* должно было говорить языкомъ вѣжливымъ образованнаго человѣка. Эту *барыню* удостоилъ Наполеонъ гоненія,

lib.pushkinskijdom.ru

Монархи довѣренности, Европа своего уваженія, а Г. А. М. журнальной статейки, не весьма острой и весьма неприличной.

Уваженъ хочешь быть, умѣй другихъ уважить.

3.

ОБЪ ВЫХОДѢ ИЛІАДЫ ГОМЕРА ВЪ ПЕРЕВОДѢ Н. ГНѢДИЧА.

(Изъ «Литературной Газеты» 1830.)

Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожиданный переводъ «Иліады»! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе,—съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго, высокаго подвига. Русская «Иліада» передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы со временемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность.

4.

РАЗБОРЪ РОМАНА М. Н. ЗАГОСКИНА «ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ».

(Изъ «Литературной Газеты» 1830.)

Въ наше время, подъ словомъ романъ, разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Вальтеръ Скоттъ увлекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но

lib.pushkinskijdom.ru

какъ они всѣ далеки отъ Шотландскаго чародѣя! подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвами своей дерзости. Въ вѣкъ, въ который хотятъ они перенести читателя, перебираются они сами съ тяжелымъ запасомъ домашнихъ привычекъ, предразсудковъ и дневныхъ впечатлѣній. Подъ беретомъ, осѣненнымъ перьями, узнаете вы голову, причесанную вашимъ парикмахеромъ; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV., проглядываетъ накрахмаленный галстухъ нынѣшняго dandy. Готическія героини воспитаны у madame Campan, а Государственные люди XVI столѣтія читаютъ Times и Journal des Débats. Сколько несообразностей, ненужныхъ мелочей, важныхъ упущеній! сколько изысканности, а сверхъ всего какъ мало жизни! Однакожъ сіи блѣдныя произведенія читаются въ Европѣ. Потому ли, что люди, какъ утверждала madame de Staël, знаютъ только исторію своего времени и, слѣдственно, не въ состояніи замѣтить нелѣпости романическихъ анахронизмовъ? Потому ли, что изображеніе старины, даже слабое и невѣрное, имѣетъ неизъяснимую прелесть для воображенія, притупленнаго однообразной пестротою настоящаго, ежедневнаго?

Спѣшимъ замѣтить, что упреки сіи во все не касаются «Юрія Милославскаго». Г. Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ. Добрый нашъ народъ, Бояре, Козаки, Монахи, буйные Шиши, — все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать, чувствовать въ смутныя времена Минина и Авраамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной Русской жизни, сколько истины и добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Ѳедьки Хомяка, Пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ разсказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ и въ сторону, но никогда не утомляетъ вниманія читателя. Разговоръ (живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простона-

lib.pushkinskijdom.ru

роденъ) обличаетъ мастера своего дѣла. Но неоспоримое дарованіе г. Загоскина замѣтно измѣняетъ ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ. Рѣчь Минина на Нижегородской площади слаба: въ ней нѣтъ порывовъ народнаго краснорѣчія. Боярская дума изображена холодно. Можно замѣтить два-три легкихъ анахронизма и нѣкоторыя погрѣшности противу языка и *костюма*. Напр., новѣйшее выраженіе: *столбовой дворянинъ*, употреблено въ смыслѣ человѣка знатнаго рода (*мужа честна*, какъ говорятъ Лѣтописцы); *охотиться*, вмѣсто: *ѣздить на охоту; пользовать*, вмѣсто: *лечить*. Эти два послѣднія выраженія не простонародныя, какъ, видно, полагаетъ авторъ, но просто принадлежатъ языку дурнаго общества. *Быть въ отвѣтѣ*, значило въ старину: *быть въ посольствѣ*. Нѣкоторыя пословицы употреблены авторомъ не въ ихъ первобытномъ смыслѣ: *изъ сказки слова не выкинешь*, вмѣсто *изъ пѣсни*. Въ пѣснѣ слова составляютъ стихъ, и *слова не выкинешь*, не испортивъ *склада*; сказка — дѣло другое. Но сіи мелкія погрѣшности и другія, замѣченныя въ 1-мъ № «Московскаго Вѣстника» нынѣшняго года, не могутъ повредить блистательному, вполнѣ заслуженному успѣху «Юрія Милославскаго».

5.

ЗАМѢТКА НА СЦЕНУ ИЗЪ ФОНЪ-ВИЗИНА: «РАЗГОВОРЪ У КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ».

(Изъ «Литературной Газеты» 1830.)

Недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ изъявили сомнѣніе: точно ли разговоръ у княгини Халдиной, напечатанный въ 3-мъ № «Литературной Газеты», есть сочиненіе Фонъ-Визина. Во первыхъ, родной племянникъ покойнаго автора ручается въ достовѣрности онаго; во вторыхъ, не такъ легко, какъ думаютъ, подѣлаться подъ руку творца Недоросля и Бригадира. Кто хотя немного изучалъ духъ и слогъ Фонъ-Визина, тотъ узнаетъ тот-

lib.pushkinskijdom.ru

часъ ихъ несомнѣнные признаки и въ «Разговорѣ». Статья сія замѣчательна не только какъ литературная рѣдкость, но и какъ любопытное изображеніе нравовъ и мнѣній, господствовавшихъ у насъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Княгиня Халдина говоритъ Сорванцеву *ты*, онъ ей также. Она бранитъ служанку, зачѣмъ не пустила она гостя въ уборную. «Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться?» — «Да вѣдь стыдно, В. С.» отвѣчаетъ служанка. — «Глупа, радость», возражаетъ княгиня. Все это, вѣроятно, было списано съ натуры. Мы и тутъ узнаемъ подражаніе нравамъ Парижскимъ. Изображеніе Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковыхъ. Онъ записался въ службу чтобъ ѣздить цугомъ. Онъ проводитъ ночи за картами и спитъ въ присутственномъ мѣстѣ, во время чтенія запутаннаго дѣла. Онъ чувствуетъ нелѣпость дѣловой бумаги, и соглашается съ мнѣніемъ прочихъ изъ лѣности и безпечности. Онъ продаетъ крестьянъ въ рекруты, и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія, и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взяткобрателей. Словомъ, онъ истинно Русской баричъ прошлаго вѣка, каковымъ образовала его природа и полупросвѣщеніе. Здравомыслъ напоминаетъ Правдина и Стародума, хотя въ немъ и менѣе педанства. Прочитавъ разговоръ у княгини Халдиной, пожалѣешь невольно, что не Фонъ-Визину досталось изображать новѣйшіе наши нравы.

6.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

(Изъ «Литературной Газеты» 1830.)

Въ одномъ изъ Московскихъ журналовъ выписываютъ объявленіе объ «Иліадѣ», напечатанное во 2-мъ № «Литературной Газеты», и говорятъ, что сіе *воззваніе на счетъ* (?) труда г-на Гнѣдича обнаруживаетъ духъ партіи, которая въ литературѣ не должна быть терпима. Въ доказательство чего даютъ замѣтить, что въ

lib.pushkinskijdom.ru

«Литературной Газетѣ» сказано: «Русская Иліада должна имѣть важное вліяніе на отечественную словесность»; и что въ предисловіи къ своему переводу Н. И. Гнѣдичь похвалилъ гекзаметры Барона Дельвига.

Вотъ лучшее доказательство правила, слишкомъ пренебрегаемаго нашими критиками: ограничиваться замѣчаніями чисто-литературными, не примѣшивая къ онымъ догадокъ на счетъ постороннихъ обстоятельствъ, догадокъ, большею частію столь же несправедливыхъ, какъ и неблагопристойныхъ. Объявленіе о переводѣ «Иліады» писано мною и напечатано во время отсутствія Барона Дельвига. Принужденнымъ нахожусь сказать, что нынѣшнія отношенія Барона Дельвига къ Н. И. Гнѣдичу *не суть дружескія:* но, какъ бы то ни было, это не можетъ повредить ихъ взаимному уваженію. Н. И. Гнѣдичь, по благородству чувствъ, ему свойственному, откровенно сказалъ свое мнѣніе на счетъ таланта Барона Дельвига, похваливъ произведенія Музы его. Примѣръ утѣшительный въ нынѣшнюю эпоху Русской Литературы *).

7.

О СОЧИНЕНІЯХЪ П. А. КАТЕНИНА.

(Изъ «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» 1833.)

На дняхъ вышли въ свѣтъ сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина.

Издатель (г. Бахтинъ) въ началѣ предисловія, весьма замѣчательнаго, упомянулъ о томъ, что П. А. Катенинъ почти при всту-

---

*) Ужели переводъ «Иліады» столь незначителенъ, что Н. И. Гнѣдичу нужно покупать себѣ похвалы? Если же нѣтъ, то неужели критикъ, по предполагаемой пріязни съ переводчикомъ, долженъ непремѣнно бранить трудъ его, чтобы показать свое безпристрастіе? *Прим. автора.*

lib.pushkinskijdom.ru

пленіи на поприще словесности былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками.

Намъ кажется, что г. Катенинъ (какъ и всѣ наши писатели вообще) скорѣе могъ бы жаловаться на безмолвіе критики, чѣмъ на ея строгость или пристрастную привязчивость. Критика, по настоящему, у насъ еще не существуетъ: не справедливо было бы намъ и требовать оной. У насъ и литература едва ли существуетъ, а на нѣтъ — суда нѣтъ, говоритъ неоспоримая пословица. Если публика можетъ довольствоваться тѣмъ, что называютъ у насъ критикой, то это доказываетъ только, что мы еще не имѣемъ нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ г. Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во первыхъ она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во вторыхъ и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ, напротивъ: шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самаго себя, что и какъ ему было угодно. Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождали его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ, бывъ одинъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, первый введши въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первый отрекся отъ романтизма, и обратился къ классическимъ идоламъ, когда читающей публикѣ начала нравиться новизна литературнаго преобразованія.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ г. Катенина былъ переводъ славной Биргеровой Леоноры. Она была уже извѣстна у насъ по невѣрному и прелестному подражанію Жуковскаго, который сдѣлалъ изъ ней тоже, что Байронъ въ своемъ Манфредѣ сдѣлалъ изъ Фауста: ослабилъ духъ и формы своего образца. Катенинъ это чувствовалъ и вздумалъ показать намъ Леонору въ

lib.pushkinskijdom.ru

энергической красотѣ ея первобытнаго созданія: онъ написалъ *Ольгу*. Но сія простота и даже грубость выраженій, сія *сволочь*, замѣнившая *воздушную цѣпь тѣней*, сія *висѣлица* вмѣсто *сельскихъ картинъ*, озаренныхъ лѣтнею луною, непріятно поразили непривычныхъ читателей и Гнѣдичь взялся высказать ея мнѣнія въ статьѣ, коей несправедливость обличена была Грибоѣдовымъ. Послѣ *Ольги* явился *Убійца*, лучшая, можетъ быть, изъ балладъ Катенина. Впечатлѣніе, имъ произведенное, было и того хуже. Убійца, въ припадкѣ сумасшествія, бранилъ мѣсяцъ, свидѣтеля его злодѣянія, *пльшивымъ!* Читатели, воспитанные на Флоріанѣ и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первыя неудачи Катенина; онѣ имѣли вліяніе и на слѣдующія его произведенія. На театрѣ имѣлъ онъ рѣшительные успѣхи. Отъ времени до времени въ журналахъ и альманахахъ появлялись его стихотворенія, коимъ наконецъ начали отдавать справедливость, и то скупо и не охотно. Между ими отличаются *Мстиславъ Мстиславичъ*, стихотвореніе, исполненное огня и движенія, и *Вторая быль*, гдѣ столько простодушія и истинной поэзіи.

Въ книгѣ, нынѣ изданной, просвѣщенные читатели замѣтятъ *идиллію*, гдѣ съ такою прелестною вѣрностію постигнута буколическая природа, не Геснеровская, чопорная и манерная, но древняя — простая, широкая, свободная; меланхолическую *Элегію*, мастерской переводъ трехъ пѣсенъ изъ *Inferno* и собраніе *романсовъ о Сидѣ*, сію простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую. Знатоки отдадутъ справедливость ученой отдѣлкѣ и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г. Катенина, слишкомъ пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

---

lib.pushkinskijdom.ru

8.

РАЗБОРЪ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО,

Архіепископа Бѣлорусскаго,

изд. Протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. Спб. 1835.

(Изъ «Современника» 1836.)

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткой рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславлѣ Императрицѣ Екатеринѣ во время Ея путешествія въ 1787 году: «Оставимъ Астрономамъ».... и проч. Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ реторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе, и заключаетъ въ себѣ игру выраженій, можетъ быть, слишкомъ затѣйливую: по нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ Высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ Государя Императора, пріѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1830 года, въ своей умилительной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе краснорѣчія. Впрочемъ, различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностію Двора Своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; Государь посѣтилъ Москву, опустощаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его принадлежитъ Исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею епархіей, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были Уніатамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ Уніатскіе костёлы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по

lib.pushkinskijdom.ru

обрядамъ нашей Церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у Русскаго Правительства; онъ доносилъ обо всемъ Святѣйшему Сѵноду и жаловался нашему посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлачинскій, прославившійся ненавистію къ нашей Церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году, Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою епархію. Овлачинскій и миссіонеры возмутили въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій на встрѣчу своему архипастырю, остановили колокольный звонъ и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель въ стѣнахъ Кутеинскаго монастыря, откуда тайно вывезли его въ телегѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичъ, предводительствуя Іезуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота, перебили окна; ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но, къ счастію, не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ.

Дерзость гонителей часъ отъ часу усиливалась. Польское правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, поносили православную Церковь, лестью и угрозами преклоняли къ Уніи не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елисавета Петровна, передъ самой Своей кончиною, и Государь Петръ III, при Своемъ восшествіи на престолъ, требовали отъ Польскаго двора, чтобъ гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но избавленіе православія предоставлено было Екатеринѣ II.

Георгій предсталъ передъ Нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда Она короновалась, и вслѣдъ за Русскимъ духовенствомъ принесъ Ей вмѣстѣ съ поздравленіями тихія сѣтованія народа, издревле намъ роднаго, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ Ея подданныхъ, и когда, нѣсколько вре-

lib.pushkinskijdom.ru

мени спустя, Святѣйшій Сунодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управленіе Псковскую епархію, Императрица на то не согласилась и сказала: «Георгій нуженъ въ Польшѣ.»

Въ 1765 Георгій явился въ Варшавѣ и предъ тономъ Станислава съ жаромъ заступился за тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши. Король пораженъ былъ его словами. Онъ обѣщалъ свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣдующемъ году дѣйствительно повелѣлъ «Уніатскимъ архіереямъ, изъ среды своей избравъ одного епископа, прислать въ Варшаву, для изысканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ.» Но гордые Польскіе магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Вслѣдствіе сего Екатерина повелѣла Своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградою Русскихъ штыковъ, созванъ былъ сеймъ, учреждена согласительная коммиссія и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слуцкой конфедераціи, опредѣленъ былъ въ члены сей коммиссіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣятельно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ пріобрѣсти уваженіе своихъ противниковъ и даже ихъ довѣренность. «Мы за вами еще живемъ», сказалъ однажды ему Уніатскій епископъ Шептицкій: «а когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ.» Уніаты втайнѣ готовы были отложиться отъ Папы и снова соединиться съ Греко-Россійскою Церковью. Между тѣмъ Барская конфедерація, поддерживаемая политикою Шуазѣля, воспламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древнее достояніе нашего отечества, были ему возвращены — и въ 1773 году Георгій явился предъ Екатериною, уже какъ подданный, радостно привѣтствуя Избавительницу и законную Владычицу Бѣлоруссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвятить себя на управленіе своею епархіею. Просвѣщеніе духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ уче-

lib.pushkinskijdom.ru

нымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи 77 лѣтъ отъ роду.

Нынѣ протоіерей І. Григоровичъ издалъ собраніе сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго.

Проповѣди Георія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена имъ Екатеринѣ, по совершеніи Ея коронованія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей:

«Для молитвы постъ есть то же, что для птицы крылья.»

* * *

«Когда грѣшникъ, не хотящій покаяться въ беззаконіяхъ своихъ, молится Богородицѣ и вопіетъ Ей: *радуйся!* то привѣтствіе сіе столько же оскорбляетъ Ее, какъ и то Іудейское *радуйся*, когда распинатели Христовы, ударяя въ ланиту Божественнаго Сына Ея, приглашали: *радуйся, Царю Іудейскій!* *) Ибо нераскаянный грѣшникъ есть новый распинатель Христовъ **). Да ищемъ убо заступленія и покрова Ея, но оставимъ напередъ грѣхи свои: ибо съ грѣхами и изъ-подъ ризы Своея изринетъ насъ.»

* * *

«Душа безсмертная, отъ бреннаго тѣла, какъ птица изъ растерзанной сѣти, весело взлетѣвши, воспаряетъ въ рай богонасажденный, гдѣ вѣчно цвѣтетъ древо жизни, гдѣ жилище Самому Христу и Избраннымъ Его.»

* * *

«Тѣлеса наши, въ гробахъ согнившія и въ прахъ разсыпавшіяся, возникнутъ отъ земли, какъ трава весною, и по соединеніи съ душами востанутъ, и укажутся всему небу, предъ очами

*) Матѳ. 27, 22

**) Евр. 6, 6.

lib.pushkinskijdom.ru

ангеловъ и человѣковъ, предъ очами предковъ нашихъ и потомковъ, одни яко пшеница, другія же яко плевелы, ожидая серповъ ангельскихъ, и того мѣста, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевелъ.»

* * *

«*Вниди въ клѣть твою и помолися* *). Такая уединенная молитва и въ соборѣ можетъ имѣть мѣсто, если молящійся уединился отъ всѣхъ заботъ и попеченій, и пребываетъ безмолвенъ среди молвы, его окружающей; если онъ, отрясши отъ чувствъ своихъ всѣ страсти и вожделѣнія, единъ съ единымъ Богомъ бесѣдуетъ. Авраамъ, ведя сына своего Исаака на закланіе, говоритъ сопровождающимъ: *сѣдите здѣ со ослятемъ, азъ же и дѣтищѣ пойдемъ до онѣде, и поклонившеся, возвратимся къ вамъ* **). Такъ истинно молящійся, страстямъ своимъ, аки рабамъ, повелѣваетъ оставить его и ожидать, пока онъ молитву свою Богу, аки Исаака, въ жертву принесетъ. О, сколь отличны отъ сего молитвы наши! Мы и въ уединеніи цѣлое торжище вкругъ себя собираемъ. Молясь, и покупаемъ, и продаемъ, и хозяйствомъ управляемъ, и о лихоимствѣ заботимся, и друзьямъ ласкательствуемъ, и на враговъ вооружаемся, и о сластяхъ помышляемъ, и о сундукахъ своихъ трепещемъ. Подлинно, се ли молитва, и не паче ли торжище, молвы преисполненное? Гдѣ тутъ умъ, разумѣющій глаголы свои? Гдѣ сердце, долженствующее прилѣпиться къ Богу? Одни уста трубятъ и языкъ какъ кимвалъ звяцаетъ; а мысли какъ птицы въ воздухѣ, по всѣмъ странамъ носятся, а сердце хладно, какъ бездушный трупъ, закрытый вмѣстѣ съ сокровищемъ нашимъ.»

* * *

«Іосифъ, проданный братіями своими во Египетъ, содѣлавшись правителемъ царства, далъ имъ въ удѣлъ самую богатую землю, Гесемъ именуемую ***). Сынъ Божій, по безмѣрной благости

*) **Матѳ. 6, 6.**

) **Быт. 22, 5.

***) **Быт. 47. 6 и.**

lib.pushkinskijdom.ru

Своей, соединившійся съ нашею природою, и такимъ образомъ содѣлавшійся Братомъ нашимъ, даетъ намъ, не часть нѣкую области небесной, но все царство Свое нераздѣльне. Небо отверсто для насъ; престолы уготованы; объятія Божествѣннаго Брата нашего ждутъ насъ. Пойдемъ, полетимъ къ Небу: но прежде должны мы сбросить съ себя всю тяготу мірскую, влекущую насъ къ землѣ.»

* * *

«Невѣрующему чудесамъ мы смѣло можемъ сказать съ блаженнымъ Августиномъ: «Большее изъ всѣхъ чудесъ чудо есть то, что дванадесять человѣкъ, безкнижныхъ, безоружныхъ, нищихъ, проповѣдывавшихъ крестъ, побѣдили, не только Владыкъ и сильныхъ земли, но и самихъ боговъ языческихъ, и цѣлый свѣтъ Христу покорили.» Ты возразишь мнѣ на сіе, что сіи побѣдители міра сами были умерщвлены, и ни одинъ почти изъ нихъ не кончилъ жизни безъ мученій, безъ креста, меча и огня. Но вотъ мой краткій отвѣтъ: на то и посланы были сіи побѣдители своимъ Воеводою: *Се азъ посылаю васъ, яко овцы посредѣ волковъ: предадятъ вы на совѣты, и на соборищахъ избіютъ васъ* *). Особое убо чудо міру и печать истины Евангельской есть страдальческая смерть посланниковъ-побѣдителей. Но посмотри, что съ сими убіенными послѣдовало? Цари персть ихъ почитаютъ, и отложивъ порфиру и вѣнецъ, благоговѣйно преклоняютъ колѣна предъ гробами ихъ.

«Нигдѣ не читаемъ, чтобы язычники страдали такъ за своихъ идоловъ, какъ мученики Христіанскіе за вѣру Христову. Да и въ нынѣшнихъ богоборныхъ сонмищахъ атеистовъ и натуралистовъ, въ главныхъ гнѣздахъ ихъ, во Франціи и Англіи, нашелся ли хотя одинъ такой ревнитель, который бы за безбожіе свое или натурализмъ произвольно на муки дерзнулъ? У насъ, въ Россіи, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, извѣстный боляринъ, уличенный въ безбожіи, однимъ показаніемъ кнута отрекся того.»

* * *

*) Матѳ. 10, 16, 17.

lib.pushkinskijdom.ru

«Говорятъ многіе: почему молитвы наши ни чудесъ не творятъ, ни лучшей перемѣны въ насъ не производятъ. Ахъ, стыдно и воспоминать молитвы наши! Объ нихъ можно то же сказать, что сказалъ кормчій одному бывшему на кораблѣ беззаконнику. Когда, во время сильной и опасной бури, всѣ плаватели обратились къ молитвѣ, и вмѣстѣ съ ними и оный беззаконникъ нѣчто промолвилъ; то кормчій остановилъ его сими словами: «ты, пожалуй, молчи; не знаетъ Богъ, что и ты съ нами, и по-«тому еще между отчаяніемъ и надеждою находимся; а какъ «услышитъ твою святую молитву, такъ мы и погибли.» Достойна ли молитва имени своего, когда она въ однихъ устахъ обращается, а умъ не помнитъ и не знаетъ того, что болтаетъ языкъ? Читаемъ: *глаголы моя внуши, Господи, разумѣй званіе мое* *); а сами ни глаголовъ не внушаемъ, ни званія нашего не разумѣемъ. Такая молитва перемѣнитъ ли насъ, окаянныхъ и грѣшныхъ, въ добрыхъ и богоугодныхъ? Грѣшными въ церковь приходимъ, грѣшнѣйшими выходимъ »

* * *

«Радость плотская ограничивается наслажденіемъ; по мѣрѣ, какъ затихаетъ веселый гудокъ, затихаетъ и веселость. Но радость духовная есть радость вѣчная; она не умаляется въ бѣдахъ, не кончается при смерти, но переходитъ и по ту сторону гроба.»

* * *

«Важны ли добрыя дѣла наши въ дѣлѣ спасенія? Я объясню тебѣ вопросъ сей подобіемъ. Возьми небольшой кусокъ мѣди, и понеси его на торжище; тамъ за него ты ничего не купишь; всякой съ насмѣшкою скажетъ тебѣ извѣстную пословицу: «приложи копѣйку, то купишь калачъ.» Но ежели тотъ самый металлъ будетъ имѣть изображеніе Государя твоего, или другой знакъ Его монеты; то купишь за него что тебѣ надобно. Такъ точно и дѣла наши. Ежели ты не имѣешь вѣры и упованія на Христа

*) Псал. 5, 2.

lib.pushkinskijdom.ru

Спасителя, не сомнѣвайся признать, что они суетны. Но тѣ самыя дѣла совокупи съ вѣрою и упованіемъ на Него, тогда они будутъ важны; и если потребно тебѣ откупиться отъ грѣховъ, или купить небесныя вѣчныя утѣхи, купишь ими несомнѣнно.»

* * *

«Мы познаемъ разумомъ души; а тѣлесныя очи суть какъ бы очки, чрезъ кои душевныя очи смотрятъ.»

* * *

«Чужій грѣхъ на мнѣ не лежитъ. Но если чужій грѣхъ содѣвается моимъ совѣтомъ, согласіемъ или неосторожнымъ примѣромъ; тогда онъ не только лежитъ на мнѣ, но какъ жерновъ тяготитъ душу мою. Горе человѣку тому, говоритъ Самъ Спаситель, *имъ же соблазнъ приходитъ* *). Дѣйствительно, грѣхъ соблазна прежде меня, прежде моей смерти, предшествуетъ на Судъ Божій, и уже по кончинѣ моей слѣдуетъ туда же за мною. Скажу тоже иными словами. Всѣ соблазненные примѣромъ моимъ, и прежде меня позванные на Судъ Божій, уже понесли туда грѣхи мои. Убо уже готовы для меня муки. Но тутъ еще не все. Я умеръ, и пересталъ грѣшить: но всѣ соблазненные мною, и притомъ всѣ, отъ соблазненныхъ мною вновь соблазняемые, оставалися еще въ сей жизни, посылаютъ, вслѣдъ за мною, безчисленныя беззаконія, отъ единаго примѣра моего, яко отъ единаго блата, истекающія. Убо готовы для меня новыя, сугубыя мученія! Вотъ какъ ужасенъ грѣхъ соблазна, ужаснѣе многоглавой Лернейской гидры!»

Конискій написалъ также нѣсколько стихотвореній Русскихъ, Польскихъ и Латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и видѣнъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показалась намъ достопримѣчательна:

Серпа ожидаютъ созрѣлые класы;
А намъ вѣстники смерти — сѣдые власы.
О! смертный, безпечный, посмотри въ зерцало:
Ты сѣдъ, какъ пятьдесятъ лѣтъ тебѣ миновало.

---

*) Матѳ. 18, 7.

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ же ты собрался въ смертную дорогу?
Съ чѣмъ ты предстанешь Правосудному Богу?
Путь смертный безвѣстенъ, и полонъ разбоя:
Искуснаго, храбраго требуетъ конвоя.
Кто жъ тебя поведетъ, и за тебя сразится?
Другъ, проводивъ тебя къ гробу, въ домъ возвратится.
Изнеможешь пѣшій, таща грѣховъ ношу!
Ахъ! тутъ-то нужно имѣть подмогу хорошу,
Подмогу, какая дана Сикеоту:
Но — та дана слезамъ, кровавому поту.
А ты много ли плакалъ за грѣхи? Считайся.
Не весь ли вѣкъ твой есть цѣпь грѣховъ? Признайся.
Ахъ! вижу, ты нагъ, какъ родила мать;
Ни лоскута на душѣ твоей не сыскать!
Повѣрь же, не внидешь въ небесны чертоги:
Въ адъ тебя низринутъ, связавъ руки, ноги.
Безъ масла дѣлъ благихъ гаснетъ свѣча Вѣры;
Затворятся брачныя буимъ дѣвамъ двери;
Можетъ быть, при смерти, «помяни мя» скажешь,
И тѣмъ уста свои навсегда завяжешь.
И такъ, доколѣ древа топоръ не коснется,
Плодъ добрыхъ дѣлъ тебѣ принесть остается.

Но главное произведеніе Конискаго остается до сихъ поръ неизданнымъ: *Исторія Малороссіи* извѣстна только въ рукописи. Георгій написалъ ее съ цѣлію государственною. Когда Императрица Екатерина учредила Коммиссію о составленіи новаго Уложенія, тогда депутатъ Малороссійскаго шляхетства Андрей Григорьевичъ Полетика обратился къ Георгію, какъ къ человѣку, свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конискій, справедливо полагая, что одна только исторія народа можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикой, необходимой въ исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время но-

lib.pushkinskijdom.ru

нятіямъ. Подъ словомъ *критики* я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конискій нечуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изувѣрству католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его разсказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ войны, и описываетъ битвы съ удивительною точностію. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою (Конискій происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго роду, и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафіи, вырѣзанной надъ его гробомъ и сочиненной имъ самимъ). Множество мѣстъ въ Исторіи Малороссіи суть картины, начертанныя кистію великаго живописца Дабы дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его, помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ его рукописи.

Введеніе Уніи.

«По истребленіи Гетмана Наливайки такимъ неслыханнымъ варварствомъ, вышелъ отъ Сейму или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, таковъ же варварскій приговоръ и на весь народъ Русской. Въ немъ объявленъ онъ отступнымъ, вѣроломнымъ и бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ сего Нероновскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ Русскихъ отъ Сейма національнаго и всего рыцарства, отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отборъ старостствъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ Русскихъ, и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство Русское названо хлопами, а народъ, отвергавшій Унію, схизматиками. Во всѣ правительственные и судебные уряды Малороссійскіе посланы Поляки съ

lib.pushkinskijdom.ru

многочисленными штатами; города заняты Польскими гарнизонами, а другія селенія ихъ же войсками; имъ дана власть все то дѣлать народу Русскому, что сами захотятъ и придумаютъ, а они исполняли сей наказъ съ лихвою, и что только замыслить можетъ своевольное, надменное и пьяное человѣчество, дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ Русскимъ безъ угрызенія совѣсти; грабительства, насиліе женщинъ и самыхъ дѣтей, побои, мучительства и убійства превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, почитая и называя народъ невольниками, или ясыромъ Польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ. Собиравшихся вмѣстѣ нѣсколькихъ человѣкъ для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ или празднествъ, тотчасъ съ побоями разгоняли, на разговорахъ ихъ пытками изтязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. Церкви Русскія силою и гвалтомъ обращали на Унію. Духовенство Римское, разъѣзжавшее съ тріумфомъ по Малой Россіи для надсмотра и понужденія къ Уніятству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двенадцати человѣкъ и болѣе. На прислугу сему духовенству выбираемы были Поляками самыя красивѣйшія изъ дѣвицъ. Русскія церкви несогласовавшихся на Унію прихожанъ отданы жидамъ въ аренду, и получена за всякую въ нихъ отправку денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и похороны мертвыхъ отъ одного до четырехъ талеровъ. Жиды, яко непримиримые враги Христіанства, сіи вселенскіе бродяги и притча въ человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такое надежное для нихъ скверноприбытчество, и тотчасъ ключи церковные и веревки колокольныя отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ христіанской новиненъ ктиторъ идти къ жиду торжиться съ нимъ, и по важности отправы, платить за нее и выпросить ключи; а жидъ притомъ, насмѣявшись довольно богослуженію Христіанскому и прехуливши все Христіанами чинимое, называя его языческимъ или, по ихъ, Гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ запись не отказано.

lib.pushkinskijdom.ru

«Страданіе и отчаяніе народа увеличилось новымъ приключеніемъ, сдѣлавшимъ еще замѣчательную въ сей землѣ эпоху. Чиновное шляхетство Малороссійское, бывшее въ воинскихъ и земскихъ должностяхъ, не стерпя гоненій отъ Поляковъ и не могши перенесть лишенія мѣстъ своихъ, а паче потерянія ранговыхъ и нажитыхъ имѣній, отложилось отъ народа своего и разными происками, посулами и дарами закупало знатнѣйшихъ урядниковъ Римскихъ, сладило и задружило съ ними, и мало-помалу согласилось первѣе на Унію, потомъ обратилось совсѣмъ въ католичество Римское. Въ послѣдствіи, сіе шляхетство, соединяясь съ Польскимъ шляхетствомъ свойствомъ, сродствомъ и другими обязанностями, отреклось и отъ самой породы Русской, и всемѣрно старалось изуродовать природныя названія свои, пріискать и придумать къ нимъ Польское произношеніе и назвать себя природными Поляками. Почему и доднесь между ними видны фамиліи совсѣмъ Русскаго названія, каковыхъ у Поляковъ не бывало, и въ ихъ нарѣчіи быть не могло, напримѣръ: Проскура, Чернецкій, Кисель, Воловичь, Сокирка, Комаръ, Жупанъ и премногія другія, а съ прежняго Чаплина названія Чаплинскій, съ Ходуна Ходневскій, съ Бурки Бурковскій и такъ далѣе. Слѣдствіемъ переворота сего было то, что имѣнія сему шляхетству и должности ихъ возвращены, а ранговыя утверждены имъ въ вѣчность и во всемъ сравнены съ Польскимъ шляхетствомъ. Въ благодарность за то приняли и они въ разсужденіи народа Русскаго всю систему политики Польской, и подражая имъ, гнали преизлиха сей несчастный народъ. Главное политическое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы ослабить войска Малороссійскія и разрушить ихъ полки, состоящіе изъ реестровыхъ казаковъ: въ семъ они и успѣли. Полки сіи, претерпѣвъ въ послѣднюю войну немалую убыль, не были дополнены другими отъ скарбу и жилищъ казаковъ. Запрещено чинить всякое въ полки вспоможеніе. Главные чиновники воинскіе, перевернувшись въ Поляки, сдѣлали въ полкахъ великія ваканціи. Дисциплина военная и весь порядокъ опущены и казаки реестровые стали нѣчто пресмыкающееся безъ пастырей и вождей. Самые курени

lib.pushkinskijdom.ru

казацкіе, бывшіе ближе къ границамъ Польскимъ, то отъ гоненія, то отъ ласкательствъ Польскихъ, послѣдуя знатной шляхтѣ своей, обратились въ Поляки и въ ихъ вѣру, и составили извѣстныя и понынѣ околицы шляхетскія. Недостаточные реестровые казаки, а паче холостые и мало привязанные къ своимъ жительствамъ, а съ ними и всѣ почти Охочекомонные, перешли въ Сѣчь Запорожскую и тѣмъ ее знатно увеличили и усилили, сдѣлавъ съ тѣхъ поръ, такъ сказать, сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ казаковъ, въ отечествѣ гонимыхъ; а напротивъ того, знатнѣйшіе Запорожскіе казаки перешли въ полки Малороссійскіе и стали у нихъ чиновниками, но безъ дисциплины и регулы: отъ чего въ полкахъ ихъ видимая сдѣлалась перемѣна.»

Казнь Остраницы.

«На мѣсто замученнаго Павлюги, выбранъ въ 1638 году Гетманомъ Полковникъ Нѣжинскій Стефанъ Остраница, а къ нему приданъ въ совѣтники изъ стараго и заслуженнаго товарищества Леонъ Гуня, коего благоразуміе въ войскѣ отмѣнно уважаемо было. Коронный Гетманъ Лянцкоронскій съ войсками своими Польскими не преставалъ нападать на города и селенія Малороссійскіе и на войска, ихъ защищавшія, и нападенія его сопровождаемы были грабежемъ, контрибуціями, убійствами и всѣхъ родовъ безчинствами и насиліями. Гетману Остраницѣ великаго искусства надобно было собрать свои войска, вездѣ разсѣянныя и всегда преслѣдуемыя Поляками и ихъ шпіонами; наконецъ собрались они скрытыми путями и по ночамъ къ городу Переяславлю, и первое предпріятіе ихъ было очистить отъ войскъ Польскихъ Приднѣпровскіе города, на обоихъ берегахъ сея рѣки имѣющіеся, и возстановить безопасное сообщеніе жителей и войскъ обѣихъ сторонъ. Успѣхъ соотвѣтствовалъ предпріятію весьма удачно. Войска Польскія, при городахъ и внутри ихъ бывшія, не ожидая никакъ предпріятій казацкихъ, по причинѣ наведенныхъ имъ страховъ послѣднею зрадою и лютостію, надъ Павлюгою и другими чинами произведенною, ликовали въ совершенной безпечности, и потому они вездѣ были разбиты; а

lib.pushkinskijdom.ru

упорно защищавшіеся истреблены до послѣдняго. Аммуниція ихъ и артиллерія достались казакамъ, и они, собравшись въ одно мѣсто, вооруженные наилучшимъ образомъ, пошли искать Гетмана Лянцкоронскаго, который съ главнымъ войскомъ Польскимъ собрался и укрѣпился въ станѣ при рѣкѣ Старицѣ. Гетманъ Остраница тутъ его засталъ и атаковалъ своимъ войскомъ. Нападеніе и отпоръ были жестокіе и превосходящіе всякое воображеніе. Лянцкоронскій зналъ, какому онъ подверженъ мщенію отъ казаковъ за злодѣйство, его вѣроломствомъ и зрадою произведенное надъ Гетманомъ ихъ Павлюгою и Старшинами, и для того защищался до отчаянія; а казаки, имѣя всегда въ памяти недавно видѣнныя ими на позорищѣ въ городахъ отрубленныя головы ихъ собратій, злобились на Лянцкоронскаго и Поляковъ до остервенѣнія, и потому вели атаку свою съ жестокостію, похожею на нѣчто чудовищное; и наконецъ, сдѣлавши залпъ со всѣхъ ружей и пушекъ и произведши дымъ почти непроницаемый, пошли и поползли на Польскія укрѣпленія съ удивительною отвагою и опрометчивостію, и вломясь въ нихъ, ударили на копья и сабли съ слѣпымъ размахомъ. Крики и стонъ народный, трескъ и звукъ оружія уподоблялись грозной тучѣ, все повергающей. Пораженіе Поляковъ было повсемѣстно и самое губительное. Они оборонялись однѣми саблями, не успѣвая заряжать ружьевъ и пистолетовъ, и шли задомъ до рѣки Старицы, а тутъ, повергаясь въ нее въ безпамятствѣ, перетопились и загрязли цѣлыми толпами. Гетманъ ихъ Лянцкоронскій, съ лучшею немногою конницею, завременно бросился въ рѣку, и переправившись черезъ нее, пустился въ бѣгъ, не осматриваясь и куда лошади несли. Станъ Польскій, наполненный мертвецами, достался казакамъ съ превеликою добычею, состоящею въ артиллеріи и всякаго рода оружіи и запасахъ. Казаки по сей славной побѣдѣ, воздѣвши руки къ Небесамъ, благодарили за нее Бога, любящаго за невинныхъ и неправедно гонимыхъ. Потомъ, отдавая долгъ человѣчеству, погребли тѣла убіенныхъ и сочли Польскихъ мертвецовъ 11,317, а своихъ 4727 человѣкъ, и въ томъ числѣ Совѣтника Гуню. Управившись съ похоронами и

lib.pushkinskijdom.ru

корыстьми, погнались за Гетманомъ Лянцкоронскимъ, и настигнувъ его въ мѣстечкѣ Полонномъ ожидающаго помощи изъ Польши, тутъ атаковали его, запершагося въ замкѣ. Онъ, не допустивъ казаковъ штурмовать замка, выслалъ противъ нихъ на встрѣчу церковную процессію съ крестами, хоругвями и духовенствомъ Русскимъ, кои, предлагая миръ отъ Гетмана и отъ всея Польши, молили и заклинали Богомъ Гетмана Остраницу и его войска, чтобы преклонились они на мирныя предложенія. По долгомъ совѣщаніи и учиненныхъ съ обѣихъ сторонъ клятвахъ, собрались въ церковь высланные отъ обоихъ Гетмановъ чиновники, и написавши тутъ трактатъ вѣчнаго мира и полной амнистіи, предающей забвенію все прошедшее, подписали его съ присягою на Евангеліи о вѣчномъ храненіи написанныхъ артикуловъ и всѣхъ правъ и привиллегій казацкихъ и общенародныхъ. За симъ разошлись войска во свояси.

«Гетманъ Остраница, разославъ свои войска, иныя по городамъ въ гарнизоны, а другія въ ихъ жилища, самъ, и со Старшинами Генеральными и со многими Полковниками и Сотниками, заѣхалъ въ городъ Каневъ для принесенія Богу благодарственныхъ моленій въ монастырѣ тамошнемъ. Поляки, отличавшіеся всегда въ условіяхъ и клятвахъ непостоянными и вѣроломными, держали трактатъ съ присягою, въ Полонномъ заключенный, наровнѣ со всѣми прежними условіями и трактатами, у казаковъ съ ними бывшими, то есть, въ одномъ вѣроломствѣ; а духовенство ихъ, присвоивъ себѣ непонятную власть на дѣла Божескія и человѣческія, опредѣляло храненіе клятвъ между одними только католиками своими, а съ другими народами бывшія у нихъ клятвы и условія всегда имъ разрѣшало и отметало, яко схизматицкія и суду Божію неподлежащія. По симъ страннымъ правиламъ, подлымъ коварствомъ сопровождаемымъ, свѣдавши Поляки чрезъ шпіоновъ своихъ, жидовъ, о поѣздкѣ Гетмана Остраницы съ штатомъ своимъ безъ нарочитой стражи въ Каневъ, тутъ его въ монастырѣ окружили многолюдною толпою войскъ своихъ, прошедшихъ по ночамъ и байракамъ до самаго монастыря Каневскаго, который стоялъ внѣ города. Гетманъ не прежде узналъ о

lib.pushkinskijdom.ru

семъ предательствѣ, какъ уже монастырь наполненъ былъ войсками Польскими, и потому сдался имъ безъ сопротивленія. Они, перевязавъ весь штатъ гѣтманскій и самаго Гетмана, всего тридцать семь человѣкъ, положили ихъ на простыя телеги, а монастырь и церковь тамошніе разграбили допослѣдка, зажгли со всѣхъ сторонъ и сами съ узниками скоропостижно убрались и прошли въ Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападенія отъ городовъ. Приближаясь къ Варшавѣ, построили они узниковъ своихъ пѣшо по два, вмѣстѣ связанныхъ, а каждому изъ нихъ накинули на шею веревку съ петлею, за которую ведены они конницею по городу съ тріумфомъ и барабаннымъ боемъ, проповѣдуя въ народѣ, что схизматики сіи пойманы на сраженіи, надъ ними одержанномъ; а потомъ заперты они въ подземныя тюрьмы и въ оковы. Жены многихъ захваченныхъ въ неволю чиновниковъ, забравши съ собою малолѣтныхъ дѣтей своихъ, отправились въ Варшаву, надѣясь умилостить и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательнымъ предстательствомъ дѣтей ихъ за своихъ отцевъ. Но они симъ пищу только кровожаднымъ тиранамъ умножили и отнюдь имъ не помогли; и чиновники сіи, по нѣсколькихъ дняхъ своего заключенія, повлечены на казнь безъ всякихъ разбирательствъ и отвѣтовъ.

«Казнь оная была еще первая въ мірѣ и въ своемъ родѣ, и неслыханная въ человѣчествѣ по лютости своей и коварству, и потомство едва ли повѣритъ сему событію, ибо никакому дикому, и самому свирѣпому Японцу, не придетъ въ голову ея изобрѣтеніе; а произведеніе въ дѣйство устрашило бы самыхъ звѣрей и чудовищъ.

«Зрѣлище оное открывало процессія Римская со множествомъ ксендзовъ ихъ, которые уговаривали ведомыхъ на жертву Малороссіянъ, чтобы они приняли законъ ихъ на избавленіе свое въ чистцу; но сіи, ничего имъ не отвѣчая, молились Богу по своей вѣрѣ. Мѣсто казни наполнено было народомъ, войскомъ и палачами съ ихъ орудіями. Гетманъ Остраница, Обозный Генеральный Сурмила и Полковники Недригайло, Боюнъ и Риндичъ были колесованы и имъ переломали поминутно руки и ноги, тянули съ

lib.pushkinskijdom.ru

нихъ по колесу жилы, пока они скончались; Полковники Гайдаревскій, Бутримъ, Запалѣй и Обозные Кизимъ и Сучевскій пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты живые на сваи; Есаулы Полковые: Постыличъ, Гарунъ, Сутяга, Подобай, Харчевичъ, Чуданъ, Чурай, и Сотники: Чуприна, Околовичъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворожбитъ прибиты гвоздями стоячіе къ доскамъ, облитымъ смолою, и сожжены медленно огнемъ; Хорунжіе: Могилянскій, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлѣй и Загнибѣда разтерзаны желѣзными когтями, похожими на медвѣжью лапу; Старшины: Ментяй, Дунаевскій, Скубрѣй, Глянскій, Завезунъ, Косырь, Гуртовый, Тумарь и Тугай четвертованы по частямъ. Жены и дѣти страдальцевъ оныхъ, увидя первоначальную казнь, наполняли воздухъ воплями своими и рыданіемъ, но скоро замолкли... Оставшихся же по матерямъ дѣтей, бродившихъ и ползавшихъ около ихъ труповъ, пережгли всѣхъ въ виду своихъ отцевъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ кои подкидывали уголь и раздували шапками и метлами.

«Главные члены человѣческіе, отрубленные у означенныхъ чиновниковъ Малороссійскихъ, какъ-то: головы, руки и ноги, развезены по всей Малороссіи и развѣшены на сваяхъ по городамъ. Разъѣзжавшія притомъ войска Польскія, наполнившія всю Малороссію, дѣлали все то надъ Малороссіянами, что только хотѣли и придумать могли: всѣхъ родовъ безчинства, насилія, грабежи и тиранства, превосходящія всякое понятіе и описаніе. Они между прочимъ нѣсколько разъ повторяли произведенныя въ Варшавѣ лютости надъ несчастными Малороссіянами, нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожигали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родителей, предавая самыхъ отцевъ лютѣйшимъ казнямъ. Наконецъ, ограбивъ всѣ церкви благочестивыя Русскія, отдали ихъ въ аренду жидамъ, и утварь церковную, какъ-то: потиры, дискосы, ризы, стихари и всѣ другія вещи, распродали и пропили тѣмъ же жидамъ, кои изъ серебра церковнаго подѣлали себѣ посуду и убранство, а ризы и стихари перешили на платье жидовкамъ; а сіи тѣмъ передъ Христіанами хвастались, показывая нагрудники, на коихъ видны знаки нашитыхъ кре-

lib.pushkinskijdom.ru

стовъ, ими сорванныхъ. И такимъ образомъ Малороссія доведена была Поляками до послѣдняго разоренія и изнеможенія, и все въ ней подобилось тогда нѣкоему хаосу или смѣшенію, грозящему послѣднимъ разрушеніемъ. Никто изъ жителей не зналъ и не былъ обнадеженъ, кому принадлежитъ имѣніе его, семейство и самое бытіе ихъ, и долго ли оно продлится? Всякой съ потеряніемъ имущества своего искалъ покровительства то у поповъ Римскихъ и Уніатскихъ, то у жидовъ, ихъ единомышленниковъ, а своихъ непримиримыхъ враговъ, и не могъ придумать, за что схватиться.»

Какъ историкъ, Георгій Конискій еще не оцѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадригалъ приноситъ иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большаго числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичъ, издавъ сочиненія великаго Архіепископа Бѣлоруссіи, оказалъ обществу важную услугу. Будемъ надѣяться, что и великій Историкъ Малороссіи найдетъ себѣ наконецъ столь же достойнаго издателя.

9.

ДЖОНЪ ТЕННЕРЪ.

(Изъ «Современника» 1836.)

Съ нѣкотораго времени Сѣверо-Американскіе Штаты обращаютъ на себя въ Европѣ вниманіе людей наиболѣе мыслящихъ. Не политическія происшествія тому виною: Америка спокойно совершаетъ свое поприще, донынѣ безопасная и цвѣтущая, сильная миромъ, упроченнымъ ей географическимъ ея положеніемъ, гордая своими учрежденіями. Но нѣсколько глубокихъ умовъ въ недавнее время занялись изслѣдованіемъ нравовъ и постановленій Американскихъ, и ихъ наблюденія возбудили снова вопросы,

lib.pushkinskijdom.ru

которые полагали давно уже рѣшенными. Уваженіе къ сему новому народу и къ его уложенію, плоду новѣйшаго просвѣщенія, сильно поколебалось. Съ изумленіемъ увидѣли демократію въ ея отвратительномъ цинизмѣ, въ ея жестокихъ предразсудкахъ, въ ея нестерпимомъ тиранствѣ. Все благородное, безкорыстное, все возвышающее душу человѣческую, подавленное неумолимымъ эгоизмомъ и страстію къ довольству (comfort); большинство, нагло притѣсняющее общество; рабство Негровъ посреди образованности и свободы; родословныя гоненія въ народѣ, не имѣющемъ дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющихъ робость и подобострастіе; талантъ, изъ уваженія къ равенству, принужденный къ добровольному остракизму; богачъ, надѣвающій оборванный кафтанъ, дабы на улицѣ не оскорбить надменной нищеты, имъ втайнѣ презираемой: такова картина Американскихъ Штатовъ, недавно выставленная передъ нами.

Отношенія Штатовъ къ Индѣйскимъ племенамъ, древнимъ владѣльцамъ земли, нынѣ заселенной Европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новыхъ наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и безчеловѣчіе Американскаго Конгресса осуждены съ негодованіемъ; такъ или иначе, чрезъ мечъ и огонь, или отъ рома и ябеды, или средствами болѣе нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближеніи цивилизаціи. Таковъ неизбѣжный законъ. Остатки древнихъ обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространныя степи, необозримыя рѣки, на которыхъ сѣтьми и стрѣлами добывали они себѣ пищу, обратятся въ обработанныя поля, усѣянныя деревнями, и въ торговыя гавани, гдѣ задымятся пироскафы и разовьется флагъ Американскій.

Нравы Сѣверо-Американскихъ дикарей знакомы намъ по описанію знаменитыхъ романистовъ. Но Шатобріанъ и Куперъ оба представили намъ Индѣйцевъ съ ихъ поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображенія. «Дикари, выставленные въ романахъ» — пишетъ Вашингтонъ Ирвингъ — «такъ же похожи на настоящихъ дикарей, какъ идиллическіе пастухи

lib.pushkinskijdom.ru

на пастуховъ обыкновенныхъ.» Это самое подозрѣвали и читатели; и недовѣрчивость къ словамъ заманчивыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями.

Въ Нью-Йоркѣ недавно изданы «Записки Джона Теннера», проведшаго тридцать лѣтъ въ пустыняхъ Сѣверной Америки, между дикими ея обитателями. Эти «Записки» драгоцѣнны во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ самый полный, и, вѣроятно, послѣдній документъ бытія народа, коего скоро не останется и слѣдовъ. Лѣтописи племенъ безграмотныхъ, онѣ разливаютъ истинный свѣтъ на то, что нѣкоторые философы называютъ естественнымъ состояніемъ человѣка; показанія простодушныя и безстрашныя, онѣ наконецъ будутъ свидѣтельствовать передъ свѣтомъ о средствахъ, которыя Американскіе Штаты употребляли въ XIX столѣтіи къ распространенію своего владычества и Христіанской цивилизаціи. Достовѣрность сихъ «Записокъ» не подлежитъ никакому сомнѣнію. Джонъ Теннеръ еще живъ; многія особы (между прочими Токвиль, авторъ славной книги: «De la démocratie en Amérique») видѣли его и купили отъ него самого его книгу. По ихъ мнѣнію, подлога тутъ быть не можетъ. Да и стоитъ прочитать нѣсколько страницъ, чтобы въ томъ удостовѣриться: отсутствіе всякаго искусства и смиренная простота повѣствованія ручаются за истину.

Отецъ Джона Теннера, выходецъ изъ Виргиніи, былъ священникомъ. По смерти жены своей, онъ поселился въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Элькъ-Горнъ, въ недальнемъ разстояніи отъ Цинцинната.

Элькъ-Горнъ былъ подверженъ нападеніямъ Индѣйцевъ. Дядя Джона Теннера однажды ночью, сговорясь съ своими сосѣдями, приблизился къ стану Индѣйцевъ и застрѣлилъ одного изъ нихъ. Прочіе бросились въ рѣку и утопли....

Отецъ Теннера, отправляясь однажды утромъ въ дальнее селеніе, приказалъ своимъ обѣимъ дочерямъ отослать маленькаго Джона въ школу. Онѣ вспомнили о томъ уже послѣ обѣда. Но шелъ дождь, и Джонъ осталея дома. Вечеромъ отецъ возвратил-

lib.pushkinskijdom.ru

ся и, узнавъ, что онъ въ школу не ходилъ, послалъ его самого за тростникомъ и больно его высѣкъ. Съ той поры отеческій домъ опостылилъ маленькому Теннеру; онъ часто думалъ и говаривалъ: «Мнѣ бы хотѣлось уйти къ дикимъ!»

«Отецъ мой» — пишетъ Теннеръ — «оставилъ Элькъ-Горнъ и отправился къ устью Бигъ-Міами, гдѣ онъ долженъ былъ завести новое поселеніе. Тамъ на берегу нашли мы обработанную землю и нѣсколько хижинъ, покинутыхъ поселенцами изъ опасенія дикихъ. Отецъ мой исправилъ хижины и окружилъ ихъ заборомъ. Это было весною. Онъ занялся хлѣбопашествомъ. Дней десять спустя по своемъ прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ намъ, что лошади его безпокоятся, чуя близость Индѣйцевъ, которые, вѣроятно, рыщутъ по лѣсу. «Джонъ» — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — «ты сегодня сиди дома.» Потомъ пошелъ онъ засѣвать поле съ своими Неграми и старшимъ моимъ братомъ.

«Насъ осталось дома четверо дѣтей. Мачиха, чтобъ вѣрнѣе меня удержать, поручила мнѣ смотрѣть за младшимъ, которому не было еще году. Я скоро соскучился и сталъ щипать его, чтобъ заставить кричать. Мачиха велѣла мнѣ взять его на руки и съ нимъ гулять по комнатамъ. Я послушался, но не переставалъ его щипать. Наконецъ она стала его кормить грудью; а я побѣжалъ проворно на дворъ и ускользнулъ въ калитку, оттуда въ поле. Не въ далекомъ разстояніи отъ дома, и близь самаго поля, стояло орѣховое дерево, подъ которымъ бѣгалъ я собирать прошлогодніе орѣхи. Я осторожно до него добрался, чтобъ не быть замѣчену ни отцемъ, ни его работниками.... Какъ теперь вижу отца моего, стоящаго съ ружьемъ на стражѣ посреди поля. Я спрятался за дерево и думалъ про себя: «Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть Индѣйцевъ!»

«Ужъ моя соломенная шляпа была почти полна орѣхами, какъ вдругъ услышалъ я шорохъ. Я оглянулся — Индѣйцы! Старикъ и молодой человѣкъ схватили меня и потащили. Одинъ изъ нихъ выбросилъ изъ моей шляпы орѣхи и надѣлъ мнѣ ее на голову. Послѣ того ничего не помню. Вѣроятно, я упалъ въ обморокъ, потому что не закричалъ. Наконецъ я очнулся подъ высокимъ

lib.pushkinskijdom.ru

деревомъ. Старика не было. Я находился между молодымъ человѣкомъ и другимъ Индѣйцемъ, широкоплечимъ и малорослымъ. Вѣроятно, я его чѣмъ нибудь да разсердилъ, потому что онъ потащилъ меня въ сторону, схватилъ свой *томагаукъ* (дубину) и знаками велѣлъ мнѣ глядѣть вверхъ. Я понялъ, что онъ мнѣ приказывалъ въ послѣдній разъ взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; но молодой Индѣецъ, похитившій меня, удержалъ ударъ, взнесенный надъ моею головою. Оба заспорили съ живостію. Покровитель мой закричалъ. Нѣсколько голосовъ ему отвѣчало. Старикъ и четыре другіе Индѣйца прибѣжали поспѣшно. Старый начальникъ, казалось, строго говорилъ тому, кто угрожалъ мнѣ смертію. Потомъ онъ и молодой человѣкъ взяли меня, каждый за руку, и потащили опять. Между тѣмъ, ужасный Индѣецъ шелъ за нами. Я замедлялъ ихъ отступленіе, и замѣтно было, что они боялись быть настигнуты.

«Въ разстояніи одной мили отъ нашего дома у берега рѣки, въ кустахъ, спрятанъ былъ ими челнокъ изъ древесной коры. Они сѣли въ него всѣ семеро, взяли меня съ собою и переправились на другой берегъ, у самаго устья Бигъ-Міами. Челнокъ остановили. Въ лѣсу спрятаны были одѣяла (кожаныя) и запасы; они предложили мнѣ дичины и медвѣжьяго жиру. Но я не могъ ѣсть. Нашъ домъ отселѣ былъ еще видѣнъ; они смотрѣли на него и потомъ обращались ко мнѣ со смѣхомъ. Не знаю, что они говорили.

«Отобѣдавъ, они пошли вверхъ по берегу, таща меня съ собою по прежнему, и сняли съ меня башмаки, полагая, что они мѣшали бѣжать. Я не терялъ еще надежды отъ нихъ избавиться, не смотря на надзоръ, и замѣчалъ всѣ предметы, дабы по нимъ направить свой обратный побѣгъ; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить слѣды. Я надѣялся убѣжать во время ихъ сна. Настала ночь; старикъ и молодой Индѣецъ легли со мною подъ одно одѣяло и крѣпко прижали меня. Я такъ усталъ, что тотчасъ заснулъ. На другой день я проснулся на зарѣ. Индѣйцы уже встали и готовы были въ путь. Такимъ образомъ шли мы четыре дня. Меня кормили скудно. Я все на-

lib.pushkinskijdom.ru

дѣялся убѣжать; но при наступленіи ночи сонъ каждый разъ мною овладѣвалъ совершенно. Ноги мои распухли и были всѣ въ ранахъ и въ занозахъ. Старикъ мнѣ помогъ кое-какъ и далъ пару *мокасиновъ* (родъ кожаныхъ лаптей), которые облегчили меня немного.

«Я шелъ обыкновенно между старикомъ и молодымъ Индѣйцемъ. Часто заставляли они меня бѣгать до упаду. Нѣсколько дней я почти ничего не ѣлъ. Мы встрѣтили широкую рѣку, впадающую (думаю) въ Міами. Она была такъ глубока, что мнѣ нельзя была ее перейти. Старикъ взялъ меня къ себѣ на плечи и перенесъ на другой берегъ. Вода доходила ему подъ мышки; я увидѣлъ, что одному мнѣ перейти эту рѣку было невозможно, и потерялъ всю надежду на скорое избавленіе. Я проворно вскарабкался на берегъ, сталъ бѣгать по лѣсу и спугнулъ съ гнѣзда дикую птицу. Гнѣздо полно было яицъ; я взялъ ихъ въ платокъ и воротился къ рѣкѣ. Индѣйцы стали смѣяться, увидѣвъ меня съ моею добычею, разложили огонь и стали варить яйца въ маленькомъ котлѣ. Я былъ очень голоденъ и жадно смотрѣлъ на эти приготовленія. Вдругъ прибѣжалъ старикъ, схватилъ котелъ и вылилъ воду на огонь вмѣстѣ съ яицами. Онъ наскоро что-то шепнулъ молодому человѣку. Индѣйцы поспѣшно подобрали яйца и разсѣялись по лѣсамъ. Двое изъ нихъ умчали меня со всевозможною быстротою. Я думалъ, что за нами гнались, и впослѣдствіи узналъ, что не ошибся. Вѣроятно, меня искали на томъ берегу рѣки....

«Два или три дня послѣ того, встрѣтили мы отрядъ Индѣйцевъ, состоявшій изъ двадцати или тридцати человѣкъ. Они шли въ Европейскія селенія. Старикъ долго съ ними разговаривалъ. Узнавъ (какъ послѣ мнѣ сказали), что бѣлые люди за нами гнались, они пошли имъ на встрѣчу. Произошло жаркое сраженіе, и съ обѣихъ сторонъ легло много мертвыхъ.

«Походъ нашъ сквозь лѣса былъ труденъ и скученъ. Черезъ десять дней пришли мы на берегъ Мауми. Индѣйцы разсыпались по лѣсу и стали осматривать деревья, перекликаясь между собою. Выбрали одно орѣховое дерево (hickory), срубили его,

lib.pushkinskijdom.ru

сняли кору и сшили изъ нея челнокъ, въ которомъ мы всѣ помѣстились; поплыли по теченію рѣки и вышли на берегъ у большой Индѣйской деревни, выстроенной близь устья другой какой-то рѣки. Жители выбѣжали къ намъ на встрѣчу. Молодая женщина съ крикомъ кинулась на меня и била по головѣ. Казалось, многіе изъ жителей хотѣли меня убить; однако старикъ и молодой человѣкъ уговорили ихъ меня оставить. По видимому, я часто бывалъ предметомъ разговоровъ, но не понималъ ихъ языка. Старикъ зналъ нѣсколько Англійскихъ словъ. Онъ иногда приказывалъ мнѣ сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная такимъ образомъ требовать отъ меня различныхъ услугъ.

«Мы отправились далѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Индѣйской деревни находилась Американская контора. Тутъ нѣсколько купцовъ со мною долго разговаривали. Они хотѣли меня выкупить; но старикъ на то не согласился. Они объяснили мнѣ, что я у старика заступлю мѣсто сына, умершаго недавно; обошлись со мною ласково и хорошо меня кормили во все время нашего пребыванія. Когда мы разстались, я сталъ кричать — въ первый разъ послѣ моего похищенія изъ дому родительскаго. Купцы утѣшили меня, обѣщавъ черезъ десять дней выкупить изъ неволи.»

Наконецъ челнокъ причалилъ къ мѣсту, гдѣ обитали похитители бѣднаго Джона. Старуха вышла изъ деревяннаго шалаша и побѣжала къ нимъ на встрѣчу. Старикъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она закричала, обняла, прижала къ сердцу своему маленькаго плѣнника и потащила въ шалашъ.

Похититель Джона Теннера назывался Монито-о-гезикъ. Младшій изъ его сыновей умеръ незадолго передъ происшествіемъ, здѣсь описаннымъ. Жена его объявила, что не будетъ жива если ей не отыщутъ ея сына, то есть она требовала молодаго невольника, съ тѣмъ, чтобъ его усыновить. Старый Монито-о-гезикъ съ сыномъ своимъ Кишъ-кау-ко и съ двумя единоплеменниками, жителями Гуронскаго озера, тотчасъ отправились въ путь, чтобъ только удовлетворить желаніе старухи. Трое молодыхъ людей,

lib.pushkinskijdom.ru

родственники старика, присоединились къ нему. Всѣ семеро пришли къ селеніямъ, расположеннымъ на берегахъ Огіо. Наканунѣ похищенія, Индѣйцы переправились черезъ рѣку и спрятались близъ Теннерова дома. Молодые люди съ нетерпѣніемъ ожидали появленія ребенка и нѣсколько разъ готовы были выстрѣлить по работникамъ. Старикъ насилу могъ ихъ удержать.

Возвратясь благополучно домой съ своею добычею, старый Монито-о-гезикъ на другой же день созвалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и Джонъ Теннеръ былъ торжественно усыновленъ на самой могилѣ маленькаго дикаря.

Была весна. Индѣйцы оставили свои селенія и всѣ отправились на ловлю звѣрей. Выбравъ себѣ удобное мѣсто, они стали ограждать его заборомъ изъ зеленыхъ вѣтвей и молодыхъ деревъ, изъ-за которыхъ должны были стрѣлять. Джону поручили обламывать сухія вѣточки и обрывать листья съ той стороны, гдѣ скрывались охотники. Маленькій плѣнникъ, утомленный зноемъ и трудомъ, всегда голодный и грустный, лѣниво исполнялъ свою должность. Старый Монито-о-гезикъ, заставъ однажды его спящимъ, ударилъ мальчика по головѣ своимъ *томагауком*ъ и бросилъ замертво въ кусты. Возвратясь въ таборъ, старикъ сказалъ женѣ своей: «Старуха! мальчикъ, котораго я тебѣ привелъ, ни къ чему негоденъ; я его убилъ. Ты найдешь его тамъ-то.» Старуха съ дочерью прибѣжали, нашли Теннера еще живаго и привели его въ чувства.

Жизнь маленькаго пріемыша была самая горестная. Его заставляли работать сверхъ силъ; старикъ и сыновья его били бѣднаго мальчика поминутно. Ѣсть ему почти ничего не давали; ночью онъ спалъ обыкновенно между дверью и очагомъ, и всякій, входя и выходя, непремѣнно давалъ ему ногою толчекъ. Старикъ возненавидѣлъ его и обходился съ нимъ съ удивительной жестокостію. Теннеръ никогда не могъ забыть слѣдующаго происшествія.

Однажды Монито-о-гезикъ, вышедъ изъ своей хижины, вдругъ возвратился, схватилъ мальчика за волосы, потащилъ за дверь и уткнулъ *какъ кошку* лицемъ въ навозную кучу. «Подобно

lib.pushkinskijdom.ru

всѣмъ Индѣйцамъ» — говоритъ Американскій издатель его Записокъ — «Теннеръ имѣетъ привычку скрывать свои ощущенія. Но когда разсказывалъ онъ мнѣ сіе приключеніе, блескъ его взгляда и судорожный трепетъ верхней губы доказывали, что жажда мщенія — отличительное свойство людей, съ которыми провелъ онъ свою жизнь — не была чужда и ему. Тридцать лѣтъ спустя, желалъ онъ еще омыть обиду, претерпѣнную имъ на двенадцатомъ году!»

Зимою начались военныя приготовленія. Монито-о-гезикъ, отправляясь въ походъ, сказалъ Теннеру: «Иду убить твоего отца, братьевъ и всѣхъ родственниковъ....» Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился и показалъ Джону бѣлую, старую шляпу, которую онъ тотчасъ узналъ: она принадлежала брату его. Старикъ увѣрилъ его, что сдержалъ свое слово, и что никто изъ его родныхъ уже болѣе не существуетъ.

Время шло, и Джонъ Теннеръ началъ привыкать къ судьбѣ своей. Хотя Монито-о-гезикъ все обходился съ нимъ сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчить его участь. Черезъ два года произошла важная перемѣна. Начальница племени Отавуавовъ, Нетъ-но-куа, родственница стараго Индѣйца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтобъ заплатить себѣ потерю сына. Джонъ Теннеръ былъ вымѣненъ на боченокъ водки и на нѣсколько фунтовъ табаку.

Вторично усыновленный Теннеръ нашелъ въ новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Онъ искренно къ ней привязался; вскорѣ отвыкъ отъ привычекъ своей дѣтской образованности и сдѣлался совершеннымъ Индѣйцемъ; и теперь, когда судьба привела его снова въ общество, отъ коего былъ онъ отторгнутъ въ младенчествѣ, Джонъ Теннеръ сохранилъ видъ, характеръ и предразсудки дикарей, его усыновившихъ.

«Записки» Теннера представляютъ живую и грустную картину. Въ нихъ есть какое-то однообразіе, какая-то сонная безсвязность и отсутствіе мысли, дающія нѣкоторое понятіе о жизни Американскихъ дикарей. Это длинная повѣсть о застрѣлен-

lib.pushkinskijdom.ru

ныхъ звѣряхъ, о метеляхъ, о голодныхъ, дальнихъ шествіяхъ, объ охотникахъ, замерзшихъ на пути, о скотскихъ оргіяхъ, о ссорахъ, о враждѣ, о жизни бѣдной и трудной, о нуждахъ, непонятныхъ для чадъ образованности.

Американскіе дикари всѣ вообще звѣроловы. Цивилизація Европейская, вытѣснивъ ихъ изъ наслѣдственныхъ пустынь, подарила имъ порохъ и свинецъ: тѣмъ и ограничилось ея благодѣтельное вліяніе. Искусный стрѣлокъ почитается между ими за великаго человѣка. Теннеръ разсказываетъ первый свой опытъ на поприщѣ, на которомъ потомъ прославился.

«Я отроду еще не стрѣлялъ. Мать моя (Нетъ-но-куа) только что купила боченокъ пороху. Ободренный ея снисходительностію, я попросилъ у ней пистолетъ, чтобъ идти въ лѣсъ стрѣлять голубей. Мать моя согласилась, говоря: «пора тебѣ быть охотникомъ.» Мнѣ дали заряженный пистолетъ и сказали, что если удастся застрѣлить птицу, то дадутъ ружье и станутъ учить охотѣ.

«Съ того времени я возмужалъ и нѣсколько разъ находился въ затруднительномъ положеніи; но никогда жажда успѣха не была во мнѣ столь пламенна. Едва вышелъ я изъ табора, какъ увидѣлъ голубей въ близкомъ разстояніи. Я взвелъ курокъ и поднялъ пистолетъ почти къ самому носу; прицѣлился и выстрѣлилъ. Въ то же время мнѣ послышалось жужжаніе, подобное свисту брошеннаго камня; пистолетъ полетѣлъ черезъ мою голову, а голубь лежалъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ.

«Не заботясь о моемъ израненномъ лицѣ, я побѣжалъ въ таборъ съ застрѣленнымъ голубемъ. Раны мои осмотрѣли; мнѣ дали ружье, порохъ и дробь и позволили стрѣлять по птицамъ. Съ той поры стали со мною обходиться съ уваженіемъ.»

Вскорѣ послѣ того молодой охотникъ отличился новымъ подвигомъ.

«Дичь становилась рѣдка; толпа наша (отрядъ охотниковъ съ женами и дѣтьми) голодала. Предводитель нашъ совѣтовалъ перенести таборъ на другое мѣсто. Наканунѣ назначеннаго дня для похода, мать моя долго говорила о нашихъ неудачахъ и объ

lib.pushkinskijdom.ru

ужасной скудости, насъ постигшей. Я легъ спать; но ея пѣсни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

«На другой день, рано утромъ, она разбудила насъ; велѣла обуваться и быть готовымъ въ походъ; потомъ призвала своего сына, Уа-ме-гонъ-е-бью, и сказала ему: «Сынъ мой, въ нынѣшнюю ночь я молилась Великому Духу. Онъ явился мнѣ въ образѣ человѣческомъ и сказалъ: Нетъ-но-куа! завтра будетъ вамъ медвѣдь для обѣда. Вы встрѣтите на пути вашемъ (по такому-то направленію) круглую долину и на долинѣ тропинку: медвѣдь находится на той тропинкѣ.»

«Но молодой человѣкъ, не всегда уважавшій слова своей матери, вышелъ изъ хижины и разсказалъ сонъ ея другимъ Индѣйцамъ. «Старуха увѣряетъ», сказалъ онъ, смѣясь, «что мы сегодня будемъ ѣсть медвѣдя; но не знаю, кто-то его убьетъ.» Нетъ-но-куа его за то побранила, но не могла уговорить идти на медвѣдя.

«Мы пошли въ походъ. Мущины шли впередъ и несли наши пожитки. Пришедъ на мѣсто, они отправились на ловлю, а дѣти остались стеречь поклажу до прибытія женщинъ. Я былъ тутъ же; ружье было при мнѣ. Я все думалъ о томъ, что говорила старуха, и рѣшился идти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядилъ ружье пулею и, не говоря никому ни слова, воротился назадъ.

«Я прибылъ къ одному мѣсту, гдѣ, вѣроятно, нѣкогда находился прудъ, и увидѣлъ круглое пространство посреди лѣса. Вотъ — подумалъ я — долина, назначенная старухою. Вскорѣ нашелъ родъ тропинки, вѣроятно, русло изсохшаго ручейка. Все покрыто было глубокимъ снѣгомъ.

«Мать сказывала также, что во снѣ видѣла она дымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился медвѣдь. Я былъ увѣренъ, что нашелъ долину, ею описанную, и долго ждалъ появленія дыма. Однакожъ, дымъ не показывался. Наскучa напраснымъ ожиданіемъ, сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ тамъ, гдѣ, казалось, шла тропинка, и вдругъ увязъ по поясъ въ снѣгу.

lib.pushkinskijdom.ru

«Выкарабкавшись проворно, прошелъ я еще нѣсколько шаговъ, какъ вспомнилъ вдругъ разсказы Индѣйцевъ о медвѣдяхъ, и мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, мѣсто, куда я провалился, была медвѣжья берлога. Я воротился и въ глубинѣ впадины увидѣлъ голову медвѣдя; приставилъ ему дуло ружья между глазами и выстрѣлилъ. Коль скоро дымъ разошелся, я взялъ палку и нѣсколько разъ воткнулъ ея конецъ въ глаза и рану; потомъ, удостовѣрясь, что медвѣдь убитъ, сталъ его тащить изъ берлоги, но не смогъ, и возвратился въ таборъ по своимъ слѣдамъ.

«Вошелъ въ шалашъ моей матери. Старуха сказала мнѣ: «Сынъ мой, вынь изъ котла кусокъ боброваго мяса, которое мнѣ дали сегодня, да оставь половину брату, который съ охоты еще не воротился и сегодня ничего не ѣлъ....» Я съѣлъ свой кусокъ и, видя, что старуха одна, подошелъ къ ней и сказалъ ей на ухо: «Мать! я убилъ медвѣдя!» — Что ты говоришь? — «Я убилъ медвѣдя!» — Точно ли онъ убитъ? — «Точно.» Она нѣсколько времени глядѣла на меня неподвижно; потомъ обняла меня съ нѣжностію и долго ласкал. Пошли за убитымъ медвѣдемъ, и какъ это былъ еще первый, то, по обычаю Индѣйцевъ, его изжарили цѣльнаго, и всѣ охотники приглашены были съѣсть его вмѣстѣ съ нами.»

Описаніе различныхъ охотъ и приключеній во время преслѣдованія звѣрей занимаетъ много мѣста въ «Запискахъ» Джона Теннера. Исторіи объ однихъ убитыхъ медвѣдяхъ составляютъ цѣлый романъ. То, что онъ говоритъ о *музѣ*, Американскомъ оленѣ (**cervus alces**), достойно изслѣдованія натуралистовъ.

«Индѣйцы увѣрены, что музъ между прочимъ одаренъ способностію долго оставаться подъ водою. Двое изъ моихъ знакомыхъ, люди нелживые, возвратились однажды вечеромъ съ охоты и разсказали намъ, что молодой музъ, загнанный ими въ маленькій прудъ, нырнулъ въ средину. Они до вечера стерегли его на берегу, куря табакъ; во все время не видали они ни малѣйшаго движенія воды, ни другой какой либо примѣты скрывшагося муза, и, потерявъ надежду на успѣхъ, наконецъ возвратились.

lib.pushkinskijdom.ru

«Нѣсколько минутъ по ихъ прибытіи, явился одинокій охотникъ съ свѣжею добычею. Онъ разсказалъ, что звѣриный слѣдъ привелъ его къ берегамъ пруда, гдѣ нашелъ онъ слѣды двухъ человѣкъ, по видимому, прибывшихъ туда съ музомъ почти въ одно время. Онъ заключилъ, что музъ былъ ими убитъ; сѣлъ на берегъ и вскорѣ увидѣлъ муза, приставшаго тихо надъ неглубокою водою, и застрѣлилъ его въ пруду.

«Индѣйцы полагаютъ, что музъ животное самое осторожное, и что достать его весьма трудно. Онъ бдительнѣе, нежели дикій буйволъ (bison, bos americanus) и Канадскій олень (karibou), и имѣетъ болѣе острое чутье. Онъ быстрѣе лося, осторожнѣе и хитрѣе дикой козы (l'antilope). Въ самую страшную бурю, когда вѣтеръ и громъ сливаютъ свой продолжительный ревъ съ безпрестаннымъ шумомъ проливнаго дождя, если сухой прутикъ хрустнетъ въ лѣсу подъ ногой или рукою человѣческой, музъ уже слышитъ. Онъ не всегда убѣгаетъ, но перестаетъ ѣсть и вслушивается во всѣ звуки. Если въ теченіе цѣлаго часа человѣкъ не произведетъ никакого шума, то музъ начинаетъ ѣсть опять, но ужъ не забываетъ звука, имъ услышаннаго, и на нѣсколько часовъ осторожность его остается дѣятельнѣе.»

Легкость и неутомимость Индѣйцевъ въ преслѣдованіи звѣрей почти неимовѣрны. Вотъ какъ Теннеръ описываетъ охоту за лосями.

«Холодная погода только что начиналась. Снѣгъ былъ еще не глубже одного фута, а мы уже чувствовали голодъ. Намъ встрѣтилась толпа лосей, и мы убили четырехъ въ одинъ день.

«Вотъ какъ Индѣйцы травятъ лосей. Спугнувъ съ мѣста, они преслѣдуютъ ихъ ровнымъ шагомъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Испуганные звѣри сгоряча опережаютъ ихъ на нѣсколько миль; но Индѣйцы, слѣдуя за ними все тѣмъ же шагомъ, наконецъ настигаютъ ихъ; толпа лосей, завидя ихъ, бѣжитъ съ новымъ усиліемъ, и исчезаетъ опять на часъ или на два. Охотники начинаютъ открывать ихъ скорѣе и скорѣе, и лоси все долѣе и долѣе остаются въ ихъ виду; наконецъ охотники ужъ ни на минуту не теряютъ ихъ изъ глазъ. Усталые лоси бѣгутъ тихой

lib.pushkinskijdom.ru

рысью; вскорѣ идутъ шагомъ. Тогда и охотники находятся почти въ совершенномъ изнеможеніи. Однакожъ они обыкновенно могутъ еще дать залпъ изъ ружей по стаду лосей; но выстрѣлы придаютъ звѣрямъ новую силу, а охотники, ежели снѣгъ не глубокъ, рѣдко имѣютъ духъ и возможность выстрѣлить болѣе одного или двухъ разъ. Въ продолжительномъ бѣгствѣ лось не легко высвобождаетъ копыто свое; въ глубокихъ снѣгахъ его достигнуть легко. Есть Индѣйцы, которые могутъ преслѣдовать лосей по степи и безснѣжной; но такихъ мало.»

Препятствія, нужды, встрѣчаемыя Индѣйцами въ сихъ предпріятіяхъ, превосходятъ все, что можно себѣ вообразить. Находясь въ безпрестанномъ движеніи, они не ѣдятъ по цѣлымъ суткамъ и принуждены иногда, послѣ такого насильственнаго поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь въ пропасти, покрытыя снѣгомъ, переправляясь черезъ бурныя рѣки на легкой древесной корѣ, они находятся въ ежеминутной опасности потерять или жизнь, или средства къ ея поддержанію. Подмочивъ гнилое дерево, изъ коего добываютъ себѣ огонь, часто охотники замерзаютъ въ снѣговой степи. Самъ Теннеръ нѣсколько разъ чувствовалъ приближеніе ледяной смерти. «Однажды рано утромъ» — говоритъ онъ — «я погналъ лося и преслѣдовалъ его до ночи; уже готовъ былъ достигнуть, но вдругъ лишился и силъ и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскорѣ она оледенѣла. Мои суконныя *митассы* (порты) изорвались въ клочки во время бѣга сквозь кустарники. Я почувствовалъ, что замерзаю.... Около полуночи достигъ мѣста, гдѣ стояла наша хижина; ея уже тамъ не было: старуха перенесла ее на другое мѣсто.... Я пошелъ по слѣдамъ моей семьи, и вскорѣ холодъ сталъ нечувствителенъ: мною овладѣло усыпленіе, обыкновенный признакъ предшествующей смерти. Я удвоилъ усилія, и хотя былъ въ совершенной памяти и понималъ очень хорошо опасность своего положенія, но съ трудомъ могъ удержать желаніе прилечь на землю. Наконецъ совершенно забылся, не знаю на долго ли, и, очнувшись какъ ото сна, увидѣлъ, что кружился на одномъ мѣстѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

«Я сталъ искать своихъ слѣдовъ и вдругъ вдали увидѣлъ огонь; но снова потерялъ чувства. Если бы я упалъ, то ужъ никогда бы не всталъ. Я сталъ опять кружиться на одномъ мѣстѣ; наконецъ достигъ нашей хижины. Вошедъ въ нее, я упалъ, однакожъ не лишился чувствъ. Какъ теперь вижу огонь, освѣщающій ярко нашу хижину, и ледъ, ее покрывающій; какъ теперь слышу слова старухи: она говорила, что ждали меня задолго передъ наступленіемъ ночи, не полагая, чтобъ я такъ долго остался на охотѣ.... Цѣлый мѣсяцъ я не могъ выдти: лице, руки и ляшки были у меня сильно отморожены....»

Подвергаясь таковымъ трудамъ и опасностямъ, Индѣйцы имѣютъ цѣлію заготовленіе бобровыхъ мѣховъ, буйволовыхъ кожъ и прочаго, дабы продать и вымѣнять ихъ купцамъ Американскимъ. Но рѣдко получаютъ они выгоду въ торговыхъ своихъ оборотахъ: купцы обыкновенно пользуются ихъ простотою и склонностію къ крѣпкимъ напиткамъ. Вымѣнявъ часть товаровъ на ромъ и водку, бѣдные Индѣйцы отдаютъ и остальные за безцѣнокъ; за продолжительнымъ пьянствомъ слѣдуетъ голодъ и нищета, и несчастные дикари принуждены вскорѣ опять обратиться къ скудной и бѣдственной своей промышленности. Джонъ Теннеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ одну изъ этихъ оргій.

«Торгъ нашъ кончился. Старуха подарила купцу десять прекрасныхъ бобровыхъ мѣховъ. Въ замѣну подарка обыкновенно получала она одно платье, серебряныя украшенія, знаки ея владычества, и бочку рому. Когда купецъ послалъ за нею, чтобъ вручить свой подарокъ, она такъ была пьяна, что не могла держаться на ногахъ. Я явился вмѣсто нея и былъ немножко навеселѣ; нарядился въ ея платье, надѣлъ на себя и серебряныя украшенія; потомъ взваливъ бочку на плечи, принесъ ее въ хижину. Тутъ я поставилъ бочку на земь и прошибъ дно обухомъ. «Я не изъ тѣхъ начальниковъ» — сказалъ я — «которые тянутъ ромъ изъ дырочки: пей кто хочетъ и сколько хочетъ!» — Старуха прибѣжала съ тремя котлами, — и въ пять минутъ все было выпито. Я пьянствовалъ съ Индѣйцами во второй разъ отроду; у меня спрятанъ былъ ромъ; тайно ходилъ я пить и былъ пьянъ

lib.pushkinskijdom.ru

два дня сряду; остатки пошелъ допивать съ племянникомъ старухи.... Онъ не былъ еще пьянъ; но жена его лежала передъ огнемъ въ совершенномъ безчувствіи....

«Мы сѣли пить. Въ это время Индѣецъ, изъ племени Ожибуай, вошелъ шатаясь и повалился передъ огнемъ. Ужъ было поздно; но весь таборъ шумѣлъ и пьянствовалъ. Я съ товарищемъ вышелъ, чтобъ попировать съ тѣми, которые захотятъ насъ пригласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котелъ съ остальною водкою. Погулявъ нѣсколько времени, мы воротились. Жена товарища моего все еще лежала передъ огнемъ; но на ней уже не было ея серебряныхъ украшеній. Мы кинулись къ нашему котлу: котелъ исчезъ. Индѣецъ, оставленный нами передъ огнемъ, скрылся; и по многимъ причинамъ мы подозрѣвали его въ этомъ воровствѣ. Дошло до меня, что онъ сказывалъ, будто бы я его поилъ. На другой день пошелъ я въ его хижину и потребовалъ котла. Онъ велѣлъ своей женѣ принести его. Такимъ образомъ воръ сыскался, и братъ мой получилъ обратно серебряныя украшенія!!...» Оставляемъ читателю судить, какое улучшеніе въ нравахъ дикарей приноситъ соприкосновеніе цивилизаціи!

Легкомысленность, невоздержность, лукавство и жестокость — главные пороки дикихъ Американцевъ. Убійство между ними не почитается преступленіемъ; но родственники и друзья убитаго обыкновенно мстятъ за его смерть. Джонъ Теннеръ навлекъ на себя ненависть одного Индѣйца и нѣсколько разъ подвергался его удару. «Ты давно могъ бы меня убить» — сказалъ ему однажды Теннеръ — «но ты не мужчина; у тебя нѣтъ даже сердца женскаго, ни смѣлости собачей. Никогда не прощу тебѣ, что ты на меня замахнулся ножемъ и не имѣлъ духа поразить.» — Храбрость почитается между Индѣйцами главною человѣческою добродѣтелью; трусъ презираемъ у нихъ наравнѣ съ лѣнивымъ или слабымъ охотникомъ. Иногда, если убійство произошло въ пьянствѣ или ненарочно, родственники торжественно прощаютъ душегубца. Теннеръ разсказываетъ любопытный случай.

lib.pushkinskijdom.ru

«Молодой человѣкъ, изъ племени Оттовауа, жившій у меня во время моей болѣзни, отлучился въ таборъ новоприбывшихъ Индѣйцевъ, которые въ то время пьянствовали. Въ полночь его привели къ намъ пьянаго. Одинъ изъ проводниковъ втолкнулъ его въ хижину, сказавъ: «Смотрите за нимъ: молодой человѣкъ напроказилъ.»

«Мы разложили огонь и увидѣли молодаго человѣка, стоящаго съ ножемъ въ рукѣ, всего окровавленнаго. Его не могли уложить; я приказалъ ему лечь, и онъ повиновался. Я запретилъ дѣлать розысканія и упоминать ему объ окровавленномъ ножѣ.

«Утромъ, вставъ отъ глубокаго сна, онъ ничего не помнилъ. Молодой человѣкъ сказалъ намъ, что наканунѣ, кажется, онъ напился пьянъ, что очень голоденъ и хочетъ готовить себѣ обѣдъ. Онъ изумился, когда я сказалъ ему, что онъ убилъ человѣка. Онъ зналъ только, что во время пьянства кричалъ, вспомня объ отцѣ своемъ, убитомъ нѣкогда на томъ самомъ мѣстѣ бѣлыми людьми. Онъ очень опечалился и тотчасъ побѣжалъ взглянуть на того, кого зарѣзалъ. Несчастный былъ еще живъ. Мы узнали, что когда былъ онъ пораженъ, тогда лежалъ пьяный безъ памяти, и что самъ убійца, вѣроятно, не зналъ, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего; но переводчикъ (Американскаго губернатора) сильно его упрекалъ.

«Ясно было, что раненый не могъ жить, и что послѣдній часъ его былъ уже близокъ. Убійца возвратился къ намъ. Мы приготовили значительные подарки: кто далъ одѣяло, кто кусокъ сукна, кто то, кто другое. Онъ унесъ ихъ тотчасъ и положилъ передъ раненымъ; потомъ, обратясь къ родственникамъ, сказалъ имъ: «Друзья мои, вы видите, что я убилъ вашего брата; но я самъ не зналъ, что дѣлалъ. Я не имѣлъ злаго намѣренія: недавно приходилъ онъ въ нашъ таборъ, и я съ нимъ видѣлся дружелюбно; но въ пьянствѣ я обезумѣлъ, и жизнь моя вамъ принадлежитъ. Я бѣденъ и живу у чужихъ; но они готовы отвести меня къ моему семейству и прислали вамъ эти подарки. Жизнь моя въ вашихъ рукахъ; подарки передъ вами: выбирайте, что хотите. Друзья мои жаловаться не станутъ».

lib.pushkinskijdom.ru

«При сихъ словахъ онъ сѣлъ, наклонивъ голову и закрывъ глаза руками въ ожиданіи смертельнаго удара. Но старая мать убитаго вышла впередъ и сказала ему: «Ни я, ни дѣти мои смерти твоей не хотятъ. Не отвѣчаю за моего мужа: его здѣсь нѣтъ; однакожъ, подарки твои принимаю и буду стараться отвратить отъ тебя мщеніе мужа. Это несчастіе случилось ненарочно. За что же твоя мать будетъ плакать, какъ и я?»

«На другой день молодой человѣкъ умеръ, и многіе изъ насъ помогли убійцѣ вырыть могилу. Когда все было готово, губернаторъ подарилъ мертвецу богатыя одѣяла, платья и прочее (что, по обычаю Индѣйцевъ, должно было быть схоронено съ тѣломъ). Эти подарки положены были въ кучу на краю могилы. Но старуха, вмѣсто того, чтобъ ихъ закопать, предложила молодымъ людямъ разыграть ихъ между собою.

«Разныя игры слѣдовали одна за другою: стрѣляли въ цѣль, прыгали, боролись и проч. Но лучшій кусокъ сукна былъ назначенъ наградою побѣдителю за бѣгъ въ запуски. Самъ убійца его выигралъ. Старуха подозвала его и сказала: «Молодой человѣкъ! Сынъ мой былъ очень мнѣ дорогъ; боюсь, долго и часто буду его оплакивать; я была бы счастлива, если бы ты заступилъ его мѣсто и любилъ и охранялъ меня подобно ему. Боюсь только моего мужа.»

«Молодой человѣкъ, благодарный за ея заступленіе, принялъ тотчасъ предложеніе. Онъ былъ усыновленъ, и родственники убитаго всегда обходились съ нимъ ласково и дружелюбно.»

Не всѣ ссоры и убійства кончаются такъ миролюбиво. Джонъ Теннеръ описалъ одну ссору, гдѣ ужасное и смѣшное страннымъ образомъ перемѣшаны между собою.

«Братъ мой Уа-ме-тонъ-е-бью вошелъ въ шалашъ, гдѣ молодой человѣкъ билъ одну старуху. Братъ удержалъ его за руку. Въ это самое время пьяный старикъ, по имени Та-бу-шишъ, вошелъ туда же и, вѣроятно, не разобравъ порядочно, въ чемъ дѣло, схватилъ брата за волосы и откусилъ ему носъ. Народъ сбѣжался; произошло смятеніе. Многихъ изранили. Бегъ-уа-изъ, одинъ изъ старыхъ начальниковъ, бывшій всегда къ намъ благо-

lib.pushkinskijdom.ru

склоненъ, прибѣжалъ на шумъ и почелъ своею обязанностію вмѣшатьея въ дѣло. Между тѣмъ, братъ мой, замѣтя свою потерю, поднялъ руки, не подымая глазъ, вцѣпился въ волоса первой попавшейся ему головы и разомъ откусилъ ей носъ. Это былъ носъ нашего друга, стараго Бегъ-уа-изъ! Утоливъ немного свое бѣшенство, Уа-ме-гонъ-е-бью узналъ его и закричалъ: «Дядя! это ты!» Бегъ-уа-изъ былъ человѣкъ добрый и смирный; онъ зналъ, что братъ откусилъ ему носъ совсѣмъ неумышленно. Онъ нимало не осердился и сказалъ: «Я старъ: не долго будутъ смѣяться надъ потерею моего носа.»

«Съ своей стороны я былъ въ сильномъ негодованіи на старика, обезобразившаго брата моего. Я вошелъ въ хижину къ Уа-ме-гонъ-е-бью и сѣлъ подлѣ него. Онъ весь былъ окровавленъ; нѣсколько времени молчалъ, и когда заговорилъ, я увидѣлъ, что онъ былъ въ полномъ своемъ разсудкѣ. «Завтра», сказалъ онъ: «я буду плакать съ моими дѣтьми; послѣ завтра пойду къ Та-бу-шишу (врагу своему), и мы оба умремъ: я не хочу жить, чтобъ быть вѣчно посмѣшищемъ.» Я обѣщался ему помочь въ его предпріятіи и приготовился къ дѣлу. Но, проспавшись и проплакавъ цѣлый день съ своими дѣтьми, онъ оставилъ свои злобныя намѣренія и рѣшился какъ нибудь обойтись безъ носу, также какъ и Бегъ-уа-изъ.

«Нѣсколько дней спустя, Та-бу-шишъ опасно занемогъ горячкою. Онъ ужасно похудѣлъ и, казалось, умиралъ. Наконецъ прислалъ онъ къ Уа-ме-гонъ-е-бью два котла и другіе значительные подарки и велѣлъ ему сказать: «Другъ мой, я тебя обезобразилъ, а ты наслалъ на меня болѣзнь. Я много страдалъ, а коли умру, то дѣти мои будутъ страдать еще болѣе. Посылаю тебѣ подарки, дабы ты оставилъ мнѣ жизнь....» Уа-ме-гонъ-е-бью отвѣчалъ ему черезъ посланнаго: «Не я наслалъ на тебя болѣзнь; вылечить тебя не могу, подарковъ твоихъ не хочу.» Та-бу-шишъ томился около мѣсяца; волоса у него выпѣзли; потомъ онъ началъ выздоравливать, и мы всѣ пошли въ степи по разнымъ направленіямъ, удаляясь одинъ отъ другаго какъ можно болѣе....

lib.pushkinskijdom.ru

«Однажды мы расположились табором близь деревушки, въ которую переселился Та-бу-шишъ, и готовы были уже снова выступить, какъ вдругъ увидѣли его. Онъ былъ весь голый, расписанъ и украшенъ какъ для битвы и держалъ въ рукахъ оружіе. Онъ медленно къ намъ приближался и казался глубоко раздраженнымъ. Но никто изъ насъ не понялъ его намѣренія до самой той минуты, какъ онъ уставилъ дуло своего ружья въ спину моему брату. «Другъ мой», сказалъ онъ ему: «мы довольно пожили; мы довольно другъ друга помучили. Тебя просили отъ моего имени довольствоваться тѣмъ, что̀ уже я вытерпѣлъ; ты не согласился; черезъ тебя я все еще страдаю; жизнь мнѣ несносна: намъ должно вмѣстѣ умереть.» Два молодые Индѣйца, видя его намѣреніе, тотчасъ натянули свои луки и прицѣлились въ него стрѣлами; но Та-бу-шишъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Уа-ме-гонъ-е-бью испугался и не смѣлъ приподнять голову. Та-бу-шишъ готовъ былъ биться съ нимъ на смерть; но онъ не принялъ вызова. Съ той поры я вовсе пересталъ его уважать: послѣдній Индѣецъ былъ храбрѣе и великодушнѣе его.»

Если частныя распри Индѣйцевъ жестоки и кровопролитны, то войны ихъ зато вовсе не губительны и ограничиваются по большей части утомительными походами. Начальники не пользуются никакою властію, а дикари не знаютъ, что такое повиновеніе воинское. Они, наскуча походомъ, оставляютъ войско одинъ за другимъ и возвращаются каждый въ свою хижину, не успѣвъ увидѣть непріятеля. Старшины упрямятся нѣсколько времени, но, оставшись одни безъ воиновъ, слѣдуютъ общему примѣру, и война кончается безо всякаго послѣдствія.

Джонъ Теннеръ разсказываетъ съ видимымъ удовольствіемъ одинъ изъ своихъ военныхъ подвиговъ, который немного походитъ на воровство, но тѣмъ не менѣе доказываетъ его предпріимчивость и неустрашимость. Какіе-то Индѣйцы похитили у него лошадь. Онъ отправился съ намѣреніемъ или отыскать ее, или замѣнить. Посѣщая Индѣйскія селенія, въ одномъ изъ нихъ не встрѣтилъ онъ никакого гостепріимства. Это его оскорбило, и, за-

lib.pushkinskijdom.ru

мѣтивъ добрую лошадь, принадлежавшую старшинѣ, онъ изъ мести рѣшился присвоить ее себѣ.

«У меня подъ одѣяломъ», говорилъ онъ, «спрятанъ былъ арканъ. Я искусно набросилъ его на шею лошади и не поскакалъ, а полетѣлъ. Когда лошадь начала задыхаться, я остановился, чтобъ оглянуться: хижины негостепріимной деревни были едва видны и казались маленькими точками на далекой долинѣ....

«Тутъ я подумалъ, что нехорошо поступаю, похищая любимую лошадь человѣка, не сдѣлавшаго мнѣ никакого зла, хотя и отказавшаго мнѣ въ должномъ гостепріимствѣ. Я соскочилъ съ лошади и пустилъ ее на волю. Но въ ту же минуту увидѣлъ толпу Индѣйцевъ, скачущихъ изъ-за возвышенія. Я едва успѣлъ убѣжать въ ближній орѣшникъ. Они искали меня нѣсколько времени по разнымъ направленіямъ, а я, между тѣмъ, спрятался съ большой осторожностію. Они разсѣялись. Многіе прошли близехонько отъ меня; но я былъ такъ хорошо спрятанъ, что могъ безопасно наблюдать за всѣми ихъ движеніями. Одинъ молодой человѣкъ раздѣлся до нага, какъ для сраженія, запѣлъ свою боевую пѣснь, бросилъ ружье и съ простою дубиною въ рукахъ пошелъ прямо къ мѣсту, гдѣ я былъ спрятанъ. Онъ уже былъ отъ меня шагахъ въ двадцати. Курокъ у ружья моего былъ взведенъ, и я цѣлилъ въ сердце.... Но онъ воротился. Онъ, конечно, не видалъ меня; но мысль находиться подъ надзоромъ невидимаго врага, вооруженнаго ружьемъ, вѣроятно, поколебала его. Меня искали до ночи, и тогда лошадь уведена была обратно.

«Я тотчасъ пустился въ обратный путь, радуясь, что избавился отъ такой опасности; шелъ день и ночь и на третьи сутки прибылъ къ рѣкѣ Маузъ. Купцы тамошней конторы пѣняли, что я упустилъ изъ рукъ похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую цѣну.

«Въ двадцати миляхъ отъ этой конторы жилъ одинъ изъ моихъ друзей, по имени Бе-на. Я просилъ его освѣдомиться о моей лошади и объ ея похитителѣ. Бе-на впустилъ меня въ шалашъ, гдѣ жили двѣ старухи, и сквозь щелку указалъ на ту хижину,

lib.pushkinskijdom.ru

гдѣ жилъ Ба-гисъ-кунъ-нунгъ съ четырьмя своими сыновьями. Лошади ихъ паслись около хижины. Бе-на указалъ на прекраснаго чернаго коня, вымѣненнаго ими на мою лошадь.... Я тотчасъ отправился къ Ба-гисъ-кунъ-нунгу и сказалъ ему: «Мнѣ нужна лошадь». — У меня нѣтъ лишней лошади. — «Такъ я жъ одну уведу». — А я тебя убью. — Мы разстались. Я приготовился къ утру отправиться въ путь. Бе-на далъ мнѣ буйволочную кожу вмѣсто сѣдла, а старуха продала мнѣ ремень, въ замѣну аркана, мною оставленнаго на шеѣ лошади Индѣйскаго старшины. Рано утромъ вошелъ я въ хижину Бе-на, еще спавшаго, и покрылъ его тихонько совершенно новымъ одѣяломъ, мнѣ принадлежавшимъ; потомъ пошелъ далѣе.

«Приближаясь къ хижинѣ Ба-гисъ-кунъ-нунга, увидѣлъ я старшаго его сына, сидящаго на порогѣ.... Замѣтивъ меня, онъ закричалъ изо всей мочи.... Вся деревня пришла въ смятеніе.... Народъ собрался около меня.... Никто, казалось, не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло. Одно семейство моего обидчика изъявляло явную непріязнь....

«Я такъ былъ взволнованъ, что не чувствовалъ подъ собою земли; кажется, однако, я не былъ испуганъ. Набросивъ петлю на черную лошадь, я все еще не садился верхомъ, потому что это движеніе лишило бы меня на минуту возможности защищаться, и можно было бы напасть на меня съ тыла. Подумавъ, однако, что видъ малѣйшей нерѣшительности былъ бы для меня чрезвычайно невыгоднымъ, я хотѣлъ вскочить на лошадь, но сдѣлалъ слишкомъ большое усиліе, перепрыгнулъ черезъ лошадь и растянулся на той сторонѣ, съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ лукомъ и стрѣлами въ другой. Я всталъ поспѣшно, оглядываясь кругомъ, дабы надзирать за движеніями моихъ непріятелей. Всѣ хохотали во все горло, кромѣ семьи Ба-гисъ-кунъ-нунга. Это ободрило меня, и я сѣлъ верхомъ съ бо́льшей рѣшимостію. Я видѣлъ, что ежели бы въ самомъ дѣлѣ хотѣли на меня напасть, то воспользовались бы минутою моего паденія. Къ тому же веселый хохотъ Индѣйцевъ доказывалъ, что предпріятіе мое вовсе ихъ не оскорбляло.»

lib.pushkinskijdom.ru

Джонъ Теннеръ отбился отъ погони и остался спокойнымъ владѣтелемъ геройски похищеннаго коня.

Онъ иногда выдаетъ себя за человѣка недоступнаго предразсудкамъ, но поминутно обличаетъ свое Индѣйское суевѣріе. Теннеръ вѣритъ снамъ и предсказаніямъ старухъ: тѣ и другія для него всегда сбываются. Когда голоденъ, ему снятся жирные медвѣди, вкусныя рыбы, и черезъ нѣсколько времени въ самомъ дѣлѣ удается ему застрѣлить дикую козу или поймать осетра. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ему всегда является во снѣ какой-то молодой человѣкъ, который даетъ добрый совѣтъ или ободряетъ его. Теннеръ поэтически описываетъ одно видѣніе, которое имѣлъ онъ въ пустынѣ на берегу Малаго Сасъ-Кау.

«На берегу этой рѣки есть мѣсто, нарочно созданное для Индѣйскаго табора: прекрасная пристань, маленькая долина, густой лѣсъ, прислоненный къ холму.... Но это мѣсто напоминаетъ ужасное происшествіе: здѣсь совершилось братоубійство, злодѣяніе столь неслыханное, что самое мѣсто почитается проклятымъ. Ни одинъ Индѣецъ не причалитъ челнока своего къ долинѣ «Двухъ Убитыхъ»; никто не осмѣлится тамъ ночевать. Преданіе гласитъ, что нѣкогда въ Индѣйскомъ таборѣ, здѣсь остановившемся, два брата (имѣвшіе сокола своимъ *тотемомъ* *) поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ убилъ другаго. Свидѣтели такъ были поражены симъ ужаснымъ злодѣйствомъ, что тутъ же умертвили братоубійцу. Оба брата похоронены вмѣстѣ.

«Приближаясь къ сему мѣсту, я много думалъ о двухъ братьяхъ, имѣвшихъ одинъ со мною *тотемъ*, и которыхъ почиталъ я родственниками матери моей (Нетъ-но-куа). Я слыхалъ, что когда располагались на ихъ могилѣ, что нѣсколько разъ и случалось, они выходили изъ-подъ земли и возобновляли ссору и убійство. По крайней мѣрѣ достовѣрно, что они безпокоили посѣтителей и мѣшали имъ спать. Любопытство мое было встревожено. Мнѣ хотѣлось разсказать Индѣйцамъ не только, что я

*) Родъ герба. *Соколъ* былъ также *тотемомъ* и Д. Теннера.

lib.pushkinskijdom.ru

останавливался въ этомъ страшномъ мѣстѣ, но что еще тамъ и ночевалъ.

«Солнце садилось, когда я туда прибылъ. Я вытащилъ свой челнокъ на берегъ, разложилъ огонь и, отужинавъ, заснулъ.

«Прошло нѣсколько минутъ, и я увидѣлъ обоихъ мертвецовъ, встающихъ изъ могилы. Они пришли и сѣли у огня прямо передо мною. Глаза ихъ были неподвижно устремлены на меня. Они не улыбнулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная. Я никого не видѣлъ, не услышалъ ни одного звука, кромѣ шума шатающихся деревъ. Вѣроятно, я заснулъ опять, ибо мертвецы опять явились. Они, кажется, стояли внизу, на берегу рѣки, потому что головы ихъ были наравнѣ съ землею, на которой разложилъ я огонь. Глаза ихъ все были устремлены на меня. Вскорѣ они встали опять одинъ за другимъ и сѣли снова противъ меня. Но тутъ уже они смѣялись, били меня тросточками и мучили различнымъ образомъ. Я хотѣлъ имъ сказать слово, но не стало голосу; пробовалъ бѣжать: ноги не двигались. Цѣлую ночь я волновался и былъ въ безпрестанномъ страхѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, чтобъ я взглянулъ на подошву ближняго холма. Я увидѣлъ связанную лошадь, глядѣвшую на меня. «Вотъ тебѣ, братъ», сказалъ мнѣ жеби *), «лошадь на завтрашній путь. Когда ты поѣдешь домой, тебѣ можно будетъ взять ее снова, а съ нами провести еще одну ночь.

«Наконецъ разсвѣло, и я съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что эти страшныя привидѣнія исчезли съ ночнымъ мракомъ. Но, пробывъ долго между Индѣйцами, и зная множество примѣровъ тому, что сны часто сбываются, я сталъ не на шутку помышлять о лошади, данной мнѣ мертвецомъ; пошелъ къ холму и увидѣлъ конскіе слѣды и другія примѣты, а въ нѣкоторомъ разстояніи нашелъ и лошадь, которую тотчасъ узналъ: она принадлежала купцу, съ которымъ имѣлъ я дѣло. Дорога сухимъ путемъ была нѣсколькими милями короче пути водянаго. Я бросилъ

*) Мертвецъ

lib.pushkinskijdom.ru

челнокъ, навьючилъ лошадь и отправился къ конторѣ, куда на другой день и прибылъ. Въ послѣдствіи времени я всегда старался миновать могилу обоихъ братьевъ; а разсказъ о моемъ видѣніи и страданіяхъ ночныхъ увеличилъ въ Индѣйцахъ суевѣрный ихъ ужасъ.»

Джонъ Теннеръ былъ дважды женатъ. Описаніе первой его любви имѣетъ въ его «Запискахъ» какую-то дикую прелесть. Красавица его носила имя, имѣвшее очень поэтическое значеніе, но которое съ трудомъ помѣстилось бы въ элегіи: она звалась Мисъ-куа-бунъ-о-куа, что по-Индѣйски значитъ — заря.

«Однажды вечеромъ», говоритъ Теннеръ, «сидя передъ нашей хижиной, увидѣлъ я молодую дѣвушку. Она, гуляя, курила табакъ и изрѣдка на меня посматривала; наконецъ подошла ко мнѣ и предложила мнѣ курить изъ своей трубки. Я отвѣчалъ, что не курю. «Ты отъ того», сказала она, «отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки.» Я взялъ трубку изъ ея рукъ и покурилъ немного, въ самомъ дѣлѣ въ первый разъ отъ роду. Она со мною разговорилась и понравилась мнѣ. Съ той поры мы часто видались, и я къ ней привязался.

«Вхожу въ эти подробности потому, что у Индѣйцевъ такимъ образомъ не знакомятся. У нихъ обыкновенно молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ вовсе ему незнакомой. Они видались; можетъ быть, взглянули другъ на друга; но, вѣроятно, никогда между собою не говорили; свадьба рѣшена стариками, и рѣдко молодая чета противится волѣ родительской. Оба знаютъ, что если союзъ сей будетъ непріятенъ одному изъ двухъ, или обоимъ вмѣстѣ, то легко будетъ его расторгнуть.

«Разговоры мои съ Мисъ-куа-бунъ-о-куа вскорѣ надѣлали много шуму въ нашемъ селеніи. Однажды старый Очукъ-ку-конъ вошелъ ко мнѣ въ хижину, держа за руку одну изъ многочисленныхъ своихъ внучекъ. Онъ, судя по слухамъ, полагалъ, что я хотѣлъ жениться. «Вотъ тебѣ», сказалъ онъ моей матери, «самая добрая и самая прекрасная изъ моихъ внучекъ: я отдаю ее твоему сыну.» Съ этимъ словомъ онъ ушелъ, оставя ее у насъ въ хижинѣ....

lib.pushkinskijdom.ru

«Мать моя всегда любила молодую дѣвушку, которая считалась красавицей. Однакожъ, старуха смутилась и сказала мнѣ наединѣ : «Сынъ, дѣвушка прекрасна и добра; но не бери ее за себя : она больна и черезъ годъ умретъ. Тебѣ нужна жена сильная и здоровая, и такъ предложимъ ей хорошій подарокъ и отошлемъ ее къ родителямъ.» Дѣвушка возвратилась съ богатыми подарками, а черезъ годъ предсказаніе старухи сбылось.

«Съ каждымъ днемъ любовь наша усиливалась. Мать моя, вѣроятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего ей не говорилъ ; но она знала все, и вскорѣ я въ томъ удостовѣрился. Однажды, проведши въ первый разъ большую часть ночи съ моей любовницей, я воротился поздно и заснулъ. На зарѣ старуха разбудила меня, ударивъ прутомъ по голымъ ногамъ.

«Вставай», сказала она : «вставай, молодой женихъ, ступай на охоту. Жена твоя будетъ тебя болѣе почитать, когда рано воротишься къ ней съ добычей, нежели когда станешь величаться, гуляя по селенію въ отсутствіе ловцевъ.» Я молча взялъ ружье и вышелъ. Въ полдень воротился, неся на плечахъ жирнаго муза, мною застрѣленнаго, и сбросилъ его къ ногамъ матери, сказавъ ей грубымъ голосомъ : «Вотъ тебѣ, старуха, что ты сегодня утромъ отъ меня требовала.» Она была очень довольна и похвалила меня. Изъ того я заключилъ, что связь моя съ молодой дѣвушкой не была ей противна, и очень былъ тому радъ. Многіе изъ Индѣйцевъ чуждаются своихъ старыхъ родителей; но хотя Нетъ-но-куа была уже дряхла и немощна, я сохранялъ къ ней прежнее, безусловное почтеніе.

«Я съ жаромъ предавался охотѣ и почти всегда возвращался рано, или, по крайней мѣрѣ, засвѣтло, обремененный добычею. Я тщательно наряжался и разгуливалъ по селенію, играя на Индѣйской свирѣли, называемой пи-бе-гвунъ. Въ теченіи нѣкотораго времени Мисъ-куа бунъ-о-куа притворно отвергала меня. Я сталъ охладѣвать; тогда она забыла все притворство.... Съ моей стороны желаніе привести жену къ намъ въ хижину уменьшилось. Я хотѣлъ прервать съ нею всякія сношенія. Увидя явное равнодушіе, она хотѣла тронуть мнѣ сердце то слезами, то упре-

lib.pushkinskijdom.ru

ками ; но я ничего не говорилъ объ ней старухѣ, и съ каждымъ днемъ охлажденіе мое становилось сильнѣе.

«Около того времени мнѣ понадобилось побывать на Красной Рѣкѣ , и я отправился съ однимъ Индѣйцемъ , у котораго была сильная и легкая лошадь. Намъ предстояла дорога на семьдесятъ миль. Мы по очереди ѣхали верхомъ , а пѣшій между тѣмъ бѣжалъ , держа лошадь за хвостъ. Мы были на дорогѣ одни сутки. На возвратномъ пути я былъ одинъ и шелъ пѣшкомъ. Темнота ночи и усталость заставили меня ночевать въ десяти миляхъ отъ нашей хижины.

«Пришедъ домой на другой день , я увидѣлъ Мисъ-куа-бунъ-окуа сидящую на моемъ мѣстѣ. Я остановился у дверей въ недоумѣніи. Она потупила голову. Старуха сказала мнѣ съ видомъ сердитымъ : «Что же? развѣ оборотишься ты спиною къ нашей хижинѣ и обезчестишь эту бѣдную дѣвушку, которой ты не стоишь? Все, что случилось между вами, сдѣлалось по твоей же волѣ , не съ моего и не съ ея согласія. Ты самъ за нею бѣгалъ повсюду! а теперь неужто прогонишь ее, какъ будто она на тебя навязалась?...» Укоризны матери казались мнѣ не совсѣмъ несправедливы.

«Я вошелъ и сѣлъ подлѣ дѣвушки... Такимъ образомъ мы стали мужъ и жена.»

Джонъ Теннеръ оставилъ свою жену и взялъ другую, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей. Вопреки своей долговременной привычкѣ и страстной любви къ жизни охотничей , жизни трудовъ, опасностей и восхищеній , непонятныхъ и неизъяснимыхъ , одичалый Американецъ всегда помышлялъ о возвращеніи въ нѣдра семейства , отъ котораго такъ долго былъ насильственно отторгнутъ ; наконецъ рѣшился исполнить давнишнее свое намѣреніе и отправился къ берегамъ Бигъ-Міами , къ мѣсту пребыванія прежняго своего семейства.

Пришедъ въ одно изъ тамошнихъ поселеній , встрѣтилъ онъ стараго Индѣйца и узналъ въ немъ молодаго дикаря , нѣкогда его похитившаго. Они дружески обнялись. Теннеръ узналъ отъ него о смерти старика , такъ страшно съ нимъ познакомившагося,

lib.pushkinskijdom.ru

Индѣецъ разсказалъ ему подробности его похищенія, о которыхъ Теннеръ имѣлъ только смутное понятіе. На вопросъ его : правда ли, что старый Теннеръ и все его семейство учинились жертвою Индѣйцевъ, какъ нѣкогда Монито-о-гезикъ увѣрялъ маленькаго своего плѣнника? — Индѣецъ отвѣчалъ, что старикъ солгалъ, и разсказалъ ему слѣдующее :

«Годъ спустя послѣ похищенія Джона Теннера, Монито-о-гезикъ воротился къ тому мѣсту, гдѣ совершилъ первое свое предпріятіе. Тутъ съ утра до полудня онъ подстерегалъ стараго Теннера и его работниковъ. Они всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ; въ полѣ остался только старшій сынъ, пахавшій землю сохою, запряженною лошадьми. Индѣйцы на него бросились; лошади дернули; братъ Джона Теннера запутался въ веревкахъ, упалъ и былъ схваченъ. Лошадей убили стрѣлами. Индѣйцы утащили молодаго Теннера въ лѣса, переправясь до ночи черезъ Оіо. Плѣнника привязали къ дереву веревками; но онъ успѣлъ перегрызть узелъ, высвободилъ руку, вынулъ ножичекъ изъ кармана, перерѣзалъ свои узы, тотчасъ побѣжалъ къ рѣкѣ и бросился вплавь. Индѣйцы, услыхавъ шумъ, проснулись, и погнались было за нимъ; но ночь была темна, и онъ успѣлъ убѣжать, оставя имъ на память свою шляпу.»

Отецъ Теннера умеръ тому лѣтъ десять, оставя имѣніе свое старшему сыну и не позабывъ въ своей духовной того, чья участь была ему неизвѣстна.

Наконецъ Джонъ Теннеръ увидѣлъ свою семью, которая приняла его съ великою радостію. Братъ его обнялъ, обрѣзалъ ему волосы и употребилъ всевозможныя старанія, дабы удержать его у себя дома. Одичалый Американецъ, съ своей стороны, звалъ его къ себѣ, къ Лѣсному Озеру, выхваляя ему черезъ переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братья его были женаты; сестра Люси имѣла десять человѣкъ дѣтей. Наконецъ просьбы родныхъ на него подѣйствовали : онъ рѣшился оставить Индѣйцевъ и съ своими дѣтьми переселиться въ общество, которому принадлежалъ по праву рожденія.

lib.pushkinskijdom.ru

Но приключенія Теннера тѣмъ еще не кончились. Судьба назначала ему еще новыя испытанія. Возвратясь къ дикимъ своимъ знакомцамъ и объявивъ имъ о своемъ намѣреніи, онъ возбудилъ сильное негодованіе. Индѣйцы не соглашались выдать ему дѣтей. Жена отказывалась слѣдовать за нимъ къ людямъ чуждымъ и ненавистнымъ. Власти Американскія принуждены были вмѣшаться въ семейственныя дѣла Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили Индѣйцевъ отпустить его домой со всѣмъ семействомъ. Онъ еще въ послѣдній разъ отправился съ родными къ Красной Рѣкѣ на охоту за буйволами, прощаясь навсегда съ дикой жизнію, имѣвшей для него столько прелести. Возвратясь, онъ сталъ готовиться въ дорогу.

Индѣйцы простились съ нимъ дружелюбно. Сынъ его не захотѣлъ за нимъ слѣдовать и остался вольнымъ дикаремъ. Теннеръ отправился съ двумя дочерьми и съ ихъ матерью, которая не хотѣла съ нимъ разстаться. Послушаемъ, какъ Теннеръ описываетъ свое послѣднее путешествіе.

«Въ обратномъ пути я предпочелъ ѣхать по Недоброй Рѣкѣ, что должно было сократить дорогу на нѣсколько миль. Близь устья рѣки Осетра въ то время стоялъ таборъ или деревня изъ шести или семи хижинъ. Тутъ находился молодой человѣкъ, по имени Омъ-чу-гвутъ-онъ. Онъ былъ высѣченъ, по приказанію Американскаго начальства, за настоящую или мнимую вину и глубоко за то злобствовалъ. Узнавъ о моемъ проѣздѣ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ на своемъ челнокѣ.

«Довольно страннымъ образомъ сталъ онъ искать разговора со мною и вздумалъ увѣрять, что между нами существовали сношенія семейственныя; ночевалъ съ нами вмѣстѣ, и утромъ мы съ нимъ отправились въ одно время. Причаля къ берегу, я примѣтилъ, что онъ искалъ случая встрѣтиться въ лѣсу съ одною изъ моихъ дочерей, которая тотчасъ воротилась, немного встревоженная. Мать ея также нѣсколько разъ въ теченіе дня имѣла съ нею тайные разговоры; но дѣвочка все была печальна и нѣсколько разъ вскрикивала.

lib.pushkinskijdom.ru

«Къ ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человѣкъ тотчасъ удалился. Я притворно занимался моими распоряженіями, а между тѣмъ не выпускалъ его изъ виду; вдругъ приблизился къ нему и увидѣлъ его посреди всего снаряда охотничьяго. Онъ обматывалъ около пули оленью жилу, длиною около пяти вершковъ. Я сказалъ ему: «Братъ мой (такъ называлъ онъ меня самъ), если у тебя недостаетъ пороху, пуль или кремней, то возьми у меня, сколько тебѣ понадобится.» Онъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не нуждается, а я воротился къ себѣ на ночлегъ.

«Нѣсколько времени я его не видалъ. Вдругъ явился онъ въ нарядѣ и украшеніяхъ воина, идущаго въ сраженіе. Въ первую половину ночи онъ надзиралъ за всѣми моими движеніями съ удивительнымъ вниманіемъ; подозрѣнія мои, уже и безъ того сильно возбужденныя, увеличились еще болѣе. Однакожъ, онъ продолжалъ со мною разговаривать много и дружелюбно и попросилъ у меня ножикъ, чтобы нарѣзать табаку, но, вмѣсто того, чтобъ возвратить его, сунулъ себѣ за поясъ. Я полагалъ, что онъ отдастъ мнѣ его поутру.

«Я легъ въ обыкновенный часъ, не желая показать ему свои подозрѣнія. Палатки у меня не было, и я лежалъ подъ крашеной холстиной. Растянувшись на землѣ, я выбралъ такое положеніе, что могъ видѣть каждое его движеніе. Настала гроза. Онъ, казалось, сталъ еще болѣе безпокоенъ и нетерпѣливъ. При первыхъ дождевыхъ капляхъ я предложилъ ему раздѣлить со мною скучный пріютъ. Онъ согласился. Дождь шелъ сильно; огонь нашъ былъ залитъ; скоро потомъ *мустики* (родъ комаровъ) напали на насъ. Онъ опять разложилъ огонь и сталъ обмахивать меня вѣткою.

«Я чувствовалъ, что мнѣ не должно было засыпать; но усыпленіе начинало овладѣвать мною. Вдругъ разразилась новая гроза сильнѣе первой. Я оставался какъ усыпленный, не открывая глазъ, не шевелясь и не теряя изъ виду молодаго человѣка. Однажды сильный ударъ грома, казалось, смутилъ его. Я увидѣлъ, что онъ бросалъ въ огонь немного табаку въ видѣ приношенія. Въ другой разъ, когда сонъ, казалось, совершенно мною

lib.pushkinskijdom.ru

овладѣвалъ, я увидѣлъ, что онъ стерегъ меня, какъ кошка, готовая броситься на свою жертву; однакожъ, я все противился дремотѣ.

«Поутру онъ съ нами отзавтракалъ, какъ обыкновенно, и ушелъ впередъ прежде, нежели успѣлъ я собраться. Дочь моя, съ которой разговаривалъ онъ въ лѣсу, казалась еще болѣе испуганною и долго не хотѣла войти въ челнокъ; мать уговаривала ее и старалась скрыть отъ меня ея смятеніе. Наконецъ мы поѣхали. Молодой человѣкъ плылъ у берега, не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, до десяти часовъ утра. Тогда при довольно опасномъ и быстромъ поворотѣ, откуда взору открывалось далекое пространство, и онъ и челнокъ его исчезли, что очень меня удивило.

«На семъ мѣстѣ рѣка имѣетъ до 80 вержей ширины, а въ десяти отъ поворота, о которомъ я упоминалъ — находится маленькій, утесистый островъ. Я былъ раздѣтъ и съ усиліемъ правилъ челнокомъ противъ бурнаго теченія (что заставляло меня жаться какъ можно ближе къ берегу), какъ вдругъ вблизи раздался ружейный выстрѣлъ; пуля просвистала надъ моей головою. Я почувствовалъ какъ-бы ударъ по боку. Весло вышало у меня изъ правой руки, которая сама повисла. Дымъ выстрѣла затемнялъ кусты; но со втораго взгляда я узналъ убѣгающаго Омъ-чугвутъ-она.

«Дочери мои закричали. Я обратилъ вниманіе на челнокъ: онъ былъ весь окровавленъ. Я старался лѣвою рукою направить его на берегъ, чтобы преслѣдовать молодаго человѣка; но теченіе было слишкомъ сильно для меня: оно пронесло насъ на утесистый островокъ. Я ступилъ на него и, вытащивъ лѣвою рукою челнокъ на камень, попробовалъ зарядить ружье, но не успѣлъ того сдѣлать и упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, я увидѣлъ, что былъ одинъ на острову. Челнокъ съ моими дочерьми исчезалъ вдали, возвращаясь вспять по теченію. Я снова лишился чувствъ, но наконецъ пришелъ въ себя.

«Полагая, что мой убійца надзиралъ за мною изъ какого нибудь скрытаго мѣста, я осмотрѣлъ свои раны. Правая рука была

lib.pushkinskijdom.ru

въ очень худомъ состоянiи : пуля , вошедшая въ бокъ близь легкаго, оставалась во мнѣ. Я отчаялся въ жизни и сталъ кликать Омъ-чу-гвутъ-она, прося его прекратить мнѣ и жизнь и мученiя. «Ты убилъ меня» — кричалъ я — «но хотя я и смертельно раненъ, однако боюсь прожить нѣсколько дней. Приди же, если ты мужъ, и выстрѣли въ меня еще разъ.» Звалъ его нѣсколько разъ, но не получилъ отвѣта.

«Я былъ почти голъ : въ минуту, какъ меня ранили, на мнѣ кромѣ портъ была одна рубашка, и та вся разорванная во время усилiй при плаванiи. Я лежалъ на голомъ утесѣ, на зноѣ лѣтняго дня; земляныя и черныя мухи кусали меня; въ будущемъ видѣлъ я лишь медленную смерть. Но по захожденiи солнца сила и надежда возвратились; я доплылъ до того берега; вышедъ изъ воды, могъ стать на ноги, и испустилъ крикъ бранный, называемый *сассакуи*, въ знакъ радости и вызова. Но потеря крови и усилiя во время плаванiя снова лишили меня чувствъ.

«Пришедъ въ себя, я спрятался близь берега, чтобъ наблюдать за моимъ врагомъ. Вскорѣ увидѣлъ я Омъ-чу-гвутъ-она, выходящаго изъ своей западни; онъ пустилъ въ воду свой челнокъ, поплылъ внизъ по рѣкѣ и прошелъ близехонько отъ меня. Мнѣ сильно хотѣлось кинуться на него, чтобъ схватить и задавить его въ водѣ ; но я не понадѣялся на свои силы , и такимъ образомъ пропустилъ его, не открываясь.

«Вскорѣ пламенная жажда начала меня мучить. Берега рѣки были круты и каменисты. Я не могъ лежа напиться отъ раненой руки , на которую не въ силахъ былъ опереться. Надлежало войти въ воду по самыя губы. Вечеръ свѣжѣлъ болѣе и болѣе, и силы мои вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлялись. Кровь , казалось , лилась свободнѣе ; я занялся своею раною. Несмотря на опухоль мяса , постарался соединить раздробленныя косточки ; сперва рвалъ на бинты остатокъ своей рубашки, потомъ зубами и лѣвой рукою сталъ ихъ обвивать около руки , сначала слабо, а потомъ все туже, туже, пока наконецъ успѣлъ ее порядочно перевязать. Вмѣсто лубковъ привязалъ я прутики и повѣсилъ руку на веревочку, накинутую на шею.

lib.pushkinskijdom.ru

«Послѣ того взялъ корку съ дерева, похожаго на вишневое, и, разжевавъ ее, приложилъ къ моимъ ранамъ, надѣясь тѣмъ остановить теченіе крови. Кусты, отдѣлявшіе меня отъ рѣки, были всѣ окровавлены. Настала ночь. Я выбралъ для ночлега мшистое мѣсто. Пень служилъ мнѣ изголовьемъ. Я не хотѣлъ удалиться отъ берега, дабы наблюдать надо всѣмъ, что случится, и дабы въ случаѣ жажды имѣть возможность ее утолить. Я зналъ, что лодка, принадлежащая купцамъ, должна была около того времени проѣхать въ этомъ самомъ мѣстѣ; отъ нихъ-то я ждалъ помощи. Индѣйскихъ хижинъ не было ближе тѣхъ, откуда къ намъ присоединился Омъ-чу-гвутъ-онъ, и я имѣлъ причину думать, что, кромѣ его, дочерей моихъ и жены, никого кругомъ не было

«Простертый на землѣ, я сталъ молиться Великому Духу, прося его сжалиться надо мною и ниспослать помощь въ часъ скорби. Оканчивая молитвы, замѣтилъ я, что мустики, которые роемъ облѣпили голое тѣло мое, умножая страданія, стали отлетать, покружились надо мною и наконецъ исчезли. Я не приписалъ этого непосредственному дѣйствію Великаго Духа: вечеръ становился холоднымъ, и слѣдовательно это было вліяніе воздуха. Я былъ однако жъ увѣренъ, какъ и всегда, во время бѣдствій и опасности, что владыко дней моихъ невидимо находился близъ меня, мощно мнѣ покровительствуя. Я спалъ тихо и спокойно, но часто просыпался, и всякій разъ помнилъ, просыпаясь, что снилась мнѣ лодка съ бѣлыми людьми.

«Около полуночи услышалъ я на той сторонѣ рѣки женскіе голоса, и мнѣ показались они голосами моихъ дочерей. Я подумалъ, что Омъ-чу-гвутъ-онъ открылъ мѣсто, куда онѣ скрылись, и какъ нибудь ихъ обижалъ, потому что крики ихъ изъявляли страданіе. Но я не имѣлъ силы встать и идти къ нимъ на помощь.

«На другой день, прежде десяти часовъ утра, услышалъ я по рѣкѣ человѣческіе голоса и увидѣлъ лодку, наполненную бѣлыми людьми, подобную той, которую видѣлъ во снѣ. Эти люди вышли на берегъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ я лежалъ, и стали готовить завтракъ. Я узналъ лодку г. Стюарта, Рудзонскаго купца, котораго ждали около того времени. Полагая, что

lib.pushkinskijdom.ru

появленіе мое произведетъ надъ ними впечатлѣніе непріятное, я дождался конца ихъ завтрака.

«Когда приготовились они къ отплытію, я вошелъ въ бродъ, дабы обратить на себя ихъ вниманіе. Увидя меня, Французы перестали грести и всѣ устремили на меня взоръ съ видомъ сомнѣнія и ужаса. Теченіе быстро ихъ уносило, и зовъ мой, произнесенный на Индѣйскомъ языкѣ, не производилъ никакого дѣйствія. Наконецъ я сталъ звать г. Стюарта по имени и, вспомнивъ нѣсколько Англійскихъ словъ, умолялъ путешественниковъ воротиться за мною. Въ одну минуту весла опустились, и лодка подъѣхала такъ близко, что я могъ въ нее войти.

«Никто не узналъ меня, хотя гг. Стюартъ и Грантъ были мнѣ очень знакомы. Я былъ весь окровавленъ, и, вѣроятно, страданія очень меня перемѣнили. Меня осыпали вопросами. Вскорѣ узнали, кто я таковъ и что со мною случилось. Приготовили мнѣ постелю въ лодкѣ. Я умолялъ купцовъ ѣхать за моими дѣтьми въ то направленіе, откуда слышались ихъ крики, и боялся найти ихъ умерщвленными. Но всѣ розысканія были тщетны....

«Узнавъ объ имени моего убійцы, купцы рѣшились тотчасъ отправиться въ деревню, гдѣ жилъ Омъ-чу-гвутъ-онъ, и обѣщались убить его на мѣстѣ, если успѣютъ его поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы къ хижинамъ, старикъ вышелъ къ намъ на встрѣчу, спрашивая: «Что новаго?» — Все хорошо, отвѣчалъ г. Стюартъ: другой новости нѣтъ. — «Бѣлые люди», возразилъ старикъ, «никогда намъ правды не скажутъ. Я знаю, что въ той странѣ, откуда вы прибыли, есть новости. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ людей, Омъ-чу-гвутъ-онъ, былъ тамъ, и сказывалъ что Соколъ (Индѣйское прозвище Д. Теннера), который дней нѣсколько тому назадъ проѣзжалъ здѣсь съ женою и съ дѣтьми, всѣхъ ихъ перерѣзалъ. Но, кажется, Омъ-чу-гвутъ-онъ сдѣлалъ самъ что нибудь недоброе: онъ что-то не спокоенъ, а увидя васъ бѣжалъ.»

«Гг. Стюартъ и Грантъ стали однакожъ искать Омъ-чу-гвутъ-она по всѣмъ хижинамъ и, удостовѣрясь въ его побѣгѣ, сказали старику: «Правда, онъ сдѣлалъ недоброе дѣло; но тотъ, кого

lib.pushkinskijdom.ru

хотѣлъ онъ убить, съ нами; неизвѣстно, будетъ ли онъ еще живъ....» Тогда показали меня Индѣйцамъ, собравшимся на берегу.

«Здѣсь мы нѣсколько времени отдыхали. Осмотрѣли мои раны. Я удостовѣрился, что пуля, раздробивъ кость руки, вошла въ бокъ близь ребра, и просилъ г. Гронта вынуть ее; но ни онъ, ни г. Стюартъ на то не согласились. Я принужденъ былъ самъ начать операцію лѣвою рукою. Ланцетъ, данный мнѣ г. Грантомъ, переломился. Я взялъ перочинный ножичекъ, и тотъ переломился, потому что въ этомъ мѣстѣ мясо очень отвердѣло. Наконецъ дали мнѣ широкую бритву, и я вынулъ пулю; она была очень сплющена. Оленья жила и другія снадобья остались въ ранѣ. Коль скоро увидѣлъ я, что пуля ниже ребръ не опустилась, сталъ надѣяться на выздоровленіе; но, имѣя причину полагать, что рана моя была отравлена ядомъ, предвидѣлъ медленное выздоровленіе.

«Послѣ того отправились мы въ деревню, въ которой старшиною былъ родной братъ моего убійцы. Тутъ г. Стюартъ имѣлъ предосторожность спрятать меня опять. Жители призваны были одинъ за другимъ; имъ роздали табаку. Но всѣ розысканія опять остались тщетны. Наконецъ меня показали, и сказано было старшинѣ, что мой убійца былъ родной его братъ. Онъ потупилъ голову и отказался отвѣчать на вопросы бѣлыхъ людей. Но мы узнали отъ другихъ Индѣйцевъ, что жена моя съ дочерьми останавливалась въ этой деревнѣ на пути своемъ къ Дождевому Озеру.

«Мы тотчасъ туда отправились и нашли ихъ задержанныхъ въ конторѣ. Подозрѣніе тамошнихъ купцовъ было возбуждено ихъ безпокойствомъ и ужасомъ, также и моимъ отсутствіемъ. Коль скоро меня завидѣли, старуха убѣжала въ лѣсъ; но купцы послали за нею погоню; ее поймали и привели.

«Гг. Стюартъ и Грантъ предоставили мнѣ самому произнести приговоръ надъ женою, явно виновной въ покушеніи на мою жизнь. Они объявили ея преступленіе равнымъ злодѣйству Омъчу-гвутъ-она и достойнымъ смерти или всякой другой казни. Но я потребовалъ, чтобъ ее только прогнали изъ конторы безъ запа-

lib.pushkinskijdom.ru

совъ и запретили бъ туда являться. Она была мать моихъ дѣтей: я не хотѣлъ, чтобъ она была повѣшена или забита до смерти (какъ предлагали мнѣ купцы); но видъ ея становился мнѣ несносенъ: по просьбѣ моей, ее прогнали безъ наказанія.

«Дочери сказали, что въ ту минуту, какъ упалъ я безъ чувствъ на камень, онѣ, почитая меня мертвымъ и повинуясь приказанію матери, пустились въ обратный путь и предались бѣгству. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ островка, гдѣ я лежалъ, старуха причалила къ кустарнику, спрятала тамъ мое платье и послѣ долгаго перехода скрылась въ лѣсу; но потомъ, размысливъ, что лучше бы сдѣлала, если бъ присвоила себѣ мою собственность, воротилась. Тогда-то услышалъ я крики дочерей, сопровождавшихъ старуху, которая подбирала мое платье на берегу....»

Нынѣ Джонъ Теннеръ живетъ между образованными своими соотечественниками. Онъ въ тяжбѣ съ своею мачихою о нѣсколькихъ неграхъ, оставленныхъ ему по наслѣдству. Онъ очень выгодно продалъ свои любопытныя «Записки», и на дняхъ будетъ, вѣроятно, членомъ *Общества Воздержности* *). Словомъ, есть надежда, что Теннеръ современемъ сдѣлается настоящимъ *уапкее* **), съ чѣмъ и поздравляемъ его отъ искренняго сердца.

---

*) Общество, коего цѣль — истребленіе пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никакихъ крѣпкихъ напитковъ.

**) Прозвище, данное Американцамъ: смыслъ его намъ неизвѣстенъ

lib.pushkinskijdom.ru

10.

ВОЛЬТЕРЪ.

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris 1836).

(Изъ «Современника» 1836.)

Недавно издана въ Парижѣ переписка Вольтера съ президентомъ де-Броссомъ. Она касается покупки земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 году.

Всякая строчка великаго писателя становится драгоцѣнной для потомства. Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ автографы, хотя бы они были не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради или записки къ портному объ отстрочкѣ платежа. Насъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертавшая эти смиренныя цифры, эти незначащія слова, тѣмъ же самымъ почеркомъ, и, можетъ быть, тѣмъ же самымъ перомъ написала и великія творенія, предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить изъ дѣловой переписки о покупкѣ земли книгу, на каждой страницѣ заставляющую васъ смѣяться, и передать сдѣлкамъ и купчимъ всю заманчивость остроумнаго памфлета. Судьба на столь забавнаго покупщика послала продавца не менѣе забавнаго. Президентъ де-Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошедшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными сочиненіями *); но лучшимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730—1740 и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: «L'Italie il y a cent ans». Въ этихъ дружескихъ письмахъ де-Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ.

---

*) Histoire des navigations aux terres australes; Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siècle de la République Romaine; Traité du culte des dieux fétiches, и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

Ученость истинная, но никогда неотягощенная педантизмомъ, глубокомыслiе, шутливая острота, картины, набросанныя съ небреженiемъ, но живо и смѣло, ставятъ его книгу выше всего, что писано было въ томъ же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевскаго озера. Слава не спасала его отъ безпокойствъ. Личная свобода его была не безопасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство маленькой мѣщанской республики не слишкомъ его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякiй случай помириться съ своимъ отечествомъ и желалъ (пишетъ онъ самъ) имѣть одну ногу въ монархiи, другую въ республикѣ, дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ. Мѣстечко Турне (Tournay), принадлежавшее президенту де-Броссъ, обратило на себя его вниманiе. Онъ зналъ президента за человѣка безпечнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ.

«Я прочелъ съ величайшимъ удовольствiемъ то, что вы пишете объ Австралiи; но позвольте сдѣлать вамъ предложенiе, касающееся твердой земли. Вы не такой человѣкъ, чтобъ Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуэ, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свой контрактъ. Хотите ли продать мнѣ землю вашу пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; но вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ пріятно, — и вотъ условiя, которыя вздумалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнiю.

«Обязуюсь изъ матерiаловъ вашего прегадкаго замка выстроить хорошенькiй домикъ. Думаю на то употребить 25,000 ливровъ. Другiе 25,000 ливровъ заплачу вамъ чистыми деньгами.

«Все, чѣмъ украшу землю, весь скотъ, всѣ земледѣльческiя орудiя, коими снабжу хозяйство, будутъ вамъ принадлежать. Если умру, не успѣвъ выстроить домъ, то у васъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроите его, коли вамъ будетъ угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

lib.pushkinskijdom.ru

«Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ.

«Въ замѣнъ сихъ честныхъ предложеній, требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, лѣсомъ, и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронитъ. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка: дѣла не должны длиться.

«Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою норку, прозванную les Délices; я украсилъ домъ въ Лозанѣ; то и другое теперь стоитъ вдвое противу прежней цѣны: то же сдѣлаю и съ вашей землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ея съ рукъ не сбудете.

«Во всякомъ случаѣ прошу васъ сохранить все это въ тайнѣ, и честь имѣю», и проч.

Де-Броссъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

«Если бы я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ (пишетъ онъ) въ то время, какъ вы поселились такъ близко къ городу *), то, восхищаясь вмѣстѣ съ вами физическою красотою береговъ нашего озера, я бы имѣлъ честь шепнуть вамъ на ухо, что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во первыхъ потому, что надобно жить у себя дома, во вторыхъ потому, что не надобно жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляетъ меня любить монархію.... Я бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, если бъ онъ былъ васъ достоинъ; но замокъ мой не имѣетъ даже чести быть древностію: это просто *ветошь*. Вы вздумали возвратить ему юность, какъ Мемнону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете,

*) Вольтеръ въ 1755 году купилъ *Les Délices sur St. Jean*, близь самой Женевы.

lib.pushkinskijdom.ru

можетъ быть, что г. д'Аржанталь имѣлъ для васъ то же намѣреніе. — Приступимъ къ дѣлу.»

Тутъ де-Броссъ разбираетъ одно за другимъ всѣ условія, предлагаемыя Вольтеромъ; съ иными соглашается, другимъ противорѣчитъ, обнаруживая смѣтливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это подстрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка завязалась живѣе. Наконецъ 15 Декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся, и нѣсколько другихъ, писанныхъ по заключеніи торга, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де-Броссомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба поминутно оставляютъ дѣловые запросы для шутокъ самыхъ неожиданныхъ, для сужденій самыхъ искреннихъ о людяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т. е. любезнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де-Броссъ — тѣмъ острымъ писателемъ, который такъ оригинально описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ, въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но вскорѣ согласіе между новымъ хозяиномъ земли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано. Война, какъ и многія другія войны, началась отъ причинъ маловажныхъ. Срубленныя деревья осердили нетерпѣливаго Вольтера; онъ поссорился съ президентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно видѣть, что такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смотритъ на де-Бросса, какъ на врага, какъ на Фрерона, какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его погубить: «qu'il tremble!» — восклицаетъ онъ въ бѣшенствѣ — «il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le deshonorer!» Онъ жалуется, онъ плачетъ, онъ скрежещетъ.... а все дѣло въ двухъ стахъ франкахъ. Де-Броссъ съ своей стороны не хочетъ уступить вспыльчивому философу; въ отвѣтъ на его жалобы, онъ пишетъ знаменитому старцу надменное письмо, укоряетъ его въ природной дерзости, совѣтуетъ ему въ минуты сумасшествія воздерживаться отъ пера, чтобъ не кра-

lib.pushkinskijdom.ru

снѣть опомнившись потомъ, и оканчиваетъ письмо желаніемъ Ювенала:

Mens sana in corpore sano.

Посторонніе вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель, г. Рюфе, старается усовѣстить Вольтера и пишетъ къ нему ѣдкое письмо (которое, вѣроятно, диктовано самимъ де-Броссомъ): «Вы боитесь быть обманутымъ» — говоритъ г. Рюфе — «но изъ двухъ ролей это лучшая.... Вы не имѣли никогда тяжебъ: онѣ разорительны, даже когда ихъ и выигрываемъ.... Вспомните устрицу Лафонтена и пятую сцену втораго дѣйствія въ *Скапиновыхъ Обманахъ* *). Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будетъ на васъ броситься....»

Вольтеръ первый утомился и уступилъ. Онъ долго дулся на упрямаго президента и былъ причиною тому, что де-Броссъ не попалъ въ Академію (что въ то время много значило). Сверхъ того Вольтеръ имѣлъ удовольствіе его пережить: де-Броссъ, младшій изъ двухъ пятнадцатью годами, умеръ въ 1777 году, годомъ прежде Вольтера.

Несмотря на множество матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Вольтера (ихъ цѣлая библіотека), какъ человѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ, онъ еще весьма мало извѣстенъ. Нынѣ изданная переписка открываетъ многое. «Надобно видѣть» — пишетъ издатель въ своемъ предисловіи — «какъ баловень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фридерика II, занимается послѣдними мелочами для поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ въѣзжаетъ въ свое графство, сопровождаемый своими обѣими племянницами *(которыя всѣ въ брилліантахъ)*; какъ выслушиваетъ онъ рѣчь своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на прокатъ у Женевской Республики. — Онъ въ вѣчной распрѣ со всѣмъ мѣстнымъ духовен-

*) Сцену, въ которой Леандръ заставляетъ Скапина на колѣняхъ признаваться во всѣхъ своихъ плутняхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ствомъ. *Габель* (налогъ на соль) находитъ въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его ворочаетъ; онъ искренно тревожится обо всемъ, съ этой раздражительностію страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то прицѣпки прокурора., то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабакѣ, право, напоминаетъ его заступленіе за семейство Каласа.»

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его неподражаемаго таланта. Они писаны сосѣду, который прислалъ ему розаны.

Vos rosiers sont dans mes jardins,
Et leurs fleurs vont bientôt paraître.
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimais trop peut-être.
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся въ *Рококо* нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе *слога*, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ Французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера — напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его — несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе — площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де-Броссомъ представляетъ намъ творца Меропы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность, — все это не вредитъ ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его и готовы слѣдовать за всѣми движеніями пылкой его души и безпокойной чувствительности. Но не такое чувство раждается

lib.pushkinskijdom.ru

при чтеніи писемъ, приложенныхъ издателемъ къ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ г. дела-Туша, бывшаго Французскимъ посланникомъ при дворѣ Фридерика II (въ 1752 г.).

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ *Сѣвернымъ Соломономъ* *), своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюи, президентъ Берлинской Академіи, поссорился съ профессоромъ Кёнигомъ. Король взялъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора, подъ заглавіемъ: *Письмо къ Публикѣ*. Въ немъ осуждали Кёнига и задѣвали Вольтера. Вольтеръ возразилъ и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ Нѣмецкихъ журналахъ. Спустя нѣсколько времени «Письмо къ Публикѣ» было перепечатано въ Берлинѣ съ изображеніемъ короны, скиптра и Прусскаго орла на заглавномъ листѣ. Вольтеръ только тогда догадался, съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благоразумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ Короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. «Я стараюсь тому не вѣрить», писалъ онъ въ Парижъ къ д'Аржанталю: «но боюсь быть подобну рогатымъ мужьямъ, которые силятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Бѣдняжки въ тайнѣ чувствуютъ свое горе!» Несмотря на свое уныніе, онъ, однако жъ, не могъ удержаться, чтобъ еще разъ не задѣть своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ (La diatribe du dr. Akakia) и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого Короля.

Слѣдствія извѣстны. Сатира, по повелѣнію Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтеръ уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ Прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фридерика, напечатанныя для немногихъ, и между

*) Такъ называлъ Вольтеръ Фридерика II въ хвалебныхъ своихъ посланіяхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

коими находилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его двора.

Вся эта жалкая исторія мало приноситъ чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жизни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственнаго достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилію, изгнаніе и преслѣдованіе не могли привлечь на его особу состраданія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающія, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицемъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что влекло его въ Берлинъ? Зачѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости государя, ему чужаго, не имѣвшаго никакого права его къ тому принудить?...

Къ чести Фридерика II скажемъ, что самъ отъ себя Король, вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ бы на перваго изъ Французскихъ поэтовъ шутовскаго кафтана, не предалъ бы его на посмѣяніе свѣта, если бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ Фридерику каммергерскій ключъ и Прусскій орденъ, знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что Король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль перемѣнена: Фридерикъ негодуетъ и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ....

Что изъ этого заключить? Что геній имѣлъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалятъ благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человѣчества; что на-

lib.pushkinskijdom.ru

стоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что наконецъ независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

11.

РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ.

(Изъ «Современника» 1836.)

18-го Января нынѣшняго года Россійская Академія была удостоена присутствія Его Свѣтлости Принца Петра Ольденбургскаго, избраннаго ею въ Почетные Члены. Непремѣнный Секретарь, Д. И. Языковъ, открылъ засѣданіе чтеніемъ краткой исторіи Академіи.

Екатерина II основала Россійскую Академію въ 1783 году и повелѣла Княгинѣ Дашковой быть Предсѣдателемъ оной.

Екатерина, стремившаяся во всемъ установить законъ и незыблемый порядокъ, хотѣла дать Уложеніе и Русскому языку. Академія, повинуясь Ея наказу, тотчасъ приступила къ составленію Словаря. Императрица приняла въ немъ участіе не только словомъ, но и дѣломъ. Часто освѣдомлялась Она объ успѣхѣ начатаго труда, и, нѣсколько разъ слыша, что Словарь доведенъ до буквы *П*, сказала однажды съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія: «все *Нашъ* да *Нашъ!* когда же вы мнѣ скажете: *Вашъ?*» Академія удвоила стараніе. Черезъ нѣсколько времени на вопросъ Императрицынъ: что Словарь? отвѣчали Ей, что Академія дошла до *П*. Императрица улыбнулась и замѣтила, что Академіи пора было бы *Покой* оставить.

Несмотря на сіи шутки, Академія должна была изумить Государыню поспѣшнымъ исполненіемъ Ея воли: Словарь оконченъ былъ въ теченіе шести лѣтъ *). Карамзинъ справедливо удив-

*) Французская Академія, основанная въ 1634 году и съ тѣхъ поръ безпрерывно занимавшаяся составленіемъ своего Словаря, из-

lib.pushkinskijdom.ru

ляется такому подвигу. «Полный Словарь, изданный Академіей — говоритъ онъ — принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ; наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя Словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академій Флорентинской и Парижской.»

Многіе изъ членовъ Академіи участвовали въ изданіи Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова. Слѣдующее происшествіе, говоритъ г. Языковъ, достойно быть сохранено въ памяти: Фонвизинъ доставилъ въ Собесѣдникъ статью подъ названіемъ: «*Нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе*». Вопросы явились въ Собесѣдникѣ съ весьма остроумными отвѣтами. Приведемъ здѣсь нѣкоторые.

«В. Отъ чего всѣ въ долгахъ?

О. Отъ того, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

В. Отъ чего, не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ, перевелись общества между благородными?

О. Отъ размноженія клубовъ.

дала оный не прежде, какъ въ 1694 году. Словарь обветшалъ, пока еще надъ нимъ трудились, говоритъ Вильменъ. Стали его передѣлывать. Прошло нѣсколько лѣтъ, и все еще Академія пересматривала букву А. Дѣятельный Кольберъ, удивлявшійся таковой медленности, пріѣхалъ однажды въ собраніе Академіи. Разбирали слово Ami. Но были такіе споры о точномъ опредѣленіи онаго; разсуждали съ такой утонченностію о томъ, что въ словѣ ami предполагается ли свѣтская обязанность, или сердечное отношеніе; чувство раздѣленное, или одно наружное изъявленіе, или усердіе безъ вознагражденія, что министръ, у коего при дворѣ такъ много друзей, признался, что онъ болѣе ужъ не удивляется медленности и затрудненіямъ Академіи.

lib.pushkinskijdom.ru

В. Отъ чего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать ихъ Гвардіи унтеръ-офицерами?

О. Отъ того, что одно легче другаго.

В. Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

О. Отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго.

В. Отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

О. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурное, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

В. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостію, потомъ останавливаются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

О. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

В. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

О. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корнѣ всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ....»

Подъ предсѣдательствомъ А. А. Нартова (1802—1813) Академія издала:

1) Грамматику Россійскую.

2) Сочиненія и переводы Академіи.

3) Словарь, расположенный по азбучному порядку.

4) Переводъ Лѣтописи Тацитовой.

5) Переводъ Путешествія Младшаго Анахарсиса.

Въ 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишковъ, бывшій въ то время за границей съ Государемъ Императоромъ, назначенъ Предсѣдателемъ Россійской Академіи. Подъ его руководствомъ Академія издала слѣдующія книги:

1) Извѣстія Академіи, 11 книжекъ (1815—1823).

2) Повременное Изданіе, 4 части (1829—1832).

3) Краткія Записки, 3 книжки (1834—1836).

4) Квинтиліановы Критическія Наставленія (1834).

5) Собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, 16 частей.

lib.pushkinskijdom.ru

Нынѣ Академія приготовляетъ третье изданіе своего Словаря, коего распространеніе часъ отъ часу становится необходимѣе. Прекрасный нашъ языкъ, подъ перомъ писателей неученыхъ и неискусныхъ, быстро клонится къ паденію. Слова искажаются, грамматика колеблется. Орѳографія, сія геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и каждаго.

Вслѣдъ за Непремѣннымъ Секретаремъ, преосвященный Филаретъ представилъ отрывокъ изъ рукописи 1073 года, писанной для Великаго Князя Святослава и хранящейся нынѣ въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

«Рукопись называется *Изборникъ*, т. е. извлеченіе избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ писателей.

«Она содержитъ наиболѣе предметы, относящіеся до Христіанскаго ученія, но частію и метафизическіе по разуму того вѣка, напримѣръ, *о естествѣ, о собствѣ, о лици, о различіи, о случаніи, о супротивныхъ, о оглаголемыихъ.*

«На оборотѣ листа 237 начинается 175 статья книги, которая говоритъ о тропахъ и фигурахъ. Вотъ ея начало.

«Георгия Хоуровьска о образѣхъ. Творьчьстии образи суть 27 (кз):

1. Инословніе.
2. Прѣводъ (metaphora).
3. Напотребніе.
4. Пріятніе.
5. Прѣходьноіе.
6. Възбратъ.
7. Съпріятніе.
8. Сънятніе.
9. Именотворніе (onomatopeia).
10. Сътворенніе.
11. Въименомѣстьство.
12. Отъименніе (metonymia).
13. Въспятословніе.
14. Окроугословніе.
15. Нестатъкъ.

lib.pushkinskijdom.ru

16. Изрядніе.
17. Лихорѣчые.
18. Притъча.
19. Прикладъ.
20. Отъданніе.
21. Лицетворые (олицетвореніе).
22. Сълогъ.
23. Пороуганніе (ironia).
24. Видъ.
25. Послѣдословніе.

«Инословніе оубо іесть ино нѣчто глаголюшти, а инъ разоумъ оуказаіюшти, якоже іеже іе речено отъ Бога къ змли проклята ты и отъ всѣхъ звѣрий слово бо акы зміи іесть на диавола же, ино рѣчь нѣзмыемъ нарицаіема разоумѣваіемъ.»

«Далѣе слѣдуютъ подобныя сему опредѣленія и прочихъ вышеисчисленныхъ наименованій, но не довольно понятныя для читателя, можетъ быть, и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителемъ или переводчикомъ, издателями Русской Энциклопедіи XI вѣка.»

Непремѣнный Секретарь прочелъ Главу II изъ Устава Академіи о должностяхъ и обязанностяхъ Академіи и слѣдующій отрывокъ изъ всеподданнѣйшаго доклада Президента Академіи, при поднесеніи на Высочайшее усмотрѣніе проекта Устава:

«Академія есть стражъ языка; и потому должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностію вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, *ненравственнаго* въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ Словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, непохожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ, подъ мнимымъ разборомъ, пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истины и доказательствъ, въ коихъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній.»

lib.pushkinskijdom.ru

За симъ Дѣйствительный Членъ М. Е. Лобановъ занялъ собраніе чтеніемъ мнѣнія своего *О духѣ Словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной*. Мнѣніе сіе заслуживаетъ особеннаго разбора, какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оное было произнесено.

В. А. Палѣновъ прочелъ *Краткое Жизнеописаніе И. И. Лепехина*, перваго Непремѣннаго Секретаря Россійской Академіи: статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ, истино академическую.

Послѣ сего дѣйствительные Члены: М. Е. Лобановъ, Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Б. М. Ѳедоровъ читали, одинъ послѣ другаго, сочиненія своего стихи.

Наконецъ Князь Ширинскій-Шихматовъ прочелъ написанную Г. Президентомъ краткую статью подъ заглавіемъ: *Пѣчто о Карамзинѣ*.

Невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искренія, простыя похвалы, воздаваемыя почтеннымъ старцемъ великому писателю.... При семъ случаѣ А. С. Шишковъ упомянулъ о пребываніи Карамзина въ Твери въ 1811 году, при Дворѣ блаженной памяти Государыни Великой Княгини Екатерины Павловны, Матери Его Свѣтлости Принца Петра Ольденбургскаго. Извѣстно, что Карамзинъ читалъ тогда въ присутствіи покойнаго Государя и Августѣйшей Сестры Его нѣкоторыя главы Исторіи Государства Россійскаго. «Вы слушали — пишетъ Исторіографъ въ своемъ посвященіи — «съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно минувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія».

Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его славной памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову Государыни Великой Княгини, Женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли *«о Древней и Новой Россіи»*, со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостію убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти

lib.pushkinskijdom.ru

краснорчивыя страницы.... прочелъ и остался попрежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямодушному Своему подданному. Когда нибудь потомство оцѣнитъ и величіе Государя и благородство патріота....

Засѣданіе 18 Января 1836 года будетъ памятно въ лѣтописяхъ Россійской Академіи.

12.

О ВЫХОДѢ КНИГИ СИЛЬВІО ПЕЛЛИКО: «Объ обязанностяхъ человѣка.»

На дняхъ выдетъ изъ печати новый переводъ книги: Dei doveri degli uomini, сочиненія славнаго Сильвіо Пеллико....

Сильвіо Пеллико десять лѣтъ провелъ въ разныхъ темницахъ и, получа свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью, — прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства.

Признаемся въ нашемъ суетномъ зломысліи. Читая сіи записки, гдѣ ни разу не вырывается изъ-подъ пера несчастнаго узника выраженія нетерпѣнія, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намѣреніе въ этой ненарушимой благосклонности ко всѣмъ и ко всему; эта умѣренность казалась намъ искусствомъ. И, восхищаясь писателемъ, мы укоряли человѣка въ неискренности. Книга Dei doveri устыдила насъ и разрѣшила намъ тайну прекрасной души, сердце человѣка-христіанина....

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, въ статьѣ писателя съ истиннымъ талантомъ, критика, заслуживающаго довѣренность просвѣщенныхъ читателей, съ удивленіемъ прочли мы слѣдующія строки о книгѣ Сильвіо Пеллико:

«Если бы книга *Обязанностей* не вышла въ слѣдъ за книгою *Жизни* (Мои Темницы), она показалась бы намъ общими мѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

стами, сухимъ, произвольно догматическимъ урокомъ, который мы бы прослушали безъ вниманія.»

Неужели Сильвіо Пеллико имѣетъ нужду въ извиненіи? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармоническаго краснорѣчія, могла кому бы то ни было, и въ какомъ бы то ни было случаѣ, показаться *сухой* и холодно догматической? Неужели, еслибъ она была написана въ тишинѣ Ѳиваиды или въ библіотекѣ философа, а не въ грустномъ уединеніи темницы, недостойна была бы обратить на себя вниманія человѣка, одареннаго сердцемъ? — Не можемъ повѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ такова была мысль автора «Исторіи Поэзіи.»

Это ужъ не ново, это было ужъ сказано — вотъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій критики. Но все уже было сказано, всѣ понятія выражены и повторены въ теченіе столѣтій: что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что духъ человѣческій уже ничего новаго не производитъ? Нѣтъ, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ *въ соображеніи* понятій, какъ языкъ неистощимъ *въ соединеніи* словъ. Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; но книги, поминутно появляющіяся, не суть повтореніе лексикона. *Мысль* отдѣльно никогда ничего новаго не представляетъ; *мысли же* могутъ быть разнообразны до безконечности.

Какъ лучшее опроверженіе мнѣнія г-на Шевырева, привожу собственныя его слова:

«Прочтите ее (книгу Пеллико) съ тою же вѣрою, съ какою она писана, и вы вступите изъ темнаго міра сомнѣній, разстройства, раздора головы съ сердцемъ въ свѣтлый міръ порядка и согласія. Задача жизни и счастія вамъ покажется проста. Вы какъ-то соберете себя, разсѣяннаго по мелочамъ страстей, привычекъ и прихотей, и въ вашей душѣ вы ощутите два чувства, которыя къ сожалѣнію очень рѣдки въ эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды.»

lib.pushkinskijdom.ru

13.

О ВЫХОДѢ КНИГИ: Словарь о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія мѣстно-чтимыхъ. 1836 г. Спб.

Въ наше время главный недостатокъ, отзывающійся во всѣхъ почти ученыхъ произведеніяхъ, есть отсутствіе труда. Рѣдко случается критикѣ указывать на плоды долгихъ изученій и терпѣливыхъ розысканій. Что же изъ того происходитъ? Наши такъ называемые *ученые* принуждены замѣнять существенныя достоинства изворотами болѣе или менѣе удачными: порицаніемъ предшественниковъ, новизною *взглядовъ*, приноравленіемъ модныхъ понятій къ старымъ, давно извѣстнымъ предметамъ, и пр. Таковыя средства (которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно назвать шарлатанствомъ) не подвигаютъ науки ни на шагъ, поселяютъ жалкій *духъ сомнѣнія и отрицанія* въ умахъ незрѣлыхъ и слабыхъ и печалятъ людей истинно ученыхъ и здравомыслящихъ.

Словарь о Святыхъ не принадлежитъ къ числу опрометчивыхъ и скороспѣлыхъ произведеній, наводняющихъ наши книжныя лавки. Отчетливость въ предварительныхъ изысканіяхъ, полнота въ совершеніи предпринятаго труда поставили сію книгу высоко во мнѣніи знающихъ людей. Издатель на своемъ поприщѣ имѣлъ предшественникомъ Новикова, напечатавшаго въ 1784 году *Опытъ Историческаго Словаря о всѣхъ въ истинной православной вѣрѣ святою непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ*. Съ того времени прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; средства и источники умножились; для новаго издателя трудъ былъ облегченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удвоенъ. Въ *Опытѣ* Новикова помѣщено 169 именъ угодниковъ, съ описаніемъ ихъ житія, или безо всякаго объясненія: *Словарь о Святыхъ* заключаетъ въ себѣ 363 имени, т. е. болѣе, нежели вдвое. У Новикова источники изрѣдка указаны внизу самаго текста: въ нынѣшнемъ «Словарѣ» полный «Указатель» источникамъ напечатанъ особо,

lib.pushkinskijdom.ru

въ два столбца, мелкимъ шрифтомъ, и составляетъ цѣлый печатный листъ.

«Церковь Россійская» — сказано въ предисловіи — «весьма осторожно оглашала святыми угодниковъ своихъ и только по явномъ открытіи нетлѣнія мощей, прославленныхъ чудесами, помѣщала ихъ въ мѣсяцословы. Россія къ утвержденію православія своего видѣла во многихъ мѣстахъ явное знаменіе благодати надъ мощами тѣхъ, кои святостію жизни, примѣромъ благочестія или христіанскимъ самоотверженіемъ явили себя достойными почитанія; но имена сихъ угодниковъ не были внесены въ «Общія Святцы Россійской Церкви»; а память ихъ совершалась въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ они почиваютъ. Причиною такой мѣстности было отдѣленіе духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти Россіи, и потомъ раздѣленіе митрополіи на Кіевскую и Московскую. Уже въ половинѣ XVI вѣка Московскій митрополитъ Макарій, составляя «Великія Четьи-Минеи», собралъ житія и нѣкоторыхъ святыхъ, еще дотолѣ въ Патерикахъ не помѣщенныхъ, и для установленія имъ служебъ имѣлъ въ Москвѣ, 1547 года, соборъ, на которомъ двѣнадцати святымъ Россійскимъ назначено повсюду празднованіе и службы, а девяти — только въ мѣстахъ, гдѣ мощи ихъ почиваютъ. Тѣ церкви, которыя не успѣли на соборъ представить свидѣтельствъ о своихъ мѣстныхъ угодникахъ, послѣ получали, по разсмотрѣнію митрополита, дозволеніе совершать память ихъ, и потомъ, при патріархахъ, нѣкоторые изъ нихъ внесены въ общіе мѣсяцословы. Митрополитъ Ростовскій св. Димитрій въ своихъ «Четьихъ-Минеяхъ» помѣстилъ преподобныхъ Кіевопечерскихъ подъ числомъ совершенія ихъ памяти. Но и за симъ многіе не внесены въ мѣсяцословы, хотя нѣкоторымъ сочинены особыя службы, кондаки и тропари; таковы угодники Новгородскіе, Псковскіе, Вологодскіе и другіе.

«Въ предлагаемомъ «Словарѣ» помѣщены житія святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви; житія нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ благочестія, коихъ память благоговѣйно сохраняется тамъ, гдѣ они жили или почили; наконецъ краткія извѣстія о тѣхъ богоугодно-пожившихъ, которыхъ имена выписаны

lib.pushkinskijdom.ru

изъ синодиковъ, или древнихъ монастырскихъ записокъ. При описаніи жизни святаго, прославленнаго во всей Россійской Церкви, обозначены въ «Словарѣ» мѣсяцъ и число совершенія памяти; относительно прочихъ также означается мѣсто и день, когда чтится ихъ память совершеніемъ молебныхъ пѣній или панихидъ, по введенному постановленіями или преданіемъ обычаю.»

Слогъ издателя долженъ будетъ служить образцомъ для всѣхъ ученыхъ словарей. Онъ простъ, полонъ и кратокъ. Намъ случилось въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» (впрочемъ, книгѣ, необходимой и имѣющей столь великое достоинство) найти въ описаніи какого-то сраженія уподобленіе одного изъ корпусовъ кораблю или птицѣ, не помнимъ навѣрное чему: таковыя риторическія фигуры въ какомъ нибудь иномъ сочиненіи могутъ быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя; но въ словарѣ онѣ во всякомъ случаѣ нестерпимы.

Издатель «Словаря о Святыхъ» оказалъ важную услугу Исторіи. Между тѣмъ, книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству.

Наконецъ и библіофилы будутъ благодарны за типографическую изящность изданія: «Словарь» напечатанъ въ большую осьмушку, на лучшей веленевой бумагѣ, и есть отличное произведеніе типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Канцеляріи Е. И. В.

---

lib.pushkinskijdom.ru

14.

О ВЫХОДѢ КНИГИ: «Оракійскія Элегіи», стихотворенія Виктора Теплякова. 1836.

(Изъ «Современника» 1836.)

Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей съ судьбою Чильдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ еще и поэтъ и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія? Можно ли за то его укорять? Талантъ неволенъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе — признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія, — или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное: желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь.

Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическая тѣнь Чильдъ-Гарольда сопровождала г. Теплякова на кораблѣ, принесшемъ его къ Оракійскимъ берегамъ. Звуки прощальныхъ строфъ

Adieu, adieu, my native land!

отзываются въ самомъ началѣ его пѣсень:

Плывемъ!... Блѣднѣетъ день; бѣгутъ брега родные;
Златой струится блескъ по синему пути.
Прости, земля! прости Россія!
Прости, о родина, прости!

Но уже съ первыхъ стиховъ поэтъ обнаруживаетъ самобытный талантъ:

Безумецъ! что за грусть? Въ минуту разлученья
Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ?
Чьи слышалъ ты благословенья?
Одно минувшее мудренымъ, тяжкимъ сномъ
Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,

lib.pushkinskijdom.ru

И юности твоей избитый бурей чёлнъ,
И бездны, передъ ней отверстыя, кавало! —
Пусть такъ! Но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ волнъ
Печально въ сердцѣ раздается!
Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несется!
О, лютня странника, святой отъ грусти щитъ,
Приди, подруга думъ завѣтныхъ!
Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

I.

Пускай на юность ты мою
Вѣнецъ терновый наложила —
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь — сны сердца прочь летите!
Къ отчизнѣ душу не маните!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите! и проч.

Тутъ есть гармонія, лирическое движеніе, истина чувствъ!

Вскорѣ поэтъ плыветъ мимо береговъ, прославленныхъ изгнаніемъ Овидія: они мелькаютъ передъ нимъ на краю волнъ,

Какъ поясъ желтый и струистый.

Поэтъ привѣтствуетъ незримую гробницу Овидія стихами, слишкомъ небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, какъ дальній шумъ побѣдной колесницы!
О! кто средь мертвыхъ сихъ песковъ
Мнѣ славный гробъ его укажетъ?
Кто повѣсть мукъ его разскажетъ —
Степной ли вѣтръ, иль плескъ валовъ,
Иль въ шумѣ бури гласъ вѣковъ?...
Но тише.... тише.... что за звуки?...
.... И подъ эоирными перстами
О древнихъ людяхъ, съ ихъ бѣдами,
Златая лира говоритъ.
Печально струнъ ея бряцанье:
Въ немъ сердцу слышится изгнанье;

lib.pushkinskijdom.ru

Въ немъ *стонъ о родинѣ звучитъ*,
Какъ плачъ души безъ упованья.

Тишина гробницы, громкая, какъ дальній шумъ колесницы; стонъ, звучащій какъ плачъ души,—все это не точно, фальшиво, или просто ничего не значитъ.

Гресетъ въ одномъ изъ своихъ посланій пишетъ:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Méchanter, pleureur insipide,
De longues lamentations.

Книга *Tristium* не заслуживала такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидіевыхъ (кромѣ «Превращеній»). Героиды, элегіи любовныя и самая поэма «Ars amandi», мнимая причина его изгнанія, уступаютъ «Элегіямъ Понтійскимъ». Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! Сколько живости въ подробностяхъ! И какая грусть о Римѣ! Какія трогательныя жалобы! Благодаримъ г. Теплякова за то, что онъ не ищетъ блистать душевной твердостію насчетъ бѣднаго изгнанника, а съ живостію заступается за него.

И ты ль тюремный вопль, о странникъ! назовешь
Ласкательствомъ души уничиженной? —
Нѣтъ, самъ терновою стезею ты идешь,
Слѣпой судьбы проклятьемъ пораженный!...

Подобно мнѣ (Овидію), ты сиръ и одинокъ межъ всѣхъ,
И знаешь самъ хладъ жизни безъ отрады;
Огнь сердца безъ тепла, и безъ веселья смѣхъ,
И плачъ безъ слезъ, и слезы безъ услады!

Пѣснь, которую поэтъ влагаетъ въ уста Назоновой тѣни, имѣла бы болѣе достоинства, если бы г. Тепляковъ болѣе соображался съ характеромъ Овидія, такъ искренно обнаруженнымъ въ его «*Плачѣ*». Онъ не сказалъ бы, что при набѣгахъ Гетовъ и Бессовъ, поэтъ

lib.pushkinskijdom.ru

Радостно на смертный мчался бой.

Овидій добродушно признается, что онъ и смолоду не былъ охотникомъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ и трепетной рукою хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (См. Trist. Lib. IV. El. 1).

Элегія «Томисъ» оканчивается прекрасными стихами:

«Не буря ль это, кормчій мой?
Ужъ черезъ мачты море хлещетъ,
И предъ чудовищной волной,
Какъ предъ тираномъ рабъ нѣмой,
Корабль твой гнется и трепещетъ!»
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
«Мой кормчій, какъ твой блѣденъ ликъ!»
— Не ты ль дерзнулъ бы въ этотъ мигъ,
О странникъ, бурѣ улыбаться? —
«Ты отгадалъ!... Я сердцемъ съ ней
Желалъ бы каждый мигъ сливаться;
Желалъ бы въ бой стихій вмѣшаться!...
Но нѣтъ, — и громче, и сильнѣй
Святой призывъ съ другаго свѣта,
Слова погибшаго поэта
Теперь звучатъ въ душѣ моей!»

Вскорѣ изъ глазъ поэта исчезаютъ берега, съ которыхъ низвергаются въ море воды семиустнаго Дуная.

Какъ старъ сей шумный Истръ! *Чела его морщины*
Сѣдыхъ вѣковъ скрываютъ рой:
Во мглѣ ихъ Дарія мелькаетъ челнъ нѣмой,
Мелькаютъ и орлы Траяновой дружины.
Скажи, сафирный богъ, надъ брегомъ ли твоимъ,
По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необозримый,
Средь тучи варваровъ, на этотъ вѣчный Римъ
Летѣлъ Сатурнъ неотразимый?
Не ты ль спиралъ свой быстрый бѣгъ
Народовъ съ бурными волнами,
И твой ли въ ихъ крови *не разтопился* брегъ,
Племенъ безчисленныхъ усѣянный костями? и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

Слѣдуетъ идиллическая, немного блѣдная картина народа кочующаго; размышленія при видѣ развалинъ Венеціянскаго замка имѣютъ ту невыгоду, что напоминаютъ нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни Чильдъ-Гарольда, строфы, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе. Но вскорѣ поэтъ снова одушевляется.

Улегся вѣтеръ; водъ стекло
Яснѣй небесъ лазурныхъ блещетъ;
Повисшій парусъ нашъ, какъ лебедя крыло,
Свинцомъ охотника пронзенное, трепещетъ.
Но что за гулъ?... Какъ громъ глухой
Надъ тихимъ моремъ онъ раздался. —
То грохотъ пушки заревой,
Изъ Русской Варны онъ примчался!
О радость! завтра мы узримъ
Страну поклонниковъ Пророка;
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ
Упьемся воздухомъ твоимъ,
Земля роскошнаго Востока!
И въ темныхъ миртовыхъ садахъ,
Фонтановъ мраморныхъ при медленномъ журчаньи,
При соблазнительныхъ луны твоей лучахъ,
Въ твоемъ, о юная невольница, лобзаньи
Цвѣтовъ родной твоей страны,
Живыхъ восточныхъ розъ отвѣдаемъ дыханье
И жаръ, и свѣжесть ихъ весны!...

Элегія «Гебеджинскія Развалины», по мнѣнію нашему, лучшая изъ всѣхъ. Въ ней обнаруживается необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и сила въ мысляхъ. Пользуясь намъ даннымъ позволеніемъ, выписываемъ бо́льшую часть этой Элегіи.

Столбовъ, поникнувшихъ сѣдыми головами,
Столбовъ у Тлѣнности угрюмой на часахъ,
Стоящихъ пасмурно надъ падшими столбами —
Повсюду сумрачный недалъ въ моихъ очахъ!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

lib.pushkinskijdom.ru

Но день погасъ, а я душою
Къ симъ камнямъ будто пригвождёнъ,
И вотъ ужъ яхонтовой мглою
Одѣлся вѣчный небосклонъ.
По морю синяго эѳира,
Какъ челнъ мистическаго міра,
Царица ночи поплыла,
И на чудесныя громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тѣнь лѣсную, навела.
Рубины звѣздъ надъ нею блещутъ
И межъ столбовъ сѣдыхъ трепещутъ;
И, будто движа ихъ, встаютъ
Изъ-подъ земли былаго дѣти,
И мертвый градъ свой узнаютъ,
Паря во мглѣ тысячелѣтій....

Звѣрей и птицъ ночныхъ пріютъ,
Давноминувшаго зерцало,
Ничтожныхъ дребезговъ твоихъ
Для градовъ нашихъ бы достало!
Къ обломкамъ гордыхъ зданій сихъ,
О, Альнаскары! приступите,
Свои имъ грезы разскажите,
Откройте имъ: боговъ земныхъ
О чемъ тщеславіе хлопочетъ?
Чего докучливый отъ нихъ
Народовъ муравейникъ хочетъ?...
Ты правъ, божественный пѣвецъ:
Вѣка вѣковъ лишь повторенье!
Сперва — свободы обольщенье,
Гремушки славы наконецъ;
За славой — роскоши потоки,
Богатства съ золотымъ ярмомъ,
Потомъ — изящные пороки,
Глухое варварство потомъ?...

Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!

Остальныя элегіи (между коими шестая весьма замѣчательна) заключаютъ въ себѣ недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выраженія, переходящую часто въ надутость, яркость опи-

lib.pushkinskijdom.ru

санія, затемненную иногда неточностію. Вообще главныя достоинства «Ѳракійскихъ Элегій» : блескъ и энергія, главные недостатки : напыщенность и однообразіе.

Къ «Ѳракійскимъ Элегіямъ» присовокуплены разныя мелкія стихотворенія, имѣющія неоспоримое достоинство : вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка истина чувствъ. Если бы г. Тепляковъ ничего другаго не написалъ, кромѣ элегіи *Одиночество* и станса *Любовь и Ненависть*, то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами. Заключимъ разборъ, выписавъ стихотвореніе, которымъ заключается и книга г. Теплякова.

ОДИНОЧЕСТВО.

I.

Въ лѣсу осенній вѣтръ и стонетъ, и дрожитъ;
По морю темному ревучій валъ кочуетъ;
Уныло крупный дождь въ окно мое стучитъ;
Раздумье тяжкое мечты мои волнуетъ.

II.

Мнѣ грустно! Догорѣлъ каминъ трескучій мой;
Послѣдній красный блескъ надъ угольями вьется....
Мнѣ грустно! Тусклый день ужъ гаснетъ надо мной;
Ужъ съ неба темнаго туманный вечеръ льется.

III.

Какъ сладко онъ для двухъ супруговъ пролетитъ,
Въ кругу, гдѣ бабушка внучатъ своихъ ласкаетъ;
У креселъ дѣдовскихъ красавица сидитъ —
И былямъ старины, работая, внимаетъ!

IV.

Мечта докучная! зачѣмъ передъ тобой
Супруговъ долгія лобзанья пламенѣютъ?
Что въ томъ, какъ ихъ сердца, подъ ризою ночной,
Средь ненасытныхъ ласкъ, въ палящей нѣгѣ млѣютъ,

V.

Межъ тѣмъ, какъ онъ кипитъ, мой одинокій умъ!
Какъ сердце сирое, облившись кровью, рвется,

lib.pushkinskijdom.ru

Когда душа моя, средь вихря горькихъ думъ,
Надъ ихъ мучительно-завидной долей вьется!

VI.

Но если для меня безвѣстный уголокъ
Не созданъ, темными дубами осѣненный,
Подруга милая и яркій камелёкъ,
Въ часы осеннихъ бурь друзьями окруженный, —

VII.

О жаръ святыхъ молитвъ, зажгись въ душѣ моей!
Лучъ вѣры пламенной блесни въ ея пустынѣ!
Пролейся въ грудь мою цѣлительный елей:
Пусть сны вчерашніе не мучатъ сердца нынѣ!

VIII.

Пусть, упоенная надеждой неземной,
Съ душой всемірною моя соединится;
Пускай сей мрачный долъ исчезнетъ предо мной;
Осенній въ окна вѣтръ, бушуя, не стучится!

IX.

О, пусть превыше звѣздъ мой вознесется духъ,
Туда, гдѣ взоръ Творца ихъ сонмы зажигаетъ!
Въ мірахъ надсолнечныхъ пускай мой жадный слухъ
Органамъ ангеловъ, восторженный, внимаетъ....

X.

Пусть я увижу ихъ, въ безмолвіи святомъ,
Предъ тономъ Вѣчнаго, колѣнопреклоненныхъ;
Прочту символы тайнъ, пылающихъ на немъ,
И юнымъ первенцамъ творенья откровенныхъ....

XI.

Пусть Соломоновой премудрости звѣзда
Блеснетъ душѣ моей въ безоблачномъ эеирѣ;
Поправъ земную грусть, быть можетъ, я тогда
Не буду тосковать о другѣ въ здѣшнемъ мірѣ!

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕТЬЕМУ ОТДѢЛУ.

ЖУРНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

I.

Статьи, напечатанныя при жизни Пушкина въ разные года и въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Отдѣлъ, заключающій въ себѣ журнальныя статьи Пушкина, имѣетъ еще два подраздѣленія въ нашемъ изданіи: 1) статей, напечатанныхъ при жизни Пушкина въ разныхъ журналахъ, а въ томъ числѣ и въ его собственномъ: «Современникъ» 1836 г., четыре тома; 2) статей, явившихся уже послѣ смерти автора въ «Современникѣ» 1837 г. и въ посмертномъ изданіи его сочиненій 1838—41 г. Выгода принятаго дѣленія заключается, по нашему мнѣнію, преимущественно въ томъ, что сохраняетъ память объ отношеніяхъ автора къ періодическимъ изданіямъ, показывая и собственную его, немаловажную дѣятельность на журнальномъ поприщѣ. Хронологическій порядокъ, соблюденный и здѣсь, покажетъ направленіе мыслей въ разныя эпохи его жизни. Мы старались сообщить этому отдѣлу всю полноту, какая только была возможна, и прилагаемъ много статей, не вошедшихъ въ составъ посмертнаго изданія сочиненій Пушкина 1838 — 41 г. Таковы *двѣ* статьи изъ Московскаго Телеграфа 1825 г., *четыре* изъ Литературной Газеты 1830 г., *одна* изъ Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду 1833 г. и *пять* изъ Современника 1836 г. Со всѣмъ тѣмъ въ отдѣлъ этотъ не вошли еще *двѣ* статьи изъ журнала «Телескопъ 1831 г.» (№№ 13 14), *двѣ* изъ «Литературной Газеты 1830 г.» и *одна* изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ на 1830 г.», такъ какъ онѣ уже относятся къ спорамъ того времени, къ отраженіямъ нападковъ и полемикѣ — что и было поводомъ къ исключенію ихъ изъ посмертнаго изданія 1838—41 г.

lib.pushkinskijdom.ru

А) Къ статьямъ: 1) О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова. 2) О г-жѣ Сталь и о г. А. М—вѣ.

(Изъ «Московскаго Телеграфа» 1825 года.)

Двѣ статьи 1825 года, здѣсь прилагаемыя, принадлежатъ Пушкину и напечатаны были первая: *О предисловіи г. Лемонте къ баснямъ Крылова*, въ «Московскомъ Телеграфѣ 1825 г.», часть 5, № XVII, за подписью Н. К. (анагр. послѣднихъ словъ фамиліи Пушкинъ) и съ помѣткой: 12 Августа; вторая: *О г-жѣ Сталь и о г. А. М—вѣ* въ «Московскомъ Телеграфѣ 1825 г.», часть 3, № XII, за подписью Ст. Ар. (старый Арзамасецъ) и съ помѣткой 9 Іюня 1825 г. Въ самихъ статьяхъ указываются литературныя явленія, подавшія поводъ къ сочиненію ихъ. Для бо́льшей ясности прибавимъ слѣдующія поясненія: статьей о г-жѣ Сталь Пушкинъ возражалъ на замѣтки г. А. Муханова, которыя были напечатаны въ «Сынѣ Отечества» 1825 г. часть 101, № 100; во второй статьѣ разбиралъ переводъ предисловія Лемонте, который былъ напечатанъ тоже въ «Сынѣ Отечества» 1825 г., часть 102, и еще съ примѣчаніями переводчика. Рѣшаемся здѣсь напомнить читателю, что это предисловіе французскаго критика, вмѣстѣ съ другимъ — Итальянца Сальфи, украшало столь извѣстный переводъ басенъ Крылова, сдѣланный въ Парижѣ (1825 г.), подъ руководствомъ графа Орлова, 89 французскими и итальянскими литераторами, собранными имъ для этого труда. Статья Пушкина о предисловіи Лемонте выражаетъ взглядъ нашего поэта на отношеніе Русскаго языка и Русской Словесности къ обществу. Вотъ оглавленіе знаменитаго изданія гр. Орлова: Fables russes tirées du recueil de M. Kriloff et imitées en vers français et italiens, par divers auteurs; précédées d'une Introduction française de M. Lémonthey, et d'une Préface italienne de M. Salfi; publiées par M. le comte Orloff. Paris 1825, 2 T. in 8°. LXI, 245, 378.

В) Къ статьямъ изъ «Литературной Газеты» 1830 года.

А. С. Пушкинъ весьма много писалъ для газеты, издававшейся однимъ изъ самыхъ близкихъ ему людей, но бо́льшая часть статей этихъ не сохранилась въ черновыхъ бумагахъ и такимъ образомъ не можетъ быть признана за нимъ съ достовѣрностію, хотя въ нѣкоторыхъ, преимущественно мелкихъ критическихъ замѣткахъ, рука его чувствуется довольно ясно. Такими замѣтками исполнены №№ 1, 3, 10, 20 газеты. Двѣ жаркія замѣтки на объявленія о выходѣ записокъ Самсона (№ 5, 1830 г.) и Записокъ Видока (№ 20, 1830 г.), уже несомнѣнно принадлежащія Пушкину, были исключены изъ посмертнаго изданія еще въ 1838 г. Такимъ образомъ вслѣдъ

lib.pushkinskijdom.ru

за разборомъ Юрія Милославскаго (№ 5) мы прилагаемъ изъ Литературной Газеты 1830 г. только три мелкихъ статьи: Замѣчаніе на вновь отысканную сцену изъ Фонъ-Визина (№ 7) и два объявленія по случаю выхода Иліады, въ переводѣ Н. И. Гнѣдича (№№ 2 и 12). Послѣднее — подписанное всѣмъ именемъ: Александръ Пушкинъ сообщаетъ благородную черту въ отношеніяхъ Н. И. Гнѣдича и барона Дельвига. Послѣдній съ восторгомъ отозвался о появленіи Иліады Гнѣдича, уже не будучи съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ, нарушенныхъ Гнѣдичемъ, какъ говорятъ, за помѣщеніе въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 г. отрывка изъ Иліады, по переводу В. А. Жуковскаго.

C) Къ статьѣ: О сочиненіяхъ П. А. Катенина.

(Изъ «Литер. Приб къ Рус. Инвалиду» 1830.)

Статья эта, пропущенная посмертнымъ изданіемъ 1838 — 41 г., была напечатана въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду 1833 г., № 26, за подписью: А. Пушкинъ, и съ помѣткой: 14 Марта 1833 г. Замѣтимъ въ ней синтаксическую ошибку. Въ фразѣ: «Гнѣдичь взялся высказать ея мнѣнія»,— мѣстоимѣніе *ея* ни къ чему не относится Недосмотръ, можетъ быть, послѣдовавшій отъ редакціи газеты.

D) Къ статьямъ изъ «Современника» 1836 года.

Мы уже замѣтили въ «Матеріалахъ для біографіи», что многія изъ статей Современника, не принадлежащихъ Пушкину, носятъ однакожъ слѣды его поправокъ. Вѣроятно, эти неизбѣжныя условія всякой редакціи относятся и къ запискамъ Н. А. Дуровой, которыя даже вышли подъ его покровительствомъ. Въ Современникѣ послѣ заглавія къ нимъ присоединены были слова: «издаваемыя А. Пушкинымъ», и за тѣмъ еще являлось предисловіе, написанное имъ же: (Современникъ 1836 г., томъ III).

«Modo vir, modo foemina.»

«Въ 1808 году молодой мальчикъ, по имени Александровъ, вступилъ рядовымъ въ Конно-Польскій Уланскій полкъ, отличился, получилъ за храбрость солдатскій Георгіевскій крестъ и въ томъ же году произведенъ былъ въ офицеры въ Маріупольскій Гусарскій полкъ. Въ послѣдствіи перешелъ онъ въ Литовскій Уланскій и продолжалъ свою службу столь же ревностно, какъ и началъ.

«По видимому все это въ порядкѣ вещей и довольно обыкновенно; однако же это самое надѣлало много шуму, породило много толковъ и произвело сильное впечатлѣніе, отъ одного нечаянно открывшагося обстоятельства. Корнетъ Александровъ былъ дѣвица Надежда Дурова. Какія причины заставили молодую дѣвушку хорошей дво-

lib.pushkinskijdom.ru

рянской фамиліи, оставить отеческій домъ, отречься отъ своего пола, принять на себя трудъ и обязанности, которыя пугаютъ и мущинъ, и явиться на полѣ сраженій — и какихъ еще? Наполеоновскихъ! Что побудило ее? Тайныя, семейныя огорченія? Воспаленное воображеніе? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?... Вотъ вопросы, нынѣ забытые, но которые въ то время сильно занимали общество.

«Нынѣ Н. А. Дурова сама разрѣшаетъ свою тайну. Удостоенные ея довѣренности, мы будемъ издателями ея любопытныхъ записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признаніе женщины, столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Андреевна позволила намъ украсить страницы Современника, отрывками изъ журнала, веденнаго ею въ 1812—13 году.

Съ глубочайшею благодарностію спѣшимъ воспользоваться ея позволеніемъ. Изд.».

Нѣчто въ родѣ подобнаго же объясненія составилъ самъ Пушкинъ и для другой статьи своего журнала, именно для статьи: «Парижъ (Хроника Русскаго)», принадлежавшей покойному А. И. Тургеневу (см. Современникъ 1836 года, томъ I, и Современникъ 1836 г., томъ IV). Но напечатаніи перваго отдѣла статьи, или, лучше, записокъ А. И. Тургенева, Пушкинъ во второмъ томѣ «Современника» написалъ такое объясненіе: «Отъ Редакціи.» «Для очистки совѣсти нашей и для предупрежденія всѣхъ возможныхъ толковъ и недоразумѣній вольныхъ и невольныхъ, почитаемъ обязанностью сознаться, что напечатаніе въ первой книжкѣ журнала нашего *Хроники Русскаго въ Парижѣ* есть не что иное, какъ слѣдствіе нашей неосмотрительности, что сіи отрывки изъ дружескихъ писемъ, или лучше сказать домашняго журнала, никогда не были предназначены къ печати, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены публикѣ. Глубокомысліе, остроуміе, вѣрность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полнаго жизни и движенія, которыя вездѣ пробиваются сквозь небрежность и бѣглость выраженія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, чего можно было бы ожидать отъ пера, писавшаго такимъ образомъ *про себя*, когда слѣдовало бы ему писать про другихъ. Мы имѣли случай стороною подслушать этотъ aparte, подсмотрѣть ея ежедневныя, ежеминутныя отмѣтки, и поторопились, какъ водится нынѣ въ эпоху разоблаченія всѣхъ тайнъ, подѣлиться удовольствіемъ и свѣжими современными новинками съ читателями Современника». Окончаніе статьи съ возраженіемъ на критики, какимъ подверглась Хроника за небрежность своего языка, находится у насъ въ «Матеріалахъ для біографіи поэта».

Отсылаемъ читателя къ тѣмъ же біографическимъ матеріаламъ и для другихъ подробностей о Современникѣ 1836 г.; скажемъ здѣсь, что

lib.pushkinskijdom.ru

посмертное изданіе 1838—41 напечатало только три статьи Пушкина изъ журнала именно: 1) Разборъ собранія сочиненій Георгія Конисскаго (томъ I, Современникъ 1836 г.), 2) Джонъ Теннеръ (томъ III, Современникъ 1836 г.) 3), Вольтеръ (тамъ же), и пропустило пять другихъ, именно: 1) Россійская Академія (томъ III, Современникъ 1836 г.), 2) О мнѣніи М. А. Лобанова (томъ III, Современникъ 1836 г.), 3) Оракійскія элегіи (тамъ же), 4 и 5) О выходѣ книгъ: Объ обязанностяхъ человѣка, соч. Фенелона. Словарь о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви (тамъ же). За исключеніемъ одной, мы собрали ихъ всѣ вмѣстѣ, и считаемъ обязанностію замѣтить, что въ статьѣ о Конисскомъ сохранили правописаніе посмертнаго изданія въ словахъ *Iезуиты*, Уніяты, вмѣсто Пушкинскихъ *Eзуиты*, Уніаты, а въ статьѣ Джонъ Теннеръ точно также вмѣсто Пушкинскаго Индійцы — оставили Индьйцы. Прибавимъ, что въ первой статьѣ замѣчаніе автора о неимѣніи исторіи Малороссіи Конисскаго уже сдѣлалось невѣрно: Исторія Руссовъ знаменитаго проповѣдника издана вполнѣ въ 1846 г. Вторая статья—«Джонъ Теннеръ», отличающаяся превосходнымъ изложеніемъ и не потерявшая занимательности своей до сего дня, въ «Современникѣ» подписана была: «The Reviewer» — техническое слово, обозначающее въ Англіи составителей статей для тамошнихъ обозрѣній. Наконецъ третья статья, данная посмертнымъ изданіемъ — «Вольтеръ», исправлена нами по тексту Современника, и въ ней, (какъ, впрочемъ, и въ двухъ предшествующихъ статьяхъ) замѣщены пропуски и недосмотры упомянутаго изданія. Кстати замѣтить о двухъ опискахъ самого Пушкина въ статьѣ «о Вольтерѣ». Помѣстье де-Бросса носило имя Tournay, а не Tournoy, и извѣстная жертва французской юстиціи называлась Каласъ, а не Коласъ, какъ написалъ Пушкинъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ВЪ ПРОЗѢ.

А) ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. ЗАПИСКИ ПУШКИНА.

Стран.

I. Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ. 3
II. Остатки Записокъ (автобіографіи) Пушкина 7
III. Мысли и замѣчанія 15
IV. Критическія замѣтки 25
V. Анекдоты 44
VI. Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 г. . . 57
Примѣчанія къ первому отдѣлу 102

В) ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОВѢСТЕЙ И НЕДОКОНЧЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

I. Арапъ Петра Великаго (1827) 113
II. Лѣтопись села Горохина (1830) 147
III. Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина (1830).
Предисловіе 164
Выстрѣлъ 168
Метель 184
Гробовщикъ 195
Станціонный Смотритель. 203
Барышня-крестьянка 216
IV. Рославлевъ (1831) 236
V. Дубровскій (1832) 244
VI. Капитанская дочка (1833) 315
VII. Пиковая дама (1834) 427
VIII. Отрывокъ (1835) 455
IX. Египетскія ночи (1835) 459
X. Сцены изъ рыцарскихъ временъ 473

lib.pushkinskijdom.ru

ОТРЫВКИ И НЕКОНЧЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Стран.

I. Кирджали 494
II. «*Гости съѣзжались на дачу* ***» 502
III. «*На углу маленькой площади*» 507
IV. Старинныя русскія странности 510
V. «*Въ 179.. году возвращался я въ Лифляндію.*» 517
VI. Марія Шонингъ 519
Примѣчанія ко второму отдѣлу 525

C) ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ. ЖУРНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

1) Статьи, напечатанныя при жизни Пушкина въ разные года и въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

ИЗЪ МОСКОВСКАГО ТЕЛЕГРАФА 1825 ГОДА.

1. О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова 539
2. О г-жѣ Сталь о г. А. М—вѣ 544

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ 1830 ГОДА.

3. Объ выходѣ Иліады Гомера въ переводѣ Н. Гнѣдича . 547
4. Разборъ романа М. Н. Загоскина «Юрій Милославскій». —
5. Замѣтка на сцену изъ Фонъ-Визина: «Разговоръ у княгини Халдиной» 549
6. Объясненіе 550

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ 1833 ГОДА.

7. О сочиненіяхъ П. А. Катенина 551

ИЗЪ СОВРЕМЕННИКА 1836 ГОДА.

8. Разборъ собранія сочиненій Георгія Конискаго, Архіепископа Бѣлорусскаго, изд. протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ 554
9. Джонъ Теннеръ 571
10. Вольтеръ 605
11. Россійская Академія 613

О выходѣ книгъ:

12. «Объ обязанностяхъ человѣка», Сильвіо Пеллико . . . 519
13. «Словарь о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія мѣстно-чтимыхъ» 621
14. «Өракійскія Элегіи», стихотворенія Виктора Теплякова. 624
Примѣчанія къ третьему отдѣлу 632

lib.pushkinskijdom.ru